

25 ЛЕТ

Свято-Тихоновский
Университет

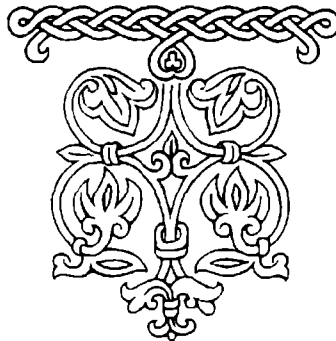

МАТЕРИАЛЫ
ПО НОВЕЙШЕЙ
ИСТОРИИ
РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ

Редакционная коллегия:

протоиерей Владимир Воробьёв
(главный редактор)

протоиерей Александр Салтыков
священник Александр Щелкачёв

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Священник А. Мазырин,
А. А. Кострюков

Из истории взаимоотношений
Русской и Константинопольской
Церквей в XX веке

Москва
Издательство ПСТГУ
2017

УДК 27-9
ББК 86.372
М13

Научные редакторы:
протоиерей Владимир Воробьёв
(главный редактор)
священник Павел Ермилов
И. И. Ковалева

Рецензенты:
д-р ист. наук, проф. С. Л. Фирсов (СПбГУ)
д-р ист. наук В. И. Косик (Институт славяноведения РАН)

Мазырин А., свящ.

М13 Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке / священник А. Мазырин, А. А. Кострюков. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. — 376 с. + вкл. — (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви / Редкол.: прот. В. Воробьёв (гл. ред.) и др.).

ISBN 978-5-7429-1088-6

В предлагаемой читателю книге рассматриваются проблемные стороны взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX в., в частности поддержка Вселенской Патриархией обновленческого раскола в России в 1920–1930-е гг., простиравшаяся вплоть до евхаристического общения ее официального представителя в Москве с безблагодатным псевдоцерковным сообществом. Канонические нарушения Константинополя, совершенные из соображений политической конъюнктуры, привели к фактическому разрыву с ним Московской Патриархии и оттолкнули от него Русскую Зарубежную Церковь, несмотря на то что ее тогда возглавлял большой почитатель Вселенского Престола митрополит Антоний (Храповицкий). В дальнейшем в связи с ликвидацией обновленческого раскола каноническое общение Москвы и Фанара восстановилось, но бывший авторитет греческих Патриархов в России оказался основательно подорванным.

УДК 27-9
ББК 86.372

ISBN 978-5-7429-1088-6

© Мазырин А. В.,
Кострюков А. А., 2017
© Издательство Православного
Свято-Тихоновского гуманитарного
университета, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов 7

Священник Александр Мазырин

Фанар и обновленчество против Русской Православной Церкви

- Глава 1.* «Братская помощь и любовь маститых Святейших Патриархов Востока» или «всё, вплоть до низложения Тихона». Колебания Константинопольской Патриархии в русском церковном вопросе: от Патриарха Германа V к Патриарху Мелетию IV 11
- Глава 2.* «Верю, что Правительство СССР не сочтет для себя невозможным уделить из своих богатств...» Патриарх Григорий VII и обновленческий раскол 59
- Глава 3.* «Ваше высокопреосвященство, митрополит кир Евдоким, возлюбленный во святом духе брат и сослужитель нашей мерности». Укрепление связей фанариотов и обновленцев при Патриархе Константине VI 84
- Глава 4.* «Заочно с Вами». Патриарх Василий III как покровитель обновленческого раскола 109
- Глава 5.* «Говорить о разрыве или сохранении общения с Константинополем по меньшей мере поздно». Продолжение канонических бесчинств Патриархом Фотием II 194
- Глава 6.* «Со священным умилением мы прочли об избрании Патриарха Москвы и всея Руси». Конец обновленческого раскола и возобновление общения Московской и Константинопольской Патриархий в годы Второй мировой войны 233

А. А. Кострюков

Русское церковное зарубежье и Вселенский Престол

- Глава 1.* С надеждой на помощь. ВЦУ Юга России и Константинополь 249
- Глава 2.* «За преданность — предательство». Русская Зарубежная Церковь и Константинополь в 1920—1926 гг. 255
- Глава 3.* «Поражу пастыря, и рассеются овцы» (Мк. 14. 27). Русская эмиграция и Константинополь в 1926—1939 гг. 298

<i>Глава 4.</i> Курс на Фанар. Константинопольская Патриархия и Русский экзархат в Западной Европе в послевоенные годы	313
<i>Глава 5.</i> По завету святителя Тихона. Вселенский Престол и Североамериканская митрополия	327
<i>Глава 6.</i> Super omnia veritas! Русская Зарубежная Церковь и Константинополь в годы Второй мировой войны и в послевоенные годы	338
Именной указатель.	362

ОТ АВТОРОВ

Предлагаемая читателям книга состоит из двух очерков, посвященных проблемам взаимоотношений Московского и Константинопольского Патриархатов в XX в.

В первом очерке, написанном профессором ПСТГУ, доктором церковной истории священником Александром Мазыриным, рассматриваются попытки Вселенского Престола по-своему «урегулировать» российские церковные дела после революции 1917 г. Главным образом греческое вмешательство осуществлялось через поддержку обновленческого раскола в Русской Церкви, что не могло не привести к резкому обострению взаимоотношений Константинопольской и Московской Патриархий вплоть до фактического разрыва между ними. Лишь после ликвидации обновленческого раскола в последние годы Второй мировой войны взаимоотношения двух Патриархатов внешне были нормализованы.

Второй очерк принадлежит ведущему научному сотруднику ПСТГУ доктору исторических наук Андрею Александровичу Кострюкову. Очерк посвящен проблемам взаимоотношений Вселенского Престола с Русским церковным зарубежьем. Если поначалу Русская Православная Церковь Заграницей (РПЦЗ) поддерживала Вселенский Престол, то в 1924 г. она изменила свою позицию по причине признания им обновленческого раскола. Наладившиеся в 1940-е гг. связи сменились новым похолоданием в 1960-е гг., когда Патриарх Афинагор начал политику сближения с римо-католиками. В очерке затронуты взаимоотношения Вселенского Престола с Русским Западноевропейским экзархатом и Североамериканской митрополией.

Авторы постарались изложить материал так, чтобы их очерки минимально дублировали друг друга, хотя, конечно, некоторые важнейшие сюжеты общецерковного значения фигурируют в обеих частях (такие, как подготовка «Вселенского Собора», идея которого постоянно и настойчиво звучала в выступлениях и документах Константинопольской Патриархии с начала 1920-х гг.).

Авторы выражают глубокую благодарность своим наставникам и коллегам, оказавшим им неоценимую помощь в подготовке этого труда. В первую оче-

редь они сердечно благодарят Ректора ПСТГУ протоиерея Владимира Воробьева и заведующего кафедрой церковной истории ПСТГУ священника Александра Шелкачева. Огромную помощь в поиске и переводе грекоязычных источников авторам оказал преподаватель Богословского факультета ПСТГУ священник Павел Ермилов.

Значительный вклад в работу над предлагаемыми очерками внесли сотрудники авторов по отделу новейшей истории Русской Православной Церкви ПСТГУ. Особенно хочется поблагодарить Ирину Ивановну Ковалеву, Ольгу Владимировну Косик, Наталию Александровну Кривошееву и Лидию Борисовну Милякову за помощь в поисках архивных документов и ценные советы при написании очерков. Отдельная благодарность Нине Павловне Зиминной, при активном участии которой была сформирована коллекция таких важных источников, как копии обновленческой периодики 1920-х гг.

Также авторы не могут не выразить благодарности за содействие в архивном поиске старшему научному сотруднику ИВИ РАН Алексею Львовичу Беглову, директору Музея русского искусства в Миннеаполисе протоиерею Владимиру Цурикову и преподавателю Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле диакону Андрею Псареву.

Священник Александр Мазырин

**Фанар и обновленчество против
Русской Православной Церкви**

Глава 1

«Братская помощь и любовь маститых Святейших Патриархов Востока» или «всё, вплоть до низложения Тихона». Колебания Константинопольской Патриархии в русском церковном вопросе: от Патриарха Германа V к Патриарху Мелетию IV

Одним из наиболее драматичных периодов в многовековой истории взаимоотношений Константинопольской и Русской Церквей стали 20–30-е гг. XX века — время, озаглавленное для православных как внешними гонениями, так и внутренними нестроениями. Московский Патриархат не вмешивался в проблемы греков (такие как конфликт ново- и старостильников, турецко-православное движение и др.), в то время как Фанар¹ пытался активно влиять на ход церковных дел и в России (СССР), и в русском зарубежье. Наиболее ярко это проявилось в связи с возникновением инспирированного советской властью обновленческого раскола в Русской Православной Церкви. Действия Вселенской Патриархии в пользу раскольников усугубили и без того предельно трудное положение Церкви в России. Нельзя сказать, что эти малоприятные страницы истории были полностью преданы забвению Русской Церковью², но

¹ Фанар — район Стамбула, в котором находится Константинопольская Патриархия и по названию которого она неофициально именуется.

² Ряд полемических статей, в которых помимо прочего бегло критиковалась и позиция Фанара в отношении обновленцев, были опубликованы в «ЖМП» на рубеже 1940–1950-х гг. (см., например: *Серафим [Лукьянов], митр.* Без канонов // Журнал Московской Патриархии. 1949. № 6. С. 34–39; *Троицкий С. В.* Будем вместе бороться с опасностью // Журнал Московской Патриархии. 1950. № 2. С. 36–51; *Буевский А.* Патриарх Константинопольский Григорий VII и Русская Православная Церковь // Журнал Московской Патриархии. 1953. № 4. С. 33–38). В определении Священного Синода Московского Патриархата от 18 ноября 1976 г. фигурировала «Справка о протестах предстоятелей Русской Православной Церкви в связи с антиканоническими действиями и притязаниями на ее права и территорию со стороны Константинопольского Патриархата», в первом пункте которой упоминался протест Святейшего Патриарха Тихона «против вмешательства во внутреннюю жизнь Русской Православной Церкви со стороны Константинопольской Патриархии активной поддержкой обновленческого раскола» (Определения Священного Синода // Журнал Московской Патриархии. 1977. № 1. С. 8).

надлежащий счет Фанару за его каноническое бесчинство предъявлен не был. Между тем современная ситуация с церковными расколами (на Украине прежде всего) и притязаниями Фанара на первенство не только чести, но и власти в православном мире требует это сделать. Нужно хорошо представлять, с кем приходится иметь дело. В этом плане события 1920–1930-х гг. весьма поучительны.

Заметную роль в негативном развитии греко-русских церковных отношений в рассматриваемый период сыграли те, кто призван был обеспечивать связь Патриархатов, а именно — два деятеля по фамилии Димопуло(с)³ — дядя и племянник, архимандриты Иаков и Василий, последовательно осуществлявшие официальное представительство Фанара в России на протяжении трех десятилетий. Ко времени революционных потрясений 1917 г. настоятель подворья Константинопольской Патриархии в Москве архимандрит Иаков (1853–1924) был уже старожиллом церковно-дипломатического корпуса: свой пост он занимал с 1894 г. Он был афонским постриженником (в монастырь пришел в 16 лет) и по этой причине в греческих источниках обычно именовался Ватопедцем (Βατοπεδινός). Богословское образование Димопуло-старший получил в известной школе на острове Халки близ Константинополя, где обучался в 1870-е гг., будучи иеродиаконом. Перед отъездом в Москву он исполнял обязанности проигумена (наместника) Ватопедского монастыря и архиграмматевса (главного секретаря) кинота Святой горы. В официальной греческой историографии он восторженно именуется «корифеем игуменов метохии», а время его настоятельства — высшим расцветом (ἀκμή) Константинопольского подворья в Москве⁴.

Само представительство в Москве было организовано по просьбе Константинопольской Патриархии в 1881 г. Ему был передан храм преподобного Сергия, по имени которого оно именовалось «Сергиевским». Здание миссии по адресу Крапивенский переулоч, д. 4 использовалось греками не только в представительских целях, но и как доходный дом. Главными интересами представителя Вселенского Престола в России были вопросы церковно-политические и денежные⁵. Финансово-дипломатической деятельностью архимандрита Иакова его Патриархия была довольна, о чем свидетельствует полученное им с Фанара в 1904 г. извещение о решении возвести его в архиерейское достоинство с сохранением местопребывания в Москве. Патриарх Иоаким III, поздравляя архимандрита Иакова с избранием, спрашивал, где лучше совершить его хиротонию: в Москве или в Константинополе. Но тот ответил телеграммой: «Выражаю глубочайшую благодарность Вашему достопоклоняемому Всесвятейшему и Святому Синоду за оказанную ко мне благосклонность Матери Церкви. Испрашиваю

³ Δημόπουλος, в русских источниках фамилия обычно приводится без окончания.

⁴ См.: Καλαϊτζής Χρ., διάκ. Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ «Ὁ ἅγιος Σέργιος» καί οἱ ἡγούμενοι αὐτοῦ (1881–1936). Γενεύη, Κατερίνη, 1991. Σ. 275.

⁵ См.: Герд Л. А. Константинопольский патриархат и Россия. 1901–1914. М., 2012. С. 116, 125.

прошения, не желая архиерейства и не будучи в силах принять возведение в архиерейское достоинство»⁶. Опубликовавший этот документ современный фанариот объяснил отказ архимандрита Иакова его пониманием того, что как архиерей он едва ли сможет остаться представителем Константинопольской Патриархии в России, и опасением последующего отзыва назад в Турцию.

Иакову Ватопедцу действительно было что терять в Москве. В 1913 г. он составил завешание, в котором перечислил свое имущество и указал наследников. Помимо хранившихся в Национальном банке Греции в Афинах сбережений в 10 тыс. российских рублей (в его собственном пересчете), нажитых им за время служения на Афоне, такую же сумму ему удалось скопить и за годы представительства в Москве (рубель содержал тогда 0,774 г золота). Из своего двадцатитысячного капитала 8500 руб. он завещал передать на Афон, 1500 руб. — в храм при подворье на помин своей души, часть — отдельным лицам и на благотворительность. 3 тыс. руб. и оставшиеся нераспределенными средства полагались его сослужителю-племяннику (почему-то названному в документе двоюродным братом) иеромонаху Василию (Димопуло). 2 тыс. руб. архимандрит Иаков завещал на свои похороны⁷. Бедой для него, однако, стало то, что свои московские сбережения он держал в различных российских ценных бумагах, которые к 1917 г. сильно потеряли в стоимости, а потом, при большевиках, и вовсе превратились в ничто. Но такие и еще большие утраты тогда постигли многих состоятельных людей.

Эпохальным событием новейшей церковной истории стал открывшийся в Москве в августе 1917 г. Всероссийский Собор. Согласно «Положению о созыве Поместного Собора Православной Российской Церкви» представителям Восточных Патриархов и других Православных Автокефальных Церквей в нем предоставлялось полноправное членство. Однако греки почему-то манкировали Московским Собором. Может быть, их задело то, что представители Восточных Патриархатов были упомянуты лишь в последнем, 97-м параграфе «Положения»⁸. Нельзя забывать и о том, что шла Первая мировая война, в которой Вселенская Патриархия занимала ярко выраженную протурецкую и антирусскую позицию⁹. Членами Всероссийского Собора от братских Церквей стали только епископ Гушский Никодим (будущий Румынский Патриарх) и сербский архимандрит Михаил (Урошевич)¹⁰. Почти

⁶ *Καλαϊτζῆς Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμηνικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 306.

⁷ *Αὐτόθι.* Σ. 292–296.

⁸ См.: Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 1. М., 1994. С. 18. (1-я пагинация). (Репр. изд.: Пг., 1918.)

⁹ См.: *Шкаровский М. В.* Константинопольский Патриархат и Русская Православная Церковь в первой половине XX века. М., 2014. С. 18–19.

¹⁰ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 1. С. 117. (1-я пагинация).

два дня в начале работы Собора заняло заслушивание многочисленных приветствий: от Временного правительства, от Святейшего Синода, от армии и флота, от единоверцев, от Галицийской Церкви, от «мелких» народов Поволжья, от Московского биржевого общества, от Американской Епископальной Церкви и др. Приветствия от Церкви, именующей себя Матерью Русской Церкви, среди них не оказалось (впрочем, как и от других автокефальных Православных Церквей)¹¹.

Позднее, в письме своему Патриарху Герману V от 24 апреля 1918 г., архимандрит Иаков писал: «Чаянием священного Поместного Собора было присутствие на нем на протяжении всей его работы и особых представителей прочих Православных Церквей, и поэтому, как известно, они были приглашены, однако, к сожалению, по причине войны прибытие таковых представителей, не считая Сербской Церкви, оказалось неосуществимым». В то же время он сообщал Константинопольскому Патриарху, что «присутствовал на церемонии открытия работ Поместного Собора и на нескольких первых его заседаниях»¹². Деяния Собора, правда, не отразили этого факта. Война войной, но коль скоро архимандрит Иаков уже был на открытии Собора в Москве, объяснить то, что он, вопреки приглашению, не стал его членом, можно только отсутствием соответствующей санкции Вселенской Патриархии. Тем не менее в ноябре 1917 г., на интронизации Святейшего Патриарха Тихона, архимандрит Иаков появился и произнес пышную речь. «Мы, скромные представители святейших Церквей Востока, с которого воссиял спасительный свет Христовой веры, преисполнены радости от того, что на нашу долю выпало редкое счастье лично присутствовать и быть, так сказать, свидетелями великого события <...>. Ты будешь иметь... братскую помощь и любовь маститых Святейших Патриархов Востока», — торжественно обещал тогда Патриарху Тихону греческий архимандрит¹³. Как показали последующие события, обещания Димопуло немного стоили. Вселенский Престол руководствовался в своей российской политике не столько межцерковной солидарностью, сколько собственными прагматическими интересами.

Так получилось, что свою известительную, или, как она была надписана, общительную (интронизационную), грамоту святитель Тихон направил Патриарху Герману и другим Предстоятелям Православных Поместных Церквей почти через полгода после своего избрания, а именно 22 апреля 1918 г. Задержка, видимо, объяснялась тем, что к известительному посланию прилагалась Уложенная грамота о восстановлении патриаршества в Православной Российской Церкви, составить которую Поместный Собор поручил профессору И. И. Со-

¹¹ См.: Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 1. С. 29–54. (2-я пагинация).

¹² *Καλαϊτῆς Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμηνικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 601.

¹³ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 4. М., 1996. С. 65–67. (2-я пагинация). (Репр. изд.: Пг., 1918.)

колову — известному эллинофилу¹⁴ (руководствуясь именно его докладом, заседавший в июне 1917 г. Предсоборный Совет признал весьма желательным участие в предстоящем Всероссийском Соборе представителей Восточных Патриархов с правом решающего голоса¹⁵). Профессор Соколов подошел к соборному поручению с академической основательностью и о его исполнении доложил лишь 18 апреля¹⁶. Собор одобрил его проект, после чего появилась и интронизационная грамота Патриарха Тихона.

«Среди тяжких испытаний, которые Божественный Промысл ниспослал святым Божиим Церквам и православным державам, в скорбную годину великих столкновений христианских народов на поле мировой брани и в разгар опасных внутренних потрясений в пределах нашего Отечества Господь совершил Свое промыслительное попечение о Православной Российской Церкви и явил новую милость благочестивому ее народу», — начинал свое послание Патриарх Тихон. Далее он кратко описывал деятельность Поместного Собора в Москве, делая акцент на обсуждении «вопроса о восстановлении в Российской Церкви патриаршего правления, которое существовало на святой Руси в прежнее время, восприяв свое начало от Великой Христовой Церкви Константинопольской». Святейший Тихон напоминал, что «по силе соборных деяний Великой Константинопольской Церкви, священный престол благочестивого града Москвы был и именовался престолом патриаршим, и сему патриаршему престолу подчинялась вся поместная Российская Церковь, а патриарх Московский и всея России занимал в священной пентаде восточных патриархов место после блаженнейшего патриарха Иерусалимского, <...> а равно был, признавался и назывался братом православных патриархов, сочинным и сопредстольным и равночестным с ними по сану и достоинству». Все эти напоминания были необходимы, чтобы на Востоке не возникло желания изобразить, будто бы Московское патриаршество требует нового утверждения. Святитель Тихон писал Патриарху Герману, что почитает долгом известить его о своем вступлении на Всероссийский Патриарший Престол, и просил «первенствующего по чести первоиерарха всего Православного Востока» принять его «в каноническое

¹⁴ Профессор И. И. Соколов стал «главным идеологом филэллинского направления в первые годы XX в.» «Во всех спорных, касающихся национальных противоречий на Балканах или в Палестине, Соколов неизменно вставал на точку зрения греков и Константинопольской патриархии. <...> Византийский идеал в его сознании не допускал полутонов, а стремление к осуществлению этого идеала зачастую заставляло не только замалчивать, но и искажать очевидные исторические факты» (*Герд Л. А.* Константинопольский патриархат и Россия. 1901–1914. С. 51, 53).

¹⁵ См.: Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 1: Предсоборная работа 1917 года. Акты, определявшие порядок созыва и проведения Собора. М., 2012. Кн. 1. С. 242–243.

¹⁶ См.: Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 9. М., 2000. С. 111.

братское общение и молитвенное единение с Великою Христовою Константинопольскою Церковью»¹⁷.

28 мая 1918 г. Патриарх Тихон обратился к Патриарху Герману еще с одним посланием — о воздвигнутых на Церковь в России гонениях. «В тесноте своей, — писал он, — обращаем духовные взоры наши к Великой Константинопольской Церкви и просим, чтобы присоединила Она молитвы Свои Великодаровитому Богу нашему к молитвам Церкви Российской, да послужит ниспосылаемое нам “огненное искушение” на то, чтобы очистились в нем пастыри и пасомые от греха лености и от греха неведения, и да сподобится Российская Церковь улучить лето Господне приятно, узреть сокрушенных сердцем исцеление, пленных освобождение, слепых прозрение»¹⁸.

Гонения, обрушившиеся тогда на Русскую Церковь, были беспрецедентными по своему масштабу и ожесточенности. 25 октября (по старому стилю) 1917 г. большевики захватили власть в Петрограде, а уже 31 октября в Царском Селе красногвардейцами был расстрелян протоиерей Иоанн Кочуров — первый по времени новомученик Русской Церкви. 25 января 1918 г. в Киеве был убит старейший иерарх Русской Православной Церкви, почетный председатель Поместного Собора, митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский). Всего за 1918–1921 гг. было казнено более 20 православных архиереев — примерно каждый седьмой. Общее же число жертв среди духовенства, монашествующих и активных мирян за эти годы оценивается историками от четырех до пятнадцати тысяч человек¹⁹. Хотя изданным в январе 1918 г. декретом Совнаркома об отделении Церкви от государства формально запрещались «какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести»²⁰, а в принятой летом того же года Конституции РСФСР было сказано, что «свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»²¹, реально ни о какой свободе совести при большевиках и помышлять было нельзя. VIII отдел Наркомата юстиции, который должен был проводить в жизнь декрет об отделении, имел говорящее на-

¹⁷ Общительная (интронизационная) грамота Его Святейшества, Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, Его Святейшеству, Святейшему Герману пятому, Архиепископу Константинополя, Нового Рима и Вселенскому Патриарху // Церковные ведомости. 1918. 15 (28) июня. № 21–22. С. 144–146.

¹⁸ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 133.

¹⁹ См.: *Леонов С. В.* Репрессии против Русской Православной Церкви в период Октябрьской революции: некоторые проблемы историографии // XXIII Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. М., 2013. С. 183.

²⁰ См.: *Гидулянов П. В.* Отделение церкви от государства в СССР: Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и других социальных республик. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1926. С. 615–616.

²¹ Там же. С. 21.

звание — «Ликвидационный». В программе Компартии, принятой в марте 1919 г., прямо было сказано, что «по отношению к религии РКП не удовлетворяется декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви». Свою цель РКП(б) видела в «полном отмирании религиозных предрассудков»²². Начальник VIII отдела НКЮ П. А. Красиков откровенно пояснял: «Мы, коммунисты, своей программой и всей своей политикой, выражающейся в советском законодательстве, намечаем единственный, в конечном счете, путь как религии, так и всем ее агентам: это путь в архив истории»²³. С конца 1918 г. в стране началась шумная кампания по вскрытию святых мощей. За два года было осуществлено 66 вскрытий²⁴. В июле 1920 г. Совнаркомом было принято постановление о «ликвидации мощей во всероссийском масштабе»²⁵. Уже в первые годы советской власти были закрыты все духовные школы (академии, семинарии, училища). Началось повсеместное закрытие монастырей. В декабре 1920 г. Красиков, выступая на очередном Всероссийском съезде советов, заявил: «VIII отдел поставил перед собой задачу полного уничтожения монастырей как рассадников паразитизма... К настоящему времени ликвидировано 673 монастыря»²⁶ (на 1914 г. Русская Церковь имела 953 монастыря²⁷).

Всё это лишь отдельные штрихи картины ниспосланного Церкви в России «огненного искушения». Когда Патриарх Тихон писал об этом Патриарху Герману, он еще мог надеяться на проявление духовной солидарности со стороны Константинополя. Но прошло немного времени, и Фанар в русских церковных делах фактически встал на сторону гонителей, а не гонимых. Впрочем, произошло это не при Патриархе Германе, который в октябре 1918 г. под давлением своих соплеменников, посчитавших его недостаточно активным в отстаивании греческих интересов, был вынужден отречься от Вселенского Престола.

Одним из последних деяний Германа V стало «признание восстановления Русского Патриархата» 6 сентября 1918 г.²⁸ Примечательно, что Фанар на этот шаг пошел с большой неохотой. По мнению Патриарха Германа и его Синода, вопрос о Московском патриаршестве следовало вынести на общий Собор после войны, а до того не отвечать на известительное послание Патриарха Тихона о его избрании и лишь передать слова сочувствия страждущей Рус-

²² Цит. по: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. М., 1954. С. 420–421.

²³ Красиков П. А. Кому это выгодно // Известия ВЦИК. 1919. 14 дек.

²⁴ См.: Кашеваров А. Н. Советская власть и судьбы мощей православных святых. СПб., 2013. С. 64.

²⁵ См.: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 60.

²⁶ Цит. по: Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 56.

²⁷ См.: Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 132.

²⁸ Ермилов П., диак. Константинопольская Православная Церковь [1908–1948 гг.] // Православная энциклопедия. Т. 37. М., 2015. С. 257.

ской Церкви частным образом через архимандрита Иакова. Однако Антиохийский и Иерусалимский Патриархи достаточно быстро ответили святителю Тихону именно как Патриарху, что поставило Фанар в несколько неудобное положение. 3 сентября 1918 г. на заседании Синода в Константинополе Герман V сообщил о позиции Иерусалимского Патриархата: поскольку речь идет о *восстановлении* ранее уже признанного патриаршества в Москве, а не о его установлении, оно не нуждается в повторном утверждении. Патриарх Герман предложил решение вопроса в «надлежащем каноническом порядке» отложить, а до того времени признать произошедший факт, учитывая те непростые обстоятельства, в которых находилась Русская Церковь. Константинопольский Синод принял это предложение, хотя, как замечает современный пропагандист гегемонии Фанара, «факт признания Московского Патриарха Патриархами Антиохийским и Иерусалимским не связывал действий Вселенского Патриархата, на которого был возложен долг сохранения канонических устоев»²⁹. В действительности «канонические устои» здесь ни при чем. Православная Российская Церковь оставалась в достоинстве Патриархата и при учрежденном Петром I Синоде, на что указывало именование его *Святейшим*. Скорость признания Патриарха Тихона фанариотами лишь выявляла степень их собственной (не)адекватности.

Поражение Турции в Мировой войне и надежды на скорое вытеснение ее из Константинополя и части Малой Азии резко усилили амбиции греков. Показательна серия программных статей проживавшего в Женеве греческого профессора Эммануила Лукараса, опубликованных в конце 1920 г. в официальных изданиях Константинопольского и Александрийского Патриархатов «Церковная Истина» и «Пантен» (по имени древнего основателя Александрийской богословской школы). Автор статей сетовал на «административную дезорганизацию» Православной Церкви, которая, в отличие от централизованной Католической Церкви, существует как бы «без головы». Особенно его печалило то, что такая «обезглавленность» православия препятствовала заключению унии с Англиканской Церковью, к которой греки весьма стремились («куда будут обращаться англикане по этому делу?» — восклицал он). Автор выражал убеждение, что православным необходимо «образовать единый центр, но не теоретический, а реальный»³⁰. Как нетрудно догадаться, таким центром, по мысли Лукараса и его единомышленников, мог быть только Константинополь, который «был и остается средством, через которое греческий род мог действовать, вдохновлять, влиять на миллионы людей ради как их блага, так и своего собственного». «Греческая нация будет счастлива и горда лицезреть, как [он] станет наконец центром православия, а епископ его, возвышающийся над нациями и

²⁹ Καλαϊτῆς Χρ., *διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 607–608.

³⁰ Λουκαῖος Ἐ. Ἡ Κωνσταντινούπολις κέντρον Ὁρθοδοξίας // Ἑκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1920. 31 ὀκτ. Ἄρ. 43. Σ. 400.

племенами, станет видимым главой и общим связующим звеном всех православных федеративных Церквей», — писал Лукарас³¹. Разумеется, по его убеждению, этот «возвышающийся над нациями и племенами» епископ мог быть только греком. По поводу национальных автокефальных Церквей (в первую очередь Русской) Лукарас полагал, что «может иметь место пересмотр всех актов и издание канонических томосов в соответствии с национальным устройством православных народов, если таковые еще не были выданы ранее или же были выданы ошибочно или в спешке». После этого «необходимо будет учредить в Константинополе высший церковный совет, составляемый из представителей всех православных Церквей, патриарших и национальных», который «под председательством Вселенского Патриарха будет осуществлять надзор над всем православием». Лукарас не забыл и о том, что «должно и справедливо всем православным Церквам оказывать достойную материальную помощь этому всеправославному центру»³². Как видно, полет мысли греческих патриотов был весьма высоким, от русских же они ждали подчинения и, конечно же, «достойной материальной помощи». Никакого обоснования в православной экклезиологии и канонике эти планы по превращению Фанара в некий восточный Ватикан не имели. Встретить сочувствие у Российской Церкви они не могли, и только лишь резкое ослабление ее позиций давало грекам шанс на реализацию своих проектов.

Впрочем, сложностей в продвижении идей по возвышению Вселенского Престола хватало и без русских. Греческий мир тоже переживал бурные политические и, как следствие, церковные пертурбации. Возглавивший русское зарубежное духовенство митрополит Антоний (Храповицкий) весной 1921 г. описывал их Патриарху Тихону следующим образом: «Вселенский патриарх Герман уже около 3-х месяцев назад (видимо, здесь ошибка переписчика, правильно не *месяцев*, а *лет*. — *свящ. А. М.*) вышел за штат, а в декабре 1920 г. умер. Но синод до сего дня не избирал нового Патриарха, питая несбыточную надежду на предварительное политическое объединение Фракии с Элладой. Умер и местоблюститель престола Митр[ополит] Дорофей в Лондоне сею весной, а новый местоблюститель Николай, М[итрополит] Кесарийск[ий], обещал устроить избрание патриарха сею весной, но вот и лето наступает, а дело не двигается. Патриарх Иерусалимский (Дамиан. — *свящ. А. М.*), которого святогробские архиереи совсем было низложили, одолел их с помощью англичан, и теперь там, по-видимому, водворился мир. Митр[ополит] Афинский Мелетий низложен вместе с Венизелосом, и там снова прежний М[итрополит] Феоктист (опе-

³¹ Λουκαράς Έ. Σημασία εκλογής Οἰκουμενικοῦ Πατριάρχου // Πάνταϊνος. 1920. Σ. 31; Ὁμοσπονδία τῶν ὀρθοδόξων ἐκκλησιῶν // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1920. 14 νοεμ. Ἀρ. 45. Σ. 424.

³² Λουκαράς Έ. Ποῖον τὸ ρόλον τοῦ μέλλοντος Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1920. 21 νοεμ. Ἀρ. 46. Σ. 428–429.

чатка, правильно Феоклит. — *свящ. А. М.*)»³³. Другой видный русский зарубежный иерарх — архиепископ Анастасий (Грибановский) — в докладе о своей поездке в Палестину, направленном Патриарху Тихону осенью 1921 г., дополнительно сообщал, что Александрийский Патриарх Фотий находился вне общения с Патриархом Иерусалимским Дамианом, и замечал: «Он более, чем кто-либо, проникнут византийскими идеалами, ожившими ныне под влиянием греко-турецкой войны <...>. Притом он не может забыть, что мы дважды помешали ему в свое время быть Иерусалимским патриархом, к чему он стремится доньше»³⁴.

Неудивительно, что столь падкий на интриги Восток привлекал особое внимание разного рода авантюристов из охваченной Гражданской войной России, в первую очередь сепаратистов с ее национальных окраин. Они искали поддержки своим устремлениям у Фанара, который давал им понять, что готов действовать в их пользу. Так, с июня 1919 г. Константинопольской Патриархией велись переговоры с представителями правительства С. В. Петлюры об автокефалии Православной Церкви на Украине. Если верить петлюровским участникам этих переговоров, Местоблюстителю Патриаршего Престола митрополит Дорофей допускал возможность украинской автокефалии даже без согласия Русской Церкви, но отговаривался тем, что совершить такой акт нельзя, пока в Константинополе отсутствует собственный Патриарх³⁵. Переговоры греков с украинцами затянулись и после падения режима Петлюры потеряли актуальность. Через несколько лет ходатайства украинских деятелей об автокефалии перед Фанаром возобновились, и вновь не без обнадеживающих ответов с греческой стороны. Впрочем, к тому времени наиболее ретивые украинские националисты и без участия греков оформились в октябре 1921 г. в «Украинскую Автокефальную Церковь», причем с самопоставленной (пресвитерами, диаконами и мирянами) «иерархией», возглавил которую лжемитрополит Василь Липковский.

В ноябре 1921 г., не без скандалов и серьезных процессуальных нарушений, Константинопольская кафедра была наконец замещена, причем иерархом, стремившимся взяться за скорейшее проведение амбициозных греческих планов в жизнь. Вселенским Патриархом был провозглашен бывший архиепископ Афинский Мелетий (Метаксакис), пребывавший в тот момент «в изгнании» в Америке. Патриарх Тихон по этому поводу писал 30 января 1922 г. управляющему русскими западноевропейскими приходами митрополиту Евлогию (Георгиевскому): «Слышали, что избрали Константинопольского Кир Мелетия.

³³ Следственное дело Патриарха Тихона: Сб. док. по материалам ЦА ФСБ РФ. М., 2000. С. 681–682.

³⁴ Там же. С. 698–699.

³⁵ Подробнее см.: *Милякова Л. Б.* Вопрос о признании автокефалии Православной Церкви на Украине Константинопольским Патриархатом в период С. Петлюры // XVI Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ: В 2 т. М., 2006. Т. 1. С. 114–116.

А у нас в Киеве понаделали сами целую дюжину разных “Василев”³⁶. Упоминание этих событий в одном ряду, по-видимому, было допущено не случайно. Конечно, в отличие от киевских «Василев», Мелетий (Метаксакис) «самосвятом» не был, но законность его патриаршества вызывала сильные сомнения, и другие Восточные Патриархи отказывались его признавать, а Синод Элладской Церкви в декабре 1921 г. и вовсе изверг его из священного сана³⁷. Вероятно, по этой причине по поводу автокефалистского раскола на Украине Патриарх Тихон обратился 25 марта 1922 г. не к Мелетию, а к митрополиту Кесарийскому Николаю. Святитель Тихон кратко описал историю возникновения украинской самосвятской лжеиерархии и обратился к Константинополю за поддержкой: «Уповаем, что наши скорби и опасения будут разделены сочувствием Великой Константинопольской Церкви, в коей Российская Церковь всегда чтит и чтит свою древнюю, по духу, мать и руководительницу к совершенству церковного благоустроения». Патриарх Тихон обращался к митрополиту Николаю с просьбой: «Затрудняясь по обстоятельствам настоящего нашего положения сноситься с прочими Патриархами Восточными, смиренно просим Ваше Высокопреосвященство осведомить относительно церковных нестроений на Украине Блаженнейших Патриархов Александрийского Фотия, Антиохийского Григория и Иерусалимского Дамиана, и да изрекут они вместе с Вами слово осуждения новому раскольническому движению на Украине и кощунственной иерархии ее»³⁸.

Еще раньше, 1 августа 1921 г., Патриарх Тихон направил митрополиту Кесарийскому Николаю послание с просьбой обратиться от его имени ко всем братским православным Церквам и народам с призывом о материальной помощи голодающим в России (перевод послания был опубликован на страницах константинопольской «Церковной Истины»³⁹). В ответ на это 15 сентября 1921 г. Константинопольский Синод издал соответствующее воззвание, а также окружное послание с призывом устроить по всем епархиям Константинопольской Церкви тарелочный сбор в пользу голодающих в России⁴⁰. Воззвание возымело результат. Митрополит Антоний (Храповицкий) в марте 1922 г. писал архиепископу Рижскому Иоанну (Поммеру): «У меня скопилось около 500 000 динаров на р[усских] голодающих <...> Главная часть сего капитала прислана Патриархом Антиохийским Кир Григорием (60 000

³⁶ Переписка святителя Тихона Патриарха всероссийского и митрополита Евлогия (Георгиевского): 1921–1922 гг. / Публ. и предисл. Н. Ю. Лазаревой // Ученые записки РПУ. Вып. 6: Церковная история XX века и обновленческая смута. М., 2000. С. 109.

³⁷ См.: *Ермилов П., диак.* Константинопольская Православная Церковь // Православная энциклопедия. Т. 37. С. 259.

³⁸ Грамота Его Святейшества, Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России // Церковные ведомости. 1922. № 4. С. 3.

³⁹ Ἐπίσημα ἑγγραφα // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1921. 30 ὀκτ. Σ. 342–343.

⁴⁰ Εἰδήσεις // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1921. 25 σепт. Σ. 301–302.

франков)»⁴¹. Митрополит Антоний просил архиепископа Иоанна найти способ передать эту помощь Патриарху Тихону. Обращает на себя внимание то, что основным жертвователем был арабский Антиохийский Патриарх, от греков же поддержка поступала больше моральная, что, впрочем, в тот момент тоже было немаловажным.

Фанар тогда еще выражал должное уважение к Московскому Патриарху. Так, в редакционном обзоре событий церковной жизни 1921 г. в журнале Константинопольской Патриархии содержалась такая выразительная оценка: «Патриарх кир Тихон — поистине выдающийся христианский деятель, истинный апостол, противостоящий всему враждебному, всеми почитаемый за свой отеческий характер, за свою рассудительность и мужественное поведение <...> Он наставляет бесчинных и малодушных, ищет всегда только доброго. Можно сказать, что благодаря именно ему за минувший год русская Церковь как организация вернула себе что-то от былых времен, а сама патриархия восстановила свои силы, чтобы, сообразуясь с возможностями и обстоятельствами, возвращать на путь истинный и нести спасение, содействовать возведению храмов, устройению церковных дел, упорядочиванию общественной и образовательной жизни. <...> Будем надеяться, что всеблагодой и всемилостивый Бог в новом году ниспошлет мир бедствующему русскому народу и вразумит правителей, чтобы новая жизнь прочно и непоколебимо устроилась на началах справедливости. Надеемся и от всей души желаем “прошлых зол не сохранять память”»⁴².

5 мая (очевидно, по старому стилю) 1922 г. Константинопольская Патриархия выступила в защиту гонимых христиан Малой Азии и России⁴³. Это воззвание было затем опубликовано и в русской зарубежной прессе: «Патриарх Царьградский Мелетий с окружающим его Св. Синодом Митрополитов Вселенской Патриархии, находясь в печали ввиду положения христиан, достойного сожаления, с одной стороны, выражают свое живое соучастие Блаженнейшему Патриарху Тихону и всему клиру и народу этой церкви, моля Всемилоственного Бога, да Он не допустит “сверхсильных испытаний”, а с другой стороны, просят остальные сестры — Православные Церкви и вообще все Христовы Церкви всего мира, чтобы и они молились Господу в духе христианской взаимности за мучеников христиан в Азии и России и чтобы вызвали вмешательство своих правительств для окончания этого невыносимого состояния, которое представляет позор нашего века»⁴⁴. Копия этого меморандума 13 мая 1922 г. была

⁴¹ История в письмах: Из архива священномученика архиепископа Рижского Иоанна (Поммера): В 2 т. / Подгот. изд., предисл и коммент. Ю. Л. Сидякова. Тверь, 2015. Т. 2. С. 346.

⁴² Ἐκκλησιαστικὴ ἀνασκόπησις κατὰ τὸ 1921 // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1922. 15 ἰαν. Σ. 11.

⁴³ Ψήφισμα τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ὑπὲρ τῶν ἐν Ἀσίᾳ καὶ Ρωσίᾳ διωκομένων χριστιανῶν // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1922. 21 μαΐ. Σ. 209–210.

⁴⁴ Меморандум Вселенской Патриархии в защиту гонимых христиан в Азии и России // Церковные ведомости. 1923. № 5–6. С. 3.

отправлена Патриархом Мелетием митрополиту Антонию (Храповицкому) с просьбой сообщить о нем Патриарху Тихону с выражением «глубокой братской симпатии»⁴⁵.

Поддержка святителю Тихону и всей Русской Церкви тогда действительно была очень нужна. Пользуясь народным бедствием — голодом, который большевики же сами своей политикой «продразверстки» и спровоцировали, — они развернули новую массивированную антирелигиозную кампанию — изъятие церковных ценностей, якобы для спасения голодающих. В марте 1922 г. совсем уже больной Ленин писал (точнее, надиктовывал) в секретном письме членам Политбюро РКП(б): «Изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»⁴⁶. О помощи голодающим в ленинском письме не было ни слова: кампания была направлена не на спасение их от голода, а на уничтожение Церкви.

Одновременно с этим большевиками была начата подготовка обновленческого переворота в Русской Церкви. Главным теоретиком и практиком этого предприятия выступил председатель Реввоенсовета Л. Д. Троцкий. 30 марта 1922 г. он представил в Политбюро развернутую записку на этот счет. Порасуждав о значении буржуазной Реформации в Европе и о сектах как «религиозной партизанщине», он указал, что в оказавшейся «лицом к лицу с пролетарской революцией» Русской Церкви «намечаются два течения: явно, открыто контрреволюционное с черносотенно-монархической идеологией и — “советское”». Идеологию последнего Троцкий определял как «сменовеховскую, т. е. буржуазно-соглашательскую». «Сменовеховское духовенство надлежит рассматривать как опаснейшего врага завтрашнего дня. Но именно завтрашнего. Сегодня же надо повалить контрреволюционную часть церковников, в руках коих фактическое управление церковью. В этой борьбе мы должны опереться на сменовеховское духовенство, не ангажируясь политически, а тем более принципиально». Троцкий предложил заставить «сменовеховских попов» довести «кампанию внутри церкви до полного организационного разрыва с черносотенной иерархией, до собственного нового собора и новых выборов иерархии»⁴⁷. Политбюро одобрило этот план, и в тот же день, 30 марта, за под-

⁴⁵ Грамота Святейшего Мелетия, Патриарха Вселенского, на имя Председателя б[ывшего] Высшего Русского Церковного Управления Заграницей // Церковные ведомости. 1923. № 5–6. С. 3.

⁴⁶ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг.: В 2 кн. / Подгот. изд. Н. Н. Покровского и С. Г. Петрова. Кн. 1. Новосибирск; М., 1997. С. 143.

⁴⁷ Там же. С. 162–163.

писями Калинина и Молотова губкомам и губисполкомам была разослана шифротелеграмма с предписанием поддержать лояльное духовенство⁴⁸.

«Советское течение» в Русской Церкви не было порождением 1922 г. О мерах по противодействию «церковному большевизму» пришлось думать еще Поместному Собору в 1918 г., результатом чего стало определение от 18 апреля «О мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни». Речь в нем шла «о некоторых епископах, клириках, монашествующих и мирянах, не покоряющихся и противящихся церковной власти и обращающихся в делах церковных к враждебному Церкви гражданскому начальству и навлекающих через то на Церковь, ее служителей, ее чад и достояние многообразные беды». Собор предусмотрел для таковых пособников богоборцев строгие прещения: для клириков — извержение из сана, для мирян — отлучение от Церкви⁴⁹. Под это соборное осуждение в полной мере попадали и церковные «сменовеховцы», опереться на которых предложил Троицкий. Основной актив раскольников из числа духовенства, сотрудничавшего с ГПУ, был к тому времени уже подготовлен. Бурные события развернулись в мае 1922 г.

5 мая Патриарх Тихон был допрошен на заседании Московского Ревтрибунала, где ему было объявлено о незаконности организации, называемой «Православной иерархией». Трибунал постановил: «Привлечь гр[ажд]н Белавина и Фенаменова (так в тексте, правильно: Беллавина и Феноменова. — *свящ. А. М.*), именуемых организацией “православной иерархии” — первый — Патриархом Тихоном, второй — архиепископом Никандром — к судебной ответственности»⁵⁰. В тот же самый день на патриаршем Троицком подворье были проведены обыски и аресты всех его насельников. В покоях Патриарха была выставлена стража, он остался один со стерегущими его красноармейцами. На подворье была устроена засада и всякого непредупрежденного, пришедшего туда, задерживали и допрашивали⁵¹.

9 мая Патриарх Тихон был подвергнут очередному допросу, ему под расписку было объявлено постановление Ревтрибунала о привлечении его к суду и о запрете выезда из Москвы⁵². Фактически Патриарх был взят под домашний арест. Одновременно с этим в Москву прибыла группа петроградских клириков, которые должны были сыграть ведущую роль в церковном перевороте. В группу входили протоиерей Александр Введенский, священник Владимир Красницкий и другие лица. В Москве к этой «прогрессивной» группе присо-

⁴⁸ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. Кн. 1. С. 165.

⁴⁹ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 1–4. М., 1994. С. 58–60. (3-я пагинация).

⁵⁰ Следственное дело Патриарха Тихона. С. 153.

⁵¹ Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне / Публ., вступ. статья и коммент. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. Сер. II.: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 231.

⁵² Следственное дело Патриарха Тихона. С. 161–162.

единились завербованные ГПУ клирики из некоторых других епархий, а также заштатный епископ Антонин (Грановский) и московский священник Сергей Калиновский.

12 мая «прогрессивная» (или «инициативная») группа явилась к Патриарху на Троицкое подворье. В представлении самой этой группы произошедшее изображалось следующим образом: «Указав на то, что под водительством патриарха Тихона церковь переживает состояние полнейшей анархии, что всей своей контрреволюционной политикой и, в частности, борьбой против изъятия ценностей она подорвала свой авторитет и всякое влияние на широкие массы, группа духовенства требовала от патриарха немедленного созыва, для устройства церкви, поместного собора и полного отстранения патриарха до соборного решения от управления церковью. В результате беседы, после некоторого раздумья, патриарх написал резолюцию о передаче своей власти до поместного собора одному из высших иерархов»⁵³. По обновленческой версии, Патриарх не устоял перед давлением «группы духовенства» и уступил церковную власть. Большого доверия, однако, заслуживает описание близкого Патриарху человека (предположительно профессора священника Илии Громогласова): «Группа перечисленных священников явилась к Патриарху ночью и подняла его с постели. Патриарх вышел к ним встревоженный, но быстро овладел собой и возвратился к своему обычному благодушию. Ему указали на то, что Церковь, вследствие его заключения, остается без высшего руководителя, что правительство не всякому епископу позволит теперь стать у кормила церковного управления, и предложили назначить ему своим заместителем епископа Антонина, которому гражданская власть доверяет. Патриарх решительно отказался»⁵⁴. То есть на поводу у «сменовеховского духовенства» святитель Тихон не пошел, очевидно догадываясь, какого рода деятели явились к нему в ночи. В то же время он понимал, что ему самому управлять Церковью власть в создавшейся обстановке не даст. Поэтому он принял предложение «инициативной группы» передать письмо председателю ВЦИК и собственноручно написал Калинину: «В виду крайней затруднительности в Церковном Управлении, возникшей от привлечения меня к Гражданскому Суду, почитаю полезным, для блага Церкви, поставить временно, до созыва Собора, во главе церковного управления или Ярославскаго Митрополита Агафангела, или Петроградскаго Митрополита Вениамина»⁵⁵. Право на такое распоряжение о передаче власти Патриарху Тихону было дано Поместным Собором в январе 1918 г., а затем подтверждено постановлением Высшего

⁵³ Временное самоустранение св. патриарха Тихона от управления // Живая Церковь. 1922. 23 мая. № 2. С. 1.

⁵⁴ Патриарх Тихон в 1920–1923 годах: Аналитическая записка из Гуверовского архива / Публ. Е. В. Ивановой // Журнал Московской Патриархии. 2007. № 11. С. 78.

⁵⁵ Следственное дело Патриарха Тихона. С. 162.

Церковного Управления в ноябре 1920 г.⁵⁶ Своих полномочий святитель Тихон не превысил.

15 мая представители «прогрессивного духовенства» были приняты Калининым, а заодно получили денежное вознаграждение «за работу по изъятию церковных ценностей»⁵⁷ (интересно, что Красницкий получил в три раза меньше, чем Введенский, и в четыре раза меньше, чем Грановский⁵⁸, — видимо, чтобы впредь работал активнее). Письмо Патриарха о назначении заместителей Калинин принял к сведению, но, разумеется, посредничать в передаче патриаршего поручения митрополиту Агафангелу председатель ВЦИК не стал, о чем «прогрессивные» священники сообщили Святейшему Тихону, посетив его во второй раз 16 мая и вновь предложив собственные посреднические услуги, теперь уже в церковной среде. Не имея возможности воспользоваться помощью кого-либо другого, Патриарх передал им два письма: митрополиту Агафангелу с призывом прибыть в Москву и временно, до созыва Собора, встать во главе церковного управления и члену Высшего Церковного Совета протопресвитеру Николаю Любимову о необходимости подготовить Ярославскому митрополиту помещение в Донском монастыре⁵⁹. В то же время самим обновленцам Патриарх Тихон никаких удостоверений не дал, поэтому те вынуждены были для подчеркивания собственной значимости делать свои приписки на патриарших письмах лишь в качестве «очевидцев»⁶⁰. Наделить полномочиями члены «инициативной группы» решили себя сами и, согласно церковному историку М. Е. Губонину, 16 мая изготовили на имя М. И. Калинина письмо: «Настоящим доводится до сведения Вашего, что, ввиду устранения Патриархом Тихоном себя от власти, создается Высшее Церковное Управление, которое с 2 (15) мая приняло на себя ведение церковных дел в России. Подписали: ВЦУ — протоиерей Введенский, священник Калиновский, священник Белков, псаломщик Стадник»⁶¹. Понятно, однако, было, что такое карикатурное ВЦУ из трех священников с псаломщиком никто бы в Церкви не признал, поэтому потребовалось еще одно усилие, чтобы изобразить хотя бы видимость получения санкции от Патриарха на «ведение церковных дел».

18 мая группа «прогрессивного духовенства» в третий раз явилась к Патриарху Тихону и представила докладную записку, в которой сообщала о полученном ею разрешении государственной власти на открытие и функционирование

⁵⁶ Подробнее см.: *Мазырин А., свящ.* Поместный Собор 1917–1918 гг. и вопрос о преемстве патриаршей власти в последующий период (до 1945 г.) // Вестник ПСТГУ. Сер. II.: История. История Русской Православной Церкви. 2008. Вып. 4 (29). С. 35–51.

⁵⁷ *Иванов С. Н.* Хронология обновленческого «переворота» в Русской Церкви по новым архивным документам // Вестник ПСТГУ. Сер. II.: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 3 (58). С. 42.

⁵⁸ См.: Там же. С. 55.

⁵⁹ См.: Акты Святейшего Тихона... С. 214–215.

⁶⁰ *Иванов.* Хронология обновленческого «переворота» в Русской Церкви по новым архивным документам. С. 43.

⁶¹ Акты Святейшего Тихона... С. 216.

патриаршей канцелярии и «сыновне испрашивала благословение» на это Его Святейшества, заверяя, что по приезде в Москву его заместителя «он тотчас же вступит в исполнение своих обязанностей». Святитель Тихон, не имея, с одной стороны, никаких оснований доверять «инициативной группе», а с другой, понимая, что кому-либо другому власть канцелярию Троицкого подворья все равно не передаст, наложил на докладной записке резолюцию: «Поручается поименованным ниже лицам принять и передать Высокопреосвящ[енному] Митрополиту Агафангелу по приезде в Москву синодские дела при участии секретаря Нумерова»⁶². Вне всякого сомнения, под *синодскими делами* в резолюции имелись в виду канцелярские документы (бумаги), а не совершение самих этих дел, которое в принципе не могло быть препоручено группе священников и мирян (высшие иерархические полномочия в Православной Церкви канонически сопряжены с обладанием архиерейским саном). Задача «инициативной группы» в соответствии с патриаршей резолюцией была чисто технической. Обновленческие же деятели сразу начали трактовать ее как передачу им собственно высшей церковной власти, что было явным обманом.

В ночь на 19 мая Патриарх Тихон был перемещен из Троицкого подворья в Донской монастырь (там ГПУ было удобнее держать его под стражей), после чего в его прежних покоях сразу же водворилось новое самозванное «Высшее Церковное Управление» (ВЦУ), председателем которого стал Антонин (Грановский), а его заместителями — Введенский и Красницкий. Переворот состоялся. Митрополиты же Агафангел и Вениамин, которым в действительности Патриарх Тихон готов был передать власть, до исполнения местоблюстительских обязанностей допущены не были. Сначала петроградский, а затем ярославский святители были арестованы, но свое отрицательное отношение к обновленческому расколу они выразить успели.

28 мая митрополит Вениамин выпустил послание к православной петроградской пастве, в котором писал: «Петроградские священники: протоиерей Александр Введенский, священник Владимир Красницкий и священник Евгений Белков, без воли своего митрополита, отправились в Москву, приняв там на себя высшее управление церковью. <...> Этим самым по церковным правилам (Двукр[атного] собор[а], прав[ила] Вас[илия] Великого) они ставят себя в положение отпавших от общения со святой церковью, доколе не принесут покаяния перед своим епископом. Такому отлучению подлежат и все присоединяющиеся к ним»⁶³. Таким образом, священномученик Вениамин первым совершенно недвусмысленно констатировал факт отпадения обновленцев от Церкви. Это слово правды стоило ему жизни. Глубоко символичной выглядела сцена его ареста на следующий день после отлучения им Введенского и компании. В Александроневскую лавру одновременно прибыли чекисты и отлученный протоиерей, при-

⁶² Следственное дело Патриарха Тихона. С. 165–166.

⁶³ Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 81–82.

чем последний, увидев митрополита, подошел к нему под благословение. «О[тец] Александр, мы же с вами не в Гефсиманском саду», — сказал Введенскому священномученик Вениамин и спокойно выслушал объявление о своем аресте⁶⁴.

Священноисповедник Агафангел об обновленцах высказался более сдержанно, без констатации их отпадения, но тоже как о самочинниках. 18 июня он обратился с посланием к Русской Церкви, в котором сообщил о данном ему Патриархом поручении и о том, что он предполагал поспешить в Москву, но по обстоятельствам, от него не зависящим (из-за взятой с него ГПУ подписки о невыезде из Ярославля), не смог это сделать. «Между тем, — писал далее митрополит Агафангел, — меня официально известили, что явились в Москве иные люди и встали у кормила правления Русской Церковью. От кого и какие на то полномочия получили они, мне совершенно неизвестно. А потому я считаю принятую ими на себя власть и деяния их незаконными»⁶⁵. За свое антиобновленческое послание митрополит Агафангел был арестован и сослан в Сибирь, в Нарымский край. Арестам подверглись и десятки других, не признавших обновленческое ВЦУ православных епископов, множество священников, монахов, ревностных мирян.

В условиях террора, развязанного ГПУ в поддержку раскольников, не все проявили стойкость. Самым видным из отпавших иерархов стал митрополит Сергей (Страгородский). 16 июня 1922 г. им и еще двумя архиереями было подписано воззвание, опубликованное обновленцами в их печатном офицюзе «Живая Церковь» на самом видном месте: «Мы, Сергей, Митрополит Владимирский и Шуйский, Евдоким, Архиепископ Нижегородский и Арзамасский, и Серафим, Архиепископ Костромской и Галичский, рассмотрев платформу Временного Церковного Управления и каноническую законность Управления, заявляем, что целиком разделяем мероприятия Временного Церковного Управления, считаем его единственной, канонически законной верховной церковной властью и все распоряжения, исходящие от него, считаем вполне законными и обязательными. Мы призываем последовать нашему примеру всех истинных пастырей и верующих сынов церкви, как вверенных нам, так и других епархий»⁶⁶. «С[ергий] подписал из желания сохр[анить] места для работы, обольстившись обещанием ввести их — Сергия, м[итрополита] Евдокима, архиеп[ископа] Серафима — в ВЦУ. <...> Подписывали в местн[ой] ЧК», — сообщал подробности священник, съездивший в Нижний Новгород по поручению митрополита Казанского Кирилла (Смирнова) — одного из самых стойких борцов с обновленчеством среди русской иерархии⁶⁷. Что каса-

⁶⁴ Левитин, Шавров. Очерки по истории русской церковной смуты. С. 82.

⁶⁵ Акты Святейшего Тихона... С. 219–220.

⁶⁶ Воззвание // Живая Церковь. 1922. 1–15 июля. № 4–5. С. 1.

⁶⁷ Журавский А. В. Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского в контексте исторических событий и церковных разделений XX века. М., 2004. С. 512.

ется митрополита Сергия, то ничего, кроме позора, ему его признание раскольнического ВЦУ не принесло. Позднее, в августе 1923 г., он принес публичное покаяние в своем отпадении от Православной Церкви и в дальнейшем в отношении к обновленчеству был тверд. Но в 1922 г. его поведение соблазнило многих.

Тем временем, в тот же майский день, когда в Петрограде при участии Введенского произошел арест митрополита Вениамина, в Москве Красницким была организована группа «Живая Церковь» как своего рода «церковно-революционный авангард». Поначалу «ЖЦ» являлась наиболее заметным направлением среди раскольников, которых в связи с этим стали также именовать «живоцерковниками» (или презрительно «живцами»). Исполняя в первую очередь политический заказ богоборческой власти, «Живая Церковь» внешне прикрывалась программой разнообразных церковных реформ, включая догматическую, которая предусматривала «восстановление евангельского первохристианского вероучения, с нарочитым развитием учения о человеческой природе Христа Спасителя»⁶⁸. Уже только один этот призыв к пересмотру православной догматики свидетельствовал о том, что с Церковью обновленчество не имело ничего общего. Хотя в действительности вероучительные вопросы «живоцерковников» волновали в последнюю очередь. Развивать положения несторианской или какой-то другой христологической ереси они не стремились, их цель была куда более прагматичной, а именно, как это откровенно признавалось в уставе «Живой Церкви», — всемерная борьба за права белого духовенства:

- а) права на занятие епископских кафедр;
- б) права участвовать в решении дел Высшего Церковного Управления и Епархиальных Управлений вместе с епископами;
- в) права распоряжения церковными суммами, объединенными в единую церковную епархиальную кассу»⁶⁹.

ГПУ же в использовании «живоцерковников» видело прекрасную возможность осуществить «изъятие контрреволюционного духовенства». Так, в секретной инструкции губернским отделам ГПУ УССР о необходимости повсеместной организации ячеек «ЖЦ» обращалось особое внимание на следующие моменты:

- а) Не подлежит сомнению, что духовенство и близкие к ним лица великолепно осведомлены о деятельности своих коллег и начальства, а потому, действуя через организацию «Живая Церковь», легко удастся достать необходимый материал и документальные данные о контрреволюционной работе реакционного духовенства.

⁶⁸ Программа церковных реформ, намеченных группой духовенства и мирян «Живая Церковь» в развитии своих основных положений, принятых на учредительном собрании группы 16/29 мая 1922 года // Живая Церковь. 1922. 1 окт. № 10. С. 17.

⁶⁹ Устав группы православного белого духовенства «Живая Церковь» // Живая Церковь. 1922. 1–15 июля. № 4–5. С. 18–19.

б) Ввиду того что для поступления в действительные члены группы «Живая Церковь» необходимо заранее пробывать некоторое время кандидатом (исключение делается для лиц, пользующихся особым доверием), <...> от кандидатов необходимо ультимативно требовать сведения и материалы об активных контрреволюционерах из духовенства. <...>

в) Добытые материалы должны широко использоваться для постановки гласных процессов, имеющих целью дискредитировать духовенство в глазах масс и, с другой стороны, физически уничтожить и изолировать черносотенные элементы»⁷⁰.

Таким образом, по замыслу ГПУ, «живоцерковникам» отводилась роль откровенных предателей Церкви, замаранных кровью своих собратьев. Они с такой ролью были согласны. Что это были за люди и чем были движимы, можно проиллюстрировать выдержкой из донесения начальнику 6-го («церковного») отделения Секретного отдела ГПУ Е. А. Тучкову входившего в обновленческое ВЦУ «протоиерея» Бориса Дикарева. «Карьеризм, интриги, грызня, шкурничество и зависть к успехам другого, более талантливого, — вот и все», — характеризовал Дикарев своих коллег-раскольников, будучи сам отнюдь не меньшим карьеристом и интриганом. «Во всем обновленческом движении, — писал он Тучкову в феврале 1923 г., — меня теперь интересует лишь одна его сторона — общественно-политическая. Борьба. Мягкость моего характера я теперь изжил, и линию на сокрушение всей церковной черной сотни веду беспощадную. Хоть этим возьму то, что вместо положительной активной деятельности в Сов[етских] рядах — ушел в церковное стоячее болото»⁷¹. Представляется, что данные откровения лучше всяких программ и уставов «Живой Церкви» раскрывают внутреннюю сущность обновленчества — опирающийся на врагов Церкви бунт части разуверившегося духовенства под революционную риторику ради достижения сугубо корыстных целей. Православные люди в России в абсолютном большинстве своем быстро это почувствовали и старались не иметь с обновленцами ничего общего. Даже епископ Антонин (Грановский) — обновленческий «митрополит Московский», председатель раскольного ВЦУ — охарактеризовал «Живую Церковь» как «ассенизационную бочку православной церкви»⁷² (себя самого к содержимому этой «бочки» он, очевидно, не причислял).

Чтобы понять, чему служила «Живая Церковь», совсем не обязательно тогда было иметь доступ к секретным документам РКП(б) и ГПУ. В ее уставе как средство «совершенного освобождения церкви от политики» прямо была прописана

⁷⁰ «Требование заполнения анкеты сексота необязательно». Инструкция ГПУ Украины по организации групп «Живой Церкви» / Вступ. ст., публ. и примеч. свящ. А. Мазырина // Вестник ПСТГУ. Сер. II.: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 5 (42). С. 121.

⁷¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 124—125.

⁷² Краснов-Левитин А. Лихие годы: 1925—1941: Воспоминания. Париж, 1977. С. 118—119.

«борьба с контрреволюционными элементами в церкви»⁷³. В уставе же киевской «Живой Церкви» этот пункт звучал еще более выразительно: «Ликвидация контрреволюционных элементов в церкви, независимо от того, под каким флагом бы они не выступали»⁷⁴. Поиск «контрреволюционеров» в Церкви и выдача их на расправу богоборческой власти были главным содержанием деятельности обновленцев. Также в их задачу входило публичное осуждение от имени Церкви тех «контрреволюционеров», которых власть выявляла сама. Ярчайшим примером такой деятельности является постановление раскольнического ВЦУ, принятое в июле 1922 г., на следующий день после вынесения смертного приговора группе петроградских священнослужителей и мирян во главе со священномучеником митрополитом Вениамином: «Бывшего петроградского митрополита Вениамина (Казанского), избличенного в измене своему архипастырскому долгу, <...> лишить священного сана и монашества». Далее тем же постановлением «лишались сана» и другие осужденные на смерть священнослужители, а миряне «отлучались» от Церкви⁷⁵. Вся Русская Православная Церковь при этом знала и понимала, что митрополит Вениамин — святой человек, совершенно не повинный в тех политических преступлениях, за которые он был осужден на смерть, а обновленцы совершают откровенно иудино дело.

Крайняя нравственная нечистота новых раскольников быстро стала «притчей во языцех». Так, очень выразительно обстановку на Троицком подворье после водворения там обновленческого ВЦУ описал бывший секретный сотрудник ГПУ Н. А. Безпалов, сумевший покинуть СССР в конце 1923 г. и опубликовавший затем в Харбине серию статей: «С арестом Патриарха Троицкое подворье было объявлено официальным общежитием сотрудников ГПУ. Обновленческому Высшему церковному управлению отвели лишь второй этаж и домашнюю церковь бывшего патриаршего дома. Характерно для деятелей “Живой церкви”, что они в чекистской обстановке чувствовали себя как рыба в воде. Начались “обеда”, кончавшиеся грандиозными выпивками. Одна такая пирушка, имевшая целью вспрыснуть посвящение в епископы петроградского священника некого отца Ивана [Альбинского], затянулась на всю ночь и закончилась дракой между собутельниками. Только утром измятые и взъерошенные “священнослужители” расходились по домам под хихиканье чекистских жильцов подворья. В тот же день разыгрался скандал. У вновь посвященного епископа отца Ивана обнаружилась кража крупной суммы денег. В краже был уличен один из “вождей” — епископ Леонид [Ско-

⁷³ Устав группы православного белого духовенства «Живая Церковь» // Живая Церковь. 1922. 1–15 сент. № 8–9. С. 20.

⁷⁴ Устав группы Киевского православного белого духовенства «Живая Церковь» // Живая Церковь: Орган Киевской группы «Живая Церковь», посвященный обновлению Церкви на евангельских началах. 1922. 1 дек. № 1. С. 3.

⁷⁵ Постановление Высшего Церковного Управления // Живая Церковь. 1922. 1–15 авг. № 6–7. С. 12.

беев]. Дело едва не дошло до московского уголовного розыска, но было потушено Красницким»⁷⁶.

Можно, конечно, усомниться в объективности повествования «перебежчика» Безпалова, но и остававшиеся на службе в органах кадровые чекисты, курировавшие раскольников, не могли скрыть брезгливого отношения к своим агентам в рясах. Так, в подготовленном ГПУ в августе 1922 г. для партийно-советского руководства обзоре политико-экономического состояния РСФСР об обновлениях сообщалось: «Надо сказать, что контингент вербованных состоит из большого количества пьяниц, обиженных и недовольных князьями церкви, что в значительной мере способствует развитию антагонизма между двумя основными течениями духовенства. Сейчас приток прекратился, ибо более степенные, истинные ревнители православия к ним не идут, среди них последний сброд, не имеющий авторитета среди верующей массы»⁷⁷. От работы с этим «последним сбродом» чекисты, однако, не отказывались. Для ослабления Русской Церкви для них все средства были хороши.

Присмотревшись немного к обновленцам, не стали особо щепетильничать и цинично-прагматичные фанариоты. То, что лица, объявившие себя при содействии ГПУ «Высшим Церковным Управлением», были очевидными самозванцами, которые быстро начали десятками «увольнять» и «запрещать в служении» авторитетных иерархов Русской Церкви и «назначать» на их места таких же, как они сами, проходимцев, греков особо не смутило. Наряду с богоборцами-большевиками и предателями-обновленцами фанариоты стали еще одним источником скорбей для Русской Православной Церкви. Утвердившись, вопреки протестам значительной части греческих иерархов, на Константинопольской кафедре, Мелетий (Метаксакис) начал проводить в жизнь программу беспрецедентной экспансии Фанара в общемировом масштабе, причем главным объектом захвата стали части Русской Церкви, находившиеся как на территории бывшей Российской Империи, так и вне ее. В марте 1922 г. им был издан томос о праве Константинополя на «непосредственный надзор и управление всеми без исключения православными приходами, находящимися вне пределов поместных православных Церквей, в Европе, Америке и других местах»⁷⁸. Вслед за этим была образована Фиатирская митрополия с центром в Лондоне, которая стала претендовать на подчинение ей всей православной диаспоры (включая русскую) в Западной и Центральной Европе. В мае того же года была учреждена архиепископия Северной и Южной Америки с претензией подчинить ей все православные приходы на Американском континенте.

⁷⁶ Цит. по: Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне // Вестник ПСТГУ. Сер. II.: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 338.

⁷⁷ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). Т. 1: 1922—1923 гг. М., 2001. Ч. 1. С. 217.

⁷⁸ Ермилов П., диак. Константинопольская Православная Церковь // Православная энциклопедия. Т. 37. С. 260.

В марте 1923 г. Патриарх Мелетий вмешался в церковные дела в Польше, «утвердив» избрание митрополитом Варшавским епископа Дионисия (Валединского). Наконец, в июле 1923 г. константинопольский Синод образовал в своей юрисдикции «Автономную митрополию Эстонии» и «Православную архиепископию Финляндии»⁷⁹. Рассмотрение всех этих событий применительно к околороссийским лимитрофам и русской диаспоре — предмет особого исследования, но и в отношении внутрirosсийских церковных дел греки повели себя совершенно беспардонно.

При этом очевидная агрессия в отношении Русской Церкви могла сочетаться у Фанара со словами сочувствия в ее адрес. Так, номер журнала «Церковная Истина» от 2 июля 1922 г. открывался большой статьей члена Синода митрополита Кизического Каллиника «Большевизм и Христианство в России», в которой описывались антицерковные гонения. Под конец автор замечал: «Конечно, Русская Церковь имеет за собой прегрешения, но и наказание вызывает пробуждение человеческой совести. Проливаемая кровь очищает ее и привлекает симпатии даже тех, кто отворачивался от нее прежде как от орудия Царизма»⁸⁰. Голос совести, однако, у фанариотов как давал порой о себе знать, несмотря на закоренелую русофобию, так и замолкал. Раскол в Русской Церкви был им на руку, и они не удержались от того, чтобы подыграть ему.

Поначалу, правда, лидеры обновленческого раскола были озабочены не столько признанием их со стороны Православных Поместных Церквей, сколько захватом церковной власти внутри России. Можно даже предположить, что инициатива установить отношения исходила не от обновленческого ВЦУ, а от самих греков. Свидетельство об этом дошло от весьма ангажированного, но информированного лица — бывшего священника, ставшего при советской власти одним из главных антирелигиозников, М. В. Галкина (Горева), который, в свою очередь, опирался на сведения, полученные от заместителя председателя обновленческого ВЦУ, главы «Живой Церкви», священника Владимира Красницкого. Конечно, относиться к такому свидетельству надо критически, но и игнорировать его нельзя. 27 июня 1922 г. Галкин писал Троцкому («дорогому Льву Давидовичу»): «В Высшее церковное управление несколько раз являлся проживающий в Москве архимандрит “наместник Константинопольского вселенского патриарха”, имеющий также представительство патриархатов Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского (по словам свящ[енника] Красницкого). В частной беседе с представителями Высш[его] цер[ковного] упр[авления] [он] сообщил, что “его господин, святейший вселенский патриарх”, мог бы прибыть на собор в Москву, признать Высшее церковное управление, участвовать в суде над патриархом Тихоном, словом, сделать все, что нуж-

⁷⁹ Ермилов П., *диак.* Указ. соч. С. 260–263.

⁸⁰ Καλλίνικος, *μητρ.* Κυρίως. Μπολασεβικισμός και Χριστιανισμός ἐν Ρωσσίᾳ // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1922. 2 ἰουλ. Σ. 280.

но Высшему церковному управлению, вплоть до низложения Тихона “по всем каноническим правилам”. Он дал понять, что в общем итоге это стоит возвращения к моменту прибытия в Москву “его святейшества” дома Константинопольского патриархата и 10000 турецких лир. Нужно знать историческое побиршество восточных патриархов, живших главным образом за счет “милостыни из России”, чтобы поверить в возможность сего не только со стороны Константинопольского, но и всех патриархов, вместе взятых»⁸¹.

Предложение Фанара, если Галкин, Красницкий и Димопуло сообщали правду, весьма примечательно. Показать всему миру уязвимость Московского Патриарха перед Вселенским, фактически восстановить былую зависимость Русской Церкви от Константинопольской, а заодно решить и некоторые финансовые проблемы — всё это вполне соответствовало планам всемирного возвышения Фанара и было весьма заманчиво. Только больно рискованно, учитывая, что дело приходилось иметь с большевиками. Возможно, впрочем, что идея с приездом Вселенского Патриарха в Москву принадлежала не самому Метаксакису, а Димопуло. Патриарх Мелетий если и посылал намеки, то более хитро. Так, в письме архимандриту Иакову от 9 июля 1922 г. он, как бы между прочим, замечал: «Если местные братья считают уместным направление нашей делегации, так чтобы она присутствовала от имени Вселенской Патриархии на намечаемом в Москве церковном собрании и на месте поспособствовала благополучному направлению и мирному урегулированию ситуации в братской Церкви, то мы охотно бы направили такую делегацию»⁸². Надо полагать, уже сам Димопуло конвертировал такие пожелания Фанара в конкретную сумму, о которой и сообщили Троцкому. Лишних 10 тыс. турецких лир, однако, у «дорогого Льва Давидовича» не нашлось (очевидно, имелись в виду старые османские лиры, содержавшие более шести граммов золота), да и проблема с запрашиваемым домом так просто не решалась. Были, наверное, и другие сложности. В итоге Патриарх Мелетий в Москву не прибыл и в обновленческом «Соборе» участия не принял.

Здесь следует пояснить, что отношение советской власти к представительству Фанара в Москве в первые послереволюционные годы было сравнительно благоприятным. С международным признанием у РСФСР дела обстояли не лучшим образом, поэтому и такая дипломатическая фикция, как «Миссия Вселенского Патриарха», могла пригодиться. 20 ноября 1918 г. за подписью замнаркома Л. М. Карахана ей была выдана своего рода охранная грамота: «Народный Комиссариат по Иностранным Делах удостоверяет, что дом Константинопольского Патриаршего Подворья (по Крапивенскому пер. 4) занят Представительством Вселенского (Константинопольского) Патриарха в Рос-

⁸¹ Иванов. Хронология обновленческого «переворота» в Русской Церкви по новым архивным документам. С. 58.

⁸² Καλαϊτῆς Χρ., διόγκ. Τό Μετόχιον τοῦ Οἴκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 609.

сии, и с своей стороны находит целесообразным освободить таковой от какой бы то ни было реквизиции, а также муниципализации и национализации»⁸³. Следуя такой рекомендации НКВД, Юридический отдел Моссовета 2 декабря 1918 г. удостоверил, что дом Константинопольского подворья, «как занятый Представительством Вселенского Патриарха в России, из-под действия декрета “Об отделении церкви от государства” исключается»⁸⁴. Не был обижен в квартирном отношении и сам Димопуло со своими сотрудниками. В январе и октябре 1919 г. Моссовет и НКВД дополнительно подтвердили, что «квартира № 5 в доме № 4 по Крапивенскому пер., с принадлежащими к ней сараями, чердаками, занята Дипломатической Миссией Вселенского Патриарха в России и реквизиции и уплотнению, а также арендной уплате не подлежит»⁸⁵.

Более того, греческая миссия смогла даже получить от советской власти дополнительное церковное имущество. 15 сентября 1919 г. архимандрит Иаков подал в Организационно-учетное отделение Моссовета прошение: «Ввиду ощущаемой надобности Константинопольское подворье церкви просит дать в пользование Евангелие, Апостол, подсвечники, престол (так. — *свят. А. М.*), аналой и, если возможно, облачение и св. Сосуды для службы»⁸⁶. Константинопольский представитель, судя по всему, был вдохновлен на такую неожиданную просьбу 13-м пунктом декрета об отделении Церкви от государства, который гласил, что «здания и предметы, предназначенные специально для богослужесных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ»⁸⁷. Разумеется, речь шла о том имуществе, которым храмы ранее и так владели и которое было объявлено «народным достоянием». Но хитрый (едва ли наивный) Димопуло истолковал это положение в свою пользу, и, что удивительно, работники Моссовета пошли у него на поводу и спустя два месяца просьбу удовлетворили. Сохранилась расписка «помощника настоятеля Константинопольского Патриаршего подворья» иерея Василия Димопуло от 18 ноября 1919 г. о получении «одного сосуда серебр[яного], вызолоч[енного] в дубовом футляре»⁸⁸. (Святая чаша, очевидно, была перед этим изъята из какого-то другого храма.)

Но уже 21 ноября Организационно-учетное отделение предложило грекам «вернуть ошибочно выданные сосуды», пояснив, что их церковь «не состоит на учете и не подпадает под действие декрета “Об отделении церкви от Государства”»⁸⁹. Реакция архимандрита Иакова была неподражаемой. 26 ноя-

⁸³ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 556.

⁸⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 60. Л. 53; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 555.

⁸⁵ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 565, 566.

⁸⁶ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 70. Л. 186.

⁸⁷ *Гидулянов*. Отделение церкви от государства в СССР. С. 617.

⁸⁸ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 70. Л. 185.

⁸⁹ Там же. Л. 187.

бря он направил в Юридический отдел Моссовета письмо, в котором делился сначала «чувством глубочайшей признательности и благодарности», а затем «тяжелой скорбью». Он указывал на то, что «находящийся при миссии храм в Москве во имя Препод[обного] Сергия, что в Крапивках, крайне скуден церковными сосудами и утварью, на пополнение которой миссия не имеет ныне особенно никаких средств». «С своей стороны, — продолжал Димопуло-старший, — миссия, вполне соглашаясь с вышеизложенным основанием, по которому требуется возврат церковных предметов (неподпадением ее под советский декрет. — *свящ. А. М.*) <...>, тем не менее просит настоящим не нарушать первого распоряжения Отдела и оставить церковное имущество за миссиею. В храме Препод[обного] Сергия при миссии богомольцы исключительно почти русские, богослужение совершается на церковно-славянском языке, да и самый храм некогда был приходским. Предназначенное для него имущество останется храмовою собственностью и достоянием этого именно храма. Переданное в наше пользование церковное имущество служило бы видимым общением православного русского народа с Восточною Церковью»⁹⁰. Прямо по поговорке: и невинность соблюсти, и капитал приобрести; и под большевистский декрет с национализацией не попасть, и сверх того еще добра церковного от богоборцев получить...

Однако удержать и преумножить свою собственность в Москве константинопольская миссия ни при помощи декрета об отделении, ни в обход него не смогла. В 1920 г. здание подворья было на общих основаниях муниципализировано, заселено новыми жильцами и в марте 1922 г. сдано в аренду на шесть лет образованному в нем жилищному товариществу⁹¹. В греческой прессе по этому поводу публиковались «душераздирающие» сообщения: «Все патриаршие представители и служащие с ними клирики живы, однако жизнь их стала невыносимо тяжелой. После того как нынешние власти изъяли у них все владения Патриарших Престолов вместе с получаемой от них прибылью и даже их личное имущество, позволили им проживать только в одной комнате одной из квартир, и притом за арендную плату, уплачиваемую государству, понятно, что, испытывая во всем нужду, они претерпевают невзгоды из-за недостаточного питания, холода и утомления, потому что сами готовят себе пищу, стирают одежду, подметают квартиры. <...> Настоятелям подворий выплачивается из доходов подворий крохотная сумма на их, если можно так выразиться, содержание, принуждая их тем самым исполнять в их храмах одни приходские обязанности. <...> Если они и дальше пребудут без какого-нибудь дохода, то просто умрут от голода, холода и эпидемических болезней»⁹². В действительности двоим Димопуло оставили не одну комнату, а семь — всю занятую ими

⁹⁰ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 70. Л. 188–188 об.

⁹¹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 514.

⁹² Ἐκκλησιαστικὸς κῆρυξ. 1920. 26 αὐγ. (цит. по: Καλαϊτζῆς Χρ., διάκ. Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμηνικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 465–466).

обширную квартиру, и прислуга у них была. Храм же преподобного Сергия, в котором они служили («принужденные в утомлении исполнять приходские обязанности»), стал в апреле 1922 г. едва ли не единственным в Москве, обойденным святотатственной кампанией изъятия церковных ценностей⁹³. Но грекам этого было мало. Начались долгие хлопоты по возвращению всего дома № 4 по Крапивенскому переулку в собственность Константинопольской Патриархии.

Конечно, по сравнению с тем, как жили Димопуло до революции, их существование при большевиках было бедственным. В 1921 г. архимандрит Иаков был даже готов покинуть революционную Россию и просил свою Патриархию о переводе его в Варшаву в клир местного греческого храма. Однако Фанар порекомендовал просителю оставаться на своем месте. С тех пор заметную часть переписки Димопуло-старшего с Патриархией стали занимать вопросы его содержания. В письме от 8 марта 1922 г. архимандрит Иаков просил выслать ему удостоверение на имя местного правительства о том, что он остается официальным представителем Вселенской Патриархии. Таковое удостоверение вскоре было изготовлено, причем заверено оно было советским представителем в Константинополе. Одновременно Синод, желая ободрить своего бедствующего собрата, увеличил положенную ему как должностному лицу Патриархии дотацию в 200 турецких лир еще на 100 лир. В следующем письме на Фанар от 11 мая 1922 г. архимандрит Иаков указал, что, если его дальнейшее пребывание в Москве видится Синоду необходимым, он не должен оставаться без постоянной материальной помощи, поскольку подворье конфисковано и не приносит никакой финансовой прибыли. В случае положительного решения его вопроса Димопуло просил прислать ему 100–150 английских фунтов или соответствующую сумму в американских долларах (английский фунт стерлингов до Первой мировой войны равнялся без малого десяти золотым рублям, но потом несколько потерял в цене). В письме от 8 июля 1922 г. архимандрит Иаков извещал Фанар о получении денежного перевода в размере 1500 франков, что соответствовало 200 турецким лирам, и указывал, что данной суммы недостаточно для покрытия его расходов. Синод в ответ распорядился отправить ему в Москву дополнительный перевод на 300 лир. 12 августа Димопуло направил в Синод новую просьбу: выплатить Константинопольскому представительству Американского заготовительного комитета 15 английских фунтов, с тем чтобы он мог получить продовольствие на соответствующую сумму в Московском представительстве комитета. И эта просьба была исполнена. Наконец, 25 мая 1923 г. архимандрит Иаков испросил ежемесячно выплачивать ему, как представителю Константинопольской Патриархии, по 10–15 английских фунтов. Синод согласился и принял решение о выделении ему пособия в размере 10 фунтов. Обращался Иаков Ватопедец за помощью и в свой родной мона-

⁹³ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 287. Л. 512.

стырь. Судя по переписке, монастырь отправлял ему в Москву продукты, но они, по-видимому, до него не дошли⁹⁴.

В такой обстановке и появилось на свет детище Троицкого — обновленческое ВЦУ в придачу с «Живой Церковью». Димопуло-старшему, видимо, намекнули, что возвращение подворья надо отработать, чем он и занялся. В этом контексте становятся понятными упомянутые Галкиным визиты греческого архимандрита к раскольникам и его «деловые предложения» в связи с намечаемым «судом» над Патриархом Тихоном.

В августе 1922 г. архимандрит Иаков уже не частным образом, а как почетный член президиума отметился на съезде «Живой Церкви» в Москве, о чем было возведено в одноименном журнале. Еще одним участником съезда стал представитель Александрийского Патриарха архимандрит Павел (Катаподис). Как сообщали обновленцы, «по поручению представителя Константинопольского патриарха, архимандрита Иакова, произнес краткое приветствие от его лица архиепископ Антонин (Грановский. — *свящ. А. М.*), он сказал: “Представитель Константинопольского патриарха, архимандрит Иаков, плохо владеющий русским языком, просит меня приветствовать вас. Он свидетельствует о своем сочувствии нашему церковному обновлению и о своей солидарности с нами. Честь и хвала ему!”»⁹⁵ Патриарх Мелетий выразил поддержку своему московскому представителю и написал ему 1 сентября 1922 г.: «Наша Константинопольская Церковь, будучи от начала и издревле связана столь тесными узами со своей дочерью и сестрой Русской Церковью, видит своим долгом указать на необходимость осмотрительности и мирного и во всем законного продвижения и готова, как мы уже раньше писали, и непосредственно оказать свое содействие и помощь, если будет усмотрена такая необходимость»⁹⁶.

Однако вскоре «непосредственная помощь» архимандрита Иакова «Живой Церкви» получила такую огласку, что Фанару пришлось поостеречься от усиления активности на русском направлении. Согласно обновленческому журнальному отчету, два греческих архимандрита не просто поприветствовали «живоцерковный» съезд, но и поучаствовали в обсуждении вопроса о женатом епископате: «На вопрос председателя (Красницкого. — *свящ. А. М.*): “Были ли на востоке брачные епископы?” — архим[андрит] Иаков отвечал: “Были”. “Из кого теперь избираются епископы?” — “Из белых священников”. “Сам святейший патриарх Константинопольский монах или нет?” — “Нет, патриарх не монах”. То же самое говорил и архимандрит Павел»⁹⁷. Такие ответы греческих архимандритов звучали совершенно скандально. Брачные епископы на Востоке в исто-

⁹⁴ *Καλαϊτῆς Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμηνικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 313–316.

⁹⁵ Первый Всероссийский Съезд белого духовенства «Живая Церковь» в Москве // Живая Церковь. 1922. 1–15 сент. № 8–9. С. 6–7.

⁹⁶ *Καλαϊτῆς Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμηνικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 618.

⁹⁷ Первый Всероссийский Съезд белого духовенства «Живая Церковь» в Москве // Живая Церковь. 1922. 1–15 сент. № 8–9. С. 9.

рии бывали, но со времени Трулльского Собора конца VII века такое явление однозначно трактовалось как антиканоническое. Сказать же, что «теперь епископы избираются из белых священников», не смог бы даже такой «дипломат», как Иаков (Димопуло). Через прессу информация о приписываемых ему высказываниях дошла до Фанара, и печатному органу Константинопольской Патриархии в ноябре 1922 г. пришлось дать опровержение: «Как стало известно из поступившего в Патриархию сообщения пребывающего здесь Русского Архиепископа Северной Америки кир Александра (Немоловского. — *свящ. А. М.*), в издаваемой в Берлине большевистской газете “Накануне” написано, что представитель Вселенской Патриархии в Москве, присутствуя на созванном в этом городе (11 августа с. г.) церковном собрании (συνέδριον), якобы заявил, что в Константинопольском Патриархате епископы в большинстве своем женатые. Находим совершенно неверным приписываемое нашему представителю мнение, поскольку хорошо известно, что у нас в епископское достоинство возводятся **только** (выделено в публикации. — *свящ. А. М.*) неженатые клирики»⁹⁸.

После этого и сам Димопуло в декабре 1922 г. письменно разъяснил «Всесвятейшему и Божественнейшему» Мелетию, что газетные сообщения о его выступлении на съезде «Живой Церкви» — «полная ложь и утопия». «В ответ на заданный нам вопрос, — писал он, — мы ответили лишь то, что Архиереи в наших Церквах не имеют ставрофора, то есть великой монашеской схимы, как принято в России, но только малую схиму, называемую рясофором, и по непреложному правилу являются безбрачными, “целибатными”, из чего те заключили, что архиереи наши — из белого духовенства»⁹⁹. При всей нелепости изложения обновленцами слов архимандрита Иакова фактом, однако, было его и архимандрита Павла участие в «живоцерковном» съезде, что само по себе чести им не делало. Неопровержимо и то, что женатые лжеархиереи затем плотными рядами наполнили обновленческий «епископат», и развитию контактов фанариотов с российскими раскольниками это особо не помешало.

7 августа на своем первом пленарном заседании съезд «Живой Церкви» постановил просить ВЦУ дать распоряжение о немедленном прекращении поминовения имени Патриарха Тихона за богослужением¹⁰⁰. Во исполнение этого решения 23 августа раскольническое ВЦУ утвердило следующую формулу поминовения на ектеньях: «Вселенские православные патриархи и высшее Церковное Управление, преосвященные епископы, честное пресвитерство, во Христе диаконстве, о всем причте и людях»¹⁰¹. Формула — совершенно несурраз-

⁹⁸ Ἐκκλησιαστικὰ χρονικά // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1922. 12 νοεμ. Σ. 435.

⁹⁹ Ἡ ἐν Ρωσσίᾳ ἐκκλησιαστικὴ κατάστασις // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1922. 31 δεκ. Σ. 488.

¹⁰⁰ Первый Всероссийский Съезд белого духовенства «Живая Церковь» в Москве // Живая Церковь. 1922. 1–15 сент. № 8–9. С. 8.

¹⁰¹ Постановления Высшего Церковного Управления // Живая Церковь. 1922. 1–15 сент. № 8–9. С. 19; Из распоряжений Высшего Церковного Управления // Соборный разум. 1922–1923. 24 дек. — 16 янв. № 2–3. С. 15.

ная с точки зрения русского языка, да и просто здравого смысла (поскольку не уточнялось, какое и над кем «высшее» церковное управление имелось в виду), но главное что — без Патриарха Тихона, зато со «Вселенскими патриархами». Они стараниями архимандрита Иакова входили у обновленцев во все большую честь, впрочем, как и российские раскольники у фанариотов.

В последнем номере журнала Константинопольской Патриархии «Церковная Истина» за 1922 г. был помещен развернутый редакционный обзор церковного положения в России. Читателю сообщалось, что «после удаления Блаженнейшего Патриарха Московского кир Тихона свободомыслящей группой (μερίδος) из так называемого белого духовенства и некоторых архиереев было образовано новое Высшее Церковное Управление, что привело к тому, что в православной Русской Церкви обозначились две партии (δύο μερίδες): консервативная и свободомыслящая, которые из-за различий во взглядах на вещи приблизились к расколу и дошли до открытой вражды». Терминология константинопольского официоза очень симптоматична. Каноническая Русская Церковь, возглавляемая святителем Тихоном, и пробольшевицкая обновленческая схизма оказывались для Фанара в равной мере «μερίδες», то есть партиями, группами или частями. При таком подходе отношения с этими «частями» можно было строить не на основании канонических принципов, а из чисто конъюнктурных соображений.

Далее в статье вполне нейтрально описывался «Всероссийский Церковный Съезд», то есть съезд «Живой Церкви», причем отмечалось возглашение на нем многолетия Вселенскому Патриарху. Обновленческие нововведения, такие как допущение брачного епископата и второбрачия духовенства, не осуждались, но указывалось на предпочтительность вводить назревшие изменения скоординированно, поскольку подобные вопросы стоят и перед другими Поместными Церквями. «Великая Христова Церковь, — назидательно говорилось в статье, — от начала и издревле связанная нерушимыми узами с дочерью и сестрой своей — Русской Церковью, с интересом следя за развитием описанного церковного движения, сочла своим долгом, с одной стороны, выразить сожаление по поводу распространения пагубной борьбы в лоне Церкви и между самими пастырями, с другой стороны — указать на потребность в благоразумии, мирном устройении и полностью правомерных дальнейших действиях»¹⁰².

Определенное беспокойство у Фанара вызвали дошедшие до него сообщения о намечаемых обновленцами изменениях в догматике. За разъяснением ситуации Вселенская Патриархия обратилась в Москву к архимандриту Иакову. Тот в ответ в упоминавшемся уже письме от 11 декабря 1922 г. успокоил своего «Всесвятейшего и Божественнейшего»: «То, что написано о якобы имеющих место догматических новшествах, является недостоверными слухами, злонамеренно распускаемыми в православном народе врагами православной

¹⁰² Ἡ ἐν Ρωσσίᾳ ἐκκλησιαστικὴ κατάστασις // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1922. 31 δεκ. Σ. 486–487.

христианской веры и Церкви, таящимися во дворах Её и стремящимися подорвать авторитет православной Церкви». Что Димопуло признавал, так это произошедшее разделение между «Живой Церковью» Красницкого и «Церковным возрождением» Грановского, но тут же сообщал, что «позже, вследствие непосредственного указания со стороны правительства, председательствующий архиепископ Антонин и его заместитель протоиерей Красницкий пришли к согласию, так что ныне они по меньшей мере внешне и с виду сотрудничают на заседаниях так называемого “Высшего Церковного Управления”». (Последнее было правдой: большевикам периодически приходилось заставлять обновленческих вождей действовать сообща, крайний антагонизм между Грановским и Красницким стал еще одной характерной особенностью функционирования раскольнического ВЦУ в то время.)

Резюме архимандрита Иакова должно было быть особенно приятным Фанару. Он писал: «В целом в Москве и вообще во всей России царит теперь церковно-административный хаос и церковная анархия, которая, с другой стороны, пробуждает и разжигает религиозную ревность большей части православного народа, твердо придерживающегося православия и считающего, что единственным якорем спасения и православной веры является Мать Константинопольская Церковь, от которой Россия получила свет христианской веры. Также в народе имеет хождение идея и убеждение, что как некогда посланники Владимира, придя из Киева в Константинополь, обрели православную веру, так и теперь в царящем религиозном и церковном смешении спасение свое он может обрести в Церкви Константинополя»¹⁰³.

Оказав немалые услуги раскольникам, Димопуло-старший в начале января 1923 г. обратился в ВЦУ за ответной помощью в связи с трудностями, переживаемыми Константинопольской Патриархией. Провал поддержанного Фанаром авантюрного похода армии Греции в Малую Азию привел к изгнанию местного греческого населения, а Патриархия, как казалось, доживала на берегах Босфора последние дни. Надеяться ей оставалось только на внешнее заступничество. «Тесные братские узы, которые веками связывают Константинопольскую Великую церковь с Российской Православной Церковью, — писал в связи с этим архимандрит Иаков обновленцам, — позволили Его Всесвятейшеству обратиться с просьбой к Высшему Церковному Управлению продолжать, как и раньше, традиционную поддержку, поддерживать Восточную Православную Церковь. Также Его Всесвятейшество просит прийти на помощь путем протеста... в защиту сохранения прав Патриархата, каковой составляет единственную опору для защиты христианских меньшинств. Вселенский Патриарх глубоко убежден, что Российская Церковь не откажет войти с надлежащим ходатайством перед уважаемой Советской Властью — просить последнюю поддержать перед Турецким Правительством указанную выше просьбу Его

¹⁰³ Ἡ ἐν Ρωσσίᾳ ἐκκλησιαστικὴ κατάστασις // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1922. 31 δεκ. Σ. 487–489.

Всесвятейшества, чем Советская Власть продолжит свое благотворное человеколюбивое начинание по отношению к угнетенным народам Православного Востока»¹⁰⁴.

В действительности, как видно из публикации в той же «Живой Церкви», просьба Патриарха Мелетия была адресована не совсем к ВЦУ. «Все Православные церкви, — говорилось в его телеграмме архимандриту Иакову, — протестовали в Лозанне против Турецкого требования перемещения местопребывания резиденции Вселенского Патриархата, заявите местным церковным кругам, чтобы и они сделали так же»¹⁰⁵. Это уже Димопуло отождествил «местные церковные круги» с обновленческим ВЦУ. Судьба Фанара была одним из вопросов, обсуждавшихся тогда на Лозаннской конференции, где британский министр иностранных дел Дж. Н. Керзон настоятельно предложил турецкой делегации отозвать требование об удалении Патриархии из Стамбула при условии, что последняя ограничит свою деятельность чисто религиозной сферой. Турки в итоге вынуждены были согласиться¹⁰⁶.

«Уважаемая» же советская власть, к огорчению греков, поддерживать Фанар перед турецким правительством не стала. Раскольническому ВЦУ пришлось обращаться к туркам от своего лица. «Высшее Церковное Управление, — говорилось в обращении, — крайне опечалено появившимися в печати сведениями о требовании Турецкой Делегации на конференции в Лозанне об удалении из Константинополя Православного Патриарха. Стоя на точке зрения полного отделения церкви от государства и подчинения всех церковных установлений всем законам и распоряжениям государственной власти, Высшее Церковное Управление клеймит презрением попытку империалистических государств Запада и Америки превратить Православный Константинопольский Патриархат в орудие проводимой ими политики закабаления и удушения Турции. Высшее Церковное Управление уверено, что Турецкое Правительство, отвергнувши все подобные попытки, найдет, в согласии с проводимой им политикой веротерпимости, пути и формы к оставлению в Константинополе Православного Патриарха на условиях полного подчинения его всем законам Турецкого государства»¹⁰⁷.

Журнал «Живая Церковь» поместил датированную 6 января 1923 г. речь заместителя председателя ВЦУ Красницкого, обращенную к послу Турции в России Мухтар-бею. В речи восхвалялось «высокое и благородное человеколюбие великих вождей народа Турецкого». «Мы знаем и клеймим позором, — повто-

¹⁰⁴ Выступление группы белого духовенства «Живой Церкви» на защиту Константинопольского патриарха // Живая Церковь. 1923. 1 февр. № 11 (1). С. 14.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ См.: *Ермилов П., диак.* Константинопольская Православная Церковь // Православная энциклопедия. Т. 37. С. 261–262.

¹⁰⁷ Выступление группы белого духовенства «Живой Церкви» на защиту Константинопольского патриарха // Живая Церковь. 1923. 1 февр. № 11 (1). С. 14.

рял Красницкий понравившийся ему оборот, — стремления хищнических правителей Запада и Америки воспользоваться положением патриархата для нанесения вреда Турции. Но имея у себя в России пример широкого революционного движения белого приходского духовенства и трудовых верующих богомольцев, объединившихся в группу «Живая Церковь» и создавших нынешнее Высшее Церковное Управление из лиц, признающих справедливость Российской Социальной Революции и мирового объединения трудящихся, — имеем все основания надеяться на то, что и Константинопольский патриархат может быть учреждением, вполне сочувствующим великому делу освобождения всех народов новой Турции, и привлечет все молодые, живые силы православных народов к устройению свободной жизни Турции». Длинную витиеватую фразу Красницкого можно понять как пожелание Фанару пойти по пути «Живой Церкви». Председатель ЦК «ЖЦ» выражал надежду на то, что турецкое правительство «сумеет положить предел политическим домогательствам империалистических государств Запада и Америки, оградить Константинопольский Патриархат от их поползновений и оставить его в Константинополе»¹⁰⁸. Услуга обновленцев Вселенской Патриархии была, таким образом, довольно сомнительной, поскольку с «империалистическими государствами Запада и Америки» Фанар тоже связывал немалые надежды и «ограждаться от их поползновений» не спешил.

Архимандриту Иакову Красницкий после своего посещения турецкого посольства написал, что посол Мухтар-бей отнесся к его просьбе «с исключительным вниманием и обещал представить ее своему правительству и поддержать ее с своей стороны, ввиду его более близкого знакомства с современным направлением Церковной жизни России»¹⁰⁹. В качестве подтверждения успешности своего ходатайства раскольники опубликовали письмо «Его Высокопреосвященству Антонину Красницкому» (именно в таком сочетании) от и. о. комиссара иностранных дел Великого национального собрания Турции Гуссейна Рауфа. «Мы изучили Вашу точку зрения с полным вниманием», — писал «Антонину Красницкому» турецкий чиновник. «Мы вполне расположены рассмотреть принятие новой формы, которая позволит полное и свободное исповедание религиозных культов»¹¹⁰. По-видимому, обновленцы чувствовали себя спасителями Вселенской Патриархии, хотя никаких обещаний оставить ее в Константинополе ответ высокопоставленного турка не содержал. Тем не менее повод еще на шаг сблизиться с Фанаром у них появлялся.

В принятом раскольниками 1 февраля 1923 г. «Положении о созыве поместного собора православной российской церкви» было сказано, что «Высшее Церковное Управление приглашает на Собор представителей Восточных Па-

¹⁰⁸ Выступление группы белого духовенства «Живой Церкви» на защиту Константинопольского патриарха // Живая Церковь. 1923. 1 февр. № 11 (1). С. 15.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

триархов и автокефальных зарубежных Церквей — с правом решающего голоса»¹¹¹. Фанариоты в принципе были не прочь откликнуться на это приглашение, о чем и послали сигнал обновленческому «митрополиту Одесскому» Евдокиму (Мещерскому) — новой «восходящей звезде» раскола. Интересно, что первыми на это прореагировали украинские чекисты. В направленной в Москву секретной сводке ГПУ УССР о текущем положении церковных дел содержалось сообщение о том, что капитан одесского парохода «Эльборус», «как очень религиозный и поклонник попов, имел в Константинополе переговоры с Вселенским Патриархом Мелетием и получил оттуда письмо для передачи Митрополиту Евдокиму в гор. Одессу следующ[его] содержания: “Ваше Высокопреосвященство, Николай Андреевич БАЛАШЕВ (капитан парохода «Эльборус») имел любезность при визите у его святейшества Вселенского Патриарха Мелетия сообщить сведения о положении церковных дел в России, о которых его святейшество и вообще наша церковь не могут, конечно, и не интересоваться живо (так. — *свящ. А. М.*). Его Святейшество при этом с удовольствием узнал о Вашем высокопреосвященстве и о том выдающем положении, которое Вы занимаете среди управляющей Российской Епархии (так. — *свящ. А. М.*). Поэтому он с особым вниманием и признательностью получил бы от Вас какой-нибудь разъяснительный доклад о церковных делах в России, если бы Вы имели любезность прислать ему таковой. Кроме того, ввиду дошедших известий, что на созываемый 15-го Апреля в Москве Всероссийск[ий] церковный собор (так. — *свящ. А. М.*) предполагается пригласить и представителей граничных Автокефальных церквей, Его святейшество хотел бы сообщить через Вас, что Вселенский патриарх с удовольствием послал бы одного или двух своих представителей, если бы последовало бы таковое приглашение к ней (так. — *свящ. А. М.*). Поездку подобного представительства в Россию Его Святейшество и Синод считают тем более нужной и полезной, что этим, между прочим, получится возможность познакомиться непосредственно с действительным церковным положением в России, о котором теперь приходится судить лишь через прессу разных не всегда достоверных или даже иногда и совершенно ложных слухов. Передавая по поручению об этих желаниях Его Святейшества, о которых и господин БАЛАШЕВ сообщит Вам устно, имею честь быть с большим уважением Вашего преосвященства нижайший слуга Секретарь Патриархальной Канцелярии протоиерей Христо Панаюанку. № 160”»¹¹². К сожалению, в сводке ГПУ УССР не сообщалось о дальнейшей судьбе этого письма и о том, последовал ли на него ответ. Возможно, письмо с Фанара уже не застало Евдокима (Мещерского) в Одессе в связи с его отъездом в центр. Примечательно, однако, что Патриарх Мелетий сам письмо ему подписывать не стал, перепе-

¹¹¹ Положение о созыве поместного собора православной российской церкви 1923 года // Живая Церковь. 1923. 1 февр. № 11 (1). С. 4.

¹¹² ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 198–199.

ручив это сомнительное дело своему секретарю. Фамилию этого секретаря в документе ГПУ изрядно исказили: он был не Панаюанку, а Папаиоанну, и не протоиерей, а протонотарий. Должность эта была весьма важной: Константинопольские Патриархи меняли друг друга с калейдоскопической быстротой, а начальник патриаршей канцелярии оставался на своем месте. В описании дальнейших событий Папаиоанну встретится еще не раз, в том числе и прямо в контексте связей греков с российскими раскольниками.

Приняв положение о приглашении представителей Восточных Патриархов на свой «Поместный Собор», раздираемое внутренней враждой обновленческое ВЦУ к практическому проведению его в жизнь приступило с изрядной задержкой. Соответствующее официальное письмо за подписями Антонина (Грановского), Александра Введенского и Владимира Красницкого на имя архимандрита Иакова было датировано **12 апреля** 1923 г. (вероятно, какое-то время ушло еще на перевод). В письме говорилось: «Высшее Церковное Управление, памятуя о тесных узах ее духовного родства с Великой Константинопольской Церковью, было бы очень радо получить от нее уверение в единомыслии и моральной поддержке его забот об устройении церковной жизни на всеправославных началах и началах братского взаимопонимания. Высшее Церковное Управление просит Ваше Высокопреподобие довести до сведения Его Всесвятешества Патриарха Константинопольского Мелетия данную просьбу Высшего Церковного Управления и его желание иметь у себя в числе присутствующих на предстоящем Соборе Его Всесвятешество, а в случае невозможности его личного прибытия, какого-нибудь представителя от Великой Константинопольской Церкви»¹¹³.

Далее время стали тянуть уже греки. Письмо Грановского-Введенского-Красницкого было обсуждено на заседании Синода в Константинополе лишь 3 мая 1923 г.¹¹⁴ Раскольнический лжесобор в Москве был уже в самом разгаре (открылся 29 апреля) и ровно в тот же день, когда греческие иерархи на Фанаре размышляли над сообщением Димопуло, вынес свое самое громкое постановление, ради которого, собственно, он и был нужен большевикам: «Всероссийский Поместный Собор Православной Церкви свидетельствует перед лицом Церкви и всего человечества, что сейчас весь мир распался на два класса: капиталистов-эксплуататоров и пролетариат, трудом и кровью которого капиталистический мир строит свое благополучие. Во всем мире лишь советское государство России вышло на борьбу с этим социальным злом. Христиане не могут быть равнодушными зрителями в этой борьбе. Собор объявляет капитализм смертным грехом, а борьбу с ним священной для христианина. <...> Так как патр[иарх] Тихон, вместо подлинного служения Христу, служил контрреволю-

¹¹³ Ἐκκλησιαστικὰ χρονικά // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1923. 5 μαΐ. Σ. 129. Обратный перевод с греческого.

¹¹⁴ Там же.

ции и этим, как лицо, которое должно правильно вести всю церковную жизнь, ввел в заблуждение широкие церковные массы, за что Собор считает Тихона отступником от подлинных заветов Христа и предателем Церкви, на основании церковных канонов сим объявляет его лишенным сана и монашества и возвращенным в первобытное мирское положение. Отныне патриарх Тихон — мирянин Василий Белавин. <...> Осуждая б[ывшего] патриарха Тихона как вождя не церковного, а контрреволюционного, Собор признает, что и самое восстановление патриаршества было актом определенно политическим, контрреволюционным»¹¹⁵.

Архимандрит Иаков, не получив вовремя санкции от своей Патриархии, не смог поучаствовать в принятии этого «исторического» постановления. Да и Фанару было отчего призадуматься, стоит ли пускать своего представителя на такой «Всероссийский Поместный Собор». В том же номере «Церковной Истины», в котором было опубликовано приглашение от Грановского-Введенского-Красницкого, сообщалось: «Точно известно, что среди нынешних архиереев в России число иерархов, происходящих из женатого приходского духовенства, достигло уже 24 человек. Из рукоположенных трое на момент хиротонии были вдовыми, остальные же 21 продолжают жить с супругами и после хиротонии. Все они примут участие в открывающемся в Москве Соборе». И далее в развитие темы читатели уведомялись, что «Высокопреосвященному митрополиту Фиатирскому направлена телеграмма с предписанием категорически опровергнуть появившееся на страницах лондонской газеты «Таймс» сообщение, будто Вселенская Патриархия примет участие в церковном суде над Блаженнейшим Патриархом Тихоном»¹¹⁶. За тем, что писали в Лондоне, фанариоты, как видно, внимательно следили и на публикации в «Таймс» реагировали очень чутко.

В результате раздумий о происходивших в России событиях Патриарх Мелетий и его Синод 24 апреля (здесь, очевидно, указан старый стиль; по новому — 7 мая) 1923 г. постановили: «Уведомить представителя Вселенского Патриарха в Москве, что Великая церковь не только не пошлет на суд своего представителя, но рекомендует и русским иерархам воздержаться от всякого участия в нем, потому что все Православие... смотрит на Патриарха Московского и всея России как на исповедника»¹¹⁷. В выпуске «Церковной Истины» от 28 апреля 1923 г. было помещено официальное «Опровержение»: «Согласно решению [Синода] представителю в Москве Архимандриту Иакову было предписано опровергнуть сообщение, будто бы Вселенская Патриархия собирается направ-

¹¹⁵ Постановление 2-го Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви 1923 года // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 7 (30). С. 7–8.

¹¹⁶ Ῥωσσιῆ ἐκκλησία // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1923. 5 μαῖ. Σ. 130.

¹¹⁷ Постановление Вселенского Патриархата по вопросу о суде над Святейшим Тихоном, Патриархом Московским и всея России // Церковные ведомости. 1923. № 7–8. С. 1.

вить представителя для участия в церковном судебном разбирательстве над Блаженнейшим Патриархом Тихоном»¹¹⁸.

Наиболее же полно позиция Вселенской Патриархии по актуальному вопросу была изложена в письме Патриарха Мелетия архимандриту Иакову от 27 апреля (также, надо полагать, по старому стилю): «В европейских газетах и здесь у нас распространились [слухи], что мы были оттуда приглашены или же сами по собственной инициативе приняли решение направить нашего представителя принять участие в намечаемом там некоем церковном судебном процессе, на котором планируется судить и приговорить Блаженнейшего Патриарха Тихона. Заявляем, что мы были крайне удивлены распространением подобных слухов, не имеющих под собой решительно никаких оснований. На самом же деле в письме Вашему Высокопреподобию под исходящим номером 3990 от 9 июля 1922 г. мы отмечали, кроме всего прочего, что если местные братья считают уместным направление нашей делегации, так чтобы она присутствовала от имени Вселенской Патриархии на намечаемом в Москве церковном собрании и на месте поспособствовала благополучному направлению и мирному урегулированию ситуации в братской Церкви, то мы охотно бы направили такую делегацию. Но кроме того, что мы не получали никакого официального приглашения, целью, как мы уже сказали, нашего возможного представительства не могло бы быть ничего иного, кроме братской помощи в благополучном разрешении сложившегося в бедствующей Русской Церкви положения. Где-то в конце минувшего марта месяца нас посетил господин Никифор Андреевич Балашев, капитан прибывшего сюда советского парохода “Эльборус”, который, кроме всего прочего, сообщил нам кое-что и относительно положения местных церковных дел. Поскольку, в частности, он сказал нам о том выдающемся положении среди российских иерархов, которое в данный момент занимает Одесский архиерей — Преосвященный Митрополит кир Евдоким, то по нашему распоряжению Его Преосвященству было направлено из канцелярии письмо, в котором его просили о присылке, при возможности, его разъяснительной записки о церковном положении в России и вместе с тем сообщалось, что Вселенская Патриархия, если она, конечно, будет приглашена, с радостью направит одного или двух своих представителей на намечаемый в Москве в середине текущего месяца Всероссийский церковный собор, но не с какой иной целью, как только чтобы вблизи ознакомиться со всей ситуацией и, воспользовавшись удобным случаем, поспособствовать ее упорядочиванию. Распространяемый слух, что речь идет о нашем участии в церковном процессе с целью суда над Святейшим Московским Патриархом, по всей видимости, стал отзвуком выраженного нами вышеизложенного намерения. В любом случае фактом является, что мы оказались сегодня перед лицом конкретного, повсюду широко распространяемого слуха, и поэтому считаем нашим долгом од-

¹¹⁸ Ἐκκλησιαστικὰ χρονικά // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 28 ἀπρ. 1923. Σ. 120.

нозначно и категорически заявить, что не соответствует истине не только то, что мы были приглашены принять участие в подобном судебном процессе с озвученной целью, но и то, что мы вообще намерены, даже и будучи приглашенными, принимать в нем участие. Кроме того, пользуясь случаем, хотим передать всем находящимся там русским иерархам, прочему клиру и всей благочестивой православной полноте наш отеческий совет, чтобы во всех своих взглядах и действиях они не только руководствовались священными канонами и церковными установлениями, но и в особенности во всем, что относится к лицу Блаженнейшего Патриарха, надлежит им тщательно избегать всякого даже мельчайшего покушения выставить Его Блаженство перед судом и приговором. Пусть не забывают, что весь православный и остальной церковный мир с глубокой заинтересованностью, уважением и переживанием наблюдает за его страданиями, переносимыми за веру и Церковь, до такой степени, что смотрит в своем сознании на Его Блаженство уже как на исповедника христианской веры. Сообщая все вышесказанное Вашему Высокопреподобию, настаиваем на том, чтобы Вы надлежащим образом ознакомили с этим управляющих там церковными делами русских иерархов и остальных клириков, нас же держали в курсе относительно данных вопросов»¹¹⁹.

Опубликовавший в своей книге это письмо современный апологет Фанара восклицает, что «и сегодня все еще есть такие ответственные лица в Русской Церкви, которые полагают, что в те годы Вселенская Патриархия желала осуждения Патриарха Тихона, что они и сегодня продолжают выставлять как смертный грех, в то время как приведенное выше письмо без всяких прикрас являет правду относительно этого вопроса»¹²⁰. Действительно, процитированное письмо, точнее его завершающая часть, говорит в пользу Константинопольской Патриархии. Однако всей «правды относительно этого вопроса» оно, вопреки мнению публикатора, не являет. Это лишь один эпизод из многоликой политики Фанара, хотя и важный («ложка меда в бочке дегтя»).

Заявлению Патриарха Мелетия предшествовало обращение к Вселенской Патриархии со стороны русского зарубежного Архиерейского Синода с просьбой «не усиливать церковную смуту в России посылкой туда своих делегатов для участия в созываемом в Москве Соборе»¹²¹. Можно предположить, однако, что демонстрация симпатии главе гонимой Русской Православной Церкви со стороны Константинопольского Патриарха была вызвана не столько уважением к просьбе русских зарубежных иерархов, сколько международной реакцией на московские события и крайне нежелательными для Фанара «слухами», распространившимися в европейской и турецкой прессе (с чего, собственно, Метаксакис и начинал свое письмо Димопуло). Во внешнеполитическом отноше-

¹¹⁹ *Καλαϊτζής Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 608–610.

¹²⁰ *Αὐτόθι.* Σ. 611.

¹²¹ Определения Временного Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей // Церковные ведомости. 1923. № 7–8. С. 3.

нии Патриарх Мелетий был ориентирован на западные державы, особенно на Великобританию, правительство которой в тот момент занимало жесткую антисоветскую позицию. Достаточно вспомнить ноту Керзона, врученную советскому правительству в начале мая 1923 г., в которой между прочим упоминался и затеваемый в Москве суд над Патриархом Тихоном как пример деяния, вызывающего «глубокий ужас и негодующие протесты во всем цивилизованном мире»¹²². При этом все понимали, что обновленцы — это агенты советской власти в церковных рядах, а чинимый ими «суд» над Патриархом был выполнением большевистского заказа в преддверии готовящегося показательного процесса над ним, итогом которого должен был стать смертный приговор Предстоятелю Православной Российской Церкви. Было бы удивительно, если бы Патриарх Мелетий выступил тогда вразрез с британской линией и поддержал большевистско-обновленческую акцию против Московского Патриарха. Вероятно, разочарование Вселенского Патриарха в «Живой Церкви» было вызвано еще и тем, что заступничество раскольников Фанару не помогло и «уважаемая Советская Власть» в его поддержку не выступила.

С призывом бойкотировать московский обновленческий лжесобор (а также «богоборное сборище киевских самосвяттов») русские зарубежные иерархи, которые в условиях ареста Патриарха Тихона только и могли свидетельствовать перед внешним миром о позиции Русской Церкви, обратились и к главам других Поместных Церквей. В ответ на это Антиохийский Патриарх Григорий IV грамотой от 25 апреля 1923 г. уверил митрополита Антония, что он остается «в непоколебимом духовном братском единении с Блаженнейшим Тихоном, Патриархом Всероссийским, и его верными сотрудниками иерархами» и никогда не имел и не будет иметь никакого общения «с вышеупомянутыми отступниками»¹²³ (обновленцами и украинскими «самосвятами»). Этому обещанию Святейший Антиохийский Патриарх, в отличие от беспринципных фанариотов, оставался верен до конца. О своем неприятии обновленцев грамотой от 11 июля 1923 г. сообщил митрополиту Антонию и Афинский архиепископ Хризостом. Он писал: «Осуждаем безоговорочно тех русских Архиереев и иереев, которые, повинувшись больше человекам, нежели Богу, создали так называемую Живую Церковь, плод и последствие которой — Московский лжесобор»¹²⁴. Сербская Церковь на страницах своего официального органа «Гласник» выразила удовлетворение по поводу отказа Константинопольской Патриархии по-

¹²² *Кривова Н. А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997. С. 182.

¹²³ Грамота Святейшего Григория IV, Патриарха Антиохийского и всего Востока на имя Высокопреосвященного Митрополита Антония // Церковные ведомости. 1923. № 9–10. С. 1–2.

¹²⁴ Грамота Его Блаженства, Блаженнейшего Хризостома, Митрополита Афинского, экзарха Элладского на имя Председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей Высокопреосвященнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого // Церковные ведомости. 1923. № 13–14. С. 2.

слать своего представителя на обновленческое сборище в Москве, заметив, однако, что «это хорошо, но не достаточно». По убеждению Сербской Церкви, требовалось общецерковное осуждение «Живой Церкви», что предлагалось сделать на «Царьградской Конференции»¹²⁵.

Под упомянутой конференцией имелось в виду открывшееся 10 мая 1923 г. в Константинополе под председательством Патриарха Мелетия «Межправославное совещание» в количестве девяти человек. 18 мая это собрание, демонстративно проигнорированное Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским Патриархами, постановило переименовать себя во «Всеpravославный Конгресс». Конгресс наметил целый ряд призванных облегчить унию с англиканами реформ, в первую очередь календарную. Был принят ряд антиканонических постановлений, в частности о допустимости вступления клириков в брак после хиротонии, в том числе и в повторный (для вдовцов). Также было решено торжественно отпраздновать в 1925 г. 1600-летие Первого Вселенского Собора и созвать по этому поводу новый «Всеpravославный Собор»¹²⁶.

6 июня 1923 г. в своем последнем постановлении «Всеpravославный Конгресс» высказался и по делу Патриарха Тихона: «Узнав, что в Москве прошло Церковное Собрание (Ἐκκλησιαστικὴ Συνέλευσις) духовенства и мирян, которое в числе прочих своих неканонических постановлений издало и решение об извержении содержащегося в тюрьме Блаженнейшего Патриарха Московского и всея России Тихона, [конгресс] единогласно постановляет: 1) Выразить сожаление по поводу этого деяния, направленного против первоиерарха Святейшей Российской Церкви, особенно в тот самый момент, когда продолжается его мученичество, и, напротив, выразить искреннее сочувствие патриарху-исповеднику <...> 4) Просить Вселенскую Патриархию обсудить церковную ситуацию в России с остальными Православными Церквями так, чтобы взбудораженное религиозное сознание благочестивого русского народа, подвергающегося тяжким испытаниям в вере, получило надежное руководственное указание»¹²⁷. Грамоту с изложением этого постановления Патриарх Мелетий направил и митрополиту Антонию (Храповицкому)¹²⁸. Само появление постановления в защиту Патриарха Тихона со стороны в целом весьма модернистского мелетиевского конгресса, вероятно, следует объяснить присутствием на нем двух пребывавших в тот момент в Константинополе русских архиепископов — Анаста-

¹²⁵ «Жива Црква» и руско учешће на Цариградској Конференцији // Гласник. 1923. 28 маја. Бр. 10. С. 146.

¹²⁶ См.: *Ермилов П., диак.* Константинопольская Православная Церковь // Православная энциклопедия. Т. 37. С. 262–263.

¹²⁷ Ἀποφάσεις τοῦ Πανορθόδοξου Συνεδρίου // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1923. 9 ἰουν. Σ. 193.

¹²⁸ Грамота Святейшего Патриарха Вселенского на имя Председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей Высокопреосвященнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого // Церковные ведомости. 1923. № 15–16. С. 4.

сия (Грибановского) и Александра (Немоловского), а также недвусмысленной позицией Сербской Церкви в отношении «живоцерковников».

Твердого осуждения обновленческого раскола, однако, в постановлении конгресса и грамоте Мелетия не было. Определения московского лжесобора были названы неканоническими, но никак иначе постановления о женатом епископате и т. п. квалифицировать было нельзя. Простое выражение сожаления по поводу «извержения» Патриарха Тихона мало к чему обязывало. Предложенное же «обсуждение» Вселенской Патриархией «церковной ситуации в России» приняло затем весьма экстравагантный характер. Произошло это, однако, уже при следующем Константинопольском Патриархе. В июле 1923 г. Метаксакис был вынужден покинуть Стамбул (выехал «в отпуск» на Афон), а в сентябре того же года совсем отрекся от Вселенского Престола.

Важные изменения тогда произошли и в России. Патриарх Тихон в июне 1923 г. после заявления Верховному суду РСФСР о том, что он «отныне Советской власти не враг»¹²⁹, был освобожден и вернулся к церковному управлению. На обновленцев его возвращение произвело ошеломляющее впечатление, раскол стал стремительно распадаться. За переменами в Русской Церкви следили и на Фанаре. Так, номер газеты «Церковная Истина» от 11 августа 1923 г. открылся статьей епископа Скопелосского Геннадия «Новое церковное положение в России», которая сообщала: «Изменившееся отношение Патриарха Тихона к Советскому правительству позволило ему выйти на свободу. Воспользовавшись своей свободой, Патриарх Тихон повел систематическую борьбу против так называемого Высшего Церковного Управления и против Живой Церкви. Патриарх публично называет сторонников В. Ц. Управления, как клириков, так и мирян, еретиками, противники же Тихона, напротив, считают его изверженным из сана, простецом и мирянином Василием Белавиным. Правительство и печать беспристрастно наблюдают за этой внутренней церковной распрей. Целью Советского правительства, как мы уже раньше писали, является искоренение вообще всех религиозных убеждений и прежде всего борьба со всеми клириками, приверженцами царского режима. Оно поддерживает любую активность, направленную непосредственно или опосредованно на ослабление религии и Церкви. Нет никаких сомнений в том, что Советы ожидают, что внутренний конфликт между двумя церковными партиями (μερίδων) приведет к тому самому запустению Русской Церкви, о котором говорит Писание: “Всякое царство, разделившееся в себе, запустеет”. Осуществятся ли эти надежды Советов? Полагаем, что группа (μερίς) Патриарха Тихона только еще более укрепитя благодаря пополнению ее рядов многими сторонниками Живой Церкви. Многие русские покинут эту группу (μερίδα) крайних реформаторских взглядов, разделяющую к тому же пресвитерианские идеи, и будет искать благословения Патриарха Тихона. Это в большей степени произойдет еще и пото-

¹²⁹ Акты Святейшего Тихона... С. 281.

му, что Патриарх Тихон признан Патриархом Московским и всея России всеми Восточными Патриархами. Это признание будет иметь большое влияние в деле духовного перевеса тихоновцев. Патриарший представитель в Москве архимандрит Иаков Ватопедец в своем докладе, присланном в патриархию и датированном 7 июля с. г., сообщает: «В конце концов взыдет мольба о том, чтобы прозвучал **авторитетный голос Православных Церквей на Востоке** (выделено в публикации. — *свящ. А. М.*) и чтобы был положен окончательный и долгожданный конец бедствиям Русской Церкви, терзаемой от этого внутреннего религиозного разлада». И в 1666 г. устроенное тогдашним патриархом Ником церковное возмущение в России вызвало вмешательство православных патриархов Востока. Тогда вмешательство произошло «по приглашению державного царя и великого князя Алексея Михайловича Самодержца», а сегодня оно произойдет по приглашению двух церковных партий (*μερίδων*), поскольку в обеих сохраняется великое почтение именно к Вселенской Патриархии. Мы должны также признать, что окончательное разрешение русского церковного вопроса зависит отчасти и от той окончательной формы, которую примет политическая и общественная ситуация в древней царской державе, тем не менее вмешательство православных Церквей, происходящее по приглашению обеих частей, спасет Россию по крайней мере от церковного и религиозного катаклизма»¹³⁰.

Отраженный в статье взгляд высокопоставленного константинопольского наблюдателя (и соответственно его Патриархии) весьма показателен. Фанариоты не отрекались от того факта, что Патриарх Тихон признан всеми Восточными Патриархами. Отдавали они себе отчет и в том, что «живоцерковники» проповедовали крайнее реформаторство и пресвитерианство, а православные русские люди в массе своей их сторонились. Однако и «тихоновцы», возглавляемые признанным всей Вселенской Церковью Патриархом, и революционная «Живая Церковь» для Фанара оставались в равной мере «церковными партиями», борьба между которыми должна способствовать, как некогда во времена Алексея Михайловича, обращению к суду Вселенской Патриархии и других Патриархов Востока. По этой причине эта борьба представлялась Фанару весьма выгодной, даже при понимании того, что в России от нее выигрывало в первую очередь богоборческое большевистское правительство.

Заявляя об «авторитетном голосе» Восточных Церквей, который якобы так чаял услышать русский народ, архимандрит Иаков в значительной мере выдавал желаемое за действительное. Более трезво на положение российских дел смотрели тогда в Александрийской Церкви. Так, в том же 1923 г. в журнале «Пантен» было перепечатано интервью некоего «пользующегося широкой известностью в Москве протоиерея К.», «принадлежащего к сторонникам Патри-

¹³⁰ Γεννάδιος, ἐπ. Σκοπέλου. Ἡ νέα ἐν Ρωσσίᾳ ἐκκλησιαστικὴ κατάστασις // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1923. 11 αὐγ. Σ. 287–288.

арха Тихона». Незазванный священник в частности отметил: «Многие прилагают ныне усилия к восстановлению умершей власти Константинопольского Патриарха, чтобы использовать ее в своих личных интересах. Именно этим занимается в данный момент “Живая Церковь”. Однако в России Константинопольский Патриарх не пользуется никаким влиянием ни на народ, ни на интеллигенцию. Об остальных восточных патриархах и говорить излишне»¹³¹.

Пережившее шок от освобождения Патриарха Тихона обновленчество, которому партийно-советские органы продолжали оказывать негласную поддержку, попыталось в целях самосохранения мимикрировать под Православную Церковь: отмежевалось от наиболее одиозных лиц, таких как Красницкий с его «Живой Церковью», и их программ, предполагавших даже реформирование церковного вероучения; вместо скомпрометированного ВЦУ (точнее, ВЦС — «Высшего Церковного Совета», как стал именоваться руководящий орган раскольников после их весеннего лжесобора) была сформирована структура с привычным для церковного слуха названием «Священный Синод» во главе с иерархом старого (не обновленческого) поставления — архиепископом («митрополитом») Евдокимом (Мещерским). От женатого «епископата», правда, раскольники отказаться не смогли, но стали стараться его лишней раз не выпячивать. На том же заседании ВЦС 8 августа 1923 г., на котором он был переименован в «Священный Синод», было решено: «Восстановить связь с заграничными Восточными Православными Церквями <...> При этом Высокопреосвященным митрополитом Евдокимом было отмечено, что 7 августа к нему на Троицкое подворье являлись с официальным приветствием представители восточных патриархов: Константинопольского — архимандрит Иаков, и Александрийского — архимандрит Павел. Во время ответного визита архимандритом Иаковым было заявлено митрополиту Евдокиму, что о всех происшедших церковных переменах уже сообщено в благоприятном смысле Вселенскому Константинопольскому Патриарху»¹³².

Подробнее беседа Димопуло с Мещерским была описана в рязанском обновленческом издании в заметке под броским названием «Восточные патриархи против Тихона». В уста константинопольского представителя вкладывались следующие слова: «В двадцатых числах июня текущего (1923-го. — *свящ. А. М.*) года я получил из константинопольской патриархии запрос о положении церковных дел в России. Я тогда же отвечал, что патриарх Тихон, как подсудимый, не может управлять церковью. Он живет частным образом, как бы на покое <...> Надлежащей церковной властью, вполне соответствующей переживаемому страной моменту, является священный синод, состоящий из старейших и ученых епископов, лучших пастырей и мирян. — Не признавайте никакой

¹³¹ Ἡ κατάστασις τῆς ὀρθοδόξου Ἐκκλησίας ἐν Ρωσίᾳ // Πάνταϊνος. 1923. Σ. 818.

¹³² Протоколы заседаний Св. Синода // Вестник Священного Синода Российской Православной Церкви. 1923. 18 сент. № 1. С. 7.

другой церковной власти, кроме синода, — писал я константинопольскому патриарху. По полученным ныне сведениям, мой доклад заслушан патриархией и по нему вынесена резолюция: поддерживайте общение со священным синодом и возможно чаще извещайте нас обо всем, что делается в российской церкви»¹³³.

Разумеется, нет никаких гарантий, что позиция архимандрита Иакова, а тем более Константинопольской Патриархии в этой заметке была отражена без искажений. В хронологию событий явно была привнесена путаница: получалось, что за обновленческий лжесинод, учрежденный в августе, Димопуло начал агитировать Фанар чуть ли не в июне. Заведомо ложные сведения сообщались в заметке об Антиохийском и Сербском Патриархах, что они якобы «с синодом стремятся восстановить сношения также»¹³⁴. По поводу сношений архимандрита Иакова с раскольническим «Священным Синодом» в русской зарубежной прессе в октябре 1923 г. даже было дано опровержение: «Запрошенный по сему поводу председатель Синода Вселенской Константинопольской Патриархии Митрополит Кесарийский Николай заявил, что сообщение это представляет собой сплошной вымысел»¹³⁵. Вымыслов, конечно, в большевистских и обновленческих газетах тогда хватало, но то, что московский представитель Фанара имел контакты с раскольниками, было фактом.

Интерпретировать этот факт можно было по-разному. Так, например, епископ Бирский Серафим (Афанасьев) писал в конце 1926 г.: «Не лишним будет напомнить, насколько признаны Восточными Патриархами живоцерковники с их “синодом”. Вот что об этом говорил однажды с церковного амвона в 1924 году епископ Антонин, отошедший от них и выдававший не одну их тайну: “Берут живяки извозчика, сажают старика архимандрита Иакова на извозчика, везут его в Троицкое подворье, поят его чаем и увозят, а потом кричат и пишут: нас посетил представитель Вселенского Патриарха, нас Патриархи признали”»¹³⁶. С извозчиком, вероятно, так оно и было, но старик Димопуло не мог не знать, кто его потчевал на Троицком подворье, да и одной любовью к чаю, очевидно, его визиты не объяснялись.

Пришедший на смену «живякам» евдокимовский лжесинод линию на установление связи с Востоком сделал едва ли не главным направлением своей политики. Первый номер нового главного печатного органа раскольников — «Вестника Священного Синода Российской Православной Церкви» — открылся в сентябре 1923 г. «Посланием Св. Синода всем Восточным Патриархам». «Сердца наши давно были исполнены глубокой скорбью от прекращения общения с нашею Великою Материю Константинопольскою Церковью», — начиналось послание. Далее в нем в красках описывались «непростительные

¹³³ Восточные патриархи против Тихона // Церковное Обновление. 1924. 15 янв. № 1. С. 4.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Желание большевиков // Церковные ведомости. 1923. № 19–20. С. 19.

¹³⁶ Серафим (Афанасьев), еп. О церковном обновлении / Публ. Н. П. Зиминой // Церковно-исторический вестник. 2004. № 11. С. 88.

ошибки» Патриарха Тихона и «созидательная работа» обновленцев. «Высшим органом управления ныне по-прежнему является Священный Синод, возглавляемый старейшими и лучшими нашими архипастырями вместе с лучшими пресвитерами и мирянами», — писали Восточным Патриархам о себе самих эти «лучшие и старейшие», возглавляемые Евдокимом (Мещерским). Заканчивалось письмо обещанием послать на Восток для доклада своего «полномоченного представителя» (с просьбой принять его с любовью) и клятвенным заверением: «Мы — верные сыны Святой Православной Церкви и никогда ни за что не сменяем веры наших Отцов, дедов и прадедов ни на какие другие новые веры и никогда не оторвемся от православного Востока»¹³⁷. 18 сентября 1923 г. начальник 6-го отделения СО ГПУ и по совместительству секретарь Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) Е. А. Тучков писал в докладе «О церковниках и сектах» председателю этой комиссии Е. М. Ярославскому: «К настоящему времени Синодцы намерены для подкрепления своего авторитета получить у Вселенского патриарха признания и для этого посылают в Турцию свою делегацию». При этом слово «посылают» было исправлено из первоначального зачеркнутого «намерены послать»¹³⁸. Можно это понять так, что Тучков считал вопрос об отправке обновленческой делегации в Стамбул решенным, препятствий со стороны ГПУ не было.

На первом же своем заседании 8 августа 1923 г. раскольнический лжесинод установил новую формулу поминовения: «Святейшие Вселенские Патриархи Православные, Священный Синод Православной Российской Церкви, Председательствующего в нем Высокопреосвященнейшего Евдокима, митрополита Одесского и Херсонского, (правлящего епископа) и т. д.»¹³⁹ Что за деятель таким образом поставил себя в ряд со «Вселенскими Патриархами», можно проиллюстрировать выдержкой из обзора украинского ГПУ за октябрь 1923 г.: «За время короткого пребывания своего в Одессе митрополит Евдоким вызвал к себе враждебные отношения со стороны широких масс верующих. Это отношение вызвано его интимной связью с одной монашкой, привезенной им из Нижнего Новгорода. Даже самое прогрессивное духовенство относится к нему отрицательно. Ввиду сложившихся обстоятельств пребывание Евдокима в Одессе является невозможным и может еще более ослабить обновленческое движение»¹⁴⁰. Московские чекисты приняли во внимание этот вопль своих украинских коллег, и Евдоким был отозван из Одессы. О крайней порочности Мещерского писали и в прессе. 2 октября 1923 г. к нему с совершенно убийственным письмом обратился митрополит Антоний (Храповицкий): «Имея любовниц и детей не-

¹³⁷ Послание Св. Синода всем Восточным Патриархам // Вестник Священного Синода Российской Православной Церкви. 1923. 18 сент. № 1. С. 1–3.

¹³⁸ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 118. Л. 5.

¹³⁹ Протоколы заседаний Св. Синода // Вестник Священного Синода Российской Православной Церкви. 1923. 18 сент. № 1. С. 11.

¹⁴⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 291–292.

законных, Вы по необходимости должны постоянно ози­раться на все стороны и трепетать обличения, изгнания и бедности. <...> По­кайтесь: ведь жить оста­лось нам немного; хотя Вы и мой ученик и, увы, постриженник, но и Вам 55 лет скоро исполнится, а при своих слабостях очень долго жить не будете, и на суде Божи­ем ни евреи, ни попы-нигилисты за Вас не заступятся»¹⁴¹. Это письмо было сразу же обнаружено. В одном номере «Церковных ведомостей» с ним было опубликовано и Окружное послание митрополита Антония всем право­славным Патриархам и вообще всем православным христианам, в котором в свойственных председателю Зарубежного Синода сильных выражениях описы­вались неправды обновленцев («адский змей снова воплотился в целое сбори­ще лжеепископов и лжехристиан, чтобы отколоть людей от спасительного ков­чега Божия, который есть Святая Церковь, и рассылает писанные рукою их лживые послания по всему миру, в которых они убеждают читателей отрывать­ся от богопреданной священной иерархии и от Святейшего Всероссийского Патриарха Тихона, поистине исповедника Божественной нашей веры, и при­знать их нечестивое сборище Святейшим Синодом Российской Церкви»; «эти негодяи просят Святейших Патриархов и все поместные Церкви восстановить с ними общение, якобы прерванное Восточными Церквями с Церковью Рос­сийской» и т. п.)¹⁴². В свете такой активности Русской Зарубежной Церкви в обличении обновленчества и его вождей едва ли кто из ответственных деятелей Православных Поместных Церквей мог бы с чистой совестью прикрываться неосведомленностью в российских церковных делах.

Как надлежало относиться к обновленцам, недвусмысленно разъяснил Па­триарх Тихон в послании к архиереям, иереям, инокам и всем верным чадам Православной Российской Церкви от 15 июля 1923 г.: «[раскольники] отделили себя от единства тела Вселенской Церкви и лишились благодати Божией, пре­бывающей только в Церкви Христовой. А в силу этого все распоряжения не имеющей канонического преемства незаконной власти, правившей Церковью в Наше отсутствие, недействительны и ничтожны! А все действия и таинства, совершенные отпавшими от Церкви епископами и священниками, безблагодатны, а верующие, участвующие с ними в молитве и таинствах, не только не получают освящения, но подвергаются осуждению за участие в их грехе»¹⁴³. Та­ков исторический вердикт: *обновленцы отпали от Церкви и от Божией благода­ти*. И это не было личным мнением святителя Тихона. Как тогда отмечал осве­домленный современник (петроградский протоиерей Николай Чуков — впо-

¹⁴¹ Ответное уведомление Председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей Высокопреосвященного Митрополита Антония б. Митрополиту Евдо­киму // Церковные ведомости. 1923. № 19–20. С. 4–5.

¹⁴² Окружное послание ко всем православным Патриархам, Митрополитам, Архиепископам, Епископам, преподобным пресвитерам, инокам, инокиням и всем православным христиа­нам // Там же. С. 2–4.

¹⁴³ Акты Святейшего Тихона... С. 291.

следствии митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий), послание от 15 июля было написано *по представлению епископов*, Патриарх его всецело одобрил и от себя дописал лишь несколько слов, касавшихся его лично¹⁴⁴. Также и абсолютное большинство православных людей в России с оценкой обновленцев как безблагодатных раскольников было вполне согласно. Константинопольские представители в Москве, однако, считали по-другому, причем с ведома своей Патриархии, и от общения (поначалу личного, а затем и литургического) с псевдоцерковным обновленческим сообществом уклоняться не стали.

От Патриарха Тихона, между тем, власть требовала заявить, что «Мелетий — ставленник Англии», и выразить свое отрицательное отношение к его «проискам» (это было одним из условий освобождения, поставленных Антирелигиозной комиссией при ЦК РКП(б) в июне 1923 г.¹⁴⁵). И хотя ориентация Мелетия на Англию не вызывала сомнений, а общая его политика по отношению к Русской Церкви была весьма агрессивной и вполне заслуживала осуждения, Патриарх Тихон, несмотря на давление, никаких некорректных высказываний в его адрес не допустил. Большевики были не прочь использовать авторитет Вселенского Патриарха в своих интересах, в том числе и для укрепления позиций обновленцев. 18 сентября 1923 г. Антирелигиозная комиссия постановила: «Поручить тов. Попову (бывшему в то время заместителем председателя АРК. — *свящ. А. М.*) переговорить с тов. Чичериным о положении Милетия (так. — *свящ. А. М.*) и Константинопольского синода и в зависимости от этого разрешить вопрос о возврате их представителям находящегося в Москве дома»¹⁴⁶. Удалось ли тогда советским представителям установить какие-то контакты с Патриархом Мелетием (он в то время находился на Афоне), неизвестно. А замыслы у АРК, видимо, были масштабные: просто так московское подворье грекам возвращать бы не стали.

Хотя никакого ответа находившийся «в отпуске» Метаксакис на августовское обращение обновленческого «Синода» не отправил, впоследствии раскольники представляли дело так, что он в 1923 г. их поддержал. Когда в конце 1926 г. он был избран Александрийским Патриархом, московский лжесинод направил ему приветствие, в котором говорилось: «Священный Синод с сердечной признательностью вспоминает о той моральной поддержке, какая была оказана Вашим Блаженством, в бытность Вашего Блаженства Константинопольским Патриархом, Священному Синоду вступлением в канониче-

¹⁴⁴ См.: *Григорий (Чуков), митр.* О необходимости ликвидации обновленческого раскола и легализации Патриаршей Церкви: документы и дневник 1923–1924 гг. / Публ., вступ. ст. и коммент. Л. К. Александровой-Чуковой. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/4350772.html>.

¹⁴⁵ См.: Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / В. В. Лобанов, сост. М., 2014. С. 80–81.

¹⁴⁶ Там же. С. 101.

ское общение с ним, как единственно законным органом управления Русской Православной Церковью»¹⁴⁷. Позднее, в 1930 г., обновленческий профессор Зарин сообщал даже, что «патриарх Вселенский Мелетий (ныне Александрийский патриарх) писал б[ывшему] п[атриарху] Тихону, чтобы он, по чувству архипастырского долга, оставил патриарший трон для предотвращения соблазна верующих»¹⁴⁸. Где и когда Патриарх Мелетий такое писал Патриарху Тихону, неизвестно. Возможно, Зарин по забывчивости или намеренно перепутал Мелетия с его преемником, который действительно свою позицию по отношению к святителю Тихону и обновленцам выразил куда более определенно.

¹⁴⁷ Его Блаженству, блаженнейшему Мелетию, Патриарху Александрийскому // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 1 (14). С. 2.

¹⁴⁸ Зарин С. М. Патриаршая и Синодальная церкви в СССР (Информационный доклад Вселенскому Патриарху) // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1930. № 5–6 (48–49). С. 11.

Глава 2

«Верю, что Правительство СССР не сочтет для себя невозможным уделить из своих богатств...» Патриарх Григорий VII и обновленческий раскол

Преемником Мелетия IV 6 декабря 1923 г. стал Патриарх Григорий VII (Зервудакис). Известный канонист профессор С. В. Троицкий в своем труде «Что такое Живая Церковь?», ссылаясь на публикацию в «Церковных ведомостях», сообщал, что «Константинопольский Патриарх Григорий VII в послании от 27.XII.1923 г. № 5856 назвал “живцов” “незаконными захватчиками церковной власти в России”, а Патриарха Тихона “единственным законным высшим главою церковной власти Российской Церкви”»¹⁴⁹. Профессору Троицкому вторил сотрудник послевоенной Московской Патриархии А. С. Бувевский¹⁵⁰. В действительности, однако, таких слов патриаршая грамота № 5856 не содержала. Патриарх Григорий всего лишь писал в ней митрополиту Антонию в ответ на его поздравления: «Пусть Господь дарует скорое утешение и помощь и Святой сестре Русской Церкви и Наисвятейшему Патриарху Тихону, чьи долгие испытания повергают нас в скорбь»¹⁵¹. О «живцах» и о том, кого надлежит признавать «единственным законным высшим главою церковной власти Российской Церкви», в грамоте от 27 декабря ничего не говорилось.

Впрочем, отвечать на отправленное еще в августе 1923 г. на Фанар письмо обновленческого лжесинода Патриарх Григорий также не спешил. Пауза затянулась до весны следующего года. Возможно, задержка была вызвана еще и смертью константинопольского представителя в Москве архимандрита

¹⁴⁹ Троицкий С. В. Что такое Живая Церковь? Варшава, 1927. С. 34–35. (Переиздано в сборнике: «Обновленческий» раскол: Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / И. В. Соловьев, сост. М., 2002. С. 90.)

¹⁵⁰ Бувевский А. Патриарх Константинопольский Григорий VII и Русская Православная Церковь // Журнал Московской Патриархии. 1953. № 4. С. 33.

¹⁵¹ Грамота Святейшего Григория VII, Патриарха Вселенского, на имя Председателя Архиепископского Синода Русской Православной Церкви Заграницей Высокопреосвященного Митрополита Антония // Церковные ведомости. 1924. № 1–2. С. 3.

Иакова, случившейся 15 января 1924 г. Согласно сообщению греческой стамбульской газеты, на его отпевании среди «несчетного множества духовенства, монашествующих и мирян» присутствовали «в качестве представителей Патриарха Тихона архиепископ Серафим и епископ Леонид, со стороны Советской церковной организации митрополит Вениамин», а также «официальный представитель Советского правительства, сопроводивший похоронную процессию до кладбища»¹⁵². Под «митрополитом Советской церковной организации», надо понимать, подразумевался будущий глава обновленцев Вениамин (Муратовский). Архиепископ от «тихоновцев» — это, по всей видимости, Серафим (Александров), внедренный ОГПУ в окружение Патриарха и получивший впоследствии в церковных кругах прозвище «Лубянского митрополита»¹⁵³. Епископов же по имени Леонид в тот момент в Русской Православной Церкви («тихоновской») не было, здесь греческая газета допустила какую-то неточность. Интересно, конечно, было бы узнать, кто из представителей советского правительства столь трогательно проводил архимандрита Иакова в последний путь, но об этом в заметке не сообщалось. Также немаловажно, кто из духовенства не просто присутствовал на его отпевании, а совершал его. Трудно представить сослужение, даже и над гробом греческого архимандрита, архиепископа Серафима, пусть и связанного с ОГПУ, но все-таки «тихоновского» архиерея, с откровенным раскольником из «советской церковной организации».

Вероятнее всего, отпевание Димопуло-старшего было совершено формально нейтральной тогда еще фигурой его помощника и племянника, ставшего вскоре и его преемником, а именно иеромонахом Василием (1867–1934). Именно он и сделал затем фамилию Димопуло неприятно известной всей церковной России. Как и его дядя, Василий тоже был постриженником Ватопедского монастыря. В Москву он прибыл в диаконском сане в 1894 г. как сопровождающий дядю-архимандрита Богословского образования, насколько можно понять, Василий, в отличие от старшего Димопуло, не получил, в русской зарубежной печати он характеризовался как «человек совершенно не образованный, простец»¹⁵⁴. Это, впрочем, его дальнейшей церковно-дипломатической карьере нисколько не помешало, а значок кандидата богословия для парадных фотографий он, как не страдавший излишней скромностью, надевал на себя и так (по сравнению с архиепископским крестом на клобуке, поднесенным ему обновленцами, это было мелочью). В 1913 г. Димопуло-младший был хиротонисан во иерея и получил титул «Сакеллиона Святейшего Апостольско-

¹⁵² Ἐκκλησία // Τὸ Φῶς. 1924. 12 φεβ. Σ. 3.

¹⁵³ См.: *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 2. Тверь, 1996. С. 489.

¹⁵⁴ Положение Св. Патриарха Тихона и Православной Церкви в советской России // Церковные ведомости. 1924. № 13–14. С. 12.

го и Патриаршего Трона Константинополя»¹⁵⁵. После кончины Димопуло-старшего альтернатив сакеллиону Василию как его преемнику у Фанара не было.

Первым поводом показать себя в новом качестве для Димопуло-младшего стала весьма кстати случившаяся смерть Ленина. Как сообщила греческая пресса, он публично выразил «соболезнования в адрес семьи почившего и правительства»¹⁵⁶. Советская сторона оценила такую участливость сакеллиона Василия, поведав о нем широкому кругу читателей «Известий ЦИК»: «16 февраля Димопуло представился турецкому послу Мухтар-бею и вручил ему верительную грамоту от константинопольского патриарха Григория, а 18 февраля он посетил Наркоминдел и представил ему такую же грамоту, в которой константинопольский патриарх Григорий рекомендует его как своего представителя при Советской России»¹⁵⁷. Небольшая, как кажется, деталь, но говорящая о многом: не имевшая никакого правительственного статуса Константинопольская Патриархия настоятеля своего подворья в Москве мыслила представителем именно при советском правительстве, а не при Русской Церкви. Синодальным постановлением иеромонаху Василию было сохранено ежемесячное денежное пособие на нужды представительства в размере 10 английских фунтов, о чем ему было сообщено письмом Константинопольского Патриарха от 19 февраля 1924 г. Об окончательном утверждении в должности патриаршего представителя и настоятеля московского подворья, а также о заочном возведении его в сан архимандрита сакеллион Василий был извещен письмом Григория VII от 20 апреля 1924 г.¹⁵⁸

1 марта 1924 г. еще иеромонах Василий отправил на Фанар письмо с подробным описанием положения Русской Церкви, будущее которой представлялось ему туманным. Димопуло выражал мнение, что «в настоящий момент Великой Церкви не стоит входить в какие-то особые отношения с Церковью в России, пока она пребывает в подобной (неопределенной. — *свящ. А. М.*) ситуации»¹⁵⁹. На этот призыв сакеллиона Василия стоит обратить особое внимание, поскольку в дальнейшем неоднократно предпринимались попытки представить его едва ли не главным инициатором сближения Константинопольской Патриархии с обновленческими раскольниками. Это не совсем верно. Конечно, информационные сообщения и рекомендации обоих Димопуло оказывали воздействие на принимаемые Фанаром решения в отношении Русской Церкви, но не определяющее. Перекаладывать ответственность за последующее антиканоническое бесчиние (если не сказать — разбой) с собственно

¹⁵⁵ См.: *Καλαϊτζής Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἴκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 629–631.

¹⁵⁶ Διὰ τὸν Λένιν // Τό Φῶς. 1924. 9 φεβ. Σ. 3.

¹⁵⁷ Среди церковников. Новый представитель константинопольского патриарха в России // Известия ЦИК. 1924. 26 февр.

¹⁵⁸ См.: *Καλαϊτζής Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἴκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 637–638.

¹⁵⁹ Αὐτόθι. Σ. 720.

Вселенской Патриархии на ее двух московских представителей, пусть и одиозных, нельзя.

Между тем началось стремительное наведение мостов между фанариотами и обновленцами. В апреле 1924 г. газета «Церковное Обновление» возвестила своим читателям, что «по распоряжению Святейшего Вселенского Патриарха Григория VII представитель его, Саккелион (так, с удвоенными согласными в мудреном греческом слове у российских раскольников были проблемы. — *свящ. А. М.*) Василий Димопуло 23 марта 1924 г. вручил Высокопреосвященнейшему Евдокиму, митрополиту Одесскому, патриаршее послание по вопросу о введении нового стиля»¹⁶⁰. Жест внимания со стороны греков обновленцы восприняли с большим воодушевлением, истолковывая его как акт признания их лже-синода. В ответ на грамоту о новом стиле они выразили Патриарху Григорию «чувство глубочайшей радости»: «Тысяча тысячей благодарности отовсюду понесется к подножию трона Вселенской Патриархии за этот акт мудрой, решительной и дальновидной ее церковной икономии. И наша гражданская власть, имея немалый ущерб от церковной неупорядоченности в области календарного вопроса, встретит этот мудрый акт Вашего Святейшества с чувством признательности и одобрения». Для Константинопольской Патриархии «признательность» советской власти, конечно, была бы ценнее льстивых слов обновленцев, особенно если бы она выразилась в ходатайстве большевиков за Фанар перед турками или хотя бы в возвращении подворья в Москве. В конце своего послания раскольники обращались к Патриарху Григорию с новой просьбой: «В горячих заботах об умиротворении церковных настроений и спасении церкви Священный Синод Российской Православной Церкви 11 мая текущего года в г. Москве собирает Великое Соборное Совещание. Прилагая при сем программу Совещания, Русский Священный Синод просит Вас, Ваше Святейшество, прислать на это Совещание полномочных депутатов, которые помогли бы нам внести глубокий мир в нашу, ныне многомятежную, жизнь церковную»¹⁶¹.

Своему «Великому Соборному (или Предсоборному) Совещанию» обновленцы очень хотели придать видимость чуть ли не всеправославного собрания. «Предсоборное» — имелось в виду не перед «Поместным», а перед «Вселенским Собором», идея проведения которого стала всячески пропагандироваться в обновленческой печати. Поводом для такого эпохального события, в соответствии с постановлением мелетиевского «Всеправославного Конгресса», предлагалось сделать 1600-летие Первого Вселенского Собора. «Неволью теснится в сердце мысль, — делился чувствами тульский раскольнический журнал, — что нет лучшего способа увековечить это событие, как собрать новый Вселенский Собор всей Православной Церкви. У всех давно истомилась душа об этом

¹⁶⁰ Послание Вселенского Патриарха о введении нового стиля // Церковное Обновление. 1924. 12 апр. № 2–3. С. 5.

¹⁶¹ Грамота Священного Синода к Вселенскому патриарху, Григорию VIII // Церковное Обновление. 1924. 12 апр. № 2–3. С. 6.

Соборе»¹⁶². Себя «истомившиеся» обновленцы, разумеется, видели непременно участниками этого «Вселенского Собора», Патриарха Тихона — нет.

Одновременно с анонсированием «Великого Предсоборного Совещания» раскольнический лжесинод довел «до всеобщего сведения», что «восточная церковь в лице вселенского константинопольского патриарха Григория VII и представителей других восточных патриархов (антиохийского и александрийского), находящихся в Москве, давно порвала всякое общение с бывшим патриархом Тихоном»¹⁶³. Последнее утверждение было, мягко говоря, преувеличением. Патриарх Тихон ответил на него посланием к Церкви от 15 апреля, в котором заявление обновленцев о разрыве с ним Востока квалифицировалось как обман: «К сведению верующих и в обличение неправды архиепископа Евдокима сообщаем, что послание Вселенского Патриарха Григория VII о введении на Востоке нового стиля доставлено Нам и адресовано на Наше имя представителем Вселенского Патриарха сакеллионом Василием». Как видно, Димопуло про Московского Патриарха тоже не забывал. Далее, чтобы ни у кого не оставалось недоумений в отношении раскольников, святитель Тихон во всеуслышание объявлял Евдокима, Антонина и других главарей обновленчества «запрещенными в священнослужении и находящимися вне общения со всею Православною Русскою Церковью»¹⁶⁴.

Однако, несмотря на такие ясные свидетельства о внецерковном состоянии обновленцев, архимандрит Василий, направляемый своим константинопольским начальством, продолжал активно развивать с ними отношения. Вскоре политика Фанара в отношении Русской Церкви стала совсем скандальной. В «Обзоре политэкономического состояния СССР» за май 1924 г. ОГПУ сообщило высшему партийно-советскому начальству про «послание константинопольского патриарха Григория VII, в котором Тихон объявляется низложенным и единственной законной властью России признается обновленческий синод»¹⁶⁵. 1 июня 1924 г. эта сенсационная новость была поведена массам читателей в статье «Известий ЦИК» с заголовком «Вселенский патриарх отстранил бывшего патриарха Тихона от управления Российской церковью»: «Московский представитель Вселенского патриарха архимандрит Василий Димопуло сообщил представителю РОСТА следующее: “Мною получено только что из Константинополя сообщение о том, что Константинопольский патриарший Синод, под председательством Вселенского патриарха Григория VII, вынес постановление об отстранении от управления Российской Православной Церковью патриарха Тихона как виновного во всей церковной смуте. Постановление

¹⁶² Предстоящий Вселенский Собор Православной Греко-Кафолической церкви // Тульские Епархиальные Ведомости. 1924. 1 авг. № 1. С. 1.

¹⁶³ Послание свящ. Синода // Церковное Обновление. 1924. 12 апр. № 2–3. С. 8.

¹⁶⁴ Акты Святейшего Тихона... С. 316.

¹⁶⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 2: 1924 г. М., 2001. С. 107.

это вынесено на заседании Синода при Вселенском патриархе 6 мая и принято единогласно". <...> Вместе с тем Константинопольский патриарх посылает в Москву авторитетную комиссию из виднейших восточных иерархов для ознакомления с делами Российской Православной Церкви. <...> Одновременно Вселенский Патриарх признал Российский Синод официальным главой Российской православной церкви и запретил к священнослужению всех иерархов, бежавших из России в эмиграцию, во главе с Антонием Храповицким. Все эти иерархи предаются церковному суду»¹⁶⁶.

Полученные из Константинополя бумаги, о которых Димопуло поведал представителю РОСТА, были затем представлены на открывшемся 10 июня 1924 г. «Великом Предсоборном Совещании». В президиуме совещания вместе с видными раскольниками восседали представители Константинопольского и Александрийского Патриархов — архимандриты Василий и Павел. По данным чекистской сводки, на съезде присутствовали «156 попов, 83 епископа и 84 мирянина». В этой же сводке указывалось, что на совещание было командировано 126 секретных осведомителей ОГПУ, т. е. около 40% его состава¹⁶⁷. Почетным председателем «Предсоборного Совещания» был избран Вселенский Патриарх. «Приветствие от Константинопольского патриарха Григория VII читал сам представитель его архимандрит Василий порусски», — сообщало «Церковное Обновление»¹⁶⁸. «В приветствии говорится, что деятельность совещания привлечет внимание всего православного востока, чем больше будет положено любви в труды совещания, тем больше будет надежд, что дело умиротворения увенчается успехом и благословением святейших восточных патриархов», — обтекаемо пересказала выступление Димопуло раскольническая газета¹⁶⁹.

После приветствий последовал доклад председателя лжесинода Евдокима (Мешерского). В посвященной обновленческому совещанию статье «Известий» по поводу этого доклада говорилось: «Кардинальной заслугой синода митрополит Евдоким считает налаживание связи с вселенским патриархом Григорием VII, а также и с восточными патриархами. К концу своей речи митрополит Евдоким огласил ряд посланий вселенского патриарха синоду, из которых явствует, что синод полностью им признан как высший авторитетный орган церковного управления в России»¹⁷⁰. «Пред Совещанием раскрываются подлинныя грамоты Вселенского Патриарха об устранении п[атриарха] Тихона от

¹⁶⁶ Вселенский патриарх отстранил бывшего патриарха Тихона от управления Российской Церковью // Известия ЦИК. 1924. 1 июня.

¹⁶⁷ Сафонов Д., свящ. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время. М., 2013. С. 514.

¹⁶⁸ Предсоборное совещание // Церковное Обновление. 1924. 15 июля. № 7–8. С. 29.

¹⁶⁹ Приветствия великому предсоборному совещанию // Церковное Обновление. 1924. 1 авг. № 9–10. С. 41.

¹⁷⁰ Среди церковников. Всероссийское церковное предсоборное совещание // Известия ЦИК. 1924. 12 июн.

Поместный Собор 1917–1918 гг.

Патриарх Московский и всея России Тихон

Патриарший Местоблюститель
митрополит Крутицкий Петр
(Полянский)

Временный Патриарший Священный Синод при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя

**Митрополит Московский
и Коломенский Сергей
(Страгородский)**

Архиерейский Собор 1943 г.

Патриарх Московский
и всея Руси Сергей

М.И. Калинин и Е.М. Ярославский

Е. А. Тучков

П. Г. Смидович

**Обновленческий лжемитрополит
Евдоким (Мещерский) —
глава раскола в 1923–1924 гг.**

**Обновленческий лжемитрополит
Александр Введенский
в присвоенном облачении
Патриарха Тихона**

Архимандрит Иаков (Димопуло)

Александр Введенский
Карриатура 1920-х гг

Архимандрит Василий (Димопуло)

Вселенский патриарх отстранил б. патриарха Тихона от управления российской церковью.

Московский представитель вселенского патриарха архимандрит Василий Димопуло сообщил представителю Росту следующее:

— Мнею только что получено из Константинополя сообщение о том, что константинопольский патриарший синод, под председательством вселенского патриарха Григория VII, вынес постановление об отстранении от управления российской православной церковью патриарха Тихона, как виновного во всей церковной смуте.

Постановление это вынесено на заседании синода при вселенском патриархе 6 мая и принято единогласно.

По словам архимандрита Василия, это постановление является результатом неоднократных советов константинопольскому патриарху со стороны восточных патриархов и, в частности, сербского патриарха.

Вместе с тем, константинопольский патриарх посылает в Москву авторитетную комиссию из виднейших восточных иерархов для ознакомления с делами российской православной церкви.

В состав комиссии, выезжающей в СССР, входят: митрополит никейский Василий, митрополит феотирский Герман, являющийся управляющим всеми греческими церквями в Западной Европе, митрополит сартский Герман, являющийся обер-секретарем константинопольского патриаршего синода и начальником канцелярии вселенского патриарха Христо Павайиоану.

Одновременно вселенский патриарх признал российский синод официальной главой российской православной церкви и запретил к священнослужению всех иерархов, бежавших из России в эмиграцию, во главе с Антоном Храповицким. Все эти иерархи предаются церковному суду.

управления церковью, об отмене (хотя бы временно) патриаршества на Руси, о признании Св. Синода единственной церковной властью в России, о признании неканоничным “архиерейского Синода Российской Православной Церкви Заграницей” и о предании суду архиереев-беженцев, занимающихся и до сих пор политической пропагандой. Эти грамоты с печатями и подписями Вселенского Патриарха Григория VII и его Свящ. Синода производят сильное впечатление не только на членов Совещания, но и на посторонних слушателей, наполнявших обширные хоры актового зала б[ывшей] духовной семинарии», — описывал картину обновленческий «архиепископ Владимирский и Суздальский» Серафим (Руженцев)¹⁷¹.

Находясь под столь «сильным впечатлением», собрание по докладу «митрополита» Евдокима постановило: «Признать Священный Синод, в силу его органической связи с Высшим Всероссийским Церковным Управлением, избранным на втором Всероссийском Поместном Соборе 1923 года, а также ввиду признания его таковым Вселенской Патриархией (определение Константинопольского Священного Синода от 17 апреля 1924 года) — Единственным Канонически Закономерным Высшим Органом Управления Российской Православной Церкви (так, всё с заглавных букв. — *свят. А. М.*)»¹⁷². Признание Фанаром, таким образом, требовалось раскольническому лжесиноду не только для внешней, но и для внутренней легитимации.

«Подлинные грамоты Вселенского Патриарха с печатями и подписями», столь впечатлившие «Великое Совещание», надо полагать, Димопуло оставил у себя, но еще 5 июня 1924 г. он направил «Его Высокопреосвященству Председателю Священного Синода» их русский перевод «для сведения», подписавшись как «покорнейший слуга и во Христе сын и Представитель Вселенского Патриарха в России»¹⁷³. Затем с заверением «митрополита» Евдокима от 23 июня переводы протоколов были отправлены в советские инстанции (по факту — председателю Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) Е. М. Ярославскому)¹⁷⁴. После этого, уже в сентябре, переводы Димопуло были циркулярно разосланы обновленческим епархиальным управлениям. Одновременно они были пущены и в раскольническую печать. С центральным печатным органом («Вестником Священного Синода») у обновленцев в тот момент были сложности (он не выходил весь 1924 г.), но местные издания выпускались довольно активно. Наиболее полно «грамоты Вселенского Патриарха» были опубликованы в издании «Владимирского епархиального управления», редактировавшегося «архиепископом» Серафимом (Руженцевым), вскоре ставшим у раскольников «митрополитом Московским». В действительности пресловутые «грамоты»

¹⁷¹ *Серафим, архиеп.* Итоги Великого Предсоборного Совещания // Церковная жизнь. 1924. Авг. № 1. С. 4.

¹⁷² Резолюции Великого Предсоборного Совещания // Там же. С. 6.

¹⁷³ ЦГАМ. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 12. Л. 57.

¹⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 180. Л. 11.

были выписками из протоколов четырех заседаний стамбульского Синода: от 17 апреля 1924 г., от 30 апреля, от 6 мая и от 30 апреля — 6 мая (с двойной датировкой).

На первом из перечисленных заседаний, согласно переводу Димопуло, Григорий VII предложил: «Считая необходимым, чтобы для скрепления снова вековых уз и для подачи возложенного на нас долга оказания церковной помощи к общей любви и соединению мы изучили точно течения Русской церковности, известной по имени “Живая Церковь”, и особенности печальнейших церковных разногласий и разделений и чтобы мы имели полную возможность умиротворения дел и полного прекращения настоящей аномалии, происходящей или от непонимания сущности произошедших внешних перемен, или от чрезмерного и бесполезного возвращения к взглядам и старым системам, потерявшим уже всякую жизненную силу и смысл, предлагаем Свящ. Синоду послать от Матери Церкви Константинопольской к дочери ее, братской православной Русской церкви в России, как это часто бывало в прошлом в исключительных обстоятельствах, особую надлежащую Миссию, снабженную рекомендательными письмами к Русскому Правительству и уполномоченную изучать и действовать на месте на основании и в пределах определенных инструкций, согласных с духом и преданиями церкви. Мы надеемся, что с Божией помощью она сможет помочь словами любви и указаний к восстановлению согласия и единения во всей братской Русской церкви ко благу всех православных». Далее в выписке говорилось, что Синод, «разделяя вполне взгляды и чувства Его Святейшества» к благочестивому Русскому народу и его Правительству (на последнее, конечно, стоит обратить внимание. — *свящ. А. М.*), <...> принял патриаршее предложение о посылке особой Миссии для вышеуказанной цели в Россию»¹⁷⁵.

«Великое Предсоборное Совещание», как выше было показано, интерпретировало эту витиеватую выписку как признание Вселенской Патриархией «Священного Синода» — «Единственным Канонически Закономерным Высшим Органом Управления Российской Православной Церкви». В действительности обновленческий лжесинод в ней вообще не упоминался, говорилось про «Живую Церковь», но общий тон постановления фанариотов был для российских раскольников (и стоявших за ними большевиков) весьма благоприятным — отсюда такой крайний оптимизм «Предсоборного Совещания». Проверить точность перевода стамбульского протокола на данный момент не представляется возможным ввиду недоступности его исходного текста. В греческой печати прошло лишь сообщение о том, что «в связи с последними сообщениями из Москвы Священный Синод, обсудив церковную и религиозную ситуацию в России, сформировал комиссию в составе преосвященных [митрополи-

¹⁷⁵ Грамоты Вселенского Патриарха // Церковная жизнь. 1924. Сент. № 2. С. 1.

тов] Кизического, Никейского, Прусского и Филадельфийского для изучения данного вопроса и подготовки докладной записки»¹⁷⁶.

Во второй выписке (от 30 апреля) речь шла о положении русских архиереев-беженцев в Константинополе. Это отдельный сюжет, который следует рассматривать специально¹⁷⁷. Смысл постановления также был вполне просоветским и прообновленческим, в частности архиепископам Анастасию (Грибановскому) и Александру (Немоловскому) предписывалось поминать за богослужениями только Константинопольского Патриарха (и, соответственно, не поминать Святейшего Тихона Московского)¹⁷⁸.

Самой скандальной была выписка из третьего протокола — от 6 мая 1924 г. Согласно ей, Патриарх Григорий заявил, что «по приглашению со стороны церковных кругов Российского населения» (обновленческих, разумеется) он принял предложенное ему «дело умиротворения происшедших в последнее время в тамошней братской церкви смут и разногласий, назначив для этого особую патриаршую комиссию». Комиссия должна была «отправиться туда, чтобы содействовать с Божией помощью словами любви и путем разных указаний восстановлению согласия и единения в братской церкви ко благу всех православных». Далее особо оговаривалось, что «отправляющаяся комиссия в своих работах должна опираться на те тамошние церковные течения, которые верны существующему в России правительству», то есть на обновленцев.

Последующая мысль документа, преподанная от имени Григория VII, настолько импонировала раскольникам, что при публикации они выделили ее курсивом: «Ввиду возникших церковных разногласий, мы полагаем необходимым, чтобы Святейший Патриарх Тихон ради единения расколовшихся и ради паствы пожертвовал собой, немедленно удалившись от управления церковью, <...> и чтобы одновременно упразднилось, хотя бы временно, патриаршество, как родившееся во всецело ненормальных обстоятельствах в начале гражданской войны, и как считающееся значительным препятствием к восстановлению мира и единения. Вместо упразднившегося патриаршества высшее церковное управление там должен принять ныне свободно и канонически избранный Синод, который и вырабатывает детали синодального управления Церковью». Возможно, в оригинале под Синодом имелся в виду новый Собор Русской Церкви, который должен был организовать соборное управление. Но в заверенном Димопуло варианте слово Синод было оставлено без перевода. В результате можно понять так, что всем православным в России предписывалось подчиниться наличному «Священному Синоду» обновленцев как якобы «свободно и канонически избранному» (в действительности же сформированному 6-м отделением Секретного отдела

¹⁷⁶ Ἐκκλησία // Τὸ Φῶς. 1924. 18 ἀπρ. Σ. 3.

¹⁷⁷ См.: Кострюков А. А. К истории взаимоотношений между Русской Зарубежной Церковью и Константинопольской Патриархией в 1920–1924 гг. // Вестник ПСТГУ. Сер. II.: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 6 (43). С. 58–69.

¹⁷⁸ См.: Грамоты Вселенского Патриарха // Церковная жизнь. 1924. Сент. № 2. С. 1–2.

ОГПУ из осведомителей этого ведомства). Что же касается идеи об уходе Патриарха Тихона и упразднении патриаршества в России, то она выражена в документе совершенно ясно и двойной интерпретации не допускает.

В резолютивной части документа сообщалось, что Синод (стамбульский) единогласно постановил:

«1. Чтобы комиссия эта определенно опиралась на церковные течения, верные Правительству СССР и руководствующиеся в своей деятельности догматами и канонами Правосл[авной] церкви (на реальное, а не декларируемое отношение обновленцев к православным канонам фанариоты предпочитали закрывать глаза. — *святц. А. М.*).

2. Чтобы комиссия эта сделала надлежащим образом известным взгляд Его Святейшества и Святш. Синода относительно необходимости удаления Святейшего Патриарха Тихона и упразднения, хотя бы временно, патриаршества и с этим взглядом сообразовала свою деятельность.

3. Чтобы сделала известным взгляд Вселенского Патриарха, что новое положение о высшем церковном управлении должно опираться на основы чисто церковной соборности и иметь форму свободно и канонически избранного Священного Синода»¹⁷⁹.

Выписка из последнего протокола (от 30 апреля — 6 мая) была самой краткой, в ней перечислялся персональный состав предполагаемой к отправке в Россию миссии: митрополиты Василий Никейский, Герман Фиатирский, Герман Сардский и «Великий Протонотарий Вселенского Трона г. Христо-Папаиоанну в качестве советника»¹⁸⁰. (Последнее лицо — одно и то же с подписантом переданного через одесского капитана письма «митрополиту» Евдокиму — его «нижайшим слугой Секретарем Патриархальной Канцелярии протоиереем Христо Панаюанку»¹⁸¹.)

В последний день работы «Великого Всероссийского Предсоборного Соповещения», 18 июня 1924 г., правительству СССР было направлено обращение за подписью лжемитрополита Евдокима (оригинал сохранился в фонде Е. М. Ярославского) «со словами ПРИВЕТА». Замечательной по-своему была мотивировка: «привет» был вызван тем, что «Предсоборное Соповещение» чувствовало «в этом моральную потребность, особо усугубляемую ныне открытым, пред всем миром ПРИЗНАНИЕМ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК ВСЕЛЕНСКИМ ПАТРИАРХОМ ГРИГОРИЕМ VII»¹⁸². То есть Святейший Григорий признал разом и обновленческий «Синод», и советское правительство, что, видимо, по мысли «Предсоборного Соповещения», морально уравнивало эти два учреждения и побуждало поприветствовать «товарищей по счастью».

¹⁷⁹ Грамоты Вселенского Патриарха // Церковная жизнь. 1924. Сент. № 2. С. 2.

¹⁸⁰ Там же. С. 3.

¹⁸¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 199.

¹⁸² РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 180. Л. 7–8. Выделено в оригинале.

Недостатка в догадках, почему Константинопольская Патриархия так себя повела, не было уже тогда. Позднее, в 1930 г., преемник Григория VII Фотий II на заседании своего Синода откровенно говорил: «Советское Правительство через своих представителей не только просило, но просто принуждало Вселенскую Патриархию путем деятельного вмешательства выполнить свои обязанности, происходящие из особого ее положения, как Первенствующей Церкви и Всеправославного Центра, с целью умиротворения Святой Православной Церкви в России. И как мы, бывши в то время членом Синода, помним, и как помнят остальные братья, которые входили тогда в состав Святого и Священного Синода, тогда была назначена Патриаршая Комиссия для поездки с указанной целью в Россию»¹⁸³. Святейший Фотий не стал уточнять, каким именно образом советское правительство «принуждало Вселенскую Патриархию выполнить свои обязанности». Возможно, информация об этом еще будет найдена в архивных фондах соответствующих советских служб.

Обновленческие же раскольники летом 1924 г. торжествовали по поводу своих международных успехов, впрочем, сразу же их самым бессовестным образом преувеличив. 28 июня «Священным Синодом» в обновленческие епархии был разослан циркуляр (свой экземпляр получил и главный антирелигиозник Ярославский), в котором воспроизводилось «воззвание Великого Предсоборного Совещания ко всей Православной Церкви» и сообщалось, что «Вселенский патриарх Григорий 7 и Священный Синод Константинопольской Церкви 6 мая 1924 года присоединился к решению Собора Русской Православной Церкви 1923 года, предложив ТИХОНУ немедленно уйти на покой. Такие же постановления сделаны патриархами ФОТИЕМ Александрийским и ДИМИТРИЕМ Сербским. Таким образом, в глазах всей вселенской Православной Церкви ТИХОН уже больше не патриарх»¹⁸⁴. Удивительно, с какой легкостью обновленческое руководство возвещало откровенные небылицы про Александрийского и Сербского Патриархов. Возможность быть с позором опровергнутыми их не останавливала. Видимо, раскольники считали всепокрывающим то обстоятельство, что Вселенский Патриарх действительно фактически встал на их сторону. Особенно на руку им было то, что не в меру пылкий митрополит Антоний (Храповицкий) годом ранее во всеуслышание поименовал Константинопольского Патриарха (безотносительно к личности) «верховным судьей для православных христиан всех стран»¹⁸⁵. «Тихоновцы, — вещали обновленцы в очередном синодальном циркуляре, — подчинитесь же суду этого “Верховного Судии”. Оставьте Вашего Тихона, отстраненного Вселенским Патриархом Григорием VII, и подчинитесь Священному Синоду Рос-

¹⁸³ *Καλαϊτζής Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 735.

¹⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 180. Л. 20–20 об.; Резолюции предсоборного совещания 1924 г. // Церковное Обновление. 1924. 15 июля. № 7–8. С. 35.

¹⁸⁵ Г[осподину] Президенту Лозаннской Конференции // Церковные ведомости. 1923. № 1–2. С. 1–2.

сийской Православной Церкви, признанному и утвержденному Вселенским Патриархом. Ужели Вы не понимаете, что Ваше противление Вселенской Патриархии ввергает Вас в бездну пагубнейшего раскола со всею Вселенскою Православною Церковью»¹⁸⁶. К попыткам подменить понятия и отождествить с Вселенской Православной Церковью группу фанариотов, пользуясь их «Вселенским» самоназванием (в котором реального содержания не больше, чем в титуловании Александрийского Патриарха «Тринадцатым Апостолом» и «Судией Вселенной»), раскольники будут затем прибегать из раза в раз. На «тихоновцев», однако, эти заклинания большого впечатления не производили. Более того, начавшийся после освобождения Патриарха Тихона массовый процесс принесения обновленцами покаяния и возвращения их в Патриаршую Церковь не прекращался все 1920-е гг.

Огромные надежды раскольнический лжесинод возлагал на приезд в Россию делегации от Константинопольской Патриархии. 23 июня 1924 г. он разослал местным обновленческим управлениям циркуляр, в котором извещал, что «греческие митрополиты, представители Вселенского Патриарха, уже выезжают в Москву. С их приездом нужно ждать полной ликвидации “тихоновщины”»¹⁸⁷. Номер газеты «Церковное Обновление», датированный 1 августа 1924 г., открылся статьей «Восстановление сношений русской церкви с Константинопольским патриархом». Читателям сообщались решения Константинопольской Патриархии о направлении в Россию особой миссии, о том, что «Вселенский патриарх считает необходимым, чтобы б[ывший] п[атриарх] Тихон оставил церковное управление», а также о «запрещении» Фанаром Архидиаконского Синода Русской Зарубежной Церкви. «В самом непродолжительном времени миссия от блаженнейшего патриарха Григория VII, состоящая из трех ученейших митрополитов, прибудет в Москву. Замедление ее приезда — как сообщает представитель Константинопольского патриарха в Москве архимандрит Василий — произошло потому, что два члена миссии, греческие митрополиты, не могли отлучиться из своих митрополий. Теперь состав миссии патриархом восполнен и она ожидается уже в Одессе, где будет принята представителями русской церкви для следования в Москву»¹⁸⁸.

Хоронить «тихоновщину» руками «ученейших греческих митрополитов», однако, раскольники поторопились, хотя советская власть им в тот момент готова была содействовать. В подготовленном ОГПУ секретном «Обзоре политэкономического состояния СССР» за июль 1924 г. сообщалось, что «положение обновленцев довольно твердо и, вероятно, еще более укрепитя с приездом константинопольского патриарха, намеревающегося канонизировать обнов-

¹⁸⁶ ЦГАМ. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 12. Л. 33.

¹⁸⁷ Там же. Л. 30.

¹⁸⁸ Восстановление сношений русской церкви с Константинопольским патриархом // Церковное Обновление. 1924. 1 авг. № 9–10. С. 37.

ленческий синод»¹⁸⁹. В действительности вопрос стоял о приезде не самого Патриарха, а о направляемой им комиссии, но в данной ситуации важнее то, что на этот визит давалось добро с советской стороны. 2 июля 1924 г. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) рассмотрела вопрос «о разрешении въезда в СССР делегации Константинопольского патриарха в числе 4 человек для ознакомления с церковными делами в СССР» и постановила: «Въезд делегации разрешить как частным лицам»¹⁹⁰. Греческая комиссия, однако, не спешила с приездом, и 3 сентября АРК повторно рассмотрела фанаро-обновленческую инициативу и снова вынесла вердикт в ее пользу: «Разрешить и поручить тов. Тучкову обработать делегацию в желательном для нас направлении»¹⁹¹. Но делегация так и не приехала.

Видимо, главным камнем преткновения оказались турки. Турецкое правительство склонно было ограничивать сферу компетенции Константинопольской Патриархии лишь греческой общиной Стамбула и, мягко говоря, не сочувствовало ее притязаниям на всемирное значение. Заявив, что никакого Патриархата, как политического института, для них больше не существует (равно как и Халифата), турецкие власти даже в официальных документах стали подчеркнуто именовать Вселенского Патриарха не иначе как «башпапаз», то есть «главный поп», а его Патриархию — «башпапазлик» («поповское начальство»)¹⁹². После того как 15 июня 1924 г. в близкой Патриархии стамбульской газете «Фос» («Свет») была опубликована фотография святителя Тихона с подписью «изверженный Патриарх России» и сообщением, что соответствующее решение было принято «Синодом Русской Церкви», в турецких газетах появились рассуждения о том, что Фанар вновь занялся политикой. Понимая, чем чревата подобного рода информационная кампания, Вселенская Патриархия в той же газете «Фос» уже 18 июня опубликовала заявление: «Официально опровергаются как совершенно безосновательные сообщения некоторых местных и зарубежных газет, что Вселенский Патриархат изверг из сана Блаженнейшего Патриарха Московского кир Тихона»¹⁹³. Еще через два дня Патриархия дала подробное разъяснение (на удивление здравое, надо заметить): «Согласно священным Канонам Православной Восточной Церкви, всякая Православная Патриархия, как то: Константинопольская, Александрийская, Антиохийская, Иерусалимская, Российская и Сербская, и всякая Автокефальная Православная Церковь, как то: Греции, Румынии, Кипра, могут осуществлять свою духовную власть только внутри своих естественных границ и за их пределами не могут совершать никаких религиоз-

¹⁸⁹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 2. С. 157.

¹⁹⁰ Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б). С. 133.

¹⁹¹ Там же. С. 135.

¹⁹² Ермилов П., диак. Константинопольская Православная Церковь // Православная энциклопедия. Т. 37. С. 264.

¹⁹³ Δήλωσις // Τὸ Φῶς. 1924. 18 ἰουν. Σ. 3.

ных или духовных действий. Церковные постановления по этому вопросу однозначны и не допускают обсуждения. Поэтому напрасно отдельные печатные органы устраивали скандал и обвиняли Вселенский Константинопольский Патриархат в занятиях политикой на основании беспочвенных публикаций об извержении Русского Патриарха Тихона»¹⁹⁴.

Апологетические заявления Константинопольской Патриархии, адресованные в первую очередь туркам, публиковались в газете «Фос» и ранее. Так, 21 мая в порядке «опровержения лжи» там сообщалось: «Патриархия, как чисто религиозная инстанция, занимается только церковными вопросами и только по поводу этих вопросов входит в общение с Православными Властями. А) Так, когда Подворье Вселенского Престола в Москве было конфисковано правительством после смерти его Игумена Иакова, один Синодальный Архиерей отправился в местное Российское Представительство, чтобы сообщить о назначении нового Игумена Василия и попросить об отмене конфискации. По этому же поводу Вселенская Патриархия обращалась за поддержкой к представителю Турецкого Правительства в Москве, ответившему в высшей степени любезно. Б) Затем, после того как председатель Российского Синода архиепископ Одесский Евдоким вместе с семнадцатью другими архиепископами обратились с письменным прошением об урегулировании церковного разделения в России путем вмешательства Вселенской Патриархии, а Патриарх Тихон обратился с идентичным прошением через представителя Вселенской Патриархии в Москве, местное русское представительство запросило у Вселенской Патриархии сведения о соответствующих резолюциях Патриархии. Опять же, местный российский представитель, отправляясь в Москву, попросил предоставить ему в письменном виде принятые резолюции, что и было исполнено. Таким образом, действия Вселенской Патриархии и ее контакты с местным российским представительством ограничивались чисто церковными вопросами. Все же прочие слухи о политических переговорах и договоренностях Вселенской Патриархии с коммунистами или еще кем-то являются абсолютно беспочвенными и распускаются с целью опорочить Патриархию»¹⁹⁵.

Это «опровержение», вопреки желанию Фанара, говорило не совсем в его пользу. Из него следует: 1) что контакты Вселенской Патриархии с советскими представителями в Стамбуле действительно имели место; 2) что в основе их лежала заинтересованность Патриархии в возвращении ей ее московского подворья (между прочим, заметка содержала неточность: подворье было конфисковано не после смерти архимандрита Иакова, а еще при нем); 3) что даже сами резолюции стамбульского Синода об «урегулировании церковного разделения в России» были отправлены в Москву с отъехавшим туда советским агентом. Еще один неприятный вывод состоит в том, что Фанар не брезговал и откоро-

¹⁹⁴ Ὁ Πατριάρχης Τύχων // Τὸ Φῶς. 1924. 20 ἰουν. Σ. 1.

¹⁹⁵ Ἐκκλησία // Τὸ Φῶς. 1924. 21 μαϊ. Σ. 3.

венными подлогами. Если обращение Евдокима (Мещерского) и его лжесинода с просьбой о вмешательстве Константинопольской Патриархии в русские церковные дела действительно имело место, то Патриарх Тихон ни о чем подобном не просил и весьма твердо затем отклонил попытку такого вмешательства (об этом чуть ниже).

Свою роль в том, что Вселенская Патриархия стала опровергать (не очень убедительно) связи с коммунистами, сыграл и английский фактор. Архиепископ Кентерберийский Дэвидсон выразил Патриарху Григорию недоумение по поводу его прообновленческой активности, и тот, как писали издаваемые Русским Зарубежным Архиерейским Синодом «Церковные ведомости», ответил, что «“Живой Церкви” он не признает; Патриарха Тихона он признает законным представителем Русской Православной Церкви и не думал производить над ним суда; комиссию же он собирался послать для ознакомления со взглядами Патриарха Тихона по целому ряду современных вопросов; и теперь едва ли эта комиссия поедет в Россию»¹⁹⁶.

Русская эмиграция была тогда весьма встревожена действиями греков. Управляющий западноевропейскими приходами митрополит Евлогий (Георгиевский) писал 8 июня 1924 г. архиепископу Рижскому Иоанну (Поммеру): «Документально доказано, что Цареградская Патриархия действует в контакте с большевиками и при живейшем участии Евдокима. Подкладка такая: Патриархию выпирают из Конст[антинополя]; цепляясь за свое место, она хочет опереться на сов[етскую] власть, а последняя обещает ей поддержку под условием разложения нашей церковной организации за границей. Маклером в этом деле является Евдоким, который хочет привлечь Конст[антинополь]скую Ц[ерковь] для борьбы с П[атриархом] Тихоном. <...> Не исключается даже возможность, что Конст[антинопольский] Патриарх объявит П[атриарха] Тихона низложенным, чтобы подчинить своему влиянию всю Русскую Церковь, как это было до XIV в[ека]. На языке лукавых греков это называется “помочь” бедствующей Русской Церкви, а на нашем — это та же своего рода погоня за русскими концессиями, какими охвачены теперь все желающие делить шкуру русского медведя... Вы видите, какие папистические замыслы теперь зреют в Царьграде: там хотят подчинить себе Русскую Церковь, пользуясь нашим безвремением. Лакей Евдоким, лишь бы найти где себе опору, на все соглашается».

В свете изложенной печальной ситуации митрополит Евлогий обращался к архиепископу Иоанну с просьбой: «Найдите какой-либо способ, чтобы предупредить П[атриарха] Тихона об этих замыслах греков, угрожающих большой опасностью для нашей церкви, желающих внести в нее новую смуту и подкапывающихся под нашего Патриарха. Надеюсь, что народ наш не пойдет за этими лукавыми и лстивыми греками, особенно если они свяжутся с Евдокимом,

¹⁹⁶ Положение Св. Патриарха Тихона и Православной Церкви в советской России // Церковные ведомости. 1924. № 19–20. С. 17.

но нажим на Патриарха будет огромный, и его необходимо предупредить, чтобы эти господа не вырвали у него обманом или насилием какого-либо нежелательного и бесполезного для Церкви акта. За документальную достоверность всего здесь написанного я ручаюсь». Митрополит Евлогий видел замысел Фанара в том, чтобы «поглотить сначала все русские церкви за границей, а потом подчинить себе и всю Русскую Церковь. Большевики и прислужник их Евдоким всячески этому содействуют — первые, чтобы внести новую смуту и разложение в Церковь, а последний — чтобы там найти себе опору»¹⁹⁷.

Опасения, как бы у Патриарха Тихона «не вырвали обманом или насилием какого-либо нежелательного и бесполезного для Церкви акта», не оправдались. 6 июня 1924 г. выписки из протоколов заседаний стамбульского Синода по русским церковным делам были отправлены ему архимандритом Василием особым письмом. 18 июня глава Православной Российской Церкви ответил через Димопуло самому Григорию VII, ответил сдержанно и с достоинством: «Прочитав указанные протоколы, Мы немало смутились и удивились, что представитель Вселенской Патриархии, глава Константинопольской Церкви, без всякого предварительного сношения с Нами, как с законным представителем и главою всей Русской Православной Церкви, вмешивается во внутреннюю жизнь и дела автокефальной Русской Церкви». Патриарх Тихон подчеркивал, что за епископом Константинопольским Священные Соборы «признавали и признают первенство перед другими автокефальными Церквями чести, но не власти». «Помним и то правило, что, “не быв приглашены, епископы да не приходят за пределы своей области для рукоположения или какого-либо другого церковного распоряжения”. А потому всякая посылка какой-либо комиссии без сношения со Мною, как единственно законным и православным Первоиерархом Русской Православной Церкви, без Моего ведома не законна, не будет принята русским Православным народом и внесет не успокоение, а еще большую смуту и раскол в жизнь и без того многострадальной Русской Православной Церкви»¹⁹⁸. Православный народ России отвергал обновленцев как церковных иуд, пособников безбожия и самозванцев, но Фанар не желал этого видеть, для него важнее было то, что их принимала власть.

Поддержка из Константинополя, однако, обновленцам не очень помогла, и даже органам ОГПУ в «Обзоре политэкономического состояния СССР» за август 1924 г. в разделе «Православная Церковь. Тихоновцы» пришлось констатировать, что «посланию Константинопольского патриарха уделялось мало внимания»¹⁹⁹. Ответ Патриарха Тихона Фанару был воспринят в Церкви как *достойная отповедь*. Так, побывавший в июне 1924 г. в Москве и лично пообщавшийся со Святейшим Тихоном черниговский викарный епископ Дамаскин

¹⁹⁷ История в письмах: Из архива священномученика архиепископа Рижского Иоанна (Поммера). Т. 2. С. 23–25.

¹⁹⁸ Акты Святейшего Тихона... С. 322.

¹⁹⁹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 2. С. 184.

(Цедрик) по возвращении в свою епархию обратился с воззванием к пастве, в котором писал: «Сообщение о лишении якобы сана Патриарха Тихона Константинопольским Патриархом имеет источником своим действительное письмо последнего с советом отойти от управления, и даже вовсе прекратить в России институт патриаршества. На это Патриархом Тихоном отправлена в Константинополь достойная отповедь с указанием на то, что Константинопольский Патриарх не имеет ни малейшего права вмешиваться в дела Российской церкви»²⁰⁰.

Антиохийский Патриарх Григорий IV летом 1925 г. (уже после кончины Святейшего Тихона) в письме митрополиту Антонию (Храповицкому) дал следующую оценку стамбульскому акту и ответу на него из Москвы: «Считаю приятным долгом заявить Вам, возлюбленный владыка-брат, что я признаю факт подобного вмешательства совершенно недопустимым, весьма прискорбным и ни на чем не основанным, а ответную грамоту (почившего) Свят[ейшего] Патриарха Тихона, в такой деликатной форме отклонившую сие незаконное вмешательство, — в высшей степени тактичным, очень важным и достойным восхищения документом»²⁰¹. Действительно, контраст между поведением двух Патриархов — святого Тихона Московского и Григория Константинопольского — был разительным, и не чувствовать этого было нельзя.

Обновленцев же ссылка Патриарха Тихона на позицию русского православного народа приводила в страшное негодование, которым они не преминули поделиться со своим стамбульским покровителем. «Свидетельствуем Вам, — писали они Григорию VII 2 сентября 1924 г., — что наша Русская Православная Церковь переживает ныне давно небывалую внутреннюю смуту: она потеряла мир и благополучие исключительно по неразумному властолюбию бывшего патриарха Тихона, который, чтобы удержаться у власти, отдал своих пастырей на суд народа и судьбы самой церкви вверил толпе. Такое положение церкви нетерпимо. Как Верховного Судию всего православия, Священный Синод умоляет Вас оставить (так. — *свят. А. М.*) забывшегося бывшего патриарха Тихона и тем спасти не только нашу церковь от окончательного разложения, но и авторитет Восточных Патриархов от унижения»²⁰². Столь презрительно относящиеся к народной «толпе» раскольники, видимо, никогда не читали знаменитое Окружное послание 1848 г. Восточных иерархов (об авторитете которых они якобы так заботились): «У нас ни патриархи, ни Соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия у нас есть самое тело Церкви, т. е. самый народ, который всегда желает сохранить веру свою не-

²⁰⁰ Косик О. В. Истинный воин Христов: Книга о священномученике епископе Дамаскине (Цедрике). М., 2009. С. 232.

²⁰¹ От Святейшего Григория IV, Патриарха Антиохии и всего Востока от 20 июня 1925 г. // Церковные ведомости. 1925. № 17–18. С. 4.

²⁰² Его Святейшеству, Архиепископу Константинопольскому, Нового Рима и Вселенскому Патриарху Григорию VII // Церковная жизнь. 1924. Сент. № 2. С. 3.

изменною и согласною с верой отцов его»²⁰³. Удивительно, но деятели Фанара о том, что «хранитель благочестия у нас есть самый народ», похоже, за три четверти века тоже основательно позабыли.

Сам Григорий VII не нашел что ответить Патриарху Тихону. Вместо него за это дело взялись обновленцы. В августе 1924 г. их лжесинодом был разослан длинный циркуляр с «разбором ответа бывшего патриарха Тихона на послание по его делу вселенского патриарха Григория VII»²⁰⁴. Следом, в октябре, этот опус был опубликован в «Церковном Обновлении». «Благоразумие и стремление к церковному миру, — назидали Патриарха Тихона раскольники, — обязывает того, кто считает себя единственно законным и православным первоиерархом русской православной церкви, держать себя не вызывающе к здравому совету первосвященителя вселенской Константинопольской церкви, не упрекать его за вмешательство в дела Русской церкви, а сыновне пригласить его, как старейшего в православном церковном мире по чести, быть третейским церковным судьей». Обновленцы как бы не замечали, что Патриарх Григорий уже выявил свою крайнюю ангажированность в русских церковных делах и быть непредвзятым судьей между ними и Патриархом Тихоном никак не мог. «Мы умоляем вселенского патриарха нашей матери, Константинопольской церкви, скорее осуществить свои намерения и тем разрубить крепкий запутан[ный] узел церковн[ого] раздора и открыть глаза прочим восточн[ым] патриархам на дела б[ывшего] п[атриарха] Тихона». Как видно из последних слов, отношения обновленцев с другими Восточными Патриархами были еще «не на высоте» и в Григории VII они видели своего ходатая. «Мы торжественно обещаемся, — пафосно восклицали они, — подчиниться голосу святейшего вселенского патриарха даже и в том случае, если бы он изрек нам не благословение, а осуждение: нам дороже всего мир церкви, а не власть в ней». Однако в том, каким будет вердикт Константинополя, раскольники особо не сомневались и поэтому заканчивали свой «разбор» призывом: «Пора восточным патриархам властно заявить б[ывшему] п[атриарху] Тихону, что он не может быть главою церкви, потому что его голова и сердце сеют не любовь и мир, а злобу и разделение»²⁰⁵.

В своих посланиях для внутрироссийского употребления обновленцы представляли дело так, что Григорий VII Московского Патриарха уже осудил, отстранил и даже запретил в священнослужении. Среди православных были те, кто если и не верил этим заявлениям, то пребывал в смущении. Чтобы успокоить их, два члена Патриаршего Синода митрополиты Петр (Полянский) и Серафим (Александров) выпустили послание-опровержение, в котором писали: «Архипастырским долгом почитаем разъяснить пастырям и пасомым, что все,

²⁰³ Цит. по: Догматические послания православных иерархов XVII–XIX веков о православной вере. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 233. (Репр. изд.: СПб., 1859).

²⁰⁴ ЦГАМ. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 12. Л. 49–50 об.

²⁰⁵ Разбор ответа бывшего патриарха Тихона на послание по его делу вселенского патриарха Григория VII // Церковное Обновление. 1924. 27 окт. № 15–16. С. 62–63.

сообщенное обновленцами, сплошная ложь, неправда, провокация, все рассчитано на то только, чтобы посеять смуту среди верующих, не имеющих возможности лично знать истину. <...> Вселен[ский] патр[иарх] не отстранял (не мог и не имел права этого сделать) нашего патр[иарха] Тихона от управления Русской православной Церкви, тем более что не запрещал (да и не мог запретить) в священнослужении. Имея ложные и неправильные сведения о положении церковных дел у нас в России, полученные, очевидно, от обновленцев, от того же Евдокима, — патр[иарх] Григорий VII, полагая, что раскол только из-за личности патр[иарха] Тихона, из-за самого, быть может, института Патриаршества, — обращаясь к святейшему, высказывает пожелание, дабы последний сам отошел от власти. Вот и все. Где же тут отстранение или запрещение в священнослужении? Нет и не могло быть речи. Но на это должный ответ дан и послан. Святейший патр[иарх] Тихон как был, так и остался патр[иархом] Моск[овским] и всея России, — главою и законным архипастырем церкви русской»²⁰⁶. Такая спокойная и выверенная оценка произошедшего должна была успокоить православных верующих в России: история с «отстранением» Патриарха Тихона для Константинопольской Патриархии была в высшей степени некрасивой, но в плане канонических последствий для Русской Церкви — совершенно ничтожной. Однако на ней обновленческие провокации, осуществляемые при поддержке Фанара, не закончились.

Поскольку с «полной ликвидацией тихоновщины» при помощи греков произошла заминка, раскольники решили задействовать другой инструмент. 30 октября 1924 г. лжесинод обновленцев обратился к председателям ЦИК М. И. Калинин и Совнаркома А. И. Рыкову с пространном доносом о том, как «тихоновщина» их «бьет политически», проповедуя «преимущество царизма пред Советской Властью», а «народ жадно слушает эти речи» (пасквильанты, видимо, не сообразили, что описываемая ситуация плохо соотносится с разделяемым ими лозунгом о «народном» характере советской власти). «В народе зреет надежда, что уйдет Советская Власть, а “святейший” ТИХОН сохранит Россию новым, лучшим хозяевам, при которых, в первую голову, лучше будет жить церковникам. Сеется политическая зараза. Работа переносится в рабочие массы. <...> С политической проповандой (так. — *свящ. А. М.*) тихоновцев нам бороться трудно, ибо наши религиозные мотивы для контрреволюционеров ничего не стоят. Здесь одна лишь государственная власть может с корнем вырвать политическую заразу. Мы уверены, что при ликвидации тихоновской головки постепенно места успокоятся. И легче Синоду будет выравнивать свою работу во всероссийском масштабе. <...> При существовании же тихоновского центра работа Синода не может быть так плодотворна, как это ему бы хотелось во имя церковных и чисто государственных интересов. Священный Синод со своей стороны полагал бы, что бывший патриарх ТИХОН, как виновник церковной

²⁰⁶ Следственное дело Патриарха Тихона. С. 773–774.

разрухи и зачинатель государственной смуты, должен был бы оставить пределы Москвы, имея своим местожительством один из отдаленных монастырей страны. Так практиковалось всегда в истории Церкви с низложенными патриархами (и в Греческой, и в Русской Церкви). Лишение ТИХОНа возможности управлять базирующейся на нем контрреволюцией внесло бы мир в Церковь и предотвратило бы возможность целого ряда сейчас не исключенных эксцессов государственного порядка против власти рабочих и крестьян»²⁰⁷. Подписали этот феноменальный по своей подлости документ «митрополиты» Вениамин (Муратовский), Серафим (Руженцев), Александр Введенский, «епископ» Георгий Добронравов, «протоиерей» Павел Красотин, «протоиерей» Сергей Добров и секретарь В. З. Белоликов.

Спустя неделю эта компания членов «Священного Синода» получила «почетное» пополнение. Раскольники продолжали ждать приезда в Москву посланцев Вселенской Патриархии, но поскольку они не ехали, лжесинод решил отблагодарить двух греческих архимандритов, бывших в наличии. Об этом в «Церковном Обновлении» прошло следующее сообщение: «6 ноября на заседании св. синода присутствовали представители восточных патриархов — вселенского, архимандрит Василий, и Александрийского — архимандрит Павел. По предложению председателя св. синода митропол[ита] Евдокима оба единогласно избраны почетными членами синода»²⁰⁸ (выделено в публикации. — *свящ. А. М.*). Благодарность обновленцев представителям Востока имела и другие формы выражения, но об этом в печати уже не сообщалось.

В октябре 1924 г. раскольническим лжесинодом в очередном циркуляре вновь был возглашен страстный призыв: «Помните, Тихон не вождь Церкви Православной, а глава секты, идущей против жизни и интересов подлинной Православной Христовой Церкви». Это утверждение подкреплялось сообщением о том, что «Константинопольский патриарх Григорий VII на запрос греческих церквей г. Владикавказа, какому епископу подчиняться, Синодальному или Тихоновскому, ответил, что единственно законным епископом является Синодальный»²⁰⁹. Факт написания Патриархом Григорием подобного письма подтверждения из необновленческих источников пока не имеет, но неправдоподобным не выглядит. Взаимоотношения с Московским Патриархатом были заведены Константинополем в тупик.

Архимандрит Василий тем временем, решив, что Фанар достаточно потрудился для большевиков и обновленцев, обратился 21 июля 1924 г. от имени Вселенского Патриарха и «всего Константинопольского пролетариата» напрямую в высший орган советской власти — ЦИК СССР, а именно к члену его Президиума, главе Секретариата по делам культов П. Г. Смидовичу: «Населяю-

²⁰⁷ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг.: В 2 кн. / Подгот. изд. Н. Н. Покровского и С. Г. Петрова. Кн. 2. Новосибирск; М., 1998. С. 434–435.

²⁰⁸ Хроника // Церковное Обновление. 1924. 12 нояб. № 17–18. С. 75.

²⁰⁹ ЦГАМ. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 12. Л. 56.

щий Турцию греческий народ издавна привык уважать, чтить и любить русский народ, от которого он видел много добра. Россия возрождается, Советская Власть окрепла и теперь свободно может заботиться не только о своем благополучии, но и об интересах и нуждах маленьких народов. Одолев своих врагов, победив все препятствия, окрепнув, Советская Россия может теперь откликнуться на просьбы пролетариата Ближнего Востока, благожелательного к ней, и тем еще больше расположить к себе. В Ваших руках, тов. СМИДОВИЧ, сделать имя Советской России еще более популярным на Востоке, чем оно было ранее, и я горячо прошу Вас оказать Константинопольской Патриархии великую услугу, как сильное и крепкое правительство могущественной державы, тем более что Вселенский Патриарх, признаваемый на Востоке главой всего православного народа, ясно показал своими действиями расположение к Советской Власти, которую он признал»²¹⁰. Таким образом, предлагался обмен: одна сторона (греческая) — «расположение к Советской Власти» (в частности, комиссию, «определенно опирающуюся на церковные течения, верные Правительству СССР»), другая (советская) — «великую услугу Константинопольской Патриархии».

Какую именно услугу Фанар в тот момент ожидал от большевиков, Димопуло подробно расписал Смидовичу в своей «докладной записке» от 16 июля 1924 г. Речь, как нетрудно догадаться, шла о здании бывшего константинопольского подворья: «Доход с этого дома за покрытием необходимых расходов по его содержанию, отсылавшийся всегда в Константинополь, употреблялся сполна Вселенской Патриархией на культурно-просветительные и благотворительные цели <...>. Хотя прекращение получения Патриархией дохода от этого дома существенно отразилось и на ее благотворительной деятельности, однако Вселенский патриархат в пережитые Россией годы бурь и потрясений не позволял себе поднимать какой-либо вопрос об этом доме, прекрасно понимая, что исключительные условия, в которых находилось Русское Государство, требовали и исключительных мероприятий; но когда с наступившим успокоением внутри стала возрастать мощь СССР и жизнь Государства быстро начала входить в нормальную колею <...> Вселенская Патриархия, признав с своей стороны бесповоротно утвердившимся ныне существующий в России государственный строй и подкрепив это признание принятием целого ряда энергичных и строгих мер против русского беженского духовенства и вредной для СССР деятельности русской заграничной иерархии и прочих элементов, возбудила перед Правительством СССР ходатайство о возвращении ей муниципализированного дома Константинопольского Патриаршего Подворья в Москве».

Видно, ради чего так старался Патриарх Григорий, борясь с русскими иерархами-беженцами «и прочими элементами». Дело было в утраченном доходе от дома в Москве. При этом Димопуло заверял Смидовича, что «на Вос-

²¹⁰ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 180. Л. 10; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 558.

токе, в противоположность России, храмы содержатся не на доходы от принадлежащих им недвижимых имуществ, а самими верующими, церковные же имущества служат не для обогащения храмов и духовенства, а культурных и благотворительных целей». Десятки русских епископов, тысячи священников и монахов были убиты богоборцами, содержались в тюрьмах и концлагерях, находились в отдаленных ссылках, сам глава Российской Церкви — святой Патриарх Тихон — едва избежал расстрела и постоянно подвергался изощренной травле (в том числе и с помощью Григория VII), а архимандрит Василий писал одному из главных организаторов этих гонений про «обогащение храмов и духовенства» в России, якобы «в противоположность» Востоку. «Я твердо убежден, — заканчивал Димопуло, — что удовлетворение ходатайства Патриархии будет встречено с энтузиазмом на всем Востоке и оценено как несомненный признак возрождения могущества обновленной России»²¹¹.

По вопросу своего ходатайства архимандрит Василий имел и личную аудиенцию у Смидовича, причем принят этим высокопоставленным работником ВЦИК (а заодно и АРК) он был довольно любезно. Но любезности любезностями — время шло, а дом не возвращали. Патриарх Григорий побуждал своего представителя ускорить процесс. 13 сентября 1924 г. Димопуло пришлось обратиться к Смидовичу с еще одной «докладной запиской», в которой он напомнил о своем июльском обращении и о состоявшемся тогда между ними разговоре. «Вынеся из беседы с Вами по этому вопросу большое утешение и надежду на то, что при благосклонном Вашем к нему отношении и сильном с Вашей стороны покровительстве вопрос о возвращении дома Подворья может быть разрешен в благоприятном смысле, я своевременно донес Вселенскому Патриарху Григорию VII-му, что возбужденное мною ходатайство встретило с Вашей стороны самое дружелюбное и благожелательное отношение и большое внимание, дающие надежду на благоприятный исход дела. Получив ныне предписание донести подробно, в каком положении находится этот вопрос, я осмеливаюсь снова обратиться к Вам с горячей просьбой». Просьба к Смидовичу заключалась в том, чтобы он взял под свою «высокую защиту это ходатайство» и передал его «на разрешение высшей Правительственной Власти, исходатайствовав или полное возвращение дома Константинопольской Патриархии, или хотя бы отдачу его в долгосрочное ее владение»²¹².

Помимо доходов от подворья в Москве у Фанара были в России и другие финансовые интересы. 9 октября 1924 г. архимандрит Василий по поручению Патриарха Григория обратился через Смидовича уже к председателю ВЦИК и ЦИК СССР Калинину с очередной «докладной запиской», в которой сообщал, что еще в 1886 г. один российский грек завещал все свои капиталы в пользу церкви святой Параскевы в Буюк-Дере близ Константинополя. Грек (некий

²¹¹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 559–560.

²¹² Там же. Л. 557–557 об.

К. Х. Сусанопуло из г. Нежина) был весьма небедным, его капитал составлял 200 тыс. рублей золотом и был вложен в российские ценные бумаги (в облигации Рязанско-Уральской и Московско-Казанской железных дорог). Проценты с него — около 6 тыс. руб. — до 1917 г. ежегодно выслались в Константинополь архимандритом Иаковом. Разумеется, после установления в России советской власти от этих процентов, как и от самого капитала, остались лишь воспоминания. Патриарх Григорий, как видно, эти воспоминания хранил и предписал своему московскому представителю обратиться к советскому правительству с ходатайством о возобновлении отпуска процентов. «Обращаясь по-сему с означенным ходатайством к Правительству Великой Республики, с каждым днем приобретающей прежнюю силу и могущество, — писал Димопуло-младший Калинину, — уповаю на великодушное его внимание и отзывчивость и верю, что Правительство СССР, преследующее общее благополучие и довольство, не сочтет для себя невозможным уделить из своих богатств маленькой Общине то, что она получала в продолжение почти 30 лет и что будет обращено ею исключительно на помощь страждущему пролетариату во славу имени СССР»²¹³. Столь горячий призыв, однако, не принес желанного результата. 18 ноября 1924 г. Смидовичем была наложена резолюция: «В процессе революции все ценные бумаги, указанные в отношении Димопуло, обесценены. Помощь, просимая отношением, требует специального ассигнования в бюджетном порядке. Законы СССР не дают возможности провести это ассигнование. В силу изложенного просьба подлежит отклонению»²¹⁴. Таким образом, «Правительство Великой Республики» переводить деньги «страждущему пролетариату» в лице Григория VII «во славу имени СССР» не стало. Но он до этой печальной новости уже не дожил.

Впрочем, перед смертью Патриарх Григорий успел поправить финансовые дела своей Патриархии по-другому. 13 ноября 1924 г. он подписал томос об автокефалии Польской Церкви (разумеется, без какого-либо согласия на то Церкви Русской). За это деяние, как теперь документально установлено, польским правительством Фанару было уплачено 12 тыс. фунтов стерлингов²¹⁵. На меньшее польский посол с Константинопольской Патриархией сторговаться не смог, но министр иностранных дел Польши «оправдался» перед своим премьер-министром тем, что «в подобных случаях Фанар обычно берет больше»²¹⁶. (По-видимому, подразумевались полученные фанариотами незадолго до того «пожертвования» за угодное местным властям решение вопросов о православ-

²¹³ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 512–512 об.

²¹⁴ Там же. Л. 511.

²¹⁵ Ермилов П., диак. Константинопольская Православная Церковь // Православная энциклопедия. Т. 37. С. 266.

²¹⁶ Чибисова А. А. К вопросу о получении автокефалии Польской Православной Церковью // Церковь. Богословие. История: Материалы III Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 6–7 февраля 2015 г.). Екатеринбург, 2015. С. 637.

ных епархиях в Финляндии и Эстонии, за признание ранее разделенной на части Сербской Церкви единым Патриархатом и др.)

Патриарх Григорий, «налаживание связи» с которым глава раскольников лжемитрополит Евдоким ставил себе в «кардинальную заслугу», скончался 17 ноября 1924 г. Константинопольский Престол он занимал менее года, но память о себе оставил неизгладимую. Если его предшественник развил бурную деятельность мирового масштаба (чего стоил один «Всеправославный Конгресс» из девяти человек), то Григорий VII действовал, по крайней мере на российском направлении, более приземленно, по принципу: верните нам наши былые доходы и мы выявим свое «расположение» к вам (в данном случае — большевикам) всеми доступными способами, хотя бы и через поддержку безблагодатных раскольников-обновленцев и третирование святого Патриарха Тихона. Сообщение о кончине Патриарха Григория было помещено в черной рамке на первой странице очередного номера «Церковного Обновления» с призывом «по всем церквам возносить моления об упокоении его души, породственному любившей нашу русскую церковь». Из той же траурной заметки читатель мог узнать, что блюсти Патриарший Престол в Константинополе был назначен митрополит Кизический Каллиник, «состоящий ныне в составе миссии, назначенной для поездки в Россию»²¹⁷.

Смерть Григория VII привела к возрастанию международной активности Фанара. 25 ноября 1924 г. оттуда в Москву был направлен важный синодальный акт за подписью митрополита Никейского Василия (еще одного члена несостоявшейся миссии в Россию). Со ссылкой на решение «Всеправославного съезда», то есть мелетиевского конгресса 1923 г., митрополит Василий извещал архимандрита Василия о созыве в Иерусалиме в 1925 г. «Вселенского Собора». «Сообщая об этом вам и посылая при сем копию программы подлежащих рассмотрению собором вопросов, выработанных уже нашей церковью и сообщенных уже другим церквам, поручаем вашему высокопреподобию довести об этом до сведения тамошних надлежащих церковных кругов и желаем вам многих лет здравия и спасения»²¹⁸. Примечательно, что столь значимый (по идее) акт был послан в Москву как бы между прочим. За подписью Василия Никейского в Москву обновленцам, на имя их нового председателя — очередного лжемитрополита Вениамина (Муратовского), был отправлен и благодарственный ответ за их соболезнования: «Высокопреосвященнейший Митрополит Петрограда Вениамин, возлюбленный во Христе Боге брат! О Господе братски лобзаем Ваше Высокопреосвященство! По Синодальному постановлению Вашему Высокопреосвященству выражаем вместе с прочими во Христе братьями горячую благодарность за братское Ваше соболезнование по поводу смерти

²¹⁷ Блаженнейший Патриарх Григорий VII // Церковное Обновление. 1924. 1 дек. № 19–20. С. 77.

²¹⁸ Извещение о вселенском соборе // Церковное Обновление. 1925. 28 янв. № 2. С. 10.

приснопамятного Патриарха Григория VII»²¹⁹. Видимо, это был первый официальный акт руководства Фанара, хотя и не Патриарха, а пока еще председательствующего синодального митрополита, в котором глава российских раскольников приветствовался как «возлюбленный во Христе Боге брат». Интересно, что заверенный Димопуло перевод этого письма датирован 30 декабря 1924 г. К тому времени Фанар уже имел нового Патриарха.

²¹⁹ Пленум Всероссийского Священного Синода 27–31 января 1925 года // Голос Православной Украины. 1925. 15 февр. № 4. С. 1.

Глава 3

«Ваше высокопреосвященство, митрополит кир Евдоким, возлюбленный во святом духе брат и сослужитель нашей мерности». Укрепление связей фанариотов и обновленцев при Патриархе Константине VI

Свободной Константинопольская кафедра оставалась недолго — ровно месяц. 17 декабря 1924 г. на нее был избран митрополит Деркский Константин, который в тот же день послал в Москву телеграмму архимандриту Василию, опубликованную затем обновленцами: «Избранные сегодня канонически и принявшие управление святейшим вселенским тронном поручаем вашему высокопреподобию сообщить тамошним церковным кругам о совершившейся в отношении нас божьей милости»²²⁰ (священные имена газета «Церковное Обновление» печатала со строчной буквы, объясняя это требованиями цензуры). «Тамошними церковными кругами» для Димопуло был, в первую очередь, раскольнический лжесинод, почетным членом которого он состоял. Извещение на имя «митрополита Ленинградского» Вениамина было отправлено константинопольским представителем 20 декабря. «Священный Синод, получив настоящее радостное для церкви известие, за богослужением 21 декабря объявил об этом верующим в храме Христа Спасителя и других церквах гор. Москвы, после чего совершено было благодарственное молебствие»²²¹. Радость обновленцев была понятна. «Этот иерарх вполне поддерживает обновленческое церковное движение, — заявил о нем Димопуло. — Константин VI всецело продолжает проводить линию своего предшественника Григория VII»²²². Раскольники тепло поздравили новоизбранного Патриарха телеграммой: «Священный Синод Российской православной церкви приветствует ваше всесвятешество

²²⁰ Извещение Священному Синоду РПЦ об избрании вселенского патриарха // Церковное Обновление. 1925. 28 янв. № 2. С. 10.

²²¹ Новый патриарх Вселенской Константинопольск[ой] церкви, блажен[нейший] Константин VI // Там же.

²²² К выселению греческого патриарха из Константинополя // Церковное Обновление. 1925. 10 февр. № 3. С. 22.

со вступлением на вселенский патриарший престол, горячо молит господа о ниспослании вам душевных и телесных сил для многотрудного первосвященнического служения, надеется, что ваше всесвятейшество сохраните братскую любовь и единение с младшей Российской православной церковью и поможете Священному Синоду установить в русской церкви мир и каноническую правду»²²³.

Харьковские обновленцы поспешили присоединиться к своим московским коллегам: «Всеукраинский Священный Синод вместе со всею Православною Украиною вполне разделяет эту общую церковную радость о вступлении на вселенский престол новоизбранного патриарха Константина VI. Православная Украина всегда, а особенно в тяжкие годы иноверных угнетений в XVI и XVII вв., имела для себя опору, утешение и поддержку Вселенских патриархов и уверена, что и ныне, когда она страдает от глубоких церковных разделений, найдет себе место в отеческом сердце Вселенского Судии православных и встретит живое и высокоавторитетное содействие с его стороны к уврачеванию своих недугов и скорбей. В горячей надежде на это, она единодушно вознесет свои молитвы о благословении свыше великого патриаршего подвига новоизбранного Всесвятейшего Вселенского Патриарха Константина VI»²²⁴. Как видно, украинские обновленцы также возлагали на Фанар немалые надежды.

В ответ на поздравления раскольники получили грамоту (в переводе и заверении Димопуло, разумеется; дата заверения — 29 декабря 1924 г.): «Ваше высокопреосвященство, митрополит кир Евдоким, возлюбленный во святом духе брат и сослужитель нашей мерности, благодать и мир божий да пребудут с Вами». Патриарху Константину, по-видимому, не доложили, что с 24 ноября 1924 г. председателем обновленческого лжесинода уже официально стал «кир» Вениамин, а «кир» Евдоким был «по болезни» окончательно отодвинут от дел. Далее шли дежурные благодарения за поздравление и конец: «Вознеся со всяким тщанием молитву о мире и единении святой вашей церкви, просим от бога всего самого наилучшего. Благодать и милость его да пребудет с вашим высокопреосвященством. Вселенский патриарх Константин, возлюбленный о Христе брат»²²⁵. Стоит обратить внимание на то, что «возлюбленным братом и сослужителем» главу российских раскольников именовал теперь уже сам Константинопольский Патриарх.

В такой ситуации не совсем понятно было, что делать Патриарху Тихону. С одной стороны, исходя из церковно-дипломатических соображений следовало бы поздравить нового Константинопольского Патриарха с избранием. Но тот при помощи Димопуло так стремительно объяснился в любви с обновлен-

²²³ Новый патриарх Вселенской Константинопольск[ой] церкви, блажен[нейший] Константин VI // Церковное Обновление. 1925. 28 янв. № 2. С. 10.

²²⁴ Избрание Вселенского Патриарха Константина VI-го // Голос Православной Украины. 1925. 1 февр. № 3. С. 2.

²²⁵ Грамота Вселенского патриарха // Церковное Обновление. 1925. 10 февр. № 4. С. 25.

цами, что присоединяться к хору раскольничьих поздравлений Предстоятелю Русской Церкви было уже неудобно. По всей видимости, он этого делать и не стал. Фанар же такого «непочтения» к себе не забывал.

Составленную в Стамбуле «Программу работ будущего Вселенского Собора» архимандрит Василий обновленческому лжесиноду, конечно, тоже передал (правда, почему-то с месячной задержкой: письмо с Фанара о Соборе было датировано 25 ноября, а извещение о нем московские раскольники получили от Димопуло только 21 декабря²²⁶). Хотя в «Программе работ будущего Вселенского Собора» о Русской Церкви ничего сказано не было, само по себе появление этого опуса вызвало у обновленцев очередной взрыв энтузиазма. «Вестник Священного Синода», издание которого возобновилось весной 1925 г. (в 1924 г. оно было прервано), открылся подборкой материалов под заголовком «О Вселенском Соборе». «После многих лет томительного сумрака загорается на Востоке заря оживления православного сознания, — радостно вещали раскольники. — С благословения Вселенского Патриарха Константинопольского Константина VI (с согласия других патриархов Восточных) на день Св. Пятидесятницы назначен в Св. граде Иерусалиме созыв Вселенского Собора, о котором, наряду со всеми христианскими Церквями, извещена и наша Церковь Российская через Священный Синод ее»²²⁷.

Радость обновленцев по поводу увиденной ими «зари оживления православного сознания» весьма показательна. Конечно, никакого подлинного Вселенского Собора в реалиях 1920-х гг. православным ожидать не приходилось. Славная эпоха Вселенских Соборов уже более тысячи лет как прошла. Неразрывно связанный с православной Римской (Византийской) Империей институт Вселенских Соборов не мог с такой легкостью быть возрожден в совершенно иных исторических обстоятельствах. Поставленная турками на грань выживания Константинопольская Патриархия («башпапазлик») судорожно пыталась использовать имя Вселенского Собора для утверждения собственной значимости. Однако встать в один ряд с созывавшими Вселенские Соборы великими святыми Императорами Константином, Феодосием и Юстинианом фанариотам было не суждено. Затея с «Вселенским Собором» провалилась, хотя шума произвела много, в том числе и благодаря обновленцам.

Тем временем архимандриту Василию в Москве помимо «вселенских» задач приходилось заниматься и более приземленными вопросами, что, впрочем, накладывало заметный отпечаток на всю его представительскую деятельность. Ответа на ходатайство о возвращении Фанару здания бывшего подворья всё не было, квартирная проблема обострялась, а писать советским властям умел не только Димопуло. 13 января 1925 г. жилтоварищество дома в Крапивенском

²²⁶ Созыв Вселенского Собора в 1925-м году во св. граде Иерусалиме // Голос Православной Украины. 1925. 1 февр. № 3. С. 2.

²²⁷ Воззвание Св. Синода // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 1.

переулке направило в Президиум ВЦИК заявление, в котором сообщало, что «на основании постановления Моссовета о квартирной плате от 5 июля 24 г. ДИМАПУЛЛО (так. — *свящ. А. М.*) имеет право занимать жилую площадь 16 кв[адратных] арш[ин] (примерно 8 квадратных метров — *свящ. А. М.*), теперь же занимает 19,82 кв[адратных] саж[еней] (около 90 кв. м. — *свящ. А. М.*). За излишек жилой площади полагается с ДИМАПУЛЛО 17,82 кв[адратных] с[аженей] по 9 р[ублей] за кв[адратную] саж[ень] — 160 р[ублей] 38 к[опеек], за основную по 3 руб[ля] — 6 руб[лей]. Всего в месяц 166 р[ублей] 38 к[опеек]». Архимандрит Василий ни за какие «излишки» принципиально не платил, внося жилтовариществу лишь по 60 рублей в месяц, чем вызывал сильное недовольство. Кроме того, за Димопуло усматривались долги за воду, за оплату дворника и за общий ремонт дома. В общей сложности, по мнению жилтоварищества, «гр. ДИМАПУЛЛО» задолжал ему 1448 рублей 16 копеек²²⁸. Если учесть, что к тому времени после успешной денежной реформы советское правительство наконец смогло стабилизировать рубль, и он, как и царский, стал содержать 18 граммов чистого серебра, счет греческому архимандриту был выставлен не столь уж малый. Сам он, разумеется, был извещен о причитающейся с него сумме.

Столкнувшись с новой квартирной бедой, архимандрит Василий, как и представители жилтоварищества, тоже обратился во ВЦИК с «покорнейшей просьбой» защитить его интересы «как представителя Вселенского Патриарха, немало потрудившегося в деле сближения своего Правительства с Правительством СССР». В действительности в имевшей тогда место близости советского и турецкого революционных правительств не было ни малейшей заслуги ни Димопуло, ни его Патриархии. Грек, однако, просил оставить за ним квартиру «на прежних условиях, т. е. без уплотнения и с минимальной квартирной платой»²²⁹. Раскольнический лжесинод оказал ему поддержку, направив 27 декабря 1924 г. свою «почтительнейшую» бумагу во ВЦИК о желательности удовлетворить просьбу представителя Вселенского Патриарха, «много потрудившегося в деле установления добрых отношений между Россией и православным Востоком»²³⁰ (правильнее было бы сказать: между фанариотами, обновленцами и большевиками).

Советская власть смогла оценить труды Димопуло, и 24 января 1925 г. за подписью секретаря ЦИК СССР А. С. Енукидзе ему было выдано удостоверение о предоставлении в пользование представительству Вселенского Патриарха квартиры № 5 в муниципализированном доме № 4 по Крапивенскому переулку жилой площадью в 19,82 квадратных сажень с оплатой в размере трех рублей за квадратную сажень²³¹. То есть, как он и просил, «без уплотне-

²²⁸ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 567–567 об.

²²⁹ Там же. Л. 563–563 об.

²³⁰ Там же. Л. 562.

²³¹ Там же. Л. 544.

ния и с минимальной квартирной платой». Нельзя не заметить, что для Москвы того времени это были очень неплохие жилищные условия, поэтому не удивительно, что у соседей по дому вновь и вновь возникало желание «попа» уплотнить.

Отрабатывая полученную от ЦИК СССР бумагу, архимандрит Василий принял участие в работе открывшегося 27 января «Всероссийского съезда расширенного пленума Священного Синода Российской православной церкви и активных работников по проведению церковного обновления». Там же с ним отметился и архимандрит Павел (Катаподис). «Архимандрит Василий, — общало “Церковное Обновление”, — передал съезду свое приветствие. Председатель предлагает пленуму благодарить вселенского патриарха за внимание [к] Русской церкви»²³². Более подробное сообщение о московском синодальном пленуме дал харьковский обновленческий журнал (в нем, что примечательно, советская цензура писать священные слова с маленькой буквы не требовала): «Совещание это в ряде сообщений, докладов и резолюций выявило для всей Российской Православной Церкви обстоятельства последнего времени чрезвычайного значения. На первом месте, конечно, нужно поставить факт установления полного и постоянного общения, канонического и молитвенного, нашей Церкви, возглавляемой Всероссийским Свящ. Синодом, со Вселенским и прочими Восточными святейшими патриархами. Это постоянное общение и согласование всех церковных мероприятий с ними поставлено в основу нашей дальнейшей православно-русской церковной жизни. <...> Как раньше в важных деяниях Свящ. Синода, так и теперь в Совещании Пленума принимали участие представители: Вселенского (Константинопольского), Антиохийского, Иерусалимского патриархов и автокефального Архиепископа Синайского — архимандрит Василий Димопуло и Александрийского патриарха с полномочиями от Элладского Свящ. Синода — архимандрит Павел Катаподис. Этот акт торжественно засвидетельствован был пред Пленумом оглашением грамот к Свящ. Синоду от Вселенского патриарха»²³³. Интересно, как грамоты *одного* Патриарха раскольники преподносили в качестве признания их вообще *всеми* Патриархами Востока, даже Антиохийским, отношение которого к обновленцам было резко негативным.

28 января архимандрит Василий препроводил «митрополиту Ленинградскому» Вениамину свое собственное отношение за подписью и печатью, в котором писал: «После долголетнего перерыва сношений с Матерью — Вселенской Церковью эти послания являются зарею **установления самых прочных отношений между Православной Русской и Вселенской Церковью**» (выделено в

²³² Съезд расширенного пленума Священного Синода Российской православной церкви и активных работников по проведению церковного обновления // Церковное Обновление. 1925. 2 апр. № 5–7. С. 33.

²³³ Пленум Всероссийского Священного Синода 27–31 января 1925 года // Голос Православной Украины. 1925. 15 февр. № 4. С. 1.

публикации. — *свят. А. М.*). Не совсем ясно, что греческий представитель имел в виду под «долголетним перерывом сношений с Матерью», но далее он выражал «уверенность, в том, что Священный Синод, ценя эти первые шаги возобновляющейся братской взаимности, и впредь будет во всем послушен голосу своей Матери — Вселенской Церкви, которая всегда явится охранительницей чистоты веры православной». Конечно, по-настоящему на роль хранителя православной веры Константинополь не очень подходил, вспомнить хотя бы Флорентийскую унию. Да и в описываемое время он только и искал удобного способа заключить унию с англиканами. В действительности красивые слова о чистоте веры прикрывали совсем другие интересы Фанара. Во-первых, это максимальная подчиненность («послушность») ему Русской Церкви, за которую выдавалась обновленческая схизма. Во-вторых, обеспечение благополучия Константинопольской Патриархии посредством заступничества русских, не важно каких, лишь бы бывших в силе. «Питаю надежду и уверенность в том, — писал Димопуло, — что послушная голосу Вселенской Церкви Церковь Русская с своей стороны зорко будет стоять на страже и поддерживать авторитет и высоту Церкви Вселенской от всякого инородного посягательства. Голос Союза СССР силен и могущественен и всегда может защитить Церковь Вселенскую от всяких непредвиденных и неблагоприятных к ней отношений»²³⁴. Можно даже удивиться, с какой откровенностью архимандрит Василий излагал мотивы Фанара в поддержке раскольников. Те же, словно не видя папистическо-политической подоплеки константинопольских приветствий, всячески превозносили якобы достигнутое ими полное единство с Востоком.

«Митрополит Московский» Серафим (Руженцев) с упоением докладывал на съезде: «Мы имели великую радость получить приветствие от вновь избранного вселенского патриарха Константина VI с вещественными знаками его внимания (три красных яйца за печатью константинопольского патриарха). Его письмо было опубликовано. Представитель Константинопольского патриарха архимандрит Василий вместе с представителем александрийской патриархии архимандритом Павлом изъявили согласие и благословение своих патриархов быть членами нашего Священного Синода. Архимандрит Василий, находясь в единении, совершает богослужение и в Москве и за Москвой. Все наше внимание направлено к тому, чтобы сохранить это, дорогое для нас, единство. Мы приглашены теперь на вселенский собор. Наши запросы уже обратили внимание всего православного Востока». Лжемитрополит Серафим сообщил также о предложении провести «Вселенский Собор» в Москве и о несогласии с этим греков, которое, впрочем, обновленцев сильно не огорчило. «Предлагаю собранию, — закончил свое выступление Руженцев, — обратиться

²³⁴ Пленум Всероссийского Священного Синода 27–31 января 1925 года // Голос Православной Украины. 1925. 15 февр. № 4. С. 1.

с приветом к вселенскому патриарху и ответить на его приветствие каким-нибудь вещественным порядком: панагией или саккосом»²³⁵.

Как видно, три красных яйца с патриаршей печатью стояли в глазах раскольников многого. Резолюция пленума гласила: «Обратиться с приветствием к Восточным Патриархам и поручить Св. Синоду сделать подарок Вселенскому Патриарху Константину VI»²³⁶. 27 января 1925 г. обновленческий лжесинод направил Константинопольскому Патриарху грамоту, в которой писал: «Русская Церковь переживает тягостное время раздора и внутренней междоусобицы, вызванной неподчинением суду Собора 1923 года бывшего патриарха Тихона, который не подчинился и указанию Всесвятейшего Вселенского Патриарха. С трудом, в истинном подвиге, приходится верным чадам Церкви Православной собирать расточенное церковным ослушником и раздорником. В этом подвиге нашем на благо и за единство Святой Православной Российской Церкви для нас всех величайшим утешением является сознание связи с Матерью — Восточной Церковью, от которой Россия и веру свою восприяла. <...> Мы выражаем полную свою готовность следовать указаниям Святейших Восточных Православных Патриархов <...>. Мы уверены, что молитвенное предстательство за нас Святейших Православных Патриархов, а равно их мудрость отеческая прольют священную тишину и мир в раздираемую бывшим патриархом Тихоном святую Русскую Православную Церковь»²³⁷.

Не забыли, разумеется, в своей резолюции обновленцы и про приглашение на «Вселенский Собор». После пункта о подарке Вселенскому Патриарху в ней было записано: «Признать необходимость представительства Российской Православной Церкви на Вселенском Соборе. <...> До Вселенского Собора созвать Поместный Собор Российской Православной Церкви, которому избрать представителей на Вселенский Собор и избрать Св. Синод». Той же резолюцией была учреждена «Предсоборная комиссия» в составе «митрополитов» Евдокима (Мещерского, уже отставленного), Вениамина (Муратовского), Серафима (Руженцева) и Александра Введенского, а также четырех профессоров с правом «приглашать нужных лиц»²³⁸. Комиссия сразу же начала деловито готовиться к поездке в Иерусалим и 7 февраля 1925 г. постановила: «Члены Вселенского Собора избираются Всероссийским Поместным Собором (приблизительно в конце апреля, начале мая). <...> Оставить открытым вопрос о включении в повестку Вселенского Собора дела о тихоновском расколе»²³⁹. Таким образом, вну-

²³⁵ О будущем вселенском соборе // Церковное Обновление. 1925. 2 апр. № 5–7. С. 55–56.

²³⁶ Резолюции пленума Св. Синода // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 5.

²³⁷ Телеграмма Вселенскому Патриарху // Там же. № 1. С. 5–6; Грамота Священного Синода вселенскому патриарху // Церковное Обновление. 1925. 10 февр. № 4. С. 25.

²³⁸ Резолюции пленума Св. Синода // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 5.

²³⁹ Предсоборная комиссия // Там же. № 1. С. 2–3.

триросийские интриги обновленцев против «тихоновцев» встраивались во «вселенский» контекст.

Ради дальнейшего сближения с Востоком раскольники (впрочем, не все) на словах даже выразили готовность поступиться своим женатым «епископатам», о чем торжественно сообщил «Голос Православной Украины»: «Признавая каноническое достоинство уже хиротонисанных женатых епископов, учреждение коих было вызвано по местам исключительными обстоятельствами, впредь новых не посвящать, ожидая окончательного решения вопроса о них Вселенского собора. Такое решение Совещания Пленума, полное бесстрастия и отречения от всяких частных соображений, свидетельствует о непоколебимом его единении с православным патриаршим Востоком и является фактом огромной важности в оценке направления нашей современной православной церковности»²⁴⁰. В «Церковном Обновлении» была опубликована речь представителя Александрийского Патриарха архимандрита Павла (почему-то его фамилия при этом была указана как Катаноди). Речь эту, возможно данную в изрядно препарированном виде, трудно назвать содержательной, суть ее сводилась к фразе: «Мы ничего не имеем против того или иного разрешения о женатом епископате, но мы, как представители православного Востока, предлагаем осторожно подходить к обсуждению этого вопроса»²⁴¹. Осторожность в вопросе о посвящении женатых «епископов», однако, так и не стала характерной для российских обновленцев. Интересно, что ни в официальном «Вестнике Священного Синода», ни в «Церковном Обновлении» (в тот момент едва ли не ведущем раскольническом издании, в выпуске которого особую роль играл женатый лжемитрополит Александр Введенский) резолюция о временном моратории на посвящение новых брачных «архиереев» помещена не была²⁴². Фактически она так и осталась для обновленцев (кроме украинских) мертвой буквой.

Позднее, на раскольническом лжесоборе в октябре 1925 г., «строгая» позиция греков в вопросе о брачном «епископате» была дезавуирована женатым «архиепископом Алтайским» Александром Введенским (тезкой «митрополита-благовестника»), который заявил по поводу январского постановления: «...одним из официальных мотивов решения является якобы протест, выраженный на пленуме представителями Вселенских патриархов против дальнейшего поставления семейных епископов, при сохранении status quo для сущих в сем сане. Это не может не интересоваться нас. Один из сибирских епископов, пре-

²⁴⁰ Пленум Всероссийского Священного Синода 27–31 января 1925 года // Голос Православной Украины. 1925. 15 февр. № 4. С. 1–2.

²⁴¹ Съезд расширенного пленума Священного Синода Российской православной церкви и активных работников по проведению церковного обновления // Церковное Обновление. 1925. 2 апр. № 5–7. С. 48.

²⁴² См.: Резолюции пленума Св. Синода // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 4–5; Резолюции съезда // Церковное Обновление. 1925. 2 апр. № 5–7. С. 56–57.

освященный Ишимский Алексей (Копытов, тоже, разумеется, женатый. — *свящ. А. М.*) по этому интересующему нас вопросу имел специальную беседу с представителем Вселенского патриарха, архимандритом Василием Димопуло. Архимандрит Василий любезно осведомил архиепископа Алексея, что заявление на январском пленуме Синода было его частным мнением, притом не особенно упорным, и что никаких полномочий от своего патриарха на это выступление он не получал. Отношение же Вселенского патриарха к брачному епископату достаточно видно из того, что *всесвятейший состоит в полном каноническом общении с Всероссийским Священным Синодом, имеющим в своем ведении достаточное количество женатых епископов*²⁴³. Действительно, контактам Фанара с обновленческим лжесинодом факт наличия не просто *в ведении* последнего, но и *в его составе* женатых псевдоархиереев, нисколько не препятствовал.

Общение раскольников с Патриархом Константином, начатое при посредничестве Димопуло в столь обнадеживающем ключе, к их великому огорчению было прервано, едва начавшись. Константин VI проуправлял Вселенской Патриархией еще меньше, чем Григорий VII, и 30 января 1925 г. был выслан из Стамбула турками — обновленческий пленум еще даже не успел закончить свою работу. Угроза депортации нависла и над другими архиереями Фанара, и, соответственно, вновь встал вопрос о дальнейшем существовании греческой Патриархии в Константинополе. Архимандрит Василий по этому поводу сразу же обратился в раскольнический лжесинод: «Я полагаю, что Русская Православная Церковь не откажется ходатайствовать пред Советскою властью о поддержании Вселенского Патриарха, об оставлении его на своем троне. В Ваших руках, Ваше Высокопреосвященство, сделать имя Советской России и Священного Синода еще наиболее популярным на Востоке. Я горячо прошу Вас оказать Константинопольской Матери Церкви эту великую услугу, которая тем самым будет и актом силы и могущества Русского Правительства, тем более что и Вселенский Патриарх, признаваемый на Востоке главою всего православного народа, ясно показал своими действиями свое расположение к Советской Власти»²⁴⁴. Можно заметить, что, обращаясь со столь пламенным призывом к обновленцам, Димопуло не стал перетруждать в подборе выражений и просто на скорую руку переиначил свое письмо от 21 июля 1924 г. в ЦИК СССР (процитировано выше), заменив обращение «тов. Смидович» на «Ваше Высокопреосвященство». (Примечательно, что в письмах самому Смидовичу Димопуло такого не допускал и каждый раз юродствовал на тему «страждущего пролетариата Востока» по-новому.)

²⁴³ Деяние III-го Всероссийского Поместного собора, бывшего с 1 октября 1925 года, нового стиля, в городе Москве // Церковное Обновление. 1926. 25 янв. № 1. С. 5.

²⁴⁴ На Православном Востоке // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 30.

Раскольники, конечно, не остались безответными и постановили: «Выразить Представителю Вселенского патриарха в России Архимандриту Василию соболезнование по поводу высылки из Константинополя патриарха Константина VI. Принять по этому поводу все зависящие от Священного Синода меры: составить обращение к Правительству СССР, в коем просить его сделать представление Турецкому правительству об оставлении резиденции Вселенского Патриарха в Константинополе <...> составить обращение к представителям автокефальных церквей...»²⁴⁵. Самому же Константину VI была послана телеграмма: «Священный Синод Российской Православной Церкви, выражая Вашему Всесвятейшеству свое искреннее соболезнование, почтительнейше просит Вас прибыть в Москву, дабы воспользоваться гостеприимством Русской православной церкви и православного народа, пока вопрос о Вашей резиденции не будет улажен надлежащим путем. О разрешении прибыть Вам в Москву Священным Синодом возбуждено ходатайство пред Высоким Правительством Союза Советских Социалистических Республик»²⁴⁶. Как видно, под предлогом заступничества за тесного Вселенского Патриарха обновленцы тут же постарались вовлечь его в московские дела. В доказательство своей международной активности они сообщили в «Церковном Обновлении»: «3 II 1925 Русский Священный Синод представил через Комиссариат Иностранных дел СССР свой мотивированный протест турецкому правительству по поводу насильственного изгнания патриарха Константина VI из Константинополя»²⁴⁷.

Вопрос о том, чтобы принять высланного Патриарха в Москве, был рассмотрен Антирелигиозной комиссией при ЦК РКП(б), которая 14 февраля 1925 г. постановила:

а) Поручить т. Менжинскому договориться с т. Чичериным.

б) Не возражать против въезда в СССР патриарха как частного лица, если не будет к тому препятствий со стороны НКВД»²⁴⁸.

Какие-то препятствия в итоге все же возникли, и Патриарх Константин, как и его предшественник по изгнанию Мелетий, в СССР так и не приехал. Но шумная кампания, поднятая обновленцами в его защиту, имела определенный пропагандистский эффект. В другой ситуации Патриарх Тихон, надо полагать, тоже бы выступил в поддержку гонимого турками константинопольского собрата, но в реалиях 1925 г. даже теоретической возможности для этого у него не оставалось. Не через Димопуло же это было делать: для последнего «Русской Церковью» было безблагодатное обновленческое сообщество, и сам он, всту-

²⁴⁵ На Православном Востоке // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 30.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ Высылка греческого патриарха из Константинополя // Церковное Обновление. 1925. 10 февр. № 3. С. 22.

²⁴⁸ Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б). С. 160.

пив не просто в протокольное, но и евхаристическое общение с таковым, по сути дела, стал обновленцем. Обращаться по примеру раскольников к советскому правительству, чтобы оно походатайствовало за Вселенского Патриарха перед турками, Патриарх Тихон тоже не мог: не в тех отношениях он был с большевиками. Не подходили в качестве посредников в межцерковном общении и русские зарубежные иерархи: с одной стороны, переписка с ними вменялась Всероссийскому Патриарху советскими органами в тяжкое политическое преступление, с другой — их отвергала Константинопольская Патриархия.

Единодушие же московских раскольников с Фанаром, казалось, было продемонстрировано полное, что делало обновленцев в собственных глазах вполне «каноничными» и, напротив, подчеркивало «неканоничность» поведения по отношению к ним со стороны «тихоновцев». Так, постановление лжесинода от 10 марта 1925 г. гласило: «Ввиду поступающих в Священный Синод сведений о том, что тихоновские епископы совершают перерукоположение клириков, получивших посвящение от православных епископов, находящихся в ведении Священного Синода и в каноническом общении с вселенскою Патриархией, сообщить Е[пархиальным] У[правлениям], что тихоновские архиереи, совершающие перерукоположение, подлежат каноническому осуждению по правилу: “да будет извержен от священного чина и он и рукоположивший”»²⁴⁹.

Раскольнические идеологи выстраивали целую экклезиологическую теорию. Так, «архиепископ Подольский и Брацлавский» Лоллий (Юрьевский), слышавший у обновленцев одним из самых богословски образованных, писал: «Православие там, где оно свидетельствуется живым и действительным голосом святого Востока; оно у тех, кого восточные патриархи действительно принимают в каноническое и евхаристическое общение с собою; оно у тех, кто составляет вместе со всем Востоком, его патриархами и прочими святителями единую, неразрывную святую вселенскую Церковь. <...> Благодарение Богу! Не безмолвны восточные патриархи. Они сказали уже свое слово. Они приняли в общение с собою иерархию православной Синодальной Церкви»²⁵⁰. «Они», в данном случае, это Константинопольские Патриархи Григорий VII и Константин VI. По мысли лжеархиепископа Лоллия, все остальные Восточные Патриархи как бы сами собой воплощались в лице этих двоих, общение с которыми выставлялось в качестве непререкаемого критерия православности. До латинского критерия католичности (единства с Римским Папой) оставался один шаг.

Лоллий (Юрьевский) с радостью сообщал о Василии (Димопуло) и Павле (Катаподисе), что они «имеют не только официально-дипломатические сношения с Священным Синодом, но и входят с синодальными иерархами в евхаристическое общение, участвуя с ними в совершении богослужений». Он описывал

²⁴⁹ Циркуляр Св. Синода от 8 апреля 1925 г. за № 1558 // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 2. С. 3–4.

²⁵⁰ К уклоняющимся от вселенского единства // Голос Православной Украины. 1925. 1 марта. № 5. С. 1.

имевший место 8 ноября 1924 г. случай сослужения архимандрита Василия «епископу Александровскому» Алексею Рождественскому в поселке Струнино Владимирской епархии, особо умиляясь тому, что Димопуло «после литургии благословлял верующих, как олицетворявший собою самого вселенского патриарха»²⁵¹.

Другая подобная гастроль архимандрита Василия была в красках описана рязанской газетой «Церковное Обновление»: «Еще на четвертой неделе св. четырехдесятницы (1925 г. — *святц. А. М.*) высокопреосвященному Корнилию (Попову. — *святц. А. М.*), архиепископу Ярославскому, пришла благая мысль для оживления церковной жизни в Ярославле и для наглядного выявления общения св. Синода с восточными вселенскими патриархами пригласить для сослужения с “благовестником правды христовой”, митрополитом Александром (Введенским. — *святц. А. М.*), и представителя вселенского Константинопольского патриарха Константина VI высокопреподобного о. архимандрита Василия Димопуло, живущего в Москве и состоящего членом Св. Синода. Дорогие гости прибыли в г. Ярославль в 7 часов утра 26 апреля, в Фомино воскресенье, в сопровождении секретаря — члена Св. Синода архидиакона С. А. Доброва и после краткого отдыха прибыли в Знаменскую церковь для служения литургии. <...> Начальный и другие возгласы на литургии о. архимандрит произносил по-гречески, чем вызвал в богомольцах обмен мыслей: “и правда грек, не по-нашему говорит”». Как видно, богомольцы сомневались, что столь высокопоставленный грек в самом деле обновленец. Демонстрация оказалась весьма убедительной (во всяком случае, согласно описанию «Церковного Обновления»). В конце службы, после восторженных речей «митрополита» Александра и «архиепископа» Корнилия, «обратился к богомольцам, в числе которых довольно число было последователей б[ывшего] п[атриарха] Тихона, и **представитель вселенского патриарха** (выделено в публикации. — *святц. А. М.*) о. архимандрит Василий, сказав: “Христиане братие! Я, как представитель вселенского патриарха, приветствую вас и прошу прекратить разделение и раздор церковный; Всероссийский Священный Синод и вселенская Восточная церковь составляют едину, святую, соборную и апостольскую церковь, различия между ними ни в вере, ни в богослужении, а тем более в таинствах, нет никакой; храните же любовь и мир между собой и держитесь православной веры и да будет над вами божие благословение”»²⁵².

Раскольники, как могли, благодарили «любвеобильного» греческого архимандрита, обратившись к нему со следующим отношением: «Постановлением Священного Синода РПЦ от 8 мая 1925 года вы, ваше высокопреподобие, за вашу преданность Священному Синоду и за установление тесного канонического общения последнего с Вселенской патриархией награждены бриллиан-

²⁵¹ К уклоняющимся от вселенского единства // Голос Православной Украины. 1925. 1 марта. № 5. С. 1–2.

²⁵² Посещение г. Ярославля представителем Вселенского патриарха // Церковное Обновление. 1925. 15 июля. № 11. С. 90.

товым крестом для ношения на клобуке». Архимандрит «скромно» принял награду, обычно вручаемую архиепископам, и ответил обновленческому председателю: «Приношу вашему высокопреосвященству и всем членам Священного Синода мою сердечную благодарность за ту честь, которою меня удостоили. Мое постоянное внимание к нуждам церкви русской исходит от искреннего чувства любви к ней, как представителя матери церкви вселенской, которая всегда шла на помощь в трудные минуты церковной жизни и не требует за это никаких знаков отличия»²⁵³. От бриллиантов, однако, «бескорыстный» архимандрит Василий не отказался. В глубине души он, наверное, все-таки чувствовал, что участвует в клоунском действе, поэтому 30 мая известил Фанар о полученной «награде» и испросил благословения Вселенского Патриарха на ее ношение. Константинопольский Синод рассмотрел этот вопрос и решил его положительно, о чем московскому представителю было сообщено письмом от 10 сентября 1925 г. с «теплыми поздравлениями по случаю получения им такого знака отличия»²⁵⁴. Фанар на клоунату давал добро.

Своим вниманием Димопуло не обделял и украинских раскольников-обновленцев. 30 марта 1925 г. он направил в редакцию журнала «Голос Православной Украины» письмо с приветствием и «Божьим благословением». «Интересуясь Вашим журналом, прошу Вас выслать мне по адресу, имеющемуся в прилагаемой карточке, выходящие номера с 1 января сего года, чем много меня обяжете, — так как из них я буду почерпнуть сведения для ознакомления с ними Вселенской Патриархии», — выразил свой интерес греческий архимандрит и подписался: «Готовый к услугам Представитель Вселенского Патриарха в СССР»²⁵⁵. Редакция харьковского обновленческого журнала поместила письмо «готового к услугам» грека на самом видном месте, отметив, что «для журнала в высшей степени ценно такое внимание к нему представителя матери всех православных церквей — Вселенской Константинопольской»²⁵⁶. (Интересно было бы узнать, с каких пор Константинополь стал «матерью всех православных церквей», но об этом так называемый «Голос Православной Украины» не писал.)

Украинские раскольники не сомневались в том, что «оба представителя восточных патриархов (архимандриты Василий и Павел. — *свящ. А. М.*) будут присутствовать и на Поместном Всеукраинском Церковном Соборе»²⁵⁷. Указанный лжесобор состоялся в столице УССР Харькове в мае 1925 г., но, вопре-

²⁵³ Награждение представителя Вселенского патриарха в России архимандрита Василия Димопуло // Церковное Обновление. 1925. 15 июля. № 11. С. 91.

²⁵⁴ *Καλαϊτῆς Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχεῖου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 643—644.

²⁵⁵ От представителя Вселенского Патриарха // Голос Православной Украины. 1925. 1 апр. № 7. С. 1. (Указанная дата выхода журнала явно не соответствует фактической, поскольку в том же номере далее сообщалось о кончине «б. патриарха» Тихона, случившейся 7 апреля.)

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ К уклоняющимся от вселенского единства // Голос Православной Украины. 1925. 1 марта. № 5. С. 2.

ки ожиданиям, греческие архимандриты на него не приехали. Вероятно, это было связано с провозглашением автокефалии украинскими обновленцами, причем акцентировалась их независимость не только от Москвы, но и от Константинополя. 20 мая «Всеукраинский Собор» объявил «яко не бывшей» присягу митрополита Киевского Гедеоны (Святополк-Четвертинского) Патриарху Московскому Иоакиму, принесенную в 1685 г., и одновременно постановил: «Акты же Константинопольской Церкви, коими Патриарх Дионисий отрекся в 1686 г. от своих прав на Киевскую Митрополию, оставить в полном их разуме и силе, поскольку они доказывают прекращение какой бы то ни было зависимости Киева от Константинополя»²⁵⁸. Видимо, Фанар ждал несколько иного решения. Объявлять «яко не бывшей» причину (вхождение Киева в юрисдикцию Москвы) и при этом «оставлять в силе» следствие (его выход из подчинения Константинополю) было нелепо.

Правда, на следующий день «соборной» работы, 21 мая, была предпринята попытка изобразить, что украинская автокефалия провозглашена чуть ли не по инициативе представителей Востока. В опубликованных «Деяниях Всеукраинского Священного Собора» сообщалось, что его члены «с великой радостью заслушали письменные пожелания представителей Вселенского и Александрийского Патриархов о том, чтобы Украинская Церковь, первая получившая в России свет Христова ученья в водах Днепра, как второго Иордана, крестившаяся от рук представителей великой Христовой Вселенской Церкви, — первая сумела бы разрешить трудную задачу самостоятельной организации церковной жизни для всего православного русского народа, в... каноническом единении с хранителями православной веры и благочестия — патриархами всех православных восточных церквей»²⁵⁹. Сами приветствия греческих архимандритов Василия и Павла в «Голосе Православной Украины» опубликованы не были. Видимо, их интерпретация как благословение на автокефалию не являлась столь очевидной. В то же время, еще не получив ни от кого признания своего деяния, «Собор» постановил, что «Украинская Автокефальная Православная Церковь... и в высшем органе всей Христовой Церкви — Вселенском Соборе принимает самостоятельное участие на равных правах со всеми другими автокефальными Церквями»²⁶⁰.

С «Вселенским Собором», однако, в связи с высылкой Патриарха Константина из Турции вышла заминка. От титула он, правда, не отказывался, питая тщетную надежду вернуться на кафедру. Время шло, и очевидным становилось, что созвать затеваемое собрание, как было объявлено, к Пятидесятнице греки не смогут при всем желании, тем более что спешку в таком важном деле отвергли Патриархи Антиохийский и Сербский. Так, Святей-

²⁵⁸ Деяние 2-го Всеукраинского Поместного Священного Собора 18–21 мая // Голос Православной Украины. 1925. 1 июня. № 10. С. 3.

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Там же. С. 4.

ший Григорий IV писал в июле 1925 г. митрополиту Антонию (Храповицкому): «Я получил братское послание возлюбленного Блаженнейшего брата Патриарха Сербского Димитрия по поводу проектируемого созыва в Иерусалиме в 1925 году Вселенского Собора с выражением мнения Св. Православной Сербской Церкви по этому вопросу. Сербская Церковь, как и наша Антиохийская, чувствует необходимость созыва Вселенского Собора для решения всех волнующих умы и сердца верующих церковных текущих вопросов, но в то же время находит, что неблагоприятные обстоятельства и стесненное положение некоторых автокефальных православных Церквей не позволяют им принимать живое, свободное участие в предполагаемом к созыву Вселенском Соборе, а потому считает необходимым, как и мы, повременить с созывом Вселенского Собора до более благоприятного времени»²⁶¹. Свой вклад в растущую неопределенность в вопросе о «Вселенском Соборе» вносили и внутренние проблемы Иерусалимского Патриархата, в столице которого, по замыслу греков, он и должен был состояться. Престарелый Патриарх Дамиан постоянно конфликтовал то со Святогробским братством, то со своей арабской паствой и удерживал за собой Иерусалимский Престол главным образом благодаря англичанам, которых он всячески пытался расположить к себе (вплоть до признания им каноничности англиканской иерархии)²⁶². Обновленцам на местах (например, в Казани) разъяснялось, что, «согласно полученным сведениям, Вселенский Собор по болезни Патриарха Иерусалимского Дамиана и ввиду невыясненного положения Константинопольского Патриарха Константина VI откладывается на неопределенное время, а Поместный российский Собор будет осенью»²⁶³.

При этом уверенности в том, что решения «Вселенского Собора», если он все-таки состоится, окажутся для них во всем благоприятными, у обновленцев не было. В номере «Церковного Обновления», датированном концом апреля 1925 г., по этому поводу появились достаточно примечательные рассуждения профессора Б. В. Титлинова. «Можем ли мы возражать по существу против вмешательства Вселенского собора в русские церковные дела?» — задавался Титлинов вопросом, на который, как казалось, раскольниками уже торжественно был дан отрицательный ответ. «Нет канонического статута Вселенского собора, — отмечал он, — и потому сказать, каковы пределы компетенции Вселенского собора в данном отношении, довольно затруднительно. <...> По церковной практике и норме внутренние вопросы самостоятельных церквей подлежат их самостоятельному решению, — и поэтому было бы вполне нор-

²⁶¹ От Святейшего Григория IV, Патриарха Антиохии и всего Востока от 20 июня 1925 г. // Церковные ведомости. 1925. № 17–18. С. 4.

²⁶² См.: Панченко К. А. Дамиан, Патриарх Иерусалимский // Православная энциклопедия. Т. 13. М., 2006. С. 708–710.

²⁶³ Протоколы Казанского Епархиального Съезда // Православный Церковный Вестник. 1925. 1 июля. № 2. С. 8–9.

мально, чтобы русский вопрос и решался голосом русской церкви». В принципе с мнением Титлинова можно было бы согласиться, если не принимать во внимание, что под «голосом русской церкви» он имел в виду голос обновленцев. Он прямо писал далее, что «дело о русской церковной распре» предстоит решить «уже поместному российскому собору и церковному высшему управлению, что, конечно, и будет сделано, если Вселенский собор состоится и русская церковь примет в нем участие»²⁶⁴.

Гарантировать нужный обновленцам ход «Вселенского Собора» могло бы его проведение на подконтрольной советской власти территории, поэтому с их стороны летом 1925 г. вновь зазвучали голоса, что лучшее место для Собора — это Москва. Аргументация предлагалась довольно оригинальная. «Проф. Т.» (очевидно, все тот же Титлинов), обрушив в «Церковном Обновлении» очередной поток ругани по адресу святителя Тихона (к тому времени уже почившего), восклицал: «Нам, осознавшим всю пагубность его деяний, при всех усилиях сохранить единство церковное и направить церковь в соответствии с изменившимся строем гражданской жизни, до сих пор не удастся. По нашему глубокому убеждению, сделать это может только Вселенский Собор и именно в пределах самой России, так как безошибочно лечить больного по слухам или рассказам немногих очевидцев не может ни один врач. А этих слухов и рассказов, судя по заграничной печати, слишком много, и если по ним ставить диагноз, то можно с уверенностью сказать, что наша церковь вместо исцеления будет ввергнута еще в большие бедствия, чем теперь, а это едва ли может входить в планы нашей матери церкви восточной»²⁶⁵. «Проф. Т.» словно бы не понимал, что в планах «матери церкви восточной» в то непростое время было, прежде всего, обеспечение собственного выживания и возвышения, а российские раскольники ее интересовали лишь постольку, поскольку могли содействовать укреплению позиций Фанара. Помогать обновленцам «направить церковь в соответствии с изменившимся строем гражданской жизни» грекам был резон, только если бы этот новый «гражданский строй» в России действовал в их пользу, влияя на правительство Турции, а большевики с этим не спешили.

Во втором номере «Вестника Священного Синода» была опубликована пространная редакционная статья с характерным заголовком «Москва или Иерусалим?». Без обычного для раскольников подострастия перед Фанаром в статье заявлялось, что «центром православия в новую эпоху христианской истории» давно уже стала Русская Церковь, Россия, у которой «искала себе материальной и духовной поддержки восточная иерархия в трудное время турецкого владычества». Отсутствие в России царя, отделение от государства, по

²⁶⁴ Титлинов Б. В. Вселенский Собор // Церковное Обновление. 1925. 28 апр. № 8. С. 65.

²⁶⁵ Проф. Т. По поводу Вселенского Собора // Церковное Обновление. 1925. 18 июня. № 10. С. 78.

мысли авторов статьи, не являлось причиной для развенчивания Русской Церкви в ее значении для православного мира. «Кризис церкви русской есть предтеча кризиса всех церквей; и кто смотрит дальше завтрашнего дня, тот не может не видеть в нем предвестника общей бури. Так разве это не достаточное основание для того, чтобы взоры не одного Востока, а всего верующего человечества устремились на церковную Россию? Здесь, именно здесь решаются судьбы веры; и горе тем, кто этого вовремя не поймет. Восточные церковники очень вовремя воскрешают забытый институт вселенской соборности: единение сил особенно необходимо в критические минуты. Но если они руководятся не инстинктом, а разумной предусмотрительностью, то для них нет лучше места произвести этот сбор церковных сил, как нынешняя арена начинающегося мирового переворота (так. — *свят. А. М.*). Только здесь могут вожди церкви оценить по достоинству смысл исторического момента, понять все ошибки прошлого и осознать задачи настоящего. И если бы они были действительно дальновидны, то Москва, а не Иерусалим, должна бы была стать их первой мыслью, когда их осенила соборная идея»²⁶⁶. Как видно, авторы статьи мыслили с размахом, но «восточные церковники» этого не оценили. У них на замышляемый «Вселенский Собор» были другие виды, которые, однако, как и обновленческие проекты, оказывались нереализуемыми в жизни.

Инициатива Фанара о созыве «Вселенского Собора» несла бедствия Русской Церкви не только потому, что ею надеялись воспользоваться обновленцы. Косвенно она оказалась причиной возбуждения нового следственного дела в отношении Патриарха Тихона, и только его скорая кончина избавила святителя от очередного ареста. Пострадал из-за нее и преемник Московского Патриарха. Связано это было с тем, что Православная Российская Церковь (Патриаршая) не могла, конечно, остаться совершенно безучастной к намечаемому «Вселенскому Собору». Хотя признавать его громкое название не было никаких оснований, Патриарх Тихон должен был думать, кто и как мог бы представить на этом собрании (если бы оно состоялось) каноническую Русскую Церковь. Богоборческая власть сразу же нашла здесь повод для новых преследований Патриарха и его ближайших помощников, обвинив их, ни много ни мало, в «шпионаже».

21 марта 1925 г. Святейший Тихон был подвергнут допросу, причем первый же, согласно протоколу, вопрос к нему звучал следующим образом: «Скажите, кому Вы поручали вопросы по подготовке к 8 вселенскому Собору». «Я этот Собор Вселенским не считаю, — ответил Патриарх Тихон. — Подготовки не было. В комиссию по подготовке к Собору назначены: Серафим Тверской, Сергей Нижегородский, Петр Крутицкий и Зиновий Тамбовский. Эта комиссия имела всего одно заседание. Кроме этого я думал послать на Собор профес-

²⁶⁶ Москва или Иерусалим? // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 2. С. 5–6.

сора Попова Ивана Васильевича, как церковного историка, в связи с этим поручил ему подготовиться по всем вопросам, которые будут обсуждаться на Соборе, в частности по вопросу о живоцерковном расколе. Попов И. В. в связи с Собором со мною беседовал всего один раз, а может и два, точно не помню. Попов занялся этой работой, но она была прервана в связи с его арестом»²⁶⁷.

Арестован профессор Попов был 10 декабря 1924 г. Главным его «преступлением» являлось то, что он взялся за составление списков православных российских епископов, причем с указаниями, кто из них в заключении, а кто — на свободе. На допросе в декабре 1924 г. он показал: «Как эти списки были бы использованы для собора, я не знаю: может быть, как материал для делегатов, может быть, для посылки на собор, в случае разрешения выезда делегатам, может быть, для написания и посылки какого-либо доклада»²⁶⁸. В связи с этими списками едва не был арестован и ближайший помощник Патриарха — Патриарший Наместник митрополит Крутицкий Петр (Полянский). На допросе 22 декабря 1924 г. И. В. Попов на вопрос следователя: «Что Вы говорили о Вселенском Соборе с Петром Полянским?» — уклончиво ответил: «Возможно, что я говорил с Петром Полянским о предстоящем Вселенском Соборе и необходимости готовиться к нему. Но утверждаю, что о списках для Собора я ничего не говорил». В то же время профессор Попов признал, что просил митрополита Петра прислать список епископов, проживающих в Москве «добровольно и задержанных по распоряжению Соввласти», подразделив их на две рубрики. О себе И. В. Попов на том же допросе показал: «Я предполагал, что меня может командировать патриарх на Вселенский Собор в качестве специалиста-богослова, и эти списки у меня были бы в качестве материалов, форма использования которых для меня была неясна. Если бы интересы церкви того потребовали, я бы на Вселенском Соборе огласил списки полностью»²⁶⁹.

Историю со списками иерархов в связи с подготовкой к «Вселенскому Собору» ОГПУ решило использовать для развертывания нового масштабного дела против Патриаршей Церкви. В перечне агентурных разработок 6-го отделения Секретного отдела, поданном 17 марта 1925 г. его начальником Е. А. Тучковым начальнику СО ОГПУ Т. Д. Дерибасу, на первом месте значилась мифическая «Шпионская организация церковников», возглавляемая якобы Патриархом Тихоном, митрополитом Петром и архиепископом Феодором (Поздеевским)²⁷⁰. Спустя десять дней, 27 марта, Тучков писал про «группу правых церковников, подготовляющуюся к новому антисоветскому выступлению церкви на Вселенском соборе»: «Участники в ней — патриарх Тихон, митрополит Полянский Петр, профессор церковник Попов... и др. Группа приготовила ряд материалов

²⁶⁷ Следственное дело Патриарха Тихона. С. 400.

²⁶⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40838. Л. 12.

²⁶⁹ Там же. Л. 17 об. — 18.

²⁷⁰ См.: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 164–167.

для антисоветского выступления на предстоящем в мае месяце в Иерусалиме соборе. Имела отношения шпионского характера с АРА (American Relief Administration — американская благотворительная организация, оказывавшая помощь в борьбе с голодом в России. — *свящ. А. М.*) и с представителями Англии, которым передавала сведения о положении церкви в России, о репрессиях по отношению к духовенству, о состоянии религиозного фанатизма среди отсталых масс и т. д. Ввиду важности ударного характера группа ликвидирована. Следствие подтвердило все изложенное»²⁷¹.

В такой тяжелой обстановке, находясь под следствием и ожидая нового ареста, Святейший Патриарх Тихон 7 апреля 1925 г. скончался. Московских представителей Константинопольского и Александрийского Патриархов на его похоронах не было. Этот факт был особо отмечен афинской газетой «Экклесиа» («Церковь»), с указанием на то, что они «и после того не приходили на могилу почившего, не совершали панихид по нему в своих храмах, и даже письменно не выразили своих соболезнований в адрес Местоблюстителя»²⁷². Поведение Димопуло и Катаподиса было весьма показательным. Конечно, православные русские люди и сами едва ли были бы рады появлению у могилы святителя Тихона этих греко-обновленческих архимандритов. Однако можно было соблюсти хотя бы минимальные нормы приличия. Ставший в соответствии с завещанием Патриарха Тихона и решением православных епископов России Патриаршим Местоблюстителем митрополит Крутицкий Петр, в свою очередь, не начал сразу же рассылать Предстоятелям других Поместных Церквей известительные грамоты о своем избрании, во-первых, по-видимому, в силу временности своей должности, а во-вторых, поскольку связи с зарубежьем, даже по чисто церковной линии, были для него тогда весьма небезопасны, так как по делу о «Шпионской организации церковников» он сам мог быть в любой момент арестован.

Следствие весьма интересовалось участием митрополита Петра в подготовке к «Вселенскому Собору». Так, 26 апреля 1925 г. на допросе И. В. Попова следователь вновь спросил его о митрополите Петре: «Какое участие в составлении списков принимал митрополит Петр Полянский?» «Я просил Петра Полянского указать фамилии епископов, но ответа не успел получить. Готовился или нет митрополит Петр Полянский, я не знаю. Если Петр Полянский готовился к Собору, то это с его стороны было вполне естественно», — ответил профессор Попов²⁷³. В результате митрополит Петр весной-летом 1925 г. не избежал приговора. В составленном в мае 1926 г. обвинительном заключении по следующему делу митрополита Петра было сказано, что он был в 1925 г. при-

²⁷¹ Цит. по: Сафонов Д. В. В последние годы жизни Патриарха Тихона против него готовился новый судебный процесс // Церковь в истории России. Сборник 6. М., 2005. С. 239.

²⁷² Ἐκκλησία Ῥωσσίας // Ἐκκλησία. 1925. 27 ἰουν. Σ. 206.

²⁷³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40838. Л. 48.

говорен условно Особым Совещанием к трем годам высылки в Киркрай²⁷⁴ (Киргизский край был в том же году переименован в Казахстан). Очевидно, этот приговор и стал результатом причастности Крутицкого митрополита к измышленной ОГПУ «Шпионской организации церковников» — своего рода платой Предстоятеля Русской Церкви за «вселенскую» авантюру греков.

Тем временем, пока перспектива проведения «Вселенского Собора» в 1925 г. оставалась неясной, обновленцы решили сконцентрироваться на своем очередном «Поместном Соборе». В «Положении о созыве III Всероссийского Поместного Собора православных церквей на территории СССР» было прописано участие в нем представителей Восточных Патриархов и делегатов других автокефальных Православных Церквей (причем, в отличие от «Положения» 1917 г., они были упомянуты не в последнем пункте, а сразу после «членов Пленума Священного Синода» — честолюбие фанариотов должно было быть удовлетворено). Хотя «Собор» заявлялся обновленцами как примирительный, «Положение» о его созыве уже на предварительном этапе подразумевало фактическое подчинение им «тихоновцев». (К слову сказать, само наименование «III Всероссийский Поместный Собор» предполагало признание «II Всероссийского Поместного Собора» 1923 г., на котором Патриарх Тихон был объявлен лишенным сана и монашества, были утверждены женатый епископат, второбрачие клириков и т. д.) В «Положении» говорилось, что «на Соборе участвуют в качестве полноправных членов православные клирики и миряне, не состоящие в каноническом подчинении Св. Синоду (староцерковники), осуществляя это право после предварительного соглашения своих руководителей с Св. Синодом или его органами на местах об условиях и формах участия в выборах». Сами выборы должны были производиться «на Епархиальных Собраниях по общепринятому порядку». Очевидно, имелись в виду обновленческие собрания, поскольку «тихоновские» епархиальные управления, как не легализованные властью, проводить собрания не могли. Вообще вся подготовка к «III Всероссийскому Поместному Собору» должна была проходить под эгидой «Св. Синода», члены пленума которого входили в состав «Собора» автоматически. Кроме того, оговаривалось, что «Священным Синодом приглашаются на Собор известные профессора, ученые и церковно-общественные деятели с правом решающего голоса». То есть все идеологи обновленчества без каких-либо выборов и ограничений проходили на «Собор» в количестве, достаточном для обеспечения перевеса над просочившимися туда «староцерковниками». Наконец, в «Положении» особо было прописано, что «членами Собора не могут быть лица, опороченные по суду гражданскому»²⁷⁵. На практике это означало, что чуть ли не любой видный «тихоновец», начиная с ее Предстоятеля, мог

²⁷⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 5. Л. 231.

²⁷⁵ Положение о созыве III Всероссийского Поместного Собора православных церквей на территории СССР в 1925 году // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 4. С. 1.

в нужный момент получить отвод, поскольку мало кто из них к тому времени не подвергся репрессиям со стороны богоборческой власти. «Собор» создал бы лишь иллюзию полноправного участия в нем «староцерковников», решения же его были бы для них уже обязательными. Это была очевидная ловушка для Патриаршей Церкви, но требовалась особая стойкость, чтобы в нее не попасть, тем более что Фанар через своего московского представителя готов был всячески поспособствовать такому падению.

Призом от большевиков за поддержку раскольников архимандриту Василию по-прежнему виделось возвращение здания бывшего константинопольского подворья. 10 июня 1925 г. он обратился к «Заместителю Председателя Священного Синода Его Высокопреосвященству Митрополиту Московскому Серафиму» с «усердной просьбой принять участие в ходатайствах перед ВЦИК'ом о возвращении дома прежнему владельцу — Вселенскому Патриархату, так как доходы с этого дома шли всегда на благотворительные нужды». К письму Руженцеву Димопуло прилагал свои «докладные записки на имя Зам. Председателя ВЦИК тов. Смидовича» и восклицал: «Питаю надежду, что Вы, Ваше Высокопреосвященство, и Священный Синод окажете свою мощную поддержку этому делу, при каковой оно несомненно будет иметь должный успех, тем более что и срок аренды дома Жил[ишным] Т[оварищес]вом кончается в настоящем году»²⁷⁶. (Последнее утверждение не соответствовало действительности, поскольку дом был арендован жилтовариществом на шесть лет начиная с 1922 г.)

«Священный Синод» не мог не отозваться и уже на следующий день, 11 июня, переправил письмо Димопуло во ВЦИК. Обновленцы «почтительнейше» ходатайствовали об удовлетворении его просьбы, разъясняя советскому руководству всю важность момента: «Вселенский Константинопольский Патриархат, в лице Патриархов Мелетия, Григория VII и Константина VI и их представителя в Москве, определенно стал в своей церковной деятельности за признание Советской власти. Несмотря на бешеную злостную агитацию эмигрантов, патриархат строго осудил контрреволюционную деятельность их, осудил деятельность заграничного Синода в Карловцах, привлек к суду русских епископов в Константинополе и предложил бывшему патриарху Тихону устраниваться от управления Русской Церковью. В Греции, Америке, Зап[адной] Европе и греческим церквам в СССР неоднократно патриархат предписывал “определенно опираться на церковные течения, верные Правительству СССР”, возбуждая этим против себя злобу врагов Советской власти. Принимая во внимание высокий авторитет Константинопольского патриарха как религиозного главы всего Востока, учитывая особо напряженное настроение православного мира в виду назначенного уже 8 Вселенского Собора, который будет иметь значение не только церковное, но и всемирно-политическое, Священный Синод

²⁷⁶ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 554–554 об.

считает, что великодушный акт правительства СССР — возвращение подворья — произведет глубочайшее впечатление: свяжет православный восток с СССР чувствами благодарности и рассеет ту тучу обвинений и клевет, которыми политические интриганы и здесь и за границей возбуждают общественное мнение против Советской власти». Обращение во ВЦИК подписали: «За Председателя Св. Синода Митрополит Серафим, Зав. Админ. Отделом Архиепископ Георгий, Секретарь Член Св. Синода профессор С. Зарин»²⁷⁷.

19 июня 1925 г. архимандрит Василий сам направил «товарищу» Смидовичу очередное письмо (в своих письмах Димопуло всегда именовал его «Заместителем Председателя ВЦИК», хотя тот такой должности не занимал и после 1924 г. не был даже членом Президиума ВЦИК), в котором сообщил, что ему поручено из Константинополя принести «глубокую признательность Вселенского Патриархата за выдачу охранной грамоты квартире Представительства Патриархии в Москве». «Внимание, оказанное мне, как Представителю, является знаком внимания к Вселенскому Патриарху, главе православного населения Востока. Там искони высоко стоит значение Вселенского Патриарха, который всегда приветствовал укрепление в России народной власти, проведенной в жизнь великие лозунги “свободы, равенства и братства”. Дружеское отношение к главе Православного Востока укрепит в сердцах его населения чувства благодарности к Советской России и усилит значение ее силы и власти на Ближнем Востоке»²⁷⁸. Хитрый грек как бы намекал, что, помимо охранной грамоты на квартиру, хорошо бы в знак «дружеского отношения к главе Православного Востока» передать ему и весь дом, в котором эта квартира находилась. Во ВЦИК, однако, совершенно не горели желанием таким способом «усилить значение своей силы и власти на Ближнем Востоке», и даже ходатайства раскольнического лжесинода Димопуло не помогали.

Еще одним местом сотрудничества обновленцев и архимандрита Василия стал греческий Иверский (Никольский) монастырь в Москве, к которому с их стороны было проявлено повышенное внимание. Точнее, интерес вызывал не столько сам монастырь, сколько приписанная к нему доходная Пантелеимоновская часовня на Никольской улице. Часовня была официально передана обновленцам, но жившая при ней братия во главе с иеромонахом Паисием держалась «тихоновцев». Для разрешения коллизии раскольники воспользовались содействием Димопуло и его Патриархии.

25 июня 1925 г. архимандрит Василий направил в Административный отдел Моссовета, осуществлявший надзор за церквями, два заявления. В первом из них он сообщал: «Настоящим довожу до сведения Церковного Отдела, что согласно предписания Вселенской Патриархии от 6/V с. г. за № 924, ввиду отъезда из России б[ывшего] настоятеля архимандрита Амвросия, я назначен

²⁷⁷ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 553—553 об.

²⁷⁸ Там же. Л. 552—552 об.

временным настоятелем Никольского Греческого монастыря, что в Москве на Никольской улице, обязанным наблюдать за порядком и правильным ведением дел церкви и часовни, принадлежащих названному монастырю»²⁷⁹. Во втором же заявлении Димопуло писал: «Покорнейше прошу Отдел Управления оказать мне содействие к осуществлению моих прав на управление Греческим Иверским монастырем, что в Москве на Никольской улице, и наблюдение над церковью и часовней названного монастыря на основании существующих узаконений и практики Вселенской Патриархии, в ведении коей указанной монастырь находится, и сделать распоряжение, чтобы существующая община оказывала мне содействие во всех делах, как получившему полномочия Вселенской Патриархии быть временно Заведующим монастырем и принадлежащим[и] ему церковью и часовней»²⁸⁰. Очевидно, никаким иным путем, кроме содействия советских органов, архимандрит Василий добиться подчинения от монастырской братии не рассчитывал.

В тот же день, 25 июня, лжесинод обновленцев препроводил ходатайство Димопуло в Адмотдел Моссовета, усилив его собственным заявлением за подписями «митрополитов» Вениамина (Муратовского) и Серафима (Руженцева), а также профессора В. З. Белоликова, в котором просил «об удовлетворении просьбы Архимандрита ВАСИЛИЯ, как получившего в свое заведывание означенный монастырь в силу указа Вселенской Патриархии, в ведении коей указаный монастырь и часовня находятся»²⁸¹. (Можно представить, каким было бы «заведывание» Димопуло Никольским монастырем, если бы он его добился. Свой Сергиевский храм в Крапивниках он довел почти до полного разорения. Так, на 1924 г. в нем был намечен ремонт, на который было получено разрешение от власти. Но «из-за недостатка средств» и «ввиду бедности греческой общины храма» необходимые работы проведены не были, и в июне 1925 г. архимандрит Василий просил Мосгубмузей «считать окраску крыши в первоначальном ремонте», то есть продлить ранее данное, но не использованное разрешение²⁸². Был ли в итоге доделан ремонт, неизвестно, зато известно, что храмовую ризницу настоятель подворья опустошал весьма активно, о чем еще будет сказано.)

Однако в действительности реального водворения Димопуло в московском греческом монастыре обновленческий лжесинод вовсе не хотел, поскольку считал Пантелеимоновскую часовню находящейся в своем собственном ведении, и 6 июля 1925 г. направил иеромонаху Паисию с братией следующее распоряжение: «Священный Синод Российской Православной Церкви неоднократно обращался к Вам с письменными и устными предложениями о подчинении Св. Синоду как единственному законному высшему церковному органу

²⁷⁹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 352. Л. 486.

²⁸⁰ Там же. Л. 487.

²⁸¹ Там же. Л. 485.

²⁸² Там же. Ф. 966. Оп. 3. Д. 1487. Л. 188–189.

Российской Православной Церкви. Но Вы не внимали предостережениям Св. Синода и упорно продолжали не только не подчиняться ему и возносить моление в принадлежащей Синоду Пантелеимоновской часовне за имя бывшего патриарха Тихона при его жизни, а по его смерти за Митрополита Петра, но и заниматься злостной пропагандой против деятелей Св. Синода. А в последнее время Вы даже дерзнули заявить верующим, что Вы откупаетесь от Синода определенной суммой в 600 рублей в месяц, чтобы быть свободными в своей деятельности».

Что касается откупа иеромонаха Паисия от домогательств обновленцев, то, судя по другому заявлению лжесинода в Адмотдел (приводится ниже), дело примерно так и обстояло, но, видимо, «единственно законный высший церковный орган» рассчитывал получать от часовни большой доход, поэтому далее в адрес непокорной братии следовала резолюция: «Все это, вместе взятое, истощило долготерпение Св. Синода. Вашему закоренелому упорству, идущему вразрез даже с волею Вселенского Патриар[ха], ведению которого Вы принадлежите, ныне Священный Синод вынужден положить конец. В своем заседании от 3 сего июля Священный Синод постановил — с означенного числа считать ВАС всех без исключения уволенными со службы в Пантелеимоновской часовне и в двухнедельный срок очистить помещение и для новых служащих дать помещение немедленно. В случае неподчинения таковой воле Синода последний будет вынужден прибегнуть к судебному порядку»²⁸³.

Распоряжению («указу») раскольников иеромонах Паисий с братией ожидаемым образом не подчинились, и тогда лжесинод обратился в Адмотдел с жалобой, что они «вели и после получения указа ведут злостную против него агитацию среди верующего населения г. Москвы, возбуждают его против Св. Синода, прекратили с момента получения указа взнос денег на содержание Св. Синода, присваивая его (так. — *святц. А. М.*) самоуправным способом лично себе и категорически отказались очистить занимаемое ими помещение»²⁸⁴. То есть до «указа» монахи деньги «на содержание Св. Синода» все-таки давали, а после — прекратили, что для обновленцев стало уже совсем невыносимым. Моссовет в такой ситуации, разумеется, встал на сторону раскольников. 13 июля 1925 г. иеромонах Паисий был вызван на Петровку, 38, где с него взяли подписку с обязательством в недельный срок освободить часовню и братское общежитие. Надо полагать, что пожертвования, оставляемые верующими в часовне, после этого существенно сократились («красных попов» православный народ не очень жаловал, из-за чего и храм Димопуло был «скуден средствами»), но что-то раскольническому лжесиноду все равно доставалось, а он, в свою очередь, и архимандрита Василия старался в обиде не оставлять, тем более что

²⁸³ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 352. Л. 476.

²⁸⁴ Там же. Л. 475.

тот так поспособствовал изгнанию «тихоновцев» из доходного места²⁸⁵. В 1929 г. Моссовет попытался закрыть Пантелеимоновскую часовню, но Антирелигиозная комиссия при ЦК ВКП(б) постановила оставить ее обновленцам (это было одно из последних заседаний АРК)²⁸⁶. Закрытие произошло лишь в 1932 г., причем в соответствующем постановлении Президиума Мособлисполкома было отмечено, что «группа верующих Пантелеимоновской часовни по Никольской ул. от пользования зданием культа отказалась»²⁸⁷.

В 1925-м же году союз обновленцев с фанариотами укреплялся на глазах, и наличие или отсутствие патриарха на Вселенском Престоле на это существенно не влияло.

²⁸⁵ Материальное положение обновленческого лжесинода можно проиллюстрировать словами его видного члена «протопресвитера» Павла Красотина из отчета за 1926 г.: «Св. Синод не имеет твердой материальной базы. Его доходы случайные, — главным образом, от местных московских часовен, — и колеблющиеся; за последний год часовенные доходы сократились почти на 30%. От епархий поступило в синодальную кассу всего 2105 рублей» (Протоколы заседания общего собрания (Пленума) членов Священного Синода Православных Церквей на территории СССР 30-го января — 1 февраля 1927 года // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 2 (15). С. 10).

²⁸⁶ См.: Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б). С. 266.

²⁸⁷ ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 892. Л. 37.

Глава 4

«Заочно с Вами». Патриарх Василий III как покровитель обновленческого раскола

Проблема высланного Константинопольского Патриарха решилась, как это обычно и бывало, путем очередной сделки между греками и турками. 22 мая 1925 г. Константин VI официально отрекся от Вселенского Трона в обмен на предоставление турецкого гражданства пяти другим подлежащим депортации членам стамбульского Синода. Остаток своей жизни он провел в Афинах (скончался в 1930 г.)²⁸⁸. 13 июля 1925 г. Константинополь обрел нового Патриарха, каковым стал митрополит Никейский Василий — председатель «авторитетной комиссии из виднейших восточных иерархов», которую еще Григорий VII собирался отправить в Москву. До Москвы он в итоге так и не добрался, но во благо обновленческих раскольников потрудился как мало кто другой из фанариотов. «Новоизбранный патриарх Василий, по словам Василия Димопуло, является горячим сторонником СССР», — сообщили своим читателям «Известия ЦИК»²⁸⁹. Обновленцы сразу же начали прошупывать почву вокруг объявившегося «горячего сторонника СССР». 17 июля архимандрит Василий официально известил их об избрании Василия Никейского Вселенским Патриархом. На радостях «Священный Синод» в тот же день издал циркуляр своим епархиальным управлениям, чтобы «в ближайший воскресный или праздничный день в соборных храмах совершить молебствия о даровании новоизбранному Патриарху многолетия и Божией помощи в его ответственном служении Православной Церкви»²⁹⁰. 21 июля лжемитрополит Вениамин (Муратовский) направил ему поздравительную телеграмму, в которой после дежурного приветствия со вступлением на Вселенский Престол испросил «благословения Поместному Собо-

²⁸⁸ О. В. Л. Константин VI // Православная энциклопедия. Т. 37. М., 2015. С. 31–32.

²⁸⁹ Среди церковников. Новый вселенский патриарх // Известия ЦИК. 1925. 2 авг.

²⁹⁰ Указы Священного Синода // Тульские Епархиальные Ведомости. 1925. 15 июля. № 5. С. 5; Сведения о церковной жизни на 15 августа 1925 г. // Православный Церковный Вестник. 1925. 15 авг. № 3. С. 8.

ру на дело устройства и умиротворения Русской Церкви»²⁹¹. Патриарх Василий III ответил сдержанно-почтительно: «Митрополиту Вениамину. Председателю Священного Синода. Благодарю за любезное поздравление. Молим Бога о благополучном окончании стремлений к умиротворению и соединению Святой Братской Русской Церкви»²⁹².

Этому ответу предшествовала весьма примечательная дискуссия на Фанаре. В основу ее легло отправленное еще 16 апреля 1925 г. письмо архимандрита Василия, в котором тот выражал мнение, что вместе со смертью Патриарха Тихона умерло и патриаршество и что единственной церковной властью в России осталась «Синодальная Церковь», которая давно признана государственной властью. В то же время двуличный Димопуло, хотя и состоял почетным членом обновленческого лжесинода, принимал от него различные подношения и обращался за помощью, когда это ему было нужно, по вопросу об официальном признании Фанаром этого органа давал рекомендацию, что «Матери Церкви лучше не спешить предпринимать какие бы то ни было действия, до того как не сложится ясного и четкого понимания того, что происходит в Русской Церкви»²⁹³. При всей циничности звучания такого призыва из уст Димопуло (слышали бы его обновленцы!) сам по себе он был не лишен здравого смысла, и к нему поначалу прислушались, тем более что и повода выражать свое отношение к русским церковным делам у фанариотов в тот момент не было. К вопросу вернулись после получения июльской телеграммы от Вениамина (Муратовского), в которой тот именовал себя «Митрополитом, Председателем Священного Синода Российской Православной Церкви». На заседании Синода в Стамбуле митрополит Кизический Каллиник от имени комиссии, рассматривавшей русские дела, отметил, что «церковная партия Тихона в России слабеет с каждым днем, особенно после смерти последнего, это же следует и из факта ненаправления поздравлений по случаю патриаршего избрания со стороны этой партии, в то время как действующий в Москве Синод под председательством Митрополита Петроградского Вениамина укрепляет свое положение и вдобавок признан Советским правительством особым постановлением в качестве официальной церковной власти в стране. На этом основании комиссия считает, что Церковь может направить телеграмму Митрополиту Вениамину с обращением к нему как к Председателю Российского Священного Синода, благодаря и желая успеха в предпринимаемых усилиях к умиротворению и единству братской святой Российской Церкви»²⁹⁴. Стоит напомнить, что это слова того самого митрополита Каллиника, который летом 1922 г. писал, что кровь, проливаемая Русской Церковью, «вызывает пробуждение человеческой

²⁹¹ Циркуляры Св. Синода // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 4. С. 4.

²⁹² Там же.

²⁹³ *Καλαϊτέης Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 720–722.

²⁹⁴ Αὐτόθι. Σ. 721.

совести» и «привлекает симпатии даже тех, кто отворачивался от нее прежде как от орудия Царизма»²⁹⁵. Как видно, переживания последующих трех лет окончательно заглушили голос совести в греческом митрополите. Из тех, чья кровь в России проливалась и кто помогал ее проливать, он выбирал последних, даже несмотря на призыв Димопуло не спешить. В итоге после долгого обсуждения был составлен текст ответной телеграммы, в которой Муратовский именовался «Митрополитом, Председателем Священного Синода», но без добавления «Русской Православной Церкви» (пройдет немного времени, и оно тоже появится).

Телеграмма Патриарха Василия, как ни крутились фанариоты, свидетельствовала о признании ими московского раскольнического лжесинода «Священным», а его председателя «Митрополитом». Обновленцы тут же попытались закрепить успех. 30 июля 1925 г. они направили новое письмо Патриарху Василию — по-своему уникальный памятник лести и бесстыдства: «В настоящее время, когда Вы, Ваше Всесвятейшество, из возглавляющего предполагаемой Миссии стали Патриархом всей Вселенной, у нас вновь ожила надежда на помощь от нашей Матери Церкви Восточной. <...> Священный Синод Российской Православной Церкви умоляет Вашу Святыню отечески-попечительно призреть на нашу церковную скорбь и подвигнуться на спасение болящей дочери — Церкви Русской. Нам, верным сынам Церкви, особенно важно излечиться теперь, когда приближается время Вселенского Собора, а Вам, Ваше Всесвятейшество, особенно бесполезно посетить Церковь Русскую в преддверии грядущего Собора, чтобы правильно судить о положении ее в современных условиях нового государственного строя. <...> Все мысли и сердца многомиллионного верующего русского народа обращены на Ваше Всесвятейшество как на единственного Спасителя и Отца нашей Матери Церкви. Верим и уповаем, что Отец Отцов не оставит мольбы своих детей неуслышанной, и как некогда Христос Спаситель прикосновением исцелил горячку теши ап. Петра, так и Вы, Ваше Всесвятейшество, своим прибытием на наш Поместный Собор и прикосновением к язвам нашей страждущей Церкви поможете уврачеванию соборным разумом ее недугов»²⁹⁶.

4 августа, возможно еще до получения обновленческого опуса, Патриарх Василий направил письмо своему московскому представителю, в котором поручил передать как главе обновленцев «митрополиту Ленинградскому» Вениамину, так и митрополиту Крутицкому Петру «горячее благопожелание и молитву Матери Св. Вселенской Церкви о том, чтобы в возможно скорейшем времени видеть в братской Русской Церкви конец разделению и распри ко благу Св. Православной церкви». Передавая это «горячее благопожелание» Васи-

²⁹⁵ Καλλίνικος, μητρ. Κυζίκου. Μπλοσεβιμισμός καὶ Χριστιανισμός ἐν Ρωσσίᾳ // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1922. 2 ἰουλ. Σ. 280.

²⁹⁶ Послание Св. Синода // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 4. С. 3–4.

лия III, Димопуло добавлял от себя: «Исполняя изложенное поручение Его Всесвятейшества, я с своей стороны прошу Вас принять все зависящие от Вас меры к миру, чтобы на деле осуществилось благопожелание Его Всесвятейшества ко благу Православной Русской Церкви и чтобы найдены были мужество, смирение и любовь к твердому выступлению по необходимым в сем деле путям примирения»²⁹⁷.

24 августа Патриарх Василий направил архимандриту Василию еще одно письмо. «Его Всесвятейшество, — пересказывал Димопуло письмо своего патрона, — в настоятельной форме требует окончания распрей, происходящих в Русской Церкви. Молю Господа Бога, чтобы голос св. Матери Церкви Вселенской был услышан и руководители братской Русской Церкви пошли бы по пути истинного христианского смирения и нашли меры к достижению мира и братского единения разрозненной Церкви Русской»²⁹⁸. Возможно, Патриарх Василий в Стамбуле не понимал, что в российских реалиях того времени «достижение мира и братского единения» с обновленцами для Русской Православной Церкви возможно было лишь посредством фактической полной капитуляции перед ними (никакого другого воссоединения богоборческая власть бы не допустила). Но его тезка-архимандрит, весьма неплохо освоившийся в советской действительности 1920-х гг., не мог не видеть, кто такие по сути своей обновленцы и чем чревато подчинение им «тихоновцев». Тем не менее он продолжал делать все, чтобы подтолкнуть Русскую Церковь на гибельный для нее путь. Усилия его, однако, оставались тщетными. «Известно, — сетовал в конце 1925 г. раскольнический журнал, — что и на эти призывы Вселенского Патриарха тихоновский Митр. Петр Крутицкий ответил прежней непримиримостью, и какие бы то ни было переговоры о ликвидации разделения ни с Всероссийским Синодом, ни даже со Всероссийским Свящ. Собором он не пожелал вести»²⁹⁹.

К тому времени когда Василий III направил Димопуло свое «горячее благопожелание» по поводу русских церковных дел, позиция Патриаршего Местоблюстителя в отношении обновленцев уже была во всеуслышание засвидетельствована с исчерпывающей ясностью. «Не о соединении с Православною Церковию должны говорить так называемые обновленцы, а должны принести искреннее раскаяние в своих заблуждениях, — писал митрополит Петр в своем послании архипастырям, пастырям и всем чадам Православной Российской Церкви от 28 июля 1925 г. — Присоединение к Святой Православной Церкви так называемых обновленцев возможно только при условии, если каждый из них отречется от своих заблуждений и принесет всенародное покаяние в своем

²⁹⁷ Призывы Вселенского Патриарха Московских церковных верхов к примирению в августе месяце с. г. // Український православний благовісник. 1925. 15 дек. № 24. С. 2.

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ Там же.

отпадении от Церкви»³⁰⁰. То есть обновленчество — *не Церковь*, обновленцы *вне Церкви*. Вопрос можно было ставить лишь об их покаянном возвращении в Церковь, а не о каком-то примирении с ними. Абсолютному большинству церковных людей в России это было понятно, но некоторых греко-обновленческое лукавство продолжало сбивать с толку.

Так, 20 октября 1925 г. (уже после раскольнического лжесобора) благочинный г. Уральска протоиерей Геннадий Белугин писал Патриаршему Местоблюстителю: «Соблаговолите, Ваше Высокопреосвященство, в копии прислать документ о признании Вас Востоком законным Патриаршим Местоблюстителем, если возможно, а также копию с документа архимандрита Василия Димипулло (так. — *святц. А. М.*), который Вы мне читали, где он пишет, что Патриарх Василий III Константинопольский желает, чтобы в Российской Православной Церкви наступил скорее желанный мир церковный и прекратился раскол. Этот документ покажет верующим, что он одинаково имеет сношения как с обновленческим синодом, так и с Патриаршим Местоблюстителем, тем более в 24 г. мы — представители г. Уральска — были у него и он сказал нам: “Я бываю у Патриарха и в Синоде, Синод настоящий будет тот, когда Собор всей Российской Церкви изберет и утвердит”. Не откажите, Ваше Высокопреосвященство, в этой просьбе, что-либо сообщите». Странно, что позиция «Димипулло» у протоиерея Г. Белугина вопросов не вызывала. Резолюция митрополита Петра на его письмо была краткой: «Ходатайство оставить без последствий. Ответ не писать»³⁰¹. Уральский протоиерей не мог понять очевидного: искать признания у Константинополя, уже признавшего обновленцев, было бессмысленно. Но таким непонятливым был далеко не один он. Наивные надежды на авторитетный голос с Востока были весьма живучи.

Увлечение темой «Вселенского Собора» в некоторых церковных кругах порой доходило (не без содействия ОГПУ, надо полагать) до откровенных курьезов. Так, например, в заявлении в Мелитопольский Окрадминотдел группы священников и мирян одного из местных благочиний гордо возвещалось: «Мы, нижеподписавшиеся священники и верующие, желаем соблюсти в полной строгости наши обряды и нашу православную веру, но вместе с тем мы ни в коем случае не можем согласиться с тем, чтобы церковь использовалась в политических целях, как это пытаются сделать некоторые руководители церкви, как митр. Петр Крутицкий и др. Поэтому мы не можем больше оставаться под руководством митрополита Петра Крутицкого. К другим же церковным груп-

³⁰⁰ Божиею милостию Местоблюститель Патриаршего Престола, Митрополит Крутицкий, смиренный Петр // Церковные ведомости. 1925. № 21–22. С. 3–4. Копия антиобновленческого послания митрополита Петра была отправлена архимандритом Василием в Константинопольскую Патриархию 6 ноября 1925 г. (см.: *Καλαϊτῆς Χρ., διᾶκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμηνικοῦ Πατριάρχου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 730).

³⁰¹ Документы Патриаршей канцелярии 1925–1926 годов // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 62–63.

пировкам мы также присоединиться не можем, так как они нарушили или нарушают каноны и догматы нашей церкви, чего мы ни под каким видом не можем допустить даже в малейшей степени (поразительная каноническая «щепетильность» для тех, кто с легкостью готов был порвать со своим Первоиерархом без всяких на то церковных причин! — *святц. А. М.*) <...> Поэтому мы, группа православных верующих и священников, считаем необходимым создать свой временный до Вселенского Собора орган управления — благочиние, — стоящий на строго православной точке и не допускающий абсолютно никаких изменений в церковной жизни, но вместе с тем совершенно независимый от каких бы то ни было церковных группировок, в том числе и от митр. Петра Крутицкого — т[ак] наз[ываемой] тихоновщины — и его сторонников, как от групп политиканствующих»³⁰². Заявление о создании временного управления благочиния «до Вселенского Собора», конечно, по-своему замечательно. Ни на какой другой арбитраж «свободолюбивые» земляки Нестора Махно были не согласны.

Впрочем, о своей жажде «Вселенского Собора» заявляли тогда с неменьшей пылкостью и северяне. Так, 11 сентября 1925 г. «II Всекарельский съезд духовенства и мирян» (обновленческий) постановил, что он «признает безусловно необходимым созыв Вселенского Собора Православной церкви и искренне желает осуществления его в самом непродолжительном времени, причем Съезд находит также полезным, для борьбы с неверием, и созыв Обще-Вселенского Христианского Собора восточной и Западной церквей»³⁰³. Карельским раскольникам, таким образом, было мало уже и «Вселенского Собора», нужен был «Обще-Вселенский» (хотя и с декларируемой благой целью борьбы с неверием). Такого всеэкуменического масштаба, однако, приготовления середины 1920-х не достигли, но Собор с участием всех Православных Поместных Церквей казался вполне реальным.

По сообщению С. В. Троицкого, на затеваемый «Вселенский Собор» Патриарх Василий III Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра тоже пригласил, с тем чтобы там решить, «кто прав в церковной распре»³⁰⁴. Требовалась, очевидно, особая гибкость канонического сознания, чтобы после всего учиненного обновленцами в 1922–1923 гг. (захват церковной власти, женатый «епископат», второбрачие «духовенства») делать вид, что здесь еще что-то требуется решать. Впрочем, письмо Патриарха Василия митрополиту Петру с приглашением на «Вселенский Собор», если и было (что весьма сомнительно), до церковных историков не дошло, письма же его к обновленцам сразу получили весьма широкую известность.

³⁰² ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 652.

³⁰³ II-й Всекарельский съезд духовенства и мирян // Церковный Вестник: Орган Карельского Епархиального Управления. 1925. Сентябрь-октябрь. № 6–7. С. 44.

³⁰⁴ Троицкий С. В. Что такое «Живая Церковь»? // «Обновленческий» раскол. С. 93–94.

11 сентября 1925 г. Патриарх Василий направил «Высокопреосвященнейшему Митрополиту Кир Вениамину, Председателю Священного Синода Православной Российской Церкви, возлюбленнейшему во Христе брату и сослужителю» письмо, в котором, согласно переводу Димопуло, писал: «Заочно соприносим с Вами и, поскольку возможно, посодеествуем к скорейшему и полному уничтожению печального разделения, которое, будучи вредно Православной Церкви Вашей, глубочайшей печалью исполняет и Великую Матерь Церкви (так. — *свящ. А. М.*)». На главный призыв раскольников — приехать лично на их лжесобор в Москву — Вселенский Патриарх, однако, отвечал вежливым отказом: «Личное наше присутствие в настоящее время не может быть исполнимо по многим основаниям и, по нашему мнению, оно не столь даже необходимо. <...> Дух и любовь нашей и прочих братских церквей смотрит на вас и поможет Вам благополучно закончить дело»³⁰⁵.

Получив такое «благословение», раскольнический лжесинод разослал восторженное послание в епархии, в котором возвещалось: «Мы знаем твердо, что Священный Синод Православной Российской Церкви, ведущий свои полномочия от собора 1923 г., находится действительно в общении с Православным Востоком в лице его представителя вселенского патриарха. Доказательством тому служат неопровержимые, опубликованные документы, вплоть до последней телеграммы нового вселенского патриарха Василия III. А если русская синодальная церковь находится в общении со вселенской патриархией, если последняя считает первую вполне православной и законной, то как после этого назвать инсинуации никем и ничем не апробированного “местоблюстителя патриаршего престола”? Называя синодальную иерархию самочинной, он бросает голословное и заведомо лживое обвинение не нам только, а и вселенской патриархии — высшей представительнице Православного Востока. Но мы предпочитаем быть в общении с исконным центром восточного православия, чем иметь “благословение” ничем не апробированного местоблюстителя упраздненного патриаршества»³⁰⁶. По поводу же отказа Василия III лично приехать в Москву обновленцы особо не расстроились. По предложению лжемитрополита Александра Введенского он был объявлен «Почетным Председателем Президиума Собора» заочно³⁰⁷.

Архимандрит Василий, который немало потрудился для того, чтобы раскольники были столь обрадованы Вселенской Патриархией, посчитал момент благоприятным и для решения своих проблем, тем более что крапивенское до-

³⁰⁵ Письмо Вселенского (Константинопольского) Патриарха Василия III // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 6 (2). С. 7.

³⁰⁶ Божию Милостию Священный Синод Православной Российской Церкви архипастырям, пастырям и всем чадам Церкви Православной // Церковный вестник: Орган Карельского Епархиального Управления. 1925. № 6–7. С. 53; Тульские епархиальные ведомости. 1926. № 1. С. 5.

³⁰⁷ Открытие собора. День первый // Церковное Обновление. 1925. 25 нояб. № 14. С. 111.

домоуправление в августе 1925 г. сообщило Секретариату ЦИК СССР, что площадь используется Димопуло «для своих личных надобностей, и в 7 комнатах, занимаемых им, ни конторы, ни приема посетителей, ни комнаты для приезжающих совершенно нет, <...> комнаты занимаются им одним и 2-мя прислугами (подчеркнуто в документе. — *свящ. А. М.*), занятыми обслуживанием его и торговлей простоквашей»³⁰⁸. Архимандрит Василий не стал ждать, когда его уплотнят в занимаемом помещении, и в сентябре того же года сам обратился в ЦИК. «Мне известно, — писал Димопуло Смидовичу, — что в ЦИК поступила претензия на половину моей квартиры со стороны домоуправления по Крапивенскому переулку д. № 4. <...> Мне думается, что домоуправление спешит просто выселить меня из дома, боясь моего ходатайства пред органами Советской Власти о предоставлении мне бывшего Константинопольского подворья на началах экстерриториальности». (В действительности такого замысла в 1925 г. у домоуправления еще не было, но через год с небольшим Димопуло довел дело именно до такой постановки вопроса.) «В моей квартире с утра до ночи идет канцелярская работа с двумя греческими и одним русским секретарями и происходит постоянный прием приезжих греков и многочисленного русского духовенства по делам управления греческими церквями на территории СССР и взаимоотношения с Вселенской Патриархией Поместной Русской Церкви. Занятие половины моей квартиры в условиях моего положения равносильно выселению меня и вынуждению сложить свои полномочия и выехать в Константинополь за невозможностью осуществлять права возложенных на меня и признанных Правительством СССР полномочий».

Надо полагать, что, угрожая уехать, Димопуло просто блефовал. Фанар не принял бы его с распростертыми объятиями, если бы он бросил в Москве все дела, так и не добившись возвращения бывшего константинопольского подворья. Да и жилищные условия в Стамбуле у него едва ли оказались бы лучше московских. Известно точно, что после того как через несколько месяцев у него все-таки изъяли полквартиры, архимандрит Василий никуда из Москвы не уехал и своих «полномочий осуществлять права» до самой смерти так и не сложил (даже когда под конец жизни Фанар предложил ему это сделать). Но чашу уплотнения Димопуло еще только предстояло испить, а в сентябре 1925-го он писал Смидовичу: «Нет нужды напоминать Правительству СССР о важном политическом значении положения уполномоченного Вселенской Патриархии в условиях переживаемого времени, когда общественное мнение народов Западной Европы в вопросах церковных подвергается провокационной обработке врагов СССР: информации и освещения (так — *свящ. А. М.*) истинного положения религии и церкви на территории СССР Представителем Вселенской Патриархии является **ЕДИНСТВЕННОЮ** и при том **АВТОРИТЕТНОЮ** **ОТПОВЕДЬЮ** всем Западно-Европейским клеветникам на СССР. Ввиду столь оче-

³⁰⁸ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 548.

видного политического веса деятельности уполномоченного Вселенской Патриархии было бы вполне целесообразным не только не прекращать его функций созданием невозможных квартирных условий, но и предоставить ему в порядке экстерриториальности бывшее Константинопольское подворье, хотя бы на долгосрочную аренду в интересах греческого, ближневосточного (Константинопольского) пролетариата на территории СССР»³⁰⁹.

Впрочем, о возвращении в родные края Димопуло, возможно, и подумывал. Во всяком случае, о материально-финансовой стороне дела не забывал. В сентябре 1925 г. при посредничестве посольства Греции в Москве он, как бы во исполнение завещания дяди Иакова, переправил в Ватопед несколько объемных посылок «с личными вещами почившего», а именно: двумя пудовыми серебряно-золотыми подсвечниками, украшенным напрестольным крестом, медным львом на мраморной подставке для украшения престола, шитой золотом и украшенной иконами архиерейской митрой, шитой палицей, тремя богато украшенными крестами и панагией, несколькими иконами на смальте и в окладах, дюжиной священнических и дьяконских облачений разных цветов, в том числе и подаренных Императором Николаем II, облачением на аналой, орденами и медалями архимандрита Иакова³¹⁰. Судя по описи, приложенной архимандритом Василием к посылкам, им была вывезена практически вся храмовая ризница. Единственный в Москве храм, не тронутый большевиками в 1922 г., был разорен константинопольским представителем в 1925-м. Даже медный на мраморе лев с престола был им изъят (непонятно, правда, зачем это изъятие там ранее находилось). В ответ на ценные посылки Димопуло просил у Ватопеда денег, причем тоже как бы во исполнение дядиногo завещания. Как уже отмечалось, немалые средства архимандрита Иакова, вложенные им некогда в российские ценные бумаги, после революции пропали, но у него еще были весьма внушительные счета в Афинском Национальном банке. Димопуло-младший надеялся унаследовать из них свою долю и просил Ватопедский монастырь ему в этом поспособствовать. Переписка с Афоном на этот счет продолжалась у архимандрита Василия несколько лет, однако успехом для него она так и не увенчалась³¹¹.

Пока же вопрос с банком в Афинах оставался в подвешенном состоянии, Димопуло продолжал трудиться в интересах, как он выразился в письме Смиловичу, «греческого пролетариата» в Москве. Архимандрит Иаков в 1923 г. не смог принять участия в первом обновленческом лжесоборе. Архимандрит Василий наверстал упущенное на втором таком сборище, войдя в состав его президиума. Начало «Собора» было предварено 1 октября 1925 г. службой в захваченном раскольниками храме Христа Спасителя. «Божественную литургию, —

³⁰⁹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 547–547 об.

³¹⁰ *Καλαϊτζής Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 297–299.

³¹¹ Αὐτόθι. Σ. 646–649.

сообщила обновленческая газета, — совершали 7 архиереев, по числу семи таинств святой церкви, — митрополиты: Председатель Священного Синода Вениамин Ленинградский, Серафим Московский, Александр благовестник (Введенский, состоявший к тому времени в «гражданском браке» со второй «женой», впоследствии обзавелся еще и третьей, с которой уже «повенчался». — *свящ. А. М.*), Петр (Сергеев, женатый. — *свящ. А. М.*) Закавказский, архиепископы Петр (Сысуев, женатый. — *свящ. А. М.*) Томский, Иосиф (Кречетович, женатый. — *свящ. А. М.*) Изюмский и Сергей (Корнеев, неженатый. — *свящ. А. М.*) Пермский, в сослужении представителя Вселенского Константинопольского патриарха архимандрита Василия (Димопуло) и 11-ти заслуженных протоиереев и целом штате протодиаконов и диаконов»³¹². То есть из «7 архиереев, по числу семи таинств», в компании которых на «божественной литургии» оказался Димопуло, возглавив пресвитерский чин, четверо были лжеепископами заведомо антиканонического поставления, но представителя Фанара это не смущало. Отсутствие второго греческого архимандрита, почетного члена раскольнического лжесинода, было объяснено кончиной его Кириарха — Патриарха Фотия: «Вследствие его неожиданной смерти представитель Александрийского патриархата в Москве архим. Павел не мог принять участие в работах Третьего Поместного Собора, так как не получил, за смертью Фотия, надлежащей грамоты»³¹³. Впрочем, когда 10 ноября 1925 г. сформированный лжесобором «Священный Синод» избрал свой президиум, в нем, как и прежде, почетными членами были означены и Василий (Димопуло), и Павел (Катаподис)³¹⁴. В дальнейшем последний эпизодически еще возникал на московских обновленческих подмостках, но в основном на них доводилось блистать одному Димопуло, с чем он вполне справлялся.

На самом «Соборе», как сообщала обновленческая печать, «прежде всего было оглашено обращение к Рабоче-Крестьянскому правительству с призывом всех православных христиан к добросовестному сознательному и лояльному отношению к власти, даровавшей церкви необходимую свободу своей внутренней религиозной жизни. Вслед за прочтением обращения было оглашено письмо Вселенского патриарха Василия III, который был приглашен на Собор, но не мог приехать в Москву как вследствие своего старческого возраста (70 лет), так и по другим случайным обстоятельствам, исходящим из особого политического состояния Турции в настоящий момент»³¹⁵.

³¹² Открытие собора. День первый // Церковное Обновление. 1925. 25 нояб. № 14. С. 111.

³¹³ Церковные сведения на 1-е декабря 1925 года // Православный Церковный Вестник. 1925. 1 дек. № 6. С. 19.

³¹⁴ Список членов Президиума Св. Синода, избранных общим собранием Св. Синода 10 ноября 1925 г. // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 7 (3). С. 1.

³¹⁵ Третий поместный Московский собор // Православный Церковный Вестник. 1925. 1 нояб. № 5. С. 4.

На втором заседании лжесобора главным действующим лицом был А. Введенский, выступивший с докладом «О современном положении православия». В ходе этого выступления была осуществлена изумительная по подлости замысла и грубости исполнения провокация против Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра. «Я сознаю ту чрезвычайную ответственность, которую беру на себя в этом высоком собрании, где осеняет нас дух божий (так. — *святц. А. М.*) и где первым председателем состоит сам вселенский патриарх святейший Василий Константинопольский», — начал свое выступление фигуляр Введенский. Далее в докладе он в избытке сыпал именами различных писателей, профессоров и прочих разной степени известности лиц (упомянут, например, был «один ученый атеист психиатр Фрейд»), проводя мысль, что «атеизм прогрессирует», а «для профессора стало стыдом ходить в церковь». Причина же неверия интеллигенции, по Введенскому, заключалась в «нестественной связи церкви с государством» (монархическим, разумеется, не советским): «Крест Христов был не столько в руках святителей, сколько в когтях двуглавого орла». Далее «митрополит-благовестник» переходил к родному для него жанру доноса и заявлял, что «иерархическая верхушка тихоновщины является носителем тех же идеалов, какие развивались в царское время». В подтверждение этого тезиса Введенский сообщал: «Известно, что недавно наместник патриаршего престола митрополит Петр Крутицкий, он же Петр Федорович Полянский, открыто бросил обвинение в неправославии даже вселенскому патриарху Василию III. Так, он произнес: “Надо еще проверить, православен ли сам вселенский патриарх”. <...> Уже и вселенский собор у тихоновцев перестал быть высшей церковной инстанцией!» Следует заметить, что приведенная Введенским фраза митрополита Петра о Василии III в других источниках не обнаружена, но представляется, что Местоблюститель вполне мог так сказать, поскольку в православности главы Фанара, покровительствовавшего раскольникам, действительно были большие сомнения, равно как и в том, что «Вселенский Собор» в исполнении подобных деятелей можно будет признать «высшей церковной инстанцией».

В конце своего выступления говорливый докладчик поделился «сенсацией», ради которой, собственно, и утруждал собравшихся слушанием своей пространной и путаной речи. Введенский огласил якобы полученное «Синодом» письмо «архиепископа всей Южной Америки» Николая Соловья. В мае 1924 г. этот Соловей был командирован раскольниками в США, но, едва оказавшись за границей СССР в Латвии, разразился серией антиобновленческих выступлений. Согласно Введенскому, Соловей выражал теперь обновленцам свое «полное глубокое раскаяние» и сообщал, что «к тихоновцам — подобным варварам» он не принадлежал, однако перед своим отъездом за границу «имел двухчасовое совещание с патриархом Тихоном и Петром Крутицким», в ходе которого якобы получил поручение передать зарубежным монархистам собственноручное патриаршее письмо о том, что «святая церковь не может благословить великого

князя Николая Николаевича, раз есть законный и прямой наследник престола великий князь Кирилл». «Оказывается, таким образом, — восклицал Введенский, — что Тихон до самой смерти, каясь пред всем миром, что бросил политическую борьбу, — все время обманывал — власть, народ и церковь. <...> Я вижу провидение, что бог предотвратил от опасного дела, когда Синод протягивал тихоновцам руку и они отвергли ее. <...> Не смею вас задерживать, мы будем жить без этой верхушки»³¹⁶.

Цель «разоблачения» Введенского была понятной: Патриарха Тихона уже не было в живых и ему вся эта нелепая ложь повредить не могла, против же митрополита Петра, как бы вскользь упомянутого в письме Соловья, ОГПУ получало возможность выдвинуть тяжкое обвинение в сношениях с зарубежными контрреволюционерами. «Митрополит-благовестник» грязно, но с увлечением отработал порученный ему номер. «Оказывается, что тихоновский корабль плавает в международных водах, — паясничал он, — и трудно сказать, где главный капитан: за рубежом или “на Крутицах”»³¹⁷. Провокация Введенского, осуществленная в «заочном соприсутствии» Патриарха Василия и под прикрытием его именем, сработала. 11 ноября 1925 г. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) постановила «в целях разоблачения монархических устремлений Петра (местоблюстителя патриаршества) поместить в “Известиях” ряд статей, компрометирующих Петра, воспользовавшись для этого материалами недавно закончившегося обновленческого собора; <...> одновременно с опубликованием ст. ст. поручить ОГПУ начать против Петра следствие»³¹⁸.

После скандального доклада Введенского обновленческий лжесобор обратился к другим важным вопросам. По поводу готовящегося «Вселенского Собора» он постановил по получении «окончательного извещения» о сроке его созыва избрать «делегатов от РПЦ» на общем собрании «Священного Синода». «Будущей делегации вменить в обязанность доложить Вселенскому Собору о современном положении Русской Церкви и тех обстоятельствах, которые вызвали некоторые изменения в нынешней практике Русской Церкви по сравнению с прежней, как то: по вопросам о брачном епископате и второбрачии духовенства»³¹⁹. Как видно, раскольники рассчитывали на то, что их «некоторые изменения в нынешней практике Русской Церкви» будут «Вселенским Собором» восприняты вполне благосклонно.

³¹⁶ Современное положение православия. Доклад митрополита Александра Введенского // Церковное Обновление. 1925. № 14. С. 112–116.

³¹⁷ О современном положении православия. (Доклад митрополита Александра Введенского) // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 6 (2). С. 10.

³¹⁸ Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б). С. 170.

³¹⁹ Постановление III Собора по докладу о подготовке к предстоящему Вселенскому Собору // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 7 (3). С. 1.

Другим своим деянием октябрьский лжесобор в Москве «благословил» украинскую автокефалию. Присутствие при этом официального представителя Фанара вызывало у обновленцев Украины особый восторг. Передовая статья «Украинского православного благовисника» (нового официального органа харьковского «Священного Синода») гласила: «Чрезвычайно знаменательным и важным было участие в этом Деянии III Всероссийского Священного Собора представителя Вселенского Патриарха Архимандрита Василия Димопуло, который лично и задушевно поздравлял с этим событием наших делегатов во главе с Митрополитом Пименом и сообщил о том, что он по долгу своего представительства от себя лично немедленно доложит Вселенской Патриархии об Автокефалии Украинской Церкви и о своей уверенности, что она теперь, облеченная полной канонической свободой, будет всегда оплотом чистого православия в союзе со Вселенским и прочими восточными Патриархами»³²⁰. Стоит, однако, отметить, что, поздравив «лично и задушевно» украинских раскольников с автокефалией, хитрый грек самой грамоты «Поместного Собора» не подписал³²¹.

Через непродолжительное время, в том же октябре 1925 г., украинские обновленцы были дополнительно обрадованы Патриархом Василием. В ответ на посланную ему 5 сентября из Харькова поздравительную телеграмму по случаю восшествия на Вселенский Престол он отозвался самым теплым письмом (опубликованным, как обычно, в переводе Димопуло): «Его Высокопреосвященству, Председателю Украинского Архиерейского Синода Кир-Пимену братское во Христе лобзание. <...> Выражаем горячее благодарение за честные молитвы Ваши и при настоящем случае взаимно заявляем, что Матерь наша Великая Христова Церковь с материнским неослабным вниманием зорко следит за Вашею местною Церковью <...> Препровождая через Вас и местный Священный Синод братское приветствие ко всей иерархии и благочестивой пастве Вашей отеческое и патриаршее наше благословение, взаимно приветствуем Ваше ревностное о Господе Святительство, на котором и да пребываете на многие лета здравы и спасительны. Вселенский Патриарх Василий, возлюбленный во Христе Брат»³²².

Не имело уже большого значения, что об украинской автокефалии в письме Патриарха Василия ничего не говорилось, а фраза «Матерь наша Великая Христова Церковь с материнским неослабным вниманием зорко следит за Вашею местною Церковью» могла пониматься по-разному. Главным было то, что

³²⁰ Благословение Автокефалии Украинской Православной Церкви III Всероссийским Поместным Собором // Український православний благовісник. 1925. 15 окт. № 20. С. 1.

³²¹ См.: Грамата III Всероссийского Поместного Священного Собора 6 октября 1925 года об автокефалии Украинской Православной Церкви // Український православний благовісник. 1925. 1 дек. № 23. С. 1.

³²² От Вселенского Патриарха Украинской Православной Церкви // Український православний благовісник. 1925. 1 нояб. № 21. С. 1.

Константинопольский Патриарх вступал в совершенно официальное письменное общение с харьковским «Синодом» и «братски» приветствовал его председателя «Кир-Пимена». Это, конечно, было большим достижением для раскольников и, соответственно, очередным падением Фанара. В составленном украинским ГПУ секретном обзоре религиозных группировок (по состоянию на январь 1926 г.) было особо отмечено, что «обновленцам сильно помогало в агитации против других полученное ими от Вселенского патриарха приветствие в адрес митрополита Пимена»³²³. Препровождая письмо Патриарха Василия, Димопуло писал 22 октября 1925 г. Пимену (Пегову): «Питаю надежду, что ныне Ваше Высокопреосвященство останетесь довольны выраженными в письме благожеланиями Украинской Церкви <...> Пользуясь случаем, прошу Ваше Высокопреосвященство прислать мне надлежаще засвидетельствованные копии с актов и документов об утверждении автокефалии Украинской Церкви для представления их Патриарху»³²⁴.

«Его Высокопреосвященство» было более чем довольно «благожеланиями» Вселенского Патриарха. В ответном письме харьковского «Синода» Патриарху Василию говорилось о «священном трепете и неизреченной радости» по поводу полученного с Фанара приветствия. «Сие Ваше послание с неизреченною благодарностью приемлется всею Украинскою Православною Церковью как счастливейший и величайший момент ее исторической жизни. <...> Как для многострадального путника величайшее счастье заключается в возвращении его на родину, так блаженнейшим счастьем для Укр. Правосл. Церкви является ее возвращение к прежнему общению с тою Церковью-Материю, от коей она восприняла для всей Руси св. крещение», — писали украинские обновленцы. При этом они не забывали указать, что почитают «своим священным долгом незамедлительно вслед за сим препроводить... все акты, надлежаще засвидетельствованные, и документы, относящиеся как до истории организации на Украине церковного управления во главе со Свящ. Синодом и направления деятельности сего последнего, так и по важнейшему и основному вопросу для Укр. Правосл. Церкви — ее автокефалии»³²⁵. Авторы письма будто бы не понимали, что для положительного решения вопроса об автокефалии «Укр. Правосл. Церкви» требовались не только копии актов и документов, но и нечто более весомое и ценное Фанаром. Можно вспомнить, в какую сумму обошлась в 1924 г. автокефалия полякам (12 тыс. фунтов стерлингов). Бойкие же украинские деятели надеялись получить от греков просимое бесплатно. Бесплатно, однако, оттуда поступали лишь одни «благожелания».

³²³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 510.

³²⁴ Его Высокопреосвященству, Председателю Всеукраинского Священного Синода, Митрополиту Пимену // Український православний благовісник. 1925. 1 нояб. № 21. С. 1.

³²⁵ Ответ Свящ. Синода Украинской Православной Церкви Вселенскому Патриарху на письмо Его всесвятешества // Там же. С. 2.

Не все православные в России (включая и Украину) верили в подлинность прообновленческих грамот Константинополя, полагая, что их настоящий автор — сам закупленный раскольниками Димопуло. Так, например, епископ Мариупольский Антоний (Панкеев) писал 14 апреля 1926 г.: «Грамоты патриарха Василия III московского происхождения, сочиняются Димопуло, он же Дурепопуло и Лестипопуло, по принципу: “вера без денег... мертва”»³²⁶. (Примечательна реакция на это письмо украинского ГПУ. Харьковские чекисты не преминули поставить в известность Тучкова и выразили следующее пожелание: «Препровождая при сем копию письма епископа Антония Панкеева, отобранного при обыске у одного из тихоновских попов, СО ГПУ УССР просит, если найдете возможным, использовать его для обострения взаимоотношений Димопуло к тихоновскому епископату Украины»³²⁷.) Действительно, бескорыстием архимандрит Василий в России не прославился, но это не было удивительным. Несомненно и то, что к своим представительским функциям он относился «творчески», чего стоили одни его опусы, направляемые во ВЦИК (впрочем, о них в церковной среде не знали, за исключением, быть может, нескольких человек из обновленческого «Синода», но это была уже *внецерковная* среда). Можно допустить, что, переводя послания с Фанара, он привносил в них и собственную игру слов, выгодную обновленцам, тем более что написаны они обычно бывали таким тяжеловесным языком, что их адекватный перевод на русский требовал очень хорошей филологической подготовки, Димопуло же был политиком, а не филологом. Однако невозможно представить, что он доходил до того, чтобы «сочинять» грамоты своего священноначалия. Конечно, психологически легче было списать канонические бесчинства Константинопольской Патриархии на «Дурепопуло и Лестипопуло», но греческие источники свидетельствуют, что приветствия Патриарха Василия обновленцам, начиная с его первой телеграммы «Митрополиту Вениамину, Председателю Священного Синода», составлялись именно на Фанаре, а вовсе не в Москве, причем даже вопреки призыву Димопуло к большей осмотрительности³²⁸.

Фактом остается и то, что вплоть до своей смерти в 1934 г. архимандрит Василий продолжал состоять в своей должности, и неизвестно, чтобы кто-нибудь из Константинопольских Патриархов, которых он все это время представлял в Москве, выразил ему порицание за «самодеятельность» по отношению к обновленцам. (Позднее, при Патриархе Фотии, недовольство им у Вселенской Патриархии возникло, но, скорее, уже из-за недостатка его активности.) Фанар при желании всегда мог бы от него публично отмежеваться. Случись такое, на это непременно обратили бы внимание русские эмигранты, но они свидетельствовали о другом. Так, действиями Константинополя был тогда крайне воз-

³²⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 557.

³²⁷ Там же. Л. 578.

³²⁸ *Kalaivtēs Xp., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 720–722.

мушен митрополит Евлогий (Георгиевский). Пройдет затем немного лет, и он сам перейдет на сторону поддерживающих обновленцев греков, но осенью 1925 г. он спрашивал в письме митрополита Петра: «Будете ли Вы писать Константинопольскому патриарху об его незаконном вмешательстве в дела русской церкви? Ведь не только его Московский представитель архим. Василий перешел явно на сторону обновленцев, но и сам патриарх пишет приветственные грамоты лжесобору в лице их митрополита Вениамина и “автокефальному митрополиту” украинскому Пимену»³²⁹.

Принципиально иную, нежели Фанар, позицию в «русском вопросе» занимал Антиохийский Патриарх Григорий IV. Не в последнюю очередь это объяснялось тем, что Антиохийскому Патриархату на рубеже XIX–XX веков при поддержке Русской Церкви удалось освободиться от греческого засилья. В своей оценке положения российских церковных дел Патриарх Григорий в значительной степени ориентировался на митрополита Антония (Храповицкого). 22 сентября 1925 г. Святейший Григорий IV обратился с грамотой на имя митрополита Антония, в которой с самой полной определенностью выразил свое отношение к обновленцам: «Считаем священным долгом заявить, в подтверждение прежнего нашего отзыва о так называемой “живой церкви” и обновленцах, что единственной истинно Православной Церковью в России мы признаем ту Русскую Церковь, которая возглавлялась блаженной памяти Свят[ейшим] Патриархом Тихоном... всех же отступников от известных основных начал Св. Православной Церкви и веры мы не только не признаем и не будем иметь с ними никакого общения, как действующих бесовским духом испорченного мира сего, но предаем анафеме их сатанинское сборище, а также и их безбожное учение и незаконные деяния и решения, направленные против Св. Православной веры и во вред богохранимому Русскому православному народу»³³⁰. Грамота была издана в связи с октябрьским обновленческим лжесобором в Москве. Таким образом, это «сатанинское сборище», главным деянием которого стала провокация против митрополита Петра, прошло под анафемой достойнейшего из Восточных Патриархов того времени.

Митрополит Петр довольно скоро узнал о выступлении Святейшего Григория IV. Содействие в этом оказали русские монахи-афониты. Духовник братии Свято-Пантелеимонова монастыря схиархимандрит Кирик писал 14 ноября 1925 г. митрополиту Антонию: «Владыка Святой! Благословите! Долгом считаю Вас уведомить о том, что грамота Св[ятейшего] Патриарха Григория Антиохийского, помещенная в “Церковных ведомостях” (в № 19), мною скопирова-

³²⁹ Кифа — Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937) / Отв. ред. прот. В. Воробьев. М., 2012. С. 793.

³³⁰ Грамота Святейшего Григория IV, Патриарха Антиохии и всего Востока, на имя Председателя Архиерейского Синода Высокопреосвященного Митрополита Антония // Церковные ведомости. 1925. № 19–20. С. 1–2.

на и послана в Москву нашим там обитающим отцам, которые во исполнение моей просьбы представили оную лично Местоблюстителю Патриаршего Престола Митрополиту Петру. О чем и получено мною от наших отцов уведомление с присовокуплением, что Владыка М[итрополит] Петр остался очень доволен оным актом, где живоцерковники предаются церковной Патриаршей анафеме — по достоянию...»³³¹.

Патриарх Григорий был готов вступить и в непосредственное общение с митрополитом Петром и искал для этого повода. Митрополит Евлогий в уже цитированном выше письме писал митрополиту Петру: «Восточные патриархи, например Антиохийский, высказывают пожелания, чтобы Вы сообщили им официальным путем или грамотой о своем местоблюстителстве. Я думаю, что это нужно сделать как можно скорее для укрепления Вашего положения»³³². Пожелание митрополита Евлогия, казалось, было резонным, но он, находясь в Париже, не понимал, что за обращение к Антиохийскому Патриарху, считавшемуся советской властью злейшим врагом СССР, митрополит Петр сразу же попал бы под обвинение в тяжком политическом преступлении. К Константинопольскому Патриарху, другу СССР, он, наверное, мог бы обратиться без опасения политических обвинений, но тот уже состоял в общении с обновленцами, и целесообразность такого обращения вызывала сомнения.

Впрочем, есть свидетельство, приводимое в контексте истории бесчинной польской автокефалии А. С. Бувеским и М. Е. Губониным, что известительная грамота митрополита Петра о вступлении в должность Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола все-таки существовала, и в ней он «выразил решительный протест Константинопольскому Патриарху Василию III по поводу незаконного вмешательства Вселенской Патриархии во внутренние дела Русской Церкви»³³³. Однако не совсем понятно, кому и когда митрополит Петр эту известительную грамоту отправил и отправил ли вообще.

Но и без официальных сношений духовное единство Патриаршего Местоблюстителя с подлинно православным Востоком было засвидетельствовано. Разорвать это единство ни пособники безбожников обновленцы, ни подобные им беспринципные греческие церковные политики не могли. Твердый отказ митрополита Петра идти иудиним путем привел к тому, что в ночь на 10 декабря 1925 г. он был арестован. На свободу Местоблюститель больше не вышел и, проведя без малого 12 лет в заключении, был расстрелян в тюрьме в октябре

³³¹ Косик О. В. Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е — начало 1930-х годов). М., 2011. С. 71.

³³² Кифа — Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий. С. 793.

³³³ Бувеский А. Патриарх Константинопольский Григорий VII и Русская Православная Церковь // Журнал Московской Патриархии. 1953. № 4. С. 37; Губонин М. Е. «Кифа»: Очерк жизни и деятельности Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) // Кифа — Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий. С. 92.

1937 г. Патриаршей же Церковью в России, согласно его завещательному распоряжению, с декабря 1925 г. начал управлять его заместитель — митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский).

В условиях нарастания репрессий со стороны ОГПУ митрополит Сергей не мог не только отправить Предстоятелям других Поместных Церквей известительные грамоты о своем вступлении в должность Заместителя Местоблюстителя, но даже и обратиться с соответствующим посланием к полноте Русской Церкви. Признание его православным епископатом, клиром и паствой в России в качестве исполняющего обязанности Первоиерарха происходило постепенно, в течение нескольких первых месяцев 1926 г., причем в условиях напряженной полемики с новым церковным расколом, спровоцированным ОГПУ (так называемым григорианством, или «Обновлением № 2»).

Полуподпольное существование управления Патриаршей Церкви в России было, конечно, на руку обновленцам, поскольку облегчало им задачу изображать единственную организованную церковную структуру, с которой другим Поместным Церквям и надлежит иметь дело. Фанар вполне готов был им в этом подыгрывать. Позиции Александрии и Иерусалима в тот момент были неопределенными. Святейший Патриарх Антиохийский Григорий IV продолжал твердо стоять на стороне подлинной Русской Православной Церкви, то есть Церкви Патриаршей. Не получив известительных грамот ни от митрополита Петра, ни от митрополита Сергея, он сам попытался войти в письменное общение с Московской Патриархией. Весьма показательна реакция ОГПУ на это. 7 января 1927 г. митрополиту Сергию, к тому времени уже арестованному, пришлось особо объясняться на этот счет. Выглядело это объяснение, согласно протоколу допроса, так:

«Вопрос: Что Вы можете рассказать по поводу присланного Вам весной этого года (т. е. прошлого, 1926 года) письма антиохийского патриарха Григория IV?»

Ответ: В мае, примерно, 1926 года я получил ряд бумаг о состоянии Московской епархии; в числе этих бумаг я обнаружил письмо Антиохийского патриарха при препроводительном письме недавно появившегося в городе Москве архимандрита Антония, подчиненного этому патриарху и являющегося настоятелем антиохийского подворья в Москве. Я написал ответ, послал его в Москву с просьбой передать.

Вопрос: Каким образом и почему решились Вы сноситься с церковным деятелем, известным своими враждебными по отношению к Совреспублике выступлениями?»

Ответ: Я считал, что получил документ от лица официального, представителя патриарха, и что оно являлось простою вежливостью, почему я и счел своим долгом ответить»³³⁴.

³³⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Р–31639. Л. 63.

Видно, с какими сложностями было тогда сопряжено поддержание самых элементарных контактов Московской Патриархии с внешним православным миром, особенно если эти контакты происходили не при посредничестве и не в интересах боготорческой власти.

Арест Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра вызвал нескрываемое злорадство обновленцев, в том числе и в связи с надеждой на укрепление их позиций на «Вселенском Соборе» (за счет организационного ослабления «тихоновцев»). В очередной статье на тему «Русская Церковь и вселенский Собор» профессор Б. В. Титлинов писал: «Петр пошел по стопам Тихона и кончил немного лучше. Органическая болезнь тихоновщины выявляется наружу все откровеннее, и правда церковного движения 1922 года становится все очевиднее. Когда собор 1923 года произносил свой суд над Тихоном — сколько было негодующих. Но теперь история судит тихоновщину — это, пожалуй, будет убедительнее. А поскольку самый наш существенный церковный вопрос — вопрос нашего церковного разделения — связан с вопросом о “тихоновщине”, постольку все, проливающее на нее свет, прольет свет и на наше русское дело в глазах Вселенского Собора»³³⁵. Титлинов явно спешил приравнять суд истории к суду боготорческой власти. Какое место заняли в действительности в истории Церкви святые Патриарх Тихон, митрополит Петр и их последователи с одной стороны, а обновленцы — с другой, теперь уже совершенно ясно.

В декабре 1925 г. Константинопольская Патриархия в очередной раз, как ей казалось, определилась с датой и местом предстоящего «Вселенского Собора». Начало его работы было назначено на Пятидесятницу 1926 г. Местом проведения собрания вместо Иерусалима указывался Афон — в силу его «духовных сокровищ», а также «по центральному положению места и обилию удобств помещения и гостеприимства». Архимандриту Василию, как уже повелось, было предложено сообщить об этом решении «местным церковным кругам»³³⁶.

К тому моменту количество этих «кругов» в России пополнилось. Арест митрополита Петра, как уже было сказано, стал поводом к возникновению в декабре 1925 г. нового раскола — григорианского, названного так по имени архиепископа Григория (Яцковского), возглавившего самочинный «Временный Высший Церковный Совет» (ВВЦС). Димопуло сразу же проявил интерес к новому течению. Подобно обновленцам, ВВЦС объявил, что «заботится об

³³⁵ Титлинов Б. Русская Церковь и вселенский Собор // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 8–9 (3–4). С. 10.

³³⁶ Извещение вселенского патриарха Василия III о созыве вселенского собора в 1926 г. // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 8–9 (3–4). С. 2; Послания Вселенского Патриарха Василия III-го // Український православний благовісник. 1926. № 1. С. 1.

установлении общения с православными Восточными Патриархами»³³⁷. Сходство заключалось еще и в том, что григориане, как и обновленцы, пользовались малейшими зацепками для того, чтобы торжественно провозгласить якобы уже состоявшийся факт признания их Востоком. Так, и архиепископ Григорий, едва поведав миру об организации своего ВВЦС, со страниц «Известий ЦИК» «поделился последними сведениями, полученными им от представителя вселенского патриарха. В числе их: приглашение на вселенский собор и указ вселенского патриарха о праздновании Пасхи»³³⁸. Можно было подумать, глядя на эти слова, что Константинопольский Патриарх лично Яцковского пригласил на «Вселенский Собор». В действительности ситуация была несколько иной. Письмо Василия III на имя Димопуло, в котором сообщалось о переносе «Вселенского Собора», было датировано 9 декабря 1925 г. «Временного Высшего Церковного Совета» в тот момент еще не существовало, он был учрежден 22 декабря. После этого архимандрит Василий решил, что одним из руководителей «местных церковных кругов», которых он должен был известить о новой идее Фанара, стал архиепископ Григорий. Поэтому-то он 31 декабря 1925 г. и обратился к нему³³⁹, чем привел председателя ВВЦС в восторг, которым тот поделился с «Известиями ЦИК». Яцковский, видимо, не знал, что, исполняя поручение своего Патриарха, Димопуло одновременно обратился и к обновленческим деятелям — харьковским и московским.

В московский обновленческий лжесинод официальное извещение о «Вселенском Соборе» архимандрит Василий передал 2 января 1926 г. Обновленцы в очередной раз выразили по этому поводу радость, но в то же время и озабоченность. В обращении к Патриарху Василию после дежурных слов про «свои горячие упования» они писали: «Нам неизвестно, в какой именно плоскости предполагается ставить намеченные в программе вопросы, какие предположены доклады, каков будет порядок ведения дел, на каком языке будет вестись деловая работа Собора, сколько предположительно времени продолжится работа Вселенского Собора, будут ли приглашены представители инославных церквей и на каких именно началах, будет ли предоставлено равноправие тем русским иерархам, кои, находясь в эмиграции, лишились своих кафедр, а Соборами 1923 и 1925 г. лишены всех иерархических прав». Раскольники явно не были уверены в том, что решения «Вселенского Собора» будут в их пользу, и пытались заранее подстраховаться на этот счет. «Священный Синод» выражал Патриарху Василию «совершенно естественное желание и просьбу — включить представителя РПЦ в состав Подготовительной Комиссии для согласования

³³⁷ *Григорий (Яцковский), архиеп.* Документы, относящиеся к образованию Высшего Временного Церковного Совета в Москве. М., 1926. С. 7–8.

³³⁸ Среди церковников. У тихоновцев // Известия ЦИК. 1926. 7 янв.

³³⁹ *Григорий (Яцковский), архиеп.* Документы, относящиеся к образованию Высшего Временного Церковного Совета в Москве. С. 14–16.

подготовительной работы на месте с деятельностью Подготовительной Комиссии»³⁴⁰.

Украинским обновленцам копию письма Патриарха Василия о «Вселенском Соборе» архимандрит Василий направил даже на два дня раньше, чем российским, — 31 декабря 1925 г.³⁴¹ (в один день с извещением председателя ВВЦС). Они, в свою очередь, приветствовали Константинопольского Патриарха с Рождеством и Новым годом, а тот в ответ обратился 1 февраля 1926 г. к «Высокопреосвященнейшему Председателю Свящ. Украинск. Синода Кир-Пимену» с письмом о том, что он «с материнскою радостью» выслушивает «о развитии благочестия в украинском православном народе»³⁴². Проблемы украинской автокефалии Патриарх Василий по-прежнему не затрагивал, но возглавляемые Пименом (Пеговым) обновленцы Украины могли радоваться и простому обмену официальными приветствиями с Константинопольской Патриархией. В конце января 1926 г. в Харькове состоялся пленум местного «Синода», в отчете о котором было сказано, что «главнейшим предметом его суждений был вопрос о подготовке к участию в предстоящем... Вселенском Соборе». Среди предлагаемых к обсуждению на «Вселенском Соборе» пунктов были указаны вопросы об украинской автокефалии и о «липковщине». Помимо прочего пленум также постановил просить Вселенского Патриарха о назначении «представителя своего при Укр. Свящ. Синоде»³⁴³. Видно, что харьковским обновленцам, по примеру московских, тоже хотелось иметь под рукой своего «Димопуло». Отдельный представитель Фанара в Харькове не появился, но взаимные письменные поздравления Константинопольского Патриарха и «Укр. Свящ. Синода» с Пасхой и Рождеством стали нормой³⁴⁴. По поводу же автокефалии Патриарх Василий не писал украинцам и по той причине, что архимандрит Василий не спешил его о ней официально уведомить (видимо, ждал особого «стимула»). Лишь 22 марта 1926 г. харьковский лжесинод заслушал сообщение Димопуло о том, что «им отправлены в Константинополь документы касательно Автокефалии Украинской Православной Церкви»³⁴⁵. Что называется, не прошло и года...

³⁴⁰ Обращение священного синода к вселенскому патриарху Василию III // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 8–9 (3–4). С. 3.

³⁴¹ Послания Вселенского Патриарха Василия III-го // Український православний благовісник. 1926. 1 янв. № 1. С. 2.

³⁴² Письмо Вселенского Патриарха Василия III-го на имя митрополита Пимена // Український православний благовісник. 1926. 15 февр. № 4. С. 1.

³⁴³ Пленум Священного Синода // Український православний благовісник. 1926. 15 февр. № 4. С. 6.

³⁴⁴ См., например: Ответное письмо Вселенского Патриарха Василия III-го на пасхальное приветствие Свящ. Синода Укр. Прав. Церкви // Український православний благовісник. 1926. 1 июля. № 13. С. 1.

³⁴⁵ В Священном Синоде // Український православний благовісник. 1926. 15 июля. № 14. С. 9.

Ответ же Патриарха Василия на январские вопрошания московского «Синода» был дан в письме на имя архимандрита Василия от 11 марта 1926 г. «Благожелательное принятие нашего решения о созвании Собора и ревностная подготовительная работа исполнили многой радости нашу Церковь», — писал Константинопольский Патриарх по поводу «предсоборной» активности обновленцев. На конкретные вопросы их лжесинода он расплывчато отвечал, что «Вселенский Собор... сам организует предварительные комиссии» (ответ нелепый, но для Фанара характерный). Письмо подтверждало, что опасения раскольников (и стоявших за ними советских органов) по поводу возможности присутствия на «Вселенском Соборе» русских зарубежных архиереев были небеспочвенны. Патриарх Василий писал: «Наша Церковь, с печалью имея уверенность в серьезных затруднениях, препятствующих единому представительству на Вселенском Соборе наиболее многочленной дщери и сестры — Святой Церкви в России, с братской любовью будет взирать на прибывших на Собор всех иерархов этой Церкви в надежде на желательное для всех мирное разрешение разделяющих их недоразумений»³⁴⁶. Приглашения русским зарубежным иерархам на «Вселенский Собор» Константинопольская Патриархия не посылая, но и запрета на их участие в нем тоже не было. Можно представить, какой была бы там встреча митрополита Антония (Храповицкого) с Александром Введенским и компанией.

Однако такая встреча не состоялась, как и сам «Вселенский Собор». Отчасти этому поспособствовала активность русского зарубежного епископата, особенно его главы. 30 марта 1926 г. митрополит Антоний разослал Предстоятелям Поместных Церквей грамоту по поводу инициативы Василия III о «Вселенском Соборе» и приглашения на него обновленцев и других раскольников. «Мы не домогаемся участия на сем Соборе наших заграничных иерархов, — писал митрополит Антоний, — ибо, помимо всего, считаем созыв Собора Вселенского в настоящее время неблагоприятным. Но по архиерейской совести своей долгом поставляем сообщить Вашему Святейшеству, что живоцерковники и обновленцы, а также украинские автокефалисты являются лжеепископами. Они откололись от Матери Церкви Российской, изменили священным канонам, извратили св. учение и предание Церкви Православной. Русский православный народ их не признает и за ними не идет и никогда не пойдет». Митрополит Антоний резонно указывал на то, что «Вселенский Собор» с участием обновленцев «вызовет в православном мире новый раскол и усилит церковную смуту в России». Он обращался к Предстоятелям Поместных Церквей с простым вопросом: «О каком же Соборе и о каких церковных реформах может быть речь в настоящее время, когда Российская Церковь, представляющая собою 90% всего православного мира, так тяжело страдает, а истинные служители

³⁴⁶ Послание Святейшего Патриарха Вселенского и письмо Архим. Василия Димопуло // Український православний благовісник. 1926. 19 апр. № 8. С. 2.

ее гонимы и преследуемы?»³⁴⁷ Поведение руководителей Фанара показывало, что к ним взывать было бесполезно, но на некоторых других глав Православных Церквей призывы митрополита Антония оказывали воздействие. Нового раскола в православном мире они не хотели.

Главной же причиной срыва «Вселенского Собора» стала позиция турецкого правительства, которое подозревало, что за резко усилившейся международной активностью Фанара стоят не столько церковные мотивы, сколько политические расчеты греков. Не допустить проведение проталкиваемого фанариотами мероприятия не составляло для турок большого труда. Как писали в русской эмигрантской прессе, «турецкие власти, запретив созыв Собора в Константинополе, заявили Вселенскому Патриарху, что ему не будет разрешено участие в каких бы то ни было собраниях в пределах чужой державы, и в случае выезда его и прочих греческих епископов из Константинополя, никто из них не будет допущен обратно»³⁴⁸. В том, что турки вполне могли привести свою угрозу в исполнение, сомневаться не приходилось, и это заставляло Патриарха Василия проявлять сдержанность в соборных делах. Интересно, что в обновленческой прессе вина за срыв «Вселенского Собора» на Афоне была возложена не на дружественную СССР Турцию, а на Грецию: «В самое последнее время греческое правительство закрыло все Афонские монастыри и не менее восьми тысяч монахов оттуда выселило. Вот почему и не мог открыться на Афонской горе Вселенский собор в 1926 году»³⁴⁹. Небылицы про закрытие *всех* монастырей Афона, наверное, должны были, помимо прочего, внушить доверчивому читателю, что, в отличие от буржуазной Греции, в советской России монахам живется не так уж и плохо.

Тем временем в Москве афонский пострижник Василий (Димопуло) действительно не избежал квартирных проблем. В соответствии с постановлением Моссовета от 2 июня 1925 г. об увеличении всем квартплаты на 50% правлением жилтоварищества дома № 4 по Крапивенскому переулку ему также была поднята ставка с трех рублей за квадратную сажень до четырех с половиной, с учетом того, что «излишки в тройном размере, как другими, им не оплачиваются»³⁵⁰. Димопуло, однако, никаких «излишков» за собой не признавал и платить по новой ставке категорически отказался, ссылаясь на выданное ему разрешение ЦИК СССР³⁵¹. На какое-то время жилтовариществу пришлось уступить. Но затем, в январе 1926 г., уже в Президиуме ЦИК посчитали, что

³⁴⁷ Грамота Председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей Святейшим Патриархам и прочим главам Православных Автокефальных Церквей от 17/30 марта с. г. // Церковные ведомости. 1926. № 7–8. С. 2–3.

³⁴⁸ Махароблидзе Е. К вопросу о созыве «8 Вселенского Собора» // Церковные ведомости. 1926. № 7–8. С. 11.

³⁴⁹ Церковные сведения на 1 ноября 1926 года // Православный Церковный Вестник. 1926. 1 нояб. № 9–10. С. 8.

³⁵⁰ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 550.

³⁵¹ Там же. Л. 526.

предоставленная греку жилая площадь слишком велика, и попросили его выделить часть квартиры другому жильцу (некому вернувшемуся из Лондона М. В. Нестерову), обещая при этом, по словам самого Димопуло, что весной помещение ему вернут³⁵². Видимо, «просьба» Н. П. Орлеанского (секретаря председателя ВЦИК) прозвучала так, что отказать архимандрит Василий не мог и в результате лишился трех комнат, причем, как оказалось, вовсе не на несколько месяцев. Конечно, это добавило ему разных неприятных переживаний. В справке Орлеанского говорилось, что, «выделивши площадь, Димопуло стал чинить препятствия при пользовании кухней и комнаткой, к ней примыкающей (общего пользования)». Он, «мысля себя как аккредитованное при правительстве лицо, просил совершенно освободить площадь, занятую т. Нестеровым»³⁵³. Подобных просьб за сентябрь 1926 г. от архимандрита Василия поступило две. Аргументация Димопуло была уже привычной. Так, 14 сентября он писал секретарю ЦИК СССР А. С. Енукидзе: «Деятельность моя, как Представителя Вселенского Патриарха, за все время Революции была направлена к рассеянию ложных слухов, распространяемых за границей врагами СССР, и немало содействовала дружескому отношению церковного мира Ближнего Востока с Советской Россией»³⁵⁴.

Оставить без ответа вопрошание такого друга СССР было нельзя, тем более что через три дня, 17 сентября, архимандрит Василий дополнительно пожаловался секретарю ЦИК, что вместо обещанного ему освобождения занимаемого Нестеровым помещения от него (Димопуло) потребовали поделиться еще и ванной комнатой, что было совсем уже возмутительно. «Усерднейше прошу Вас, — писал Димопуло Енукидзе, — оказать свою мощную поддержку Представительству Вселенского Патриархата, столь много и полезно потрудившегося в интересах СССР»³⁵⁵. «Оба заявления Димопуло переданы были в Секретариат ПредВЦИК, — сетовал помощник Калинина Орлеанский. — Пришлось их доложить Михаилу Ивановичу. Михаил Иванович в просьбе Димопуло отказал, о чем последний через Адмотдел и правл[ение] жилтоварищества и был поставлен в известность»³⁵⁶. Официальная мотивировка отказа «гражданину Димопуло» звучала следующим образом: «Ввиду особых жилищных условий в гор. Москве». В то же время секретариат «по поручению Председателя ЦИК'а т. Калинина М. И.» рекомендовал Административному отделу Моссовета и правлению жилтоварищества дома в Крапивенском переулке «принять меры к устранению возникших у него (Димопуло. — *свящ. А. М.*) недоразумений с соседними жильцами на почве пользования площадью общего пользования»³⁵⁷.

³⁵² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 498.

³⁵³ Там же. Л. 527.

³⁵⁴ Там же. Л. 535.

³⁵⁵ Там же. Л. 532.

³⁵⁶ Там же. Л. 527.

³⁵⁷ Там же. Л. 531–531 об.

Можно оценить, таким образом, важность персоны архимандрита Василия: для улаживания вопроса о его ванной комнате потребовалось решение ни много ни мало главы (по крайней мере, формального) советского государства!

В промежутках между борьбой за индивидуальную ванную, кухню и пониженную квартплату Димопуло продолжал заниматься церковными делами. Несмотря на установление им официальных контактов с григорианами, обновленцы оставались ему ближе. 16 апреля 1926 г., когда планы проведения «Вселенского Собора» были еще в силе, он выступил на очередном пленуме «Священного Синода»: «С непритворным чувством глубокой скорби Великая Вселенская Церковь, которой вверена охрана чистоты Православной Веры, взирает на господствующее ныне церковное нестроение. В заботах о водворении мира и любви она соборным своим решением постановила созвать Вселенский Собор, на который голосом материнской любви приглашает ныне избранных представителей всех Православных Церквей. <...> От лица нашей общей Матери Вселенской Христовой Церкви, представителем которой по уполномочию моего Кириарха Вселенского Патриарха Василия III-го я выступаю в настоящем досточтимом Собрании, душевно благожелая отбывающим на Св. Гору Афон представителям Русской Церкви — честно выполнить их миссию и возвратиться оттуда с масличною ветвью полного церковного мира и водворения в жизни Церкви тишины и покоя на бесконечно долгие лета лет во славу Святого Имени Христова». Как видно, жизнь Димопуло в Москве была насыщенной: то о квартирных местах общего пользования перед ВЦИК надо было похлопотать, то обновленческую делегацию на «Вселенский Собор» благословить. Замечательно по своему бесстыдству сообщение обновленческого «Вестника» об ответном слове председателя «Синода»: «Митрополит Вениамин благодарит Архимандрита Василия за доброе расположение и выражает уверенность, что оно сохранится нерушимым и на будущее время; Св. же Синод, со своей стороны, всегда идет навстречу его насущным потребностям»³⁵⁸. Архимандрит Василий, как мог, отрабатывал заботу «Св. же Синода» о его «насущных потребностях». Фанаро-обновленческую идиллию немного портила лишь готовность Патриарха Василия принять от русских на «Вселенском Соборе» не только обновленцев, но и «заграничников», однако тут уже Димопуло не мог ничего поделаться. Впрочем, намеки посылал. 6 апреля 1926 г. он сообщал Фанару, что партии «тихоновцев» и Антонина (так! — как видно, даже этот едва живой раскольнический маргинал из «Союза церковного возрождения» его сознания не оставлял) не отправят представителей на грядущий Собор, и выражал убеждение, что «симпатии Вселенской Патриархии будут на стороне московского Священного Синода»³⁵⁹.

³⁵⁸ Деяния Пленума Священного Синода православной Российской церкви с 16-го по 21 апреля 1926 года (в извлечении) // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 10 (6). С. 2.

³⁵⁹ *Καλαϊτζής Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχεῖου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 723.

17 апреля, после ряда препирательств (описанных, как ни странно, в официальном «Вестнике Священного Синода»), в которых поучаствовал и греческий архимандрит, обновленческий пленум сформировал делегацию на «Вселенский Собор» в количестве 12 человек, включая «митрополита» Вениамина (Муратовского) и «митрополита апологета-благовестника» Александра Введенского³⁶⁰. По этому поводу лжесинод составил специальное обращение к Василию III. После дежурных слов про свою «сыновнюю любовь» раскольники выразили Вселенскому Патриарху разочарование его ответом насчет предварительных комиссий. Главный их аргумент заключался в том, что без этих комиссий «работы Собора на первых же порах будут не организованы, время занятий Собора будет неопределенно длительным, что вредно отзовется и на участниках Собора и возложит на Поместные Церкви непосильные материальные расходы». Надо признать, что при всей своей меркантильности этот аргумент был резонным: ждать продуктивности от наспех созванного «Вселенского Собора» не приходилось. Главное же возражение обновленцев касалось возможности участия в нем русских зарубежных иерархов: «Священный Синод Православной Российской Церкви, желая искренно церковного мира, не протестуя против представителей иерархии, признающей Патриаршего Местоблюстителя или Временный Высший Церковный Совет, решительно возражает против приглашения на Вселенский Собор тех епископов, которые приняли участие в гражданской смуте, покинули свои кафедры и паствы и сейчас в эмиграции продолжают заниматься политикой, враждебной нашей родине». Резюмируя, обновленцы предложили Патриарху Василию «созыв Собора отложить до полной, обстоятельной подготовки и до времени, более благоприятного и в церковном, и в политическо-общественном отношении». В качестве альтернативы они вновь предлагали «устроить Вселенский Собор в пределах Русской Церкви (Москва, Киев, Одесса)»³⁶¹.

Предложение о Москве, Киеве или Одессе как о месте проведения «Вселенского Собора», разумеется, Фанаром принято не было, но то, что задуманное мероприятие в очередной раз срывалось, становилось уже очевидным, причем и без обращения обновленцев. Как было сказано в новом извещении Патриарха Василия, «большинством Церквей рекомендовалась осторожность, так как признавалось трудным, если не невозможным, немедленное созвание Вселенского Собора». «Посему, — сообщал Патриарх Василий своему советскому представителю в письме от 5 мая 1926 г., — мы с находящимся при нас Священным Синодом с готовностью постановили, чтобы Вселенскому Собору предшествовало Предварительное Совещание из представителей всех Святых Православных Автокефальных Церквей <...>. Сообщая об этом и

³⁶⁰ Деяния Пленума Священного Синода православной Российской церкви с 16-го по 21 апреля 1926 года (в извлечении). С. 8–10.

³⁶¹ Обращение Священного Синода к Вселенскому Патриарху Василию III // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 10 (6). С. 10–11.

Вашему Преподобию для извещения Священного Синода Православной Российской Церкви, объявляем, что о времени и о прочих подробностях имеющегося состояться Предварительного Совещания наш Святейший Вселенский Престол очень скоро будет иметь рассмотрение и суждение и о своем решении новым письмом сообщит Вашему Преподобию для дальнейшего»³⁶². Примечательно, что, согласно опубликованному в «Вестнике Священного Синода» тексту, Патриарх Василий поручал Димопуло известить о «Предварительном Совещании» именно «Священный Синод Православной Российской Церкви» и больше никого. Местная обновленческая печать тут же постаралась обыграть этот момент. «Как видно из приводимого письма Вселенского Патриарха, Российский Синод причисляется к разряду православных объединений Единой Святой Апостольской православной Церкви, и все выпады против Синода и находящихся в единении с ним православно-верующих христиан являются хулой и на все православие», — радостно возглашал казанский «Православный Церковный Вестник»³⁶³. В действительности же слов о «Российском Синоде» в письме архимандриту Василию не было. Чей там был подлог — самого лжесинода или Димопуло — неясно, но вскрывался он элементарно. В том же письме Патриарха Василия своему советскому представителю от 5 мая, опубликованном в печатном органе украинских обновленцев, использовалась ставшая уже обычной для Фанара формула и говорилось о необходимости извещения архимандритом Василием «компетентных тамошних церковных кругов»³⁶⁴.

«Тамошние круги», однако, не знали, что 24 апреля 1926 г. Антирелигиозная комиссия при ЦК ВКП(б), рассмотрев вопрос «о предстоящем Вселенском Соборе в Палестине», постановила: «Посылку делегатов от русских церквей признать нецелесообразной»³⁶⁵. И не важно, что к тому времени место предполагаемого «Вселенского Собора» было изменено с Палестины на Афон. Выезд куда-либо представителям «церковных кругов» из России был закрыт. Для Патриаршей Церкви этот вопрос и не был тогда актуален (православные иерархи в России тогда больше перемещались в других направлениях, о чем греки знали: так, 5 июля 1926 г. архимандрит Василий информировал Фанар о намерении советского правительства выслать из Москвы всех архиереев «тихоновской партии»³⁶⁶). Обновленцев же и григориан насчет заграничных поездок ожидало

³⁶² Извещение Вселенского Патриарха Василия III о созыве предварительно Вселенского Собора подготовительного к нему совещания // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 10 (6). С. 1–2.

³⁶³ Обращение Константинопольского патриарха // Православный Церковный Вестник. 1926. 15 авг. № 7–8. С. 2.

³⁶⁴ Письмо Вселенского Патриарха о созыве Предсоборного Совещания // Український православний благовісник. 1926. 1 авг. № 15. С. 2.

³⁶⁵ Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б). С. 184.

³⁶⁶ *Καλαϊτζής Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 723.

большое разочарование. Опускаемый большевиками «железный занавес» предохранял, таким образом, другие Поместные Церкви (греческие в первую очередь) от вступления в прямое общение с российскими раскольниками.

Не получила поддержки со стороны власти и международная активность украинских обновленцев. Для них главным был вопрос признания Фанаром их автокефалии. В начале сентября 1926 г. очередной пленум харьковского «Синода» постановил «послать с разрешения Государственной Власти от Свящ. Синода к Его Святейшеству делегацию из двух архиереев: Митр. Киевского и Галицкого Иннокентия (Пустынского. — *свящ. А. М.*) и Митр. Одесского Ювеналия (Машковского. — *свящ. А. М.*) для правильной информации его о положении и нуждах Православной Церкви на Украине, ускорения признания Автокефалии Украинской Православной Церкви и осведомления о предстоящем Предсоборном Вселенском Совещании»³⁶⁷. «Обсуждение этого вопроса на пленуме, — отчитывались харьковские чекисты перед московскими, — было допущено нами исключительно из-за тактических соображений. Тихоновцы в своей агитации указывают, что обновленцы против вселенского Собора и созыва его не хотят, т. к. Собор, по всей вероятности, осудит их. Вот почему мы против постановки этого вопроса в повестку дня Пленума не возражали. В будущем этот пункт повестки дня пленума обновленцами будет использован как фактическое доказательство заинтересованности обновленцев во Вселенском соборе. Никаких реальных результатов из этого решения вытекать, конечно, не будет»³⁶⁸. Харьковские раскольники, видимо, чувствовали, что власть не пустит их представителей к Вселенскому Патриарху, поэтому сразу заранее постановили: «Если же посылка делегации не состоится... отправить к нему о всем вышеизложенном письменный доклад»³⁶⁹.

На уровне пропаганды общение с Константинополем продолжало иметь для обновленцев ключевое значение. На места московским лжесинодом рассылались «Наказы» со следующими предписаниями:

«1. Твердо и неуклонно стоять на незыблемом основании Святого Вселенского Православия.

2. Защищать священный авторитет Вселенской Константинопольской Патриархии, Матери Вселенского Православия, и проводить в сознание широких народных масс положение о безусловной необходимости иметь каноническое общение с главой Вселенской Православно-Кафолической Греко-Восточной Церкви, Константинопольским Кир-патриархом и другими восточными вселенскими православными Патриархами, утверждая документальными данны-

³⁶⁷ Заседания Пленума Священного Синода // Український православний благовісник. 1926. № 20. 15 окт. С. 9.

³⁶⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 644.

³⁶⁹ Заседания Пленума Священного Синода // Український православний благовісник. 1926. № 20. 15 окт. С. 9.

ми, что Священные Соборы 1923 и 1925 годов и Священный Синод Российской Православной Церкви таковое общение имеют.

3. Твердо и неуклонно стоять на платформе постановлений Священных Соборов 1923 и 1925 годов, неукоснительно проводя их в религиозную жизнь православно-верующего народа»³⁷⁰.

Можно, согласно этому «Наказу», составить своего рода «символ веры» раскольников: «Верую во Святое Вселенское Православие и во священный авторитет Вселенской Константинопольской Патриархии, Матери Вселенского Православия, и во Священные Соборы 1923 и 1925 годов, имеющие каноническое общение с главой Вселенской Православно-Кафолической Греко-Восточной Церкви, Константинопольским Кир-патриархом и другими восточными вселенскими православными Патриархами». Обновленцам было уже неважно, что Антиохийский Патриарх именовал их «Собор» 1925 г. «сатанинским сборищем» и предал его анафеме. А «Собор» 1923 г. не имел общения даже и с Константинопольским Патриархом (тогда Мелетием), который предписал своему московскому представителю архимандриту Иакову не принимать в нем участия. В сознание рядовых раскольников усиленно внедрялась мысль о том, что главный критерий православности — это единение с Константинополем, и они этому критерию соответствуют (в отличие от «тихоновцев»).

Конечно, бумажное общение некоторых Восточных Патриархов с обновленцами, с точки зрения подлинно церковного сознания, несколько не добавляло раскольникам каноничности. Очень хорошо это выразил митрополит Сергей (Страгородский), который в свое время сам пережил тяжелое искушение отпадения в раскол. В ответ на письмо одного обновленческого архиерея митрополит Сергей писал 22 сентября 1926 г.: «Указание на то, что некоторые Патриархи, например Константинопольский и, в последнее время, Иерусалимский, обменялись с Синодом посланиями, нас мало убеждает. Мы знаем, что в единстве Церкви находятся лишь те, кто находится в общении со своим законным епископом и патриархом; что отлученный своим патриархом не может быть принят в общение другими ([Собора в храме] Премудр[ости], 1 прав[ило]); <...> Да и сам вошедший в общение с отлученным подлежит отлучению (Апост[ольские правила] 10, 12). Значит, если Патриархи Константинопольский и Иерусалимский вошли в общение с обновленцами, тем хуже для Патриархов. Пред законом Божиим все равны: и патриархи, и миряне. Когда Константинопольский Патриарх в XV веке отпал в унию с Римом, Русская Церковь за ним не пошла и живущие в России католические ксендзы оттого не сделались православными. Так и общение Константинопольского Патриарха с обновленцами может только Патриарха сделать обновленцем, а не обновлен-

³⁷⁰ Наказ Священного Синода православной Российской Церкви Северо-Кавказскому Краевому Митрополичьему Управлению и Особо-Уполномоченному Священного Синода по Северо-Кавказской Митрополии // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 8–9 (3–4). С. 4.

цев православными». По собственному горькому опыту митрополит Сергей знал, что высокое церковное положение не гарантирует от уклонения на апостасийный путь, и Восточные Патриархи в период переживаемого упадка вовсе не могут считаться мерилom Православия.

Кроме того, митрополит Сергей, церковно-дипломатический опыт которого превосходил опыт всех членов обновленческого лжесинода, вместе взятых, прекрасно понимал, что не стоит переоценивать значение цветистых слов представителей Востока. «Кто немного знаком с приемами сношений, обычными на Востоке, тот знает, что в послании к Архиепископу Кентерберийскому, не говоря уже о послании к Патриарху Армянскому или Коптскому, можно встретить выражения еще более сильные, чем в послании обновленческому Синоду. Но это не значит, чтобы патриархи православные вошли с англиканцами, армянами или коптами в общение. Важны не послания, а важно то, кого патриарх поминает на литургии и с кем он решится вместе принять Св. Тайны»³⁷¹. Последний аргумент митрополита Сергея был весьма резонен. Впрочем, вполне можно представить, что если бы какой-нибудь Вениамин (Муратовский) или Серафим (Руженцев) оказался тогда в Стамбуле, его бы допустили и до одной Чаши с Вселенским Патриархом. Но обстоятельства этому не содействовали: Антирелигиозная комиссия при ЦК ВКП(б)–РКП(б) не позволяла, неволью спасая тем самым Фанару остатки чести.

Что же касается официального представителя Константинопольской Патриархии в Москве, то от его чести не осталось ничего. Поспособствовал этому пресловутый «квартирный вопрос». Местному домоуправлению надоело пререкаться с ним по поводу квартплаты, кухни и других мест общего пользования, и оно решило вообще с ним, как злостным неплательщиком, распрощаться. Во ВЦИК было сообщено, что «гр[аждаинин] Димопуло, имея возможность, по мнению Общ[его] Собрания, платить, не платил за отопление, а посему [собрание] постановило: взыскать с гр. Димопуло недоимку и выселить»³⁷². 14 октября 1926 г. он был вызван в суд, куда, однако, сам не пошел, а отправил «доверенного», который предъявил там «соответствующие документы». Однако в ответ этому неназванному лицу заведующим домоуправлением (неким А. Сосковым) было заявлено, что «эти документы не имеют значения, так как в данное время гр. Димопуло не является Представителем Вселенского Патриарха и должен рассматриваться судом просто как гр. Димопуло». Формально истец был прав, поскольку на свою должность архимандрит Василий был назначен Патриархом Григорием VII, который к тому времени уже почти два года как скончался, а его преемник Василий III почему-то не обновил верительную гра-

³⁷¹ Официальный ответ Заместителя Российского Патриаршего Местоблюстителя Высокопреосвященного Митрополита Сергея на письмо одного из обновленческих архиереев // Церковные ведомости. 1927. № 9–10. С. 1–2.

³⁷² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 528.

моту своего московского представителя (или тот сам об этом не позаботился). Озадаченный судья отложил разбор дела до 25 октября³⁷³.

Реакция «гражданина» Димопуло на вызов в суд была бурной. В тот же день, 14 октября, он обратился в обновленческий «Синод» с требованием подтвердить его «подлинное представительство в СССР как от КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХА ГРИГОРИЯ VII, так равно и от АРХИЕПИСКОПА СИНАЙСКОГО ПОРФИРИЯ II-го». Как на беду для архимандрита Василия, архиепископ Порфирий к тому моменту тоже скончался, и никакого юридически значимого документа от Синайской архиепископии у Димопуло не было (официальное подтверждение о назначении его представителем еще и Синая последовало лишь в письме Патриарха Василия от 5 ноября 1927 г.³⁷⁴). Но грек решил задавить мощью своих представительских полномочий и далее присовокуплял: «... в последнее время, ввиду предстоящего отъезда архимандрита ПАВЛА, вызываемого Александрийским Патриархом МЕЛЕТИЕМ, его полномочия, как Представителя Александрийского Патриарха, возлагаются на меня» (разрядка Димопуло. — *свящ. А. М.*). Самой телеграммы Патриарха Мелетия архимандрит Василий при этом не приводил, видимо догадываясь, что в суде она ему не очень поможет. Надежда оставалась только на раскольнический лжесинод, который надо было побудить к активным действиям в защиту своего почетного члена. «Я полагаю, — страшал Димопуло обновленцев, — что допущение на суде подобных выступлений может весьма неблагоприятно отразиться на дальнейшей деятельности СВЯЩЕННОГО СИНОДА, окруженного враждебным лагерем староцерковников и не только в пределах СССР, но и за границей в эмигрантских кругах». Иными словами, Димопуло давал раскольникам понять: они повязаны с ним уже настолько крепко, что он сумеет разделить с ними все возникающие «неблагоприятности», и если они за него срочно всеми силами не походатайствуют, то он один бедствовать не будет, а потянет за собой всю компанию. «Без сомнения, — продолжал он, — такое явление встревожит и ВСЕЛЕНСКОГО ПАТРИАРХА, который верит и надеется, что СВЯЩЕННЫЙ СИНОД Р. П. Ц., связанный братским общением и молитвенным единением со ВСЕЛЕНСКОЙ МАТЕРЬЮ ЦЕРКОВЬЮ, проявит со своей стороны всегда все имеющиеся в его распоряжении меры к ограждению интересов ВСЕЛЕНСКОГО ПАТРИАРХАТА в лице его ПРЕДСТАВИТЕЛЯ в СССР»³⁷⁵.

В такой ситуации обновленцам волей-неволей пришлось энергично заступаться за своего греческого партнера. 19 октября 1926 г. «Синод» за подписями своего председателя лжемитрополита Вениамина и секретаря С. М. Зарина направил во ВЦИК письмо, в котором описал судебные злоключения константи-

³⁷³ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 529.

³⁷⁴ *Καλαϊτῆς Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 651.

³⁷⁵ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 529 об. — 530.

нопольского посланника и указал на «действительную необходимость оградить авторитет архимандрита Димопуло как ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВСЕЛЕНСКОГО ПАТРИАРХА». «СВЯЩЕННЫЙ СИНОД ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ, — писали Муратовский с Зариным, — просит авторитетного распоряжения ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА о недопустимости как глумления над личностью полномочного представителя ВСЕЛЕНСКОГО ПАТРИАРХА в СССР, так и нарушения тех прав, кои в квартирном отношении были предоставлены ему Соввластью как ПРЕДСТАВИТЕЛЮ ВСЕЛЕНСКОГО ПАТРИАРХА»³⁷⁶. Для пушей убедительности обращение обновленцев во ВЦИК изобиловало большими буквами. От волнения они даже не смогли должным образом выдержать обычный подобострастный тон обращения к власти и допустили неосторожное выражение «глумление над личностью», которое было получателями подчеркнуто, а на полях слева от него был поставлен знак вопроса. Надо полагать, Муратовскому с Зариным потом популярно объяснили, что советская власть, даже в лице управдома, ни над кем никогда не глумится, а действует всегда гуманно и справедливо. Однако их пылкое ходатайство во ВЦИК возымело силу, и выселять греческого архимандрита из квартиры не стали (хотя, разумеется, и те три комнаты, которые он в свою очередь пытался получить назад, ему не вернули и от уплаты задолженности не освободили). Как говорилось в справке секретаря председателя ВЦИК Орлеанского от 23 ноября 1926 г., «по имеющимся сведениям, в настоящее время вопрос улажен»³⁷⁷.

Конечно, заступничество за него со стороны раскольнического лжесинода Димопуло со своей стороны должен был незамедлительно отработать. Он умел это делать. 20 октября 1926 г. архимандрит Василий разослал греческим приходам на территории СССР циркуляр с требованием держаться обновленческой юрисдикции: «Во избежание на будущее время грустных недоразумений, предупреждаю всех настоятелей и общины греческих храмов помнить, что и храмы и имущество, составляющие народное достояние СССР, даны Правительством СССР во временное пользование, и при нарушении взаимной связи с Священным Синодом и уклоне в лагерь староцерковников, как ярко политический, тем самым наводят на себя нежелательные тени политиканства, против которого восстает и сам Вселенский Патриарх»³⁷⁸. Одновременно константинопольский представитель выразил раскольникам «искренне-глубокую благодарность за дарованный Священным Синодом акт на право автономии всех греческих церквей по СССР»³⁷⁹. Трудно удержаться от предположения, что эта «автономия» предполагала и определенные денеж-

³⁷⁶ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 530.

³⁷⁷ Там же. Л. 527.

³⁷⁸ Часть официальная // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 12–13 (8–9). С. 2–3.

³⁷⁹ Там же. С. 2.

ные отчисления в пользу самого Димопуло, как главного по церковной линии советского грека.

Вообще складывается впечатление, что к концу 1926 г. архимандрит Василий был близок к тому, чтобы окончательно отождествить обновленчество с Православной Российской Церковью, а Патриаршую Церковь уже полностью игнорировать. 5 декабря он направил «митрополиту Ленинградскому» Вениамину (Муратовскому) письмо, в котором сообщал, что им «получено письменное сообщение Его Святейшества Вселенского Патриарха Василия III о том, что, ввиду несостоявшегося в нынешнем году Вселенского собора, пасхалия остается старая». «Доводя о сем, — писал далее Димопуло, — прошу Священный Синод поставить об этом в известность всех верующих чад Православной Российской церкви»³⁸⁰. Обращает на себя внимание слово «всех», будто бы *все* верующие чада Православной Российской Церкви находились в ведении Муратовского, хотя это было далеко не так, и Димопуло не мог этого не знать.

Фанар тем временем продолжал работу по подготовке «Вселенского Собора». Грамотой от 25 ноября 1926 г. Патриарх Василий запросил у глав Поместных Церквей их мнения «об удобном месте и времени созыва предсоборного предварительного совещания». Архимандрит Василий по обыкновению передал этот запрос в обновленческий лжесинод, который ответил, что «наиболее удобным местом для созыва Предсоборного Совещания представляется г. Москва». Открытие работы совещания обновленцы предлагали приурочить к Пятидесятнице 1927 г. «Священный Синод, — писали раскольники Василию III, — не может не обратить внимания на то, что Российская православная Церковь является самую многочадною из Православных Церквей. Происходящее ныне разделение среди Русской Церкви призывает к тому, чтобы Первоиерархи братских Православных Церквей возможно ближе и возможно скорее вошли непосредственно в соприкосновение с жизнью Православной Российской Церкви, так как самый этот факт будет уже содействовать умиротворению Православной Российской Церкви»³⁸¹. Обновленцы имели основания надеяться на то, что, оказавшись в Москве в *непосредственном соприкосновении* не только с Русской Церковью, но и с органами советской власти, «Первоиерархи братских Православных Церквей» отнесутся к ним значительно благосклоннее, нежели в случае проведения предсоборного совещания там, где большевики не имели таких рычагов воздействия. Проведение «Предсоборного совещания» в Москве также гарантировало неучастие в нем русских зарубежных иерархов. Те, в свою очередь, обусловливали свое присутствие на совещании отсутствием на нем обновленцев. 29 июня 1926 г. Архиерейский Собор РПЦЗ постановил: «В Предсоборном Совещании, созываемом Вселенским Патриархом, принять участие

³⁸⁰ Председателю Священного Синода Митрополиту Ленинградскому Вениамину // Тульские Епархиальные Ведомости. 1927. Янв. № 1. С. 7.

³⁸¹ Часть официальная // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 2 (15). С. 2, 4.

представителям Русской Заграничной Православной Церкви по назначению Архиерейского Синода, если таковые будут приглашены, но в том лишь случае, если на совещание не будут допущены обновленцы и живocerковцы»³⁸². Парадоксальным образом решение задачи недопуска раскольников на межправославные собрания взяли на себя большевики (впрочем, не только обновленцев, но и вообще каких-либо представителей из СССР). Явные враги Церкви, таким образом, сами того не понимая, удерживали ее от новых потрясений мирового масштаба, а те, кто себя выставлял главными хранителями чистоты Православия, напротив, толкали ее к новому великому расколу. К счастью, безуспешно.

В развитии взаимоотношений обновленцев с Восточными Патриархами наиболее эффективным в пропагандистском плане после стамбульского оказалось иерусалимское направление. 27 августа 1925 г. Иерусалимский Патриарх Дамиан обратился с «Грамотой Всему Православному Русскому народу», в которой выразил скорбь, что долго не видит благочестивых русских паломников. В постскриптуме он упомянул о Патриархе Тихоне, которого признавал «до конца его земной жизни» и чье имя «возносили за богослужением наряду с другими православными Патриархами»³⁸³. Это признание Святейшего Дамиана было явно не в пользу обновленцев, которые святителя Тихона именовали не иначе, как «бывшим патриархом».

Благочестивые паломники из России, однако, не появились, и тогда Иерусалимский Патриарх, по-видимому, решил, что взывать ко «всему православному русскому народу» не совсем продуктивно и надо строить отношения с конкретными структурами. 9 июля 1926 г. он обратился к обновленческому лжеиноду с грамотой, в которой признал его «единственным законным носителем Высшей Церковной Власти на территории СССР». Патриарх Дамиан, согласно раскольническому «Вестнику», писал: «Положение Православной Российской Церкви после столь неожиданно происшедшей в отечестве Вашем социальной революции считаем благим и справедливым и признаем вполне правильным путь, избранный Священным Синодом для обеспечения Православной Церкви мирной жизни в пределах Советской России». Так из одной неправды (о «благом» положении Церкви в России) вытекала другая (о «законности» обновленцев). При этом Патриарх Дамиан, признавая обновленцев «единственно законными», не мог игнорировать то, что не все в России с этим были согласны. «Скорбим вместе с тем, — писал он, — когда видим несогласие, происходящее в Православной Российской Церкви. От всего сердца Мы молимся, дабы скорее увидеть ее сплоченной, и горячо умоляем и просим Вас в любви Христовой употребить усилие и особенную энергию, чтобы наступило

³⁸² Определения Собора Архиереев Русской Православной Церкви Заграницей // Церковные ведомости. 1926. № 15–16. С. 2.

³⁸³ Грамота Св. Дамиана, Патриарха Святого града Господня Иерусалима и всея Палестины, Всему Православному Русскому народу // Церковные ведомости. 1925. № 17–18. С. 2.

общее единение, согласие и любовь в Святой Православной Российской Церкви»³⁸⁴. *Единение* очевидным образом предполагалось вокруг «единственно законного носителя Высшей Церковной Власти на территории СССР», то есть обновленческого лжесинода.

Раскольники, разумеется, не преминули выразить свое ликование: «Грамота Иерусалимского Патриарха Священному Синоду представляет собою событие огромного значения, факт первостепенной важности, явление в высшей степени характерное и знаменательное». Сфотографированную грамоту было решено разослать по всем обновленческим епархиальным управлениям, но вышла заминка: сначала собрали по рублю за экземпляр фотографии, но потом посчитали, что этого мало, и постановили, что «во избежание несвоевременной отсылки в ЕУ, необходим дополнительный взнос в сумме 2-х рублей»³⁸⁵. В местных органах обновленческой печати дамианово послание также помещалось на самом виду. Так, в 1927 г. в Свердловске стали выходить «Уральские церковные ведомости». Первым, с чего после приветственной редакционной заметки начиналось новое издание, была грамота Патриарха Дамиана³⁸⁶. «Деятельность Свящ. Синода РПЦ в маститом первоиерархе Иерусалимской церкви вызывает не осуждение, а радость и благодарение, — комментировал грамоту раскольнический редактор. — Боже! Какое счастье всем, идущим за Свящ. Синодом, слышать эти слова! Какое счастье для них знать, что там, в далекой, но в бесконечно милой и дорогой сердцу каждого христианина св. стране Палестине, есть у них сердечный друг-патриарх, который пред св. животворящим Гробом Господним молится за них и за их Свящ. Синод и благословляет их! Сердце замирает от восторга, когда читаешь эти строки патриаршего послания»³⁸⁷.

На радостях раскольники даже приоткрывали «секрет» появления иерусалимской грамоты: «Официальному обращению Патриарха Иерусалимского и состоящего при нем Св. Синода к Св. Синоду предшествовало обращение неофициальное. Патриарх Дамиан выражал сожаление, что он по неосведомленности некоторое время считал староцерковников представителями истинного Православия и даже являл им некоторые знаки своего патриаршего внимания. Но по ознакомлении с действительным положением дела Патриарх со своим Св. Синодом убедился в своей ошибке и пожелал войти в каноническое общение именно со Св. Синодом как единственно правильною и законною канонически церковною организацией в пределах СССР. В ответ на это последовало

³⁸⁴ Грамота Иерусалимского Патриарха Дамиана Св. Синоду // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 11 (7). С. 1.

³⁸⁵ Часть официальная // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 12–13 (8–9). С. 3.

³⁸⁶ См.: Грамота патриарха Дамиана // Уральские церковные ведомости. 1927. 15 марта. № 1. С. 3–4.

³⁸⁷ Уфимцев И., прот. По поводу послания патриарха Дамиана // Уральские церковные ведомости. 1927. 15 марта. № 1. С. 8.

обращение Св. Синода к Патриарху Дамиану от 10 мая 1926 года с изложением важнейших моментов жизни Православной Церкви в пределах СССР и характеристикой основных начал, целей, задач и методов своей деятельности»³⁸⁸. То есть Патриарх Дамиан осознал, что напрасно являл «староцерковникам» «некоторые знаки своего патриаршего внимания», и решил по примеру Фанара явить их обновленцам. Разумеется, не просто так. Находившийся в Иерусалиме архиепископ Анастасий (Грибановский) писал в ноябре 1926 г. архиепископу Рижскому Иоанну (Поммеру): «Блаженнейш[ий] Дамиан вступил в каноническое общение с живоцерковниками <...> Патриарх не имел недостатка в предупреждениях относительно истинной сущности обновленческого движения в России и, однако, послал его представителям свои приветствия и благословения <...> Его послание носит характер документа, благоприятного только для обновленцев; о тихоновцах там совсем не упоминается. Не подлежит сомнению, что оно внушено чисто практическими мотивами — желанием приобрести чрез обновленческий Синод благоволение советской власти и возвратить конфискованное имущество Сионской Церкви в Москве и Таганроге»³⁸⁹.

Дополнительные подробности завязывания контактов Иерусалимской Патриархии с московским раскольническим лжесинодом можно было узнать из заметки под названием «Еще антисинаодальная провакация» (так, через «а») в печатном органе «автокефальных» украинских обновленцев. «В этом (1926-м. — *свят. А. М.*) году, среди Великого поста, прибыл в Синод и новоназначенный в СССР представитель Иерусалимского Патриарха Архимандрит Анатолий и заявил, что Иерусалимский Патриарх желает непосредственно вступить в общение со Всероссийским Священным Синодом через своего отдельного представителя, коего и просил принять с доверием. В ответ на это бывший в конце великого поста Пленум Священного Синода, в составе которого в тот момент находился и Митрополит Харьковский и всея Украины Пимен, все это свидетельствующий как участник и очевидец, послал Иерусалимскому патриарху послание с исповеданием своей вселенско-православной веры, опровержением клевет, распространяемых о нем, и с радостным приветствием по случаю установления еще более тесной и теперь непосредственной связи с представителем престола Св. Ап. Иакова».

В той же заметке далее шла информация о еще одном представителе Востока: «Немного времени спустя был в Священном Синоде и представитель Антиохийского Патриарха Григория с заявлением, что у Антиохийского Патриарха много вредило делу нормальных отношений к Российской Православной Церкви известный Митрополит Антоний Храповицкий, но что ныне Патриарх

³⁸⁸ Грамота Иерусалимского Патриарха Дамиана Священному Синоду от 9 июля 1926 года и ее значение // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 11 (7). С. 3–4.

³⁸⁹ История в письмах: Из архива священномученика архиепископа Рижского Иоанна (Поммера). Т. 2. С. 449–450.

**Патриарх Мелетий (Метаксакис)
на своих похоронах**

Надгробия Патриархов Григория VII, Василия III и Фотия II (Стамбул)

СВЯЩЕННЫЙ СИНОД
РОССИЙСКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

12 мая 1925 г.

№ 2360

гор. Москва
Самотека, Троицкий монастырь

В ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Председатель В. Ц. И. К.
012.239к
1925 мая 1925

553

Представляя при сем ходатайство представителя

Вселенского Патриарха в С.С.С.Р. архимандрита ВАСИЛИЯ ДИКОПУЛО о возвращении патриархату подворья № 4 по Крапивенскому переулку в Москве / Священный Синод почтительнейше ходатайствует пред Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом об удовлетворении его просьбы, Вселенский Константинопольский Патриархат, в лице Патриархов Мелетия, Григория VII и Константина VI и их представителя в Москве, определенно стал в свей церковной деятельности за признание Советской власти. Не смотря на бешеную злостную агитацию эмигрантов, патриархат строго осудил контр-революционную деятельность их, осудил деятельность заграничного Синода в Карловцах, привлек к суду русских епископов в Константинополе и предложил бывшему патриарху Тихону устраниваться от управления Русской Церковью. В Греции, Америке, Зап. Европе и греческим церквам в С.С.С.Р. неоднократно патриархат предписывал "определенно опираться на церковные течения, верные Правительству СССР" возбуждая этим против себя злобу врагов Советской вла-

Стор. с.б.н. Дмит. ...

Священный Синод ...

Принимая во внимание высокий авторитет Константинопольского патриарха, как религиозного главы всего Востока, учитывая особо-напряженное настроение православного мира в виду назначенного уже в Вселенского Собора, который будет иметь значение не только церковное, но и всемирно-политическое, Священный Синод считает, что великодушный акт Правительства С.С.С.Р. - возвращение

Обращение обновленцев во ВЦИК

ГА РФ

подворья - произведет глубочайшее впечатление: свяжет православный восток в С.С.С.Р. чувствами благодарности и рассеет ту тучу обвинений и клевет, которыми политические интриганы и здесь и за границей возбуждают общественное мнение против Советской власти.

За Председатель С в.Синода *Серафим*
митрополит

Зав.Админ.Отделом *Виктор Голуб*

Секретарь Член Св.Синода профессор
С. Варин

012939

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЦИК а Т. ПЕТРУ ЕРМОГЕНОВИЧУ
СИДОРОВИЧУ

№ 577.

*Полномочный представитель
архиерея Вселенской Патриархии
архимандрита Василия Димопуло
(Самодельный)*

Уполномоченного Вселенской Патриархии и Архиепископа Синайского архимандрита Василия Димопуло в СССР.

З А Я В Л Е Н И Е.

Мне известно, что в ЦИК поступила претензия на половину моей квартиры со стороны домоуправления по Крапивинскому переулку д. № 4.

С своей стороны имею честь заявить, что квартирой в доме № 4 по Крапивинскому переулку я пользуюсь, как уполномоченный представитель Вселенской Патриархии и Архиепископа Синайского при СССР, согласно охранному удостоверению ЦИК'а от 24 января 1925 года за № 351.757/12, выполняя все квартирные, коммунальные и ремонтные обязанности.

Мотив претензии на половину моей квартиры - устройство в лучших помещениях живущих в подвалах дома рабочих - не соответствует действительности: в подвалах живет пришлый элемент, купивший у домоуправления свои помещения, рабочие же хорошо уже устроены в отдельных комнатах. Мне думается, что домоуправление спешит просто выселить меня из дома, боясь моего ходатайства пред органами Советской Власти о предоставлении мне бывшего Константинопольского подворья на началах экстерриториальности,

Заявление архимандрита Василия (Димопуло) в ЦИК СССР

ГА РФ

В моей квартире с утра до ночи идет канцелярская работа с двумя греческими и одним русским секретарями и происходит постоянный прием приезжих греков и многочисленного русского духовенства по делам управления греческими церквями на территории СССР и взаимоотношения с Вселенской Патриархией Поместной Русской Церкви. Занятие половины моей квартиры в условиях моего положения равносильно выселению меня и вынуждению меня сложить свои полномочия и выехать в Константинополь за невозможностью осуществлять права возложенных на меня и признанных Правительством СССР полномочий.

Нет нужды напоминать Правительству СССР о важном политическом значении положения уполномоченного Вселенской Патриархии в условиях переживаемого времени, когда общественное мнение народов Западной Европы в вопросах церковных подвергается провокационной обработке врагов СССР: информации и освещения истинного положения религии и церкви на территории СССР Представителем Вселенской Патриархии является ЕДИНСТВЕННОЮ и при том АВТОРИТЕТНОЮ ОТПОВЕДЬЮ всем Западно-Европейским клеветникам на СССР.

В виду столь очевидного политического веса деятельности уполномоченного Вселенской Патриархии было бы вполне целесообразным не только не прекращать его функций созданием невозможных квартирных условий, но и предоставить ему в порядке экстерриториальности бывшее Константинопольское подворье, хотя бы на долгосрочную аренду в интересах греческого, ближневосточного /Константинопольского/ пролетариата на территории СССР.

На основании всего вышеизложенного почтительнейше прошу Вас защитить меня пред Правительством СССР от притязаний домоуправления № 4 по Крапивинскому переулку.

Москва, сентября " " дня 1925 г.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ВСЕЛЕНСКОГО ПАТРИАРХА
и АРХИЕПИСКОПА СИНАЙСКОГО в СССР

Архимандрит Василий Димопуло

Заявление архимандрита Василия (Димопуло) в ЦИК СССР

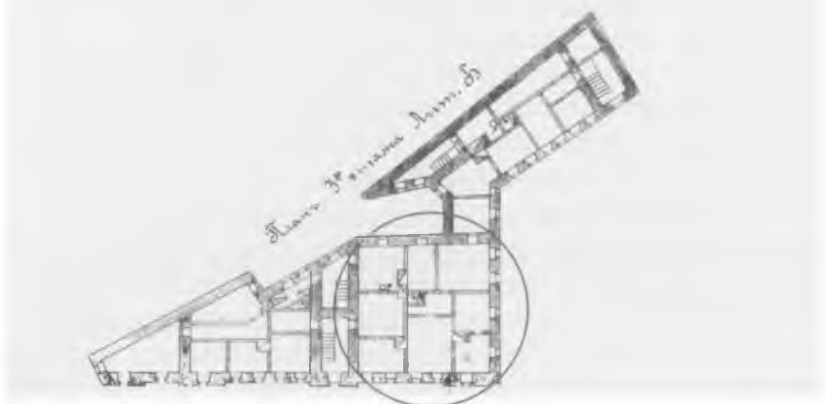
ГА РФ

Храм прп. Сергия в Крапивниках и бывшее Константинопольское подворье (современная фотография). Стрелками помечены окна бывшей квартиры Димопуло на третьем этаже

Проект

Константинопольского Патриаршего Подворья Тверской части участка

План квартиры Димопуло (в круге)

Из книги диакона Хризостома Калаидзиса «Подворье Вселенской Патриархии в Москве “Святой Сергий” и игумены его (1881–1936)»

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.
Народный Комиссариат ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
Канцелярия Народного Комиссариата
Москва, 20-го дня 1918 г.
№ 3970.

Копия.
586
У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е.

Народный Комиссариат по Иностран-
ным Делах сим удостоверяет, что дом Констан-
тинопольского Патриаршего Подворья /по Кра-
пивенскому пер. 4 / занят Представительст-
вом Вселенского /Константинопольского/ Пат-
риарха в России и с своей стороны находят
целесообразным освободить таковой от какой-
бы то ни было реквизиции, а также муници-
пализации и национализации.

Заместитель Народного Комиссара
/Печать/ /подпись/ Л. Карахан.

Секретарь Канцелярии /подпись/
С. Димопуло
Архив В. Димопуло

Копия удостоверения НКВД

ГА РФ

Αρ. Πρωτ. 2602

20

Τῷ Κυρίῳ Μ.Ι.Καλίνιν,
Προέδρῳ τῆς Κεντρικῆς Ἐκτελεστικῆς Ἐπιτροπείας
τοῦ Συνδέσμου τῶν Σοβιετικῶν Σοσιαλιστικῶν Δημοκρατιῶν.

Εἰς Μόσχαν.

Κύριε Πρόεδρε,

Λαμβάνομεν τὴν τιμὴν διὰ τῆς παρούσης ἐπιστολῆς ἡμῶν ἵνα συστήσωμεν ὑμῖν τὸν ἡμέτερον ἐν Μόσχᾳ Ἀντιπρόσωπον Ἀρχιμανδρίτην κ. Βασίλειον Δημόπουλον, ὃς τινι καὶ αὐθις, ἀποφάσει τῆς περὶ ἡμῶν Ἁγίας καὶ Ἱερᾶς Συνόδου, ἀνενεώσαμεν τὴν ἐντολὴν ἵνα ἀντιπροσωπεύῃ τὸ ἡμέτερον Οἰκουμενικὸν Πατριαρχεῖον ἐνώπιον πάσης ἀρχῆς ἐν ΣΣΣΔ καὶ προστατεύῃ τὰ συμφέροντα αὐτοῦ καθὼς καὶ τοῦ ὑπὸ τὴν διεύθυνσιν αὐτοῦ ἡμετέρου Πατριαρχικοῦ ἐν Μόσχᾳ Μετοχίου τοῦ Ἁγίου Σεργίου.

Εὐχαριστοῦντες δὲ θερμῶς διὰ τὴν ἐκδηλωθεῖσαν πάντοτε ἐκ μέρους ὑμῶν καὶ τῆς ὅλης ἐντίμου Κυβερνήσεως τοῦ ΣΣΣΔ εὐμενῆ πρὸς αὐτὸν ὡς ἡμέτερον Ἀντιπρόσωπον διαθέσειν, παρακαλοῦμεν ὅπως προφρόνως ἐπιδαψιλεύηται αὐτῷ καὶ ἐφεξῆς ἡ εὐμένεια αὐτῆ καὶ παρέχηται αὐτῷ ἡ κυβερνητικὴ, ὅπου ἀπαιτεῖται, συναντίληψις κατὰ τὴν ὑπ' αὐτοῦ διεξαγωγὴν τῆς ἀνατεθειμένης αὐτῷ ἐντολῆς τῆς ἀντιπροσωπείας τοῦ ἡμετέρου Πατριαρχείου καὶ τῆς προστασίας τῶν συμφερόντων τοῦ ἐν Μόσχᾳ ἡμετέρου Μετοχίου τοῦ Ἁγίου Σεργίου.

Ἐπιδηλοῦντες δὲ ὅτι ἐγράψαμεν σχετικῶς καὶ πρὸς τὴν ἐντιμὴν Ἐπιτροπείαν τῶν Ἐξωτερικῶν, διατελοῦμεν μετὰ βαθείας τιμῆς

Ἐν τοῖς Πατριαρχείοις Κωνσταντινουπόλεως τῇ 27 Σεπτεμβρίου 1927.

+ Οὐ Πατριάρχῳ Κωνσταντινουπόλεως Βασίλειος

Верительная грамота Патриарха Василия III на имя Господина М.И. Калинина

ГА РФ

желает быть в общении с Синодом Росс[ийской] Прав[ославной] церкви». Имя представителя Антиохийского Патриарха в заметке не называлось, но сообщалось, что «с сими представителями виделся Архимандрит Василий Димопуло и потом в личной беседе с Митрополитом Пименом все это подтвердил с радостью»³⁹⁰. Сообщение об успехах обновленцев на антиохийском направлении явно выдавало желаемое за действительное. Позднее им пришлось признать, что «хотя представитель Антиохийского Патриарха архимандрит Антоний и был в Св. Синоде, но без верительной грамоты»³⁹¹. К Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию архимандрит Антоний, как уже говорилось, явился с препроводительным письмом от Патриарха Григория³⁹².

В ответ на официальную бумагу Патриарха Дамиана от 9 июля 1926 г. обновленцы направили ему новое обращение, в котором писали, что в его грамоте их «Синод» «почерпает укрепление сознания правоты неуклонно проводимого им направления в своей церковно-общественной деятельности». Далее они хвалились своими трудами по подготовке ожидаемого «Вселенского Собора» и жаловались, что встречают «со стороны церковных вождей староцерковничества непримиримость и враждебность, в основе коих лежит упорное нежелание примириться с происшедшим в нашем отечестве социальным переворотом, направленным на благо трудящихся»³⁹³. Без политического доноса на своих церковных оппонентов обновленцы, как видно, не могли обойтись даже в письме Иерусалимскому Патриарху. Искушенный в политике грек такую форму общения принимал.

В среде православных («тихоновцев») грамота Патриарха Дамиана, разумеется, вызвала недоумение. Раскольнический «Вестник» описывал в связи с этим ситуацию в Ленинграде, где в 1926 г. по вопросу легализации обострились внутрицерковные споры, в которых обозначились две группы духовенства: «И “правая”, и “левая” [группы] в тихоновщине Ленинграда смущены грамотой Иерусалимского Патриарха, которую привозили в Ленинград в подлиннике и показывали народу в Казанском и Андреевском Соборах. М[итрополит] Иосиф признал ее подлинность и поэтому распорядился, циркулярно по церквям, перестать поминать Восточных Патриархов. Когда это встретило протест и недоумение среди “левых”, он поправился: предоставил каждому коллективу верующих судить, православны ли Восточные Патриархи, и либо поминать, либо не поминать их»³⁹⁴. Насчет циркуляра митрополита Иосифа (Петровых),

³⁹⁰ Еще антисинадальная провакация (Тихоновское письмо из Иерусалима) // Украинський православний благовісник. 1926. № 14. 15 июля. С. 8.

³⁹¹ Его Блаженству, блаженнейшему Мелетию, Патриарху Александрийскому // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 1 (14). С. 2.

³⁹² ЦА ФСБ РФ. Д. Р–31639. Л. 63.

³⁹³ Обращение св. Синода к Патриарху Иерусалимскому // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 12–13 (8–9). С. 2.

³⁹⁴ От организационного отдела при Священном Синоде // Там же. С. 6.

отнесенного к «правым тихоновцам», сообщение выглядит несколько сомнительным, поскольку он тогда действовал как полный единомышленник митрополита Сергия (Страгородского), который был против поспешного прекращения поминовения Восточных Патриархов. Но то, что грамота Патриарха Дамиана стала источником соблазна для православных, как ранее грамоты Патриарха Василия, это факт.

На Рождество 1926/1927 г. Патриарх Дамиан вновь обратился с многословным посланием к «Митрополиту Ленинградскому и Председателю Священного Синода Святейшей Российской Церкви, возлюбленному во Христе брату и сослужителю нашей мерности Кир-Вениамину». Это послание уже прямым текстом раскрывало, ради чего так старался престарелый Иерусалимский Патриарх: «Мы обращаемся с горячим призывом чрез Ваше любезное нам Высокопреосвященство к святой сестре Российской Церкви и через нее — к благочестивому православному русскому народу, питая себя наилучшими надеждами и предвидя великое благочестие и засвидетельствованное уважение к Св. Гробу Господню и всем остальным почитаемым местам сочувствие и пожертвование всех слоев православного русского народа, веря, что он охотно сделает все возможное для помощи и содействия Святейшей Сионской Церкви»³⁹⁵. Как видно, за «пожертвование всех слоев православного русского народа» признание главы раскольников своим «возлюбленным и любезным братом» Патриарху Дамиану слишком большой ценой не казалось³⁹⁶.

Конечно, обновленцы постарались извлечь максимум выгоды из «горячего призыва» нищенствующего Патриарха. «С духовною восторженной радостью и горячим сыновним благодарением» раскольнический лжесинод 1 февраля 1927 г. заслушал иерусалимское послание и постановил: «Установить в пользу Гроба Господня ежегодный сбор в неделю Ваий. <...> Сбор направлять в Священный Синод для пересылки Иерусалимскому Патриарху»³⁹⁷. Сбор, надо заметить, устанавливался не слишком частый, а главное — направляться он должен был через инстанцию, которая сама была весьма равнодушна к деньгам. Интересно, что в тот же самый день лжесинод постановил: «Принимая во внимание полную неустойчивость экономической базы Священного Синода,

³⁹⁵ Часть официальная // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 2 (15). С. 3.

³⁹⁶ Оценить потери Иерусалимской Патриархии от прекращения потока пожертвований из России позволяют, например, следующие цифры. В 1903 г. только по одной Московской епархии сборы «в пользу Гроба Господня» составили более 475 тыс. золотых рублей, в 1904 г. — 452 тыс. руб. Для сравнения: в те же годы по той же епархии кружечного и кошелькового сбора на нужды клира приходов было соответственно 648 тыс. и 667 тыс. руб., сборов на распространение православия между язычниками в Российской империи — около 2500 руб. ежегодно (см.: Белоногова Ю. И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). М., 2010. С. 174–175).

³⁹⁷ Часть официальная // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 3 (16). С. 4.

вредно отражающуюся на планомерности его работы, призвать епархии к действительной и регулярной помощи на содержание центрального управления посредством регулярных пособий синодской кассе»³⁹⁸. Дошли ли в итоге через столь «неустойчивую» кассу какие-то пожертвования до Иерусалима, неизвестно, но повод в очередной раз показать свое мнимое превосходство над «староцерковниками» у раскольников был неплохой. Органы ОГПУ даже сочли нужным проинформировать высшее партийно-советское руководство в «Обзоре политического состояния СССР» за январь 1927 г. о подъеме настроения обновленцев, «чему способствовало получение синодом от иерусалимского патриарха Доминиана (так. — *свящ. А. М.*) двух грамот»³⁹⁹.

Стоит, впрочем, заметить, что любезничания с «Председателем Священного Синода Святейшей Российской Церкви Кир-Вениамином» не мешали Патриарху Дамиану в то же самое Рождество 1926/1927 г. приветствовать как «возлюбленного брата и сослужителя» Председателя другого Синода русских епископов — митрополита Антония (Храповицкого). На паломников из числа паствы Русской Зарубежной Церкви Святейший Дамиан, как видно, тоже возлагал определенные надежды и поэтому не хотел обижать и ее Предстоятеля. Грамота Патриарха Дамиана на имя митрополита Антония была помещена на видном месте издаваемых в Сремских Карловцах «Церковных ведомостей» с особой припиской от иерусалимского представителя РПЦЗ архиепископа Анастасия: «Грамота эта значит больше, чем кажется по первому взгляду. Патриарх рассылал свои приветственные грамоты только главам Автокефальных Церквей, и Вам (митрополиту Антонию. — *свящ. А. М.*) отправлена одна из них в качестве такого же акта, т. е. как главному представителю Православной Тихоновской Церкви, каковым Вас признает Иерусалимский Патриарх»⁴⁰⁰. Лжемитрополита Вениамина (Муратовского), таким образом, Патриарх Дамиан тоже помещал в число «глав Автокефальных Церквей». Надо полагать, что и Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, и его заместителя митрополита Сергия Иерусалимский Патриарх при случае тоже не обделил бы грамотами с цветистыми словами и просьбой денег, но не успел этого сделать из-за ареста сначала одного, а затем и другого.

Православные люди из России, как могли, пытались достучаться до Иерусалимского Патриарха. Пермское духовенство, например, решило действовать через своего земляка, игумена Серафима (Кузнецова), известного тем, что он вывез в Иерусалим через Дальний Восток мощи Великой княгини Елисаветы и инокини Варвары. Во Святой Земле он пользовался особым покровительством Патриарха Дамиана, поэтому пермяки надеялись, что игумен Серафим сможет

³⁹⁸ Указы Священного Синода // Тульские Епархиальные Ведомости. 1927. Март. № 3. С. 2.

³⁹⁹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) Т. 5: 1927 г. М., 2003. С. 47.

⁴⁰⁰ Грамота Святейшего Дамиана, Патриарха Иерусалимского и всея Палестины, на имя Высокпреосвященного Митрополита Антония // Церковные ведомости. 1927. № 1–2. С. 1–2.

раскрыть ему глаза на обновленчество. Каково же было их изумление, когда они узнали, что почитаемый многими как подвижник игумен сам, вслед за своим новым Кириархом, относился к обновленцам вполне благодушно. «Вы и Патриарх Дамиан совершенно не осведомлены об истинном положении дел с обновлением в нашей многострадальной Церкви..., — писал в марте 1927 г. игумену Серафиму секретарь Пермского епископа протоиерей Николай Богородицкий. — Думаю, что многие иерархи, стойкие в православии, возмутятся вашей точкой зрения на обновленцев»⁴⁰¹. Такое обращение вразумило иерусалимского игумена и побудило серьезнее вникнуть в российские церковные дела, после чего его точка зрения на обновленчество существенно изменилась. Своего покровителя он, однако, пытался оправдать и писал в Пермь в сентябре 1928 г.: «Иерусалимский Патриарх Дамиан признавал и признает доселе законной в России духовную власть Патриаршей Церкви. Быть может, в числе обычных праздничных поздравлений, приходящих со всех концов света и от разных вероисповеданий, были и от обновленческого лжесинода, на которые и последовали обычные праздничные ответы, но они в сущности никакого значения не имеют. Лично я в этом вопросе с вами согласен — не следовало бы этим лжецам-обновленцам отвечать и на их поздравления, так как они хуже ведут себя, чем инославные, которые не злоупотребляют ответами, как обновленцы. При первом удобном случае постараюсь эту мысль мою высказать патриарху, ложь и обман обновленцев здесь за границей хорошо поняли, и никто им здесь теперь не верит и не сочувствует»⁴⁰². Надо полагать, свое обещание игумен Серафим исполнил, но Иерусалимский Патриарх с раскольниками не порвал.

На александрийском направлении обновленцы рассчитывали повторить иерусалимский успех, особенно после того как там в 1926 г. Патриархом стал известный модернист Мелетий (Метаксакис), ранее уже побывавший во главе Афинской и Константинопольской Церквей. В своем обращении к нему от 22 октября 1926 г. раскольники выразили большую радость и надежду по поводу его избрания: «Священный Синод уповает, что Вы, Ваше Блаженство, близко примите к сердцу нужды Святой Православной Церкви в пределах СССР и своим авторитетным словом поспособствуете полному умиротворению Русской Православной Церкви на тех началах, кои заслужили Ваше одобрение еще в 1922–23 гг. и с тех пор неуклонно проводятся Священным Синодом». Обновленцы представляли Патриарху Мелетию своего рода отчет о своем положении, в котором между прочим писали: «В настоящее время Св. Синод находится в каноническом общении со всеми Восточными Патриархами, и только с Патриархом

⁴⁰¹ Марченко А., *прот.* Отношение игумена Серафима (Кузнецова) к обновленческому расколу по материалам переписки из Иерусалима с тихоновским духовенством Пермской епархии 1927–1931 гг. // Вестник ПСТГУ. Сер. II.: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 2 (63). С. 104.

⁴⁰² Там же. С. 105–106.

Антиохийским таковые отношения, вследствие происходящих в Сирии политических осложнений, надлежало не оформлены». О том, что Патриарх Антиохийский Григорий предал их анафеме, раскольники, разумеется, предпочли «не знать», списывая «неоформленность» отношений с ним на «политические осложнения в Сирии». О «тихоновцах» обновленцы по своему обыкновению сообщали Патриарху Мелетию, что они «в силу политических вожеланий не желают примириться с неизбежностью совершившейся в нашем отечестве Социальной Революции и, продолжая поддерживать раскол... продолжают дробиться на группы, друг с другом враждующие»⁴⁰³. Свое приветствие Патриарху Мелетию направили и украинские обновленцы «с изложением истории происхождения Всеукр. Свящ. Синода и с просьбой вступить в братское молитвенное общение с Автокефальной Украинской православной Церковью»⁴⁰⁴.

Желаемого ответа Патриарх Мелетий ни московским, ни харьковским раскольникам не дал, заняв уклончивую позицию. Весной 1927 г. очередная сессия Александрийского Синода вынесла постановление о «Синодальной Церкви в России». Было объявлено, что призыв последней о помощи в деле умиротворения «терпящей бедствие Русской Церкви» Александрией «в целом принимается», но его принятие и контакты с «Синодальной Церковью» не означают «предпочтения ее перед другими существующими в России церковными партиями» (μερίδων). Решение относительно каноничности и православия этих «партий» оставлялось Александрийской Патриархией на будущее⁴⁰⁵. Направил ли Патриарх Мелетий обновленцам письменный ответ от своего имени, не совсем понятно, но очевидно, что, если бы какая-нибудь его грамота говорила в их пользу, они бы ее с великим пафосом опубликовали, как это было в случае с грамотами из Иерусалима, но их издания остались молчаливы на этот счет.

Конец 1926 — начало 1927 г. для Патриаршей Церкви в России особенно сложный период. Митрополит Сергей хотя и готов был пойти на уступки советской власти ради легализации Московской Патриархии, прислушивался к голосам православных архиереев, среди которых тогда возобладало стремление решить проблему неустойчивого положения высшего церковного управления путем тайного избрания нового Патриарха Московского и всея России. Заместитель Местоблюстителя дал согласие на проведение опроса архиереев о допустимости выбирать Патриарха голосами одних епископов и о возможных кандидатах. Инициаторы тайных выборов рассчитывали поставить власть перед фактом появления Патриарха в Русской Церкви, причем надеялись получить его признание со стороны других Поместных Церквей. Так, епископ Евге-

⁴⁰³ Его Блаженству, блаженнейшему Мелетию, Патриарху Александрийскому // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 1 (14). С. 2.

⁴⁰⁴ Заседания Пленума Священного Синода // Український православний благовісник. 1926. № 20. 15 окт. С. 9.

⁴⁰⁵ См.: Ἐκκλησία Ἀλεξανδρείας // Ὁρθοδοξία. 1927. Σ. 235.

ний (Кобранов) показал затем на допросе, что ему предлагалось «написать по историческим образцам» обращение будущего Всероссийского Патриарха к Востоку: «Я согласился в 2 месяца написать с текстом греческим и русским обращение к вост[очным] патриархам»⁴⁰⁶. Конечно, этот план был весьма авантюрным, и даже в случае его успеха трудно представить, что Фанар признал бы тогда новоизбранного Московского Патриарха. До избрания, однако, дело не дошло: затея была вскрыта ОГПУ и обернулась новыми массовыми арестами православных епископов в СССР, в том числе и Заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия⁴⁰⁷. В результате исполнять обязанности Заместителя с 29 декабря 1926 г. по 7 апреля 1927 г. довелось архиепископу Угличскому Серафиму (Самойловичу).

Все эти проблемы Русской Церкви мало трогали фанариотов, о чем можно судить по их официальному печатному органу «Ортодоксия». Так, в двустраничном обзоре церковных дел в России за первые месяцы 1927 г. более половины редакционного материала было посвящено скончавшемуся тогда лжемитрополиту Антонину (Грановскому). «Митрополит» (в греческом обзоре — без кавычек) именовался «новым Лютером Российской Церкви», подробно описывались перипетии его взаимоотношений с обновленческим «Синодом» (тоже без кавычек — ἡ Ἱερά Σύνοδος). Далее в обзоре кратко сообщалось об официальной переписке «Всесвятейшества» с обновленцами, причем помимо московского «Св. Синода» упоминался еще ἡ Ἱερά Σύνοδος τῆς Λευκῆς Ῥωσσίας — орган управления белорусских раскольников, также воспринимаемый Фанаром как вполне нормальная и, соответственно, не закавычиваемая иерархическая структура⁴⁰⁸. Кто в греческом обзоре не упоминался, так это Патриарший Местоблюститель митрополит Петр, его заместители митрополит Сергей и архиепископ Серафим, равно как и вообще кто-либо из представителей Патриаршей Церкви. Подлинная Церковь в России для фанариотского официоза как бы не существовала, там желали знать лишь тех, кто был угоден советской власти. Ситуация изменилась, когда на путь легализации весной—летом 1927 г. встал освобожденный из заключения митрополит Сергей. Его июльскую декларацию греки не поленились незамедлительно перевести и опубликовать. Для нее в издании Константинопольской Патриархии место сразу нашлось⁴⁰⁹, такой язык общения с враждебной Церкви властью фанариотам был близок и понятен.

До возвращения митрополита Сергия к церковному управлению, однако, казалось, что идилическому развитию взаимоотношений греков и обновленцев уже ничто не угрожает. В день памяти святого Василия Великого (1/14 января) Димопуло устраивал пышное празднование именин (своих и своего Па-

⁴⁰⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31639. Л. 92.

⁴⁰⁷ Подробнее см.: Мазырин А., *свящ.* «Духовный Собор» епископов и вопрос о тайных выборах Патриарха в 1926 г. // Вестник ПСТГУ. II. 2012. Вып. 2 (45). С. 20–43.

⁴⁰⁸ Ἐκκλησία Ῥωσσίας // Ὁρθοδοξία. 1927. Σ. 98–99.

⁴⁰⁹ См.: Ibid. 1927. Σ. 227–231.

триарха). Так произошло и в январе 1927 г. Раскольнический лжесинод, как сообщал его печатный орган, в полном составе прибыл в константинопольское представительство поздравить именинников. Прочувственную речь произнес «митрополит» Вениамин (Муратовский). В ответ архимандрит Василий «свидетельствовал о той духовной радости, какую испытывает Патриархия, находясь в таком искреннем общении со Священным Синодом, как единственно правомочным и канонически бесспорным представителем Православной Церкви в СССР». Согласно обновленческому «Вестнику», Василием (Димопуло) было торжественно заявлено, что «между Вселенской Патриархией и Священным Синодом... нет никакого недоразумения, никакого различия, а царит — по благодати Божией — полное единение и искренняя любовь»⁴¹⁰ (разрядка в публикации. — *свящ. А. М.*). Возможно, в отношении всей Константинопольской Патриархии здесь было некоторое преувеличение, но в том, что касалось самого Димопуло, «полное единение» с обновленцами было налицо, и даже женатый «епископат» среди последних его уже не смущал.

30 января — 1 февраля 1927 г. раскольниками в Москве был проведен очередной пленум «Священного Синода», в заседаниях которого, по сложившейся уже традиции, приняли участие представители Константинопольской и Александрийской Патриархий архимандриты Василий и Павел. В отчетном докладе «митрополит» Вениамин прежде всего сообщил «об укреплении связи с Восточными Патриархами, из коих один Григорий Антиохийский, видимо введенный в заблуждение главарями заграничной тихоновщины, до сих пор уклоняется от общения с Св. Синодом». В качестве доказательства единения с Восточными Патриархами Муратовский не забыл упомянуть и о «дружеском приеме» на греческом подворье двумя неделями ранее⁴¹¹.

Архимандрит Василий, разумеется, тоже не обделил своих коллег по лжесиноду цветистыми словами. 2 февраля 1927 г., по окончании пленума, он заявил, что считает «своим священным долгом, под диктовку братской любовью бьющегося сердца, выразить в коротких словах свою искреннюю духовную радость и свои сокровенные пожелания». «Прослушав с глубочайшим вниманием все обстоятельные, прекрасные доклады членов Священного Синода, — расточал любезности Димопуло, — я не могу не выразить полного своего удовлетворения, — видя, как постепенно путь, по которому шествует Священный Синод, возглавляемый Богомудрейшим и глубокочтимым Высокопреосвященнейшим Председателем Митрополитом Вениамином, — расчищается к светлой жизни торжества подлинного православия». Пожелание же архимандрита Василия заключалось в том, чтобы «и в дальнейшем Священному Синоду идти только по

⁴¹⁰ Тезоименитство Вселенского Константинопольского Патриарха Василия III // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 2 (15). С. 4–5.

⁴¹¹ Протоколы заседания Пленума Священного Синода // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 2 (15). С. 8.

этому единственному, строго православному пути и крепко держать в своих руках знамя Святого Православия»⁴¹². То есть Димопуло желал обновленцам следовать их прежним курсом, кошунственно именуя это «торжеством подлинного православия». Разумеется, раскольники такое пожелание с удовольствием готовы были исполнить.

Особо торжественно на обновленческом пленуме января — февраля 1927 г., и тоже не без участия Фанара, прозвучала грузинская тема. Для большей ясности здесь требуется небольшое отступление. Как известно, в марте 1917 г. частью грузинского епископата, священников и мирян в явочном порядке было объявлено о восстановлении автокефалии Грузинской Церкви. Такой образ действий не встретил сочувствия со стороны Православной Российской Церкви. В декабре 1917 г. Патриарх Тихон обратился к грузинским епископам-автокефалистам с призывом не уподобляться болгарским схизматикам, а решить вопрос в каноническом порядке на Всероссийском Соборе: «Только Собор кириархальной Церкви может даровать независимость той или иной поместной Церкви, без Собора же кириархальной Церкви всякие акты провозглашения церковной независимости признаются недействительными и не имеющими канонической силы»⁴¹³. Грузинские деятели не вняли этому призыву, напротив, стали стремиться захватить и негрузинские (русские, греческие и др.) приходы на Кавказе, где могли. Политическая обстановка (начало гражданской войны в России, провозглашение государственной независимости Грузии) этому благоприятствовала. Другие Православные Поместные Церкви, как и Русская, также не признали самочинную грузинскую автокефалию, в частности Патриархи Константинопольский Герман V и Антиохийский Григорий IV призывали грузин послушаться Патриарха Тихона. Но обращения Восточных Патриархов также не возымели должного действия. В августе 1919 г. Католикос-Патриарх Леонид (Окропиридзе) выпустил открытое послание с ответом на письмо Патриарха Тихона, в котором оправдывал восстановление автокефалии Грузинской Церкви незаконностью ее упразднения светской властью в 1811 г.⁴¹⁴ Таким образом, взаимоотношения Грузинской Церкви с Русской, равно как и с другими Поместными Церквями, зашли в тупик. Впрочем, вскоре Фанар стал искать свой интерес на грузинском направлении и в ноябре 1919 г. отрядил туда своего эmissара — митрополита Трапезунтского Хрисанфа (Филиппидиса), который в июле 1920 г. сообщил в Стамбул, что, по его мнению, «исключительно примирительное вмешательство первенствующей Константинопольской

⁴¹² Обращение представителя Вселенского Патриарха архимандрита Василия Димопуло к Священному Синоду Православной Российской Церкви // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 2 (15). С. 15.

⁴¹³ Акты Святейшего Тихона... С. 74.

⁴¹⁴ *Матешвили Л., прот.* Леонид (Окропиридзе) // Православная энциклопедия. Т. 40. М., 2015. С. 464.

Церкви... поможет устранить расхождения между Русской и Грузинской Церковью и убедить святейший Российский Синод признать восстановление... автокефального статуса Грузинской Церкви»⁴¹⁵. (Впоследствии «исключительно примирительное вмешательство» Фанара проявилось в том, что он стал считать Грузинскую Церковь автономной в своей собственной юрисдикции, с чем грузины, разумеется, категорически не соглашались.)

Раскольники-обновленцы, коль скоро они стали претендовать на то, что являются законными представителями Православной Российской Церкви, рано или поздно должны были обратиться к грузинскому вопросу. На съезде «Живой Церкви» 1922 г. и на обновленческом «Поместном Соборе» 1923 г. он еще не затрагивался. Между тем в 1923 г. в Грузинской Церкви был произведен переворот, отчасти аналогичный обновленческому перевороту 1922 г. в Церкви Русской. Католикос-Патриарх Амвросий (Хелая), допустивший ряд преступных, с точки зрения советской власти, политических выступлений, был заключен под домашний арест, а церковная власть перешла в руки новоучрежденного ВЦУ под председательством возглавлявшего местную просоветскую «Группу обновления и реформ» епископа Христофора (Цицкишвили). Но в отличие от российских обновленцев грузинские не стали объявлять своего Патриарха «лишенным сана». Их глава сначала был объявлен заместителем Католикоса, а позднее, после смерти Патриарха Амвросия, занял его место. Такого вопиющего разрыва в преемственности высшей церковной власти, как в случае с обновленческим ВЦУ в России, в Грузии не было. Тем не менее российские обновленцы могли надеяться, что на почве верности советской власти им удастся установить общение с грузинским церковным управлением, возглавляемым Христофором (Цицкишвили), а при удачном стечении обстоятельств — даже и подчинить его себе.

На обновленческом «Великом Предсоборном Совещании» в июне 1924 г. было объявлено о получении среди других и приветствия из Грузии: «Грузинская автокефальная церковь выражает уверенность, что Русская церковь навсегда отмежевалась от старой церковной политики Петровского синода — политики вмешательства в дела автокефальной Грузинской церкви, от чего последняя страдала в течение ста лет, с 1811 года»⁴¹⁶. «Политику вмешательства» обновленцы на словах тоже осуждали, однако им было что терять в Грузии. Еще в декабре 1922 г. организованный в Тифлисе «Союз православных русских приходских советов» под председательством священника Иоанна Лозового объявил о своем признании московского раскольнического ВЦУ. В сентябре 1923 г. постановлением обновленческого «Священного Синода» эти приходы были

⁴¹⁵ *Χρύσανθος, μητρ. Τραπεζοῦντος. Ἐκθεσις περὶ τῆς Ἐκκλησίας τῆς Γεωργίας // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1920. 1 αὐγ. Σ. 268; Ермилов П., диак. Константинопольская Православная Церковь // Православная энциклопедия. Т. 37. С. 258.*

⁴¹⁶ Приветствия великому предсоборному совещанию // Церковное Обновление. 1924. 1 авг. № 9–10. С. 41.

подчинены «епископу Бакинскому» Петру Данилову, а в феврале 1924 г. синодальным уполномоченным «в делах Русской Церкви по Грузии и Армении» был назначен Лозовой⁴¹⁷. По обновленческим данным (по всей видимости, изрядно завышенным), в 1924 г. в ведении их лжесинода числилась Тифлисская епархия, правда без епископа, но с сорока священниками, которые служили в сорока церквях. В соседней Бакинской обновленческой епархии, по тем же данным, насчитывалось 16 церквей, 28 священников и 4 диакона⁴¹⁸. Конечно, не все русские священники, монахи и миряне в Грузии уклонились в раскол. Оставшихся верными Православной Церкви возглавлял в Грузии благочинный монастырей игумен Антоний (Романовский), хиротонисанный Патриархом Тихоном и митрополитом Петром в ноябре 1924 г. во епископа Эриванского с одновременным назначением управляющим Сухумской епархией. Только в отличие от обновленцев, русских и грузинских, епископ Антоний расположением власти не пользовался и в январе 1927 г. в результате доноса был арестован и сослан в Марийскую область⁴¹⁹.

28 января 1925 г. заместитель Католикоса митрополит Христофор (Цицкишвили) обратился к обновленческому лжесиноду с письмом, к которому приложил послание Леонида (Окропиридзе) Патриарху Тихону 1919 г. От себя Цицкишвили писал российским раскольникам: «Грузия есть Суверенная ССР, добровольно входящая в СССР. Принцип насильственного, механического объединения жизнью отвергнут даже в политическом отношении. Если Священный Синод считает Грузинскую Церковь православною и автокефальною, то он, согласно канонам церкви, на территории Грузии не должен иметь никаких епархиальных или каких-либо церковных управлений, а с своей стороны должен содействовать тому, чтобы все православные, живущие в Грузии, — русские, грузины и пр., входили в состав Грузинской церкви». В обмен на согласие обновленцев с таким подходом грузины обещали предоставить местным русским право самим избрать себе епископа, который входил бы в состав епископата Грузинской Церкви⁴²⁰.

Январское письмо митрополита Христофора было получено обновленцами в Москве только 22 марта. Реагируя на него, их лжесинод 26 марта 1925 г. образовал «Закавказский Митрополитанский Округ» в составе Бакинской, Тифлисской и Сухумской епархий с центром в Баку. «Митрополитом» был назначен «архиепископ» Петр Сергеев⁴²¹. После этого «Священный Синод» обратил-

⁴¹⁷ См.: Мельникова И. Е. К истории восстановления евхаристического общения Русской и Грузинской Церквей в первой половине XX в. // XXI Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. М., 2011. Т. 2. С. 63.

⁴¹⁸ Обзор современного положения РПЦ. Священный Синод в 1924 году // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 15–16.

⁴¹⁹ Э. П. Р. Антоний (Романовский) // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 641.

⁴²⁰ Послание Св. Синода // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 2. С. 3.

⁴²¹ Движения и перемены по службе // Там же. 1925. № 2. С. 4.

ся к заместителю Католикоса с ответным посланием, в котором, с одной стороны, заявил, что «не может принять на себя ответственности за действия Святейшего Синода или бывшего патриарха Тихона», но в то же время поставил грузинам на вид, что, «будучи суверенной в делах внутреннего самоуправления, Грузия в вопросах общего государственного строительства не порывает связи, а работает в тесном соединении с СССР». «Подобно этому и Священный Синод Российской Православной Церкви, блюдя мир, единение во всей православной Церкви в пределах СССР, признает для обоюдного блага жизненно необходимым для Грузинской Церкви не порывать своей органической связи с центром и соподчиняться ему в моменте общего Собора. Только таким путем может быть осуществлен вполне принцип территориальной автокефалии Грузинской Церкви и вместе с тем не нарушено будет каноническое единство между братскими Церквями — Российской и Грузинской»⁴²².

В июле 1925 г. Тифлис посетил гастролировавший по стране «митрополит-благовестник» Александр Введенский. Свои путевые заметки он в то время регулярно публиковал на страницах рязанского раскольнического издания «Церковное Обновление». О поездке в Грузию он писал: «В Тифлисе у нас нет архиерея. Но дай бог, чтобы лучший из нас так умно, так тактично и так преданно держал знамя святого обновления, как синодальный уполномоченный о. протоиерей И. Лозовой. <...> В Тифлисе я посетил знаменитый грузинский собор, сделал визит католикосу. За его отсутствием (патриарх в Боржоме) ответный визит мне отдал его представитель — митрополит Иоанн»⁴²³.

Обновленцы не оставляли надежды видеть грузин в своих рядах. 16-й пункт «Положения о созыве III Всероссийского Поместного Собора православных церквей на территории СССР в 1925 году» гласил: «Грузинская церковь приглашается прислать своих делегатов для установления братских взаимоотношений и участия в общем строительстве церковной жизни на территории СССР»⁴²⁴. Грузины, однако, «в общем строительстве» с обновленцами в тот момент участвовать не захотели, и на московском лжесоборе 1925 г. Петру Сергееву пришлось представлять Закавказье в гордом одиночестве⁴²⁵. 12 декабря 1925 г. Совет Грузинского Католикосата под председательством митрополита Христофора отписал обновленческому лжесиноду, что только «распоряжение о немедленном подчинении находящихся в Грузии приходов с русским населе-

⁴²² Послание Св. Синода // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 2. С. 3.

⁴²³ Диспуты митрополита Александра Введенского // Церковное Обновление. 1925. 24 дек. № 15–16. С. 130.

⁴²⁴ Положение о созыве III Всероссийского Поместного Собора православных церквей на территории СССР в 1925 году // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 4. С. 1–2.

⁴²⁵ См.: Деяния III Поместного Собора Православных Церквей на территории СССР // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 6 (2). С. 3–6.

нием церковным властям (грузинским. — *свящ. А. М.*) будет действительным залогом общения Русской Церкви с Грузинской»⁴²⁶.

На пленуме раскольнического лжесинода 17 апреля 1926 г. «митрополит Закавказский» Петр доложил о «благополучном состоянии епархии Бакинской» и посетовал, что «по Тифлисской епархии синодальные церкви находятся в весьма тяжелом положении вследствие напора на них грузинского духовенства»⁴²⁷. «Напор» грузин на обновленцев в какой-то мере может быть проиллюстрирован и данными статистики, публиковавшейся в московском «Вестнике Священного Синода». Если в 1924 г. Тифлисская обновленческая епархия имела 40 церквей, а Бакинская — 16, то на 1 октября 1925 г. в составе Закавказской обновленческой митрополии Тифлисская епархия уже вообще не фигурировала, в то время как Бакинская по-прежнему располагала 16 церквями, в которых служило 38 человек духовенства (не считая «митрополита») ⁴²⁸.

Между тем поиски компромисса между российскими раскольниками и грузинами продолжались. Еще 22 декабря 1925 г. московский лжесинод предложил своему уполномоченному в Грузии Лозовому выяснить, согласны ли подведомственные ему приходы перейти в подчинение Католикосату. В ответ в феврале 1925 г. было сообщено, что «объединение с Церковью Иверской православных 6 церковных общин должно быть при условии сохранения самобытного, национального их лица в автономном их устройстве на началах объединения общин с русским населением под управлением своего особого органа»⁴²⁹. То есть Лозовой и о «самобытно-национальном лице» заботился, и о собственном положении во главе «особого органа». В итоге он получил что хотел.

На пленуме обновленческого лжесинода 31 января 1927 г. «митрополит Московский» Серафим (Руженцев) в очередной раз поставил вопрос «о Грузинской Церкви и Закавказской и Северо-Кавказской Митрополии». Как гласил опубликованный протокол заседания пленума, докладчик «с сожалением» констатировал позицию грузин: «Грузинская Церковь, явочным порядком установившая в 1917 году свою автокефалию, до сих пор держится особняком, несмотря на дружественную готовность Российского Священного Синода завязать с ней братские сношения»⁴³⁰. Однако вопреки такому пессимистическому тону протокола, в самом докладе Руженцева по грузинскому

⁴²⁶ Цит. по: *Мельникова*. К истории восстановления евхаристического общения Русской и Грузинской Церквей в первой половине XX в. С. 64.

⁴²⁷ Деяния Пленума Священного Синода православной Российской церкви // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 10 (6). С. 9.

⁴²⁸ Православная Церковь на территории СССР. К 1 октября 1925 г. // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 7 (3). С. 2.

⁴²⁹ Цит. по: *Мельникова*. К истории восстановления евхаристического общения Русской и Грузинской Церквей в первой половине XX в. С. 64.

⁴³⁰ Протоколы заседания общего собрания (Пленума) членов Священного Синода Православных Церквей на территории СССР 30-го января — 1 февраля 1927 года // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 2 (15). С. 9.

вопросу было немало и оптимистических нот. Прежде всего, он поведал пленному о полученной из Стамбула особой «грамоте о Грузинской Церкви», в которой «Вселенский Патриарх сообщил, что без согласия Св. Синода он не будет разрешать вопроса об автокефалии Грузии». Далее лжемитрополит Серафим отчитывался: «Отношения наши к Грузинской церкви значительно подвинулись к благополучному концу. Исполняя волю Вселенского Патриарха, Св. Синод снова обратился к патриарху Грузии Амвросию с представлением о необходимости возобновить каноническое общение с Русской церковью. <...> Последние ответы Грузии, свидание Митрополита Закавказского Петра с представителями Грузинской Церкви в Тифлисе дает нам уверенность в благополучном разрешении нашего спора, и, таким образом, пред Священным Синодом в настоящую минуту стоит вопрос о признании автокефалии Грузии и мирном разрешении всех спорных деталей, в соответствии с основным желанием Священного Синода предоставить национальностям СССР свободу в устройении своей церковной жизни в братском единении и любви с Российской Православной Церковью»⁴³¹.

Как видно, грузинам предлагалась своего рода сделка: они вступают в «каноническое общение» и пребывают «в братском единении и любви» с обновленцами, а те в ответ ходатайствуют перед Фанаром о признании их автокефалии. 8 февраля 1927 г. московский раскольнический лжеинод постановил «составить особый акт по делу признания Автокефалии Грузинской Церкви и препроводить его Восточным Православным Патриархам и Грузинской Церкви с молитвенным пожеланием: да процветает на вечные времена древнейшая христианская автокефальная Грузинская Церковь в союзе мира и любви со всею Православною Христовою Церковью». Сам же обновленческий акт гласил: «Автокефалию Грузинской Церкви признать. Епархии Тифлисскую и Сухумскую не считать в ведении Священного Синода. Вопрос об их передаче решить по сношении с Католикосатом Грузии, с тем чтобы русские православные приходы сохранили русский уклад церковной жизни»⁴³².

Грузин такое решение проблемы русских приходов совершенно устраивало. Замешавшее отстраненного от церковной власти Католикоса-Патриарха Амвросия «Временное Управление Грузинской Православной Церкви» под председательством митрополита Сухумского Христофора 28 марта заслушало обновленческий акт «с чувством удовлетворения и признательности». «Господь наш Иисус Христос да содействует Священному Синоду Российской Православной Церкви в осуществлении возложенных на него великих задач в деле утверждения среди сынов и дочерей Российской Православной Церкви мира, единения, взаимной любви в деле достижения ими земного благополучия и

⁴³¹ Доклад Общему Собранию Членов Священного Синода 31 января 1927 года по Административному и Иностранному Отделам // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 2 (15). С. 18.

⁴³² Акт о признании автокефалии грузинской церкви // Там же. С. 15.

вечной жизни под мудрым водительством Священного Синода», — завершали грузины свое послание российским раскольникам⁴³³. Последние могли порадоваться и записать в свой актив «признание» со стороны еще одной Поместной Церкви, пусть даже и сама она была тогда не вполне признана.

Неугодный большевикам Католикос-Патриарх Амвросий скончался 29 марта 1927 г., на следующий день после выражения его заместителями «чувства удовлетворения и признательности» раскольникам-обновленцам. «Священный Синод, — сообщал о событии обновленческий циркуляр, — немедленно по получении известия о кончине святейшего патриарха Амвросия выразил искреннее соболезнование Грузинской Церкви»⁴³⁴. Новым Католикосом спустя три месяца был избран устраивавший советскую власть митрополит Христофор, о чем он торжественно известил московский раскольнический лжесинод, снова пожелав последнему «мудрого водительства» Российской Православной Церковью⁴³⁵. «В настоящем братском обращении Вашего Святейшества к Священному Синоду, — радостно ответили 18 августа 1927 г. обновленцы новоизбранному Патриарху, — залог укрепления уже восстановленных, благодарение Богу, нормальных взаимоотношений между Автокефальной Грузинской Православной Церковью и Священным Синодом Православной Российской Церкви»⁴³⁶.

Параллельно с установлением «нормальных взаимоотношений» Грузинской Церкви с российскими раскольниками еще более тесные связи были налажены ею (на почве взаимопризнания автокефалий) с украинскими обновленцами. По случаю Пасхи 1927 г. харьковский лжесинод направил поздравление Католикосу-Патриарху Амвросию «с выражением пожелания об установлении братского единения между церквями Грузинской и Украинской». За скончавшегося Патриарха Амвросия 8 июня 1927 г. ответил еще митрополит Христофор, сообщивший, что «Управление Грузинской Церкви искренно радуется такому пожеланию и готово поддержать единение автокефальных церквей на началах евангельской любви, равноправия и единства в догматах и вероучении единой Православной Кафолической Церкви и желает Украинской Православной Церкви плодотворной деятельности и процветания»⁴³⁷. После своего избрания Католикосом Христофор (Цицкишвили) направил украинскому лжесиноду известительную грамоту, практически дословно повторяю-

⁴³³ Часть официальная // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 5–6 (18–19). С. 3.

⁴³⁴ Часть официальная // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 4 (17). С. 7.

⁴³⁵ Часть официальная // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 9–10 (22–23). С. 2.

⁴³⁶ Там же.

⁴³⁷ Ответные приветствия Предстоятелей Грузинской и Финляндской Православных Церквей // Український православний благовісник. 1927. № 13. 1 июля. С. 203.

шую грамоту российским обновленцам, в которой тоже пожелал «мудрого водительства»⁴³⁸.

В издаваемой ныне «Православной энциклопедии» по поводу событий 1927 г. в жизни Грузинской Церкви сообщается: «Усилиями Католикоса-Патриарха [Христофора] были установлены отношения с рус[ским] епархиальным управлением. Для сохранения рус[ских] церковных обычаев на территории Грузии было создано Церковное управление русских православных общин Грузинского Католикосата, способствовавшее нормализации отношений ГПЦ и РПЦ. Устанавливая пути к возобновлению молитвенного общения с РПЦ и др. Поместными Церквями, Католикос-Патриарх Христофор III стал направлять рождественские и пасхальные послания Главам РПЦ, Вост[очных] и автокефальных Церквей»⁴³⁹. В статье только не уточнено, что «русским епархиальным управлением», с которым Католикос-Патриарх Христофор вошел в общение и на базе которого было создано «Церковное управление русских православных общин Грузинского Католикосата», было обновленческим. Также и рождественские и пасхальные послания, которые он стал направлять «Главам РПЦ», направлялись главам обновленческого раскола — лжемитрополитам Вениамину (Муратовскому) и его преемнику Виталию (Введенскому).

Не был забыт в 1927 г. и главный русско-грузинский обновленец — И. Е. Лозовой. 13 июля московский раскольнический лжеинод постановил: «Протоиерей г. Тифлиса Иоанн Лозовой, во внимание к его трудам по установлению нормальных отношений между Грузинской и Русской Церквями, награжден саном Протопресвитера»⁴⁴⁰. Примечательно, что, войдя в состав клира ГПЦ, новоявленный «протопресвитер» не перестал быть обновленцем и продолжил получать от российских раскольников новые награды. В 1932 г. он получил «право» осенения дикирием и трикирием и ношения жезла без сулка, причем Католикос-Патриарх благословил его эти награды принять⁴⁴¹. Это вызвало возмущение ряда грузинских клириков, недовольных прообновленческой линией Христофора (Цицкишвили)⁴⁴². Приходилось, однако, мириться с наличием в своих рядах такого жезлоносного «собрата и сослужителя».

Согласно обновленческому «Вестнику», Поместный Собор Грузинской Церкви, состоявшийся в Тифлисе 21–27 июня 1927 г., категорически заявил о невозможности иметь какую-либо связь с антисоветскими партиями и группами и издал ряд определений по церковно-каноническим вопросам. В частно-

⁴³⁸ Священному Синоду Украинской Православной Церкви // Украинський православний благовісник. 1927. № 16. 15 авг. С. 259.

⁴³⁹ Грузинская Церковь в 1921–1941 гг. // Православная энциклопедия. Т. 13. М., 2006. С. 222.

⁴⁴⁰ Список лиц, удостоившихся награждения от Св. Синода // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 9–10 (22–23). С. 46.

⁴⁴¹ Лавринов В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 338.

⁴⁴² Мельникова. К истории восстановления евхаристического общения Русской и Грузинской Церквей в первой половине XX в. С. 66.

сти, Собор разрешил второбрачным мирянам принимать священный сан, но не разрешил жениться повторно вдовым священникам. Характерное для обновленцев второбрачие клириков, таким образом, Грузинской Церковью отчасти было допущено (если эти браки были до посвящения), но до женатого «епископата» дело не дошло. Также Собор постановил с 14 ноября 1927 г. ввести в Грузинской Церкви новый календарный стиль⁴⁴³.

Однако прежде чем вводить новый стиль, Католикос-Патриарх Христофор запросил 9 августа 1927 г. «Священный Синод Российской Православной Церкви», то есть обновленцев: «Не будучи уверены в созыве VIII Вселенского Собора в скором будущем, нам весьма желательно знать с точностью, в каком положении находится в настоящее время вопрос о введении нового календаря в Св. Российской Православной Церкви, и какое существенное возражение может быть выставлено против одновременно[го] празднования Св. Пасхи вместе с христианами западных церквей»⁴⁴⁴. На этот запрос российские раскольники ответили, что «вопрос о введении нового стиля в церковную жизнь получил авторитетное решение в положительном смысле на Соборе 1923 года. <...> Что же касается празднования Пасхи, то таковое всякий год совершается по указанию Вселенского Патриарха»⁴⁴⁵. Признав обновленческий «Священный Синод», грузины, таким образом, должны были признать «авторитетным» и московский лжесобор 1923 г.

Очередному пленуму обновленческого лжесинода в ноябре 1927 г. из Грузии была направлена телеграмма: «Москва. Священный Синод. Митрополиту Вениамину. В лице Вашего Высокопреосвященства братски приветствую Пленум Синода и молю Господа, да поможет Он Синоду направить корабль Российской Церкви в тихую пристань Христовой любви. Католикос Патриарх Грузии Христофор»⁴⁴⁶. В ответ на пленуме «возглашается многолетие Патриарху-Католикосу Грузии Христофору, коему и посылается приветственная телеграмма»⁴⁴⁷. В докладе пленуму «митрополит Кавказский» Петр Сергеев сообщил, что «в настоящее время 12 русских церквей в Грузии переданы в ведение Грузинского католикосата и управляются особым своим административным органом». Не удержался докладчик и от озвучивания приятного обновленцам слуха: «Передают, что... признал автокефалию Грузинской Церкви и м[итрополит] Сергей Нижегородский как глава староцерковников, но грузины

⁴⁴³ Поместный Собор Грузинской Православной Церкви 21–27 июня 1927 года // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 9–10 (22–23). С. 46.

⁴⁴⁴ Часть официальная // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 9–10 (22–23). С. 2.

⁴⁴⁵ Там же.

⁴⁴⁶ Часть официальная // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 1 (24). С. 2.

⁴⁴⁷ Там же. С. 5.

отвергли это признание»⁴⁴⁸. (Непонятно, правда, почему бы они так странно поступили.)

Кульминацией грузино-обновленческого единства стало отправление московским раскольничьим лжесинодом отношения от 25 декабря 1927 г. Восточным Патриархам о признании автокефалии Грузинской Церкви, этот документ на греческом языке сохранился в архиве Грузинской Патриархии с пометкой «для служебного пользования»⁴⁴⁹. Фанар, однако, с признанием новой автокефалии спешить не стал (видимо, по тем же причинам, что и в украинском случае).

Пользуясь трудностями Патриаршей Церкви, обновленцы, как могли, укрепляли свое международное положение. В начале 1927 г. в их среде вновь стала активно муссироваться тема проведения «Поместного Собора» с участием Восточных Патриархов, хотя бы двух, уже достаточно засвидетельствовавших им свои симпатии. Так, 25–26 января в Туле под председательством «митрополита» Виталия (Введенского) прошло «Епархиальное собрание», которое постановило «просить Свящ. Синод употребить все меры к **приглашению двух Восточных Патриархов** (выделено в публикации. — *свящ. А. М.*), Константинопольского и Иерусалимского, и созвать Собор Росс. Правосл. Церкви с участием этих патриархов; они своим церковным авторитетом сумеют покрыть и исправить увлечение одних и заблуждение (так. — *свящ. А. М.*) других и посодествовать наступлению так нужного и сильно желаемого мира церковного»⁴⁵⁰.

Словно в ответ на этот горячий призыв исправить «заблуждение», 31 января 1927 г. обновленческий пленум обратился к Восточным Патриархам (только не к двум, а ко всем четырем) «с сыновнею мольбою — подъять на себя подвиг путешествия в г. Москву для участия на имеющем быть в последние месяцы текущего года Поместном Соборе Православных Церквей в пределах СССР». «Великую и неотложную задачу, — пояснялось далее в приглашении, — ставит перед собою Православная Русская Церковь, устроая этот Собор, — окончательное и полное примирение с тою частью Русской Церкви, которая в последние 4 года находится в церковном разделении, весьма пагубном и плачевном». В конце обращения следовало немаловажное пояснение: «Само собой разумеется, что материальные издержки, сопряженные с путешествием и пребыванием в Москве, будут с любовью покрыты щедротами верующих, и изыскание их лежит на обязанности Св. Синода»⁴⁵¹.

⁴⁴⁸ Часть официальная // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 1 (24). С. 7.

⁴⁴⁹ Мельникова. К истории восстановления еucharистического общения Русской и Грузинской Церквей в первой половине XX в. С. 65.

⁴⁵⁰ Протокол заседаний Тульского Епархиального Собрания духовенства и мирян 25–26 января 1927 года // Тульские Епархиальные Ведомости. 1927. Февр. № 2. С. 14.

⁴⁵¹ Обращение Священного Синода Православной Российской Церкви к Святейшим Православным Восточным Патриархам с приглашением прибыть на Поместный собор Православ-

Иерусалимскому Патриарху, который перед этим уже прямым текстом просил у обновленческого лжесинода деньги, предложение съездить самому за ними в Москву могло бы показаться небезынтересным, только возраст Святейшего Дамиана приближался уже к восьмидесяти. Константинопольский Патриарх Василий был еще старше, но и Фанар был не прочь поучаствовать в российских церковных делах, для начала отправив в СССР с инспекцией свою комиссию (идея была не новой, возникла еще в 1924 г.). Так что затея раскольников получить пару греческих Патриархов на свой лжесобор была труднореализуемой, но не безнадежной.

Отклонять с порога обновленческое приглашение не стала и Александрийская Церковь, допустив участие своих представителей в Соборе в Москве «вместе с Патриархами Востока». Однако Александрийский Синод тут же постановил, что женатые архиереи участвовать в соборе не должны⁴⁵². (Можно представить, что по этому поводу подумали Александр Введенский и компания.) Позднее, 2 сентября 1927 г., Архиерейский Собор РПЦЗ вскользь упомянул про грамоту Александрийского Патриарха «о намерении принять участие в предстоящем обновленческом Соборе в Москве»⁴⁵³. Как это могло совместиться с бойкотом Александрией женатых обновленческих «архиереев», непонятно.

2 марта раскольническим лжесинодом был разослан указ, в котором говорилось: «В октябре или ноябре месяце 1927 г. состоится 4-й Всероссийский Поместный Собор в г. Москве. Приглашены на этот Собор Восточные Православные Патриархи (выделено в публикации. — *свящ. А. М.*). Свящ. Синод надеется, что на этом Соборе волею и разумом всех православно верующих будут разрешены все нужды церкви и изжито то разделение, которое губит Церковь»⁴⁵⁴. К указу прилагалось «Положение о 4-м Всероссийском Поместном Соборе» (по сути дела — набор лозунгов), первый пункт которого предписывал «соборность во всем церковном строительстве», а второй — «единение с Православной Восточной Церковью, как выражение полноты и вселенскости Православия»⁴⁵⁵.

В преддверии Пасхи 1927 г. обновленцы обратились к Вселенскому Патриарху с обычным уже приветствием, в котором вновь напомнили о своем приглашении приехать в Москву. «Священный Синод Православной Российской Церкви, уверенный в глубоком интересе и отеческом сочувствии Вашего Всесвятейшества к делу преуспевания Православной Церкви в СССР, — счастлив засвидетельство-

ной Российской Церкви в конце текущего 1927 года // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 3 (16). С. 2.

⁴⁵² См.: Ἐκκλησία Ἀλεξανδρείας // Ὁρθοδοξία. 1927. Σ. 235.

⁴⁵³ Определения Собора Архиереев Русской Православной Церкви Заграницей // Церковные ведомости. 1928. № 1–2. С. 5.

⁴⁵⁴ Указы Священного Синода // Тульские Епархиальные Ведомости. 1927. Март. № 3. С. 4.

⁴⁵⁵ Положение о 4-м Всероссийском Поместном Соборе // Тульские Епархиальные Ведомости. 1927. Март. № 3. С. 5.

вать, что православно верующие все крепче и крепче сплочиваются (так. — *свят. А. М.*) вокруг Священного Синода, видя в нем своего единственно надежного руководителя в духовной жизни. Предположенный в конце текущего года Поместный Собор в Москве, который, — уповаем, — совершит свою работу при участии Вашего Всесвятейшества, — надеемся и молитвенно желаем, — доведет до конца это необходимое дело»⁴⁵⁶. Примечательно, что раскольники уже не просили Фанар посодействовать им в объединении с «тихоновцами», а прямо выражали пожелание, чтобы Константинопольский Патриарх помог делу «сплочивания» православных в России вокруг их «Синода». Аналогичные письма были посланы обновленцами и другим Восточным Патриархам.

Патриарх Василий в ответном письме от 4 мая 1927 г. выразил свою «великую радость» по поводу приветствия раскольников, свидетельствующего якобы об их «постоянной и достойной заботе об установлении всеобщего мира и дружелюбия». В отношении же приглашения приехать в СССР Константинопольский Патриарх предпочел отмолчаться⁴⁵⁷. Также и Иерусалимский Патриарх Дамиан весьма тепло поприветствовал с Пасхой обновленческого председателя Вениамина (Муратовского) как «весьма любезное и вожеленное Высокопреосвященство», но о вопросах практических не обмолвился ни словом⁴⁵⁸.

Особо, как некто «великий», отметил на Пасху 1927 г. архимандрит Василий (Димопуло). Оставленный при содействии обновленцев в своей многокомнатной квартире, хотя и не всей, он воспел справедливость советской власти, выпустив 20 апреля послание к «Высокопреосвященным Архипастырям, благоговейным пресвитерам, честным диаконам и всем поющим и в Греко-Российской Церкви предстоящим людям, христоролюбивым споспешникам православной веры и благочестия». Кратко поздравив адресатов с Воскресением Христовым и посетовав, что «Греко-Российская Православная Церковь продолжает недуговать болезнями разделения и нестроения», Димопуло указывал выход из затруднительного положения: «Ныне время благоприятное для благовестия евангельского мира и любви. Ныне история народов, действующая промыслом Божиим, предлагает русской православной церкви разрешить великую и новую задачу: согласовать с основами Конституции СССР свое независимое от Государства, но ему полезное и для него необходимое положение». То есть константинопольский представитель призывал архипастырей, пресвитеров и всех остальных быть *полезными* советской власти. Далее в его послании следовал такой гимн этой власти, что даже обновленческим менестрелям коммунизма было чему поучиться. «Христос говорит: “возврати меч твой в его место, ибо

⁴⁵⁶ Его Всесвятейшеству, Архиепископу Константинополя — Нового Рима и Вселенскому Патриарху Василию III // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 4 (17). С. 2.

⁴⁵⁷ См.: Часть официальная // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 5—6 (18—19). С. 2.

⁴⁵⁸ См.: Там же.

взявшие меч мечом погибнут” (Мф 26. 52), и государство СССР возглашает: долой войну... Христос говорит: “князья народов господствуют над нами и вельможи властвуют ими, но между нами да не будет так, а кто хочет между Вами быть большим, да будет Вам слугою” (Мф 20. 25–26), и новое на земле государство объявляет: “Долой деспотизм. Вся власть трудящемуся народу. Служение всеобщего труда на место тунеядства: пусть каждый трудится на всех и все работают на каждого и так едят свой хлеб”. Христос говорит: “у кого две одежды, тот дай неимущему, а у кого есть пища делай то же” (Лк 3. 11), и рабоче-крестьянская власть стремится к уравниванию всех земных благ, к общению всеми продуктами земного труда в интересах жизни и справедливости по отношению к каждому Человеку⁴⁵⁹. К слову, можно заметить, что сам Димопуло, вопреки призыву о двух одеждах, отдавать три из своих семи комнат категорически не желал и буквально засыпал ЦИК СССР просьбами поскорее вернуть ему все помещения. Туда же в доказательство своей любви к советской власти он препроводил и свое пасхальное послание.

15 мая 1927 г. обновленцы особым актом отпраздновали свое пятилетие. Архимандрит Василий, как повелось, не пропустил такое событие и «принес приветствие Св. Синоду с торжеством 5-летнего юбилея освобождения Церкви от мирской власти»⁴⁶⁰. По-видимому, у константинопольского посланника было неплохое чувство юмора: о «свободе» обновленцев от мирской власти сведущему человеку можно было только шутить. Раскольники же вполне серьезно писали о «небывалом по своему величию» юбилейном собрании: «Оно открылось торжественным служением, во главе с Митрополитом Вениамином и при участии представителя Вселенского Патриарха Архимандрита Василия (Димопуло), благодарственного молебствия. <...> Первым произнес поздравление с юбилейным торжеством архимандрит Василий Димопуло, говоривший от Вселенской Патриархии и от себя лично. Была зачитана грамота Константинопольского Патриарха, приветственная с праздником Св. Пасхи. Дружное многолетствование было ответом на выступление представителя Святейшего Патриарха, давшее возможность всем присутствовавшим почувствовать и пережить органическую связь обновленчества с древнейшими истоками христианства, верность обновленчества Св. Православию, его Вселенский характер»⁴⁶¹.

Стоит отметить, что, оставаясь в наиболее близких отношениях («органической связи») с обновленцами, Димопуло не отказывал во внимании и другим российским раскольникам. Так, в ноябре 1927 г. он направил приветствие Григорию (Яцковскому) в связи со съездом сторонников ВВЦС: «Прошу принять мои искренние поздравления по случаю Вашего съезда. От всей души желаю Вам успеха и плодотворной работы на пользу Православной Русской Церкви,

⁴⁵⁹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 521–523.

⁴⁶⁰ Акт // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 5–6 (18–19). С. 6.

⁴⁶¹ Празднование пятилетнего юбилея обновленчества в Москве // Там же. С. 12.

направленной на соединение мира и любви — во Едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь»⁴⁶². Григориане были весьма польщены таким приветствием и заслушали его первым после оглашения разрешения НКВД на свой съезд. На съезде раздавались голоса о том, что «надо употребить все меры, чтобы добиться общения с Восточными Патриархами и получить от них документы, удостоверяющие, что они признают нас православными». Причем григориане хотели более существенного признания, чем то, что получили обновленцы. Последних они обвиняли в попытке «заменить действительное внутреннее единство внешними письменными сношениями с Восточными Патриархами»⁴⁶³. Обвинение, хотя его выдвигали тоже раскольники, было справедливым. Если не считать сослужений Димопуло с обновленцами и его почти неизменного присутствия на их парадных мероприятиях, все их общение с Востоком сводилось к обмену пышными грамотами с Константинопольским и Иерусалимским Патриархами, но те всегда были легки на любезные слова, когда этого требовала политическая целесообразность. Это действительно были лишь «внешние письменные сношения» и не более того. Впрочем, отсутствие сослужений греков с обновленцами на более высоком уровне, чем Димопуло, как уже отмечалось, в значительной степени было «заслугой» советской власти, которая ни греческих иерархов не пускала в СССР, ни обновленческих деятелей к грекам. Кроме того, турки со своей стороны придерживали греческий «башпапазлик» от чрезмерной международной активности.

Димопуло же не мог дожидаться приезда делегации от своей Патриархии в Москву, в том числе и для решения своих квартирных проблем. 16 августа 1927 г. он обратился в ЦИК к Смидовичу с напоминанием о том, что ему обещали вернуть комнаты не позднее начала 1927 г. «К сожалению, вот уже Август м[еся]ц, — сокрушался греческий архимандрит, — а квартира не освобождается, и я стеснен не только в своей работе по представительству, но и особенно еще тем обстоятельством, что мне положительно негде будет поместить имеющую прибыть из Константинополя Комиссию Вселенского Патриарха и представителей др[угих] Восточных патриархов и Синайского Архиепископа (из г. Каира)». Димопуло сообщал, что ему «необходимо заблаговременно сделать ремонт этих трех комнат», и посему всячески ходатайствовал «о восстановлении права Представительства Вселенского Патриархата на всю площадь квартиры № 5, закрепленной грамотой ЦИК СССР»⁴⁶⁴.

Тем временем вернувшийся в апреле 1927 г. к исполнению обязанностей Заместителя Местоблюстителя митрополит Сергей приступил к упорядочиванию дел в управлении Патриаршей Церкви на принципах легальности и

⁴⁶² Второй Московский съезд староцерковников, признающих Высший Временный Церковный Совет, бывший в Москве в Донском монастыре 15–18 ноября 1927 года. С. 1.

⁴⁶³ Там же. С. 4.

⁴⁶⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 524–524 об.

подчеркнутой лояльности власти. Далеко не все «тихоновцы» были согласны с предложенными им практическими подходами, и полемика внутри Русской Церкви тогда развернулась весьма активная и резкая⁴⁶⁵. Однако к исследуемой здесь проблеме связей обновленцев с Востоком споры внутри «тихоновцев» прямого отношения не имеют. Куда существеннее в данном контексте то, что в конце мая 1927 г. митрополит Сергей получил от НКВД фактическое разрешение на деятельность при нем Временного Патриаршего Священного Синода. Этот Синод был, конечно, не таким, какой предусматривался постановлениями Всероссийского Собора 1917–1918 гг. Полноценной государственной регистрации он тоже не получил. Тем не менее он вполне официально стал выступать от имени Православной Российской Церкви, и Фанар его уже не мог игнорировать, как он фактически игнорировал до того Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра и его заместителей. Изменение политики митрополита Сергея, учреждение при нем Синода, появление июльской декларации было сильным ударом по обновленцам, григорианам и другим раскольникам. Они в значительной мере вытеснялись из занятой ими ниши советской легальности. А. И. Введенскому только и оставалось язвить по этому поводу: «Рассуждая о Сергии Страгородском и его сподвижниках, я бы сказал, что это — наши ученики. Они, слава Богу, перешли из приготовительного класса политграмоты в первый»⁴⁶⁶. Фанариоты, у которых сервилизму мог поучиться и сам «митрополит-благовестник», благосклонно восприняли повышение «политграмотности» Заместителя Местоблюстителя, хотя обновленцы оставались им ближе, как более «грамотные».

Признаком того, что раскольники сдают свои позиции, стало известие о переносе под благовидным предлогом объявленного ими «IV Поместного Собора». 20 сентября 1927 г. обновленческим управлениям на местах было сообщено, что «Восточные Патриархи на письменное официальное приглашение Св. Синода прибыть в Москву для участия в работах предстоящего Поместного Собора ответили своим согласием прибыть лично или прислать своих представителей. Для осуществления же такового представительства IV Поместный Собор может быть созван, по техническим причинам, только в 1928 году. <...> Поместный Собор будет созван осенью 1928 года, с участием Восточных Патриархов»⁴⁶⁷. Константинопольская Патриархия тогда действительно готова была направить в Москву на очередной раскольничий лжесобор свою делегацию в составе митрополита Трапезунтского Хрисанфа (того самого, что в 1919 г. командировался Фанаром в Грузию к местным автокефалистам) и неизменно-

⁴⁶⁵ См.: Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост., авт. вступ. ст. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. М., 2010.

⁴⁶⁶ Доклад на пленуме Св. Синода 22/XI 1927 года Митрополита Александра Введенского // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 1 (24). С. 12.

⁴⁶⁷ Часть официальная // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 9–10 (22–23). С. 4.

го протонотария Христо Папаиоанну⁴⁶⁸. В бюллетене обновленческого «Синода» от 25 ноября 1927 г. была указана точная дата начала «ближайшего церковного Собора» — 1 октября 1928 г.⁴⁶⁹ Однако спустя два месяца синодальным циркуляром от 21 января 1928 г. обновленческие епархиальные управления были уведомлены, что «очередной Поместный Собор, по весьма важным соображениям, отложен и в 1928 году не состоится. Вместе с этим Св. Синод ведет переговоры с Восточными Первоиерархами о прибытии их на Собор, о чем ЕУ будет заблаговременно поставлено в известность для принятия со своей стороны надлежащих мер (избрание делегатов и т. д.)»⁴⁷⁰. Дело заключалось в том, что 1 октября 1927 г. Антирелигиозная комиссия при ЦК ВКП(б), рассмотрев по докладу Тучкова вопрос «о разрешении въезда в СССР комиссии Вселенского патриарха для ознакомления с положением церкви», лаконично постановила: «Отказать»⁴⁷¹. О том, чтобы в СССР приехал сам Вселенский Патриарх, уже и думать не приходилось. В итоге ни с участием Восточных Патриархов, ни без них провести «IV Поместный Собор» обновленческим раскольникам так и не удалось.

Главным преимуществом обновленцев перед Патриаршей Церковью в глазах прагматичных (если не сказать — циничных) греков было их признание советской властью. Подобие легализации, полученное Синодом митрополита Сергия, давало ему возможность попытаться перехватить у раскольников инициативу в развитии отношений с Востоком. В сентябре — октябре 1927 г. Заместитель обратился к ним с посланиями, в которых извещал о перемене (как считалось, благоприятной) в положении высшего управления Патриаршей Церкви в России. Первым откликнулся наиболее нуждающийся Патриарх Иерусалимский Дамиан. Его послание от 21 октября 1927 г. было небольшим, но напыщенным. Иерусалимский Патриарх, видимо, еще раздумывал о поездке в Москву по приглашению обновленцев, поэтому отвечал митрополиту Сергию так, чтобы не задеть последних, но в то же время и приверженцев Патриаршей Церкви не оттолкнуть (он ведь рассчитывал на «пожертвование *всех* слоев православного русского народа»): «Мать Церквей Иерусалимская Церковь, от Которой, как от солнца лучи, свет спасения разлился по всей земле, озарив собою и Русскую землю, с древних времен пребывала и ныне пребывает в духовном единении с Православной Российской Церковью (Святейший Дамиан предпочел не уточнять, что под таковой он последнее время подразумевал раскольников-обновленцев. — *свящ. А. М.*), шлет свое искреннее сочувствие и желание твердо и неуклонно стоять на незыблемой почве догматов, правил

⁴⁶⁸ *Καλαϊτῆς Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμηνικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 733.

⁴⁶⁹ Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 1 (24). С. 4.

⁴⁷⁰ Всероссийский Поместный Церковный Собор // Церковный Вестник: Орган Иркутского Епархиального Церковного Управления. 1928. Янв. № 1 (37). С. 2.

⁴⁷¹ Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б). С. 224.

Св. Апостолов, Вселенских и Поместных Соборов и святоотеческих преданий, только при хранении каковых возможно достигнуть тихое небесное пристанище, главную цель нашей жизни на земле (нарушения обновленцами апостольских, соборных и святоотеческих правил Иерусалимский Патриарх не замечал. — *святц. А. М.*). Мы непрестанно молимся у Живоносного Гроба и Божественной Голгофы об умиротворении все еще не утихшего церковного волнения в России и ниспослании взаимной любви, единения и сочувствия»⁴⁷². Патриарх Дамиан, таким образом, давал понять, хотя и прикровенно, что обновленцы ему не менее дороги, чем «сергиевцы», и он всем им желает «взаимной любви, единения и сочувствия».

Приверженцы митрополита Сергия, однако, расценили ответ Патриарха Дамиана как большое достижение Московской Патриархии. Так, например, член Временного Патриаршего Синода архиепископ Павел (Борисовский) в своем послании от 14 декабря 1927 г., перечисляя благие, по его мнению, последствия издания июльской декларации, на первое место ставил то, что «представилась возможность начать письменное сношение с патриархами православных восточных церквей, из которых один, блаженнейший Патриарх Иерусалимский Кир Дамиан, на братское послание наше к нему соблагОВОлил уже и ответить митрополиту Сергию и Священному Патриаршему Синоду высокомилоостивой грамотой»⁴⁷³. Архиепископ Павел не пожалел дальше места и практически полностью привел «высокомилоостивую грамоту» о «взаимной любви и единении». Нетрудно понять, что отправление грамоты митрополиту Сергию не помешало Святейшему Дамиану после этого продолжать обмениваться грамотами и с обновленцами. Уже на Рождество 1927/1928 г. Иерусалимский Патриарх писал «возлюбленнейшему брату и сослужителю Кир Вениамину» (Муратовскому): «Снова со мною любовью целуем Ваше Высокопреосвященство, братски просим передать наши поздравительные молитвы и приветствия составляющим вместе с Вами Святой и Священный Синод Преосвященным Архиереям и возлюбленным во Христе братьям и сослужителям»⁴⁷⁴.

Вторым на обращение митрополита Сергия отозвался Патриарх Антиохийский Григорий. Ему, как не запятнанному общением с раскольниками, писать главе Московской Патриархии было, конечно, легче, хотя здесь были и свои нюансы. Святейший Патриарх Григорий IV с большим почтением относился к председателю Русского Зарубежного Синода митрополиту Антонию (Храповицкому), а к тому времени между Русской Зарубежной Церковью и Московской Патриархией на почве отношения к боготорческой власти уже произошел разрыв (в сентябре 1927 г.). Вероятно, если бы митрополит Сергий обратился к

⁴⁷² Акты Святейшего Тихона... С. 522.

⁴⁷³ Вслед за июльской Декларацией / Публ., вступ. ст. и примеч. А. В. Мазырина и О. В. Косик // Богословский сборник. 2002. Вып. 9. С. 314.

⁴⁷⁴ Приветственная грамота Иерусалимского Патриарха Дамиана // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 2 (25). С. 3.

Патриарху Григорию весной 1927 г. или, еще лучше, в 1926 г., когда у него не было проблем во взаимоотношениях с русским зарубежьем, ответ из Дамаска звучал бы выразительнее и содержал бы указание на то, что только Церковь, временно возглавляемая Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, является единственной истинной Православной Церковью в России. В условиях конца 1927 г. Патриарху Григорию приходилось писать митрополиту Сергию более сдержанно, чтобы поддержка последнего не ударила бумерангом по Русской Зарубежной Церкви. Тем не менее послание Святейшего Григория от 12 ноября 1927 г. в личном плане было очень теплым. Он вспоминал свою поездку в Россию в 1913 г. и писал: «...встают пред нашим духовным взором во весь свой величественный рост обаятельные личности достойнейших великих русских архипастырей, с которыми Божественному Провидению благоугодно было осчастливить нас встречаться в этой стране и среди которых находился и Высокопреосвященнейший возлюбленнейший о Господе брат Владыко Сергей, тогда Финляндский». Патриарх Григорий как бы намекал митрополиту Сергию, что среди «достойнейших великих русских архипастырей» находился и Высокопреосвященнейший Антоний, тогда Волынский, весьма близкий в то время Финляндскому архиепископу. «Всем братьям Преосвященным архиереям любимой нами Святой Русской Церкви, — молитвенно желал Антиохийский Патриарх, — единомышления и единодействия о Господе»⁴⁷⁵. Очевидно, что в отличие от Иерусалимского Патриарха Святейший Григорий IV не мог здесь включать в число архиереев любимой Русской Церкви обновленцев, поскольку последние им еще в 1925 г. были преданы анафеме.

Фанар с ответом на послание митрополита Сергия, направленное 20 сентября 1927 г., спешить не стал. Для начала Василий III обратился 27 сентября к председателю ЦИК СССР. Подлинник его письма с неровной подписью сохранился в ГА РФ, как и заверенный Димопуло перевод⁴⁷⁶. В письме Константинопольский Патриарх рекомендовал «господину» Калинину архимандрита «Кир» Василия, подтверждая постановление своего Синода о том, чтобы тот представлял от Вселенского Патриархата «пред лицом всех властей в СССР и чтобы защищал все интересы Патриархата, а также и все интересы... патриаршего в Москве подворья во имя св. Сергия». Патриарх Василий «благодарил сердечно» Калинина за «всегда» благосклонное расположение к Димопуло и просил о продолжении такого его «благоволения». Передавая письмо, Димопуло писал: «Со своей стороны, г. Председатель, я льщу себя надеждой, что и впредь я найду со стороны ВЦИК'а помощь, защиту и внимательное отношение к интересам Вселенской Патриархии, что послужит лишь к дальнейшему, еще большему, укреплению доверия, уважения и признательности Правитель-

⁴⁷⁵ Акты Святейшего Тихона... С. 530–532.

⁴⁷⁶ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 513, 520.

ству СССР со стороны народов Ближнего Востока». Внизу письма был помещен витиеватый автограф: «Греческий Архимандрит Василий Димопулос»⁴⁷⁷.

В октябре 1927 г. Димопуло, посчитав, видимо, момент благоприятным, вновь обратился во ВЦИК от имени Вселенской Патриархии с просьбой о возвращении или сдаче ей в долгосрочную аренду дома в Крапивенском переулке. «Правительство СССР, возвращая дом Патриархии, может быть вполне уверенным, что доходы от дома пойдут на культурно-благотворительные цели, ибо на Востоке храмы содержатся не на доходы от принадлежащих им недвижимых имуществ и последние служат не для обогащения храмов и духовенства, а для культурных и благотворительных целей. Быстро возрастающие запросы культурно-просветительной жизни Востока и отсутствие достаточных средств у Патриархии для удовлетворения означенных потребностей побуждают патриархию вторично поставить на Ваше рассмотрение вопрос о возвращении Патриаршего Подворья. Удовлетворение ходатайства Патриархии, безусловно, будет встречено беднейшим населением всего Востока с энтузиазмом, т. к. средства от дома, как было сказано выше, пойдут на удовлетворение потребностей нуждающихся. Вселенская Патриархия, признав ныне существующий в России Государственный строй, приняв ряд энергичных мер против эмигрировавшего из России духовенства и против вредной для СССР деятельности последнего, имеет основание надеяться, что Правительство России проявит к ней надлежащее внимание и удовлетворением ходатайства Патриархии укрепит существующее сочувствие к себе со стороны как Вселенской Патриархии, так и со стороны трудящегося Востока». Слова про «нуждающихся трудящихся Востока» (главным из которых, как следовало понимать, был Патриарх Василий), уже, наверное, опостытели сотрудникам аппарата ВЦИК и ЦИК, но на этот раз у Димопуло звучали и новые доводы. «В настоящее время, когда Правительство России находит возможным и необходимым легализировать духовенство путем учреждения Святейшего Синода, когда Правительством в достаточной степени налажена хозяйственная и политическая мощь страны, Патриархия, учитывая также и состоявшееся сближение с Правительством Турции и последовавшее возвращение Турецким Правительством СССР недвижимого имущества бывшего Русского Правительства, надеется, что ВЦИК накануне юбилея 10-й годовщины Октябрьской Революции проявит по отношению к Патриархии присущее Правительству СССР великодушие и ходатайство настоящее удовлетворит, чем даст возможность Патриархии удовлетворить насущные потребности нуждающихся рабочих и крестьян Востока, в чем Правительство СССР может убедиться в будущем, в случае удовлетворения настоящего ходатайства»⁴⁷⁸.

Не совсем понятно, почему в ответ на возвращение русского имущества турецким правительством советскому оно (советское правительство) должно

⁴⁷⁷ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 518.

⁴⁷⁸ Там же. Л. 514 об.

было что-то передавать Константинопольской Патриархии, которая правительственным учреждением в кемалистской Турции вовсе не являлась. Еще большее удивление вызывал пассаж Димопуло о том, что «Правительство России находит возможным и необходимым легализовать духовенство путем учреждения Святейшего Синода». Работники ВЦИК даже поставили вопросительные знаки поверх слов «легализовать» и «учреждения». Очевидно, под новоучрежденным «Святейшим Синодом» архимандрит Василий имел в виду Синод митрополита Сергия (поскольку с момента учреждения обновленческого лжесинода прошло уже более четырех лет). Он решил использовать в своих интересах и показавшееся улучшение положения Московской Патриархии, хотя еще недавно осуждал «лагерь староцерковников как ярко политический». В действительности и Патриарх Тихон, и митрополит Петр, и митрополит Сергий до своего ареста в конце 1926 г. отстаивали позицию *аполитичности* Русской Церкви. А уклонение в политическую сторону (просоветскую) произошло уже в 1927 г., когда митрополит Сергий принял условия легализации, выдвигавшиеся властью. Но для Димопуло именно услужливость перед властью, пусть даже и богоборческой, была нормой, а отказ служить власти (быть ей «полезным», как он выразился в своем пасхальном послании) — уклонением в «ярко политический лагерь». Примерно так же мыслила и его Патриархия.

Патриарх Василий, решив проблему официального статуса архимандрита Василия, все еще не отвечая митрополиту Сергию на его сентябрьское письмо, обратился 11 ноября 1927 г. к своему «возлюбленному брату и сослужителю» «митрополиту Московскому Кир Вениамину» с «сердечными приветствиями и поздравлениями» по поводу тридцатилетия архиерейства главы раскольников. «Да дарует Вам Господь и пастве Вашей успокоение и радость, что, благодаря Вашему боголюбивому старанию и заботливости и всех сочувствующих Вам и желающих истинной помощи Церкви, вскоре возможно будет узреть единомыслие и единомушие во всех служащих во святой Церкви и благочестивых чадах ее», — писал Вениамину (Муратовскому) Василий III (в заверении Димопуло)⁴⁷⁹. На это письмо обновленцы ответили телеграммой от 22 ноября: «Пленум Священного Синода всепреданнейше многолетствует Ваше Святейшество, просит молитв и благословения [на] свою работу [для] блага Церкви Православной»⁴⁸⁰. Архимандрит Василий, как обычно, принял участие в работе обновленческого пленума, на котором он «уведомил Священный Синод о получении им новой верительной грамоты Вселенского Константинопольского Патриархата»⁴⁸¹. Затем, 29 ноября, Патриарх Василий со своим Синодом дал поручение Димопуло передать «Его Высокопреосвященству Митрополиту

⁴⁷⁹ Часть официальная // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 1 (24). С. 2.

⁴⁸⁰ Протокол № 1 заседания пленума Св. Синода от 22 ноября 1927 года // Там же. С. 6.

⁴⁸¹ Там же.

Александр Введенскому» как «Ректору Московской Духовной Академии» свои «сердечные пожелания, чтобы Академия — рассадник богословского образования и просвещения — была хранительницей и исполнительницей заветов прежних духовных Академий в духе церковного православия»⁴⁸². Остается только надеяться, что Патриарх Василий вообще не знал, кто такой «Его Высокопреосвященство» Введенский, поскольку на роль *хранителя православия* он («эротоман и шизофреник», по меткой характеристике М. Е. Губонина⁴⁸³), даже по обновленческим меркам, подходил менее всего.

Лишь после такой прочувственной переписки с раскольниками Василий III наконец-таки обратился 7 декабря 1927 г. с грамотой и к митрополиту Сергию (одновременно, чтобы «брат и сослужитель Кир Вениамин» не огорчился, он направил письмо и ему; опубликованы обе грамоты были в одном выпуске «Ортодоксии», причем под одним и тем же исходящим номером — 3348⁴⁸⁴). Константинопольский Патриарх поздравил Заместителя с «благополучным разрешением дел, касающихся отношений к гражданской власти», выразив по этому поводу свое «большое удовольствие». «Надеемся, — писал он далее, — что это правильное направление будет способствовать пользе Св. Российской Церкви, — целой и единой Русской Церкви, но никак не одной из ее частей (μερίδων), на которые она теперь находится разделенною. Как обычно случается в исключительные моменты, ответственность за прошлое тяготеет одинаково на многих, и никто не может сбросить ответственности с целого на других». Обращает на себя внимание акцентирование одинаковой ответственности за прошлое. Патриарх Василий был сильно встревожен, как бы легализация Московской Патриархии не повредила поддерживаемым им раскольникам-обновленцам. Он призывал, «чтобы дальнейшие судьбы единой всех Матери — Св. Российской Церкви — были устроены совместно и твердо в братском совместном решении всех».

Можно вспомнить, что, согласно заверениям обновленцев, «Восточные Патриархи на письменное официальное приглашение Св. Синода прибыть в Москву для участия в работах предстоящего Поместного Собора ответили своим согласием прибыть лично или прислать своих представителей»⁴⁸⁵. По тем же данным, «Собор с участием Восточных Патриархов» был назначен на осень 1928 г. Видимо, от этого анонсированного раскольниками лжесобора с участием *лично* его самого (или его представителя) Патриарх Василий и призывал не

⁴⁸² Часть официальная // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 1 (24). С. 2.

⁴⁸³ См.: Губонин М. Е. «Кифа»: Очерк жизни и деятельности Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) // Кифа — Патриарший Местоблюститель священикомученик Петр, митрополит Крутицкий. С. 31, 124, 174.

⁴⁸⁴ См.: Ἐπίσημα ἔγγραφα // Ὁρθοδοξία. 1928. Σ. 529–533.

⁴⁸⁵ Часть официальная // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 9–10 (22–23). С. 4.

уклоняться митрополита Сергия: «Никто пусть не возражает против такого устройства совместного совершения и единодушного решения, как будто бы невозможного и неосуществимого. От другой из частей, а именно от Священного Синода, нам представлены достаточные доказательства охотного, как нам известно, расположения к общему совместному обсуждению на соборе относительно восстановления и правильной организации церковных дел. Так как, благодатию Божиею, теперь проникает всех в обеих ориентациях (ἐν ἁμφοτέραις ταῖς παρατάξεσι) единый дух — дух неискаженного сохранения православного учения и предания, какое есть и должно быть базисом для совместного обсуждения и единения одинаково с обеих сторон, и более не существует внешнего препятствия после легализации со стороны Государственной Власти и Вашего положения, что мы поистине не видим, какое еще может создаться непреодолимое препятствие к общему рассмотрению и решению на общем соборе». Иными словами, в глазах Патриарха Василия обновленческий «Священный Синод» и Московская Патриархия были совершенно равночестны, они для него не более чем две «части» или «ориентации», в которые «проникает единый дух». В завершение послания Василий III писал: «Достойная награда и похвала ищущим мир и единение и ведущим к этому будет велика; равным образом и тяжек будет приговор тем, которые следуют путем разделения и разлучения»⁴⁸⁶.

Обновленцы были в восторге от нового опуса Вселенского Патриарха и с удовольствием опубликовали его в своем «Вестнике», вслед за его письмом от того же 7 декабря «Председателю Священного Синода Церкви Российской», в котором содержалось «то же самое горячее представление о мире и совместном обсуждении»⁴⁸⁷. Сказать, что митрополит Сергий был обрадован письмом с Фанара, нельзя. Перечисляя в послании к Церкви от 31 декабря 1927 г. свои достижения, Заместитель лишь скупно заметил, что «явилась возможность завязать официальные сношения и с Православными Церквями за границей и, прежде всего, с Восточными Патриархами»⁴⁸⁸. Раскрывать подробности переписки с Восточными Патриархами митрополит Сергий не стал. Александрийский Патриарх Мелетий, судя по всему, ему так в 1927 г. и не ответил. Во взаимоотношениях же с Константинополем единственным «приобретением» было то, что если раньше (с 1924 г.) тот однозначно поддерживал обновленцев, то с конца 1927 г. Фанар стал выстраивать отношения с «обеими ориентациями» в России, так сказать, на паритетной основе.

Впрочем, крен в сторону раскольников сохранялся у фанариотов и после 1927 г., и представитель Вселенского Патриарха в СССР, почетный член московского лжесинода, архимандрит Василий на нейтральные позиции перейти не смог. В послании на имя харьковского обновленческого председателя Пиме-

⁴⁸⁶ Часть официальная // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 2 (25). С. 2–3.

⁴⁸⁷ Там же.

⁴⁸⁸ Акты Святейшего Тихона... С. 548.

на (Пегова) от 13 апреля 1928 г. Димопуло писал: «Сердце Всевысшего Отца распинается распрями и раздорами среди вас, возлюбленные о Христе братия. 7 декабря 1927 года в своих особых грамотах на имя представителей обоих расколотившихся частей единой Русской Православной церкви, синодальной и патриаршей, Вселенский Отец и Судия приглашал обе стороны к совместному общему собору для устроения мира и единения в Церкви. И в то время, когда одна сторона всегда и неизменно свидетельствует свое горячее желание мира, другая упорно противится миру. Получив 23 декабря 1927 г. патриаршую грамоту о мире и единении в Церкви, митрополит Нижегородский Сергей и патриарший при нем временный синод в своем втором послании к православным русским людям от 31 декабря 1927 года молчат о патриаршем зове к миру. О, какая скорбь для любящего всех вас Вселенского Отца! Какой крест для него!»⁴⁸⁹

Деятельность Фанара и его московского представителя в 1920-е гг. несла и без того страждущей Русской Церкви очевидное зло. «Как откликнется митрополит Сергей на определен[ный] призыв Вселенского патриарха — сказать трудно, — комментировали положение обновленцы в своем информационном бюллетене в феврале 1928 г. — Во всяком случае, какой-то выход из создавшегося затруднения найти ему необходимо. Правда, пока он молчит, но заговорившему с Патриархом первым молчанием отделаться трудно. <...> Для митрополита Сергея остается теперь одно из двух: или последовать мудрому совету Вселенского Патриарха и начать совместно с нами немедленную подготовку к объединенному Собору, или продолжать обдержанный и привычный путь вражды против нас и стать, таким образом, вне братских отношений с Вселенским Патриархом. <...> Письмо Вселенского П[атриар]ха несомненно ухудшило положение м[итрополита] Сергея. Та злоба, в которой воспитывалась часть верующего народа по отношению к деятелям и деятельности обновленцев, не позволит осторожному м[итрополиту] Сергию переменить свою тактику по совету П[атриар]ха. Однако найдутся и в среде староцерковников люди искренно церковные, которые не могут отнестись безучастно к призыву Вселенского П[атриар]ха. Волей-неволей в староцерковную среду проникает новая струя “живой воды” патриаршего голоса, которая разобьет их единство мыслей и чувств»⁴⁹⁰. Действительно, лжемиротворческая активность Константинополя по сути своей была направлена именно на *разбивание единства* Русской Церкви. Объединение с обновленцами поставило бы возглавлявшуюся митрополитом Сергием структуру вне Православной Церкви, он это понимал, фанариоты — нет (или делали вид). «Митрополит Сергей не обратил на патриаршее обращение никакого внимания и стал даже фанатичнее», — посетовал затем по

⁴⁸⁹ Его Высокопреосвященству, Председателю Украинского Свящ. Синода, Митрополиту Пимену // Український православний благовісник. 1928. № 7. С. 92.

⁴⁹⁰ Бюллетень информационно-организационного отдела при Священном Синоде от 7 февраля 1928 г. // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 2 (25). С. 9.

этому поводу Вениамин (Муратовский)⁴⁹¹. Эмоционально, но по сути дела верно характеризовалась политика Фанара в Окружном послании Архиерейского Собора Русской Зарубежной Церкви от 6 сентября 1927 г.: «С глубоким прискорбием мы должны заявить, что наша Русская Церковь во дни своих страданий под игом большевицкого владычества терпит от Константинопольской Патриархии гонения и утеснения не менее, чем от “живой церкви”, от обновленцев и других раскольников»⁴⁹². Объективно, фанариоты встраивались тогда в ряд врагов Православной Церкви в России вслед за безбожниками и обновленцами, хотя и расточали при этом слова о любви к ней.

Был, однако, один миг в конце 1927 г., когда показалось, что Димопуло готов переориентироваться с обновленцев на Московскую Патриархию. Примечательное событие, имевшее еще более примечательное продолжение, произошло в момент посещения архимандритом Василием митрополита Сергия, к которому он 23 декабря 1927 г. явился для передачи послания Патриарха Василия с призывом к единству с раскольниками. Так совпало, что именно в тот же день и час в Патриархию прибыл один сельский священник из Саратовской епархии — иеромонах Софроний (Несмеянов), причем специально для того, чтобы выяснить, есть ли у Патриаршего Синода связь с Восточными Патриархами. В Московской Патриархии ему ответили, что такая связь есть, и пообещали выдать копии соответствующих грамот (Иерусалимского и Антиохийского Патриархов). О том, что произошло дальше, весьма выразительно повествуется в протоколе допроса иеромонаха Софрония от 15 февраля 1928 г.: «Когда я дождался снятия копий с грамот, то в Патриарший Священный синод пришел Архимандрит Василий Димопуло, представитель Вселенского Патриарха Константинопольского, я его лично не знал, но когда он пришел, то присутствующие здесь сказали мне, что это есть Василий Димопуло. Когда он, Василий Димопуло, пришел, то сказал, что он пришел к Сергию Нижегородскому с пакетами от Патриарха Константинопольского, и прошел к Серафиму (Александрову, члену Патриаршего Синода. — *свящ. А. М.*). Когда Димопуло стал выходить от Серафима, то я подошел к нему и сказал: “Отец Архимандрит, Вы что, в два Синода ходите и делаете раскол, к обновленцам и [в] Патриарший Синод?” — на что Димопуло сказал: “Нет! Нет!” Тогда я сказал Димопуло: “А что, вы мне дадите документ, что наш Митрополит Сергий и наш Патриарший Синод признается Вселенскими Патриархами?” — на что Димопуло сказал, что даст, и предложил мне прийти к нему в канцелярию и дал адрес. Когда я получил копии грамот Патриархов в Патриаршем Священном Синоде, то тут же поехал по

⁴⁹¹ Протокол № 1 заседания Расширенного Пленума Священного Синода от 1 октября 1928 года // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 10 (33). С. 5.

⁴⁹² Окружное послание Священ[ного] Собора Архиереев Русской Православной Церкви Заграницей всем верным чадам Западно-Европейской епархии // Церковные ведомости. 1927. № 19–20. С. 1.

указанному мне Димопуло адресу в его канцелярию, где он мне и вручил писанный документ за № 1018 от 23 Декабря 1927 г. и свою визитную карточку»⁴⁹³.

Не совсем понятно, чем так подействовал на заморского посланника повожский священник из крестьян с домашним образованием⁴⁹⁴, но архимандрит Василий действительно вручил иеромонаху Софронию довольно важный и содержательный документ с собственноручной подписью и круглой печатью с византийским двуглавым орлом и надписью «Духовно-Дипломатическая Миссия Константинопольского Вселенского Патриархата в России». Оригинал этого документа хранится в следственном деле иеромонаха Софрония как «вещественное доказательство» его «контрреволюционной» деятельности⁴⁹⁵. Документ гласил: «В ответ на Вашу просьбу сообщая, что Заместитель Местоблюстителя Патриарха Митрополит Нижегородский Сергей и его Священный Синод имеют письменное и молитвенное общение с Великой Христовой Церковью Вселенской и всеми Восточными Вселенскими Патриархами. Вселенская Константинопольская Патриархия не может признавать и никогда не признавала женатый епископат и второбрачие духовенства, так как это противоречит правилам церковным, действующим во всей православной церкви. Мною, как Представителем Вселенского Патриарха в СССР, в свое время был заявлен протест от лица Вселенской церкви в Священном Синоде, стоящем во главе обновленческого течения в русской церкви, против введения в жизнь женатого епископата. Желание святой Матери Церкви Вселенской всегда было — чтобы в русской братской церкви восстановился мир и единение, о чем она и возносит свои молитвы Господу Богу»⁴⁹⁶.

Как видно, при необходимости архимандрит Василий готов был дать желаемый ответ и представителям Патриаршей Церкви. Причем в приведенном документе он даже не очень сильно покривил душой. Письменное и молитвенное общение Московской Патриархии с Восточными Патриархами действительно сохранялось. Женатый «епископат» и второбрачие «духовенства» Фанаром официально не признавались. Более того, сам архимандрит Василий и впрямь в начале 1925 г. выступил на обновленческом пленуме против посвящения в архиереи в брачном состоянии. Сделал он это, правда, весьма мягко, так что раскольническая печать со ссылкой на самого Димопуло потом пояснила, что «заявление на январском пленуме Синода было его частным мнением, притом не особенно упорным, и что никаких полномочий от своего патриарха на это выступление он не получал»⁴⁹⁷. Кроме того, показное несогласие с обновленче-

⁴⁹³ Архив УФСБ РФ по Саратовской обл. Д. ОФ-13011. Л. 20 об. — 21.

⁴⁹⁴ Там же. Л. 19.

⁴⁹⁵ Там же. Л. 5.

⁴⁹⁶ Опубликовано: *Косик О. В.* Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е — начало 1930-х годов). М., 2011. С. 195.

⁴⁹⁷ Деяние III-го Всероссийского Поместного собора, бывшего с 1 октября 1925 года, нового стиля, в городе Москве // Церковное Обновление. 1926. 25 янв. № 1. С. 5.

ской практикой женатого «епископата» нисколько не мешало архимандриту Василию поддерживать прекрасные отношения с деятелями типа Александра Введенского, служить с ними, величать их архиерейскими титулами и заседать с ними в одном «Священном Синоде».

Тем не менее официальный документ, выданный архимандритом Василием, в целом был благоприятным для Патриаршей Церкви, и неудивительно, что он весьма вдохновил его получателя. Иеромонах Софроний по возвращении в свою Саратовскую епархию показал его целому ряду лиц и дал снять с него несколько копий. Интересно, что местный викарий, епископ Вольский Симеон (Михайлов), которому он тоже рассказал о привезенных из Москвы документах, строго запретил иеромонаху Софронию их дальнейшее размножение. Видимо, он, как политически более опытный, понимал, чем это чревато. Действительно, уже 12 февраля 1928 г. уполномоченным Саратовского губотдела ОГПУ было подписано постановление, в котором говорилось, что «гр[ажда]н Несмеянов, проживая в селе Юрьевке, где служит священником, с целью завоевания себе авторитета среди гр[ажда]н Б.-Озерской и Балтайской волости занялся изготовлением и распространением контрреволюционных документов, направленных к подрыву Советской власти»⁴⁹⁸. Можно, конечно, удивиться такой постановке вопроса (получалось, что архимандрит Василий своим документом *подрывал* советскую власть), но уже 15 февраля иеромонах Софроний был арестован.

Инициаторами ареста, как нередко бывало, выступили местные обновленцы, давшие следствию необходимые свидетельские показания. «Обновленцы, — объяснял затем уполномоченному ОГПУ иеромонах Софроний, — посмотрев у меня документ Димопуллы (так. — *свящ. А. М.*), возмутились и заявили мне, что меня за этот документ арестуют и его у меня отберут. Так это и произошло»⁴⁹⁹. Скорость реакции раскольников на действия иеромонаха Софрония показывает, сколь опасными они им показались. 12 января 1928 г. местный обновленческий благочинный представил в «Вольское епархиальное управление» доклад, который незамедлительно был переслан в «Священный Синод», а тот, в свою очередь, запросил разъяснения у самого Димопуло.

Видимо, чтобы греческий архимандрит долго не раздумывал, как вести себя в такой ситуации, 13 января к нему явился судебный исполнитель и в отсутствие хозяина приступил к описи находившегося в его квартире имущества. Поводом для таких действий стала претензия домоуправления к Димопуло в том, что он задолжал ему 220 рублей за очистку снега. Окончив опись, судебный исполнитель потребовал от грека немедленно освободить чердачное помещение, причем рабочие для этой цели были уже приведены, и архимандриту Василию было предложено выдать им вознаграждение за труды. На вопрос Ди-

⁴⁹⁸ Архив УФСБ РФ по Саратовской обл. Д. ОФ-13011. Л. 1.

⁴⁹⁹ Там же. Л. 42.

мопуло, куда девать находящееся на чердаке имущество, ему ответили: «Это нас не касается, хоть на улицу». Обескураженный архимандрит с трудом упрямил дать ему трехдневный срок для переноса вещей, а сам тут же взялся писать письмо председателю ВЦИК Калинину. Димопуло пожаловался, что от него требуют «вносить 50–60 рублей ежемесячно круглый год, т. е. даже за те месяцы, когда снега, а следовательно и очистки его, заведомо не бывает!» Пострадавший от русского снега греческий архимандрит просил «высшего блюстителя революционной законности», как он льстиво именовал Калинина, о защите, пересмотре дела, «а также об оставлении в распоряжении Патриархии чердачного помещения как хранилища... ценного имущества»⁵⁰⁰. Каких-либо резолюций сотрудников ВЦИК на слезном прошении архимандрита Василия нет, но, видимо, на словах ему объяснили, что надо сделать, чтобы сохранить чердак за собой. Впрочем, он догадывался и сам. Делу иеромонаха Софрония срочно требовалось дать другой оборот, что столь легко управляемый московский представитель Фанара и исполнил.

В докладе от 26 января 1928 г. на имя «Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Вениамина, митрополита Московского и Коломенского, председателя Священного Синода православных Церквей в СССР» архимандрит Василий писал: «Иеромонаха с. Юрьевки Софрония лично не знаю. Был ли он у меня в моей квартире, не помню, так как у меня ежедневно бывает множество разнообразных лиц различных церковных ориентаций. Но категорически заявляю, что грамоты с таким или даже подобным содержанием, как оно передается в упомянутом докладе (вольского обновленческого благочинного. — *свящ. А. М.*), я не выдавал и выдать не мог. <...> Это было бы тем более странно и непонятно, что, как известно, я, по избранию Собора Православных Церквей в СССР 1925 г., состою почетным членом президиума Свящ. Синода»⁵⁰¹. С последней сентенцией действительно трудно было спорить. Не мог грек выступать против обновленцев, будучи, по сути дела, одним из них. В тот же день, 26 января 1928 г., обновленческий лжесинод постановил разослать это заявление Димопуло на места «ввиду важности этого доклада, для предотвращения наблюдавшихся особенно в последнее время ложных и клеветнических выпадов против Свящ. Синода со стороны староцерковников, доходящих, в некоторых случаях, до определенных подлогов, — к сведению и объявлению по епархии в потребных случаях»⁵⁰².

Отреагировали на действия иеромонаха Софрония обновленцы и в своей центральной печати. В номере за февраль 1928 г. «Вестника Синода» сообщалось: «Из Вольской епархии получен доклад архиепископа Вольского Михаила о том, что какой-то иеромонах Софроний распространяет сведения о том, что

⁵⁰⁰ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 507–507 об.

⁵⁰¹ Указ Свящ. Синода от 4 II с. г. № 529 // Тульские Епархиальные Ведомости. 1928. Март. № 3. С. 14.

⁵⁰² Там же. С. 13.

и Патриарх Вселенский Василий III и его представитель отмежевались от обновленческого Свящ. Синода и признают каноничным только митрополита Сергия. В доказательство показывает какие-то грамоты и с какими-то печатями». Какие именно грамоты показывал иеромонах Софроний, выше уже показано. Это грамоты Иерусалимского и Антиохийского Патриархов, а также бумага архимандрита Василия с его печатью. Слов о том, что «Патриарх Вселенский Василий III и его представитель отмежевались от обновленческого Свящ. Синода и признают каноничным только митрополита Сергия», там не было. Тем не менее раскольники, а с ними и Димопуло, решили перестраховаться, поэтому далее обновленческий «Вестник» вещал: «... все эти своеобразные документы явно подложны. Архимандрит Василий пришел в ужас, когда узнал, какие суждения ему приписываются, и поспешил официальным путем опровергнуть эту очередную ложь»⁵⁰³.

Конечно, греческий архимандрит мог сколько угодно «приходить в ужас» и заявлять, что иеромонаха Софрония он не знает и не помнит, был ли он у него (не исключено, что и впрямь подзабыл: по свидетельству М. Е. Губонина, Димопуло «всегда казался несколько “под мухой” или, выражаясь деликатнее, — “а бон кураж”»⁵⁰⁴). Но факт оставался фактом: документ за № 1018 от 23 декабря 1927 г. с собственноручной подписью и печатью он иеромонаху Софронию выдал, а тот успел его показать достаточному числу лиц и снять с него копии. В результате архимандриту Василию пришлось писать еще одно «опровержение», которое было опубликовано в следующем номере раскольнического «Вестника»: «В силу того смущения, какое производит на верующих документ от 23 декабря 1927 года за № 1018, выданный на имя иеромонаха Софрония Несмеянова, а также ввиду того, что в настоящее время, к моему большому прискорбию и удивлению, до меня дошли сведения, что эту бумагу он имеет наглость употреблять как орудие пропаганды для смущения верующих, причем он еще распространяет различные провокационные слухи и сведения, не имеющие никакого основания, говоря, что я состою в Синоде Митроп[олита] Сергия Нижегородского, что вся Вселенская патриархия признает лишь его и отмежевывается от других ориентаций и т. п., — имею заявить, что означенный документ следует считать не действительным» (разрядка в публикации. — *свщ. А. М.*).

Следует заметить, что, вопреки первоначальному заявлению обновленцев о *подложности* документов, распространяемых иеромонахом Софронием, Димопуло не опровергал самого факта выдачи им грамоты от 23 декабря и лишь впредь объявлял ее *недействительной*. Далее он разъяснял, какова же на самом деле позиция Фанара: «В силу грамот Вселенского Патриарха от 7 декабря 1927 года за № 3348 только Совместный Собор, с обязательным участием обеих по-

⁵⁰³ Голос Вселенского Патриарха о современном положении Православной Церкви в СССР // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 2 (25). С. 13.

⁵⁰⁴ Губонин М. Е. «Кифа». С. 329.

ловин Православной Церкви в СССР, правомочен выяснить разделяющие ту и другую половину Православной Церкви разногласия (в частности, и вопрос о женатом епископате). До означенного же соборного решения никакие осуждения с той и другой стороны не должны иметь места, как препятствующие умиротворению Церкви и способствующие углублению происшедшего разделения, — что решительно осуждается Вселенским Патриархом»⁵⁰⁵. Как видно, для «умиротворителя» Димопуло и вопрос о женатом «епископате» был вполне решаемым, про свои же слова о том, что «Вселенская Константинопольская Патриархия не может признавать и никогда не признавала женатый епископат и второбрачие духовенства», он с легкостью забывал (равно как и про соответствующие каноны Православной Церкви). Обрадованный раскольнический лжесинод циркуляром от 10 марта 1928 г. разослал новое «опровержение» Димопуло всем своим епархиальным управлениям для объявления духовенству и приходским советам⁵⁰⁶. Можно даже удивиться тому, сколько переполоха произвел у обновленцев всего лишь один сельский священник.

Перед своим арестом неутомимый иеромонах Софроний успел предпринять еще одну попытку выяснить правду об отношении Константинополя к раскольникам-обновленцам, о чем он также дал показания на допросе 15 февраля: «После того как из обновленческого Синода... пришла бумага, в которой указывалось, что полученные мною документы подложны, то я решил эти документы проверить и решил написать заявление Константинопольскому Патриарху Василию III с просьбой подтвердить полученные мною грамоты и заявление Димопуло. Я написал заявление, приложил к нему все полученные мною документы, но не в подлинниках, а в копиях, и послал. <...> Ответ на мое заявление я не получил»⁵⁰⁷. В ответ на обвинение в изготовлении подложных документов иеромонах Софроний написал 12 апреля саратовскому уполномоченному ОГПУ объяснительную записку: «Проверить подлинность документа можно путем сличения подписи Димопуллы (так. — *свящ. А. М.*) и печати. Если факт отречения Димопуллы от выдачи этого документа подтвердится и если подлинность этого документа станет несомненной, то авторитет Димопуллы в сане архимандрита в глазах не только всех священнослужителей, но и всех верующих всей вселенской церкви теряет доверие и колеблет веру в Бога»⁵⁰⁸.

Веры в Бога иеромонах Софроний из-за лукавства спасавшего свой чердак «Димопуллы», конечно же, не потерял, но доверие к представителям Фанара у русских православных людей было подорвано очень сильно и надолго. Проведя полгода в заключении, иеромонах Софроний получил 17 августа 1928 г. от Особого совещания при Коллегии ОГПУ неожиданно мягкий приговор: «НЕСМЕЯ-

⁵⁰⁵ Часть официальная // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 3–4 (26–27). С. 2.

⁵⁰⁶ См.: Там же.

⁵⁰⁷ Архив УФСБ РФ по Саратовской обл. Д. ОФ-13011. Л. 25.

⁵⁰⁸ Там же. Л. 42.

НОВА Сафрония (так. — *святц. А. М.*) Харитоновича из-под стражи ОСВОБОДИТЬ, зачтя в наказание срок предварительного заключения»⁵⁰⁹. Видимо, в ОГПУ все же поняли, что документ с печатью и за подписью представителя Константинопольского Патриарха был вполне подлинным, даже если сам архимандрит Василий и объявил его затем недействительным. Однако обновленцы с Димопуло старались не напрасно: в 1930 г. иеромонах Софроний был повторно арестован и сослан на три года в Северный край. В 1937 г. преподобномученик Софроний был расстрелян и ныне причислен к лику святых⁵¹⁰. Конечно, неудачная попытка деревенского иеромонаха найти правду у греков сама по себе весьма показательна. Можно заключить, что раскольники-обновленцы в то время Фанару определенно были ближе, чем такие правдоискатели. Московский лжеинод торжествовал по поводу очередного успеха на греческом направлении, а Димопуло сохранил за собой чердак и хранимое там «ценное имущество».

Неплохо шли в конце 1920-х гг. международные дела и у обновленцев украинских. На Рождество 1927/1928 гг. они собрали даже больший урожай поздравлений, чем их московские коллеги. Помимо Патриархов Василия и Дамиана «Высокопреосвященного Митрополита Харьковского и всея Украины» Пимена (Пегова) поздравили архиепископ Афинский и всея Эллады Хризостом и председатель Синода Болгарской Церкви митрополит Пловдивский Максим⁵¹¹. В марте 1928 г. Патриарх Дамиан направил «любезнейшему брату Кир Пимену» еще одно письмо: по форме благодарность, а по сути напоминание про «обязательное постановление о том, чтобы в приближающуюся неделю Ваий во всех св. храмах был произведен сбор на Пресвятой Гроб и на нужды Св. Сионской Церкви»⁵¹². Тому, с какой «простотой» Иерусалимский Патриарх выпрашивал деньги, можно только изумляться. Как результат, однако, на лже-соборе украинских обновленцев «епископ Херсонский» Иосиф (Ясковский) в докладе «О сношениях с Православным Востоком» мог похвалиться, что «к настоящему времени, путем общительных приветственных грамот, Укр[аинской] Пр[авославной] Церковью установлена связь с блаженнейшими главами православных церквей вселенной, кроме Александрийской, Антиохийской, Сербской, Румынской и Кипрской»⁵¹³.

⁵⁰⁹ Архив УФСБ РФ по Саратовской обл. Д. ОФ-13011. Л. 49.

⁵¹⁰ Подробнее о нем см.: *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 3. Тверь, 1999. С. 275–294.

⁵¹¹ См.: Ответные письма Вселенского и Иерусалимского патриархов и др. Предстоятелей Св. Автокефальных Церквей // Украинський православний благовісник. 1928. 15 янв. № 2. С. 15.

⁵¹² Письмо патр. Дамиана на имя м. Пимена // Украинський православний благовісник. 1928. 15 марта. № 6. С. 69.

⁵¹³ Деяния III-го Поместного Священного Собора Украинской Православной Автокефальной Церкви // Украинський православний благовісник. 1928. 16–31 июля. № 15–16. С. 178.

На Пасху 1928 г. московские и харьковские раскольники вновь обменялись с греками теплыми поздравительными посланиями. Патриарх Василий писал: «Достопочтеннейший Митрополит Московский, во Святом Духе возлюбленный брат и сослужитель нашей мерности, Кир-Вениамин, Председатель Священного Синода Церкви Российской <...>. С удовольствием мы получили письмо Вашего Высокопреосвященства к празднику Пасхи. <...> Особенную радость почувствовали мы, узнав о том, что Вы пишете и удостоверяете относительно сердечного и искреннего одобрения с Вашей стороны и находящихся с Вами нашего призыва к общей, совместной деятельности для восстановления единства». Патриарх Василий в очередной раз выражал надежду, что в Русской Церкви, «столько уже пострадавшей от разделения», «будет скоро достигнуто спасительное объединение и исправление дел»⁵¹⁴.

Обменяться такими же сердечными письмами с Московской Патриархией Патриарху Василию не удалось. По-видимому, именно к этому моменту относится эпизод, описанный митрополитом Литовским Елевферием (Богоявленским) в книге «Неделя в Патриархии»: «Приснопамятный, недавно умерший, Константинопольский Патриарх Василий, приветствуя митрополита Сергия с праздником св. Пасхи, прислал такое же приветствие и живоцерковному митрополиту Вениамину, именуя его Московским. Представитель Константинопольской Патриархии явился к митрополиту Сергию с вопросом, не будет ли ответа, и предложил свои услуги к переводу его. Митрополит Сергей ответил: Его Святейшеству известно, что титул “Московского” принадлежит только Всероссийскому Патриарху и Патриархия не знает никакого Московского митрополита. А если Его Святейшество наравне с каноническим Заместителем признает еще какого-то “Московского” митрополита, то какой же может быть от меня ответ?»⁵¹⁵

Свое пасхальное послание «возлюбленному Кир-Вениамину» направил и Патриарх Дамиан. «И ныне в сердечной радости мы пришли мысленно из Святого Иерусалима посетить Ваше Высокопреосвященство и дать Вам братское лобзание во Христе»⁵¹⁶, — высокопарно вешал Патриарх Дамиан, не забывая, надо полагать, и об обещанном ему обновленцами ежегодном в Неделю Ваий сборе «в пользу Гроба Господня». Обновленцы, однако, в своем «Вестнике» про этот сбор уже не вспомнили, им денег не хватало самим.

На состоявшемся в мае 1928 г. «III Поместном Священном Соборе Украинской Православной Автокефальной Церкви» гостей из-за границы не было, но

⁵¹⁴ Приветственная грамота Вселенского Патриарха по случаю праздника Св. Пасхи // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 5 (28). С. 2.

⁵¹⁵ *Елевферий (Богоявленский), митр.* Неделя в Патриархии: (Впечатления и наблюдения от поездки в Москву) // Из истории Христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 261.

⁵¹⁶ Приветственная грамота Иерусалимского Патриарха к празднику Св. Пасхи // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 5 (28). С. 2.

в качестве своего рода компенсации Димопуло почтил его своим присутствием лично (в отличие от московских харьковские обновленцы разрешение на свой очередной лжесобор от власти получили). Важный грек прибыл в собрание не к началу, а на второй день, 7 мая, «и был приветствован Президиумом и всем Собором вставанием, после чего он занял место среди членов Президиума Собора»⁵¹⁷. Большой чести, наверное, был бы удостоен только сам Вселенский Патриарх. По предложению своего председателя лжемитрополита Пимена обрadowанные «соборяне» направили Патриарху Василию телеграмму: «Священный Собор Украинской Православной церкви впервые после XVII века имеет в своей среде Вашего Представителя Архимандрита Василия. Сей живой связи [с] Востоком трепетно радуется, утешается улучшением Вашего здоровья. Соборным разумом вновь исповедует решимость хранить верность Вселенскому Православию»⁵¹⁸.

Докладчик по вопросу о международных сношениях УПАЦ «епископ» Иосиф (Ясковский) заявил: «Приступая к любому вопросу своей повестки, настоящий Свящ. Собор убеждается, что успешное рассмотрение и разрешение его находится в зависимости от наличия и характера наших сношений с Прав[ославным] Востоком. Это справедливо и в вопросе об изжитии церк[овной] розни, где авторитет исторического Судьи православных всего мира — Вселенского Патриарха — только и может [быть] наиболее действенным средством»⁵¹⁹. К присутствовавшему Димопуло Ясковский обратился с призывом: «Засвидетельствуйте перед своим Кириархом нашу надежду видеть Украинскую церковь примиренную при посредстве его высокого авторитета и Автокефалию Украинской Православной Церкви ради тех же целей охранения православия в нашей стране им официально признанную». Архимандрит Василий ответил лаконично: «Очень благодарен». Далее, как сказано в журнальном отчете, «Священный Собор одушевленно поет “Многая лета”» и затем через три строчки снова: «Священный Собор одушевленно поет “Многая лета”». Проникнувшись таким «одушевлением» Димопуло «с подъемом произносит: “Покорно благодарю Ваше Высокопреосвященство (Пимена Пегова. — *свящ. А. М.*) за честь, оказанную мне приглашением на сей Священный Собор. Рад слышать засвидетельствование верности православию Украинской Церкви и ее стремления к упрочению связи с церковью Вселенской. От имени моего Кириарха Всесвятейшего Патриарха Василия передаю благословение Его Всесвятейшества Священному Собору Украинской Православной Церкви и всем ее архипастырям, пастырям и мирянам, с молитвенным пожеланием постоянного преуспеяния”. Высокопреосв[ященный] Митрополит Пимен и Архимандрит Ва-

⁵¹⁷ Деяния III-го Поместного Священного Собора Украинской Православной Автокефальной Церкви // Український православний благовісник. 1928. 15 мая. № 10. С. 129.

⁵¹⁸ Там же. С. 131.

⁵¹⁹ Деяния III-го Поместного Священного Собора Украинской Православной Автокефальной Церкви // Український православний благовісник. 1928. 16–31 июля. № 15–16. С. 178.

силий обмениваются поклонами»⁵²⁰. Спектакль с поклонами и несмолкаемыми многолетиями под названием «III Поместный Собор УПАЦ» стал последним масштабным мероприятием обновленцев в СССР. Политика советской власти ужесточалась, и даже «красные попы» не могли этого не почувствовать.

Любезной переписке обновленцев с Фанаром, однако, большевистские гонения до поры до времени не препятствовали. 14 июня 1928 г. Патриарх Василий направил Вениамину (Муратовскому) и его лжесиноду письмо (на этот раз по поводу своего исцеления после болезни) с благодарностями за «исполненные любви молитвы». «Да дарует Господь Вашему маститому Высокопреосвященству и прочим возлюбленным членам Синода здравие и да укрепит и приведет к благополучному результату священное пастырское дело и боголюбивые стремления Ваши к миру и единству святой братской церкви Российской, — источал свои благопожелания раскольникам Василий III. — Возлюбленные, Наш дух и сердце всегда обращены к вам»⁵²¹.

Переписка митрополита Сергия с Патриархом Василием также продолжалась, хотя, разумеется, без таких дифирамбов. Так, 28 октября 1928 г. Заместитель Местоблюстителя дал ответ на запрос из Константинополя по поводу времени празднования Пасхи в предстоящем году. Пересказ этого письма Нижегородского митрополита был помещен в стамбульской «Ортодоксии» вместе с ответами «митрополита Харьковского и всей Украины» Пимена от 18 октября и «митрополита Белорусского» Даниила от 28 сентября⁵²² (последний, по фамилии Громовенко, — еще одно женатое обновленческое «светило» из сибирских лжearхиреев). 6 апреля 1929 г. митрополит Сергей направил Патриарху Василию ответ на его письмо, обращенное ко всем Поместным Церквам, по поводу самочинно провозглашенной албанской автокефалии. В отличие от Фанара, который охотно поддерживал разного рода отделенцев от Русской Церкви (например, польских) и вообще делал все для ее ослабления, митрополит Сергей пользоваться трудностями греков не стал и албанских раскольников-националистов осудил. «Пока Албанская автокефалия не будет должным порядком признана Вселенским Патриархом, <...> запрещенные за самочиние албанцы остаются под запрещением и все... находящиеся с ними в общении молитвенном будут раскольниками, отлученными от церкви Христовой», — писал Заместитель Местоблюстителя⁵²³. «Это заявление иерархов Русской Православной Церкви весьма характерно, так как оно показывает пример объективного

⁵²⁰ Деяния III-го Поместного Священного Собора Украинской Православной Автокефальной Церкви // Український православний благовісник. 1928. 16–31 июля. № 15–16. С. 179.

⁵²¹ Письмо Вселенского Патриарха Василия III на имя председателя Священного Синода Православных Церквей в СССР митрополита Вениамина // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 7 (30). С. 1.

⁵²² См.: Τὸ Πασχάλιον // Ὁρθοδοξία. 1929. Σ. 140–143.

⁵²³ Ὁρθοδοξία. 1929. Σ. 267–269; Скупат К. Е. Албанская Православная Церковь // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 467.

отношения нашей Святой Церкви к историческим церковным событиям даже в то время, когда Константинополь допустил и продолжал допускать целый ряд антиканонических действий по отношению к русским церковным самочинникам как в пределах Советского Союза, так и (особенно) за рубежом», — прокомментировал документ профессор К. Е. Скурат⁵²⁴. Православная Москва вела себя по отношению к Константинополю несравнимо благороднее, чем он по отношению к ней.

Архимандрит Василий тем временем продолжал исполнять свои представительские обязанности. На Фанар он посылал не только отчеты о состоянии церковных дел в России, но и регулярные просьбы о повышении выплачиваемого ему Патриархией пособия. Стамбульский Синод рассматривал этот вопрос в марте 1928 г., затем в марте 1929 г., постановив в итоге увеличить Димопуло ежемесячное жалование с десяти до тринадцати английских фунтов⁵²⁵. Какие переживания приходилось претерпевать страждущему греческому архимандриту, хорошо иллюстрирует его письмо в Ватопедский монастырь от 5 февраля 1928 г.: «Ситуация здесь с каждым днем становится все хуже и хуже, особенно в том, что касается важнейших предметов самообеспечения. Известный коммунист Т... (Троцкий, надо догадываться. — *свящ. А. М.*) заявил, что жители Москвы будут бегать с утра до вечера, чтобы поймать себе хотя бы одну мышку для еды. Слова этого коммуниста Т... начинают сбываться в повседневной жизни, вплоть до того, что на улицах Москвы можно увидеть, как 500—1000 человек стоят в разные магазины, чтобы купить 10 фунтов муки, 5 фунтов подсолнечного масла и кусок мыла для стирки белья. По причине того что все это стало ощущаться и отягощать Вашего покорного слугу, прошу уважаемую Епитропию оказать благосклонность и распорядиться об отправке следующих продуктов: 1) два жестяных бака масла хорошего качества для еды, 2) бак маслин, 3) один бурдючный сыр, 4) осьминогов 15—20 ок (ока — турецкая мера веса, равная примерно 1250 граммам. — *свящ. А. М.*), 5) лимоны, апельсины и все, что еще усмотрит Ваше Высокопреподобие. Все вышеописанное отправьте парохомом через Салоники российским рейсом в Одессу на адрес местного Греческого Посольства и на имя Греческого Посла Господина И. Пануриаса, потому что мы не желаем платить ни копейки за таможенную и прочие расходы за перевозку. Полагаю, что наша святая обитель имеет на складах все указанные продукты, и уверен, что не потребуются потратить никаких дополнительных средств на их приобретение, кроме расходов на доставку, которые являются пустяковыми»⁵²⁶. Афонская обитель вошла в положение бедствующего на севере земляка и выслала ему посылку с греческой едой, но архимандрита Василия постигло новое разочарование, о чем он написал в Ватопед 25 апреля 1928 г.:

⁵²⁴ Скурат К. Е. История Поместных Православных Церквей: В 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 130.

⁵²⁵ *Καλαϊτῆς Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμηνικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 654.

⁵²⁶ Αὐτόθι. Σ. 652—653.

«Довожу до сведения Вашего любезного мне Высокопреподобия, что из тех продуктов, которые Ваше Высокопреподобие соблаговолили прислать Вашему покорному слуге, получены на одесской таможе только масло и маслины, в то время как осьминоги и сыр, как сообщил мне вчера Его Превосходительство Посол Греции Господин И. Пануриас, получены не были. В чем дело, не знаю, если только Ваше Высокопреподобие соблаговолит выяснить, почему не получены сыр и осьминоги»⁵²⁷.

В мечтах об осьминогах из Ватопеда и чаяниях повышения пособия от Фанара Димопуло не забывал и о борьбе за московскую жилплощадь. 10 июля 1928 г. он направил в Секретариат ВЦИК очередную бумагу, в которой писал: «Мною получено из Константинополя от Начальника Патриаршей Канцелярии г. Христо Папаиоанну официальное письмо, в коем я поставляюсь в известность, что Вселенский Константинопольский Патриарх Василий III обратился к прочим Восточным Патриархам с запросом, согласны ли они принять участие в организуемой при Вселенской Патриархии Комиссии, которая должна была выехать в Москву для обследования положения церковных дел, согласно приглашения Священного Синода и других православных обществ. Все Патриархии выразили свое согласие по данному вопросу. Решено, что комиссия от Вселенской Патриархии, в составе 3–4 человек, явится ранее других для предварительного ознакомления по интересующим их вопросам. Таким образом, следует ожидать прибытия Комиссии из Константинополя. Остановиться и проживать во время своего пребывания в Москве Комиссия предполагает у Представителя Константинопольского Патриархата». Далее, по обыкновению, Димопуло писал о трех комнатах, занимаемых гражданином Нестеровым, чтобы ему их вернули и дали сделать в них ремонт, сообщая при этом как бы между прочим, что «Вселенской Патриархии не был известен факт временного занятия части квартиры Представительства»⁵²⁸.

Складывается впечатление, что вся интрига с приездом комиссии поддерживалась архимандритом Василием уже едва ли не с единственной целью — вернуть вожделенные комнаты. Его руководители при этом преследовали, конечно, более глобальные цели. Поражает сам подход греков к русским делам: Фанар собирался отправить в Москву свою комиссию и запрашивал о согласии другие Патриархии, но Восточные, а не Московскую, словно бы ее это и не касалось. Можно представить реакцию фанариотов, если бы Московская Патриархия, с согласия, например, Сербской, решила бы в свою очередь отправить комиссию в Стамбул «для обследования положения церковных дел» по приглашению какой-нибудь «Турецкой Православной Церкви». Такое демонстративное унижение Фанаром крупнейшей Поместной Церкви ничего хорошего для церковного единства дать не могло.

⁵²⁷ *Καλαϊτῆς Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἴκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχῃ. Σ. 653.

⁵²⁸ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 503–504.

А Димопуло продолжал биться за комнаты. Через десять дней, 20 июля, он снова обратился к Смидовичу во ВЦИК (можно представить, как он там всем надоел), сообщая, что «в настоящем стесненном положении лица, обслуживающие Представительство, принуждены спать на полу в кухне, и секретарская часть лишена возможности работать». «Не оставляю надежды на то, что моя просьба как Представителя почти всех Восточных Патриархов (ныне и Александрийского, за № протокола 1249 от 2/15 — VII с. г.), немало способствовавшего своими докладами к рассеянию лжи и клеветы в отношении к СССР в духовном мире ближнего Востока, не будет оставлена Вами без внимания, и площадь, закрепленная грамотой ЦИК СССР за Представительством Вселенского Патриархата, останется по-прежнему за ним»⁵²⁹. Еще через три дня, 23 июля, видимо, чтобы окончательно сломить Смидовича напором бумаг, к нему обратился обновленческий «Священный Синод» с просьбой «оказать свое содействие» архимандриту Василию и тем самым устранить «повод к жалобам со стороны Представительства, что лица, обслуживающие Представительство, не имеют достаточного помещения и что Секретарская часть крайне стеснена в своих работах»⁵³⁰. В свою очередь, председатель управления дома в Крапивенском переулке разъяснил Смидовичу в письме от 12 июля, что «при наличии жилищного кризиса... поп занимает один 8 комнат»⁵³¹ (видимо, это с учетом чердачного и других помещений). Разумеется, сочувствия такому явлению советские работники проявлять не могли. Резолюция Смидовича гласила: «Орл[еанскому] съездить на место и сгавариться (так. — *свящ. А. М.*) с Димопуло о достаточности остающейся площади»⁵³². Орлеанский «сгаварился» с Димопуло так, что, хотя гражданин Нестеров и выехал, к греку вместо него тут же подселили другого соседа по фамилии Полозков. Грек был обижен, но приходилось терпеть и продолжать работать на раскольников дальше.

Интересно заметить, что, упирая в переписке с ВЦИК на то, что он теперь еще и официальный представитель Александрийского Патриарха, архимандрит Василий почему-то не спешил уведомить об этом Московскую Патриархию. Лишь только в марте 1932 г. он сообщил митрополиту Сергию: «Имею честь довести до сведения вашего высокопреосвященства, что его Святейшество Александрийский патриарх Мелетий уполномочил меня быть своим представителем в СССР по всем церковным делам, касающимся Александрийского Патриаршего трона, что засвидетельствовано в высших советских органах». Временный Патриарший Синод при митрополите Сергии вынес по этому поводу краткое постановление: «Означенное отношение представителя Вселен-

⁵²⁹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 505 об. — 506.

⁵³⁰ Там же. Л. 501.

⁵³¹ Там же. Л. 502.

⁵³² Там же. Л. 501.

ского Патриарха принять к сведению»⁵³³. Ничего хорошего от Димопуло как от представителя еще и Александрии ожидать Русской Церкви не приходилось.

1 октября 1928 г. в Москве открылся очередной обновленческий пленум. Как обычно, архимандрит Василий почтил его своим присутствием. В опубликованном в официальном печатном органе раскольников списке участников пленума он был указан вторым: между «митрополитами» Вениамином и Пименом — председателями, соответственно, московского и харьковского лжесинодов. В отчете о выступлении Вениамина (Муратовского) на открытии пленума дежурно сообщалось: «[Он] выражает радость, что Св. Синод находится в неразрывном общении со всеми восточными патриархами. Вселенский патриарх Василий, как известно, принимает особенно близкое участие в работах Священного Синода»⁵³⁴. Звучало так, как будто бы Василий III лично регулярно навещался в Москву пообщаться с Муратовским, Введенским и компанией. Впрочем, такой необходимости, благодаря Димопуло, у него не было, тот вполне с этим справлялся сам. Архимандрит Василий приветствовал пленум на греческом языке (хотя вполне мог говорить и по-русски, благо большую часть жизни он прожил в России и, когда ему было надо, в письмах во ВЦИК, например, пользовался русским свободно), после чего «Синод» по предложению председателя пропел многолетие Патриарху Василию и его представителю⁵³⁵. Видно, говорить архимандриту Василию было уже особо нечего, требовалось лишь отметить. Вообще, всё существенное всеми сторонами было уже высказано и выражено, оставалось лишь по инерции повторять ставшие привычными слова и действия.

Повторением ритуальных фраз наполнялись и выдыхавшиеся содержательно обновленческие издания. Так, половина первого (сдвоенного) номера «Вестника Синода» за 1929 г. была отведена под агитационную статью свердловского протоиерея Иоанна Уфимцева «Совет ищущего спасения», в которой на двенадцати страницах воспроизводились все уже неоднократно изложенные обновленцами аргументы. «Мы веру свою получили от Константинопольской церкви греческой, а потому ту церковь научены считать матерью русской церкви; хранить единство с Константинопольскою церковью считаем своим сыновним долгом, уповая, что через единство с этою церковью мы находимся в единстве и со всеми прочими церквями, входящими в состав Вселенской Православной Церкви». На таком заведомо ложном (поскольку истории известны далеко не единичные случаи отпадения Константинопольских епископов от Православия), но ситуативно устраивавшем обновленцев псевдодогматическом основании Уфимцев выстраивал всю свою последующую аргументацию.

⁵³³ Постановления Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при Нем Патриаршего Синода // Журнал Московской Патриархии. 1932. № 11–12. С. 4.

⁵³⁴ Протокол № 1 заседания Расширенного Пленума Священного Синода от 1 октября 1928 года // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 10 (33). С. 5.

⁵³⁵ См.: Там же. С. 6.

«Патриархи Восточные находятся сейчас в таком же отношении к староцерковнической части РПЦ, в каком находимся и мы — православные обновленцы: они, как и мы, молятся о примирении враждующих, они, как и мы, усиленно — устно и письменно — зовут их к миру и единению как между собой, так и со Вселенскою церковью. <...> Нет общения у староцерковников с Восточной церковью. <...> Факт письменных сношений налицо, а единения, между тем, нет у м[итрополита] Сергия со Вселенским патриархом, они не связаны между собою евхаристическим общением». Наличие же такового общения у обновленцев Уфимцев доказывал присутствием восточных представителей «на последнем Поместном Соборе 1925 г.», а также грамотой к лжесобору самого Патриарха Василия со словами «душой с вами» (о том, что другой Патриарх — Антиохийский — это сборище анафематствовал, раскольнический апологет, разумеется, умалчивал). Затем с таким же упоением автор обыгрывал сюжет с грамотой обновленческому «Синоду» со стороны Иерусалимского Патриарха. «Кто слушает патриархов и от них освящаемых и посылаемых, — пафосно заканчивал Уфимцев, намекая, очевидно, на Димопуло, — Христа слушает, а кто отмечается их, самого Христа Бога отмечается той»⁵³⁶.

Следующий номер обновленческого «Вестника» открывался дежурными поздравлениями с прошедшим Рождеством Христовым. «Ваше превозделнейшее Высокопреосвященство святым лобзанием целуя, с удовольствием приветствуем», — гласила грамота от имени Патриарха Иерусалимского Дамиана «митрополиту Московскому Кир Вениамину»⁵³⁷. Далее следовала телеграмма от Грузинского Патриарха Христофора: «Братскою любовью взаимно приветствую ваше Высокопреосвященство и Священный Синод»⁵³⁸. Затем было опубликовано поздравление уже от самого лжесинода Патриарху Василию. «Священный Синод с великим утешением и назиданием взирает на высокий пример Вашего Всесвятейшества и приемлет с радостью и послушанием наставления и увещания Вашего Всесвятейшества в духе истинного Вселенского Православия, — в очередной раз клялись в верности раскольники Василию III. — В этом именно направлении церковной жизни и деятельности... Священный Синод и полагает основную цель особенно необходимого в наши дни обновления церковного и счастлив, находя в отеческих указаниях Вашего Всесвятейшества полное подтверждение правильности избранного и последовательно осуществляемого Священным Синодом подлинно церковного пути. <...> Священный Синод питает надежду, что и на будущее время он не будет

⁵³⁶ Уфимцев И., *прот.* Совет ищущего спасения // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1929. № 1–2 (34–35). С. 4–15.

⁵³⁷ Поздравительная грамота Патриарха Иерусалимского Дамиана с праздником Рождества Христова // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1929. № 3–4 (36–37). С. 1.

⁵³⁸ Там же.

забыт мудрыми советами и мощною моральною поддержкою со стороны Вашего Всесвятейшества»⁵³⁹.

Свои надежды продолжал питать и архимандрит Василий — на то, что с помощью обновленцев он сможет-таки поправить свои квартирные дела. 14 января 1929 г. он, по сложившейся традиции, устроил по случаю именин Константинопольского Патриарха и своих собственных прием, на котором присутствовали все члены президиума раскольнического лжесинода, а заодно и полпред Греции в СССР И. Пануриас. Разумеется, Димопуло не преминул, пользуясь случаем, воочию продемонстрировать, в каких «невыносимых» условиях ему приходится жить, чем произвел впечатление на греческого посланника. Тот сначала устно обратился к присутствовавшему Александру Введенскому с просьбой оказать содействие архимандриту Василию, а затем 23 января написал ему же письмо по-французски (другие члены обновленческого «Синода», видимо, не так хорошо владели французским), в котором указал, что «условия, которые создались вселением в его (Димопуло. — *свящ. А. М.*) помещение посторонних лиц, ...нарушают престиж ВСЕЛЕНСКОГО ПАТРИАРХА». Заканчивал свое письмо Введенскому Пануриас следующими словами: «В надежде, что Вы основательно займетесь этим делом <...>. Благоволите, Ваше Высокопреосвященство, принять уверения в моем глубоком почтении»⁵⁴⁰. Интересно мыслит православный вроде бы посол: общение с обновленческой лжецерковью не нарушало престиж Вселенского Патриарха, а вселение посторонних лиц в квартиру его представителя в Москве нарушало.

Обращение греческого полпреда, конечно, весьма польстило Введенскому и другим обновленческим вождям. Откликаясь на него, они 8 февраля 1929 г. составили свое ходатайство во ВЦИК, в котором подробно описали разговор с послом на квартире Димопуло и его просьбу, приложив и само его письмо Введенскому на французском языке и в переводе на русский. «В виде одного из главных аргументов... Посол указывал на то, что достигнутые в САСШ успехи по признанию Митрополита Иоанна Кедровского обновленческой ориентации главою Российской Американской Миссии, а в связи с этим по признанию его прав на все имущество Православной Русской Миссии, обязано главным образом засвидетельствованию пред Правительством САСШ со стороны Константинопольского Патриарха о том, что он, Вселенский Патриарх, находится в каноническом общении со Священным Синодом Православных Церквей в СССР». Можно понять недоумение греческого посла: русское церковное имущество в Америке, доставшееся благодаря Фанару раскольникам, стоило неизмеримо больше, чем какие-то три комнаты, да и вообще весь дом № 4 в Крапивенском переулке. «Посол при этом добавил, что сам он лишен возможности

⁵³⁹ Приветствие Свящ. Синода Вселенскому Патриарху с праздником Рождества Христова // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1929. № 3–4 (36–37). С. 2.

⁵⁴⁰ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 499.

обратиться к Правительству СССР с официальной просьбой по интересующему его означенному вопросу только потому, что архимандрит Василий не греческий, но турецкий подданный»⁵⁴¹. Забегая немного вперед, можно заметить, что в октябре 1932 г. Димопуло направил на Фанар телеграмму, в которой просил ходатайствовать о выходе его из турецкого подданства для принятия греческого гражданства⁵⁴². Получи бы он его раньше, послу Греции в Москве не пришлось бы испытывать неудобства и искать посредников для своего ходатайства перед советским правительством за него.

Тем не менее посредники (обновленцы) свое дело в очередной раз сделали, и архимандрит Василий, в свою очередь, не остался неблагодарным. Письмо раскольнического лжесинода во ВЦИК он сполна отработал в ближайшие же четыре дня. Как он это сделал, читатель мог узнать из раздела «Хроника церковной жизни» в майско-июньском номере обновленческого «Вестника» за 1929 г.: «С 9 по 12 февраля н. г. впервые за новый синодальный период г. Ленинград посетил Представитель Вселенского Патриарха Архимандрит Василий Димопуло совместно с Секретарем Священного Синода профессором С. М. Зариным. По докладу ЛЕУ (Ленинградского епархиального управления. — *свящ. А. М.*), Архимандрит Василий участием в богослужениях в центральных храмах Ленинграда привлек массу верующего народа, а его открытое неоднократное и энергично высказанное одобрение всей обновительной церковной деятельности синодальных работников произвело неотразимое впечатление на массы. Особенно были знаменательны его слова, сказанные... при прощании с Ленинградскими деятелями. Стоя на епископском амвоне, в окружении множества народа, архимандрит Василий твердо и решительно заявил следующее: “Я, а через меня и все Восточные патриархи, знаем стремление Церкви Православной, руководимой Священным Синодом в СССР, к миру и единению со всеми. Противники — это «раздорники», которые сеют смуту в Церкви, и им придется отвечать за это пред Собором, подготовка к которому идет во всех православных Церквях”»⁵⁴³. Так-то должны были аукнуться «староцерковникам» на «Вселенском Соборе» квартирные страдания константинопольского представителя в Москве, за которого кроме как «Священному Синоду Православных Церквей в СССР» и заступиться было некому! Димопуло не знал, что старался в Ленинграде он напрасно, решить квартирную проблему ему это не помогло. 15 марта 1929 г. на ходатайстве «Священного Синода» во ВЦИК с письмом греческого посла Смидовичем была наложена короткая резолюция: «Дело конченное»⁵⁴⁴.

В ожидании возвращения комнат архимандрит Василий надеялся утешиться хотя бы родной гастрономией и 21 апреля 1929 г. вновь обратился в Ватопед

⁵⁴¹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 499–499 об.

⁵⁴² См.: *Καλαίτηζης Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουµενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 656.

⁵⁴³ Хроника церковной жизни // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1929. № 5–6 (38–39). С. 19.

⁵⁴⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 499.

с просьбой прислать три канистры хорошего масла, банку маслин, упаковку сыра и килограмм пятнадцать осьминогов. Димопуло настаивал на том, чтобы везде было указано, что данные продукты предназначены исключительно для посольства в Москве, которому никакая власть не вправе чинить препятствий. Но беда обрушивалась на архимандрита Василия за бедой: моллюски опять не дошли. 29 июня 1929 г. в очередном письме в Ватопед он напомнил о своей просьбе прислать «немного масла, маслин, сыра и немного осьминогов» и подчеркнул: «Эти продукты следует отправить напрямую в местное Греческое Посольство, а не на мое имя, чтобы мы могли избежать таможенного сбора. Я просил эти продукты не для себя исключительно, но больше для местного нашего Посла г. Пануриаса, который очень любит эти продукты, а я через это хочу, чтобы он был благосклонно расположен для получения и отправки в Ватопед других священных предметов, предназначенных для священной моей обители»⁵⁴⁵. Однако никакие ухищрения не помогли провезти головоногих через бдительную одесскую таможеню. В письме на Афон от 9 июля 1929 г. архимандрит Василий благодарил за присланные масло и маслины и снова выражал негодование свое личное и посла по поводу не пропущенных одесситами сыра и осьминогов⁵⁴⁶.

Тем временем ободренные угрозой Димопуло в адрес «раздорников» обновленцы предавались фантазиям, как на «Вселенском Соборе» должны быть поставлены вопросы «о клириках у староцерковников», а именно о епископах и пресвитерах, рукоположенных «б. патриархом Тихоном после собора 1923 года», и «о клириках, над которыми было совершено кощунственное перерукоположение». В отношении первых, как полагали раскольники, «Вселенский Собор» может рассудить «на основании соображений и требований любви христианской». Что же касается перерукоположенных и перерукополагавших, то, по мысли обновленцев, «и Вселенская Церковь, и Вселенский Собор будут строго судить эту беспримерную в истории Церкви месть со стороны староцерковников: снисхождения им оказано не будет». «Пусть узнают о их деяниях Восточные патриархи и осудят их своим авторитетом», — взывали обновленцы, не забывавшие при этом везде, где можно, заявлять о своем «миролюбии»⁵⁴⁷.

Непризнание Патриаршей Церковью их священнодействий страшно возмущало раскольников, и управу на «тихоновцев» в этом вопросе они надеялись получить именно со стороны Константинопольской Патриархии. «До самого последнего времени, — жаловался С. М. Зарин в докладе Фанару в 1930 г., — патриарший синод, во главе с митрополитом Нижегородским Сергием, в борьбе с обновленчеством не стесняется принимать меры, диктуемые далеко не вы-

⁵⁴⁵ *Καλαϊτζής Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 654—655.

⁵⁴⁶ *Αὐτόθι.* Σ. 655.

⁵⁴⁷ Староцерковники и обновленцы. (Самая новейшая характеристика их взаимоотношений) // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1929. № 9—12 (42—45). С. 3—4.

сокими чувствами озлобления и желания одержать над церковным противником победу во что бы то ни стало. Вопреки определенным каноническим правилам, не считаясь с тем весьма важным обстоятельством, что Св. Синод Православных церквей в СССР находится непрерывно в молитвенном и каноническом общении с Восточными православными патриархами, — митрополит Сергей и его синод продолжают рассылать циркуляры, объявляющие таинства, совершаемые находящимися в общении со Св. Синодом иерархами и священниками, не имеющими силы и требующими повторения таинств миропомазания, брака, священства. <...> Таким действиям необходимо немедленно положить конец выражением категорического осуждения их со стороны Вселенского Патриарха»⁵⁴⁸. Профессор Зарин, очевидно, имел в виду определение Временного Патриаршего Священного Синода от 25 июля 1929 г. об отношении к священнодействиям, совершенным «раскольничьим клиром»⁵⁴⁹. Постановление это действительно было весьма жестким, но в отношении обновленцев как внецерковного сообщества совершенно правомерным.

На Пасху 1929 г. раскольнический лжесинод получил последнее поздравление от Патриарха Василия⁵⁵⁰. 29 сентября того же года он скончался. Малообозначенным представляется суждение о нем, приведенное в «Православной энциклопедии»: «В отличие от своих предшественников Григория VII и Константина VI, поддерживавших обновленцев в Русской Церкви, В[асилий III] занял нейтральную позицию в отношении “обновленческого” раскола, воздерживаясь от прямого вмешательства в противостояние между “тихоновской” Церковью и обновленцами»⁵⁵¹. Позиция Патриарха Василия была ничуть не менее прообновленческой, чем позиция двух упомянутых его предшественников. Он первым из Константинопольских Патриархов повел регулярную официальную переписку с обновленческим «Синодом», именовал его председателя Вениамина (Муратовского) не иначе как «возлюбленным братом», писал раскольническому лжесобору о своем заочном соприсутствии. Даже для такого выдающегося негодяя, как Александр Введенский, у Василия III находились теплые слова. Зло, причиненное им Русской Православной Церкви, было велико. Не зря обновленцы весьма скорбели о его смерти.

⁵⁴⁸ Зарин С. М. Патриаршая и Синодальная церкви в СССР. (Информационный доклад Вселенскому Патриарху) // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1930. № 5–6 (48–49). С. 11.

⁵⁴⁹ См.: Акты Святейшего Тихона... С. 643–644.

⁵⁵⁰ См.: Пасхальное приветствие Священному Синоду Константинопольского Патриарха Василия III // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1929. № 7–8 (40–41). С. 1.

⁵⁵¹ Н. Е. Н. Василий III // Православная энциклопедия. Т. 7. М., 2004. С. 99.

Глава 5

«Говорить о разрыве или сохранении общения с Константинополем по меньшей мере поздно». Продолжение канонических бесчинств Патриархом Фотием II

Константинопольская кафедра недолго оставалась вакантной, и уже 7 октября 1929 г. на нее был избран новый Патриарх — Фотий II. Его избрание у некоторых православных людей в России (в том числе и греческого происхождения) породило надежду на изменение политики Фанара в отношении обновленцев. Бывший секретарь иерусалимского подворья А. И. Дросси подготовил обращение к Патриарху Фотию, которое озаглавил как «Горячая мольба группы православных чад многострадальной Русской Церкви». Проект обращения Дросси послал в Житомир другому русскому греку по фамилии Фитопуло с просьбой перевести его на греческий язык. Фитопуло ознакомил с ним архиепископа Аверкия (Кедрова) и епископа Леонтия (Матусевича), которые одобрили, а возможно, и несколько отредактировали текст.

Авторы послания описывали, какие гонения приходилось претерпевать Русской Церкви от большевиков, и замечали, что «катастрофическое положение Св. Церкви усугубляется еще более расколом, поддерживаемым врагами Церкви и Самого Бога». Обновленчество они характеризовали как «наиболее страшный и больной вопрос в Русской Церкви, губящий и обессиливающий Ее». Далее они пытались открыть Фотию глаза на ту правду, которую Фанар видеть не хотел: «Взбунтовавшийся против законного своего патриарха и отколовшийся от законной иерархии обновленческий клир, самочинно создавший свою иерархию, ненавидим Русским Народом за произведенную им революцию в Церкви, за вражду к патриарху, за различные нововведения в Церковной жизни, как, например, женатый епископат, а между тем, пользуясь некоторой поддержкой Власти в борьбе его против православной иерархии, действуя ложью, обманом, насилиями и доносами, он образовал как будто истинную церковную организацию во главе с “Священным Синодом”; но верующий народ, не разбираясь в канонических тонкостях, чует сердцем, на чьей

стороне правда, остается верным приснопамятному патриарху всея России Тихону и возглавлявшемуся им собору иерархов, относясь совершенно отрицательно к этим бунтовщикам и раскольникам». Авторы послания «со скорбью, со слезами и мучительным воплем» зывали к Патриарху Фотию: «Всесвятейший Владыка, помогите и спасите Св. Российскую Церковь!» Подобные по звучанию призывы к Фанару уже не раз обращали обновленцы, но авторы письма, разумеется, мыслили спасение Русской Церкви не так, как они. А. И. Дросси и Преосвященные Аверкий и Леонтий предлагали начать с конкретного шага: «Всесвятейший Владыка, обращаясь с надеждой и мольбой к Вам; взирая на Вас как на выдающегося иерарха с исключительными способностями и дарованиями, мы полагаем, что у Вселенского Престола в такие, быть может, исторические времена исключительной важности и значения должен быть и подобающий ему представитель в Москве, который по своему уму и качествам также способен был бы содействовать осуществлению высоких планов Вашего Всесвятейшества, чего нельзя сказать о нынешнем Вашем представителе».

Далее почти всё письмо было посвящено человеку, об удалении которого из Москвы и умоляли Константинопольского Патриарха его авторы. Характеристика ему давалась убийственная (какую заслужил): «Будучи преданным другом обновленцев, усыпленным ухаживаниями за ним их “Священным Синодом”, возвеличенный им чуть ли как не патриарх и всецело им предавшийся, известный в Москве исключительно под именем “Димопуло”, он с первых же дней революции занял враждебную позицию в отношении патриарха Тихона и ненавидим всей православной русской иерархией; его имя произносится всем клиром и народом с презрением и насмешкой и его никто не именует архимандритом, а презрительной кличкой “Димопуло”. Много горя и скорби причинил он Святейшему Патриарху своим поведением, как Представитель Вселенского Патриарха, и о нем сложилась определенная слава в Москве как врага православной иерархии Русской Церкви и друга Ее врагов. Сделавшись по случайной для него случайности архимандритом и представителем патриархии, он служит предметом насмешек и среди своих соотечественников. <...> Не отличаясь ни образованием, ни какими-либо особыми качествами и достоинствами, может ли быть он терпим на почетном посту Представителя Вселенского Патриарха, особенно теперь, когда патриарший престол занимает Всесвятейший Фотий, на которого обращены взоры всего Православного мира. Вселенская Патриархия, как нам известно, так богата образованными и способными клириками, что замещение Димопуло лицом, которое было бы полезным сотрудником Вашему Всесвятейшеству, более чем необходимо»⁵⁵².

Отправить это выразительное письмо адресату не удалось. Так же, как в 1928 г. для иеромонаха Софрония (Несмеянова), для А. И. Дросси, архиепископа Аверкия и епископа Леонтия в 1930 г. попытка искать правду у Константи-

⁵⁵² Цит. по: *Косик*. Голоса из России. С. 224–227.

нопольского Патриарха закончилась арестом. Архиереи были обвинены в том, что «просматривали а[нти]с[оветский] документ, предназначенный для а[нти]с[оветской] кампании за границей, вынесли о нем одобрительное суждение, согласившись с его редакцией». Приговор им был вынесен по советским меркам относительно мягкий: три года ссылки в Северный край⁵⁵³. А не отличавшийся «ни образованием, ни какими-либо особыми качествами и достоинствами» архимандрит Василий продолжил свою деятельность и при новом Патриархе, в отношении которого православных людей в России ожидало сильное разочарование. Димопуло, чья фамилия стала восприниматься как *презрительная кличка*, был, конечно, одиозной фигурой, но проблема, как выяснялось, была не в нем.

Фотий II прообновленческую линию Фанара несколько не изменил, любезная переписка с московскими и харьковскими раскольниками не только не прекратилась, но и заметно оживилась даже по сравнению с тем, что было при их «неизменном друге» Василии III. В «Вестнике Священного Синода» эта переписка занимала все больше и больше места (отчасти еще и потому, что другими успехами обновленцы похвастаться не могли, и публиковать им особо уже было нечего). Началась она, как подобало, с приветственного письма новоизбранному Патриарху от 17 октября 1929 г.: «Священный Синод Православных Церквей в СССР, глубоко опечаленный кончиной Вселенского Патриарха Василия III, утешен ныне радостным известием о вступлении на престол Вселенского Патриарха Вашего Всесвятейшества. <...> Священный Синод Православной Церкви ожидает от Вашего Всесвятейшества мощной братской поддержки в своем церковном деянии, в выполнении своей религиозной задачи — явить Пресветлый Лик Христов и в современных сложных отношениях жизни. В лице Вашего предшественника — Вселенского Патриарха приснопамятного Василия III — Священный Синод Православных Церквей имел попечительного отца, заботливого брата и неизменного друга. Священный Синод уповает, что в лице Вашего Всесвятейшества он найдет всегда мудрого и попечительного отца, готового на помощь, совет, утешение и ободрение старшего брата»⁵⁵⁴.

Очевидно, фанариоты не без удовольствия поместили это льстивое послание в своем официозе «Ортодоксия». Там же было помещено и поздравительное послание Фотию от председателя «Священного Синода Автокефальной Украинской Православной Церкви Митрополита Харьковского и всей Украины» Пимена (Пегова), датированное 15 октября 1929 г. Чтобы никого из российских раскольников не обидеть, между поздравлениями от обновленцев фа-

⁵⁵³ См.: *Косик*. Голоса из России. С. 197–198.

⁵⁵⁴ Приветственная грамота Священного Синода Православных Церквей в СССР Вселенскому Патриарху Фотию II по случаю вступления его на Патриаршью Константинопольскую Кафедру // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1929. № 9–12 (42–45). С. 1.

нариоты опубликовали в своем печатном органе еще и послание от григорианского «Митрополита Можайского» Бориса (Рукина), который, к слову сказать, успел поздравить новоизбранного Вселенского Патриарха на два дня раньше, чем харьковские обновленцы, и на четыре, чем московские⁵⁵⁵. (Если обновленца Введенского М. Е. Губонин, хорошо знавший, кто кем был в церковной Москве того времени, именовал «эротоманом и шизофреником», то Рукин, по его краткой, но емкой характеристике, — «интриган и морфинист»⁵⁵⁶.) Митрополит Сергей не спешил присоединиться к этому ансамблю раскольников, его письмо Патриарху Фотию было отправлено лишь 3 декабря⁵⁵⁷. Зато русско-парижский митрополит Евлогий не упустил возможности поскорее заискивающе отметить в глазах нового хозяина Фанара. Его поздравительное письмо Фотию от 18 октября было весьма похоже на послания обновленцев: «В печальные дни разделения в зарубежной части Русской Церкви Великая Церковь, в лице в Бозе почившего Патриарха Василия III, оказала ей великую помощь разъяснением правильного ее канонического положения. Дерзаю почтительнейше просить и Ваше Святейшество не отказать этой находящейся в изгнании и рассеянии Церкви и мне, поставленному высшею русскою церковною властью быть возглавителем ее, в своем первосвятительском благословении и в духовной помощи»⁵⁵⁸. Читая эти бесстыдные слова (все знали, насколько «правильно» разъяснял Василий III «каноническое положение» Русской Церкви и обновленческих раскольников), трудно отделаться от мысли, что уже тогда митрополит Евлогий исподволь начал готовиться к своему переходу в юрисдикцию Фанара, который и произошел через год с небольшим.

Воззвание обновленцев к Патриарху Фотию не осталось безответным. «С великою любовью приняли мы Ваше прекрасное приветствие и молитвы, которые ваше маститое Высокопреосвященство и члены Св. Синода послали нам по случаю нашего восшествия волею и благоволением Божиим на святейший Патриарший Вселенский Престол», — писал он Вениамину (Муратовскому) 9 ноября 1929 г. «У нас не будет большей радости, если мы получим возможность принять участие и целесообразно достигнуть восстановления единства и единодушия в любимой нашей сестре и дочери, Святой Русской церкви...», — заверял раскольников в своей приветственной грамоте Фотий II⁵⁵⁹. В переводе с церковно-дипломатического языка это означало, что Фанар и дальше будет прилагать все силы для навязывания Православной Церкви в России объеди-

⁵⁵⁵ См.: 'Ελί τῆ Πατριαρχίῃ ἐκλογῆ // 'Ορθοδοξία. 1929. Σ. 485–488.

⁵⁵⁶ Губонин М. Е. «Кифа». С. 220.

⁵⁵⁷ См.: Εἰρηνικά γράμματα // 'Ορθοδοξία. 1929. Σ. 530–531.

⁵⁵⁸ Официальная часть // Церковный Вестник Западно-Европейской Епархии. 1929. № 12. С. 3.

⁵⁵⁹ Грамота Вселенского патриарха Фотия II // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1930. № 3–4 (46–47). С. 3–4.

нения с псевдоцерковной обновленческой организацией, именуя это «восстановлением единства и единодушия».

Раскольники оценили поддержку Константинопольского Патриарха. «Идущие из глубины отеческого сердца Вашего Всесвятейшества заключенные в сей грамоте слова братского участия, готовности всегда оказывать дружескую помощь в испытываемых церковных затруднениях исполнили сердца членов Св. Синода и чувствами горячей сыновней благодарности к Вашему Всесвятейшеству, — восторженно писали они Патриарху Фотию. — Мы живо и непосредственно ощутили в теплоте этих слов, что в лице Вашего Всесвятейшества Православная Русская церковь обрела такого же попечительного отца, участливого брата и верного друга, какового она имела в лице Вашего приснопамятного Предшественника на Вселенском Престоле Патриарха Василия III». В заключение своих славословий обновленцы желали Фотию довершить в наступающем 1930-м году «великое дело предшественника» — «созвать Вселенский Собор, столь необходимый для авторитетного решения назревших первостепенных вопросов жизни церковной»⁵⁶⁰. Заинтересованность раскольников во «Вселенском Соборе» весьма показательна. Неудивительно, что, имея таких ходатаев, Патриарх Фотий это «великое дело», как и его предшественник, провалил.

Тема «Вселенского Собора» была продолжена в ответном послании Фотия обновленцам от 20 января 1930 г., в котором он вновь выразил надежду на восстановление «в течение этого года мира и единства в святой Российской Церкви» и сообщил: «Мы вместе с тем благосклонно желаем, чтобы Вы, как и все, чрез нашего представителя находились в курсе мероприятий, совершаемых ради возможно скорейшего созвания общего православного совещания посредством подготовки сначала к общему православному Предсобору, а затем, с помощью Божией, к Великому Православному Собору»⁵⁶¹. Можно понять это пожелание как обещание Фотия II обеспечить обновленческим раскольникам («как и всем») участие в «Великом Соборе».

Следующим актом бумажного общения обновленцев и фанариотов стала поздравительная грамота «Священного Синода» Патриарху Фотию от 16 апреля 1930 г. Формально главным ее содержанием было поздравление с праздником Пасхи, а по сути — выражение Фотию II благодарности за то, что он не принял участия в прошедшей на Западе незадолго до того международной кампании в защиту гонимой большевиками Русской Православной Церкви. «Св. Синод глубоко признателен Вашему Всесвятейшеству за то, что вы не присоединили своего авторитетного голоса к этому концерту протестов», — писали раскольники Константинопольскому Патриарху. По поводу положения Пра-

⁵⁶⁰ Грамота Св. Синода на территории СССР Вселенскому патриарху Фотию II // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1930. № 3–4 (46–47). С. 4.

⁵⁶¹ Грамота его Всесвятейшества Патриарха Константинопольского Фотия II // Там же. С. 5.

вославной Церкви в СССР они сообщали ему, что «она получает от Советской Власти возможность как для своего внешнего устройства, так и для внутреннего выявления, развития, роста и обновления»⁵⁶². Это заявление, даже если обновленцы имели в виду здесь только свою собственную группировку, ни в коей мере не соответствовало действительности. Церковь в СССР подвергалась жесточайшим преследованиям, но церковные политики как в Москве, так и в Стамбуле предпочитали об этом молчать. От имени митрополита Сергия в «Известиях ЦИК» тогда и вовсе было заявлено, что «гонения на религию в СССР никогда не было и нет»⁵⁶³. Теперь установлено, что текст этого «интервью» был составлен вовсе не Заместителем Местоблюстителя, а лично И. В. Сталиным, В. М. Молотовым и Е. М. Ярославским⁵⁶⁴.

Димопуло известил Фанар, что «интервью митрополита Сергия» произвело в России самое худшее впечатление, и указал на необходимость особой осторожности в действиях на русском направлении во избежание «превратного истолкования». В своем письме в Константинопольскую Патриархию от 27 февраля 1930 г. архимандрит Василий сообщал: «Распространившиеся за границей слухи о Нероновых гонениях против христиан, разумеется, преувеличены, но все же даже после самых благожелательных заявлений (Нижегородского Сергия) гражданские власти не обнаруживают ни малейшего послабления в своей суровой антирелигиозной политике. Снос святых храмов продолжается, и духовенство постоянно испытывает на себе известное недовольство. Это правда, что Великая Христова Церковь испытывает величайшую скорбь из-за создавшейся ситуации, материнским же ее долгом является улучшение по мере возможности положения местного духовенства и Церкви, однако, по моему смиренному разумению, достичь эту цель можно было бы только через дружественные шаги в адрес Советского правительства. Бурные протесты, которые слышны на Западе, приведут, пожалуй, к полностью противоположным результатам»⁵⁶⁵.

По поводу этих рекомендаций Димопуло на Фанаре произошла дискуссия, некоторые члены Синода не соглашались с его предложением пойти на «дружественные шаги» к большевикам. Но Патриарх Фотий поддержал идею архимандрита Василия. Он вспомнил ситуацию 1924 г. (эти его слова уже цитировались в соответствующем месте), когда «Советское Правительство через своих представителей не только просило, но просто принуждало Вселенскую Патри-

⁵⁶² Грамота Св. Синода Его Всесвятейшеству Патриарху Фотию II, Архиепископу Константинопольскому // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1930. № 3–4 (46–47). С. 3.

⁵⁶³ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1930. 16 фев.

⁵⁶⁴ См.: Косик О. В. Интервью митрополита Сергия (Страгородского) 15 февраля 1930 г. в восприятии современников // Ежегодная Богословская конференция ПСТБИ: Материалы 2003 г. М., 2003. С. 267; Курляндский И. А. Сталин и «интервью» митрополита Сергия советским корреспондентам в 1930 г. // Российская история. 2010. № 2. С. 157–169.

⁵⁶⁵ *Καλαϊτζής Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμἐνικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 733–734.

архию путем деятельного вмешательства выполнить свои обязанности, происходящие из особого ее положения, как Первенствующей Церкви и Всеправославного Центра, с целью умиротворения Святой Православной Церкви в России». «Если вы посмотрите протоколы тех заседаний, — продолжал Фотий, — то увидите, что названные выше (представители Советского правительства. — *свящ. А. М.*) не только признавали право вмешательства со стороны нашей Церкви, но и призывали нас, как Всеправославный Центр, принять на себя необходимое попечение об умиротворении Российской Церкви. Поэтому полагаем, что мы можем опереться на договоренности и события того времени и, обращаясь в дружественном тоне к названным выше лицам, сказать им, что много говорят и пишут о давлении, оказываемом на религию и Церкви в России, но мы не верим тому, поскольку не можем поверить в то, что правительство исключительно народной власти и свободы могло бы оказывать давление на основополагающие элементы народной свободы, каковыми являются религиозное сознание и выполнение религиозных обязанностей. И хотя мы в это не верим, тем не менее мы убеждены, что если и случится так, что органы на местах допустят различные нарушающие закон действия против религии и Церквей в России, то Государство примет всевозможные меры для прекращения таковых нарушений и защиты религиозной свободы благочестивого русского народа»⁵⁶⁶. В итоге стамбульский Синод решил подготовить соответствующее обращение к советскому правительству. Благодарность обновленцев Патриарху Фотию свидетельствовала о том, что Фанар с задачей ублажить «правительство исключительно народной власти и свободы» в тот момент справился.

А архимандрит Василий, видимо, подумал, что, может быть, хоть за неприсоединение Константинопольской Патриархии «к концерту протестов», к чему он тоже приложил руку, советская власть его отблагодарит. 26 апреля 1930 г. он в очередной раз обратился во ВЦИК с письмом, в котором в красках описал свои квартирные злоключения, как он, доверившись «товарищу» Орлеанскому, предоставил в январе 1926 г. во временное пользование часть своей площади гражданину Нестерову, поскольку ему (греку) обещали уже весной того же года ее освободить. «Но прошло уже 4 года, гр. Нестеров выехал, и на его место въехал гр. Полозков <...> Несколько раз я обращался к т. Орлеанскому с просьбой об освобождении занятого по его просьбе помещения, но он всегда уклонялся от прямого ответа». Далее Димопуло писал про греческого посла, который в январе 1929 г. просил «митрополита» Введенского оказать содействие ходатайством во ВЦИК, и о том, что, по его сведениям, «Св. Синод» откликнулся на эту просьбу. «Но до сих пор никакого ответа я не получил», — сетовал утесненный греческий архимандрит. В своем письме он, вопреки своему обыкновению, уже не ссылался на «страждущих рабочих и крестьян Востока», а просто указывал на «необходимость иметь более приличное помещение для пред-

⁵⁶⁶ *Καλαϊτζής Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ. Σ. 735.

ставительства», а также на то, что «гр. Полозков с семьей является крайне неспокойным жильцом» и относится к нему, «как духовному лицу, крайне враждебно». Судя по тому, что на датированном апрелем письме Димопуло штамп Секретариата ВЦИК с входящим номером был поставлен только 3 июля 1930 г., отвечать ему, тем более положительно, там совсем не спешили. Резолюция Смидовича от того же дня гласила: «Выселение возможно только в судебном порядке»⁵⁶⁷. Как уже было сказано, еще в марте 1929 г. он посчитал, что дело с квартирой Димопуло «конченное»⁵⁶⁸. Архимандриту Василию и дальше приходилось делить ее с «крайне неспокойным» соседом, но по сравнению с тем, что тогда претерпевали от богоборческой власти десятки тысяч русских священнослужителей, это было ничто.

6 мая 1930 г. в связи с намеченными Фанаром «Предсобором» и «Межправославной комиссией» Патриарх Фотий направил в Москву председателям двух синодов два совершенно одинаковых письма (опубликованы они были в «Ортодоксии» как одно с многоточием вместо имени адресата⁵⁶⁹), в котором призвал митрополита Сергия и лжемитрополита Вениамина «положить конец внутренней брани, братски протягивая друг ко другу руки примирения и восстановления единства общей своей Матери, единой Святой Русской Церкви». По случаю готовящегося на Афоне собрания Константинопольский Патриарх предложил российской иерархии «положить конец братоненавистной вражде и разделению и, восстановив мир и единство Церкви, избрать совместно в любви и единстве двух архиереев в качестве представителей всей Святой Русской Православной Церкви для предстоящей Межправославной комиссии, дабы таким образом и на этой важной первой священной встрече братских Церквей присутствовала и великая сестра — Русская Церковь...»⁵⁷⁰. Как видно, условием участия Русской Православной Церкви в «Межправославной комиссии» Фотий считал примирение Московской Патриархии с обновленцами. Стоит обратить внимание на то, что свое письмо (письма) Константинопольский Патриарх писал 6 мая 1930 г., а созыв собрания в Ватопеде назначал на 8 июня того же года. То есть объединиться и «избрать совместно в любви и единстве двух архиереев» православные и обновленцы в России должны были, проявив просто «большевистские темпы», что означало либо полную утрату чувства реальности главой Фанара, либо, что более вероятно, его осознанное желание обойтись без представителей Русской Церкви. Разумеется, такое «совместное представительство» из России на «Межправославной комиссии» оказалось

⁵⁶⁷ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 498–498 об.

⁵⁶⁸ Там же. Л. 499.

⁵⁶⁹ См.: Патриархία Ἡ Γράμματα πρὸς τοὺς Σεβασμιωτάτους Μητροπολίτας Μόσχας κ. Βενιαμίν, καὶ Νιζεγυρόδου κ. Σέργιον // Ὁρθοδοξία. 1930. Σ. 189–192.

⁵⁷⁰ Цит. по: Скобей Г. Н. Межправославное сотрудничество в подготовке Святого и Великого Собора Восточной Православной Церкви // Церковь и время. 2002. № 2 (19). С. 62, 63.

невозможным, о чем Димопуло уведомил Фотия телеграммой от 25 мая 1930 г. (другие Поместные Церкви отрядили туда по одному-два представителя)⁵⁷¹.

Так получилось, что в тот же самый день, когда Патриарх Фотий отправил в Москву свое сдвоенное письмо, 6 мая 1930 г., председатель обновленческого лжесинода Вениамин (Муратовский) скончался. По этому поводу 9 мая Патриарх Фотий направил архимандриту Василию телеграмму: «Опечалены известием о смерти маститого митрополита Вениамина. Поручаем Вам выразить наше сожаление»⁵⁷². В официальном некрологе обновленцев о почившем было сказано, что «большим авторитетом и уважением он пользовался на православном Востоке у Вселенских патриархов Василия III и Фотия II, патриарха Иерусалимского Дамиана и Александрийского Мелетия»⁵⁷³. В пасхальной поздравительной грамоте от 17 мая Патриарх Фотий еще раз пособолезновал раскольникам: «Глубоко огорчила нас кончина маститого Вашего Председателя Высокопреосвященнейшего митрополита Вениамина. Господь да упокоит его в селениях праведных»⁵⁷⁴. Свои чувства российским обновленцам засвидетельствовал и Грузинский Католикос Христофор, который сообщил, что его Синодом «память о почившем Владыке (Муратовском. — *свящ. А. М.*) почтена была вставанием и пением почившему вечной памяти». «Искренне соболезнуя Св. Синоду Всероссийской Православной церкви в этой тяжелой утрате, — продолжал далее Христофор, — я вместе с Патриаршим Синодом выражаю радость в том, что Великий Пастыреначальник воздвиг достойного преемника приснопамятному почившему Владыке Вениамину в лице митрополита Виталия»⁵⁷⁵. Действительно, новый председатель обновленцев Виталий (Введенский) был «достойным преемником» почившего, в том смысле, что, как и Вениамин (Муратовский), был *лжемитрополитом*, возглавлявшим *псевдоцерковное безблагодатное сообщество*, но на Востоке этого как бы не понимали.

Обновленцы горячо благодарили за соболезнования, особенно, разумеется, Патриарха Фотия. «Вместе с сим, — писали они ему, — Св. Синод сообщает Вам, что он с чувствами искренней признательности принял от о. Архимандрита Василия фотографический портрет Вашего Всесвятейшества с собственноручною Вашею надписью, присланный Вами чрез о. Архимандрита в благословение и для выражения чувств благоволения и преданности Св. Синоду со стороны Вашего Всесвятейшества. Св. Синод в заседании своем 31 мая с. г. постановил поместить фотографию по изготовлении рамки для него в зале заседа-

⁵⁷¹ См.: Ἀναθητικὰ τελεγραφήματα τῶν Αὐτοκεφάλων Ὀρθοδόξων Ἐκκλησιῶν // Ὀρθοδοξία. 1930. Σ. 197–198.

⁵⁷² † Вениамин, Митрополит Московский // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1930. № 3–4 (46–47). С. 1.

⁵⁷³ Там же. С. 2.

⁵⁷⁴ Грамота Вселенского патриарха Фотия II Св. Синоду // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1930. № 5–6 (48–49). С. 1.

⁵⁷⁵ Грамота Св. Синоду патриарха-Кафоликоса Грузии Христофора // Там же. С. 1.

ний Св. Синода и выразить Вашему Всесвятейшеству глубокую благодарность за столь сердечное проявление Вашего благорасположения к Св. Синоду»⁵⁷⁶. (Оставалось только объявить всеобновленческий сбор средств на изготовление подобающей рамки для портрета «Его Всесвятейшества».)

Тем временем в июне 1930 г. в Ватопедском монастыре на Афоне без представителей из России состоялось-таки заседание «Межправославной подготовительной комиссии». Отрезвить благодушствующих по отношению к обновленцам фанариотов попытались представители Сербской и Румынской Церквей. Епископ Охридский Николай (Велимирович, ныне прославленный в лике святых) прямо заявил, что Сербская Церковь по «русскому» вопросу «заняла иную, нежели Вселенская Патриархия, линию», заметив при этом, что «некоторые слухи ходят в Белграде об отношениях Вселенского Патриархата с различными расколами в России». В ответ на идею фанариотов пригласить «обе группировки» («тихоновцев» и обновленцев) сербский святитель, указав на невозможность «соединить их», предложил позвать митрополитов Антония (Храповицкого) и Евлогия (Георгиевского)⁵⁷⁷. Представитель Румынской Церкви епископ Тырговиштянский Тит заметил: «Что происходит в России, мы, румыны, знаем очень мало, меньше других». Но, несмотря на такую «малоосведомленность», далее румынский иерарх высказался очень ясно: «Мы положительно знаем, что “Живая Церковь” не является Православной, и если бы она смогла прибыть, то должна бы присутствовать не как равночестная нам, а как обвиняемая»⁵⁷⁸.

Навязать свою прообновленческую позицию всем Поместным Церквам фанариоты не смогли. Итогом работы «Межправославной подготовительной комиссии» стало составление каталога тем для обсуждения на предстоящем «Всеправославном Предсоборе» («Просиноде»). Первым в этот каталог был внесен вопрос о Русской Церкви с пояснением, что комиссия «просит Его Блаженство Вселенского Патриарха до созыва Предсобора сделать все, чтобы стало возможным присутствие на нем каким бы то ни было образом и представителей Русской Церкви — из самой России или из-за рубежа»⁵⁷⁹. Задача, поставленная «Межправославной комиссией» перед Константинопольским Патриархом, была не простой. Единственным ее достойным решением для него было прекратить порочную поддержку раскольников-обновленцев, отказаться от захватнической политики в отношении Русской Церкви и чистосердечно обратиться к ее православной («тихоновской») иерархии с просьбой не отказать в участии в организуемом им на Афоне собрании. А правильнее и вообще было со всякими такими собраниями повременить.

⁵⁷⁶ Грамота Св. Синода Вселенскому патриарху Фотию II // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1930. № 5–6 (48–49). С. 2.

⁵⁷⁷ Скобей. Межправославное сотрудничество в подготовке Святого и Великого Собора Восточной Православной Церкви. С. 64–65.

⁵⁷⁸ Там же. С. 66–67.

⁵⁷⁹ Там же. С. 67.

Фанар, однако, продолжал видеть Русскую Церковь в обновленческой схизме. Показательно, что в напечатанной в 1930 г. в Стамбуле книге небезызвестного митрополита Каллиника Кизического в числе Церквей, перешедших на новый стиль, наряду с Константинопольской, Румынской и Элладской указывалась и «Русская (Живая Церковь)», а не перешедших — «часть русской иерархии и народа, признающая патриарха Московского Тихона»⁵⁸⁰. Комментарии, как говорится, излишни.

Патриарх Фотий от покровительства обновленцам также отказываться не собирался, равно как и от дальнейшей экспансии на русском направлении. Вместо нормализации взаимоотношений с Московской Патриархией он спровоцировал новый острый конфликт, приняв в феврале 1931 г. в свою юрисдикцию митрополита Евлогия с подчиненными ему западноевропейскими приходами. Евлогианское разделение — тема для отдельного исследования, но нельзя не привести оценку профессора И. А. Стратонова, согласно которой, «мит[рополит] Евлогий своим обращением в Константинополь не только встал в аналогичное положение с обновленцами и пр., но и морально принял на себя ответственность за все, что было совершено его новой патриархией по отношению к Русской Церкви»⁵⁸¹. Можно вспомнить, что писал в 1924 г. сам митрополит Евлогий архиепископу Иоанну Рижскому про заигрывания Фанара с обновленцами: «На языке лукавых греков это называется “помочь” бедствующей Русской Церкви, а на нашем — это та же своего рода погоня за русскими концессиями, какими охвачены теперь все желающие делить шкуру русского медведя... Вы видите, какие папистические замыслы теперь зреют в Царьграде: там хотят подчинить себе Русскую Церковь, пользуясь нашим безвремением. Лакей Евдоким, лишь бы найти где себе опору, на все соглашается. <...> Надеюсь, что народ наш не пойдет за этими лукавыми и льстивыми греками, особенно если они свяжутся с Евдокимом. <...> Идет [определенный ход] Конст[антинополь]ского Патриарха поглотить сначала все русские церкви за границей, а потом подчинить себе и всю Русскую Церковь»⁵⁸².

Православный народ в России за «лукавыми и льстивыми греками» действительно не пошел. Не пошел и священномученик Иоанн Рижский, Латвийская Церковь была переведена в константинопольскую юрисдикцию лишь после его убийства в 1934 г. Пошел сам управляющий западноевропейскими приходами, увлекая за собой заметную часть русского эмигрантского духовенства и паствы. Про митрополита Евлогия и его приверженцев никак нельзя сказать, что они не знали, кто такие обновленцы, какую поддержку раскольники полу-

⁵⁸⁰ *Καλλίνικος, μητρ. Κυζίκου. Ἡ πρώτη ἐν Νικαίᾳ Οἰκουμενικὴ Σύνοδος. Κωνσταντινούπολις, 1930. Σ. 329.*

⁵⁸¹ *Стратонов И. А. Русская церковная смута: 1921–1931 // Из истории Христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 165.*

⁵⁸² *История в письмах: Из архива священномученика архиепископа Рижского Иоанна (Помера). Т. 2. С. 24.*

чали от Фанара и зачем он им ее оказывал. По этой причине деяние евлогиянами многими было воспринято как сознательное предательство. Спровоцированный советской властью конфликт с Московской Патриархией мог бы оправдать их временное самоуправление (этим путем пошла Русская Зарубежная Церковь), но не переход в юрисдикцию, поддерживающую обновленческих раскольников.

Советские кураторы церковных дел акцией Фанара по захвату русских западноевропейских приходов тоже были возмущены, что дали понять архимандриту Василию. В объяснение действий своей Патриархии он отправил П. Г. Смидовичу два письма подряд, 17-го и 23 марта 1931 г. Примечательно, что митрополиту Сергию он по тому же вопросу написал 18 марта⁵⁸³, четко выдерживая приоритеты: сначала советская власть, потом Московская Патриархия. «События недавнего прошлого, — писал Димопуло Смидовичу, — потребовали со стороны Великой Христовой Церкви, как Матери всей Русской Церкви, в лице Вселенской Патриархии, особенно энергичного вмешательства для предотвращения усилившихся и обострившихся за последнее время беспорядков в русских заграничных эмигрантских православных кругах, в связи с тем обстоятельством, что русские православные приходы не захотели канонически подчиниться ни одному из посланных Митрополитом Сергием Архиев. Из этого положения вещей грозили произойти весьма опасные и страшные и страшные (так, два раза. — *свящ. А. М.*) последствия в виде усиления инославной пропаганды и возобновления антиканонических попыток из Карловиц для подчинения русских православных беженцев своему вредному как в церковном, так и в политическом во вред Советскому Союзу, влиянию». Вслед за Патриархом Фотием архимандрит Василий утверждал, что «на основании канонических правил, всякая Епархия, находящаяся вне пределов той или иной Автокефальной Православной Церкви в Европе, обязана признать юрисдикцию Вселенского Патриарха»⁵⁸⁴.

Однако такая аргументация едва ли могла быть убедительной для Смидовича и его коллег. Между тем, именно от них зависело, будет ли в каком-то виде делегация от Русской Церкви допущена на затеваемый Фанаром «Предсобор-Просинод» или нет. Если нет, то и с идеей о «Просиноде» и последующем «Вселенском Соборе», вероятнее всего, придется попрощаться, а вместе с ней и с перспективами трансформировать номинальное первенство чести Вселенского Патриарха в реальное первенство власти в православном мире. Тут уже фанариотам было от чего забеспокоиться. Проявлением этого стало второе письмо Димопуло Смидовичу: «Начальник Патриаршей Канцелярии Вселенской Патриархии Госп[один] Христо Папаиоанну, по поручению Всесвятейшего Все-

⁵⁸³ См.: *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг.: Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011. С. 230.

⁵⁸⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 27. Л. 59–59 об.

ленского Патриарха Фотия II-го, письмом на мое имя от 10/III с. г. возлагает на меня обязанность обратиться во ВЦИК и выразить чувство неизменного уважения и дружбы Вселенского Патриархата к Советской Власти и засвидетельствовать еще раз, что все действия Патриархата направлены к тому, чтобы парализовать вредные зарубежные влияния и пресечь всякое политиканство в находящихся за границей частях русской православной церкви. Вселенский Патриархат не сомневается, что Советская Власть решит вопрос о приезде специальной Комиссии Патриархата в положительном смысле и в самом непродолжительном времени, которая лично выразит Советскому Правительству чувства искренней преданности и имеет необходимость лично сделать сообщение по некоторым вопросам»⁵⁸⁵. Однако греческому выражению «чувства неизменного уважения и дружбы» представители советской власти не поверили и спешить с разрешением приезда «специальной Комиссии Патриархата» не стали.

25 июня 1931 г. Патриарх Фотий направил митрополиту Сергию письмо с объяснением своих действий в отношении евлогиян, а заодно коснулся обновленческой темы в связи с намечаемым «Предсобором»: «Нужно стремиться к созыву Общего Всероссийского Собора, представляющего все тело Святой Русской Церкви и с любовью заботящегося о восстановлении единого канонического управления. И для достижения этой боголюбивой цели... мы готовы братски содействовать, обращая призыв и совет со стороны Матери Церкви ко всяким там церковным группировкам. <...> И созыв Общего Собора, и восстановление благодаря ему церковного единства необходимы тем более как можно скорее, потому что вскоре, с помощью Божией, 19 июня 1932 года созывается при участии всех Православных Церквей Всеобщий Православный Предсобор, присутствие на котором и возлюбленной великой сестры Русской Церкви столь необходимо и для всех вождедено, и, напротив, велика будет всеобщая скорбь, если снова не удастся ей представлять себя на нем»⁵⁸⁶.

Митрополит Литовский Елевферий весьма выразительно прокомментировал этот совет Патриарха Фотия («мудрости», как он его язвительно называл) поскорее провести совместный Собор с обновленцами. «Прекрасно “мудрость” знает, — писал он митрополиту Сергию 3 августа 1931 г., — что Собора до этого времени у нас не может быть, не может быть предпринято каких-либо общих надлежащих мер к ликвидации происшедших самочинных отделений; тем не

⁵⁸⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 27. Л. 58–58 об.

⁵⁸⁶ Из переписки Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) со Святейшим Патриархом Константинопольским Фотием II и митрополитом Литовским и Виленским Елевферием (Богоявленским), управляющим западноевропейскими приходами Русской Православной Церкви: Документы из архива Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата // Церковь и время. 2002. № 2 (19). С. 249. Более сглаженный перевод этого письма был опубликован в евлогиянском официальном издании, см.: Грамата Вселенского Патриарха Митрополиту Сергию // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1931. № 7. С. 5.

менее, когда огромнейшая часть Православного Тела болеет, не видя деятельного, кроме ничего не значащих слов, сочувствия и посильной канонической помощи от других Сестер, “мудрость” почему-то спешит с созданием предсоборного (присутствия) совещания, как бы не желая, чтобы наша Церковь присутствовала на нем в подобающем ей положении, как бы боясь того, что украшенная мученичеством, богатая исповедничеством и исполненная подвижническими воздыханиями, Она может явиться на своевременно созванном Вселенском Соборе в своем подобающем величии. “Мудрость” спешит возвысить свой авторитет, сделав хоть маленькую, даже на словах попытку придать своей кафедре первенствующее уже не по чести, а по власти значение»⁵⁸⁷.

Митрополит Елевферий не без оснований усматривал побудительные мотивы Фанара в том, чтобы воспользоваться моментом ослабления Русской Церкви для продвижения собственных властолюбивых устремлений. Подобного рода настроения действительно имели место в греческой среде. Так, например, афинская газета «Патрис» («Отечество») в связи с усилиями Патриарха Фотия писала еще в июне 1930 г.: «Бесспорно, Христова Церковь едина и вечна, но ее деятельность в мире обязана следовать за теми всеобщими изменениями, вместе с которыми эволюционирует человечество. И пока православие господствовало в необъятной России, а православное духовенство батрачило на благо Царской Династии, организовать взаимодействие всех автокефальных Православных Церквей под духовным водительством Вселенской Патриархии, этой духовной вершины всего Православия, было нелегко. Но теперь, когда Антихрист, о котором говорит христианское предание, этот истребитель религии, вторгся на территорию бывшей Российской Империи, а с другой стороны, Западная Церковь не собирается выходить за рамки тех формулировок, которые привели к образованию отколовшихся от нее Церквей, Православие должно заново организовать свою христоименитую полноту и восстановить свою духовную силу ради духовных своих чад, которым грозит нападение волков. В прошлом автокефальные Православные Церкви, истощенные рабским служением покорившему их, не могли достичь соглашения, составить общее положение и выстроить совместную работу и взаимопомощь. Но, к счастью, этот период подошел к концу, и большинство православных Церквей находятся в абсолютной свободе для совместных действий»⁵⁸⁸. Таким образом, греки прямым текстом заявляли о необходимости, пока Русская Церковь изнемогает под игом антихристовой власти, «организовать взаимодействие всех автокефаль-

⁵⁸⁷ Из переписки Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского), митрополита Литовского и Виленского Елевферия (Богоявленского), управляющего западноевропейскими приходами Русской Православной Церкви и епископа Вениамина (Федченкова), бывшего Севастопольского: Документы из архива Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата // Церковь и время. 2001. № 3 (16). С. 284–285.

⁵⁸⁸ Ἐνιαῖον μέτωπον τῆς Ὁρθοδοξίας // Πατρις. 1930. 6 ἰουν. Ἄρ. 809. Σ. 1.

ных Православных Церквей под духовным водительством Вселенской Патриархии, этой духовной вершины всего Православия». С воплощением в жизнь этих эллинских грез, однако, возникали проблемы.

Убедившись, что митрополит Сергей объединяться с обновленцами не желает, и понимая, что это грозит сорвать всю затею с «Просинодом», Константинопольский Патриарх, очевидно с подачи Димопуло, обратился за содействием к большевистской власти. Архимандриту Василию было поручено «просить Советскую Власть о разрешении прибыть в Москву Представителям четырех Патриарших Престолов Востока для совещания с Русскими церковными кругами по вопросу о восстановлении административного единства Русской Церкви и об участии братской Русской Церкви в имеющем собраться 19-го июня 1932 года Всеправославном Просиноде». Димопуло, как смог, объяснил Фотию, в чем причина возникших проблем во взаимоотношениях с большевиками. «Из сообщения Вашего Высокопреподобия, — писал ему в ответ Константинопольский Патриарх 1 августа 1931 г., — нам сделалось известным, что Советская Власть, совершенно неожиданно истолковавши неправильно распоряжения Святейшего Патриаршего Вселенского Престола по вопросу о Русских Православных приходах в Европе и о Митрополите Евлогии, усмотрела в них дух с нашей стороны недружелюбия в отношении к благосостоянию всей Русской Церкви и даже к Государственной Власти до такой степени, что заподозрило даже наступившую перемену в до самого последнего момента искреннем отношении Вселенской Патриархии к заграничным церковным делам»⁵⁸⁹.

Пересылая перевод письма Фотия Смидовичу, Димопуло добавлял от себя: «Вселенский Патриарх с полной решительностью отвергает предположение о возможности изменения к худшему отношения Вселенской Патриархии к Советской Власти. В действительности это отношение всегда было, есть и будет неизменно не только лояльным, но и определенно благожелательным и сочувственным, с постоянной готовностью выявлять такое именно настроение и в соответствующих действиях и распоряжениях. В частности, распоряжения Патриархии по вопросу о временной церковной юрисдикции Вселенской Патриархии в отношении Русских беженских приходов в Западной Европе имело в виду исключительно умиротворение и успокоение Русских православных беженцев, в предотвращение возможности подчинения их влиянию и юрисдикции Римского Папы, стремящегося достигнуть унии не только с Русскими беженцами Заграницей (приблизительно до 6 млн), но и с православными, находящимися в пределах СССР, чем, конечно, преследуются не столько религиозные, сколько политические цели, в явный вред Советскому Союзу»⁵⁹⁰. Как видно, осознавая, что слова про «страшных и страшных»

⁵⁸⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 27. Л. 56.

⁵⁹⁰ Там же. Л. 55.

карловчан на советскую власть особого впечатления не производят, фанариоты решили сместить акценты на происки более глобального врага СССР — Папы Римского.

Сам Патриарх Фотий тоже описывал, как он противостоит попыткам со- вратить русскую диаспору в католицизм, что якобы и было его главным побудительным мотивом принять под себя евлогиянские приходы. В частности, ссылаясь на газету «Фигаро», он указывал на строительство «большого униатского храма в Париже для Русских». «Эти разъяснения и заверения, — писал Фотий II, — надеемся, убедят всех, находящихся в России, что деятельностью Патриархии ни в отношении Русской Церкви не совершено чего-либо затрагивающего или умаляющего ее права, ни в искреннем расположении Патриархии к Советской Власти, выявленном с самого начала, не произошло никакой перемены. Вследствие этого Патриархия убеждена, что не только прекратятся возникшие из явного недоразумения подозрения, но также и в том, что Советская Власть, прекрасно оценивающая полное уважения и искренности расположение к ней Православной Церкви, явно проявившееся как и в деятельности Вселенской Патриархии в отношении к Советской Власти, так и со стороны всех церковных кругов в России, поскольку все эти круги декларировали полную свою политическую лояльность, — что Советская Власть, приняв все это во внимание, сообразовит в каждом случае благосклонно относиться к церковным вопросам Православной Церкви и исполнить горячие просьбы, чтобы Русская Православная Церковь могла иметь организованное и солидное Представительство в предстоящем Православном Просиноде»⁵⁹¹. В последних словах, подчеркнутых, по-видимому, Смидовичем, и выражался главный интерес Константинопольской Патриархии: обеспечить, хотя бы и с помощью богборцев, «организованное и солидное» представительство Русской Церкви на «Просиноде», то есть «помочь» православным в России «сорганизоваться» вместе с отпадшими от Православия обновленцами.

Вскоре обозначился и еще один пункт заинтересованности Фанара в Русской Церкви. Дело было в том, что, помимо «Вселенского Собора», идеей фикс греков в те годы было заключение унии с англиканами (разумеется, под красивые слова о христианском единстве, но в реальности, скорее, из чисто прагматических соображений). 18 августа 1931 г. Патриарх Фотий написал архимандриту Василию, что 15 октября в Лондоне собирается «Православная Догматическая Комиссия», чтобы «встретиться и совместно поработать с Комиссией Англиканской Церкви, составленной из наиболее авторитетных иерархов и богословов Англиканской Церкви по вопросу о догматических различиях, разделяющих две Церкви, с целью подготовить дело сближения и соединения этих Церквей» (русский перевод письма Димопуло отправил Смидовичу, которому, судя по всему, и принадлежат подчеркивания). «Все православные Автоке-

⁵⁹¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 27. Л. 57.

фальные Церкви, — продолжал Фотий, — уже избрали — каждая по одному особому представителю в состав этой Православной Догматической Комиссии. Ввиду необходимости и желательности представительства и от братской Русской Церкви было мнение и стремление, чтобы дело устроилось... приглашением кого-либо из находящихся за границей русских беженских Архиереев. Однако ж, так как надлежит, чтобы представитель Русской Церкви представлял действительную Великую Русскую Церковь, с соблюдением в полной мере ее авторитета, то мы настоящим письмом спешим предложить Вашему Высокопреподобию, чтобы Вы обратились к вождям двух великих тамошних церковных частей, Патриаршей и Синодальной, и выразили наше желание и просьбу, соответствующие мнению и желанию также и прочих братских Церквей, чтобы 1) или общим братским соглашением обоих названных церковных частей был избран, в возможно кратчайший срок, сообща ими обоими один общий представитель всей Русской Церкви... 2) или, если это невозможно, чтобы был избран отдельно от каждой из двух церковных частей один особый представитель, причем об избрании двух, в виде исключения вместо одного, представителей Русской Церкви также должны мы получить незамедлительно уведомление, или же 3) наконец, если и это невозможно, каждая из двух церковных частей возложила представительство в этой комиссии на нашего представителя в этой комиссии, или же на представителя другой братской Церкви»⁵⁹². Таким образом, обновленческую псевдоцерковную организацию глава Фанара в очередной раз квалифицировал как одну из «двух великих тамошних церковных частей». И при таком каноническом сознании Патриарх Фотий собирался решать догматические вопросы с англиканами!

Архимандрит Василий, понимая, где будет приниматься решение об отправке русской делегации в Англию, обратился не только к «вождям двух великих церковных частей», но и к «Заместителю Председателя ВЦИК» П. Г. Смидовичу (который в действительности занимал должность председателя Комиссии по вопросам культов при ВЦИК) с просьбой «не отказать в разрешении осуществить Православной Церкви в СССР свое представительство в Лондоне, для поддержания и укрепления авторитета Русской Православной Церкви в ряду других Православных и Инославных Церквей и для фактического доказательства действительно существующей в СССР внутренней свободы религиозной совести»⁵⁹³. Судя по подчеркиванию, последний аргумент привлек внимание Смидовича, однако решающим не стал. 16 сентября 1931 г. возглавляемая им комиссия при ВЦИК постановила: «Принять к сведению сообщение тов. Тучкова об отказе Патриаршей и Синодальной Церквей принять участие в Лондонской догматической комиссии»⁵⁹⁴.

⁵⁹² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 27. Л. 51–51 об.

⁵⁹³ Там же. Л. 50.

⁵⁹⁴ Там же. Л. 54.

Причины отказа Русской Церкви от участия в «Догматической Комиссии» были обстоятельно изложены митрополитом Сергием в письме архимандриту Василию от 30 сентября 1931 г., опубликованном затем в «Журнале Московской Патриархии»: «Догматическая Комиссия... является далеко не первым, а скорее одним из последних, если не прямо завершительным шагом Вселенской Патриархии по пути к соединению с англиканской церковью. Это дело ведется уже не один год, и Вселенской Патриархией (как и некоторыми другими автокефальными Православными церквями) в целях того же соединения приняты весьма важные решения. Нам известно, напр[имер], о признании англиканской иерархии. Между тем Русская Православная Церковь не только не приглашалась высказать свое мнение по тому или другому обсуждаемому догматическо-каноническому вопросу, но и не была своевременно и в надлежащей полноте осведомляема о принятых уже решениях. <...> О признании англиканской иерархии я узнал случайно из заметки в Афинской “Екклесиа” о том, что Блаженнейший Патриарх Александрийский (Мелетий. — *свящ. А. М.*), вместе с Рождественским поздравлением и как бы в виде Рождественского подарка, послал Архиепископу Кентерберийскому постановление своего Синода о признании англиканской иерархии, к чему журнал добавлял, что Константинопольской Патриархией эта иерархия признана еще раньше. Казалось бы, Русская наша Церковь и по числу своих пасомых, и по своему значению в православном мире заслуживала в данном деле более внимательного к себе отношения со стороны Матери-Церкви Константинопольской, и голос нашей Русской церкви, своевременно выслушанный, едва ли был бы лишним при решении столь важного вопроса. Не забудем, что вопрос этот имеет не местный интерес, что он затрагивает самую нашу веру, наше общецерковное достояние, вверенное единству всех Православных автокефальных Церквей, а не некоторым из них...

Теперь нас приглашают, но мы уже не можем и не считаем удобным принять это приглашение, чтобы потом не оказаться пред каким-нибудь неожиданным для нас совершившимся фактом и не нести ответственности за решение, разделять которое по совести мы не будем.

Да и по существу своему вопрос о соединении церквей требует величайшей осмотрительности. Действительную ценность здесь имеет лишь то соединение, которое покоится на полном единстве упования. Мы со своей стороны не можем отказаться от веры, что только наша Православная, уцелевшая на Востоке Церковь есть Церковь Христова. Соединение с нашей Церковью какого-либо иного общества мы можем мыслить лишь под образом спасения утопающих. Было бы странно, если бы утопающий, прежде чем принять помощь с корабля, начал ставить какие-нибудь свои условия. <...> Если для соединения с англиканами и теперь уже потребовались с нашей стороны уступки, притом экстренные (без достаточной подготовки к ним общеправославного сознания), то есть основания опасаться, что плодом всех сношений и переговоров с англиканами будет не подлинное единство англикан с

Церковью, а лишь внешний, так сказать, дипломатический союз, прикрывающий внутреннее расхождение»⁵⁹⁵. Хотя отказ Русской Церкви от унии с англиканами соответствовал и интересам советской власти, ответ митрополита Сергия архимандриту Василию выражал совершенно ясное церковное сознание в данном вопросе. Что же касалось приглашения на «Просинод», Заместитель Местоблюстителя обещал уведомить Димопуло о своем решении позднее.

В письме самому Патриарху Фотию от 15 октября 1931 г. в ответ на призывы к миру с обновленцами митрополит Сергей резонно заметил, что «путь, избранный к водворению мира, едва ли можно признать целесообразным. Пренебрегать авторитетом местной церковной власти и систематически оказывать “защиту” лишь элементам самочинствующим значит не водворять мир в автокефальной церкви, а старательно его разрушать»⁵⁹⁶. Непосредственным поводом для этих слов митрополита Сергия было покровительство Константинопольского Патриарха митрополиту Евлогию, но, несомненно, подразумевалась и многолетняя *систематическая* поддержка Фанаром раскольников-обновленцев. «Факты этой “систематической защиты” всем известны, — комментировал слова митрополита Сергия митрополит Елевферий в письмах, разосланных им Предстоятелям Православных Поместных Церквей, в частности Патриарху Сербскому Варнаве, — покровительство Константинопольской Патриархии живоцерковникам и обновленцам в России вплоть до предложения блаженной памяти Патриарху ее Тихону в угоду им отказаться от власти и отдать ее этим самочинникам, закрепление откола от Русской Церкви епархий финляндской, эстонской, дарование Польской Церкви автокефалии и, наконец, пока последний по времени — присвоение, хотя и временное, Ее Западноевропейских приходов, который... определяется свв. канонами как особо великий грех»⁵⁹⁷.

Подготовка к «Просиноду» тем временем шла своим чередом. Патриарх Фотий по-прежнему надеялся увидеть на нем обновленцев, но находил поддержку в этом далеко не у всех. Так, Сербский Патриарх Варнава 14 февраля 1932 г. писал митрополиту Литовскому Елевферию: «По дошедшим до нас случайным сведениям, Вселенский Патриарх имеет намерение пригласить к участию в предстоящем Просиноде, независимо от представителей Тихоновской церкви, также и представителей так называемой “Живой церкви”... Но мы с нашими боголюбезными архиереями считаем “живоцерковников” нару-

⁵⁹⁵ Ответ Заместителя на приглашение к участию в Лондонской догматической комиссии и в предсоборном всеправославном собрании (ПРОСИНОД) // Журнал Московской Патриархии. 1932. № 7–8. С. 6–7.

⁵⁹⁶ Послание Заместителя Константинопольскому Патриарху // Там же. С. 2.

⁵⁹⁷ Его Святейшеству, Архиепископу Печскому, Митрополиту Белградско-Карловацкому, Патриарху Сербскому Кир-Варнаве // Голос Литовской Православной Епархии. 1932. № 2. С. 32–33.

шителями св. канонов и отступниками от чистоты истинного православия»⁵⁹⁸. В оценке обновленчества Святейший Варнава со своими архипастырями был абсолютно прав, и то, что сами обновленцы к тому времени уже давно не называли себя «живоцерковниками», сути дела нисколько не меняло.

Конечно, решать самостоятельно, ехать или не ехать на Афон, ни Московская Патриархия, ни обновленческий лжесинод в той ситуации не могли. Вопрос этот рассматривался Комиссией по вопросам культов при ВЦИК — своего рода преемницей Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б). Если поездка русской делегации в Лондон ею безоговорочно отвергалась, то в отношении «Просинода» у нее такой ясности не было. По этой причине решено было запросить высшую партийную инстанцию. В сентябре 1931 г. П. Г. Смидович представил Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину развернутый доклад на этот счет с приложением документов (главным образом писем архимандрита Василия и Патриарха Фотия)⁵⁹⁹. Первым пунктом Смидович информировал Сталина, как об «исчерпанном вопросе», про отказ Русской Церкви от объединения с англиканами: «Совершенно очевидно, что Советская Власть заинтересована в том, чтобы такого рода сближение и соединение не имело место. Отсутствие делегатов Российских православных церквей срывает эту попытку. Надо было принять меры к тому, чтобы обставить отсутствие делегатов надлежащим образом. Ввиду того что приглашение к участию в “Догматической Комиссии” было одновременно направлено руководителям староцерковников и обновленцев, были приняты меры, чтобы эти руководители от своего лица в надлежащей форме отклонили это предложение. Это было своевременно достигнуто». (Как уже было отмечено, нет ни малейшего ощущения, что митрополит Сергей действовал тогда вопреки своим собственным убеждениям, на обновленцев же, вероятно, ОГПУ пришлось надавить. Александр Введенский, например, давно мечтал о поездке в Англию и даже некоторое время в 1924 г. титуловался «митрополитом Лондонским и всея Европы», а в 1929 г. писал А. В. Луначарскому конфиденциальные письма с просьбой поспособствовать его выезду за границу⁶⁰⁰.)

Второй пункт доклада Смидовича Сталину, собственно, и касался вопроса о «Просиноде». Начинался он с небольшого, но весьма примечательного вступления: «В Москве постоянно проживает официальный представитель “Вселенского Патриарха” архимандрит ДИМОПУЛО. Эта связь используется с пользой для дела». Видимо, ранее Сталину не докладывали, каким «полезным

⁵⁹⁸ Его Высокопреосвященству, Митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию // Голос Литовской Православной Епархии. 1932. № 2. С. 30.

⁵⁹⁹ Доклад частично опубликован (см.: *Курляндский И. А.* Сталин, власть, религия. М., 2011. С. 627–628), но с существенными неточностями, по причине чего цитируется далее по архивному подлиннику.

⁶⁰⁰ См.: *Галутва Г. В.* Вершины и пропасти Александра Введенского, митрополита и человека. М.; Таруса, 2015. С. 332–334.

для дела» был архимандрит Василий, но наконец наступил момент узнать о нем и самому Генеральному секретарю. «Однако, — продолжал Смидович, — за все эти годы не допускались ни выезды представителей православных церквей к патриарху, ни въезд иных представителей патриарха в СССР, чего патриарх неоднократно добивался. Патриарх всемерно старается сохранить связь с Советской властью и с православными церквями, и эти старания приводят к тому, что линии антисоветской он не ведет открыто и в “крестовых походах” не участвует, хотя в то же время с эмигрантским православным духовенством связан, ведет свою игру, подрывая влияние и значение за границей митрополита Сергия, местоблюстителя патриаршего престола в Москве, — чем вредит нашей линии». Намек Смидовича на проведение советской линии за границей через митрополита Сергия (а не через обновленцев) заслуживает внимания. Такая постановка вопроса была новой, можно видеть в ней зачатки политики использования Московской Патриархии на международной арене, которую сталинское руководство стало активно проводить в 1940-е гг. Обновленцы при этом становились ненужными.

Далее Смидович писал: «Сессия Просинода имеет целью полное освещение положения православных церквей в СССР, восстановление “административного единства Русской церкви” (воссоединение староцерковников с обновленцами) и урегулирование взаимоотношений православных церквей внутри и вне пределов СССР. Сессия Просинода состоится и без представителей “Российских православных церквей”. Надлежащее представительство повело бы к благоприятному, с нашей точки зрения, течению работ сессии. Однако такое представительство организовать при настоящих условиях очень трудно. Отсутствие представительства вывело бы окончательно работу в Константинополе из-под нашего влияния и могло бы поставить вселенского патриарха на антисоветский путь. Ввиду приближения срока созыва Просинода вопрос этот необходимо решить теперь же. Комиссия по вопросам культов просит ЦК ВКП(б) дать в ближайшем времени директиву по этому вопросу. В случае положительного решения его надо иметь достаточно времени, чтобы организовать надлежащим образом представительство православных церквей на сессии просинода»⁶⁰¹. Логика предложения Смидовича понятна: по сути дела он просил санкционировать административное объединение «староцерковников и обновленцев», с тем чтобы они совместно организовали «надлежащее представительство» на «Просиноде» для «благоприятного» советской власти «течения работ» этого собрания. На самом докладе нет никаких резолюций. По мнению его публикатора И. А. Курляндского, «положительного решения о присутствии на заседании Просинода на Афоне представителей православных церквей ЦК ВКП(б) и Сталиным принято не было»⁶⁰². Так это или нет, однозначно сказать нельзя, но

⁶⁰¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 27. Л. 45–48.

⁶⁰² Курляндский. Сталин, власть, религия. С. 628.

через несколько лет с требованием власти объединиться с обновленцами митрополит Сергей все же столкнулся и это едва не закончилось его арестом.

Тем временем теплая переписка Патриарха Фотия и глав некоторых других Поместных Церквей с обновленческими раскольниками продолжалась и в 1931-м, и в последующие годы. Только с каждым разом взаимные приветственные грамоты становились все менее и менее содержательными, и даже Патриарх Иерусалимский Дамиан в своих дежурных поздравлениях перестал просить у обновленцев денег⁶⁰³. Понял, видимо, что бесполезно. Некоторый всплеск активности раскольников произошел в 1932 г. в связи с их попыткой отпраздновать на международном уровне свое десятилетие. Их собственный «Вестник» к тому времени уже перестал выходить, «Журнал Московской Патриархии», который, напротив, начал издаваться с 1931 г., такое «важное» событие проигнорировал, но «Голос Литовской Православной Епархии», выпускаемый митрополитом Елевферием, дал весьма выразительный комментарий. «Обнадеженные дружескими благопожеланиями, “обновленцы” дошли до предела, кажется, непозволительной, неприкрытой даже внешним приличием смелости и разослали Восточным Патриархам послание, в котором извещают их о праздновании десятилетия со дня “отречения” Святейшего Патриарха Тихона и организации “Высшего Церковного Управления” (так называемой “живой церкви”). Трудно представить, какую нужно иметь совесть, чтобы праздновать позорнейшую страницу в истории русской Церкви — измену своему Первоиерарху и образование раскола — и приглашать сорадоваться этому Предстоятелей Восточных Православных Церквей. <...> Но если подобного и еще большего церковного бесстыдства можно ожидать от тех, кто не стесняется говорить об “отречении” Патриарха Тихона и кто с обманом начал свое существование, то каково же горькое удивление, когда мы читаем ответ на это послание Александрийского Патриарха Мелетия. Правда, ответ этот сдержан и более чем сдержан <...> И хотя Святейший Мелетий прямо говорит в своем ответном послании, что “на наше общение вы должны смотреть не как

⁶⁰³ См.: Рождественское приветствие Вселенскому Патриарху Фотию II // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1931. № 1–2 (50–51). С. 1–2; Приветственная грамота Вселенского Патриарха Фотия II с Праздником Рождества Христова на имя председателя Священного Синода в СССР Митрополита Виталия // Там же. С. 2; Грамота Иерусалимского Патриарха Дамиана на имя председателя Священного Синода Православных Церквей в СССР // Там же; Грамота Вселенского Патриарха Фотия II-го на имя председателя Св. Синода Митрополита Виталия с выражением благодарности за поздравление по случаю дня тезоименитства Его Всесвятейшества // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1931. № 3–4 (52–53). С. 1; Пасхальное приветствие Св. Синода Православных Церквей в СССР Вселенскому Патриарху Фотию II-му // Там же. С. 2; Пасхальное приветствие Св. Синода Православных Церквей в СССР Иерусалимскому Патриарху Дамиану // Там же; Грамота Вселенского Патриарха Фотия II с Пасхальным приветствием Св. Синода Православных Церквей в СССР // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1931. № 5–6 (54–55). С. 1; Грамота Иерусалимского Патриарха Дамиана с Пасхальным приветствием Св. Синода Православных Церквей в СССР // Там же. С. 1–2.

на отвержение священной памяти Патриарха Тихона”, но, тем не менее, с праздником обновленцев поздравляет, признает “жизненной частью” Церкви наравне со всеми “деятельными церковными частями” в России, ни с одной из которых он не порывает общения»⁶⁰⁴.

Обновленцам было чему порадоваться, а православным — чему в очередной раз неприятно изумиться, глядя на такую изворотливость. «Некоторые Церкви-Сестры, — продолжал свой комментарий автор из литовского журнала, — дошли до того, что стали проповедовать неслыханную в Церкви теорию о том, что Поместная Церковь может представлять собою группу враждующих церковных объединений, которые все тем не менее являются живыми частями Тела Христова. Эта теория — ложна в отношении к учению об единстве Церкви, не терпящем смешения света и тьмы, Истины с ложью, Церкви с расколом. Она неискренна, потому что никто из Глав этих Церквей-Сестер не допустил бы чего-либо подобного в отношении к своей поместности. И потому здесь мы видим ущербленность сознания Церковного Единства вне личной заинтересованности, с одной стороны, и почти неприкрытое желание ослабить Великую Сестру Русскую Церковь, с другой»⁶⁰⁵. *Ущербленность сознания* глав «некоторых Церквей-Сестер» показана в этом рассуждении, как представляется, весьма убедительно. Единственная оговорка, которую необходимо сделать, когда речь идет о проблеме единства Русской Православной Церкви в 1920–1930-е гг., заключается в том, что после кончины Патриарха Тихона каноническим центром этого единства в полной мере был Патриарший Местоблюститель митрополит Петр, а его заместитель — митрополит Сергей — лишь отчасти, поскольку проводимой им с 1927 г. просоветской политикой он оттолкнул от себя значительное число церковных ревнителей, которых считать отпавшими от Церкви никак нельзя и многие из которых ныне причислены к лику святых⁶⁰⁶. Однако в контексте рассматриваемой темы это не столь существенно, поскольку греческие церковные политики вовсе не пытались войти в какое-либо общение с «тихоновскими» подвижниками в России. Признанного всей Русской Церковью Патриаршего Местоблюстителя священномученика Петра они фактически игнорировали и тогда, когда он был еще на свободе, а после его ареста и вовсе не вспоминали о нем. Греки строили свои отношения с предателями-обновленцами, в безблагодатности и отпадении от Церкви которых никаких сомнений у православного человека быть не могло. Здесь они действительно шли на «смешение света и тьмы, Истины с ложью, Церкви с расколом».

Конечно, словесные лобызания фанариотов с раскольниками не могли не смущать православных людей в России. В Московскую Патриархию в связи с

⁶⁰⁴ Светлов А. О церковном единстве // Голос Литовской Православной Епархии. 1932. № 7. С. 117.

⁶⁰⁵ Там же. С. 123.

⁶⁰⁶ Подробнее об этой проблеме см.: Мазырин А., свящ. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах / Науч. ред. прот. В. Воробьев. М., 2006.

этим продолжали поступать недоуменные вопросы, на которые нужно было давать спокойные и взвешенные ответы. Так, 2 декабря 1931 г. Синод митрополита Сергия по запросу одного из Преосвященных вынес постановление об отношении к греческому (а также грузинскому) клиру, причем епископ спрашивал, «имея в виду явное благоволение Патриарха Константинопольского к обновленцам и вообще ко всем, кто не с нашей Патриархией (Митроп[олит] Евлогий)». Временный Патриарший Синод постановил: «Ввиду того что общение с Константинопольской Патриархией у нас не прервано, Епархиальный Архиерей должен относиться к греческому клиру и мирянам как к Православным». По контрасту с этим приходящих из Грузинской Церкви предписывалось принимать *через покаяние*⁶⁰⁷. Спустя полгода Синоду митрополита Сергия вновь пришлось рассматривать вопрос о взаимоотношениях с греческим духовенством. Один из протоиереев г. Феодосии представил рапорт, в котором описал свою непростую ситуацию. Лишившись своего храма, община городского православного собора вынуждена была совершать богослужения в местной греческой церкви. Условием этого со стороны греков было поминовение Патриарха Фотия. В результате русский священник стал поминать за богослужением Константинопольского Патриарха, Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, его заместителя митрополита Сергия и местного православного епископа Порфирия (Гулевича), в то время как греческий священник поминал только Вселенского Патриарха. Такое положение стало порождать среди православных толки о причастности грека к обновленчеству, а «вместе и патр[иарха] Фотия». Примечательно, что Синод не стал опровергать причастность Фотия к обновленчеству, а порекомендовал, «ввиду неопределенности церковной позиции греческого священника, русской общине лучше совершать свое богослужение самостоятельно»⁶⁰⁸.

Официальный ответ митрополита Сергия на вопрос Константинопольского Патриарха о «Просиноде» был дан лишь в письме от 12 апреля 1932 г. на имя архимандрита Василия. Прозвучал он с удивительным достоинством и ясностью: «Предложенные нам условия избрания депутатов ставят нашу Церковь в совершенно неудобное положение на Просиноде. <...> Нашу Церковь Его Святейшеству угодно рассматривать как неорганизованную церковную массу, не имеющую канонического возглавления. Наши депутаты должны явиться на Просинод не представителями Поместной Русской Церкви, равноправной с другими Поместными Церквами, а представителями каждый каких-то “церковных кругов” (как принято теперь выражаться), то есть, повторяю, неорганизованной массы, не имеющей своего лица и, следовательно, канонических прав, в том числе и решающего голоса на Соборе Поместных Церквей. В луч-

⁶⁰⁷ Постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при Нем Патриаршего Синода // Журнал Московской Патриархии. 1932. № 9–10. С. 6–7.

⁶⁰⁸ Там же. № 11–12. С. 3–4.

шем случае наши депутаты могут оказаться в положении каких-то просителей, а в худшем — даже ответчиков или обвиняемых. Ни то, ни другое не представляется для нас ни приемлемым, ни допустимым. Не имея к тому же решающего голоса, а с этим и возможности законно влиять на постановления Просинода, наша депутация своим присутствием на Просиноде может создать впечатление, будто постановления Просинода приняты при участии нашей Русской Церкви». На основании изложенных соображений митрополит Сергей от имени себя самого и состоявшего при нем Патриаршего Синода заявлял Димопуло, а через него и Фотию, свой официальный отказ от участия Русской Церкви в работе «Просинода».

Далее в том же письме Заместитель Местоблюстителя высказывался и по поводу внесения в программу «Просинода» вопроса о разделении в Русской Церкви: «Русский вопрос есть вопрос прежде всего наш домашний, внутренний, и подлежит разрешению прежде всего самой Русской Церкви. Поместная Автокефальная Русская Церковь не утратила ни Апостольского преемства, ни законного священноначалия, а вместе с этим и канонических прав и возможностей разрешать все свои внутренние вопросы своею властью, своими силами и средствами. Когда она признает, что вопрос превышает ее силы, она обратится за помощью к Сестрам — Церквам Православным, внесет такой вопрос на их соборное рассуждение. Но на Собор поступить эти внутренне-церковные вопросы могут только по инициативе и решению самой же Поместной Церкви, и отнюдь не помимо ее»⁶⁰⁹.

Отвлекаясь немного от темы, можно заметить, что в целом деятельность митрополита Сергея как Заместителя Патриаршего Местоблюстителя в 1920—1930-е гг. вызвала и вызывает немало нареканий (его взаимоотношения с властью, подавление внутрицерковной оппозиции и т. д.). Но то, как он держался с фанариотами, не может не вызывать восхищения. Твердая позиция Московской Патриархии в отношении «Просинода» привела к срыву планов Фанара по его проведению, причем уже в самый последний момент (за шесть дней до начала заседаний). 30 июня 1932 г. архимандрит Василий направил митрополиту Сергию (и обновленцам, надо полагать, тоже) письмо: «Честь имею сообщить Вашему Высокопреосвященству, что открытие заседаний Просинода, предполагавшееся 19 июня с. г. на св. горе Афонской, по инициативе Вселенской Патриархии, откладывается. Отсрочка эта вызвана настоятельной необходимостью присутствия на Просиноде представителей всех автокефальных церквей, которое к настоящему моменту не могло быть осуществлено». Письмо Димопуло было заслушано на заседании Синода митрополита Сергея, который явно не без удовлетворения постановил: «Означенное письмо Представителя

⁶⁰⁹ Письмо Заместителя Представителю Вселенского Патриарха в СССР Архимандриту Василию Димопуло // Журнал Московской Патриархии. 1932. № 9—10. С. 1—2.

Вселенского Патриарха в СССР Архимандрита Василия Димопуло принять к сведению»⁶¹⁰.

На том же заседании Синода было «принято к сведению» и письмо митрополита Елевферия от 6 июля 1932 г., давшего свой комментарий к откладыванию «Просинода». «Из некоторых заграничных источников выяснилось, что главною причиною неудачи с Просинодом был отказ Русской Церкви от участия в нем; за нею отказались Сербская, Румынская, Кипрская и Греческая (Элладская)». Митрополит Елевферий расценивал срыв Просинода как «первый (вероятно) добрый плод» деятельности митрополита Сергия «уже для всей Православной Вселенской церкви». «Думаю, что Вы откажетесь от представительства своей Церкви, если Константинопольский Патриарх вздумает осенью повторить свое решение созвать Просинод, если бы даже на этот раз он не сделал той же своей ошибки, представляя Русскую Церковь церковною массою без канонического ее возглавления, ибо едва ли от того изменятся недружелюбные чувства его к Русской Церкви, которые, к сожалению, проявляются к ней со стороны Константинополя, даже если бы мы и не хотели в них видеть недружелюбия, а только повод некстати проявить свою мегаломанию»⁶¹¹. Примечательно, что это письмо митрополита Елевферия, скорее личное, чем официальное, написанное далеко не в самом дипломатичном по отношению к Фанару тоне, было не просто оглашено на Синоде, но и опубликовано в «Журнале Московской Патриархии». Очевидно, тем самым Заместитель Местоблюстителя давал понять, что он позицию Литовского митрополита полностью разделяет.

В 1933 г. митрополит Сергий вновь обратился к Патриарху Фотию с недобрым вопросом. Поводом опять оказалось дело митрополита Евлогия, точнее — нежелание Константинопольского Патриарха отвечать на претензии к нему со стороны Московской Патриархии в связи с неканоническим приемом им евлогиан в свою юрисдикцию. «Не могу умолчать, — писал Фотию митрополит Сергий, — что отсутствие ответа производит здесь удручающее впечатление на всех верных сынов Православной Церкви. В особенности при свете предложения Вашего Святейшества о порядке участия нашей поместной Православной Церкви Русской в предполагавшемся Просиноде такое отсутствие может давать желающим повод заключать, что Константинопольская Патриархия теперь предпочитает исконному и предписываемому канонами общению с законным священноначалием Православной нашей Церкви Русской общение с непослушными этому священноначалию отщепенцами, раздирающими хитон Христов»⁶¹². Митрополит Сергий, как опытный дипломат, конечно, весьма аккуратно подбирал слова. Однако упоминание о навязываемом Фанаром по-

⁶¹⁰ Постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при Нем Патриаршего Синода // Журнал Московской Патриархии. 1932. № 11–12. С. 2.

⁶¹¹ Там же. С. 2–3.

⁶¹² Послание Заместителя Вселенскому Константинопольскому Патриарху // Журнал Московской Патриархии. 1933. № 16–17. С. 3–4.

рядке представительства Русской Церкви на несостоявшемся «Просиноде» (на паритетных началах с безблагодатными обновленцами) делало намек вполне ясным: православный народ в России считает Фотия обновленцем, отпавшим от Церкви, а он своими действиями только подтверждает подозрения в свой адрес.

До конца, однако, отношений с Патриархом Фотием и даже с явным обновленцем Димопуло митрополит Сергей не порывал. Весной 1934 г. в Московской Патриархии состоялось большое торжество. К тому времени стала уже очевидной безнадежность получить от власти разрешение на проведение Собора Русской Православной Церкви и решить на нем вопрос о замещении Московской патриаршей кафедры. Тогда окружение митрополита Сергея, не имея возможности произвести его в Патриархи, решило повысить его статус путем усвоения ему титула «Блаженнейшего митрополита Московского и Коломенского». При этом митрополит Сергей оставался в должности *Заместителя Патриаршего Местоблюстителя*, что делало ситуацию в каноническом отношении довольно странной: Московское патриаршество не упразднилось, но сама кафедра Патриарха занималась митрополитом, а иерарх с титулом «Московский» оказывался заместителем митрополита Крутицкого, хотя правильно — наоборот. 27 апреля 1934 г. по поводу нового титулования митрополита Сергея был составлен особый синодальный акт, под которым подписался 21 епископ (еще около 70 архиереев присоединились к нему посредством телеграмм⁶¹³), а 2 мая в московском кафедральном Богоявленском соборе при большом стечении духовенства и паствы состоялась его своего рода интронизация. Приглашен был на это торжество и архимандрит Василий и даже, по его собственному свидетельству, поприисутствовал⁶¹⁴, хотя «Журнал Московской Патриархии» в соответствующей передовой статье и не отметил этого примечательного факта⁶¹⁵. Но в любом случае, Димопуло не был проигнорирован Московской Патриархией, поскольку в постановлении Патриаршего Синода о новом титуле митрополита Сергея содержалось предписание сообщить о нем «Представителю Восточных Патриархов в Москве»⁶¹⁶. Архимандрит Василий достаточно оперативно проинформировал Фанар о переменах в Московской Патриархии. Реагируя на полученное известие, Патриарх Фотий, с одной стороны, предложил своему Синоду поздравить митрополита Сергея, но тут же отметил элемент некано-

⁶¹³ См.: Документы Московской Патриархии: 1934 год / Публ. и коммент. А. К. Галкина // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4 (19–20). С. 184–221.

⁶¹⁴ *Καλαϊτζής Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 728.

⁶¹⁵ [Сергий (Воскресенский), еп.] 14/27 апреля 1934 г. войдет особо знаменательным днем в историю Русской Православной Церкви: В этот день Заместитель Патриаршего Местоблюстителя Митрополит Горьковский Сергей соборным голосом русской Иерархии был возведен на Первосвятительскую Московскую кафедру с титулом Блаженнейший // Журнал Московской Патриархии. 1934. № 20–21. С. 1–2.

⁶¹⁶ Постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при Нем Патриаршего Священного Синода // Журнал Московской Патриархии. 1934. № 20–21. С. 4.

ничности в изменении титула и кафедры Заместителя Местоблюстителя при отсутствии главы Церкви. В итоге было решено запросить у архимандрита Василия дополнительные разъяснения, но тот их дать уже не успел (помер)⁶¹⁷.

Следует признать, что в данном случае скепсис Фанара относительно акции Московской Патриархии не был лишен оснований. Митрополита Сергия авторитетно предупреждали об этом. 7 мая 1934 г. старейший на тот момент православный иерарх в России митрополит Арсений (Стадницкий) писал ему о своих сомнениях на счет того, «благовременен ли теперь заниматься титулованием»: «Ведь это, по-моему, имеет не личное значение, а общецерковное, так как оно, вероятно, связано будет с признанием этого титула не только со стороны нашей иерархии, но и со стороны других православных Церквей. А что, если не согласятся? Кроме того, не будет ли это поводом для оппозиции к еще большему разделению и нападкам на Вас и возглавляемый Вами Синод, который в такое тяжкое время занимается титулованием, как это было при св. Григории Богослове, к[ото]рый обличал своих собратьев, “гонявшихся за титулами, когда нужно украшаться добродетелями”. И удобно ли Заместителю украшаться этим титулом, когда Местоблюститель лишен этого и неизвестно даже, где обретается, и хотя фактически не управляет Церковью, но не по своей воле»⁶¹⁸. Действительно, поскольку главой Русской Церкви оставался заключенный митрополит Петр, новое титулование митрополита Сергия было некорректным. Однако со стороны Фанара выражение озабоченности на этот счет было очередным проявлением лицемерия, а не ревности о канонической чистоте. И Патриарх Фотий, и его предшественники спокойно признавали в качестве «митрополитов Московских» раскольников Виталия (Введенского), Вениамина (Муратовского), Серафима (Руженцева) и не вспоминали при этом о законном Предстоятеле Всероссийского Патриархата.

Можно предположить, что, если бы митрополит Сергей, следуя призыву Фанара, примирился с обновленцами и получил бы титул митрополита Московского во главе объединенной структуры, Константинопольская Патриархия никаких «элементов неканоничности» в этом бы не усмотрела. Но Заместитель, пойдя на серьезные уступки власти в плане политическом, был категорически против навязываемого ему объединения с раскольниками. Примечательные по-своему сведения на этот счет сообщал в частном письме от 13 февраля 1936 г. московский католический епископ Пий Невё: «О положении православных мне известно следующее. В течение прошлого года ГПУ активно занималось объединением “обновленческой” церкви с “тихоновской”. Чего только не увидишь в этой стране чудес! После переговоров митрополит Сергей решительно заявил, что он не желает церковного союза с митрополитом Александром Введенским (из обновленцев, женатый, причем дважды), хотя ГПУ

⁶¹⁷ *Καλαϊτζής Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἴκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 729.

⁶¹⁸ Документы Московской Патриархии: 1934 год. С. 212–213.

обещало тихонько услатить его куда-нибудь в провинцию. После этого сергиевский синод был распущен: сам он — старый и тугой на ухо — не выходит из своей комнаты, а все церковные дела поручены — по милости ГПУ — архиепископу Питириму Московскому (точнее, Дмитровскому, Крылову. — *свящ. А. М.*), которого все православные открыто обвиняют в том, что он является агентом советской полиции. <...> Если бы Господь дал нам хоть малую толику свободы, как быстро смогла бы набрать силу Католическая Церковь»⁶¹⁹.

Можно было бы не доверять свидетельству враждебного Православной Церкви Невё, но о попытках НКВД (включившем в 1934 г. в свой состав ОГПУ как Главное управление Госбезопасности — ГУГБ) осуществить «объединение “обновленческой” церкви с “тихоновской”» сообщал и русский зарубежный протоиерей Стефан Ляшевский, который, еще будучи мирянином, беседовал в январе 1936 г. с митрополитом Сергием и затем следующим образом передал его слова: «Ко мне явились из НКВД и сказали, чтобы я безоговорочно шел на полное слияние с обновленцами, иначе меня посадят на кол, а все храмы закроют. Сливаться с обновленцами было равносильно уничтожению Церкви, поэтому я почувствовал, что теперь я уже со спокойной совестью могу не идти на этот компромисс, хотя этим и уничтожалась полностью Церковь. Я ответил категорическим отказом. <...> Как я позже узнал, такое же предложение было сделано и Митрополиту Петроградскому Алексию, в тот же самый день, и ему не позволили снести со мной, сказав, что я согласился на их предложение. Ему так же угрожали, как и мне. Он дал такой же отрицательный ответ, как и я»⁶²⁰. Как видно, протоиерей Стефан, хотя и находился после войны в юрисдикции Русской Зарубежной Церкви, относился с пиететом к митрополитам (Патриархам) Сергию и Алексию. Важно, однако, что его свидетельство вполне согласуется со свидетельством Невё, который к Московской Патриархии никаких симпатий не питал. Это позволяет считать, что требование «полного слияния с обновленцами» митрополиту Сергию со стороны НКВД в середине 1930-х действительно было предъявлено, но он его, к своей немалой чести и к большому раздражению боготорческой власти, отверг.

В начале 1935 г. прекратилось издание «Журнала Московской Патриархии». Так получилось, что последней заметкой в нем стало сообщение о том, что «4-го сентября 1934 г. скончался представитель Вселенского Патриарха Архимандрит Василий Димопуло. Заупокойная литургия и отпевание были совершены в храме Преподобного Сергия, что в Крапивенском пер. г. Москвы. Погребен покойный на Ваганьковском кладбище»⁶²¹. Заметка, как видно, весьма лаконичная, по принципу: *de mortuis aut bene, aut nihil*. Вероятно, обновленцы

⁶¹⁹ Венгер А. Рим и Москва. 1900–1950. М., 2000. С. 468–469.

⁶²⁰ Кострюков А. А. Новые сведения о жизни и деятельности митрополита Сергия (Страгородского) в 1920–1930-е гг. (по материалам архива протоиерея Стефана Ляшевского) // XX Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ: В 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 314.

⁶²¹ Хроника Церковной жизни // Журнал Московской Патриархии. 1935. № 23–24. С. 12.

напечатали бы о почетном члене своего «Синода» гораздо больше и теплее, но уже не могли, поскольку их «Вестник» перестал выходить еще раньше, чем «ЖМП». Примечательно, что о кончине своего московского представителя Фанар узнал именно от раскольников из письма за подписью лжемитрополита Виталия. Этот же ряженный в белый клобук деятель возглавил и «отпевание» почившего архимандрита⁶²². Церковного погребения, таким образом, Димопуло не сподобился. Могила архимандрита Василия на Ваганьковском кладбище, по всей видимости, также не сохранилась⁶²³.

Смерть Димопуло знаменовала окончание целой эпохи в истории греческой церковной дипломатии на российском направлении. В заведении взаимоотношений Константинопольской и Московской Патриархий в тупик он сыграл, конечно, далеко не последнюю роль. Некоторые современники даже считали, что он один во всем и был виноват, но это явное преувеличение. Фанар преследовал свои глобальные цели, по сути дела, враждебные Русской Церкви, и резкого ухудшения отношений с ней при такой политике ему было не миновать. Архимандрит Василий, как мог, старался служить интересам своей Патриархии, не забывая при этом и о себе самом. Объективно, его мелочно-жадный нрав и крайняя неразборчивость в средствах, компрометировавшие Вселенскую Патриархию в глазах не только православных русских людей, но даже и советских чиновников, лишь вредили продвижению гегемонистских устремлений Фанара, руководство которого в конце концов стало это осознавать.

Еще в начале 1933 г. архимандрит Василий был вызван в Стамбул. Димопуло, который когда-то грозил работникам ВЦИК, что уедет из Москвы, вдруг расхотел возвращаться в родные южные края, объяснив это в письме от 31 января 1933 г. задержкой с выдачей ему паспорта. 24 октября того же года Патриарх Фотий снова предложил архимандриту Василию прибыть на Фанар для доклада о положении подворья и представительства и обсуждения их дальнейшей судьбы. Видимо, Димопуло не поспешил с ответом, поскольку 9 ноября Фотий написал ему еще раз. Заменить Димопуло на время отъезда должен был священник греческого посольского храма Иоанн Пападопуло(с). Фактически речь шла об отзыве архимандрита Василия из Москвы. Письмом от 18 января 1934 г. он известил Фанар о получении вызовов и о том, что он уже запросил соответствующий паспорт. Патриаршим письмом от 24 января 1934 г. иерею Иоанну было дано предписание о временном замещении выезжающего архимандрита, но тот так и не выехал, а своего сменщика смог «нейтрализовать» при помощи обновленцев и советских органов (подробнее об этом – ниже).

12 июня 1934 г. дело Димопуло было вновь обсуждено на заседании стамбульского Синода. Высказывалось мнение о необходимости заменить его

⁶²² *Καλαϊτζής Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχῃ... Σ. 656–659.

⁶²³ В обстоятельном исследовании о церковной части Ваганьковского некрополя фамилия Димопуло не фигурирует (см.: *Матюшин С., священ.* Священное Ваганьково. М., 2007).

варшавским архимандритом Иларионом (Васдекасом). Вопрос об отзыве архимандрита Василия был окончательно решен: ему предписывалось покинуть Москву и передать дела любому греческому священнику на территории России, поскольку Пападопуло в его права вступить так и не смог. 13 июня Димопуло было направлено письмо от Патриарха, в котором сообщалось решение Синода и преподавались надлежащие инструкции⁶²⁴. Однако он этим предписаниям так и не внял, а через три месяца, 3-го (не 4-го, как было сообщено в «ЖМП») сентября 1934 г., скончался «от осложнений после операции, которую он перенес, страдая от мочекаменной болезни», как сказано в официальном некрологе в журнале «Ортодоксия». В том же некрологе отмечалось: «Весть о его внезапной кончине была получена Церковью в телеграммах из Москвы, в которых выражается большая любовь к преставившемуся со стороны российских церковных деятелей и скорбь о его кончине... Его отличали доброжелательный нрав и усердие в служении, он всегда исполнял свои обязанности ревностно и с преданностью по отношению к Церкви»⁶²⁵.

Историки обновленчества А. Э. Левитин и В. М. Шавров по прошествии десятилетий так характеризовали архимандрита Василия: «Ловкий грек великолепно ориентировался в московских делах и плавал, как рыба в воде, в мутных волнах церковной смуты. Обновленцы уцепились за этого, никому дотолле не ведомого монаха, как за якорь спасения. Они осыпали его почестями, преподнесли бриллиантовый крест на клобук, сделали почетным членом Синода, возили его по всей России как представителя Восточной Церкви. <...> Архимандрит Василий с важным видом принимал все эти почести, постоянно служил в обновленческих храмах, раздавал интервью, причем все послания Вселенского патриарха, уклончивые и туманные, толковались им в угодном обновленцам смысле. Впрочем, архимандрит Василий был неглупым человеком. Сильно обрусев, он много читал, говорил проповеди по-русски и с похвалой отзывался о Введенском, называя себя его верным поклонником»⁶²⁶.

Не обошел стороной фигуру Димопуло-младшего и такой историк обновленчества, как А. И. Кузнецов: «Вся его “представительская” деятельность в Москве являлась сплошной авантюрой. Он был своим человеком в обновленческом Синоде, через него Синод вел переписку с православным Востоком; он уверял Синод, что Вселенский престол признает властью только его. То же самое он говорил и Патриаршему Местоблюстителю (едва ли такое было. — *святц. А. М.*), хотя здесь ему плохо верили. Наконец, он нашел доступ к григорианскому ВВЦС и его уверял, что Вселенский Патриарх признает только ВВЦС (и это сомнительно. — *святц. А. М.*). Неизвестно, чем кончилась бы авантюра этого

⁶²⁴ *Καλαϊτῆς Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 656–659.

⁶²⁵ Θάνατος Πατριαρχικοῦ ἐν Μόσχᾳ ἀντιπροσώπου // Ὁρθοδοξία. 1932. Σ. 385–386.

⁶²⁶ *Левитин, Шавров.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 409.

“фигаро”, если бы он не догадался скоро умереть. <...> Одним словом, это о нем сказано в древней поговорке “Греку нет веры”»⁶²⁷.

Не менее колоритно о московском представителе Фанара вспоминал и М. Е. Губонин: «В 1920-е годы грузного, черноволосого о. Василия (Димопуло) постоянно можно было встретить на московских улицах в районе Петровских ворот и Трубной площади. Здесь его лоснящаяся, как бы налитая жиром фигура типичного пузатого “попа” со страниц “Безбожника у станка”, — но ярко выраженного восточного типа, — встречалась в самом непринужденном виде: в старой, выгоревшей рясе и засаленной фетровой шляпе старинного образца, с огромной суковатой палкой в руках, он любил восседать на корточках в обществе чистильщиков сапог — своих земляков: греков, халдеев и сирийцев по национальности, громогласно рассуждая на непонятном для прохожих диалекте, демонстративно и бесцеремонно жестикулируя и руками, и палкой. <...> В храм Сергия в Крапивках (в Крапивенском переулке, соединяющем Петровку с проездом Петровского бульвара) при бывшем подворье Вселенской Патриархии в Москве молиться никто не ходил; народ считал о. Василия “красным”, т. е. обновленцем-раскольником, а его всегдашние резкость и грубость в обращении с людьми окончательно отталкивали от него. Кажется, он был неплохой выпивоха <...> Таков был почтенный полпред в России “Кир-кир” Вселенского Патриарха, известный всей церковной Москве 1920-х годов “сакеллион Василий”»⁶²⁸.

Как видно, российские церковные историки, знавшие не понаслышке об обновленчестве (а некоторые, как Левитин, и побывавшие в нем), единодушно характеризовали «ловкого грека», «фигаро» и «неплохого выпивоху», мягко говоря, не самым позитивным образом. Они бы написали о нем еще красочнее, если бы увидели, хоть краем глаза, его письма во ВЦИК: как этот «налитый жиром поп», словно сошедший с карикатуры безбожного журнала, борющийся всеми правдами и неправдами за то, чтобы к занимаемым им четырем комнатам добавить еще три, изображал из себя представителя «страждущего пролетариата Востока». История о том, как московский квартирный вопрос Вселенскую Патриархию испортил, вообще представляется достойной пера М. А. Булгакова.

Совсем по-другому, однако, деятельность «почтенного полпреда» оценивается в греческой историографии, а именно архидиаконом Хризостомом Калаидзисом, собравшим в архивах Фанара и Ватопеда об архимандрите Василии такую информацию, которой не имел никто другой, и даже зачем-то поведавшим миру историю его страданий по осьминогам. «В целом, — говорится в его объемном труде, посвященном истории московского константинопольского

⁶²⁷ Кузнецов А. И. Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол: Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики. М., 2002. С. 469.

⁶²⁸ Губонин М. Е. «Кифа». С. 328–329.

подворья, — архимандрит Василий Димопулос проявил великую мудрость и тонченность в своем отношении к событиям в России после смены правительства, повлиявшим на внутреннюю жизнь Церкви в России»⁶²⁹. Автор этих слов — с 1995 г. титулярный митрополит Мирликийский. Вспоминается приведенная А. И. Кузнецовым поговорка: «Греку нет веры».

С уходом Димопуло обновленцы потеряли своего главного адвоката в международных делах. Их контакты с Востоком стали быстро затухать. Впрочем, как сообщает Кузнецов, охлаждение отношений раскольников с Вселенской Патриархией произошло еще раньше, из-за американских дел. В марте 1934 г. в Нью-Йорке умер обновленческий «митрополит Северной Америки» Иоанн Кедровский, которому Фанар помог отсудить русское церковное имущество в США. В преемники ему обновленцы (очевидно, по согласованию с соответствующими советскими органами) решили поставить его сына — «протоиерея» Николая Кедровского, или Кедрова, причем возглавить «хиротонию» предложили греческому архиепископу Афинагору (будущему Константинопольскому Патриарху). Но тот от такой сомнительной чести отказался. Отказались и румынские, и сербские епископы в Америке, к которым обращался Кедров-Кедровский. Командировать же за океан обновленческого «архиерея» из СССР возможности не было (видимо, памятуя историю 1924 г. с «перевертышем» Николаем Соловьем, большевики более не желали рисковать). В итоге нужный обновленцам архиерей в Америке все-таки нашелся. Им стал запрещенный в служении греческий архиепископ Христофор (Контотеоргиос). Патриарх Фотий телеграфировал обновленцам в Москву, чтобы они воздержались от такого неканонического шага, но ему не ответили, и «архиерейская хиротония» над женатым лжепротоиереем Кедровым в августе 1934 г. была совершена. «Вселенский Престол убедился, — не без патетики комментировал ситуацию Кузнецов, — что из себя представляют обновленцы и как можно было вступать с ними в евхаристическое общение. Вероломство обновленцев было широко известно в Европе и Америке, теперь и в Фанаре узнали о вероломстве обновленцев»⁶³⁰. («Бедные, доверчивые фанариоты!» — так и хочется добавить к этому сетованию. К слову сказать, Христофор Контотеоргиос после смерти Николая Кедрова в 1944 г. возглавил обновленцев в Нью-Йорке, но затем менее чем через год благополучно вернулся в свой родной Константинопольский Патриархат⁶³¹.) Трогательная переписка Фанара с обновленцами после их американского «вероломства» прекратилась, да и прежнего посредника не стало, а организовать замену умершему Димопуло греки не смогли, хотя попытки были предприняты.

Первым кандидатом на его место, даже еще до смерти архимандрита Василия, был уже упоминавшийся священник Иоанн Пападопуло (1875—1938; в до-

⁶²⁹ Καλαϊτζής Χρ., διάκ. Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 770.

⁶³⁰ Кузнецов. Обновленческий раскол в Русской Церкви. С. 565—566.

⁶³¹ См.: Лавринов В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. С. 569.

кументах он также фигурирует как Попандопуло). По-своему это был тоже довольно примечательный персонаж. Уроженец турецкого Синопа, подданный Греции, с 1896 г. проживавший в России, он до 1933 г. был священником в греческом селе под Анапой. При этом, в полном соответствии с предписаниями архимандрита Василия, Пападопуло-Попандопуло, не «уклоняясь в лагерь староцерковников», состоял в ведении «Священного Синода», то есть был обновленцем. В июне 1933 г. по личному приглашению греческого посла Спиридона Полихрониадиса он переехал в Москву для служения в домовом храме при посольстве Греции. (То, что их будет духовно окормлять раскольник-обновленец, греческих дипломатов не смутило.) С таким послужным списком он вполне мог претендовать на то, чтобы стать официальным преемником Димопуло. Он даже унаследовал его знаменитую жилплощадь по адресу Крапивенский переулок, д. 4, кв. 5. Но с должностью не получилось: от его назначения Фанар отказался, мотивируя это тем, что Пападопуло не только не состоял в юрисдикции Константинопольской Церкви, но и успел попасть под «канонические» прещения у обновленцев⁶³².

Согласно справке обновленческого лжесинода «об антиканонической деятельности протоиерея церкви Святителя Николая, что на Никольской улице г. Москвы», предыстория его запрещения была такова: «1) Протоиерей Иоанн Попандопуло до июня 1933 г. служил приходским священником в Черноморской епархии и находился в каноническом подчинении Св. Синоду Православных Церквей в СССР. Высшие пресвитерские отличия (награды) он получил также от Св. Синода. 2) По сообщению Высокопреосвященного Митрополита Северо-Кавказского Владыки Петра (Сергеева. — *святц. А. М.*) от 24 декабря 1933 г. и по докладу Черноморского Архиепископа Сергия (Киреева. — *святц. А. М.*) от 2 декабря 1933 г., протоиерей Иоанн Попандопуло без разрешения подлежащей епархиальной власти в лице Высокопреосвященного Архиепископа Новороссийского и Черноморского Сергия, даже без всякого уведомления Владыки Сергия, равно как без ведома и разрешения Высокопреосвященного Митрополита Северо-Кавказского Петра, в июне месяце 1933 г. прибыл в Москву, где без разрешения и уведомления Правящего Московской епархией Высокопреосвященного Архиепископа Георгия (Жука. — *святц. А. М.*), а равно и без ведома Высшей Церковной Власти — Св. Синода Православных Церквей в СССР — вступил в должность настоятеля поименованного храма. 3) Св. Синод указом своим от 30-го декабря 1933 г. за № 3587 предложил протоиерею Иоанну Попандопуло прибыть в Св. Синод для представления Высокопреосвященному Председателю Св. Синода Митрополиту Виталию своих объяснений по настоящему делу. На означенный указ Св. Синода протоиерей Иоанн Попандопуло от 3-го января 1934 г. ответил, что он не находит возможным явиться в Св. Синод. 4) По сообщению Его Высокопреподобия, Представителя Патриар-

⁶³² *Καλαϊτζής Χρ., διάκ. Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 750.*

хов Константинопольского и Александрийского и Архиепископа Синайского, о. Архимандрита Василия, и к нему, как Представителю Вселенского Патриарха, протоиерей Иоанн Попандопуло по настоящему вопросу не обращался (отношение о. Архимандрита Василия Димопуло от 2 января 1934 г. за № 528)»⁶³³.

Непочтительность Попандопуло к Димопуло объяснялась, по-видимому тем, что он мог знать (например, от своих знакомых в греческом посольстве) о намеченном Фанаром отзыве архимандрита Василия из Москвы и уже настраивался занять его место. Подотчетным обновленческому «Св. Синоду» Попандопуло, как ставший посольским священником, тоже себя более не считал. Однако такая самоуверенность его подвела. 31 марта 1934 г. возмущенный «поприем канонов» раскольнический лжеинод постановил: «Так как протоиерей Иоанн Попандопуло вступил и совершает свое служение в храме Святителя Николая в г. Москве антиканонически, в нарушение существующих на этот предмет основных и обязательных канонических норм, содержащихся и донныне всеми Поместными Православными Церквами, и, несмотря на отеческий призыв Св. Синода, отказался подчиниться воле Св. Синода, **ПОДВЕРГНУТЬ ЕГО ЗАПРЕЩЕНИЮ В СВЯЩЕННОСЛУЖЕНИИ, ПРЕДЛОЖИВ ЕМУ, ПО ПОЛУЧЕНИИ УКАЗА О СОСТОЯВШЕМСЯ О СЕМ ОПРЕДЕЛЕНИИ СВ. СИНОДА, ПРЕКРАТИТЬ НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО СЛУЖЕНИЕ В ХРАМЕ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ**». В тот же день копия этого документа была препровождена архимандриту Василию с припиской: «Настоящее свое постановление Священный Синод сообщает Вам, Ваше Высокопреподобие, к сведению и на зависящее с Вашей стороны распоряжение»⁶³⁴.

Здесь следует пояснить, что упоминавшийся храм святителя Николая — это собор бывшего Николо-Иверского греческого монастыря, в управление которым Димопуло пытался вступить еще в 1925 г. И хотя тогда его больше интересовала Пантелеимоновская часовня, к 1934-му уже закрытая, свои виды на монастырские строения он не оставлял. Получив от обновленцев нужную ему бумагу, архимандрит Василий обратился 2 апреля 1934 г. в культурную комиссию при Моссовете с ходатайством: «Ввиду того, что Священный Синод отстранил Священника Иоанна Попандопуло от всякого священнослужения, прошу Вас передать храм и часовню Св. Николая, что на Никольской улице, в мое ведение, как Представителя Вселенского Патриарха в СССР и согласно определения указом Священного Синода от 28-го Ноября 1925 г., что все греческие церкви в СССР находятся под церковной властью Вселенского Патриарха»⁶³⁵.

Не совсем понятно, что за «определение указом» имел в виду Димопуло. В 1926 г. он, как уже выше отмечалось, выражал раскольникам «искренне-глубокую благодарность за дарованный Священным Синодом акт на право

⁶³³ ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 193. Л. 38–38 об.

⁶³⁴ Там же. Л. 39.

⁶³⁵ Там же. Л. 35.

автономии всех греческих церквей по СССР»⁶³⁶. «Автономия» у обновленцев, в лжесиноде которых числился и сам архимандрит Василий, и нахождение «под церковной властью Вселенского Патриарха» не одно и то же. Если бы дело обстояло так, как его пытался представить Димопуло, неясно, почему Попандопуло, будучи до 1933 г. священником греческой церкви под Анапой, находился «в каноническом подчинении Св. Синоду Православных Церквей в СССР», а не в ведении Фанара. Если же он все-таки был «под церковной властью Вселенского Патриарха», то как могли обновленцы его запретить?

Спустя день, 3 апреля, архимандрит Василий направил в московскую культовую комиссию еще одно ходатайство, в основном повторявшее предыдущее, но уточнявшее просьбу. Ссылаясь на постановления обновленцев, он писал: «Прошу Вас сделать зависящее распоряжение об отмене регистрации протоиерея Иоанна Попандопуло и о передаче храма и часовни св. Николая мне, как Представителю Вселенского Патриарха в СССР, с соответствующей регистрацией и выдачей мне соответствующего документа»⁶³⁷.

Еще через день, 4 апреля, в Постоянную комиссию по вопросам культов при Мособлисполкоме была отправлена бумага за подписью «митрополита» Виталия (Введенского) и секретаря С. М. Зарина: «Св. Синод Православных Церквей в СССР просит КОМИССИЮ об отмене регистрации занимающего ныне должность настоятеля храма Св. Николая, что на Никольской ул. гор. Москвы, протоиерея Иоанна Попандопуло, как самочинно вступившего в означенную должность, без согласия и ведома Св. Синода, коему он по прежней службе своей в Черноморской епархии канонически подчинялся, и как не подчинившегося данному ему от Св. Синода предупреждению»⁶³⁸. При этом, что характерно, о выдаче соответствующей регистрации архимандриту Василию раскольники, в отличие от него самого, не просили.

Смысл всей этой «битвы пауков в банке», очевидно, заключался в борьбе за последние доходные места, на которые обновленцы и конкурирующие между собой греческие представители в Москве еще могли рассчитывать. Власть же использовала их склоку в своих собственных антирелигиозных целях. В том же апреле 1934 г. «гражданин» Димопуло был вызван в культовую комиссию, где ему под расписку сообщили: «В ответ на Ваше ходатайство и ходатайство Синода об отмене и снятии с регистрации служителя культа церкви Николая на Никольской ул. Попандопуло — сообщается, что Ваше ходатайство удовлетворено»⁶³⁹. О второй части ходатайства архимандрита Василия в постановлении комиссии не говорилось ничего, о ней словно забыли. Судя по не-

⁶³⁶ Часть официальная // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 12–13 (8–9). С. 2.

⁶³⁷ ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 193. Л. 37.

⁶³⁸ Там же. Л. 36.

⁶³⁹ Там же. Л. 34.

ровой надписи «Получил. Архим. В. Димопуло», для него это было ударом. Еще через несколько месяцев его окончательно свела в могилу мочекаменная болезнь. А храм на Никольской улице, из которого он при содействии обновленцев успешно выжил «протоиерея» Иоанна Попандопуло, был закрыт и уже в 1935 г. снесен богоборцами.

Последующая судьба Пападопуло-Попандопуло также сложилась печально. В декабре 1937 г. он был арестован и обвинен в том, что «в 1926 году был завербован посланником Греции в СССР ПАНУР'ЯСОМ для проведения шпионской и к[онтр]р[еволюционной] деятельности в пользу Греции»⁶⁴⁰. (Названный «ПАНУР'ЯС» — это не кто иной, как ранее уже упоминавшийся И. Пануриас, который в 1929 г. сетовал «митрополиту» Александру Введенскому на то, что вселение в квартиру Димопуло посторонних лиц «нарушает престиж Вселенского Патриарха».) Попандопуло признал, что Пануриас приезжал в его село в 1926 г. и в приватной беседе говорил ему, что посольство должно знать, как живут греки в СССР, а он (Попандопуло), «как грек, должен в этом помочь и не ронять свою нацию, а, наоборот, за нее бороться, не жалея сил, особенно сейчас, когда в Советском Союзе над греками власти издеваются и притесняют их». Согласно протоколу допроса, Попандопуло согласился «собирать шпионские сведения и материалы о греках и селениях, где живут греки и русские, об их настроении и отношении к совласти и руководству местной власти, как они относятся к Греции, хотят ли выезжать в Грецию, чем недовольны, что происходит в селах, кто в руководстве села, парторганизации и т. д.»⁶⁴¹.

В принципе нет ничего удивительного или невероятного в том, что посол Греции особо интересовался настроениями советских греков, а бывший в курсе дела Пападопуло, как настоящий греческий патриот, соответствующей информацией со своим посольством делился. Едва ли кто-нибудь сейчас всерьез назвал бы это шпионажем. Но в 1937 г. всё представлялось иначе. К делу И. Д. Попандопуло подошли очень серьезно, о чем говорит то, что он оказался одним из немногих священнослужителей, кто «удостоился» попасть в «сталинские расстрельные списки», то есть в число тех, санкция на казнь которых запрашивалась у высшего руководства ВКП(б). 3 февраля 1938 г. он прошел по одному из таких списков, подписанных Сталиным, Молотовым и Кагановичем, с пометкой «I-я категория», что означало расстрел⁶⁴². После этого, 9 февраля, состоялось судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР. На заседании, продолжавшемся, согласно протоколу, 20 минут, подсудимый заявил, что «шпионажем он не занимался» и «против Сов[етской] власти он ничего не имел»⁶⁴³. Но на приговор это никак повлиять не могло. На

⁶⁴⁰ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40909. Л. 40.

⁶⁴¹ Там же. Л. 17.

⁶⁴² См.: Сталинские расстрельные списки (<http://stalin.memo.ru/names/index.htm>; <http://stalin.memo.ru/spravki/6-227.htm>. Режим доступа — свободный).

⁶⁴³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40909. Л. 44.

следующий день он был расстрелян, причем не в Бутово, как остальные священнослужители, а на «привилегированном» полигоне «Коммунарка», где в основном казнили «своих». Нет никаких гарантий, что если бы архимандрит Василий прожил еще года три-четыре, он бы не разделил участи своего несостоявшегося преемника. На роль греческого «шпиона» по меркам 1937 г. Димопуло вполне подходил (с вербовщиком «ПАНУР'ЯСОМ» общался не меньше, чем Попандопуло, переправлял с его помощью в Ватопед имущество храма московского подворья и даже осьминогов через него пытался из Греции получить). Но он, как выразился А. И. Кузнецов, «догадался скоро умереть».

Несколько месяцев после смерти Димопуло и отстранения Пападопуло Фанар пытался найти кандидатуру для замещения освободившейся вакансии в Москве с целью сохранить свое представительство. Не один раз этот вопрос поднимался на заседаниях Синода, но желающих отправиться к большевикам не обреталось. Для повышения мотивации стамбульский Синод даже принял решение о возведении своего московского представителя в архиерейское достоинство, однако и это не помогало. Наконец, в ноябре 1934 г., подходящий кандидат нашелся. Патриарх Фотий предложил стать своим представителем в СССР архидакону Фессалоникийской митрополии Каллинику (Хараламбакису) с хиротонией его во епископа, и тот даже согласился. Но несмотря на все старания, получить разрешение на его приезд от советской стороны не удалось.

В июле 1935 г. Синод Константинопольского Патриархата вновь рассматривал вопрос о настоятеле своего московского подворья. На этот раз направление в Москву епископа сочли неблагоразумным и решили остановиться на кандидатуре священника. Параллельно Синод пытался разобраться в каноническом положении Пападопуло и в сути наложенных на него прещений со стороны обновленцев. В следующем 1936 году, узнав о визите в Лондон М. М. Литвинова, Фанар поручил митрополиту Фиатирскому Герману изыскать возможность представиться советскому министру иностранных дел и попросить у него разрешения на въезд в СССР настоятеля подворья. Митрополит Герман старался изо всех сил, но встретиться с Литвиновым так и не смог. Получив эти печальные известия, Синод, как кажется, в последний раз рассмотрел вопрос о судьбе подворья и патриаршего представительства и по итогам обсуждения снарядил очередную делегацию в советское генконсульство в Стамбуле. По всей видимости, и это предприятие никаких результатов не принесло⁶⁴⁴.

История Константинопольского подворья в Москве близилась к концу, Хризостом Калаидзис довел ее лишь до 1936 г.: видимо, более поздних документов о нем он в архивах Константинопольской Патриархии не нашел. В действительности финал подворья наступил позднее, когда по постановлению Мособлисполкома и Моссовета от 5 февраля 1938 г. был закрыт храм препод-

⁶⁴⁴ *Καλαϊτζῆς Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 750–756.

добного Сергия в Крапивниках с разрешением местному Коминтерновскому райсовету организовать в нем районный дом пионеров⁶⁴⁵.

От замораживания же связей греков с обновленцами отношения Фанара с Московской Патриархией не улучшились. До официального разрыва канонического общения Русской Церкви с Константинополем дело не дошло, но фактически отношения оказались прерванными. В 1936 г. митрополит Сергей только и мог констатировать в письме митрополиту Елевферию: «Что же касается Патриарха Константинопольского, то после всех неправд, учиненных и учиняемых им в отношении Русской Церкви, после открытого братанья с обновленцами и другими нашими раскольниками, говорить о разрыве или сохранении общения с Константинополем по меньшей мере поздно»⁶⁴⁶.

К тому времени Константинопольским Патриархом являлся уже не Фотий. Тот, хотя был еще совсем не стар, пропатриаршествовал сравнительно недолго и 29 декабря 1935 г. скончался (на 62-м году жизни). Русской Церкви он причинил не меньше зла, чем его предшественники. Преемником его 5 января 1936 г. был избран митрополит Гераклийский Вениамин. Дело шло к мировой войне, проекты его предшественников, такие как созыв «Вселенского Собора», становились все менее актуальными. С другой стороны, Церковь в России погружалась во мрак сталинского «Большого террора», который уже не обходил стороной и обновленцев. В 1937 г. были расстреляны Патриарший Местоблюститель митрополит Петр (Полянский), первый, согласно завещанию Патриарха Тихона, кандидат в Местоблюстители митрополит Кирилл (Смирнов), бывшие заместители Местоблюстителя митрополит Иосиф (Петровых) и архиепископ Серафим (Самойлович), десятки других православных епископов. К началу Второй Мировой войны на всей территории СССР Московская Патриархия имела лишь четырех архиереев на кафедрах во главе с митрополитом Московским Сергием (Страгородским), усвоившим титул Местоблюстителя. Немногим лучше дела обстояли и у обновленцев. Понятно, что в такой ситуации было уже не до переписки с Востоком.

⁶⁴⁵ ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1691. Л. 294.

⁶⁴⁶ Из письма Блаженнейшего митрополита Московского Сергия Митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию // Голос Литовской Православной Епархии. 1936. № 7–8–9. С. 7.

Глава 6

«Со священным умилением мы прочли об избрании Патриарха Москвы и всея Руси». Конец обновленческого раскола и возобновление общения Московской и Константинопольской Патриархий в годы Второй мировой войны

Сношения Русской Церкви с другими Поместными Церквями возобновились в годы Великой Отечественной войны. Московская Патриархия с первых дней войны заняла активную патриотическую позицию (что, впрочем, не убергло ее от принудительной эвакуации в Ульяновск в октябре 1941 г.). Советское правительство очевидным образом было заинтересовано в формировании международного церковного антифашистского движения. В изданной в 1942 г. пропагандистской книге «Правда о религии в России» этой теме был посвящен специальный раздел «Восточные Патриархи и Московская Патриархия едины в борьбе с фашистскими угнетателями». «Начавшаяся в России в 1941 году великая отечественная война с Германией... — говорилось в книге, — естественно должна была встретить самый живой отклик в сердцах восточных Патриархов. И они своими телеграфными обращениями к Блаженнейшему митрополиту Сергию выявляют свое сочувствие русскому народу в его испытании, шлют свое апостольское благословение русскому воинству и с молитвами Русской Православной Церкви о победе соединяют свои молитвы». Фотографии телеграмм с Востока были помещены там же. Правда, телеграмма из Стамбула от 13 января 1942 г. была весьма немногословна: «Митрополиту Московскому Сергию. Благодарю за поздравления, горячо приветствую с праздником (Рождества Христова. — *свящ. А. М.*). Патриарх Вениамин». (Еще неясно было, на чьей стороне в войне окажется Турция, да и вообще, каким будет исход войны, поэтому Святейший Вениамин не спешил с антифашистскими заявлениями.) Так же лаконичен был в своей телеграмме от 14 января и Антиохийский Патриарх: «Митрополиту Московскому Сергию. Взаимно поздравляю с праздником Рождества, горячие пожелания. Патриарх Александр». Зато Александрийский Патриарх Христофор своей телеграммой от 18 января

1942 г. красноречиво засвидетельствовал, что «Православная Апостольская Церковь Александрийская гордится продолжающимися блестящими победами русских армий, ведущими к полному разгрому могущества сил ада»⁶⁴⁷. Проблема отношения к обновленчеству, разумеется, в этих телеграммах не ставилась, но важен был сам факт возобновления контактов Московской Патриархии с Восточными Патриархами.

Впрочем, с началом войны обновленцы также активизировали свою международную деятельность. Они, помимо патриотических мотивов, получили на то и формальный повод в виде необходимости извещения Поместных Церквей о переменах в своем управлении: у них в очередной раз сменился «Первоиерарх». Сначала обновленцам, что еще оставались на местах, был разослан указ от 11 октября 1941 г. о том, что «Его Первосвятительство, Преосвященнейший Первоиерарх, Митрополит Виталий... выразил желание, ввиду ослабленного здоровья, уйти в бессрочный отпуск, а все свои полномочия передал своему преемнику Его Святейшеству и Блаженству Митрополиту-Первоиерарху Александру Введенскому»⁶⁴⁸. Лжемитрополит Виталий (Введенский) пробыл во главе раскола свыше десяти лет — больше, чем кто-либо другой из обновленческих «Первоиерархов», но особого следа в истории не оставил (через несколько лет он, принеся покаяние, тихо воссоединился с Патриаршей Церковью в сане епископа, каковой имел еще до своего отпадения). Его преемник-однофамилец был фигурой совсем другого склада. Новоявленное «Святейшество и Блаженство» — главный обновленческий шоумен, на двадцатом году существования раскола наконец-то его возглавил официально. Как человек артистически одаренный и склонный к театральности, он не удержался и от следующего шага и 4 ноября 1941 г. предписал поминать его по формуле: «Вел[икого] госп[одина] и отца, Святейшего и Блаженнейшего Первоиерарха Александра, Патриарха Московского и православных церквей Богохранимой страны нашей»⁶⁴⁹. А на праздник Введения в квартире А. И. Введенского в Ульяновске, куда он тоже был эвакуирован, состоялось кощунственное действо «патриаршей интронизации» через посадение его на антиминс, положенный на обеденном столе. «Назвав себя патриархом, — сообщал А. И. Кузнецов со слов епископа Сергия (Ларина), бывшего в описываемое время видным обновленческим деятелем в Москве, а затем, по покаянии, получившего законную хиротонию в Русской Церкви, — Введенский послал некоторым главам Церквей об этом событии уведомления, но не в форме известительных грамот, а в форме частных писем. Как мне (Ларину. — *свящ. А. М.*) говорил позднее Святейший Католикос-Патриарх Каллистрат, он получил такое письмо от Введенского, был весьма удивлен и продолжал в письмах к нему именовать его митрополитом»⁶⁵⁰. (Послед-

⁶⁴⁷ Правда о религии в России. М., 1942. С. 266–268.

⁶⁴⁸ Кузнецов. Обновленческий раскол в Русской Церкви. С. 549.

⁶⁴⁹ Там же. С. 557.

⁶⁵⁰ Там же. С. 564.

нее, надо заметить, Святейшему Каллистрату тоже чести не делало, поскольку и *митрополитом* Александра Ивановича именовать было нельзя.)

Среди тех, кому Введенский направил свои письма, был и Константинопольский Патриарх. «Поздравив с новым годом и праздником Рождества Христова Вселенского Патриарха Вениамина, Введенский получил от него телеграфный вежливый ответ следующего содержания: “Ульяновск СССР Митрополиту АЛЕКСАНДРУ — БЛАГОДАРИЮ ЗА ПОЗДРАВЛЕНИЕ СО СВОЕЙ СТОРОНЫ ПИТАЮ САМЫЕ ТЕПЛЫЕ ЧУВСТВА ПО СЛУЧАЮ ПРАЗДНИКОВ ПАТРИАРХ ВЕНИАМИН”»⁶⁵¹. До величания Введенского «Патриархом», как видно, Святейший Вениамин не дошел (к такому изменению титула Фанар относился уже серьезно), но «Митрополитом» его именовал спокойно. Введенский и этому был рад, расценив телеграмму из Стамбула как акт своего «канонического признания», поскольку до того, по его собственному признанию, обновленцы уже семь лет не имели переписки с православным Востоком⁶⁵². К слову сказать, признания своего «патриаршества» Введенский не получил даже от подчиненных ему обновленческих «епископов» и вскоре сам понял, что в своем театральном порыве перебрал, и написал 29 декабря 1941 г. Сергию (Ларину): «Я тут стал именоваться патриархом, по желанию многих здешних верующих, но потом решил все это оформление отложить до Москвы. Поминайте меня св. и бл. Первоиерархом (без патр. и без митрополита)»⁶⁵³. Время «св. и бл.» клоуна Введенского, между тем, подходило к концу, международное же положение Московской Патриархии продолжало укрепляться.

Следующим шагом в сторону Востока со стороны митрополита Сергия стало его обращение к Патриархам по делу украинского раскольника-автокефалиста Поликарпа (Сикорского), запрещенного Московской Патриархией в марте 1942 г. в священнослужении. Как сообщалось в книге «Правда о религии в России», «об этом Митрополит Сергей телеграфно оповестил всех восточных Патриархов, испрашивая и братского их мнения о степени церковного наказания, коего заслуживает епископ Поликарп». Данный вопрос был уже каноническим, хотя и с политическим оттенком (Сикорский характеризовался Московской Патриархией как «изменник делу православия, находящийся у фашизма в услужении»). В ответ Антиохийский Патриарх Александр телеграфировал 20 марта 1942 г.: «Огорченные выступлением Поликарпа, епископа Волынского, одобряем применение канонических наказаний». Александрийский Патриарх Христофор в телеграмме от 24 марта сообщил, что не одобряет «авантюрного поведения на Украине епископа Сикорского в пользу фашистов», и выразил свое убеждение, что «Сикорский должен быть подвергнут церковному наказа-

⁶⁵¹ Кузнецов. Обновленческий раскол в Русской Церкви. С. 564–565.

⁶⁵² Там же. С. 565.

⁶⁵³ Там же. С. 563.

нию по всей строгости (главному)»⁶⁵⁴. Константинопольский и Иерусалимский Патриархи, насколько можно понять, отвечать на запрос митрополита Сергия по делу Сикорского не стали. Видимо, сказалось то, что в 1920–1930-е гг. их предшественники общались с украинскими автокефалистами (обновленцами) весьма тепло. Но для Московской Патриархии и проявление канонической солидарности со стороны Александрии и Антиохии было в тех условиях неплохим знаком.

Кардинальные изменения в положении Московской Патриархии, а следом и обновленцев (но в другую сторону), произошли в 1943 г. Сталинское руководство окончательно пришло к мысли о необходимости активного использования Русской Церкви в интересах советской политики, особенно внешней. Для этого она должна была стать организационно единой и представительной. Нужен был Московский Патриарх, причем настоящий, а не опереточный, как Введенский. 8 сентября 1943 г. на созванном в экстренном порядке Архиерейском Соборе он был избран. Единодушным волеизъявлением участвовавших в Соборе епископов им вполне ожидаемо стал митрополит Сергий. 12 сентября состоялась его патриаршая интронизация. Как сообщалось в «Журнале Московской Патриархии» (первом номере после восьмилетнего перерыва), «пред пением Трисвятой песни были возглашены многолетия Восточным Патриархам и Патриарху Московскому и всея Руси... На великом входе Святейший Патриарх сам поминал поименно Патриархов Константинопольского, Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского и Сербского»⁶⁵⁵. Все неприятное, что было во взаимоотношениях с Восточными Патриархами в 1920–1930-е гг., забывалось, история начинала писаться как бы с чистого листа, тем более что состав Предстоятелей Востока уже изрядно обновился: поддерживавшие обновленцев Патриархи Константинопольские Григорий VII, Константин VI, Василий III, Фотий II, не очень разборчивый в поисках денег Дамиан Иерусалимский и много поездивший по свету Мелетий (Метаксакис) — все уже отошли в мир иной.

Сразу же в день своей интронизации, 12 сентября 1943 г., Патриарх Сергий направил четырем Восточным Патриархам — Вселенскому Вениамину, Александрийскому Христофору, Антиохийскому Александру и Иерусалимскому Тимофею — телеграммы: «8 сентября Собор архиереев Православной Русской Церкви возвел меня в сан Патриарха Московского и всея Руси. Сегодня, 12 сентября, за Божественной литургией состоялась интронизация при участии архиереев, клира и множества верующих. Исполняя древний обычай, извещаю об этом Ваше Святейшество (Блаженство) и прошу братских молитв. Известительную грамоту высылаю почтой. Патриарх Сергий»⁶⁵⁶. В известительных гра-

⁶⁵⁴ Правда о религии в России. С. 270–272.

⁶⁵⁵ Церковное торжество в Москве 12 сентября 1943 года // Журнал Московской Патриархии. 1943. 12 сент. № 1. С. 21–22.

⁶⁵⁶ Телеграммы Святейшего Патриарха Сергия с извещением о своем вступлении на Патриаршую кафедру // Там же. С. 19.

мотах более подробно описывались события его избрания и поставления. Заканчивались они словами: «Усердно молю Вашу Святыню и суших с Вами Пресвященных Архипастырей, клир и вверенную Вам православную паству поддержать мою немощь Вашими богодоходными молитвами и укрепить мои силы Вашим братским единением и любовью. Вашего Всесвятейшества, возлюбленного о Христе Брата и Сослужителя моего, любящий Брат и всецело преданный Смиранный Сергей, Божию милостию, Патриарх Московский и всея Руси»⁶⁵⁷.

Первым новоизбранного Московского Патриарха, еще даже до его интронизации, успел поприветствовать телеграммой от 9 сентября Александрийский Патриарх: «Его Блаженству Сергию, Патриарху Московскому и всея России. Москва. Исполненные радости о Вашем вступлении на Патриарший престол, сердечно поздравляем, братски испрашивая Божественной благодати. Христофор, Папа и Патриарх Александрийский»⁶⁵⁸. Не остался глух к московским событиям и Константинопольский Патриарх Вениамин, который написал Патриарху Сергию: «Телеграфное сообщение Вашего возлюбленного Блаженства об избрании Вашем Патриархом Святой Российской Церкви и о восшествии на патриарший престол исполнило нас глубокой радостью. Приносим сердечные братские поздравления, лобзая во Христе, желаем Вашему Блаженству здравия, укрепления от Бога, плодоносного первосвятительского служения, исполненного всякого благословения от Господа ко благу сестры Российской Церкви и благочестивой паствы Вашей. Имя Господне да будет благословенно»⁶⁵⁹. Как видно, в отличие от ситуации 1927 г., никаких рекомендаций об объединении с обновленцами Фанар главе Московской Патриархии не давал: греки поняли, что время этих раскольников прошло и можно про них не вспоминать. Была, видимо, и еще одна банальная причина внезапного потепления отношения Фанара к Московской Патриархии. В докладной записке немецкого МИД канцелярии нацистской партии от 20 октября 1943 г. сообщалось, что «Сталин уже около года переводит Константинопольскому Патриарху большие денежные суммы»⁶⁶⁰. Другие Восточные Патриархи, очевидно, тоже не были обижены Кремлем. Иерусалимский Патриарх Тимофей в своем приветствии Патриарху Сергию также ничем не напоминал о былых теплых взаимоотношениях своей кафедры с обновленцами: «Иерусалим радуется избранию Вашего Блаженства. Посылает братское поздравление с лучшими пожеланиями и благословением

⁶⁵⁷ Известительные грамоты Патриарха Сергия Восточным Патриархам // Журнал Московской Патриархии. 1943. 15 окт. № 2. С. 7.

⁶⁵⁸ Приветственные телеграммы, полученные Святейшим Патриархом Сергием (из-за границы и СССР) // Журнал Московской Патриархии. 1943. 12 сент. № 1. С. 20.

⁶⁵⁹ Приветственные телеграммы, полученные Патриархом Сергием из-за границы и СССР // Журнал Московской Патриархии. 1943. 15 окт. № 2. С. 11.

⁶⁶⁰ Шкаровский. Константинопольский Патриархат и Русская Православная Церковь в первой половине XX века. С. 99.

от Св. Гроба для всех православных России»⁶⁶¹. Что касается Антиохийского Патриарха Александра, то он мог поздравлять Святейшего Сергия совершенно искренне, так как его Патриархия до общения с обновленцами никогда не опускалась: «К радостному событию Вашей утешительной славной интронизации Патриархом Московским и всея Руси приносим наши братские поздравления, горячие пожелания преуспевания и славы Церкви и народу русскому»⁶⁶².

20 декабря 1943 г. Патриарх Вениамин направил Патриарху Сергию новое, более пространное письмо — ответ на известительную грамоту последнего. «Священным умилением, — писал Святейший Вениамин, — только что мы получили и прочли частно и также на заседании нашего Святого и Священного Синода почтенное братское послание Вашего досточтимого Блаженства от 18 сентября с. г. за № 440, которым Вы известили нас об избрании и вступлении Вашем, по изволению Божиему, в должности Патриарха Москвы и всея Руси». Далее он выражал убеждение, что «досточтимое Блаженство, идя по стопам Патриархов Российских, будет проявлять всякое попечение, не щадя никаких трудов и забот, об единении в вере и правлении вверенного ему Богом словесного стада»⁶⁶³. Об обновленцах в грамоте Константинопольского Патриарха вновь не было ни слова. Очевидно, подразумевалось, что они тоже должны быть объединены *правлением* новоизбранного Патриарха Московского.

Антиохийский Патриарх Александр приветствовал Патриарха Сергия грамотой похожего содержания, но с дополнительным нюансом: «Мы по достоинству оцениваем и хвалим высокую государственную мудрость Главы русского правительства и Вождя народа, который благоприятствовал осуществлению заветного чаяния православных верующих, а равно приветствуем и одобряем решение Освященного Собора, избравшего Ваше Блаженство, согласно правилам, установленным Святою Православною Русскою Церковью»⁶⁶⁴. Примечателен порядок упоминания лиц и институций, причастных к возведению Блаженнейшего Сергия в достоинство Патриарха: сначала «Вождь народа», потом уже Освященный Собор. Еще более прагматичен в своем обращении к Патриарху Сергию был Александрийский Патриарх Христофор: «Да благоволит Ваше достопочтенное Блаженство вместе с Преосвященными Вашими сослужителями и со всею Церковью приложить все пастырское усердие к возвращению чад нашей Церкви ко страху Божию и к Богопочтению, чтобы поскорее нам улучшить милость Божию и чтобы Спаситель наш Господь Иисус Христос укрепил наших союзников и просветил их так, чтобы, сами для себя имея довольство, они возымели бы готовность и нам помочь, да не будем обижены по-

⁶⁶¹ Приветственные телеграммы, полученные Патриархом Сергием из-за границы и СССР // Журнал Московской Патриархии. 1943. 15 окт. № 2. С. 11.

⁶⁶² Там же.

⁶⁶³ Приветственные грамоты Патриархов Вениамина Константинопольского и Александра Антиохийского // Журнал Московской Патриархии. 1944. Февр. № 2. С. 3.

⁶⁶⁴ Там же. С. 4.

сле окончания войны»⁶⁶⁵. То есть Патриарху Сергию предлагалось (очевидно, с помощью советского правительства) «приложить все пастырское усердие», чтобы Александрийская Патриархия не была обижена союзниками по окончании войны. Как видно, политический вес Московского Патриарха в глазах его африканского собрата был весьма велик. Кому в такой обстановке нужны были аутсайдеры-обновленцы!

Не преминул поздравить Святейшего Сергия и Католикос-Патриарх всея Грузии Каллистрат, направив 14 сентября 1943 г. в Москву депешу: «Грузинская церковь, объединяющая православных всех национальностей Грузии и ее автономных республик и областей, с любовью приветствует единоверную Русскую Церковь с ее возглавлением Патриархом Московским и всея Руси и избранием Священного при нем Синода и надеется, что церкви-сестры заживут в добром согласии, духовном единении и взаимной любви, исполняя каждая свое призвание во славу Божию и ко благу великого Отечества нашего»⁶⁶⁶. С Патриархом Каллистратом ситуация была особенно пикантной, поскольку у его Церкви с обновленцами взаимное признание и общение имели место с 1920-х гг., а с каноничной Российской Церковью отношения оставались разорванными с 1917 г. Попытаться выработать согласованную с грузинами оценку восстановления в явочном порядке их автокефалии было безнадежным занятием, но расставить все точки над «и» в вопросе их взаимоотношений с обновленцами было можно и нужно. 21 сентября Патриарх Сергей ответил Католикосу телеграммой: «Радуюсь, слыша голос Грузинской Церкви, разделяю надежды, желания. Благодарю Ваше Святейшество за поздравления. Русскому епископу Антонию Ставропольскому быть у Вас, выяснить подробности»⁶⁶⁷.

28 октября 1943 г. архиепископ Ставропольский и Пятигорский Антоний (Романовский) прибыл к Святейшему Каллистрату и официально объявил ему, что «Русская Патриархия не находит возражений против признания Грузинской Церкви автокефальной территориально в границах Грузинской ССР». «Но автокефалия для церковников как Грузинской Церкви, так и для Русской Церкви, — продолжил свою заготовленную речь архиепископ Антоний, — теряет почти всякий интерес, если одновременно не будет восстановлено молитвенное и каноническое общение между нашими двумя Церквями. Препятствием же к восстановлению молитвенного и канонического общения для Русской Церкви может явиться молитвенное общение Грузинской Церкви с отделившимися от нашей Русской Церкви разными церковными группами антикано-

⁶⁶⁵ Приветственные грамоты Восточных Патриархов — Христофора Александрийского и Тимофея Иерусалимского Патриарху Сергию // Журнал Московской Патриархии. 1944. Март. № 3. С. 2.

⁶⁶⁶ Приветственные телеграммы, полученные Патриархом Сергием из-за границы и СССР // Журнал Московской Патриархии. 1943. 15 окт. № 2. С. 14.

⁶⁶⁷ *Вардосанидзе С., Н. Т.-М.* Каллистрат (Цинцадзе) // Православная энциклопедия. Т. 29. М., 2012. С. 560.

нического характера. <...> Я по долгу своего представительства от Его Святейшества Патриарха Московского и всея Руси почтительнейше прошу Вас, Ваше Святейшество, благоволите ответить исчерпывающе и, по возможности, в письменной форме, на следующий вопрос: в каком отношении Грузинская церковь находится к вышеупомянутым группам?» В ответ Католикос Каллистрат заверил архиепископа Антония, что «находящиеся в Грузинском Католикосате церковные приходы... не имеют никаких антиканонических уклонов, могущих помешать возобновлению молитвенно-канонического общения Русской и Грузинской Церквей». Очевидно, здесь имелись в виду приходы, принятые в 1927 г. Католикосатом из ведения обновленческого «Священного Синода».

Такой оптимистичный ответ не был сочтен архиепископом Антонием достаточным и, согласно представленному им затем докладу, он «задал целый ряд вопросов Католикосу, Патриарху Грузии, а именно: имеется ли у них женатый епископат; есть ли второбрачное духовенство; не имеют ли они молитвенного общения с антиканоническими группами, отколовшимися от Русской Церкви и ею осужденными; и только после того, когда Католикос-Патриарх заверил его исчерпывающими ответами, Преосвященный Архиепископ Антоний, согласно данным полномочиям от Его Святейшества Патриарха Московского, нашел канонически возможным просить разрешения на совместное служение, которое и состоялось в ближайшее воскресенье, 31 октября, в древнем грузинском кафедральном Сионском соборе, чем фактически и возобновлено молитвенное общение между двумя Церквями»⁶⁶⁸.

19 ноября 1943 г. Священный Синод при Патриархе Московском, заслушав доклад архиепископа Антония и уверившись из него, что Грузинская Церковь не одобряет ни женатый епископат, ни второбрачие духовенства и не имеет молитвенного общения «с антиканоническими группами, отколовшимися от Русской Церкви и ею осужденными», постановил признать «молитвенное и евхаристическое общение между обеими автокефальными Церквями-сестрами, Русской и Грузинской, к нашей общей радости, восстановленным». Тем же постановлением предписывалось «просить Святейшего Патриарха, Католикоса Грузии, приняв православные русские приходы в Грузинской ССР в свое архипастырское окормление, предоставить им сохранять в своей богослужебной и приходской практике те порядки и обычаи, которые они наследовали от Русской Церкви»⁶⁶⁹. Помимо русских приходов в

⁶⁶⁸ Доклад Преосвященного Архиепископа Ставропольского и Пятигорского Антония о данной ему Святейшим Патриархом Сергием командировке в г. Тбилиси // Журнал Московской Патриархии. 1944. Март. № 3. С. 13–14.

⁶⁶⁹ Выписка из журнального определения Священного Синода при Святейшем Патриархе Московском и всея Руси от 19 ноября 1943 года № 12 // Журнал Московской Патриархии. 1944. Март. № 3. С. 7.

Грузии Патриарху-Католикосу передавались «по дальности расстояния» и таковые на территории Армении.

Вслед за этим Патриарх Сергей известил о произошедшем Восточных Патриархов, кратко изложив им историю вопроса и указав на то, что «грузины делали попытки к примирению, но с русской стороны эти попытки решительно отклонялись... отчасти по инерции, а отчасти и в обиде на “самоволие” грузин». Обновленческого сюжета в истории русско-грузинских церковных отношений Святейший Сергей в посланиях на Восток не касался. «Твердо верю, — писал в заключение Московский Патриарх Константинопольскому, Александрийскому, Антиохийскому и Иерусалимскому, — что Ваша Святыня вместе с небесными силами разделите нашу общую радость и своими теплыми молитвами за ту и другую из примирившихся Церквей утвердите состоявшееся примирение»⁶⁷⁰. Как видно, грамоты Восточным Патриархам были составлены в максимально благоприятном для грузин ключе, но последним в вопросе признания их автокефалии греками это не помогло (Фанар признал ее только в 1990 г. — по сути дела, уже в другую историческую эпоху, а до той поры числил Грузинскую Церковь под собою).

21 ноября 1943 г. Патриарх Сергей в Елоховском соборе объявил в проповеди народу о примирении Русской и Грузинской Церквей, а 22 ноября написал об этом Председателю Совнаркома, ввиду его «сочувственного отношения к нуждам Православной Церкви» и «интереса к ее судьбам». Московский Патриарх, указав в качестве главной причины бывшего разделения на «наш великодержавный шовинизм», сообщил Сталину-Джугашвили о выяснившемся «полном согласии в вере и верности церковному преданию» с Грузинским Католикосом и о том, что «радость богомольцев, как русских, так и грузин, была общая, трудно описуемая!»⁶⁷¹ О том, что предварительным условием примирения был отказ Грузинской Церкви от общения с обновленцами, Патриарх Сергей «вождю народов» писать не стал, но у того были и свои осведомители о церковных делах.

В завершение грузинской темы можно еще коснуться судьбы главного закавказского обновленца «протопресвитера с жезлом» Иоанна Лозового. В 1937 г. он, как и многие другие клирики, был арестован за «антисоветскую деятельность» и приговорен к 10 годам лагерей. В 1943 г. по личному ходатайству Католикоса-Патриарха Каллистрата (Цинцадзе) Лозовой (фигурирующий в литературе еще как Лозовский⁶⁷²) был освобожден, но возвращаться в Грузию побоялся и нашел прибежище в Ульяновске у «св. и бл. Первоиерарха» Александра Введенского (не зря тот в 1925 г. отзывался о нем как о лучшем держате-

⁶⁷⁰ Известительные грамоты Патриарха Сергея Восточным Патриархам // Журнал Московской Патриархии. 1944. Март. № 3. С. 11–12.

⁶⁷¹ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. М., 2009. С. 80–81.

⁶⁷² См.: Грузинская Церковь в 1921–1941 гг. // Православная энциклопедия. Т. 13. С. 222.

ле «знамени святого обновления»). Через некоторое время Введенский отправил Лозового в качестве своего личного эмиссара в Ташкент (Средняя Азия в тот момент оставалась одним из немногих мест преобладания обновленчества). Но в начале 1944 г., видя, что обновленчество клонится к закату, «протопресвитер» Иоанн своему «Первоиерарху» изменил и начал зондировать почву о возможности почетного возвращения в юрисдикцию Московской Патриархии⁶⁷³. Командированный в Ташкент принимать покаяние у обновленцев архиепископ Алексей (Палицын), однако, столкнулся в вопросе о возвращении Лозового в лоно Православной Церкви с серьезным затруднением: «протопресвитер» оказался второбрачным, и по канонам оставлять его в священном сане не следовало. В связи с этой проблемой Лозовой дал архиепископу Алексею письменное разъяснение: «Брак мой был гражданский. Католикос Патриарх Христофор благословил брак, ныне здравствующий Католикос Каллистрат также знает мое второбрачие, тем не менее оно не препятствовало нашему каноническому общению. Вместе с Католикосом в течение 10 лет я находился в общении»⁶⁷⁴. Ради облегчения преодоления раскола в Средней Азии архиепископ Алексей в марте 1944 г. временно принял Лозового в священном сане, но окончательное решение вопроса о нем оставил Патриарху⁶⁷⁵.

Сам Лозовой тоже времени не терял и решил использовать в своих интересах восстановление общения Русской и Грузинской Церквей, предложив Патриарху Сергию назначить его представителем Московской Патриархии в Грузии. Получив такое неординарное предложение, Святейший Сергий запросил мнение на этот счет архиепископа Антония (Романовского), как наиболее сведущего в грузинских делах. Отзыв архиепископа Антония о Лозовом, не без участия которого его в 1927 г. арестовали и выслали из Грузии, был жестким. В докладной записке архиепископа Ставропольского Московскому Патриарху от 25 февраля 1944 г. просьба Лозового характеризовалась как противоканоничная и преступная, поскольку он «связан официально вторым церковным браком через венчание и является второженцем, а потому принимать его в сущем сане в общение с Православной Церковью, а тем более устроить его в качестве представителя от Русской Патриархии, является, с точки зрения свящ[енных] канонов, актом противозаконным и для Православной Церкви и Иерархии оскорбительным и недопустимым»⁶⁷⁶. Окончательно вопрос о Лозовом был решен уже после кончины Святейшего Сергия. В июле 1944 г. Свя-

⁶⁷³ Дорощев Р. Закат туркестанского обновленчества и миссия архиепископа Алексея (Палицына) 1943–1944 годов // Восток Свыше. 2015. № 2 (37). С. 64–68.

⁶⁷⁴ Заславский В. Б. Церковная смута в Туркестанской епархии (по материалам Центрального государственного архива Республики Узбекистан и другим источникам) // Церковно-исторический вестник. 2004. № 11. С. 243.

⁶⁷⁵ Там же.

⁶⁷⁶ Архив Московской Патриархии. Ксерокопия документа предоставлена священником Евгением Шишкиным (Ставрополь).

щенный Синод при Патриаршем Местоблюстителе митрополите Алексии (Симанском), приняв, видимо, во внимание отзыв архиепископа Антония, постановил лишить Лозового сана за двоеженство, после чего тот вернулся в Тбилиси к более снисходительному к нему Католикосу Каллистрату⁶⁷⁷.

К тому времени судьба обновленческого раскола уже окончательно была решена. Еще 12 октября 1943 г. председатель новообразованного Совета по делам РПЦ при СНК СССР Г. Г. Карпов сообщил И. В. Сталину, что «в связи с избранием Сергия патриархом Московским и всея Руси среди духовенства обновленческой церкви отмечается растерянность». Как резюме Карпов писал, что возглавляемый им Совет, «исходя из того, что обновленческое течение сыграло свою положительную роль на известном этапе и последние годы не имеет уже того значения и базы, и принимая во внимание патриотические позиции сергиевской церкви, считает целесообразным не препятствовать распаду обновленческой церкви и переходу обновленческого духовенства и приходов в патриаршую сергиевскую церковь»⁶⁷⁸. Две резолюции на этом докладе — «Тов. Карпову. Согласен с Вами. И. Сталин» и «Правильно. И. Сталин» — были приговором «отыгравшему свою роль» обновленчеству. Греческие и другие восточные церковные деятели этих резолюций, конечно, тогда не видели, но интуитивно почувствовали. Истории их заигрываний с обновленцами, как и самим обновленцам, пришел конец. (Последним оплотом раскольников стал Юг России — Краснодарский и Ставропольский края, в которых обновленчество продержалось еще весь 1944 год. Оправдывая свое нежелание воссоединиться с Московской Патриархией, «митрополит Ставропольский» Василий Кожин говорил в январе 1944 г. местному уполномоченному Совета по делам РПЦ, что «своим 20-летним существованием обновленческая церковь вела работу, сводящуюся, в конечном счете, к изъятию реакционных элементов тихоновской церкви»⁶⁷⁹. Признание удивительное — не столько по сути, сколько по своему цинизму. Можно вспомнить, как на заре обновленчества другой видный раскольник, Дикарев, откровенно писал Тучкову, что его интересует лишь общественно-политическая борьба и «линию на сокрушение всей церковной черной сотни» он ведет беспощадную⁶⁸⁰. После двух лет «борьбы с черносотенцами» Дикарев снял с себя сан. Кожин, в отличие от него, остался и еще двадцать лет занимался «изъятием реакционных элементов тихоновской церкви», то есть непрерывно доносил на православных, способствуя их арестам и казням, что и

⁶⁷⁷ Лавринов В., *прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. С. 338.

⁶⁷⁸ «Русская православная церковь стала на правильный путь»: Докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г. Г. Карпова И. В. Сталину. 1943–1946 гг. / Публ. М. И. Одинцова // Исторический архив. 1994. № 3. С. 143–145.

⁶⁷⁹ Цит. по: Катаев А. М. Духовные школы Русской Православной Церкви в 1943–1949 годах // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 180.

⁶⁸⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 124–125.

являлось главным содержанием деятельности пестуемой фанариотами обновленческой лжецеркви.)

31 января — 2 февраля 1945 г. в Москве состоялся Поместный Собор Русской Православной Церкви. О пережитых не так давно неприятных событиях во взаимоотношениях с некоторыми Поместными Церквами, казалось бы, уже ничто не напоминало. Среди почетных гостей Собора были Патриархи Александрийский Христофор, Антиохийский Александр, Грузинский Каллистрат. Константинопольского Патриарха тоже приглашали, но он ответил, что не может прибыть в Москву по болезни. Карпов объяснил Сталину это тем, что Вениамин «находится под сильным влиянием турок»⁶⁸¹. Вселенскую Патриархию вместо него на Соборе 1945 г. представлял митрополит Фиатирский Герман (поименованный в «ЖМП» Германосом)⁶⁸². Это был тот самый Герман Фиатирский, которого ждали в Москве еще в 1924 г. в составе делегации из Константинополя, направляемой Патриархом Григорием для поддержки обновленцев. Это его вместе с другими членами делегации Тучкову Антирелигиозной комиссией при ЦК РКП(б) было поручено «обработать в желательном направлении». Но тогда не получилось, а в 1945-м Тучков был уже не у дел.

Впрочем, без преемников Тучков не остался, «обработка» восточных церковных деятелей продолжалась и в новых условиях, причем перспективы виделись грандиозные. Можно проиллюстрировать настроения того времени справкой Карпова о его разговорах с Экзархом Болгарской Церкви митрополитом Стефаном во время визита последнего в Москву в июле 1945 г.: «Митрополит Стефан высказал свое мнение, что было бы полезно для укрепления русского влияния в Константинополе и вообще в Турции, если бы Вселенскому патриарху была оказана из СССР материальная помощь, примерно, тысяч 20 турецких лир в месяц (по тысяче лир 12 епископам и 8 тысяч лир патриарху). При этом Стефан сказал: первое — что помощь надо оказать срочно и секретно; второе — что ему известно о происках англичан в Турции и о намерении последних свалить Вселенского патриарха Вениамина, назначив своего. Вдаваясь в подробности о Вселенском патриархе, Стефан сказал, что “весь мир сейчас, конечно, смотрит на Московского патриарха как на старшего брата, и престиж его невероятно высок, но патриархом Вселенским все же будет не Москва, а Стамбул. Правда, есть основания полагать, что Константинополь будет русским, вместе с проливами. <...> Вот тогда и Вселенский патриарх может быть не грек, а русский, но англичане уже сейчас там дей-

⁶⁸¹ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов / Сост. О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцев, Л. А. Лыкова. М., 2009. С. 369.

⁶⁸² О Поместном Соборе Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. 1945. № 2. С. 3.

ствуют, нужно и Вам что-то предпринимать”»⁶⁸³. Как видно, церковно-политические сдвиги ожидалась тектонические. Что стоил закат обновленчества на таком фоне?!

Однако, вопреки предположениям главы Болгарской Церкви, Стамбул к Советскому Союзу не отошел, русский Вселенский Патриарх не появился. Фанар же после войны прочно переориентировался на других покровителей — заокеанских. Продвинутой ими на Константинопольскую кафедру американо-греческий архиепископ Афинагор (Спиру) заявлял в 1953 г. генконсулу США в Стамбуле, что «краеугольным камнем его деятельности как Патриарха он видит продвижение американских идеалов». Такое грубое проявление сервилизма даже несколько смутило американского дипломата, в связи с чем он обращался в свой Госдепартамент: «Я был бы склонен рекомендовать делать всё от нас зависящее для придания большей утонченности выражениям Патриархом своих вполне объяснимых проамериканских настроений, а наши будущие отношения с ним выстраивать столь деликатно, чтобы избежать слишком тесного ассоциирования его с нами»⁶⁸⁴.

Однако это уже другая история, к тому же на Афинагоре, очевидно, не закончившаяся...

* * *

Уроки тяжелого для Церкви XX века не прошли даром. «Великая Константинопольская Мать-Церковь» в условиях великого бедствия Русской Церкви повела себя совсем не «по-матерински». Сейчас уже мало кому из русских православных людей придет в голову именовать свою Церковь «Греко-Российской», хотя в XIX веке это было совершенно в порядке вещей. В 1923 г. митрополит Антоний (Храповицкий) в связи с опасениями изгнания турками Вселенской Патриархии из Стамбула писал, что «Константинопольский Патриарх для православных христиан всех стран является верховным судьей, а упразднение или унижение сей Апостольской кафедры явилось бы глубоким оскорблением и поражением всей Православной Церкви, и в частности Церкви Российской, которая издревле привыкла обращаться к вселенскому Патриарху за разъяснением религиозно-церковных вопросов, а славнейший ее Иерарх Патриарх Московский и всея России Никон... обращался в Константинополь с апелляцией на Собор русских Епископов»⁶⁸⁵. (Чем обернулась эта

⁶⁸³ Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов: В 2 т. Т. 1: 1944–1948. М., 2009. С. 174–175.

⁶⁸⁴ Ермилов П. В., диак. Вхождение Константинопольского патриархата в русло внешней политики США в первые годы «холодной войны» // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 3 (36). С. 227–228.

⁶⁸⁵ [Господину] Президенту Лозаннской Конференции // Церковные ведомости. 1923. № 1–2. С. 1–2.

апелляция для «славнейшего» Патриарха Никона, его несостоявшийся в 1917 г. преемник, видимо, подзабыл.) Впоследствии эти пылкие слова очень любили цитировать обновленцы. Своей политикой в отношении Русской Церкви Фанар до предела дискредитировал себя, даже в глазах таких неумных эллинофилов, как митрополит Антоний. Константинопольский Патриарх как «верховный судья для православных христиан всех стран» остался в прошлом. Неуместность такого судейства в Православной Церкви должна стать для всех очевидной.

А. А. Кострюков

**Русское церковное зарубежье
и Вселенский Престол**

Глава 1

С надеждой на помощь. ВЦУ Юга России и Константинополь

События, потрясшие Россию после 1917 г., привели не только к братоубийственной войне, голоду и репрессиям, но и к массовому исходу населения из пределов отечества. Потоки беженцев устремились в Европу и Китай, откуда рассеивались по другим континентам. Точное число русских эмигрантов до сих пор не установлено, по данным Лиги Наций их было более миллиона, хотя современники тех событий, как и позднейшие исследователи, называют другую цифру — 2, а иногда и 4 млн¹. Сюда надо добавить и несколько миллионов человек, проживавших на территориях, отданных советской администрацией сопредельным государствам.

Духовное руководство эмиграцией взяла на себя Русская Православная Церковь Заграницей (РПЦЗ, Русская Зарубежная Церковь). В 1926 г. из ее подчинения вышли митрополит Евлогий (Георгиевский), управлявший русскими приходами в Западной Европе, и митрополит Платон (Рождественский), возглавлявший Североамериканскую епархию. Так образовались три основные церковные структуры русской эмиграции — собственно РПЦЗ, Западноевропейский экзархат и Североамериканская митрополия.

Естественно, что столь важные события, сопровождаемые конфликтами и бурной полемикой, не могли пройти мимо других Поместных Церквей, в том числе и Константинопольской. Отношения с ней складывались непросто, и если поначалу были дружескими, то спустя несколько лет стали едва ли не враждебными. В последующие годы отношение Русской Зарубежной Церкви к Вселенскому Престолу менялось. В первые десятилетия «холодной войны» РПЦЗ старалась опереться на его авторитет, но с середины 1960-х гг. от такой опоры отказалась. Пиетет уступил место резким обличениям вплоть до обвине-

¹ См., например: *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 21; *Троицкий С. В.* История самочинной карловацкой организации // Церковно-исторический вестник. 2001. № 8. С. 41; *История России. XX век: 1894–1939. М., 2009. С. 724.*

ний в предательстве Православия. Понять причины этого разочарования — задача настоящего очерка.

Начало Русской Зарубежной Церкви было положено не в эмиграции, а на родине. Автономное от Патриарха Тихона Высшее церковное управление (ВЦУ) действовало на территории, контролируемой генералом А. И. Деникиным, с мая 1919 г. Самостоятельность этого органа, возглавляемого архиепископом Донским и Новочеркасским Митрофаном (Симашкевичем), была обусловлена невозможностью связаться с главой Российской Церкви для решения срочных вопросов. После поражения генерала Деникина центр антибольшевистского сопротивления переместился в Крым, где новый главнокомандующий Добровольческой армии генерал П. Н. Врангель создал независимое русское государство.

В Крым переместилось и Высшее церковное управление Юга России, возглавил которое архиепископ Таврический и Симферопольский Димитрий (Абашидзе). Для придания ВЦУ большего веса в сентябре 1920 г. Врангель пригласил в Крым одного из наиболее авторитетных русских иерархов — митрополита Киевского и Галицкого Антония (Храповицкого), проживавшего на Святой Горе Афон. Архипастырь, изначально планировавший остаться на Афоне навсегда, после недолгих раздумий все же согласился с предложением главнокомандующего. В Крыму митрополит занял пост почетного председателя ВЦУ.

Церковное управление Юга России взяло на себя не только решение вопросов религиозной жизни на «белых» территориях, но и внешнеполитическую церковную деятельность. Это было понятно и оправданно — Патриарх Тихон контролировать жизнь русской диаспоры не мог. А проблем с каждым месяцем становилось все больше — количество беженцев в Турции, Европе и Китае увеличивалось день ото дня. За границей находилось около двух десятков русских архиереев, а число бежавших с советских территорий священников исчислялось сотнями. Назначение священнослужителей на зарубежные приходы, переговоры с инославными христианами и представителями Поместных Церквей — весь этот нелегкий груз лежал теперь на Высшем церковном управлении. В условиях изоляции Патриарха Тихона ВЦУ должно было взять на себя и контакты с Вселенским Престолом.

Главным и фактически единственным представителем ВЦУ в Константинополе в тот момент стал архиепископ Анастасий (Грибановский). До революции этот иерарх занимал Кишиневскую кафедру, но в 1918 г. был вынужден ее оставить. В тот год Бессарабия вошла в состав Румынии, а Кишиневская епархия вопреки протестам Патриарха Тихона, включена в Румынскую Церковь. Местным архиереям — архиепископу Кишиневскому и Хотинскому Анастасию, епископу Аккерманскому Гавриилу (Чепуру) и епископу Измаильскому Дионисию (Сосновскому), было предложено войти в состав Румынской Церк-

ви. Архиепископа Анастасия, помимо этого, пообещали включить в состав румынского Синода и наградить орденом². Однако архиереи наградами не прельстились и предпочли покинуть Бессарабию. С 1919 г. архиепископ Анастасий проживал в Константинополе, где служил в посольской церкви и управлял местными русскими приходами, число которых к 1920 г. достигло 18³.

Неотложных вопросов, требовавших обсуждения с Константинопольской Патриархией, к тому времени накопилось немало. Прежде всего это касалось самочинных автокефалий, объявленных некоторыми частями Российской Церкви.

Пожалуй, самым проблемным регионом была Польша. После получения страной независимости в правительственных кругах зародилась идея о создании самостоятельной Поместной Церкви. Летом 1920 г. Польское государство уже предпринимало первые шаги к отделению местных православных епархий от Российской Церкви. Июль был ознаменован началом контактов Варшавы и Константинопольского Престола. Переговоры не остались без внимания русской эмиграции — слухи о скором признании Фанаром независимой Польской Церкви тем же летом достигли Крыма.

Опасения, что Фанар в обход Москвы предоставит Польской Церкви самостоятельность, имели основания. В результате временных поражений турок в ходе греко-турецкой войны шовинизм греков резко вырос, и в некоторых стамбульских церквях уже открыто поминали греческого короля Александра. Греки предвкушали радостное событие — восстановление Византийской империи, а высшие иерархи уже примеряли на себя ризы древних первосвятителей и мечтали о широчайших церковных полномочиях. Хотя судьба распорядилась иначе и мечта о Великой Греции так и осталась мечтой, Константинопольские Патриархи от своих претензий не отказались.

Правда, в 1920 г. на столь неканоничное деяние, как предоставление автокефалий различным частям Российской Церкви, Фанар все еще не решался. Противодействие намечавшемуся беззаконию в тот момент оказало именно Высшее церковное управление Юга России. Архиепископу Анастасию было поручено напомнить Константинопольской Патриархии, что польские архиереи находятся в подчинении Патриарха Тихона. Архиепископ впоследствии сообщал, что к его расспросам греки отнеслись сдержанно, хотя и заявили, что «ему нет оснований беспокоиться о каких-либо решениях, неприемлемых для России», тем более что война между советской Россией и Польшей еще не закончилась⁴. Вопрос был временно закрыт.

Еще одной проблемой была автокефалия Грузинской Церкви, объявленная в 1917 г. и тогда же отвергнутая Константинопольской и Антиохийской Церк-

² См.: *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М., 1994. С. 315.

³ ГА РФ. Ф. 3696. Оп. 1. Д. 7. Л. 24 об.

⁴ Там же. Д. 2. Л. 106–106 об.

вами. На уведомление Грузинской Церкви о независимости Патриарх Герман V ответил довольно резким посланием. «Самостоятельной Грузинской Церкви, — писал тогда Вселенский Патриарх, — я не знаю и не могу знать, ибо более 100 лет православные грузины находятся под управлением русской церкви. Отделение ваше и образование автокефальной Церкви возможно лишь по соглашению вашей кириархальной церкви с русской. Нам известно, что всероссийский Патриарх Кир Тихон, обращаясь к вам с особым посланием, призывал ваших архиереев к прекращению распрей и братскому обращению к нему: причем в послании дается вам обещание предоставить желаемое и просимое православным грузинским народом. Мы не можем вмешиваться во внутренние ваши церковные дела, но отечески советуем вам послушаться голоса вашего пастыря и таким образом ввести этот вопрос в русло спасительных церковных канонов»⁵.

Ответ Антиохийской Церкви, от которой Грузия некогда получила христианство, был еще более строгим. «Неразумные грузины, — писал Патриарх Григорий IV, — забыли вы, сколько времени наслаждались тишиной, покоем и миром под сенью святого трона Русских Православных Царей. Никогда вы не были автокефальны. Всегда внутри вас были междоусобия и распри, которые нам — предстоятелям Антиохийской Церкви — приходилось умиротворять и направлять к вашему благу⁶. Но когда Господу было угодно сдвинуть светильник нашей церкви с ее места, когда мы ослабели и не могли простирать рук своих к вам, тогда Пастыреначальник воздвиг на севере нового защитника для всех православных, в том числе и для вас. И вот теперь, когда государство это заболело, вы, как неблагодарные дети, подняли свои руки на церковь русскую. Как вы могли даже в мыслях допустить, что мы будем сочувствовать в этом Вам и станем сообщниками Ваших незаконных воцелений. Советую Вам: вразумитесь и обратитесь с покаянием к Святейшему Отцу Вашему Патриарху Всероссийскому Кир Тихону — возлюбленному во Христе брату нашему и сомолитвеннику»⁷.

Но уже спустя три года отношение Вселенского Престола к грузинской автокефалии поменялось. Летом 1920 г. архиепископ Анастасий получил информацию, что Константинополь обсуждает возможность признания независимости Грузинской Церкви. О самочинии было тут же доложено в Симферополь, и ответные меры не заставили себя долго ждать. В официальном органе ВЦУ, журнале «Церковные ведомости», были опубликованы послания Вселенского и Антиохийского Патриархов 1917 г. Своим определением от 11 августа ВЦУ

⁵ ГА РФ. Ф. 3696. Оп. 1. Д. 7. Л. 33.

⁶ Имеется в виду решение Антиохийской Церковью споров, связанных с наличием в разделенной Грузии двух католикосов, враждовавших между собой, а также мингрельских епископов, считавших себя независимыми от католикосов (см.: *Скурлат К.* История Поместных Православных Церквей: В 2 ч. Ч. 1. М., 1994. С. 47; ГА РФ. Ф. 3696. Оп. 1. Д. 7. Л. 33).

⁷ ГА РФ. Ф. 3696. Оп. 1. Д. 7. Л. 33–33 об.

поручило своему председателю архиепископу Димитрию (Абашидзе) направить Местоблюстителю Вселенского Патриаршего Престола митрополиту Дорофею (Маммелису) известительное послание. В документе подчеркивалось, что вопрос грузинской автокефалии не может быть решен Константинополем без санкции Российской Церкви. В адрес Вселенского Престола была направлена и копия послания Патриарха Тихона на имя грузинских епископов по поводу их ухода из Российской Церкви⁸.

Несмотря на фактическую готовность фанариотов к вероломству, ВЦУ в целом доверяло им — Константинопольская Церковь по привычке воспринималась как помощница. Поддержку от Константинополя крымские иерархи планировали получить, например, в деле о церковном имуществе в Китае. Деятельность русских дипломатических ведомств в этой стране остановилась, а собственность православной миссии оказалась под угрозой изъятия. Начальник миссии архиепископ Иннокентий (Фигуровский), опасаясь разграбления миссии и захвата недвижимости, был готов передать ее под защиту Вселенского Патриарха и французского правительства.

2 октября 1920 г. ВЦУ рассмотрело этот вопрос. Хотя было решено подчинить миссию Высшему церковному управлению, все же была сделана оговорка, что в случае изменения политической обстановки русское имущество может быть передано Константинопольской Патриархии. Переговоры по этому поводу с митрополитом Дорофеем также вел архиепископ Анастасий⁹.

Складывается впечатление, что ВЦУ старалось не дистанцироваться от мирового православия, видя в Поместных Церквях, в том числе в Церкви Константинопольской, своих союзников. Тем более что почетный председатель ВЦУ митрополит Антоний, будучи клириком Российской Церкви, параллельно являлся и Экзархом Галиции Константинопольского Патриархата. Осенью 1920 г. ВЦУ рассматривало вопрос о духовной миссии в Угорской Руси, жители которой стали переходить в православие¹⁰. Ведение проповеди ВЦУ поручило своим клирикам, которые были направлены туда как миссия Галицкого Экзарха Вселенской Патриархии¹¹.

С помощью Вселенского Престола планировалось решать и вопрос управления русской диаспорой. Летом 1920 г. церковное управление намеревалось передать всех русских беженцев, живших в Греции и на Балканах (то есть в православных странах), в ведение Поместных Церквей. Для приходов в неправославных странах предполагалось назначить особого архиерея, подчиненного крымскому ВЦУ. Еще один архиерей должен был стать официальным предста-

⁸ ГА РФ. Ф. 3696. Оп. 1. Д. 2. Л. 126–126 об.

⁹ Там же. Л. 168–168 об.

¹⁰ См.: Заграничное русское церковное собрание: Материалы подготовительной комиссии. Вып. 1. Константинополь, 1921. С. 12.

¹¹ ГА РФ. Ф. 3696. Оп. 1. Д. 25. Л. 46 — 46 об.

вителем ВЦУ при Вселенском Патриархе и управляющим русскими приходами в Константинопольском округе¹².

16 сентября 1920 г. Патриарший Местоблюститель митрополит Дорофей сообщил о согласии с предложенным планом¹³, а спустя месяц ВЦУ назначило своим представителем в Константинополе архиепископа Анастасия (Грибановского)¹⁴. Был решен вопрос и о главе зарубежных приходов — им стал архиепископ Евлогий (Георгиевский). До исхода Русской армии из Крыма оставалось тогда всего несколько недель. В начале ноября Красная армия начала операцию по захвату полуострова. Войска генерала Врангеля и немалая часть местного населения спешно эвакуировались. Покинуло Россию и Высшее церковное управление.

¹² ГА РФ. Ф. 3696. Оп. 1. Д. 4. Л. 77.

¹³ Там же. Д. 7. Л. 26 — 27.

¹⁴ См.: Махароблидзе Е. Поправка справок // Церковные ведомости. 1926. № 17–18. С. 20.

Глава 2

«За преданность — предательство». Русская Зарубежная Церковь и Константинополь в 1920–1926 гг.

В конце ноября 1920 г. к стамбульским причалам ежедневно приходили десятки военных и гражданских судов с русскими беженцами — П. Н. Врангель провел эвакуацию безукоризненно. 19 ноября в константинопольском порту пришвартовался и пароход «Великий князь Александр Михайлович» с членами Высшего церковного управления на борту. Среди них находился и почетный председатель ВЦУ митрополит Антоний (Храповицкий).

Угнетенный русской трагедией, митрополит не видел смысла в дальнейшей деятельности ВЦУ и брать на себя руководство этим органом не собирался. Мыслями святитель был на Афоне, в то время как паству хотел передать Поместным Церквам. Иначе видели будущее другие архиереи, считавшие, что перед ВЦУ стоит новая задача — руководить русской диаспорой. Митрополит Антоний сдался: день прибытия русских архиереев в Стамбул стал днем рождения Русской Зарубежной Церкви. ВЦУ Юга России стало теперь Высшим церковным управлением за границей.

Уже на первом заседании члены ВЦУ решили обратиться в Константинопольскую Патриархию для урегулирования своего канонического положения. Этот вопрос обсуждался также на втором и третьем заседаниях (22 и 29 ноября). Непосредственно за благословением к Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Дорофею (Маммелису) обращались митрополит Антоний и епископ Вениамин (Федченков)¹⁵. Благословение было получено быстро. 2 декабря 1920 г. митрополит Дорофей подписал свою историческую грамоту, разрешавшую архиереям-изгнанникам создать временную комиссию (эпитропию) для обслуживания русских колоний в православных странах. Оговаривалось, что деятельность комиссии будет распространяться на те русские группы, которые не будут смешиваться с прочими православными. Фанар позволял комиссии

¹⁵ См.: *Никон (Рклицкий), еп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 5. Нью-Йорк, 1959. С. 5, 7, 8.

ставить для этих групп священников и направлять проповедников. Особо отмечалось, что эпитропия будет действовать под контролем Константинополя.

О предоставлении русским архиереям прав самостоятельного церковного управления речь в документе не шла. Наоборот, права комиссии были существенно урезаны в области брачных разбирательств, которые оставались либо за Константинопольской Патриархией, либо за Поместными Церквами, на территории которых проживали беженцы¹⁶. Таким образом, грамота митрополита Дорофея не давала оснований для организации самостоятельной церковной структуры. Это не представляется удивительным — Вселенский Престол не потерпел бы у себя под боком какой-либо параллельной церковной власти. По свидетельству архиепископа Никона (Рклицкого), ВЦУ не возражало против контроля со стороны греков и держало Патриархию в курсе своих дел. Но жизнь есть жизнь, на практике бывало всякое, и даже апологеты Русской Зарубежной Церкви вынуждены упоминать о трениях, возникавших, например, при решении бракоразводных вопросов¹⁷.

Главное, что Вселенская Патриархия в тот момент принципиально не возражала против существования самостоятельной Русской Зарубежной Церкви. 2 июля 1922 г. в журнале Константинопольского Патриархата «Церковная Истина» появилась статья митрополита Кизического Каллиника (Деликаниса) «Большевизм и христианство в России», где говорилось о создании русскими беженцами единой Зарубежной Русской Церкви. Митрополит с некоторой гордостью сообщал и о роли Константинополя в этом процессе: «Первоначальный толчок процессу организации дал Вселенский Константинопольский патриархат». Эту поддержку митрополит Каллиник объяснял прежде всего «причинами духовными, а именно стремлением поддержать обуреваемое православие в Русской Церкви, которую Вселенский Патриархат породил, вскормил и взрастил»¹⁸.

Само Высшее церковное управление со своей стороны считало себя вполне самостоятельным органом. Кадровые решения ВЦУ проводило, не оглядываясь на Вселенский Престол. Так, например, 15 апреля 1921 г. был повторен указ в отношении архиепископа Евлогия, однако если прежде речь шла о подчинении ему всех зарубежных приходов, то теперь его права вполне определенно ограничивались Западной Европой.

Председатель ВЦУ митрополит Антоний находился в Константинополе недолго — 16 февраля 1921 г. он был командирован в Сербию¹⁹. Митрополит поселился в г. Сремские Карловцы, где Сербский Патриарх Димитрий выделил ему часть своей резиденции. После отъезда митрополита Антония председа-

¹⁶ См.: К делу о «Всеаграничном Высшем Русском Церковном Управлении» (Следствие над архиеп. Анастасием, Александром и др.): Документы. Константинополь. 1924. С. 6–7.

¹⁷ См.: *Никон (Рклицкий), еп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония... Т. 5. С. 8–9.

¹⁸ Ἐκκλησιαστικῆ Ἀλήθεια. Ἀριθ. 26. 1922. 2 ἰουλ., Σ. 280. Ссылка предоставлена свящ. Павлом Ермиловым.

¹⁹ См.: *Никон (Рклицкий), еп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония... Т. 5. С. 14.

тельствовавал в Высшем церковном управлении архиепископ Анастасий, которого иногда заменяли архиепископ Феофан (Быстров) и епископ Вениамин (Федченков)²⁰.

Зарубежное церковное управление действовало в Константинополе до 15 мая 1921 г., когда состоялось его последнее заседание перед отъездом в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Русская община в Константинополе в тот момент была весьма значительна и по своему количеству превышала местное греческое население. Организация православной жизни легла на беженское духовенство. Русской Церкви в Константинополе в тот момент принадлежало семь храмов — при посольстве, при госпитале в Харбие и при монастырских подворьях. Вселенская Патриархия передала изгнанникам еще несколько помещений. Однако это количество ни в коей мере не могло обеспечить нужды эмигрантов. Не могли помочь и греческие священники — посещать их богослужения русские эмигранты не любили. Выход беженцы нашли сами: в скором времени в местах их проживания стали появляться временные церкви. Как правило, их устраивали в частных домах, арендованных у турок, а иногда и в походных палатках. Тогда никто не мог предположить, что в скором времени эти временные храмы станут поводом для скандальных обвинений со стороны Фанара.

Пока же отношения между греческой и русской церковными властями были спокойные. Фанар в лице Патриаршего Местоблюстителя митрополита Николая даже разрешил созвать в Константинополе русское церковное собрание, состоявшееся 21–22 июля 1921 г.²¹ Русский епископат на собрании был представлен епископами Вениамином (Федченковым) и Дамианом (Говоровым). Был здесь и представитель Вселенской Патриархии — епископ Неокесарийский Поликарп²².

На Вселенский Престол эмигранты по-прежнему смотрели как на опору. Осенью 1921 г. ВЦУ вернулось к рассмотрению вопроса о миссии в Китае. Начальник миссии архиепископ Иннокентий (Фигуровский), со дня на день ждавший признания китайцами власти большевиков, теперь не просто соглашался передать миссию под защиту Константинополя, но и прямо настаивал на этом. 5 декабря 1921 г. Зарубежное ВЦУ сделало соответствующее распоряжение, которое, правда, осталось без последствий²³.

К тому времени русские беженцы уже покидали турецкую столицу, перебираясь в Европу. Получали новые назначения и архиереи. В Турции остались

²⁰ См.: *Дамиан, архиеп.* Дневник моего беженства с духовенством Царицынской епархии в Гражданскую войну с августа 1919 г. / Публ. З. П. Тининой // Мир Православия: Сб. научных статей. Вып. 4. Волгоград, 2002. С. 293.

²¹ См.: Заграничное русское церковное собрание: Материалы подготовительной комиссии. Вып. 1. Константинополь, 1921. С. 30.

²² См.: Църковен вестник. 1921. № 19–20. С. 12.

²³ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 233. Л. 53 об. — 54, 57 об.

только архиепископ Анастасий и переехавший из Америки архиепископ Александр (Немоловский).

Переезд ВЦУ в Сербию не отразился на его отношениях с Фанаром. В том же 1921 г. Константинопольским Патриархом стал Мелетий IV (Метаксакис) — друг и единомышленник митрополита Антония (Храповицкого)²⁴. Столь же уважительным было отношение Патриарха Мелетия к архиепископам Анастасию (Грибановскому) и Александру (Немоловскому) — они неукоснительно приглашались на все официальные торжества и конференции Вселенской Патриархии, где им отводились первые после Патриарха места²⁵. Однако конфликт между Константинополем и РПЦЗ становился делом времени — количество разногласий между двумя структурами росло как снежный ком.

Одной из первых проблем стала ситуация на Афоне. Еще в 1919 г. Кинот Святой Горы постановил не пускать туда русских эмигрантов вплоть до окончания революции. Это решение позволило прекратить допуск русских на Святую Гору на неопределенное время, причем касалось это не только тех, кто хотел принять постриг, но и простых паломников²⁶. Хотя это решение заработало, по-видимому, не сразу (в 1920 г. на Афоне четыре с половиной месяца проживал сам митрополит Антоний), впоследствии Кинот старался не допускать на Святую Гору русских эмигрантов. Этот вопрос пыталось решить еще ВЦУ Юга России 16 июля 1920 г.²⁷ После эвакуации из Крыма в ноябре 1920 г. митрополит Антоний тщетно умолял Вселенскую Патриархию разрешить ему удалиться на Афон и прекратил свои просьбы только после переезда в Сремские Карловцы²⁸. Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне в результате политики Фанара стал приходить в упадок, а его насельники попросту голодали. Карловацкий Собор 1921 г. обратился к Константинополю с просьбой разрешить въезд на Святую Гору хотя бы для тех, кто имеет удостоверения о благонадежности со стороны своих архиереев. В послании говорилось, что распоряжение Кинота никак не вредит большевикам, а наносит удар по их жертвам — эмигрантам, которые хотят помолиться у афонских святынь, но не могут сделать это²⁹. Обращение результата не принесло. Позиция Кинота и стоявшего за ним Фанара имела для Русской Зарубежной Церкви довольно серьезные последствия. После того как в мае 1922 г. под давлением богоборческих властей Па-

²⁴ См.: *Киприан (Керн), архим.* Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чепуре). М., 2002. С. 93.

²⁵ См.: Конфликт между Константинопольским Патриархатом и Русской Церковью // Новое время. 1924. № 931. 3 июня.

²⁶ См.: Деяния Русского Всезарубежного Собора, состоявшегося 8–21 ноября 1921 года (21 ноября — 3 декабря) в Сремских Карловцах в Королевстве С. Х. и С. Сремски Карловци, 1922. С. 140–141.

²⁷ ГА РФ. Ф. 3696. Оп. 1. Д. 4. Л. 78.

²⁸ См.: *Антоний, митр.* Со святых мест // Новое время. 1924. № 1020. 21 сент.

²⁹ См.: Деяния Русского Всезарубежного Собора, состоявшегося 8–21 ноября 1921 года. С. 141–142.

триарх Тихон был вынужден закрыть Зарубежное ВЦУ, митрополит Антоний вновь попытался удалиться на Святую Гору, а власть над Зарубежной Церковью передать митрополиту Евлогию. Однако митрополит Антоний снова получил отказ, что стало для него одной из причин остаться во главе Русской Зарубежной Церкви. А ведь допусти его греки на Афон в 1922 г. — история русской эмиграции могла бы пойти совсем по другому пути...

Для фигур не столь значимых, как митрополит Антоний, Фанар иногда все же делал исключение. В середине 1920-х гг. здесь находился архимандрит Тихон (Троицкий), впоследствии архиепископ Сан-Францисский. Некоторое время на Афоне проживали также архиепископ Александр (Немоловский), епископы Гермоген (Максимов), Иоанн (Булин) и некоторые другие иерархи. Разрешался доступ на Афон и старым русским насельникам, оказавшимся в России накануне революции и не сумевшим вовремя покинуть страну. Для некоторых святогорцев, как, например, для схиархимандрита Евгения (Жукова) († 1972), возвращение на Афон стало возможным благодаря греческому гражданству³⁰.

Но в целом ситуация с русским присутствием на Афоне не улучшалась. В 1926 г. газета «Возрождение» предупреждала, что в ближайшее время Пантелеимонов монастырь на Святой Горе будет захвачен. «Кажется, нет мерзости, нет подлости, которой не готовы совершить народы, именующие себя христианскими, когда дело идет о материальных выгодах <...>, — писала газета. — Сейчас ясно, что Афонские монастыри, удел Богородицы, только потому не были ограблены и уничтожены раньше, что до 1917 года существовали русские пушки, которые бы этого не допустили»³¹. До силового захвата монастыря греками дело, к счастью, не дошло, однако стремление постепенно вытеснить выходцев из России с Афона никуда не исчезло. Только методы теперь были другие, и основным из них на долгие десятилетия стало недопущение в монастырь новых насельников. Со временем это привело бы к полному исчезновению русских иноков, после чего Свято-Пантелеимонов монастырь был бы заселен греками. Число русских монахов действительно неуклонно сокращалось. До революции их было здесь более 2 тыс., в 1925 г. — 550, в 1932 г. — 380, к концу 1940-х гг. — 180.³²

К сожалению, антирусские действия Вселенской Патриархии этим не ограничивались. Правление Патриарха Мелетия было ознаменовано не только принижением Русской Церкви, но и открытыми претензиями Константинополя на всемирную юрисдикцию. Еще в IX в. греки выдвинули теорию, что вся Православная Церковь должна подчиняться пяти Патриархатам, число которых равно числу человеческих чувств. Имелись в виду Рим, Константи-

³⁰ См.: Человеческий документ // Православная Русь. 1936. № 20; *Василий (Кривошеин), архиеп.* Из переписки с Афоном / Публ. свящ. Д. Агеева // Церковь и время. 2007. № 4 (41). С. 251.

³¹ См.: *Странник*. Русский Афон в опасности // Возрождение. 1926. 7 августа. № 431.

³² См.: Старец Софроний. Ученик преподобного Силуана Афонского / Авт.-сост. Л. А. Ильюнина. СПб., 2011. С. 29.

нополь, Александрия, Антиохия и Иерусалим. Однако эта концепция постоянно отменялась самими же греками, если становилась им невыгодна. Позднее появилось учение, что границы Поместных Церквей не должны выходить за границы государств, где эти Церкви находятся, а диаспора должна подчиняться только Константинополю. Греки иногда пытались сослаться на эту теорию, например препятствуя образованию той или иной Поместной Церкви, но все эти попытки оканчивались неудачно. С. В. Троицкий настаивал, что вся история Православной Церкви является фактическим опровержением этой теории³³.

Теперь, когда наиболее сильный противник этой доктрины, Московский Патриархат, оказался в тяжелом положении, Фанар вознамерился вернуться к старым планам. Весной 1922 г. Зарубежное ВЦУ получило сведения, что Патриарх Мелетий планирует предоставить автокефалию Финляндской, Грузинской, Польской и даже Украинской Церквам. Вполне естественным и законным в той ситуации был бы протест со стороны зарубежного церковного центра. Этого не произошло — нежелание портить отношения, а также остатки прежнего благоговения перед кафедрой древних святителей стали для РПЦЗ достаточными основаниями для молчания. Вместо жесткого порицания в адрес Фанара ВЦУ всего лишь попросило митрополита Антония обратиться к Патриарху Мелетию с представлением, где бы освещался вопрос об автокефалии этих Церквей³⁴.

Но скорее всего протест бы и не дал результата — Патриарх Мелетий уже начал свой «победоносный поход». В декабре 1921 г. на конференции православных епископов Америки Вселенский Патриарх заявил, что ему должны подчиняться все православные приходы за пределами канонической территории своих Церквей³⁵. 1 марта 1922 г. эта претензия обрела и официальную форму — по предложению Патриарха Мелетия Константинопольский Синод постановил, что вся православная диаспора должна подчиняться Вселенскому Престолу³⁶. Это решение повлекло за собой и ряд других постановлений, часть из которых напрямую касалась Российской Церкви. В том же 1922 г. Патриарх Мелетий учредил митрополию в Западной Европе («Священную митрополию Фиатирскую и экзархию Западной и Центральной Европы») с центром в Лондоне и стал оспаривать права митрополита Евлогия как всего

³³ См.: *Троицкий С.* Юрисдикция Цариградского Патриарха в области диаспоры // Церковные ведомости. 1923. № 11–12. С. 7.

³⁴ См.: *Определения Высшего Церковного управления Заграницей* // Церковные ведомости. 1922. № 5. С. 10.

³⁵ См.: *Энеева Н.* Положение Русской Православной Церкви в новообразованных государствах, отделившихся от России в 1918–1922 гг. // Проблемы истории Русского зарубежья. Вып. 2. М., 2005. С. 49.

³⁶ См.: *Ермилов П., диак.* Константинопольская Православная Церковь // Православная энциклопедия. Т. 37. М., 2015. С. 260.

лишь «временного» иерарха. Зарубежный Синод, в чьем ведении находился этот митрополит, снова отмолчался³⁷.

Может показаться удивительным, но Зарубежный Синод, будто не замечая стамбульских претензий, в других случаях прямо поддерживал Вселенскую Патриархию и отстаивал ее права. Когда в конце 1922 г. турецкое правительство предприняло попытку удалить Патриаршую кафедру со своей территории, митрополит Антоний 4 января 1923 г. направил послание Президенту Лозаннской конференции. В послании говорилось, что Константинопольская Церковь не просто церковная провинция, а неизменный элемент церковной полноты, связанный «со всею Православной Церковью по всей вселенной». Глава РПЦЗ говорил и об исключительном праве Константинополя принимать апелляции от Поместных Соборов (17 правило IV Вселенского Собора). «В этом последнем смысле, — писал митрополит Антоний, — Константинопольский Патриарх для православных христиан всех стран является верховным судьей, а упразднение или унижение сей Апостольской кафедры явилось бы глубоким оскорблением и поражением всей Православной Церкви»³⁸. Как видно из этого документа, Архиерейский Синод в тот момент толковал права Константинопольской кафедры очень широко и фактически содействовал росту ее амбиций и претензий.

А Патриарх Мелетий не останавливался. На очереди была Польша, государственная власть которой по-прежнему мечтала оторвать местные епархии от Российской Церкви. По приглашению польского правительства в страну прибыл архиепископ Георгий (Ярошевский), бывший Минский и Туровский, после революции проживавший в Италии. Правительство предложило ему возглавить Польскую Церковь при условии, что он немедленно объявит ее автокефальной и обратится к Вселенскому Престолу с соответствующим ходатайством. Архиепископ от заманчивого предложения не отказался. Вторым иерархом, поддержавшим независимость новой структуры, стал епископ Дионисий (Валединский).

Большинство находившихся на территории Польши православных архиереев — Елевферий (Богоявленский), Пантелеимон (Рожновский), Владимир (Тихоницкий) и Сергей (Королев) — путь незаконной автокефалии отвергли. Репрессии в отношении этих архипастырей последовали тут же. Архиепископ Пантелеимон был отстранен от управления Пинской епархией и заточен в монастырь. Архиепископу Елевферию повезло больше — хотя он и лишился приходов в захваченной поляками части Литвы, но все же сохранил за собой приходы в ее свободной части (Ковенской Литве), куда и переехал. Епископ Сергей был обманом вывезен из Польши в Чехословакию. Последним из архиереев,

³⁷ Троицкий С. Юрисдикция Цариградского Патриарха в области диаспоры // Церковные ведомости. 1923. № 11–12. С. 7.

³⁸ Церковные ведомости. 1923. № 1–2. С. 1–2.

несогласных с бесчинством, был епископ Владимир. В начале января 1923 г. он был отправлен в монастырь, а спустя полтора года, в 1924 г., был выдворен в Чехословакию. Архипастыря без вещей и денег почти насильно посадили в поезд до Праги, где его приютил епископ Сергей³⁹. Зарубежный Синод встал на защиту гонимых иерархов, что привело к разрыву общения между РПЦЗ и митрополитом Георгием (Ярошевским)⁴⁰.

Польская автокефалия была объявлена всего лишь тремя архиереями — митрополитом Георгием, архиепископом Дионисием и новорукоположенным епископом Александром (Иноземцевым). 14 июля 1922 г. эти архиереи от имени Польской Церкви заявили о ее независимости. Согласно постановлению «Собора трех иерархов», польское правительство должно было получить на автокефалию «благословение Константинопольского и других Патриархов, а равно Глав автокефальных Церквей — Греческой, Болгарской и Румынской, а также Патриарха Московского, если последний возвратится к власти и если Патриархат в России не будет упразднен»⁴¹. Как видно из этих слов, участники «Собора» ставили согласие Церкви-Матери (Московского Патриархата) на последнем месте, даже после Болгарской Церкви, которая в те годы вообще не имела официального канонического общения ни с одной из Церквей.

В феврале 1923 г. митрополит Георгий был застрелен противником автокефалии архимандритом Смарагдом (Латышенковым), но дело польской автокефалии не прекратилось. В апреле 1923 г. митрополитом Варшавским, Волыньским и всей Православной Церкви в Польше был поставлен архиепископ Дионисий (Валединский), который продолжил деятельность своего предшественника. А Патриарх Мелетий тут же подтвердил права нового Варшавского митрополита⁴².

Патриарх Тихон высказался против польской авантюры. Святитель настаивал, что автокефалия может быть дана отдельному православному народу, и если бы поляки были православными, то создание для них независимой Церкви было бы возможно. Но православных поляков очень мало, а создание автокефальной Церкви для находящихся в Польше русских, украинцев и белорусов незаконно⁴³. 5 июня 1924 г. Патриарх писал митрополиту Дионисию: «Для Нас остается неясным, на основании каких канонических правил часть Всероссийской Православной Церкви без согласия Поместного Собора и благословения ее Предстоятеля могла стать независимой, и какими каноническими правилами

³⁹ См.: Митрополит Владимир. Святитель-молитвенник. 1873–1959. Париж, 1965. С. 32–38.

⁴⁰ † Митрополит Варшавский Георгий // Церковные ведомости. 1923. № 3–4. С. 9.

⁴¹ См.: Энеева Н. Положение Русской Православной Церкви в новообразованных государствах, отделившихся от России в 1918–1922 гг. С. 76–77.

⁴² См.: О Польской Православной Церкви // Церковные ведомости. 1923. № 9–10. С. 11–12. См. также: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М. Губонин. М., 1994. С. 320.

⁴³ См.: О Польской Православной Церкви // Церковные ведомости. 1923. № 9–10. С. 11–12.

ми руководясь, Святейший Мелетий IV, бывший Патриарх Константинопольский, счел себя вправе простирать свою власть на часть Патриархата Всероссийского. <...> Мы не можем благословить самостоятельного существования Православной Церкви в Польском государстве до тех пор, пока все обстоятельства и канонические основания Ее перехода к независимому бытию не будут выяснены перед Собором Всероссийской Православной Церкви»⁴⁴. Но письмо Святейшего не остановило ни автокефалистов, ни Константинопольскую Патриархию.

Вместе с тем Патриарх Мелетий поддерживал и сепаратистские тенденции в Финляндии. С царских времен местной епархией управлял архиепископ Серафим (Лукиянов), готовый к сотрудничеству с финским правительством и даже согласившийся перевести свою епархию на новый календарь. В феврале 1921 г. Финляндская Церковь получила широкую автономию от Патриарха Тихона⁴⁵. Однако финское государственное руководство стремилось к полному отмежеванию от Российской Церкви и обратилось в Фанар за поддержкой. Финны считали, что одним из проявлений независимости было бы наличие национального архиерея, и таковой действительно не замедлил явиться. 17 июня 1922 г. на Сердобольском Соборе был избран во епископы вдовый протоиерей Герман Аав. Протест архиепископа Серафима не привел к результату — в соответствии с финским законодательством государство допускало первенство правительственной инициативы в церковных делах⁴⁶. Финская делегация прибыла в Константинополь 2 июля 1923 г. Патриарх Мелетий хотя и не предоставил Финляндской Церкви автокефалию, все же лишней раз попать каноны не побрезговал. Признав автономию, дарованную Финляндской Церкви святителем Тихоном, Патриарх Мелетий 6 июля утвердил ее в своей юрисдикции. Фактически это означало незаконное изъятие части Российской Церкви. 8 июля 1923 г. Патриарх Мелетий рукоположил Германа Аава во епископа Сортавальского, причем без предварительного монашеского пострига. Изъятие у Российской Церкви Финляндской епархии Фанар оправдывал тем, что в противном случае епархия могла оказаться под властью советских обновленцев. Однако такой аргумент был несерьезным — Патриарх Тихон к тому времени уже был освобожден из-под ареста, а обновленцы теряли свои позиции. Константинопольская Патриархия, объясняя свои действия тяжелым положением Российской Церкви, все же не указала ни в Томосе, ни в других документах, что ее покровительство Финляндской Церкви является временным. На богослужениях было предписано поминать

⁴⁴ См.: Грамота Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Дионисию, митрополиту Варшавскому // Церковные ведомости. 1924. № 15–16. С. 1–2; Акты Святейшего Тихона... С. 320.

⁴⁵ См.: Акты Святейшего Тихона... С. 173.

⁴⁶ См.: Шевченко Т. Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957). М., 2012. С. 131–133.

Вселенского Патриарха⁴⁷. Обращает на себя внимание, что свои незаконные действия в отношении частей Российской Церкви Патриарх Мелетий совершал в спешном порядке на фоне массового недовольства со стороны константинопольских греков, требовавших его немедленного изгнания. Турецкое руководство, ненавидевшее Мелетия за панэллинизм и антитурецкую политику, также требовало его удаления. Пребывание в Турции становилось опасно для Патриарха физически⁴⁸. Однако ради своих канонических преступлений Мелетий рискнул задержаться в Константинополе⁴⁹.

Не лучше обстояли дела в Эстонии. Патриарх Тихон предоставил Эстонской Церкви широкую автономию и назначил туда епископа Порховского Александра (Паулуса). Однако под давлением правительства этот иерарх обратился к Патриарху Мелетию с просьбой о принятии эстонских приходов под его руководство, и 7 июля 1923 г. тот принял их в качестве автономной Церкви.

Одновременно с этими событиями Фанар стал ограничивать права митрополита Антония (Храповицкого). С дореволюционных времен владыка Антоний, будучи архиереем Российской Церкви, являлся также экзархом Вселенского Патриархата в Подкарпатской Руси. Теперь этому был положен конец, и 16 марта 1923 г. митрополит должности экзарха был лишен. В том же месяце Патриарх Мелетий рукоположил для Чехословакии (в том числе и Закарпатья) епископа Савватия (Врабца), несмотря на то что в стране уже находился епископ Горазд (Павлик), поставленный Сербской Церковью, а также епископ Сергей (Королев), подчинявшийся главе западноевропейских приходов РПЦЗ митрополиту Евлогию. Новый архиерей сразу же получил сан архиепископа⁵⁰. Хотя архиепископ Савватий был назначен на чужую каноническую территорию, руководство РПЦЗ не выразило своего протеста. 29 марта 1923 г. Карловацкий Синод принял назначение к сведению и фактически его признал⁵¹. Более того, в «Церковных ведомостях» появилась статья, защищающая права Константинопольского Патриархата на Чехословакию. О назначении архиепископа Савватия в эту страну говорилось буднично, а о наличии здесь епископа Горазда даже не упомина-

⁴⁷ См.: Шевченко Т. К проблеме разрыва канонического общения между Русской и Финляндской Православными Церквями // Вестник ПСТГУ. Сер. II. 2015. Вып. 3 (64). С. 64–66.

⁴⁸ См.: Неслыханное насилие над Св. Патриархом Вселенским Мелетием // Церковные ведомости. 1923. № 11–12. С. 10; Православие истинное и «православие» фальшивое: Доклад архиепископа Аверкия Собору Епископов Русской Православной Церкви Заграницей 13/26 мая 1964 г. Джорданвилль, 1964. С. 5; Слесарев А. Старостильный раскол в истории Православной Церкви (1924–2008). М., 2009. С. 75–77.

⁴⁹ См.: Шевченко Т. К проблеме разрыва канонического общения между Русской и Финляндской Православными Церквями. С. 65.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 39. Л. 2. О некоторых подробностях служения архиепископа Савватия в Чехословакии см.: Брусилов А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 342.

⁵¹ См.: Определения Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей // Церковные ведомости. 1923. № 7–8. С. 3.

лось⁵². Пять месяцев спустя, 6 сентября, Архиерейский Синод разрешил епископу Вениамину (Федченкову) перейти в ведение Константинополя, «которому подчинена вновь образованная Чехословацкая Архиепископия». Епископ отправился в Прикарпатскую Русь, где в течение года управлял приходами, находясь в юрисдикции архиепископа Савватия⁵³.

А последний отвечал Зарубежному Синоду черной неблагодарностью, открыто заявляя о своих исключительных правах и требуя передать в ведение Константинополя все русские приходы в Чехословакии⁵⁴. По сообщению газеты «Новое время», 11 мая 1924 г. архиепископ Савватий «явился в гуситскую церковь, которой пользовались также русские православные и отнял у сторожей ключи». Эти и подобные действия ставленник Фанара сопровождал призывами подчиниться Константинополю. К счастью для русской паствы, гуситы по-прежнему предоставляли ей свое помещение⁵⁵.

Не встречая отпора, архиепископ Савватий дошел до высказываний о безблагодатности таинств, совершаемых епископом Сергием (Королевым), и пытался заново совершать таинство брака над теми, кто был венчан в русской церкви⁵⁶.

В то самое время, когда Зарубежный Синод доказывал правильность действий Вселенского Престола, митрополит Евлогий пытался отстоять свои права на руководство русской диаспорой в Западной Европе. Восторгов у Патриарха Мелетия это не вызвало, и соответствующее распоряжение со стороны Фанара не замедлило явиться. Согласно грамоте № 1336 (той самой, по которой митрополит Антоний был лишен должности экзарха Подкарпатской Руси), Фанар отказывался считать права митрополита Евлогия каноническими⁵⁷. Письмо митрополита Евлогия от 27 марта 1923 г., в котором он сообщал о своем посещении русских церквей в Чехословакии, Патриарх Мелетий встретил угрозами «канонических прещений»⁵⁸.

Фанариоты вели свое наступление и в Северной Америке. В 1923 г. Вселенская Патриархия, несмотря на существование здесь российской православной епархии, учредила в США свои епархии (в Нью-Йорке, Бостоне, Чикаго и Сан-Франциско), причем епископу Нью-Йоркскому был присвоен

⁵² См.: Глава Православной Церкви в Чехословакии // Церковные ведомости. 1923. № 7–8. С. 9.

⁵³ См.: Определения Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей // Церковные ведомости. 1924. № 1–2. С. 4; *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. М. 1994. С. 361.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 223 об.

⁵⁵ См.: Поход на православие // Новое время. 1924. № 942. 18 июня.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 223. Подробнее см.: *Кострюков А.* Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. М., 2011. С. 70–71.

⁵⁷ *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония... Т. 7. Нью-Йорк, 1960. С. 194.

⁵⁸ См.: *D'Herbigny M., Deubner A.* Évêques russes en exil. Douze ans d'épreuves (1918–1930). P. 195.

титул Американского⁵⁹. Зарубежный Синод молчаливо смирился и с этими действиями.

Но не стоит спешить с осуждением и обличением — зарубежные иерархи в те годы искренне считали, что своими действиями они помогают Церкви в Отечестве. Платой за молчаливое согласие РПЦЗ с претензиями Фанара были протесты Патриарха Мелетия против ареста святителя Тихона и гонений на Церковь в России. Один из таких меморандумов был издан Патриархом Мелетием 5 мая 1922 г. В документе осуждался преступный коммунистический режим, а также содержался призыв к Поместным Церквам воздействовать на свои правительства с целью предотвратить большевистские гонения, этот «позор нашего века»⁶⁰.

Не следует забывать и того, что Русская Зарубежная Церковь в те годы активно противодействовала обновленческому расколу и внимательно следила за тем, чтобы Вселенский Престол не оказывал ему поддержки.

Действия против обновленцев РПЦЗ стала предпринимать уже в мае 1922 г., когда стало известно о захвате ими церковной власти в России. Зарубежное ВЦУ отреагировало на эти события изданием указа № 259 от 10 июня 1922 г. Согласно указу, зарубежным клирикам предписывалось совершать молитвы за Патриарха Тихона. Также было принято решение обратиться ко всем главам православных и инославных Церквей и главам государств. Об обновленческом расколе в указе говорилось: «Лишить всякого церковного общения епископа Антонина [Грановского] и прочих епископов, клириков и мирян, восставших в угоду большевикам против самого Святейшего Отца и Патриарха, и осудить их действия»⁶¹.

О разрыве общения с обновленцами говорилось и в изданном тогда же послании главам Поместных Церквей⁶². В другом послании Зарубежное ВЦУ отзывалось об обновленцах еще более жестко: «Тех, именующих себя священнос-

⁵⁹ См.: Греческая Церковь в Америке // Церковные ведомости. 1923. № 19–20. С. 16. Иначе вела себя в этом вопросе Антиохийская Церковь. В 1922 г. Антиохийский Патриарх Григорий IV, планируя создать епархию для сирийцев в Америке, обратился к Патриарху Тихону для получения его согласия. Глава Российской Церкви признал возможным организовать в Америке церковное управление для сирийцев в ведении Антиохийской Церкви. После того как отношения с Патриархом Тихоном стали затруднительны, Антиохийская Церковь вела переписку по поводу своих приходов с Русской Зарубежной Церковью, которая не возражала против самостоятельного церковного управления для сирийцев в Америке, но настаивала, что окончательное решение должна вынести всероссийская церковная власть после освобождения России (см.: Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви Заграницей с участием представителей клира и мирян, состоявшегося 1/14–11/24 августа 1938 года в Сремских Карловцах в Югославии. Белград, 1939. С. 407–408).

⁶⁰ См.: Меморандум Вселенской Патриархии в защиту гонимых христиан в Азии и России // Церковные ведомости. 1923. № 5–6. С. 3.

⁶¹ См.: Указ Высшего Русского Церковного управления Заграницей // Церковные ведомости. 1922. № 6–7. С. 5.

⁶² См.: Церковные ведомости. 1922. № 6–7. С. 7.

лужителями и даже епископами, которые пошли против своего пастыря <...> мы лишаем всякого церковного общения и заявляем, что они самоосуждены. Окончательный суд над ними произнесет Св[ятейший] Патриарх и его синод, а до того времени православным христианам за границей, находящимся под нашим духовным попечением, мы воспрещаем с ними молиться, принимать их благословение <...> и объявляем всем, что они уже не суть ни епископы, ни священники <...> Молитва их будет в грех и таинства не таинства; совершенная ими евхаристия не тело и кровь Христа, но пища демонов, как поясняет Феодор Студит; крещенные ими или венчаные или исповеданные остаются некрещеными, невенчанными и неисповеданными»⁶³. Конечно, заявления, что обновленцы уже не имеют священного сана, противоречат словам о том, что суд над ними должен совершить Патриарх и Священный Синод. Однако зарубежных иерархов по-человечески можно понять — действия раскольников против Российской Церкви воспринимались как страшное вероломство. Сотрудничество лидеров нового раскола с большевистской властью, поставившей целью уничтожить Церковь, также воспринималось в эмиграции, как иудин грех. Тем более что за полгода до этого, в ноябре 1921 г., Всезарубежный (Карловацкий) Собор 1921 г. осудил социализм (фактически большевизм) как учение «антихристианское в своей основе и разрушительное по своим последствиям»⁶⁴.

30 июня 1922 г. Соединенное присутствие Зарубежного Синода и Церковного Совета РПЦЗ заявило, что считает членов обновленческого раскола находящимися под анафемой⁶⁵. Архиерейский Собор РПЦЗ в сентябре 1922 г. издал специальное послание против обновленцев, где подтверждалось, что они отлучены от Церкви, а священнослужители, уклонившиеся в раскол, считаются лишенными сана. Среди преступлений раскольников Архиерейский Собор назвал незаконный приход к власти, оправдание революции, поддержку коммунистической власти и, наконец, стремление модернизировать церковную жизнь⁶⁶. О безблагодатности этого раскола прямо говорилось и в послании митрополита Антония от 18 февраля 1923 г.⁶⁷

В Зарубежном Синоде считали, что добрые взаимоотношения с Фанаром позволяют отвлечь его от признания обновленцев. За границей имелись сведения, что Патриарх Мелетий собирается принять участие в раскольничьем соборе и в суде над святителем Тихоном. Данный вопрос обсуждался на заседании Архиерейского Синода Зарубежной Церкви 28 февраля 1923 г., в

⁶³ См.: Пастырское послание Русского Высшего Церковного управления Заграницей // Церковные ведомости. 1922. № 6–7. С. 9.

⁶⁴ См.: Деяния Русского Всезарубежного Собора, состоявшегося 8–21 ноября 1921 года (21 ноября — 3 декабря) в Сремских Карловцах в Королевстве С. Х. и С. С. 84–85.

⁶⁵ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 4. Л. 10. Текст документа см.: *Кострюков А.* Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. М., 2007. С. 244–249.

⁶⁶ См.: Послание // Церковные ведомости. 1922. № 12–13. С. 1–3.

⁶⁷ См.: Послание // Церковные ведомости. 1923. № 3–4. С. 1–2.

результате чего было принято решение просить Патриарха Мелетия и других Восточных Патриархов не участвовать в беззаконии⁶⁸. Архиепископ Анастасий лично предостерегал Константинопольского Патриарха от опасного деяния. Настойчивость зарубежных иерархов действительно некоторое время приносила плоды — Патриарх Мелетий от авантюры отказался. «Уведомить представителя Вселенского Патриарха в Москве, — говорилось в постановлении Константинопольского Патриархата от 24 апреля 1923 г., — что Великая Церковь не только не пошлет на суд своего представителя, но рекомендует и русским иерархам воздержаться от всякого участия в нем, потому что все Православие смотрит на Патриарха Московского и всея России как на исповедника»⁶⁹.

Обновленческий лжесобор проходил в Москве с 29 апреля по 9 мая 1923 г. Участники мероприятия утвердили ряд церковных реформ, в том числе введение женатого епископата и разрешение второбрачия духовенства. Также раскольники «лишили сана» Патриарха Тихона, признали восстановление патриаршества контрреволюционным актом, объявили капитализм смертным грехом, признали большевистскую власть мировым вождем «в борьбе за братство, равенство и мир народов». Коснулись постановления раскольников и Русской Зарубежной Церкви. 7 мая было принято решение «отлучить от Церкви» всех членов Карловацкого Собора 1921 г.⁷⁰

Постановления обновленцев, как явных нарушителей канонов, не воспринимались всерьез ни Патриархом Тихоном, ни Русской Зарубежной Церковью. Митрополит Антоний в частности писал, что постановление «московского соборща» имеет «не более силы, чем если бы исходило от трех-четырех баб, собравшихся на базаре»⁷¹. Высказался о раскольниках и Архиерейский Собор РПЦЗ, состоявшийся в мае 1923 г. Решения красных обновленцев были признаны не имеющими канонического значения. «Судьями Святейшего Патриарха, — читаем в соборном определении, — явились те, кто сами должны были подлежать его суду, как бунтовщики против законной власти его над ними. Обвиняемый не был приглашен на Собор, ему не были предъявлены возведенные на него обвинения и не представлено было ему возможности самозащиты». Авторы послания подчеркивали, что единственным обвинением против Патриарха Тихона было не каноническое нарушение, а «контрреволюционность». Зарубежные архипастыри осудили и сотрудничество обновленцев с коммунисти-

⁶⁸ См.: Определения Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей // Церковные ведомости. 1923. № 7–8. С. 3; ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 39. Л. 2.

⁶⁹ Постановление Вселенского Патриархата по вопросу о суде над Святейшим Тихоном, Патриархом Московским и всея России // Церковные ведомости. 1923. № 7–8. С. 1.

⁷⁰ См.: *Левитин-Краснов А. Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 281, 282, 284, 285, 290.

⁷¹ См.: Отзыв Высокопреосвященнейшего митрополита Антония о Московском соборще // Церковные ведомости. 1923. № 9–10. С. 10.

ческой властью. Соборное определение завершалось анафематствованием обновленческого сбора: «Отвергаем и анафематствуем его, всех участников его и всех приемлющих его и объявляем ничтожными все его деяния. Сами же остаемся в непоколебимой верности Святейшему Патриарху нашему Тихону»⁷².

Столь резкое и непримиримое решение было, по всей видимости, принято не без влияния грамоты Патриарха Тихона от 6 декабря 1922 г., где обновленческое церковное управление анафематствовалось как «учреждение антихриста», а ситуация в России была охарактеризована как «година торжества сатаны и царства антихриста»⁷³. Грамота, являющаяся, скорее всего, подложной⁷⁴, попала в эмиграцию через архиепископа Финляндского Серафима (Лукьянова). Собор отнесся к документу с доверием и принял решение распространить его среди русской паствы за границей и довести его до сведения глав автокефальных Церквей⁷⁵.

В этом контексте следует рассматривать участие двух архиереев Русской Зарубежной Церкви — архиепископа Анастасия (Грибановского) и архиепископа Александра (Немоловского) — в так называемом Всеправославном конгрессе, созванном Патриархом Мелетием и проходившем в Константинополе в мае — июне 1923 г.

«Всеправославный конгресс» вошел в историю как печальное событие. Среди вопросов, обсуждавшихся на нем, были переход на новый календарный стиль, сокращение постов и богослужений, разрешение клирикам носить светскую одежду, введение женатого епископата и разрешение второго брака для священнослужителей⁷⁶. Не всё из этого списка было принято, например женатый епископат так и не был введен, однако и других резолюций было достаточно для церковной смуты.

Наиболее плачевные последствия имело постановление конгресса о переходе Православной Церкви на новый стиль с 1 октября 1923 г. Оговаривалось, что это решение временное, имеющее силу только до выработки нового, более совершенного календаря. Пасхалия при этом оставалась прежней. Принятие нового стиля или отказ от него ставились в зависимость от решения той или иной Поместной Церкви. Кроме того, конгресс разрешил священникам вступать в брак после хиротонии, а также жениться вдовым священнослужителям⁷⁷.

⁷² См.: Определения Собора Архиереев Русской Православной Церкви Заграницей // Церковные ведомости. 1923. № 9–10. С. 3.

⁷³ Грамота Св[ятейшего] Тихона, Патриарха Всероссийского // Церковные ведомости. 1923. № 11–12. С. 1.

⁷⁴ Подложной ее называет, например, М. Е. Губонин (см.: Акты Святейшего Тихона... С. 221–222).

⁷⁵ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 2. Л. 12–12 об.

⁷⁶ Междуправославная конференция в Константинополе // Церковные ведомости. 1923. № 11–12. С. 9.

⁷⁷ См.: *Viscuso P.* A quest for reform of the Orthodox Church: the 1923 Pan-Orthodox Congress. Berkeley, 2006. P. 185–186, 189–191.

Документы конгресса подписали всего десять человек: шесть архиереев (от Константинопольской, Сербской, Элладской, Кипрской и Русской Зарубежной Церквей), два архимандрита (от Румынской и Константинопольской Церквей) и два мирянина.

В целом православный мир расценил это мероприятие, как оно того и заслуживало. Своих представителей в Константинополь не прислали Александрийский Патриарх Фотий, Антиохийский Патриарх Григорий и Иерусалимский Патриарх Дамиан. Все эти иерархи высказались по поводу стамбульских постановлений резко отрицательно. Не участвовали в конгрессе и представители Московского Патриархата.

Из двух архиереев РПЦЗ, присутствовавших на мероприятии на правах наблюдателей, все документы подписал только архиепископ Александр, в то время как архиепископ Анастасий, приняв участие в четырех заседаниях из десяти, покинул собрание в знак протеста. Архиерейский Собор Русской Зарубежной Церкви в 1923 г. отверг принятые на конгрессе решения⁷⁸.

Если второбрачие клириков так и не было внедрено в практику Поместных Церквей, то переход на новый календарный стиль в скором времени создал православному миру немало проблем. Вскоре после «Всеправославного конгресса», в 1924 г., новый стиль был введен в Константинопольской, Элладской и Румынской Церквях. В 1926 г., после того как Александрийским Патриархом стал изгнанный из Константинополя Мелетий, новый стиль был введен и в Александрийской Церкви. Естественно, что решение об изменении календаря, принятое столь неавторитетным органом без должного обсуждения церковной полнотой, спровоцировало отделение от новостильных Церквей приверженцев старого стиля.

В ходе «Всеправославного конгресса» Патриарх Мелетий попытался лишить Православные Церкви права назначать епископов в страны, не входящие в границы канонических территорий этих Церквей. Такое право Патриарх хотел оставить только для Константинопольского Престола⁷⁹. Однако вопрос был снят с повестки по настоянию представителя Сербской Церкви.

Показательно, что Патриарх Мелетий в тот момент не сомневался в каноничности Русской Зарубежной Церкви и выслал ей постановления «Всеправославного конгресса» для обсуждения⁸⁰.

Участие иерархов РПЦЗ в стамбульском собрании могло стать основанием для порицания Зарубежного Синода со стороны ревнителей православия. Од-

⁷⁸ См.: Определения Собора Архиереев Русской Православной Церкви Заграницей // Церковные ведомости. 1923. № 13–14. С. 1–2.

⁷⁹ См.: *Троицкий С.* Юрисдикция Цариградского Патриарха в области диаспоры // Церковные ведомости. 1923. № 11–12. С. 7.

⁸⁰ См.: Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви Заграницей с участием представителей клира и мирян, состоявшегося 1/14–11/24 августа 1938 года в Сремских Карловцах в Югославии. С. 414.

нако критика была бы преждевременной. В каком направлении пойдет обсуждение спорных вопросов, в Сремских Карловцах не знали. Кроме того, иерархам Зарубежной Церкви благодаря конгрессу вновь удалось привлечь внимание православного мира к событиям в России, в том числе и к «прещениям», наложенным обновленческим лжесобором на святителя Тихона. 4 июля 1923 г. Патриарх Мелетий издал грамоту № 3244, в которой от имени конгресса поддержал Патриарха Тихона, призвал христианский мир приложить усилия к его освобождению и назвал решения московского обновленческого «Церковно-Народного» собора неканоничными⁸¹.

Поэтому, несмотря на резкие отзывы в адрес Патриарха Мелетия, Зарубежный Синод по-прежнему не хотел вступать с Константинопольской Патриархией в конфликт. Нападение стамбульских греков на Патриарха Синод воспринял с возмущением. «1-го июня, — сообщали “Церковные ведомости”, — несколько сот греков ворвались в помещение Вселенского Патриархата на Фанаре в Константинополе и потребовали от Патриарха Мелетия немедленного ухода его. Толпа разбила в здании стекла и мебель, разогнала членов Синода, оглашая воздух криками: “Долой Мелетия! Вон его!”». Вышедшему к толпе Патриарху не дали говорить, и он вынужден был уйти внутрь. Затем в Патриархат... прибыла делегация Константинопольского греческого населения и потребовала от Патриарха немедленного отречения. На размышление дано было ему 2 минуты. Делегация здесь же приняла резолюцию, объявляющую Патриарха Мелетия низложенным. Турецкая пресса добавляет, что демонстранты-греки совершили... ряд насилий над Мелетием. Они нанесли ему несколько ударов. Один из них взял Патриарха за бороду и тянул по зале. Были нанесены удары кулаком». Выражая сочувствие Патриарху, газета объясняла причину изгнания его «венизеллизмом»⁸², что якобы вызвало возмущение лояльных к турецкому правительству греков. Газета высказала и другое предположение, что Патриарха «изгнали православные греки-ревнителы за его церковный либерализм»⁸³.

Изгнание патриарха-модерниста стало началом нового периода отношений РПЦЗ и Фанара. Теперь захватнические действия Вселенского Престола получили должную оценку со стороны представителей РПЦЗ. Осенью 1923 г. «Церковные ведомости» опубликовали статью С. В. Троицкого «Юрисдикция Цариградского Патриарха в области диаспоры». В статье доказывалась несостоятельность всемирных претензий Фанара. Троицкий делал следующий вывод: «Современные притязания Цариграда на исключительную юрисдикцию над

⁸¹ См.: Грамота Святейшего Патриарха Вселенского // Церковные ведомости. 1923. № 15–16. С. 4.

⁸² Политическое направление приверженцев Великой Греции по имени греческого премьер-министра Э. Венизелоса.

⁸³ Неслышанное насилие над Св. Патриархом Вселенским Мелетием // Церковные ведомости. 1923. № 11–12. С. 10.

всей православной диаспорой могут быть объяснены или невежеством их защитников, или их расчетами на невежество других. Первое достойно сожаления, второе — осуждения». По глубокому убеждению канониста, все Православные Церкви имеют одинаковые права и обязанности в деле поставления епископов и клириков с миссионерскими или пастырскими целями «всюду вне границ прочих автокефальных церквей». В спорных вопросах, которые могут возникнуть на территории диаспоры, преимущество принадлежит той Церкви, которая начала здесь свою миссию раньше других. Далее, поскольку диаспора не имеет границ, то любая Церковь может сохранять под своей юрисдикцией принадлежащих ей христиан и в рассеянии. Троицкий настаивал, что все Православные Церкви должны стремиться к превращению церковных диаспор в самостоятельные Церкви. Боязнь уменьшить значение Церкви-Матери в этом случае не должна быть препятствием, ибо церковный империализм свойствен только римо-католикам⁸⁴.

Последовало со стороны РПЦЗ и осуждение нововведений «Всеправославного конгресса»⁸⁵. Проживавший в Болгарии святитель Серафим (Соболев) охарактеризовал это мероприятие как «отступление от истины»⁸⁶. С. В. Троицкий расценил постановления конгресса как частное мнение нескольких церковных деятелей, к тому же в большинстве своем не имевших полномочий от своих Церквей. Не остались без внимания канониста и бросающиеся в глаза недостатки скандальных постановлений — «крайняя слабость аргументации, игнорирование общеизвестных доводов, противных взгляду Конгресса, и внутренние противоречия»⁸⁷. Е. И. Махароблидзе на страницах «Церковных ведомостей» высказывался более резко, обвиняя Патриарха Мелетия в малоцерковности, провоцировании раскола и явной лжи. Автор статьи, в частности, обращал внимание на утверждение Мелетия, будто «Всеправославный конгресс» одобрен всеми Православными Церквями (например, в письме архиепископу Серафиму (Лукиянову) от 10 июля 1923 г.). Однако определения конгресса, как официально сообщала сама Вселенская Патриархия, могли быть объявлены голосом всего православия только после получения согласия всех Поместных Церквей. В вину Патриарху Мелетию Махароблидзе ставил и его стремление к соединению с еретиками. Автор статьи приводил слова бывшего Константинопольского Патриарха: «Я принадлежу к сторонникам соединения христианских Церквей <...> Осуществление или,

⁸⁴ См.: Троицкий С. Юрисдикция Цариградского Патриарха в области диаспоры // Церковные ведомости. 1923. № 17–18. С. 12.

⁸⁵ Определения Собора Архιεреев Русской Православной Церкви Заграницей // Церковные ведомости. 1923. № 13–14. С. 1–2.

⁸⁶ Подробнее см.: Кострюков А. Пламень огненный. Жизнь и наследие архиепископа Серафима (Соболева). М., 2015. С. 241.

⁸⁷ Троицкий С. Догматический смысл запрещения второбрачия священнослужителей // Церковные ведомости. 1923. № 13–14. С. 7.

Митрополит Антоний (Храповицкий)

Митрополит Анастасий (Грибановский)

**Митрополит Платон
(Рождественский)**

Митрополит Евлогий (Георгиевский) с викариями

Слева направо: архиепископ Владимир (Тихоницкий), епископ Сергей (Королев),
епископ Вениамин (Федченков), архиепископ Александр (Немоловский)

«Всеpravославный конгресс» в Константинополе 1923 г.

Сидят слева направо: архимандрит Герман (секретарь Константинопольской Патриархии), профессор В. Антониадис, митрополит Никейский Василий, митрополит Черногорский Гавриил, Патриарх Мелетий, архиепископ Североамериканский Александр (Немоловский), митрополит Диррахийский Иаков, архимандрит Иулий (Скрибан), профессор М. Миланкович. Во втором ряду переводчики.

Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Св. Горе Афон (начало 1920-х гг.).

В центре архимандрит Мисаил (Сопегин), в первом ряду второй слева архимандрит Тихон (Троицкий) впоследствии архиепископ Сан-Францисский, первый справа архимандрит Кирик. (Фотография предоставлена Г.А. Котляровой)

Архиерейский Собор РПЦЗ 1929 г.

В первом ряду слева направо: архиепископ Аполлинарий (Кошевой), архиепископ Гермоген (Максимов), архиепископ Анастасий (Грибановский), митрополит Антоний (Храповицкий), архиепископ Серафим (Лукьянов), архиепископ Сергей (Петров), архиепископ Гавриил (Челур).

Во втором ряду слева направо епископы: Николай (Карпов), свт. Серафим (Соболев), Феофан (Гаврилов), Тихон (Лященко), Дамиан (Говоров), Серафим (Ляде).

Совещание русских архиереев под председательством Сербского Патриарха Варнавы 1935 г.

В первом ряду слева направо: митрополиты Феофил (Пашковский), Антоний (Храповицкий), Патриарх Варнава, митрополиты Евлогий (Георгиевский), Анастасий (Грибановский). Во втором ряду: архиепископы Феофан (Гаврилов), Гермоген (Максимов), епископ Димитрий (Вознесенский).

Совещание русских архиереев под председательством Сербского Патриарха Варнавы 1935 г.

В первом ряду слева направо: митрополиты Феофил (Пашковский), Евлогий (Георгиевский), Патриарх Варнава, митрополит Анастасий (Грибановский), епископ Димитрий (Вознесенский). Священнослужители во втором ряду слева направо: протопресвитер Петр Беловидов, архиепископ Гермоген (Максимов), архиепископ Серафим (Лукиянов), архиепископ Феофан (Гаврилов), епископ Иоанн (Булин).

Иерархи Североамериканской митрополии в конце 1930-х гг.

В первом ряду: архиепископ Адам (Филипповский), митрополит Феофил (Пашковский), архиепископ Виталий (Максименко). Во втором ряду слева направо: епископ Макарий (Ильинский), епископ Леонтий (Туркевич), епископ Иероним (Чернов), епископ Арсений (Чаговец), епископ Вениамин (Басалыга)

Константинопольский Патриарх Мелетий в Америке

Слева направо: Г. Полис, Экзарх Северной и Южной Америки Александр (Димоглу) (Константинопольский Патриархат), митрополит Платон (Рождественский), Патриарх Мелетий, архиепископ Александр (Немоловский), епископ Евфимий (Офейш), архидиакон Всеволод Андронов.

Митрополит Филарет (Вознесенский)

Митрополит Владимир (Тихоницкий)

Митрополит Ириней (Бекиш)

Митрополит Николай (Ярушевич)

Митрополит Никодим (Ротов)

Архиепископ Тихон (Троицкий)

Архиепископ Нафанаил (Львов)

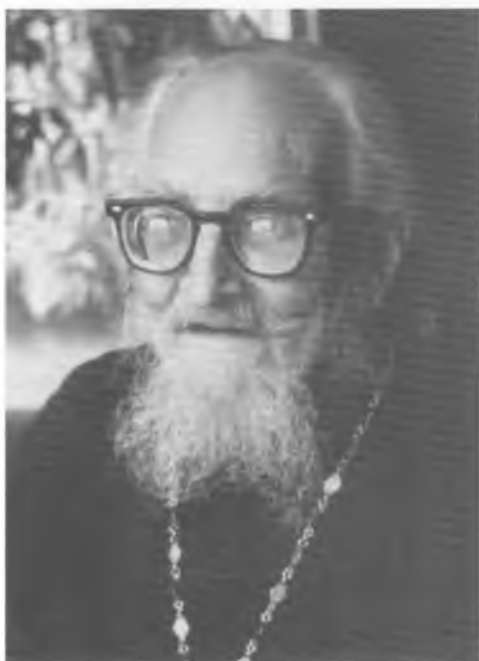
Архиепископ Аверкий (Таушев)

Епископ Никон (Греве)

Епископ Василий (Родзянко)

Протопресвитер Михаил Помазанский

Патриарх Афинагор и Римский папа Павел

вернее, подготовка осуществления этой идеи составляет предмет моего энергичного стремления»⁸⁸.

Митрополит Антоний (Храповицкий) оценивал «всеправославное» мероприятие еще более прямолинейно: «Ясно, в Константинопольскую Патриархию вошла еретическая шайка во главе с Мелетием: мудрено ли? Ведь Македоний, Несторий, Пирр, Сергей, Павел и Петр были патриархи и еретики, даже ересиархи»⁸⁹. Глава РПЦЗ сравнивал стамбульские реформы со страшной грозой, которая чудом обошла стороной Церковь. Ведь в случае успеха этих нововведений вся Православная Церковь превратилась бы во всемирный «живоцерковный» раскол. По мнению митрополита Антония, Мелетий своими отступническими действиями стремился угодить англичанам, которые его усердие не оценили и в конце концов поспособствовали его удалению с Константинопольской кафедры. Глава РПЦЗ считал, что здоровые силы в Англиканской Церкви взяли верх и помешали до конца осуществить константинопольскую провокацию⁹⁰.

Ложные сведения о конгрессе как авторитетном мероприятии были представлены и Патриарху Тихону. Именно по этой причине святитель согласился с требованием ОГПУ перевести Российскую Церковь на новый календарь. Однако реформа в России не прижилась. По навязанному календарному стилю некоторое время послужили лишь в нескольких московских храмах. Категорически против реформы выступил уважаемый всеми за ревностную православную позицию архиепископ Феодор (Поздеевский)⁹¹. А 8 ноября 1923 г. Патриарх Тихон принял решение «временно отложить» введение нового стиля⁹². Это «временное» решение стало постоянным.

Протоиерей Михаил Польский, ссылаясь на архиепископа Илариона (Троицкого), позднее свидетельствовал, что Святейший отказался от календарной реформы после телеграммы от архиепископа Анастасия (Грибановского), собиравшего, что новый стиль принят не всеми Поместными Церквями⁹³.

⁸⁸ Махароблидзе Е. Положение Вселенского Патриарха и Патриархии // Церковные ведомости. 1923. № 19–20. С. 13.

⁸⁹ Митрополит Антоний (Храповицкий). Жизнеописание. Письма к разным лицам 1919–1936 годов. СПб., 2006. С. 158–159.

⁹⁰ См.: Антоний, митр. Друзья познаются в бедах и опасностях // Церковные ведомости. 1924. № 1–2. С. 9.

⁹¹ См.: Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви Заграницей с участием представителей клира и мирян, состоявшегося 1/14–11/24 августа 1938 года в Сремских Карловцах в Югославии. С. 139.

⁹² Распоряжение Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России // Церковные ведомости. 1923. № 23–24. С. 2.

⁹³ См.: Деяния Второго Всезарубежного Собора... С. 139. Митрополит Анастасий был не единственным, кто сообщил Патриарху Тихону правду о новом календаре. По поручению Патриарха Иерусалимского Дамиана Е. А. Костанда 15 октября 1923 г. написал Патриарху Тихону, что «Всеправославный конгресс» не принят Восточными Патриархами, которые обменялись грамотами по этому поводу (ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 250. Л. 79–80)

Несмотря на резкие высказывания против «Всеправославного конгресса» и юрисдикционных претензий Фанара, РПЦЗ не планировала окончательно ссориться с ним. Но охлаждение между Церквами стало неизбежным при преемниках Патриарха Мелетия.

6 декабря 1923 г. Вселенским Патриархом был избран Григорий VII. Избрание было встречено русскими эмигрантами с восторгом. Причины для радости вроде бы имели основания — Патриарх слыл строгим монахом и ревнителем канонов. Стоять за православие Григорий VII клятвенно пообещал и при вступлении на престол⁹⁴. «Церковные ведомости» отмечали, что новый Патриарх хотя и являлся другом ушедшего на покой Мелетия, но все же не относился к числу его единомышленников. «Аскетического настроения, ортодоксального направления и очень благожелательно настроенный к русским», — восторгалась новоиспеченным Патриархом пресса Русской Зарубежной Церкви. От ее имени Патриарха Григория приветствовал архиепископ Анастасий, посетивший его в Халкидоне. Свое послание в адрес новоизбранного главы Константинопольской Церкви направил и митрополит Антоний, считавший, что теперь Церковь будет надолго ограждена от соблазнов. «Григорий VII, — писал митрополит, — строго консервативного направления и честный подданный турецкой теократии, уже не попустит местным живоцерковникам фантазировать над искажением наших церковных канонов»⁹⁵. Казалось, что после потрясений, связанных с именем Патриарха Мелетия и его скандальным конгрессом, для православия наступили благодатные времена.

Поначалу складывалось впечатление, что отношения между Константинопольской Патриархией и Зарубежным Синодом чуть ли не идеальны. 27 декабря 1923 г. в своей ответной грамоте Патриарх писал митрополиту Антонию: «Полные симпатии и искренности слова Вашего Высокопреосвященства, чья напряженная работа и божественная ревность о Церкви известны и по достоинству оценены и у нас — особенно нас растрогали и утешили»⁹⁶. Спустя месяц, 23 января 1924 г., Архиерейский Синод предложил Патриарху Григорию VII совместно призвать римо-католический мир к возвращению в Православную Церковь⁹⁷.

Но за красивыми словами и громкими проектами скрывалась прежняя политика Фанара. Патриарх Григорий делал свое дело. Именно при «ревнителе ка-

⁹⁴ См.: *Махароблидзе Е.* Конец кризиса Вселенской Патриархии // Новое время. 1924. № 808. 2 янв.

⁹⁵ См.: Избрание Вселенского Патриарха // Церковные ведомости. 1923. № 23–24. С. 12; *Антоний, митр.* Друзья познаются в бедах и опасностях // Церковные ведомости. 1924. № 1–2. С. 9.

⁹⁶ Грамота Святейшего Григория VII, Патриарха Вселенского на имя Председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей Высокопреосвященного митрополита Антония // Церковные ведомости. 1924. № 1–2. С. 3.

⁹⁷ См.: Определения Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей // Церковные ведомости. 1924. № 3–4. С. 2.

нонов» Константинополь официально перешел на новый календарь, причем в соответствии с грамотой Вселенской Патриархии от 27 февраля 1924 г. он вводился с 10 марта и во всех подчиненных ей Церквах⁹⁸. Несмотря на нежелание войны с Фанаром, Архиерейский Синод РПЦЗ 10 апреля все же выступил с осуждением нового стиля. Однако главным основанием для столкновения стали причины политические. 1923 год был отмечен обвинениями британского руководства в адрес большевиков. В мае 1923 г. появилась известная «Нота Керзона», содержащая ультиматум советскому правительству. Прежде всего нота была направлена против большевистской политики «экспорта революции», выражавшегося в поддержке коммунистических боевиков по всему миру. Но в документе говорилось и о других советских преступлениях, — например, одним из пунктов ультиматума было обвинение в преследованиях Церкви. Большевики стали срочно искать выход. Чтобы снять с повестки хотя бы «церковную» часть ультиматума, советскому руководству пришлось освободить из-под домашнего ареста Патриарха Тихона, а также внушить мировой общественности, что Русская Церковь всецело поддерживает большевистскую власть. От Патриарха такой гласной поддержки ожидать было бесполезно, максимум, на что согласился святитель, — заявить, что Церковь не может быть ни «красной», ни «белой».

А большевикам нужна была именно красная «Церковь». В качестве таковой и была использована созданная за год до того организация обновленцев, правда их статус в православном мире был ничтожен. Исправить ситуацию могло привлечение к авантюре влиятельного иерарха. Тут и был использован Патриарх Григорий VII, приглашенный обновленцами на «суд» над Патриархом Тихоном.

Константинопольский Патриарх благосклонно воспринял приглашение от раскольников, но ехать в Москву не пожелал, решив направить туда особую комиссию⁹⁹. Цель большевиков в принципе была достигнута.

Улучшение отношений между Советским Союзом и Турцией сразу же ударило по русской эмиграции в этой стране. 27 ноября 1923 г. помещения и имущество русского посольства, а также посольский храм были переданы турками советским представителям. Накануне, 26 ноября, в посольской церкви состоялась последняя служба. Храм был переполнен, служил архиепископ Анастасий. Молящиеся не скрывали слез, прощаясь со своим храмом, которому предстояло поругание¹⁰⁰.

На стороне турок и большевиков в борьбу с Российской Церковью включился и Патриарх Григорий VII. «Честный турецкий подданный» заявил о поддержке только тех церковных течений в СССР, которые верны советскому пра-

⁹⁸ См.: Определения Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей // Церковные ведомости. 1924. № 11–12. С. 4.

⁹⁹ См.: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. М., 1996. С. 186–187.

¹⁰⁰ См.: Русская церковь в Константинополе // Церковные ведомости. 1923. № 23–24. С. 13.

вительству, то есть обновленцев. В мае 1924 г. он посоветовал Патриарху Тихону оставить Престол. Эти действия Константинопольского Патриарха, по мнению большевистского руководства, должны были привести к ликвидации законной Российской Церкви и к усилению обновленчества¹⁰¹. Летом 1924 г. Патриарх Григорий вовсе прекратил общение с Патриархом Тихоном и контактировал с лжесинодом «митрополита» Евдокима (Мещерского).

Вполне естественно, что политика Патриарха Григория должна была коснуться и Русской Зарубежной Церкви, чья антисоветская и антиобновленческая позиция в планы Фанара совершенно не вписывалась. Началом кампании против Русской Зарубежной Церкви стали два письма от некой группы мирян на имя Патриарха Григория. Авторы писем возмущались «нарушениями» как со стороны Карловацкого Синода, так и со стороны русских архиепископов в Константинополе — Анастасия (Грибановского) и Александра (Немоловского). Впоследствии Архиерейский Синод заявлял, что лица, подписавшие письмо, совершенно неизвестны ни Вселенской Патриархии, ни местной русской колонии¹⁰². Авторы писем называли следующие «проступки» архиереев:

а) основание в Константинополе русских храмов «без всякой необходимости и без действительной в них нужды»;

б) хиротонии русских священников, которые совершались «крайне неразборчиво»;

в) святительский суд и бракоразводные дела;

г) политическая деятельность, направленная против советского правительства.

Понятно, что в соответствии с заранее разработанным сценарием на эти письма должна была последовать реакция Фанара. И она последовала. В своем письме архиепископу Анастасию от 29 марта 1924 г. Патриарх Григорий писал: «Мы считаем необходимым... предложить Вашему любезному Преосвященству, дабы Вы, содействуя Нам в соблюдении церковного благочиния, озаботились бы тем, чтобы гостящие здесь русские клирики во время богослужения, в проповедях и вообще избегали бы проявлений политического свойства, равно как и возношения имен и особ, указывающих на политические упования и предпочтения и потому могущих причинить Церкви серьезнейший вред»¹⁰³.

Вслед за тем Вселенской Патриархией была создана следственная комиссия, во время работы которой русские архиепископы должны были воздержаться от священнодействий и распоряжений административного характера. Следствием деятельности комиссии стало постановление греческого Синода от 30 апреля 1924 г. Согласно этому постановлению, управление русской ко-

¹⁰¹ См.: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство С. 187.

¹⁰² См.: Грамота Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей // Церковные ведомости. 1924. № 15–16. С. 2.

¹⁰³ См.: К делу о «Всеаглическом Высшем Русском Церковном Управлении» (Следствие над архиеп. Анастасием, Александром и др.). С. 9–27.

лонией передавалось одному из клириков, который по старшинству следовал за архиепископами Анастасием и Александром. Этот клирик должен был представить в Патриархию список находящихся в Турции священнослужителей-эмигрантов. Ему также предписывалось, чтобы он «впредь по всем церковным вопросам сносился с Великим Протосинкелом, получая только от него надлежащие указания; чтобы он и остальные русские клирики при священнослужениях поминали только имя Вселенского Патриарха как Архиепископа Константинопольского и чтобы он, как и остальные, безусловно воздерживался от всякого вмешательства в вопросы, чуждые церковного характера»¹⁰⁴.

В переводе с дипломатического языка это означало для русских священнослужителей разрыв с Зарубежным Синодом, отказ от обличения большевистских преступлений и прекращение поминовения Патриарха Тихона.

Константинопольская Патриархия высказалась и против Архиерейского Синода РПЦЗ в целом, как действующего «в чужой церковной области» и не имеющего «канонической силы». В документе говорилось также, что Вселенская Патриархия не давала своего благословения на деятельность Зарубежного Синода, о чем было решено сообщить «церковным властям в Москве», а также Сербскому Патриарху¹⁰⁵. Свой голос к хору недругов Зарубежной Церкви присоединил и митрополит Кизический Каллиник. Как уже говорилось выше, в 1922 г. он свидетельствовал, что Константинополь изначально поддержал создание РПЦЗ. Почувствовав изменение политической обстановки, митрополит изменил риторику. В своей статье, опубликованной в газете «Фос», иерарх не вспоминал прошлых заявлений и утверждал, что никакого благословения Фанар Зарубежной Церкви не давал. Вопреки бывшей своей позиции митрополит обвинял РПЦЗ и в неканоничности¹⁰⁶. Естественно, иерарх умалчивал, что на территориях некоторых православных стран РПЦЗ действовала с благословения местных Автокефальных Церквей. Что же касается неправославных стран (в Америке, Азии, Западной Европе), где РПЦЗ также имела свои епархии, то права Константинопольской Патриархии на эти территории были не менее эфемерны. Но правду и логику Фанар уже принес в жертву политическим играм.

Весьма неприятным во всей этой истории было то, что у русских иерархов до самого последнего момента не было подозрений в неблагожелательности фанариотов. Газета «Новое время» обращала внимание на одну характерную деталь: «За три дня до запрещения владыки были на служении в патриархии чествуемы до чрезвычайности: их по приказу патриарха поставили впереди си-

¹⁰⁴ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 191–192. Ср.: К делу о «Всеаграничном Высшем Русском Церковном Управлении». С. 28.

¹⁰⁵ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 192. Ср.: К делу о «Всеаграничном Высшем Русском Церковном Управлении». С. 28–29.

¹⁰⁶ См.: Φῶς. 1924. 7 Ἰουν. Ссылка предоставлена свящ. Павлом Ермиловым.

нода, и это тогда, когда грамота об отлучении была уже изготовлена и подписана»¹⁰⁷.

В письме греческого Синода на имя архиепископа Анастасия от 8 мая 1924 г. говорилось, что он и архиепископ Александр превышают полномочия, которые были даны им грамотой № 9084 от 2 декабря 1920 г., а также допускают политические высказывания. «По этим причинам, — сказано в письме, — а не просто из-за поданных только что жалоб Священный Синод счел необходимым пресечь немедленно данное ранее вам разрешение священнодействовать и вообще исполнять какую бы то ни было церковно-административную власть здесь до предоставления вами удовлетворительного ответа по всем пунктам обвинений, предъявленных вам»¹⁰⁸. Турецкие власти распорядились выселить архиепископов Анастасия и Александра из страны.

Архипастыри пытались отстоять свои права. Архиепископ Анастасий указывал Патриарху Григорию, что его позиция является фактической защитой богоборческого советского режима. «Взгляды на большевизм, — писал архиепископ, — у всех христиан, а тем более православных должны быть одинаковы и нельзя допустить, конечно мысли, что Мать-Церковь, давшая нам Святую веру, брала бы атеистический коммунизм под свою защиту».

Возмущался действиями Фанара и архиепископ Александр. Запрет помянуть главу Российской Церкви иерарх назвал нарушением канонов, в частности 14-го правила Двукратного Собора. Досталось Патриарху Григорию и за его попытки прикрыться «аполитичностью». Архиепископ писал, что если Церковь хочет остаться верной своему призванию, она обязана осуждать большевизм как «ярко выраженное богоборческое и аморальное учение»¹⁰⁹.

Остаться в Константинополе было невозможно. Архиепископ Анастасий переехал в Святую Землю, где стал наблюдающим за работой Русской духовной миссии в Иерусалиме. Иначе повел себя архиепископ Александр, решивший пойти на компромисс. Стамбульская газета «Фос» 20 июня (ст. ст.) 1924 г. сообщила, что накануне архиепископ Александр явился в Патриархию и заявил, что готов выполнить все поставленные ему условия, что будет служить только с благословения Константинопольского Патриарха и помянуть на службах только его имя. 26 июня (ст. ст.) та же газета опубликовала прошение архиепископа Александра на имя Патриарха Григория: «Смиренно прошу Ваше Божественное Всесвятейшество разрешить мне совершать богослужения в архиепископии Вашего Божественного Всесвятейшества, поскольку я принимаю все три условия, выдвинутые нам Вашим Божественным Всесвятейшеством и Священным Синодом в письме от 14 мая 1924 года <...>, а именно обещаю помянуть за богослужением только Ваше Всесвятейшество, не буду находиться в

¹⁰⁷ *Богословский Я.* В Константинополе // Новое время. 1924. № 922. 3 мая.

¹⁰⁸ К делу о «Всеаграничном Высшем Русском Церковном Управлении». С. 31.

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 250. Л. 1 — 1 об., 3 об.

церковном подчинении никакому иному высшему церковному начальству, кроме Вашего, а также подчеркнуто заявляю, что вообще не буду проповедовать за богослужениями и в публичном моем общении намерен избегать любых разговоров о политике»¹¹⁰.

Поведение архиепископа Александра было воспринято в РПЦЗ как предательское. Неприятное положение усугубил его проект создания в Стамбуле параллельной русской эмигрантской структуры, лояльной Фанару и большевикам. С благословения Патриарха Григория VII архиепископ Александр рукоположил для новой церкви священника Иерофея Воробьева. В соответствии с указом Вселенского Патриарха 30 июля «чести ради Русской Церкви» на священника И. Воробьева был возложен наперсный крест. Действия архиепископа Александра привели к протесту со стороны Архиерейского Синода, признавшего хиротонию незаконной и предавшего ее совершителя церковному суду¹¹¹. Но в Константинополе архиепископ Александр не задержался. Не увенчалась успехом и его попытка получить кафедру в Америке: Архиерейский Синод предупредил митрополита Платона, что архиепископ Александр находится под судом¹¹². Иерарх уехал в Бельгию, где возглавил русскую общину и стал викарием митрополита Евлогия¹¹³.

В своей борьбе с «тихоновцами» Патриарх Григорий VII Турцией не ограничился, потребовав признания обновленцев и от русских приходов в Чехословакии¹¹⁴. В июле того же года Константинопольскую Патриархию поддержал и глава Элладской Церкви архиепископ Хризостом. Он потребовал от русского духовенства, служившего в Греции, признать обновленческий лжесинод, угрожая запрещением в священнослужении в пределах своей епархии¹¹⁵.

А «честный турецкий подданный» тем временем пытался нанести удар и по самому Зарубежному Синоду. Задача была не из легких — Синод действовал с прямого благословения Сербской Церкви. Патриарх Григорий попытался действовать окольными путями. 24 мая 1924 г. он обратился к Патриарху Сербскому Димитрию с указанием, что Архиерейский Синод действует без благословения Вселенской Патриархии и не имеет права действовать ни на территории Королевства СХС, ни на территории других церковных областей¹¹⁶.

Обращение к Патриарху Димитрию не получило широкого распространения и осталось тогда известным относительно небольшому кругу людей. Зато

¹¹⁰ Фѳс. 1924. 20 τουυ. Ссылка предоставлена свящ. Павлом Ермиловым.

¹¹¹ См.: Архиепископ Александр // Новое время. 1924. № 1010. 10 сент.; ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 58. Л. 1 об.; Д. 66. Л. 2 об. — 3 об.

¹¹² ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 269. Л. 336.

¹¹³ См.: *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе 1920–1995. М.; Париж, 2007. С. 56, 65.

¹¹⁴ См.: Вселенский предатель // Новое время. 1924. № 942. 18 июня.

¹¹⁵ См.: *Нафанаил, еп.* О судьбах Русской Церкви Заграницей. Джорданвилль, 1949. С. 8.

¹¹⁶ См.: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941. С. 191–192; *Троицкий.* История самочинной карловацкой организации. С. 41.

нашумевшее изгнание из Турции архиепископов Анастасия и Александра встретило живейший отклик, выплеснувшийся на страницы не только русских, но и европейских газет. «Дейли телеграф» писала: «Все это дело — афера между так называемой “живой церковью” в России и церковными властями в Константинополе, афера, которая была подготовлена советским “послом” в Константинополе». В таком же духе оценила события французская газета «Фигаро»¹¹⁷.

Интересной была и статья в турецкой газете «Вакант», которая прямо писала о контактах Константинопольской Патриархии и советских представителей. По мнению газеты, у Фанара был свой интерес — отобрать у русского духовенства его подворья. «Большевики, — писала газета, — обещали патриархату поддержать его домогательства перед турецким правительством; патриархат же в знак своей признательности за эту поддержку принялся за опубликование документов, направленных против русского духовенства в Турции <...> Если патриархат будет опровергать эти наши утверждения, то мы ответим, что мы имеем неопровержимые данные о характере деятельности хорошо известного в Фанаре адвоката Полянского. Теперь уже можно указать на связь патриархата с коммунистическим агентом Владимиром Коломийцевым»¹¹⁸. Свое негодование высказывала и греческая печать, на страницах которой поднимался даже вопрос об удалении Патриарха Григория. «Кто дал Патриарху Григорию право определять политическое устройство России?», «Быть может, за литургией приличнее поминать Троцкого, Зиновьева и др., чем Патриарха Тихона?», «Русские архиереи действуют в Константинополе пять лет — почему их стали преследовать только теперь?» — спрашивали греческие издания¹¹⁹.

Но греческие публикации были невинны по сравнению с отзывами русских газет. «Омерзительнее этого нравственного падения, — писала в те дни газета «Новое время», — как пала греческая патриархия, трудно что-либо себе представить. Это поступок Иуды, но Иуда нравственнее подобных предателей уже тем, что не вынес предательства и повесился. А этот хочет благоденствовать и занять место Патриарха Тихона. По крайней мере, о возможности подобного исхода сообщают советские газеты»¹²⁰. Предположение о перенесении центра Вселенской Патриархии в Москву действительно мелькало в прессе. Писали, например, что правительство большевиков настолько довольно работой «това-

¹¹⁷ См.: Поход на православие // Новое время. 1924. № 942. 18 июня.

¹¹⁸ Цит. по: К конфликту между Константинопольским Патриархатом и Русской Церковью // Церковные ведомости. 1924. № 11–12. С. 9–10. См. также: ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 253. Л. 45; Вселенский предатель // Новое время. 1924. № 942. 18 июня.

¹¹⁹ Цит. по: Живоцерковный съезд // Новое время. 1924. № 943. 19 июня. К конфликту между Константинопольским Патриархатом и Русской Церковью // Церковные ведомости. 1924. № 11–12. С. 9.

¹²⁰ См.: Вселенский предатель // Новое время. 1924. № 942. 18 июня.

риша Григория», что предложило ему переехать в Советский Союз и возглавить «Русскую Церковь», то есть обновленцев¹²¹.

В Сремских Карловцах действия Патриарха Григория VII вызвали все большее негодование. В поступках Фанара, которому Зарубежный Синод не только не делал зла, но, наоборот, оказывал всяческую поддержку, русские эмигранты видели подлость и вероломство. Всеобщее возмущение, пожалуй, наиболее емко и ярко было выражено Е.И. Махароблидзе: «За преданность — предательство». Именно так называлась небольшая статья, опубликованная в «Церковных ведомостях». «Ужели большевики, — писал Е. Махароблидзе, — нашли пути и в Фанар, в Вселенскую Патриархию, еще так недавно объявившую Святейшего Патриарха Тихона Исповедником веры при режиме советской власти, а ныне старающуюся, чтобы православная эмиграция признала эту власть тьмы». Автор статьи глубоко скорбел от осознания того, что Вселенский Престол, который столько раз выручала Россия, пошел путем, указанным коммунистами. «Еще в начале 1923 года, — продолжал Махароблидзе, — в советском журнале “Главпросвет” мы читали, что один из руководителей коммунизма заявил, что Православная Церковь в России уже разрушена и теперь их очередная задача разрушить русские заграничные церковные организации и “это мы сделаем руками попов же”»¹²².

Против мнимых прав Константинополя в очередной раз выступил С. В. Троицкий, без всякой дипломатии раскритиковавший претензии Фанара на приоритет. В число проблем, созданных Вселенским Престолом православному миру, канонист включил даже «разделение Церквей» 1054 г. Троицкий указывал, что только возвышение Российской империи заставило Вселенский Престол умерить свой пыл. Но стоило русскому государству погибнуть, а Российской Церкви потерять свое значение, как Константинопольская Патриархия вновь показала свою сущность, пытаясь захватить в свои руки весь православный мир¹²³.

Не отставала и парижская эмиграция. В 1924 г. в столице Франции прошли совещания, где прямо говорилось о наличии документов, подтверждающих связи Фанара с большевиками. Отмечался и факт превышения Вселенской Патриархией своих полномочий. В совещаниях принимали участие видные деятели церковной эмиграции — митрополит Евлогий, архиепископ Анастасий, архимандрит Иоанн (Леончуков), протоиерей Николай Сахаров, протоиерей Георгий Спасский, Г. Н. Трубецкой, Е. П. Ковалевский, Н. И. Шидловский, А. В. Карташев, И. П. Демидов, И. В. Никаноров, Т. А. Аметистов. Основную

¹²¹ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 253. Л. 52 об. См. также: Изгнание Патриарха Тихона // Новое время. 1924. № 938. 12 июня; Поход на православие // Новое время. 1924. № 942. 18 июня.

¹²² Махароблидзе Е. За преданность — предательство // Церковные ведомости. 1924. № 11–12. С. 8.

¹²³ Троицкий С. В. «“Дымное надмение мира” и Церковь» // Церковные ведомости. 1924. № 15–16. С. 16–17.

цель стамбульской интриги в Париже поняли правильно — Фанар и стоящие за ним кукловоды не желают слышать ни слова осуждения в адрес коммунистов. Именно так оценил происходящее и митрополит Евлогий¹²⁴.

20 июня 1924 г. последовала официальная реакция Русской Зарубежной Церкви. Из-за отсутствия в Сремских Карловцах митрополита Антония послание в адрес Константинопольского Престола было подписано архиепископом Феофаном (Быстровым). Хотя его недовольство было велико, он все же попытался представить случившееся как недоразумение и выразил надежду, что Патриарх Григорий «архипастырски разберется в происшедшем, установит правду и вернет представителям Русской Православной Церкви в Константинополе отеческую любовь и мир»¹²⁵.

Надежда оказалась бесплодной — «архипастырски разбираться» и возвращаться на путь правды «турецкий подданный» не собирался. Через несколько дней он нанес Зарубежной Церкви еще один удар. 28 июня он издал грамоту № 1748, где заявил о незаконности прав митрополита Евлогия (Георгиевского)¹²⁶. Вместе с тем Патриарх Григорий не допустил собрания Восточных Патриархов, намеченного в Иерусалиме, и попытался не допустить в Палестину митрополита Антония (Храповицкого). Письмо с соответствующим запретом выглядело странно, поскольку Палестина к юрисдикции Фанара не имеет ни малейшего отношения. А потому глава РПЦЗ выехал в Святую Землю без чье-либо дозволения¹²⁷.

В июле 1924 г. Зарубежный Синод обратился к Вселенскому Престолу с новой грамотой. Хотя она, как и предыдущая, была подписана архиепископом Феофаном (Быстровым), ее тон был намного более резким. Прежде всего, Зарубежный Синод возмущался запретом Фанара поминать за богослужением Патриарха Тихона, ведь каноны не запрещают поминать своего Первоиерарха вместе с главой Церкви, давшей изгнанникам приют. Не соглашались в Сремских Карловцах и с требованием Патриарха Григория к русским иерархам выйти из подчинения Архиерейскому Синоду РПЦЗ. В этом иерархи видели нарушение автокефалии Российской Церкви. Ведь русские архипастыри не гости в чужих епархиях, а часть Российской Церкви, ушедшая от гонений. Наконец, обвинения в неканоничности противоречили прежней деятельности Вселенской Патриархии, которая изначально признавала законность РПЦЗ. Ничего, кроме негодования, не вызвали и требования Фанара прекратить антикоммунистические выступления: «В самом факте предъявления подобного требования со стороны Вселенской Патриархии, преследующей, по ее заявлению, апо-

¹²⁴ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 253. Л. 46 об., 47.

¹²⁵ Послание временно] исп[олняющего] об[язанности] Председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей православным русским людям // Церковные ведомости. 1924. № 11–12. С. 1–2.

¹²⁶ См.: *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония... Т. 7. С. 194.

¹²⁷ См.: Митрополит Антоний в Иерусалиме // Новое время. 1924. № 950. 27 июня.

литичность в Церкви, мы — русские иерархи — не можем не усмотреть политического вмешательства во внутренние дела русских».

В послании говорилось, что на коммунистический режим не распространяются слова апостола Павла о подчинении властям (Рим 13. 1–4) — ведь у апостола речь идет о власти законной, о Божием слуге, а власть большевиков незаконна и может считаться лишь временным попушением. «Будем осуждать атеизм, безнравственность и звериную жестокость этой власти, — писали архипастыри, — и непрестанно возносить Богу-Вседержителю пламенные молитвы об избавлении от нее нас, нашей Родины и Церкви». Примеров была масса — Зарубежный Синод указывал на апостолов, игнорировавших запреты на проповедь, а также на святых Амвросия Медиоланского, Иоанна Златоуста, Василия Великого и Филиппа Московского, возвышавших голос против нечестивых деяний государственной власти. «Разве эти примеры, — писали зарубежные иерархи, — можно назвать внесением политики в Церковь? Когда власть действует безбожно, объявляет войну Богу, насаждает атеизм, разврат, попирает божеские и человеческие законы — Церковь не может и не должна молчать».

Со своей стороны и Архиерейскому Синоду было в чем обвинить Константинопольскую Патриархию, например в ее неканоничных попытках захватить русскую диаспору, в решении направить в Россию комиссию для расследования церковных дел без согласия на то Московского Патриархата. Однако, как и в предыдущем послании, Зарубежный Синод выражал надежду, что мир с Вселенским Престолом будет восстановлен¹²⁸.

«Лишенный прав» митрополит Евлогий тоже не молчал. В своем послании к пастве 6 июля 1924 г. он настаивал, что претензии Фанара на Европу неосновательны, а каноническая территория Константинопольской Церкви в соответствии с 28-м правилом IV Вселенского Собора ограничивается только Понтом, Азией и Фракией, то есть областями, непосредственно примыкающими к Стамбулу. «Мы отвергаем то неправильное мнение, — писал митрополит, — по которому все православные Церкви должны ограничивать свою власть территориальными пределами своих государств, а все, что выходит за эти пределы, подлежит юрисдикции Константинопольского Патриарха. Такого права церковные каноны не дают Константинопольскому Патриарху»¹²⁹.

Разумеется, грамота Архиерейского Синода и послание митрополита Евлогия результатов не принесли. Патриарх Григорий продолжал свою просоветскую деятельность и не забывал о курсе своего предшественника Мелетия, претендовавшего на православную диаспору. В частности, 13 ноября 1924 г. Патриарх Григорий, уже стоявший на краю могилы, предоставил автокефалию

¹²⁸ См.: Грамота Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей // Церковные ведомости. 1924. № 15–16. С. 4–10.

¹²⁹ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 252–б. Л. 132 об.

Польской Церкви¹³⁰, причем в прессу проникли сведения, что это решение было куплено поляками за деньги¹³¹.

Однако действия Вселенской Патриархии против Зарубежного Синода так и не достигли цели. Вопреки желаниям большевиков, Русская Зарубежная Церковь продолжала существовать. Дотянуться до Синода и существенно ему навредить Константинопольский Патриарх не смог. Уже осенью 1924 г. стало понятно, что провалилась попытка советизировать русские приходы в Турции. Эмигранты, не желавшие отказываться от поминовения Патриарха Тихона и принимать всевозможные новшества, выступили против Фанара, собирая подписи в защиту изгнанных архипастырей. Ликвидировать русский Епископский совет у Вселенской Патриархии также не получилось. Совет продолжил свою работу под руководством протоиерея Михаила Васильева, в то время как архиепископ Анастасий продолжал управлять русской паствой в Турции из Иерусалима¹³². Несмотря на запреты, в константинопольских церквях РПЦЗ имя Патриарха Тихона по-прежнему возносилось за богослужением после имени Вселенского Патриарха. Сохранился в этих храмах и старый календарь¹³³.

Достойный отпор Фанару дали сербы — Патриарх Димитрий не был склонен пресекать деятельность Зарубежного Архиерейского Синода из-за нелюбви к нему большевиков или Мустафы Кемалю. 2 декабря 1924 г. Собор Сербской Церкви постановил, что существование русского зарубежного управления является канонически правильным, так как Сербская Церковь имеет полное право организовывать на своей территории такую административную власть, какую считает нужной и целесообразной. Собор отметил, что эта целесообразность обусловлена тем, что двум-трем миллионам русских беженцев необходимо свое церковное управление¹³⁴.

Таким образом, Зарубежный Синод имел основания продолжать свою деятельность под покровительством Сербской Церкви. Другие Поместные Церкви также не спешили прислушиваться к мнению Фанара. Так, вскоре после антикарловацкого решения Патриарха Григория, 22 июня 1924 г., митрополит Антоний (Храповицкий) посетил Александрию, где был принят Патриархом Фотием, который в тот же день нанес ответный визит главе Русской Зарубежной Церкви¹³⁵. Отношения митрополита Антония с Патриархом Фотием в последующие годы также были исполнены глубокого уважения. Римско-католический епископ Мишель Д'Эрбиньи, характеризовавший отношения между Алексан-

¹³⁰ См.: *Скурат К.* История Поместных Православных Церквей. Ч. 2. С. 164.

¹³¹ Церковная жизнь Заграницей // Голос Литовской православной епархии. 1925. № 6–7. С. 95.

¹³² ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 62. Л. 1 об.; см.: *Богословский Я.* В Константинополе // Новое время. 1924. № 922. 23 мая

¹³³ См.: На Церковном Соборе // Новое время. 1924. № 1065. 13 нояб.

¹³⁴ См.: *Троицкий.* История самочинной карловацкой организации. С. 41.

¹³⁵ См.: Путь митрополита Антония // Церковные ведомости. 1924. № 11–12. С. 10.

дрийским Патриархом и митрополитом Антонием как «более, чем любезные» писал: «Достаточно почитать письма Патриарха Фотия митрополиту Антонию, чтобы убедиться, что он безоговорочно признавал его главой синода русских епископов за границей»¹³⁶. 24 июня митрополит Антоний прибыл в Иерусалим, где был тепло встречен представителем Иерусалимского Патриарха¹³⁷.

Патриарх Григорий не успел воспользоваться польскими деньгами. Он умер 17 ноября 1924 г. вскоре после хирургической операции, не проведя на кафедре и года. По данным газеты «Новая жизнь», он оставил после себя солидный капитал в ряде западных банков. Также стало известно о пропаже мешка с его ценностями и перепиской. Среди его постоянных адресатов указывали обновленческого «митрополита» Евдокима¹³⁸.

Смерть Патриарха Григория положения не изменила — Фанар с избранного пути уже не сворачивал. Ухудшение взаимоотношений с Константинополем привело к тому, что Зарубежный Синод перестал оглядываться на него в своей политике. «Пока речь шла о новшествах, — писал митрополит Антоний валаамскому иеромонаху Поликарпу 27 января 1925 г., — прямо не воспрещенных канонами, Вы знаете, я советовал Вам послушание, а теперь именем Божиим советую: не повиноваться <...> постыдно умершему патриарху Григорию VII, сгубившему своим делом патриархат»¹³⁹.

Советами такого рода митрополит Антоний не ограничивался. В 1924 г. Зарубежный Синод подтвердил свои права на русскую диаспору в Чехословакии, которая была отнесена к ведению митрополита Евлогия¹⁴⁰. Вне всякого сомнения, Зарубежный Синод был воодушевлен и сведениями, полученными от реэмигранта М. Материкина. Последний посетил Патриарха Тихона 11 января 1924 г. и в своем письме на имя епископа Сергия (Королева) сообщил, что Святейший предписал решать все чехословацкие недоразумения при посредстве митрополита Антония. К главе РПЦЗ Патриарх Тихон советовал обращаться по всем вопросам¹⁴¹.

Конфликт с Фанаром напрямую коснулся и Болгарской Церкви, которая с 1872 г. находилась под отлучением Константинополя. Как известно, еще тогда Российская Церковь не согласилась с этим отлучением и в некоторых случаях допускала возможность сослужения с ее клириками. Это, в частности, касалось болгарских священников, учившихся в русских духовных школах.

¹³⁶ См.: *D'Herbigny M., Deubner A. Évêques russes en exil. Douze ans d'épreuves (1918–1930)*. P. 212.

¹³⁷ См.: Путь митрополита Антония // *Церковные ведомости*. 1924. № 11–12. С. 10.

¹³⁸ См.: Таинственные документы Фанара // *Новое время*. 1924. № 1102. 27 дек.

¹³⁹ Митрополит Антоний (Храповицкий). *Жизнеописание. Письма к разным лицам 1919–1936 годов*. С. 159.

¹⁴⁰ См.: Определение Собора архиереев Русской Православной Церкви Заграницей // *Церковные ведомости*. 1924. № 21–22. С. 2.

¹⁴¹ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 253.

Представители Русской Зарубежной Церкви также сослужили с болгарским духовенством. Однако на соборном уровне вопрос о восстановлении полного общения не был решен, и РПЦЗ не спешила это делать из уважения к Вселенскому Престолу¹⁴². Политика Фанара привела к тому, что Зарубежный Синод начал предпринимать решительные действия в пользу признания каноничности Болгарской Церкви. 22 октября 1924 г. Архиерейский Собор РПЦЗ официально разрешил русским архиереям сослужение с болгарскими архиереями¹⁴³, что стало важным шагом к признанию болгарской автокефалии остальным православным миром.

Русская Зарубежная Церковь продолжала и свою борьбу с обновленческим расколом. Пусть не в такой мере, как Церковь в Отечестве, РПЦЗ все же имела возможность на собственном опыте убедиться, что представляют собой адепты красного обновленчества. Так, раскольничий «Собор» 1923 г. «лишил сана» митрополита Антония. В том же году обновленцы «освободили от должности» митрополита Евлогия и предложили ему сдать дела¹⁴⁴. «Митрополит» Евдоким (Мещерский) тем временем рассылал зарубежным иерархам письма с предложением подчиниться обновленческому лжесиноду. Такие требования были, в частности, направлены главам Русских духовных миссий в Китае и Японии архиепископу Иннокентию (Фигуровскому) и архиепископу Сергию (Тихомирову). От епископа Серафима (Соболева), управлявшего русскими приходами в Болгарии, Мещерский в 1924 г. потребовал предоставить отчет о состоянии прихода и церковного имущества¹⁴⁵.

В США развернул свою деятельность женатый «архиерей» Иван Кедровский. Поначалу его попытка захватить Никольский собор закончилась неудачно — самозванец и его сторонники были выдворены полицейскими¹⁴⁶. Авантюрист пошел иным путем и в 1926 г. сумел отсудить у главы Североамериканского округа митрополита Платона (Рождественского) более 100 объектов недвижимости. К обновленцам ненадолго примкнул и работавший грузчиком бывший иеромонах Илиодор (Труфанов), получивший известность еще в царской России в связи с распутинской историей. Сам Кедровский во всеуслышание заявлял, что скоро из СССР прибудет группа «священников» для служения в Америке¹⁴⁷. Последнее, естественно, так и осталось громким обещанием — коммунисты не были склонны столь массово командировать за границу своих агентов в рясах. К тому же паства у обновленцев в Америке отсутствовала, а

¹⁴² Указ из Временного Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей // Церковные ведомости. 1922. № 16–17. С. 2–3.

¹⁴³ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 2. Л. 51–51 об.

¹⁴⁴ Там же. Д. 266. Л. 101, 122.

¹⁴⁵ Там же. Л. 149, 153 — 154. См.: От вр. исп. об. Председателя Архиерейского Синода русской Православной Церкви Заграницей // Новое время. 1924. № 1033. 7 окт.

¹⁴⁶ См.: Байков Б. Борьба за Церковь // Возрождение. 1926. № 319. 17 апр.

¹⁴⁷ См.: Илиодор у Кедровского // Возрождение. 1926. № 323. 21 апр.

потому отнятые храмы были пустыми. Но предприимчивые раскольники выход нашли тут же — полученные здания они начали сдавать в аренду все тому же митрополиту Платону.

Во Франции вел антиправославную работу примкнувший к обновленчеству протоиерей Сергей Соколовский. В годы Первой мировой войны Соколовский был священником русского корпуса во Франции, причем вел себя героически, лично водил воинов в атаку. Однако готовность умереть за Царя и Отечество не помешала протоиерею занять восторженную пробольшевистскую позицию. И все же, несмотря на публичные восторги, возвращаться в «Страну советов» протоиерей не спешил, предпочитая безопасную жизнь в капиталистической Франции. 28 ноября 1924 г. Антираелигиозная комиссия поручила начальнику 6-го (антицерковного) отделения СО ОГПУ Е.А. Тучкову «принять через Синод меры к образованию во Франции обновленческих общин, используя для этого священника Соколовского, каковым постепенно производить передачу церкви»¹⁴⁸. В 1924 г. обновленческий лжесинод назначил Соколовского своим представителем во Франции. Став агентом подконтрольного СССР Банка Северных стран, а параллельно и агентом ОГПУ, Соколовский приложил немало усилий для изъятия у эмигрантов церковной недвижимости, прежде всего Александро-Невского собора в Париже. Успехов на этом поприще отступник не добился¹⁴⁹. Лишенный сана Архиерейским Синодом РПЦЗ в 1924 г., Соколовский нашел приют у архиепископа Вениамина (Федченкова), который стал добиваться у Московской Патриархии принятия афериста в священном сане. Возмущенные прихожане писали митрополиту Сергию (Страгородскому), что архиепископ Вениамин готовит обновленца в настоятели Трехсвятительского подворья в Париже¹⁵⁰. Вскоре Соколовский действительно был принят в Московский Патриархат в священном сане¹⁵¹, что еще больше оттолкнуло от Московской Патриархии русскую эмиграцию. В конце жизни Соколовский перешел в римо-католичество¹⁵², что, возможно, объяснялось новым заданием, полученным от советских спецслужб.

В эмиграции стал известен и другой скандальный персонаж — обновленческий «епископ» Николай Соловей (Соловейчик). Завербованный ОГПУ для

¹⁴⁸ *Митрофан (Шкурин), игумен*. Русская Православная Церковь и советская внешняя политика в 1922–1929 гг. По материалам Антираелигиозной комиссии // Вестник церковной истории. М., 2006. № 1. С. 170.

¹⁴⁹ См.: *Соловьев И., священник*. Раскольническая деятельность «обновленцев» в русском зарубежье // XVIII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы. М., 2008. Т. 1. С. 277–278; *Нивьер*. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. С. 460–461.

¹⁵⁰ Заявление членов прихода Трехсвятительского подворья митр. Сергию (Страгородскому) // Архив ОВЦС. Дело «Митрополит Сергей. Переписка». П. «1934». Л. 321, 321 об.

¹⁵¹ См.: Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы. М., 2001. С. 107, 223.

¹⁵² *Шавельский Г., протопр.* В школе и на службе: Воспоминания. М.; Брюссель, 2016. С. 382.

работы за границей¹⁵³ и получивший сан «архиепископа Сан-Францисского и Калифорнийского», в апреле 1924 г. он покинул СССР и остановился в Риге. Здесь «архиерей» связался с местными журналистами, публично объявил себя сторонником Патриаршей Церкви, а затем перешел и к антисоветским интервью. Соловей подтверждал, что получил назначение от раскольников, однако заверял, что в США он намерен подчиниться архиерею РЦПЗ — митрополиту Платону. Провокатор попытался объяснить и свое отпадение в раскол. Согласно заученной «легенде», он примкнул к обновленцам, чтобы выехать за границу и оповестить мир о большевистских преступлениях. «Если бы Патриарх Тихон, — вещал Соловей, — попытался послать своих делегатов за границу, то они немедленно бы очутились в Бутырках»¹⁵⁴.

Речи о тяжелом положении Церкви перемежались в устах лжеепископа с откровениями о сотрудничестве обновленцев с ОГПУ. Соловей заливался соловьем — для проникновения в Зарубежную Церковь все средства были хороши. «На нас... — бичевал авантюрист себя и своих коллег-обновленцев, — лежит ответственность за невинных страдальцев, архипастырей церкви, положивших жизнь свою за догматы православия. Вспомним невинно убиенных митрополита Петроградского Вениамина, лучшего иерарха Церкви Христовой, погибшего во цвете лет, архимандрита Сергия (в мире ученейшего профессора В. П. Шеина), протоиерея Александра Николаевича Заозерского — оратора и гордости Москвы, и много других. Нашей безмолвной покорностью мы развязали те жестокие руки, которые поднялись на лучших защитников православия».

А вот еще один пассаж: «Лучшие из нас умыли руки, а худшие донесли на них и отдали их в руки палачей-безбожников. И мы после этого осмеливаемся считать себя руководителями православия в России. Позор и горе нам»¹⁵⁵. Неудивительно, что пафосные возгласы провокатора поначалу многих расположили к нему. Даже консервативное «Новое время» отозвалось о лжеепископе с уважением, посетовав, что Европа, как и прежде, останется глуха к свидетельствам о зверствах советских палачей¹⁵⁶. А ОГПУ умело подкрепляло легенду. Вскоре за границей была опубликована информация, что за «смелое выступление» Соловья в СССР были репрессированы его родственники и духовник. За границу было передано и письмо Соловью Евдокима (Мещерского), выглядевшее как попытка заманить мятежного «архиерея» обратно¹⁵⁷.

И все же разумное недоверие со стороны Русской Зарубежной Церкви восторжествовало. Сориентироваться архипастырям отчасти помогла информа-

¹⁵³ См.: *Лавринов В., прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 425.

¹⁵⁴ Голос из русской могилы // Новое время. 1924. № 934. 7 июня.

¹⁵⁵ Послание архиепископа Николая // Там же.

¹⁵⁶ См.: Голос правды // Там же. См. также: *Глуховцева.* Письмо епископа Николая // Новое время. № 943. 19 июня.

¹⁵⁷ См.: Епископ Николай и большевистский синод // Новое время. 1924. № 953. 2 июля; Расправа с родственниками архиепископа Николая // Там же. № 956. 5 июля.

ция, переданная архиепископом Рижским Иоанном (Поммером). Святитель заподозрил неладное и предостерег от возможной ошибки митрополита Североамериканского Платона.

Летом 1924 г. Соловей обратился к митрополиту Евлогию (Георгиевскому) с просьбой о встрече для принесения покаяния¹⁵⁸. И митрополит Евлогий, и другие иерархи РПЦЗ готовы были принять кающегося, однако признавать его священный сан никто не спешил. Не согласился принимать авантюриста и митрополит Платон. Архиерейский Собор РПЦЗ 1924 г., рассмотрев прошение, согласился принять обновленца только в качестве мирянина¹⁵⁹. От такого унижения «покаявшийся» отказался. Соловей упорхнул в Уругвай, предварительно «анафематствовав» архиепископа Иоанна (Поммера)¹⁶⁰.

Решение Архиерейского Собора РПЦЗ оказалось мудрым — провокаторская миссия лжеепископа стала известна в следующем году, когда Соловей своим клеветническим доносом погубил Патриаршего Местоблюстителя — священномученика Петра (Полянского). Совсем недавно «возмущавшийся» связями обновленцев с ОГПУ раскольник осенью 1925 г. оказал чекистам большую услугу. На обновленческом лжесоборе 1925 г. Введенский заявил, что Соловей вывез за границу тайное письмо митрополита Петра зарубежным монархистам в поддержку Великого князя Кирилла Владимировича. Это стало одним из поводов для ареста священномученика Петра и очередной волны большевистских гонений на Церковь¹⁶¹.

Связи с ОГПУ Соловей сохранял и впоследствии. 27 января 1926 г. газета «Возрождение» опубликовала перехваченное письмо Соловью от обновленческого «митрополита» Александра Введенского от 17 ноября 1925 г. «Приезжайте к нам, рады будем, — писал «апологет-благовестник» своему коллеге. — Разрешение на въезд получите в любом нашем полпредстве (напр., в Париже или в Берлине). Итак, в добрый путь. А пока напишите подробности белогвардейской работы Тихона, Петра Крутицкого (Полянского), поскольку вы это лично знаете, и что делают сейчас заграничные белогвардейцы»¹⁶².

Соловей на родину не вернулся, навсегда оставшись в Уругвае. В конце 1920-х гг. он попробовал присоединиться к римо-католичеству, но безуспешно¹⁶³. В 1940-е гг. авантюрист тщетно пытался перейти в Московский Патриархат, а в последние годы жизни зарабатывал за счет местных римо-католиков. Поскольку развод в Римской Церкви процесс затруднительный и тянувшийся годами, Соловей стал совершать для нетерпеливых вторые «венчания», кото-

¹⁵⁸ См.: Поход на православие // Там же. № 942. 18 июня.

¹⁵⁹ См.: Махароблидзе Е. Поправка // Церковные ведомости. 1927. № 23–24. С. 12.

¹⁶⁰ См.: «Анафема» // Новое время. 1924. № 995. 22 авг.

¹⁶¹ Лавринов В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. С. 425.

¹⁶² Церковная жизнь // Возрождение. 1926. № 239. 27 января.

¹⁶³ См.: Соловьев И., свящ. Раскольническая деятельность «обновленцев» в русском зарубежье. С. 279.

рые Римско-Католическая Церковь и Уругвайское правительство признавали. Из этого контингента составила небольшая «католическая община восточного обряда», для которой Соловей посвятил несколько «священников»¹⁶⁴.

Рано или поздно в эмиграции должен был возникнуть вопрос о принятии раскаявшихся обновленцев. Некоторые иерархи РПЦЗ доходили в этом вопросе до крайностей. Так, архиепископ Харбинский Мефодий (Герасимов) отлучил от причастия убежавшего из СССР диакона Антония Галушко, рукоположенного в Русской Церкви, но затем присоединившегося к расколу. Харбинский иерарх не только запретил ему священнодействовать как «осквернившемуся», но и запретил причащаться за исключением случая смертельной опасности. Архиерейский Синод РПЦЗ в целом не приветствовал таких крайностей — отпадавших в обновленческий раскол предписывалось принимать через покаяние, предоставляя вопрос о возможности совершения ими богослужения на усмотрение правящих архиереев. 24 августа 1924 г. в церкви Берлина по распоряжению управляющего западноевропейскими приходами РПЦЗ митрополита Евлогия епископ Тихон (Лященко) присоединил к Церкви протоиерея Алексея Добрянского и диакона Александра Красноумова, отпадавших в обновленчество, выехавших за границу вместе с Николаем Соловьем и принесших покаяние. Полученное в расколе «протодиаконство» А. Красноумова признано не было. При этом обоим присоединенным было разрешено совершать богослужения¹⁶⁵.

Иначе смотрели в РПЦЗ на обновленцев, принявших сан в расколе. Как уже было сказано, «епископство» и «священство» Николая Соловья РПЦЗ не признала. Непримирым было отношение Русской Зарубежной Церкви и к «архиерейству» Иоанна Кедровского. Архиерейский Собор 1934 г. заявил о непризнании совершенных им «хиротоний»¹⁶⁶.

Все же нужно сказать и о случае, который на первый взгляд выходил из общего ряда — принятии в РПЦЗ епископа Серафима (Ляде). Последний был посвящен архиепископом Пименом (Пеговым) в неканоничной «Украинской автокефальной Православной Церкви» (УАПЦ) в сентябре 1924 г. В 1930 г. Ляде по заданию советской разведки выехал в Германию, где признался в связи с ОГПУ¹⁶⁷. 24 июня 1930 г. он обратился в Архиерейский Синод с просьбой принять его в состав РПЦЗ. Судьба Серафима (Ляде) определилась тем же летом. 21 августа 1930 г. было решено принять его в РПЦЗ через покаяние в сане епископа¹⁶⁸. Впоследствии принятие епископа Серафима без повторного руко-

¹⁶⁴ См.: Л. Н. Парийский о церковной ситуации в Америке в середине 1940-х гг. / Публ. А. Кострюкова // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 6 (49). С. 99–100.

¹⁶⁵ См.: Принятие в церковное общение // Церковные ведомости. 1924. № 17–18. С. 9–10.

¹⁶⁶ ГА РФ. Ф. 6343. Д. 10. Л. 13.

¹⁶⁷ См.: Лавринов В., *прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. С. 491–492.

¹⁶⁸ См.: Определения Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей // Церковные ведомости. 1930. № 15–16. С. 4.

положения вызывало в адрес Зарубежного Синода нарекания. Со своей стороны руководство РПЦЗ настаивало на действительности его хиротонии. По мнению Синода, УАПЦ архиепископа Пимена (Пегова) ставила своей целью отделение от Всероссийской Церкви, но не приветствовала церковных реформ. В данной структуре, в частности, не допускался женатый епископат и второбрачие священников. По мнению Архиерейского Синода, УАПЦ была не частью обновленческого раскола, а «самочинным сборищем», незаконно объявившим автокефалию. По причине того что УАПЦ не приняла новшеств, Патриарх Тихон пытался вести с ней переговоры через епископа (затем митрополита) Константина (Дьякова). Лишь после того как попытка договориться провалилась, Патриарх 5 января 1925 г. подписал свое «разъяснение», в котором распространил на иерархов УАПЦ действие послания от 15 июля 1923 г. о безблагодатности обновленческих таинств¹⁶⁹. Епископ Серафим (Ляде) свидетельствовал, что в течение 1924 г. Патриарх Тихон угрожал прещениями Пимену (Пегову), но указ о запрещении передал ему только в начале января 1925 г. Таким образом, Архиерейский Синод РПЦЗ рассудил, что действия Патриарха Тихона в отношении архиепископа Пимена вступили в силу уже после хиротонии епископа Серафима. Принимая последнего в сущем сане, учли и тот факт, что он никогда не был воинственно настроен против Всероссийской Церкви. Наконец, Архиерейский Синод ссылался на Патриарший указ № 166 от 22 ноября 1923 г., согласно которому священников и диаконов, рукоположенных в обновленчестве, можно принимать в сущем сане, если они: 1) готовы принести публичное покаяние; 2) приняли сан от архиереев старого поставления, не запрещенных и не лишенных сана; 3) не являются второбрачными и не вступили в брак после хиротонии. Согласно этому же патриаршему указу вопрос о принятии епископов, рукоположенных в обновленчестве, должен решаться Собором архиереев¹⁷⁰.

¹⁶⁹ Следственное дело Патриарха Тихона: Сб. документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 783.

¹⁷⁰ См.: Справка о принятии в общение епископа Серафима (Ляде) // Церковная жизнь. 1937. № 12. С. 187–192. Необходимо добавить, что косвенное признание благодатности епископа (впоследствии митрополита) Серафима (Ляде) последовало от Московской Патриархии, которая в 1959 г. приняла протоиерея Игоря Зюземия, рукоположенного митрополитом Серафимом (Ляде) в 1947 г. В самом Московском Патриархате также имели место случаи принятия в сущем сане лиц, получивших епископство в обновленческом расколе, например, в 1941 г. был принят Василий (Ратмиров), в 1943 г. — Михаил (Постников) и др. (см.: История иерархии Русской Православной Церкви. М., 2006. С. 353; *Лавринов В., прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. С. 155, 251, 374). Имел место случай, когда в Московский Патриархат в 1951 г. был принят в сущем сане архимандрит Досифей (Иванченко), получивший священническую хиротонию в расколе Феофила (Булдовского) в 1942 г. и постриженный в монашество в 1943 г. в раскольничьей «Украинской автокефальной церкви» Поликарпа (Сикорского). В 1959 г. Досифей (Иванченко) был рукоположен во епископа Нью-Йоркского в Московском Патриархате (подробнее см.: *Кострюков А.* Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг. М., 2015. С. 262–263).

Столь мягкий подход к принятию епископа Серафима не означал, что отношение РПЦ к обновленцам в 1930-е гг. было терпимым. Как и в начале 1920-х гг., Архиерейский Синод РПЦ и впоследствии выступал с резким порицанием раскольников.

Стараясь пресечь возможность признания обновленцев, митрополит Антоний обратился ко всем православным христианам с Окружным посланием, где предостерегал Поместные Церкви от общения с представителями этого раскола. Их руководство, согласно посланию, состоит из лишенных сана иерархов и «женатых мужчин, именующих себя епископами». Со свойственной ему резкостью митрополит Антоний указывал и на «иудины доносы» обновленцев, благодаря которым достойные святители, пастыри и миряне оказались в тюрьмах и ссылках¹⁷¹. Еще одно антиобновленческое послание митрополит Антоний издал в августе 1925 г. Поводом для него стало решение раскольников созвать в октябре 1925 г. свой «Собор», который глава РПЦ называл «вторым Разбойничьим». Архипастырь указывал, что обновленцы согласно ряду канонических правил (14 правилу Двукратного Собора, 6 правилу I Вселенского Собора, 1 правилу св. Василия Великого и др.) являются не Собором, а сборищем мирян.

Послание не обошло стороной и московского друга обновленцев Василия (Димопуло), о котором митрополит Антоний отзывался чуть ли не как об отлученном от Церкви самочиннике. «Прошу всех, — говорилось в послании, — не почитать оное сборище за церковный собор, не верить ложному свидетельству, будто в нем участвует представитель Вселенского Патриарха архимандрит Василий (Димопуло), на самом деле отпавший от Св. Церкви и приложившийся к безбожникам, но помнить, что все истинные православные архиереи, начиная с блаженной памяти Патриарха Российского Тихона, Патриарха Антиохийского Григория и прочих Восточных Патриархов православных, с негодованием отвергли сие скверное сборище с его несвященными архиереями (и архиерейшами), с его дружбой и преклонением пред современными Юлианами Отступниками — интернационалом, овладевшим, подобно тому извергу, православною Россией <...> Дружную анафемой должно ответить на лъстивые призывы живоцерковников и обновленцев»¹⁷².

Откликнулась РПЦ и на лживые заявления раскольников, будто Патриарх Тихон лишен кафедры Фанаром с согласия прочих Патриархов. Во многом именно благодаря действиям РПЦ восточные патриархи (за исключением Константинопольского), заявили, что не признают обновленцев законной Церковью. Грамота с осуждением раскола была получена от Антиохийского Патриарха Григория IV¹⁷³.

¹⁷¹ См.: Окружное послание // Церковные ведомости. 1923. № 19–20. С. 2–4.

¹⁷² См.: Окружное послание // Церковные ведомости. 1925. № 15–16. С. 1–2.

¹⁷³ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 266. Л. 146–147, 194–196.

Такой же была реакция и Патриарха Сербского Димитрия. В ответ на просьбу «митрополита» Евдокима признать его главой Русской Церкви Патриарх Димитрий дал ему совет прекратить раскол и покаяться пред законной церковной властью. О своем признании Патриарха Тихона сербское церковное руководство заявило и в своей официальной грамоте № 2359. Свою позицию Патриарх Димитрий уполномочил озвучить Архиерейский Синод РПЦЗ.

Митрополит Антоний (Храповицкий), посетивший Патриархов Иерусалимского Дамиана и Александрийского Фотия в 1924 г., попытался получить официальное осуждение красного обновленчества и от них. Однако плутоватые владыки от официального ответа уклонились, явно допуская, что колесо Фортуны может повернуться к обновленцам своей счастливой стороной. Тем не менее устные свидетельства о непризнании раскола Патриархи все же предоставили и против их публикации не возражали. Скоро эти сведения были обнародованы в эмигрантской печати¹⁷⁴.

Строгим было и отношение РПЦЗ к обновленческим таинствам. Например, Архиерейский Собор РПЦЗ 1935 г. отказался признавать браки, заключенные в расколе¹⁷⁵.

Русская Зарубежная Церковь развернула наступление и на другом фронте, стараясь противостоять попыткам Фанара созвать модернистский «Вселенский Собор». В октябре 1924 г. Архиерейский Собор РПЦЗ заявил о своем отрицательном отношении к этой идее. Основания были такие: во-первых, Поместные Церкви к столь важному делу не готовы, во-вторых, самая большая из них, Российская, переживает период гонений. Зарубежные архиереи решили в случае созыва Собора дожидаться указаний Патриарха Тихона, а если таковых не последует, то принять в Соборе участие лишь в качестве представителей зарубежного русского епископата, а не Всероссийской Церкви. Архиерейский Собор высказался против главных идей модернистов — второбрачия духовенства и женатого епископата¹⁷⁶, а также осудил попытки Фанара перевести мировое православие на новый календарь. Архипастыри напомнили, что он был осужден Восточными Патриархами еще в 1583 и в 1756 гг., а в XX в. многие Церкви (Александрийская, Антиохийская, Иерусалимская и Российская) его отвергли. Более решительно ответить на новый календарь РПЦЗ не могла — на канонической территории некоторых новостильных Церквей находились русские приходы, которым волей-неволей приходилось с местным церковным руководством контактировать. Поэтому Архиерейский Собор решил просить Вселенского Патриарха и другие новостильные Церкви не препятствовать русским приходам служить по старому стилю. Понимая, что такой милости ждать, по видимому, бесполезно, Архиерейский Собор 1924 г. позволил русским иерар-

¹⁷⁴ См.: От вр. исп. об. Председателя Архиерейского Синода русской Православной Церкви Заграницей // Новое время. 1924. № 1033. 7 окт.

¹⁷⁵ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 12. Л. 25.

¹⁷⁶ Там же. Д. 2. Л. 43, 70 об.

хам решать вопрос о календаре на местах, что означало фактическое разрешение служить по новому стилю¹⁷⁷. Такой же курс был взят и Архиерейским Собором 1926 г. Чем РПЦЗ действительно не поступилась — так это пасхалией. Архиерейский Собор 1926 г. заявил о недопустимости отступать в этом вопросе от канонов¹⁷⁸.

Зарубежный церковный центр по-прежнему выступал против сближения Фанара с обновленцами, которое продолжилось и после смерти Патриарха Григория VII. Новый Константинопольский Патриарх Константин VI не скрывал своей позиции, что нашло отражение в интервью Представителя Константинополя в Москве архимандрита Василия (Димопуло) газете «Известия». В том же интервью Димопуло высказался и в поддержку «избранной народом» кровавой большевистской власти, и против «монархически настроенных архиереев-беженцев» Антония, Евлогия и других¹⁷⁹.

17 февраля 1925 г. митрополит Антоний (Храповицкий) обратился к Патриарху Константину с посланием, копии которого были разосланы также и главам других Поместных Церквей. Глава РПЦЗ, ссылаясь на свой авторитет второго по чести русского иерарха, а также выступая от имени 32 русских зарубежных архиереев, напомнил Патриарху Константину «о незаконных деяниях» Патриархов Мелетия и Григория. Подпадение Фанара под древние анафемы, наложенные на новый календарь в XVI и XVIII вв., путаница в Уставе, последовавшая после перехода Константинополя на новый календарь, — все это митрополит Антоний назвал «ужасом», виновниками которого были Патриарх Григорий VII и его «нечестивые советники». Глава РПЦЗ возмущался насильственным внедрением нового календаря, а также распускаемой Фанаром ложью, будто на новый стиль перешли все Восточные Патриархи. «Так лгать без стыда, так обманывать паству, так клеветать на старейших собратьев едва ли решились бы и беззаконные враги св. Иоанна Златоуста и святейшего Патриарха Российского Никона», — подводил итог глава Зарубежной Церкви. Митрополит Антоний просил своего адресата остановить «противоцерковный вандализм», отказаться от прав на отторгнутые от Московского Патриарха церковные области, отменить новый стиль и вернуть Финляндии православную пасхалию. Неудивительно, что это письмо осталось без ответа¹⁸⁰.

Спустя месяц глава Зарубежной Церкви выступил с новым посланием, где осуждались претензии Фанара на Финляндию и введение в практику местной Церкви новой пасхалии. Митрополит Антоний, защищая свои права на диаспору, ссылаясь на 134-е правило Карфагенского Собора и выдвигал аргумент,

¹⁷⁷ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 12. Л. 42 об., 70.

¹⁷⁸ Там же. Д. 6. Л. 403.

¹⁷⁹ См.: Известия ВЦИК. 1925. № 31; *Махароблидзе Е.* Политика Фанара // Церковные ведомости. 1925. № 7–8. С. 11–12.

¹⁸⁰ См.: *Антоний, митр.* Скорбное послание // Церковные ведомости. 1925. № 11–12. С. 1–4.

который впоследствии станет в РПЦЗ главным: Церковь не территория, а народ¹⁸¹.

Относительно теплым было послание митрополита Антония следующему Константинопольскому Патриарху Василию III, занявшему престол в 1925 г. Уважительный тон послания не помешал митрополиту мягко указать на границы юрисдикции Вселенского Патриарха — административная и духовная власть только над греками и моральный авторитет для других народов. Глава РПЦЗ, в частности, написал, что Патриарх призван «вести к горнему царству православный народ еллинский, а словом мудрости и примером благочестия предугадывать сей путь и прочим православным народам»¹⁸².

В 1926 г. иерархи РПЦЗ вернулись к вопросу о «Вселенском Соборе», тем более что на нем Фанар предполагал обсуждать не только канонические, но даже догматические вопросы¹⁸³. На мероприятие, запланированное Вселенским Престолом на Троицу 1926 г., были приглашены советские обновленцы, в то время как ни митрополит Сергей (Страгородский), ни Русская Зарубежная Церковь приглашения не получили¹⁸⁴.

Фанар пытался лавировать. Митрополит Герман Фиатирский на встрече с митрополитом Евлогием в Лондоне в 1926 г. убеждал его, что отношение Константинопольской Патриархии к обновленцам отрицательное. Вместе с тем Патриарх Василий пытался убедить в добрых чувствах и митрополита Антония. Правда, эти «добрые чувства» вовсе не означали, что глава РПЦЗ получит приглашение. Патриарх Василий говорил, что на Собор приглашаются только главы Поместных Церквей, а митрополит Антоний таковым не является. Вот если Московская Патриархия решит делегировать митрополита Антония на Собор — тогда другое дело! О том, что митрополит Сергей и сам не был приглашен, а потому не мог никого командировать, естественно, умалчивалось¹⁸⁵.

Такая позиция Фанара вполне соответствовала условиям обновленцев и их советских хозяев. Раскольники прямо выдвигали требование, что на Соборе представителей Зарубежной Церкви быть не должно. Еще одно условие обновленцев — гарантировать, что «на Соборе не будут допущены никакие суждения, порицающие советскую власть»¹⁸⁶. Стремление распространить на Поместные Церкви тлетворный советский дух, заставить их не только признать, но и поддержать коммунистическое государство, было одной из основных целей обновленцев на Соборе.

¹⁸¹ См.: От Председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей // Церковные ведомости. 1925. № 5–6. С. 1–3.

¹⁸² Приветствие Вселенскому Патриарху // Новое время. 1925. № 1300. 30 авг.

¹⁸³ См.: *Титов Ф., прот.* О вселенском православном соборе // Утренняя заря. 1926. № 7. С. 102–103.

¹⁸⁴ См.: *Махароблидзе Е.* К вопросу о созыве «8 Вселенского Собора» // Церковные ведомости. 1926. № 7–8. С. 10.

¹⁸⁵ См.: Митрополит Евлогий в Англии // Возрождение. 1926. 2 нояб. № 518.

¹⁸⁶ Церковная жизнь // Возрождение. 1926. 12 июня. № 375.

В принципе реформаторство было внутренним делом обновленческой группировки, а второбрачие и женатый епископат являлись прежде всего уступкой ее лидеров своим собственным страстям. Иное дело — советская администрация. При равнодушии к модернизму она видела в продвижении красного раскола свою цель — популяризацию коммунистического режима.

Введенский правильно понял свою задачу, намереваясь на будущем «вселенском» собрании заниматься восхвалением социалистического строя. Свою программу он изложил в письме Патриарху Василию. Лгать Введенский привык, а потому, готовя свой текст, упреков совести, по-видимому, уже не испытывал.

«Веками связанная с государством в форме русского монархизма, — писал «апологет-благовестник», — отныне русская церковь свободна. Коммунистическое правительство нашей родины предоставляет всем гражданам полную свободу совести и устройства церковной жизни согласно законам самой церкви. Мы видим, что целый ряд государств пытается использовать церковь в качестве своего политического орудия. И тем, что церковь в наши дни во многих местах является оплотом капитализма, надо объяснить все растущее равнодушие и раздражение трудящихся масс всего мира против церкви. Опыт русской церкви должен быть учтен вселенским Собором и претворен в жизнь»¹⁸⁷.

Понятно, что противостоять потокам нечестия и лжи могла только Церковь Зарубежная. И она боролась. Опасаясь модернистского характера «Вселенского Собора», митрополит Антоний (Храповицкий) направил предстоятелям Поместных Церквей грамоту, где предостерегал, что «Собор» даст Церкви лишь новые расколы. Глава РПЦЗ обращал внимание, что Российскую Церковь по-прежнему возглавляет лишенный свободы митрополит Петр (Полянский), не признающий обновленцев¹⁸⁸.

Возмущал и сам факт постановки модернистских вопросов. Архиепископ Пекинский Иннокентий (Фигуровский) в те дни писал, что вопросы о втором браке духовенства, женатом епископате и праздновании Пасхи не должны обсуждаться, так как они давным-давно решены. Будущий Собор должен заниматься не решением надуманных проблем, а судом над отступниками. Что до пересмотра канонов, то если Собор дерзнет на это, то станет лжесобором, решения которого ничтожны. Подобным образом оценил ситуацию и архиепископ Харбинский Мефодий (Герасимов). Он отметил, что на семи Вселенских Соборах уже приняты все нужные для церковной жизни решения. Новое же собрание будет «лже-вселенским» и соберется «не для утверждения истины, а для узаконения лжи, проповедуемой нечестивым сборищем Живой Церкви»¹⁸⁹.

¹⁸⁷ Письмо живоцерковника Введенского // Возрождение. 1926. № 387. 24 июня.

¹⁸⁸ См.: Грамота Председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей Святейшим Патриархам и прочим главам Православных Автокефальных Церквей // Церковные ведомости. 1926. № 7–8. С. 2–3.

¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 6. Л. 134, 163.

Примерно так же охарактеризовали будущее собрание другие иерархи. Архиепископ Елевферий (Богоявленский) считал поставленные греками вопросы «уступкой плоти», а епископ Аполлинарий (Кошевой) отозвался об этих вопросах как о нечестивых.

К моменту открытия Архиерейского Собора РПЦЗ (июнь 1926 г.) было известно, что Константинопольская Патриархия решила отложить «Вселенский Собор», а все заявленные темы рассмотреть на предсоборном совещании. Поскольку «нечестивые вопросы» с повестки тем самым не снимались, Архиерейский Собор 1926 г. не мог оставить их в стороне. Он вновь заявил, что обновленцев на совещании быть не должно, а модернистские вопросы из повестки должны быть исключены¹⁹⁰.

Позиция Русской Зарубежной Церкви не была пустым звуком. К ее мнению прислушивались, а авторитет митрополита Антония и других иерархов-изгнанников был высок не только во всем православном мире, но и среди инославных. Особенно заметно было влияние русской эмиграции на Сербскую Церковь. Патриарх Димитрий († 1930) называл митрополита Антония «заграничным русским патриархом»¹⁹¹, а его преемник Патриарх Варнава распорядился, чтобы его интронизационную службу возглавил именно глава РПЦЗ¹⁹². Сербский журнал «Христианская жизнь» в 1924 г. писал, что Сербская Церковь «оскудела специфически-православной церковностью», что «ураган легкомысленного модернизма соблазнительно дует в душах многих клириков», а потому присутствие в стране митрополита Антония имеет огромное значение в преддверии Вселенского Собора. «Нам должно молиться Богу, да сохранит его в живых до этих великих дней», — говорилось в статье о главе РПЦЗ¹⁹³. Естественно, что позиция Русской Зарубежной Церкви относительно «Вселенского Собора» принималась во внимание и другими Поместными Церквями.

¹⁹⁰ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 2. Л. 70 об.—71; Д. 6. Л. 395—396.

¹⁹¹ *Елевферий (Богоявленский), митр.* Письмо митр. Сергию (Страгородскому) [1933] // Архив ОВЦС. Дело «Сербская Православная Церковь». Папка «1933 г». Л. 115.

¹⁹² См.: *Феодосий, архим.* Святейший Патриарх Варнава и Владыка Митрополит Антоний (по личным воспоминаниям) // Церковная жизнь. 1937. № 7—8. С. 122, 123.

¹⁹³ Цит. по: Сербская печать о митрополите Антонии // Новое время. 1924. № 959. 9 июля.

Глава 3

«Поражу пастыря, и рассеются овцы» (Мк. 14. 27). Русская эмиграция и Константинополь в 1926–1939 гг.

Вторая половина 1920-х гг. была ознаменована сложными внутренними нестроениями в русском церковном зарубежье, причем и здесь Фанар сыграл заметную негативную роль. Прежде всего, это отразилось на взаимоотношениях карловацкого церковного центра и митрополита Евлогия (Георгиевского), управлявшего русскими приходами в Западной Европе.

Уход из Русской Зарубежной Церкви этого архиерея часть эмиграции напрямую связывала со смертью Патриарха Тихона. Нельзя забывать о деятельности парижских деятелей эмиграции, отталкивавших митрополита Евлогия от единства с Русской Зарубежной Церковью, о действиях ОГПУ, вносившего свою лепту в церковный раскол.

Зарубежная Церковь, в отличие от бесчисленных эмигрантских партий, являлась сильной и сплоченной структурой, представленной на всех континентах. Последовательная и твердая антикоммунистическая позиция РПЦЗ выглядела более выигрышно не только в сравнении с сервиллизмом «сменовеховцев», но даже и на фоне невнятной политики военных организацией вроде «Российского общевоинского союза». Расшатать ситуацию в русском церковном зарубежье, расколоть единую Церковь, было для ОГПУ одной из наиболее важных задач. Надо помнить, что эмиграция была наводнена лицами, соглашавшимися, в силу нищеты или духовного кризиса, на сотрудничество с советскими спецслужбами. А ведь были еще и шпионы-профессионалы. То, что в ОГПУ велась «серьезная работа по расколу заграничной православной русской церкви», свидетельствовал и начальник секретно-политического отдела ОГПУ Я. С. Агранов¹⁹⁴. Эти факторы нужно учитывать, чтобы понять извилистый канонический путь митрополита Евлогия в эмиграции.

¹⁹⁴ Цит. по: *Васильева О.* Дело архиепископа Варфоломея, или «Человек-загадка» против Русской Православной Церкви // Альфа и Омега. 2000. № 4. С. 194.

Трудно сказать, когда именно у митрополита Евлогия зародилось желание обособить свои приходы. С достаточной уверенностью можно говорить о серьезном влиянии на иерарха его окружения, чего особо не скрывали ни он сам, ни близкие к нему люди¹⁹⁵. Однако первое время это влияние не было столь заметно, как впоследствии. В 1922 г., после указа Патриарха Тихона № 348 от 5 мая, у митрополита Евлогия была возможность возглавить Русскую Зарубежную Церковь. Однако от возложенной на него миссии иерарх отказался. На Архиерейском Соборе 1923 г. он прямо говорил, что власть в Зарубежной Церкви должна принадлежать Архиерейским Соборам, а в промежутках между ними — Синоду во главе с митрополитом Антонием (Храповицким)¹⁹⁶. Однако уже спустя год митрополит Евлогий свою позицию поменял: начались претензии на чужие территории и попытки решать ключевые вопросы без ведома священноначалия. Вопреки позиции Московского Патриархата и РПЦЗ митрополит Евлогий поддержал епископа Германа (Аава), незаконно поставленного в Финляндию, а также призвал местное население не противиться введению нового календарного стиля. Митрополит стал вмешиваться и в дела русского прихода в Австралии¹⁹⁷. Разрыв иерарха с РПЦЗ едва не состоялся на Архиерейском Соборе 1924 г., однако в тот момент конфликт удалось погасить.

Почву для ухода из РПЦЗ митрополит Евлогий готовил постепенно. В начале 1926 г., то есть еще за полгода до разрыва с Синодом, митрополит Евлогий предлагал проживавшему в Иерусалиме архиепископу Анастасию (Грибановскому) стать его викарием в Лондоне. Непременным условием этого назначения митрополит поставил верность своей церковной политике. Но архиепископ Анастасий предложение не принял, считая нечестным устраивать свою судьбу за спиной Архиерейского Синода. Тем более что архиепископ не скрывал и своего несогласия с некоторыми действиями своего несостоявшегося начальника¹⁹⁸.

К 1926 г. митрополит Евлогий всячески давал понять, что считает себя независимым от Зарубежного Синода. Стремление к самостоятельности неоднократно выбивало этого архиерея из «канонической колеи» и порой толкало на весьма опасный путь. Так, в апреле 1926 г. в речи на первую годовщину смерти Патриарха Тихона митрополит Евлогий с воодушевлением отзывался о раскольниках григорианах с их неканоничным «Высшим церковным советом». «Собором русских святителей, — говорил иерарх, — во главе нашей Церкви

¹⁹⁵ См.: *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 373; *Киприан (Керн), архим.* Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чепуре). С. 54.

¹⁹⁶ Подробнее см.: *Кострюков А.* Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х гг. С. 174–175.

¹⁹⁷ *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония... Т. 7. С. 120.

¹⁹⁸ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 252–6. Л. 271–273. Митрополит Анастасий имел в виду Зарубежный Съезд апреля 1926 г. и панихиду по кардиналу Мерсье в парижском Александро-Невском соборе по благословению митрополита Евлогия (см.: *Французский журналист у митр. Евлогия // Возрождение.* 1926. 2 марта. № 273).

был поставлен законный его правопреемник — местоблюститель Патриаршего Престола Высокопреосвященный Митрополит Петр. Правда, вскоре и он был заточен в узы и, как слышно, до того замучен жестоким тюремным режимом, что уже изнемогает в борьбе со смертельной болезнью. Однако на смену ему уже создалась новая организация, и теперь можно быть уверенными, что заботами церковной иерархии преемство высшей власти в Русской Церкви навсегда обеспечено»¹⁹⁹. Оправдывать эти слова непониманием церковной обстановки нельзя — в эмиграцию к тому времени уже дошла информация о раскольничьих действиях григориан, об их просоветской риторике и связях с Тучковым²⁰⁰.

На Соборе в июне 1926 г. противостояние между митрополитом Евлогием и Зарубежным Синодом вылилось в фактический разрыв. Митрополит, считавший претензии РПЦЗ на власть в русской диаспоре необоснованными, покинул Собор и вернулся в Париж. Ситуация оставалась неопределенной достаточно долго — митрополит Евлогий и его сторонники не могли решить, что же делать дальше. Так, например, Т. А. Аметистов на собрании представителей западноевропейских приходов 7 декабря 1926 г. указал четыре варианта устройства канонического статуса Западноевропейской епархии: 1) признать полноту власти в Западной Европе за митрополитом Евлогием, 2) обратиться к Церкви в России, 3) попросить третейского суда Поместных Церквей (например, Румынской или Сербской), наконец, 4) обратиться к суду Константинополя. По сообщению газеты «Возрождение», последнее предложение вызвало наибольшее несогласие. Собрание отвергло обращение к Фанару, «каноническая линия которого сомнительна, а политическая зависимость почти несомненна»²⁰¹. Сам митрополит Евлогий обращаться в Константинополь также не хотел — в те нервные месяцы он был склонен оценивать права Фанара на всемирную юрисдикцию как фантастические. В своем письме главе Польской Церкви митрополиту Дионисию митрополит Евлогий писал, что правильным путем для православных поляков была бы временная независимость до восстановления связей с Москвой, а вовсе не самочинная автокефалия. Антиканоичным считал митрополит Евлогий и вмешательство в польский вопрос Фанара. «Обращение же к Константинопольскому Патриарху, — продолжал архипастырь, — и участие этого последнего в этом деле я признаю... неправильным и вижу в этом неоправдываемый канонами акт вмешательства его во внутренние дела автокефальной русской церкви»²⁰².

На дальнейшие действия митрополита Евлогия подтолкнули следующие события. 26 января 1927 г. он был запрещен в священнослужении Архиерей-

¹⁹⁹ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 252-б. Л. 193.

²⁰⁰ См., например: Новые испытания Православной Церкви // Возрождение. 1926. 13 янв. № 225; Гонения на Православную Церковь // Возрождение. 1926. 29 янв. № 241; В Русской Православной Церкви // Возрождение. 1926. 24 февр. № 267.

²⁰¹ Каноническое положение зарубежной церкви // Возрождение. 1926. № 561. 15 дек.

²⁰² Никаноров И. Канонический урок // Возрождение. 1926. № 379. 16 июня.

ским Синодом РПЦЗ. 8 сентября это решение было подтверждено Архиерейским Собором. Большинство Поместных Церквей запрещение не было принято всерьез — неустойчивый канонический статус РПЦЗ не позволял ей брать на себя такие полномочия. Пожалуй, прямо поддержал Зарубежный Синод лишь Сербский Патриарх Димитрий²⁰³. Другие первоиерархи отнеслись к проблеме не столь категорично. Антиохийский Патриарх Григорий занял умеренную позицию и призвал митрополита Евлогия к примирению с Зарубежным Синодом, а Константинопольский Патриарх Василий, Александрийский Патриарх Мелетий и Архиепископ Афинский Хризостом фактически поддержали митрополита Евлогия²⁰⁴. Поддержка с их стороны дала ему основание укрепиться в сознании своей правоты²⁰⁵.

А вскоре в конфликт вмешалась внешняя сила. В июле 1927 г. эмигрантскую жизнь всколыхнуло требование Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) дать подписку об отказе от антисоветских выступлений. Эта подписка становилась условием для пребывания зарубежного духовенства в ведении Московской Патриархии. Архиерейский Собор РПЦЗ отказался от предоставления такого обязательства, в то время как митрополит Евлогий повел себя иначе. Не отказываясь принципиально от «политических» действий и высказываний, он заверил, что не будет превращать церковный амвон в «политическую трибуну». Требуемая подписка была предоставлена.

До 1930 г. митрополит находился в подчинении Московской Патриархии, причем впоследствии оценивал эти годы как самые тяжелые для его совести. За каждое неосторожное слово и даже за простое поминовение на панихиде «невинно убиенных» ему приходилось теперь оправдываться перед митрополитом Сергием. Тема большевистских зверств и гонений на Церковь была и вовсе табуирована. Красная Москва на этом не остановилась, и через некоторое время Заместитель стал требовать от митрополита Евлогия осудить убийство русским патриотом Борисом Ковердой революционера П. Л. Войкова²⁰⁶. Напомним, что последний среди прочих преступлений был причастен и к гибели царской семьи.

Парижское «Возрождение», в основном поддерживавшее митрополита Евлогия, в те годы по-прежнему не выказывало своих симпатий Константинополю. 25 февраля 1930 г. газета опубликовала интересное расследование связей Фанара и агентов ОГПУ. Согласно публикации, суммы от советских агентов

²⁰³ См.: *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония... Т. 7. С. 194.

²⁰⁴ См.: Отношение Восточных Патриархов и других Православных Церквей к разногласиям в Зарубежной Русской Церкви // *Церковный вестник Западно-Европейской епархии.* 1927. № 1. С. 3–5; Послание Вселенского Патриарха // *Церковный вестник Западно-Европейской епархии.* 1927. № 2. С. 2.

²⁰⁵ См.: *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония... Т. 7. С. 182.

²⁰⁶ См.: Из переписки Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) и митрополита Евлогия (Георгиевского) // *Церковь и время.* 1998. № 4 (7). С. 139.

получал еще Патриарх Мелетий, а при его преемниках денежные вливания только увеличивались²⁰⁷.

Однако антиконстантинопольская риторика прекратилась в том же году. Возмущенный печально известными интервью митрополита Сергия об отсутствии гонений, митрополит Евлогий твердо решил вернуться на антисоветские позиции²⁰⁸. В марте иерарх посетил Лондон, где принял участие в экуменическом молебне за страждущую Русскую Церковь. Из Москвы от митрополита потребовали немедленных объяснений. Поскольку таковых не последовало, митрополит Сергей 10 июня отстранил митрополита Евлогия от управления западноевропейскими церквями и назначил на его место архиепископа Владимира (Тихоницкого). Но последний должность принять отказался.

Эти обстоятельства побудили митрополита Евлогия задуматься над своей дальнейшей судьбой. Ни возвращаться в Московскую Патриархию, ни восстанавливать отношения с Зарубежным Синодом ему, а вернее его окружению, не хотелось. Вновь возник вопрос о подчинении Константинополю. Решение о переходе в его ведение было непростым — законным архиереем в Европе Фанар считал митрополита Фиатирского Германа²⁰⁹. Митрополит Евлогий со своей стороны защищал свои права и всегда выступал против константинопольских претензий. Теперь его положение изменилось. Обращение к Константинопольскому Патриарху означало, что митрополит Евлогий соглашается с ложной идеей о правах Фанара на всемирную юрисдикцию и фактически отрывается от той линии, которую отстаивал ранее.

Викарии митрополита Евлогия отнеслись к его решению по-разному. Архиепископы Владимир (Тихоницкий) и Александр (Немоловский) оказали ему полную поддержку, епископ Сергей (Королев) колебался, но все же склонился к общему мнению. Против высказывался только один викарий — епископ Вениамин (Федченков).

Митрополит Евлогий в тот момент не был уверен в успехе своего предприятия и ехал в Турцию навстречу полной неизвестности. Но опасения были напрасны. Патриарх Фотий II встретил визитера радушно и 17 февраля 1931 г. принял русские западноевропейские приходы в свое подчинение в качестве особого экзархата. Сам митрополит Евлогий становился теперь константинопольским экзархом, хотя в своем архипастырском послании прямо указывал, что его подчинение Фанару носит временный характер и прекратится после

²⁰⁷ См.: *Алексеев Н.* Вольный чекист Боговут-Коломийцев // *Возрождение*. 1930. № 1729. 25 февр.

²⁰⁸ Об интервью митрополита Сергия как о решающей причине ухода из ведения Московской Патриархии митрополит Евлогий говорил великой княгине Виктории Федоровне в ноябре 1930 г. (см.: *Башмаков А.* Письмо митр. Антонию 30.11.1930 // Архив Свято-Троицкой духовой семинарии. Фонд «Архиеп. Аполлинарий» К. 3. П. 3).

²⁰⁹ См.: *Бурева В.* Взаимоотношения митрополита Евлогия (Георгиевского) с Константинопольским Патриархатом в первой половине 1920-х годов: К постановке проблемы // *Церковно-исторический вестник*. 2005–2006. № 12–13. С. 67–77.

восстановления нормальных условий жизни Русской Церкви. Поминовение Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра также оставалось обязательным²¹⁰. Вместе с тем от слов правды относительно творящихся в большевистской России зверств митрополит Евлогий по-прежнему должен был отказываться. В грамоте Патриарха Фотия указывалось, чтобы новый экзарх избегал вмешательства «в политические распри и раздоры», а его амвон «не превращался в трибуну для политических целей». Митрополит Евлогий, понимавший, кому он подчинился, соответствующее обещание немедленно предоставил²¹¹.

Фанар оповестил Московскую Патриархию о принятии митрополита Евлогия. 18 марта архимандрит Василий (Димопуло) направил письмо митрополиту Сергию. Архимандрит объяснял действия Константинопольского Патриарха необходимостью оградить евлогиевские приходы, во-первых, от инославного влияния, а во-вторых, от «антиканонических» попыток РПЦЗ подчинить всех русских беженцев своему «вредному» влиянию. При этом Димопуло, ссылаясь на некие мифические «канонические правила», утверждал, что все епархии за пределами той или иной Автокефальной Церкви должны подчиняться Константинополю²¹². В марте 1931 г. для переговоров с митрополитом Евлогием в Париж прибыл представитель Московской Патриархии митрополит Литовский Елевферий, но его миссия успеха не имела²¹³.

Русская Зарубежная Церковь встретила переход своего бывшего архиерея в Константинопольский Патриархат с удивлением и негодованием. Неканоничным счел поступок митрополита Евлогия и Сербский Патриарх Варнава, который заявил, что разрывает с ним общение²¹⁴. Среди прочего возмущение вызвало то, что митрополит Евлогий своими действиями подстегнул всемирные претензии Фанара.

10 марта 1931 г. Архиерейский Синод РПЦЗ назвал акт Патриарха Фотия II антиканоническим и постановил оповестить о его незаконных действиях французское правительство и всех глав Поместных Церквей²¹⁵. На следующий день, 11 марта 1931 г., митрополит Антоний направил письмо Патриарху Фотию II, где напоминал, что митрополит Евлогий был запрещен Архиерейским Собором РПЦЗ, подчинился Московской Патриархии, а теперь, выйдя из ее подчинения, должен подпасть и под ее прещения. «Митрополит Евлогий подлежит

²¹⁰ См.: *Евлогий, митр.* Архипастырское послание // Возрождение. 1931. № 2096. 27 февр.; *Никаноров И.* Возвращение митрополита Евлогия // Возрождение. 1931. № 2094. 25 февр.

²¹¹ См.: Грамота Вселенского Патриарха // Возрождение. 1931. № 2096. 27 февр.

²¹² *Василий (Димопуло), архим.* Письмо митрополиту Сергию (Страгородскому) 18.03.1931 // Архив ОВЦС. Дело «Русская Зарубежная Церковь». Папка «1931». Л. 2–3.

²¹³ См.: Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы. С. 75.

²¹⁴ *Киприан (Керн), архим.* Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чепуре). С. 98; *Ломако Г., прот.* К вопросу о нашем церковном разделении // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1934. № 5. С. 15.

²¹⁵ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 253. Л. 7–7 об.

суду своего Кириарха, — писал митрополит Антоний, — и никакая сторонняя церковная власть не может вмешаться в подобные дела. Иначе создается церковная анархия и разрушается каноническое начало. Ваше Святейшество, принимая под свою юрисдикцию опального митрополита Евлогия... Вы тем самым разрушаете святое неприкосновенное начало независимости Автокефальных Церквей». Митрополит Антоний не забыл напомнить Константинопольскому Патриарху, что он по отношению к главам других Церквей является лишь первым среди равных, и ни один канон никогда не давал ему права власти над другими Церквями. «Папистская же теория об особых правах Вселенского Патриарха на всю диаспору, — продолжал глава РПЦЗ, — основанных якобы на 18 правиле III Вселенского Собора и 28 правиле IV Вселенского Собора, неоднократно опровергались, а попытки Вселенского Престола осуществить эти мнимые права Православные Автокефальные Церкви всегда единомышленно опротестовывали. Такие протесты в свое время заявляла и Русская Православная Церковь»²¹⁶.

В особом послании к пастве, вышедшем тогда же, митрополит Антоний отверг всякую дипломатию. 28-е правило IV Вселенского Собора, по словам архипастыря, превратило провинциального византийского епископа в Патриарха, но не дало ему полномочий, выходящих за пределы Фракии, Малой Азии и территорий, примыкающих с юга к Румынии. Не дает никаких полномочий и титул «Вселенский Патриарх». Таковой всегда означал не вселенские в нашем понимании полномочия, а лишь полномочия всевизантийские, да и то в смысле почетного звания. Митрополит Антоний указывал на Александрийского Патриарха, который носил не менее громкий титул «Судии Вселенной», но не пытался судить все Поместные Церкви. Претензии Константинополя, прикрывшегося звучным именем, по словам митрополита Антония, рассчитаны только на неосведомленных людей²¹⁷. Но наиболее грубые выражения иерарх приберег для личной переписки. Особенно неадекватными архипастырь считал восторги некоторых эмигрантов о будто бы полученной митрополитом Евлогием каноничности. «Евлогианская эпопея, — писал митрополит Антоний, — даже меня удивила обнаружившимся в ней непроходимым невежеством русского общества. Эти болваны совершенно не понимают, что всякое действие вселенского Патриарха вне своего диоцеза имеет не более силы, чем действия любой кухарки, и что Свят[ейший] Фотий имел столько же права признать Евлогиевский Экзархат, как Матрена Сидоровна, его кухарница»²¹⁸.

Независимо от РПЦЗ поступок митрополита Евлогия осудил и митрополит Сергей (Страгородский). 30 апреля 1931 г. он запретил митрополита Евлогия в

²¹⁶ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 253. Л. 12–14.

²¹⁷ См.: *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония... Т. 7. С. 251–252.

²¹⁸ Митрополит Антоний (Храповицкий). Жизнеописание. Письма к разным лицам 1919–1936 гг. С. 236.

священнослужении вместе с его клиром, а заодно и теми, кто будет ему сослужить или принимать его таинства²¹⁹. Однако после подчинения западноевропейских приходов Фанару такое прещение не имело практического смысла, ведь «запрещенными» становились клирики Константинопольского Патриархата. Как уже повелось в те годы всемирной церковной смуты, Поместные Церкви сергиевских прещений законными не признали. Некоторые эмигранты и вовсе предполагали, что Заместитель специально тянул время, дожидаясь перехода митрополита Евлогия в юрисдикцию Константинополя. Н. С. Трубецкой, например, был уверен, что митрополит Сергей не придавал значения своему собственному указу. «Запрещать можно только подчиненного священнослужителя, — писал Трубецкой. — Если бы митрополит Сергей действительно хотел запретить Евлогия, то сделал бы это уже давно. Тем, что он выждал, пока Евлогий перешел к вселенскому патриарху и оказался вне юрисдикции московской патриархии, Сергей, по-моему, ясно показал, что запрещать Евлогия по-настоящему не хотел»²²⁰.

Русская Зарубежная Церковь со своей стороны возмущалась не только неканоничностью действий Патриарха Фотия II, но и тем, что его покровительство митрополиту Евлогию впредь создаст еще одно препятствие обличению советского безбожия. Русский эмигрант А. Н. Крупенский в своем открытом письме в газету «Возрождение» обращал внимание, что политическая зависимость митрополита Евлогия от большевиков изменилась только по форме. С 1927 по 1931 г. они влияли на него через Московскую Патриархию, теперь будут влиять через Константинополь. Ведь обещание воздерживаться от политики митрополит Евлогий дал. Все прекрасно понимали, что «политикой» на языке Москвы и Фанара назывались прежде всего выступления против коммунистической системы. В подавляющем большинстве своем эмигранты не видели особой разницы между подчинением советскому или турецкому правительству. Отношения Мустафы Кемалю и Кремля в те годы в целом были неплохими, и слухи о пополнении советских республик за счет Турции не казались эмигрантам совсем уж нелепыми²²¹.

Митрополит Евлогий и сам знал, что от обличения советского безбожия и гонений на Церковь теперь придется отказаться. Это подтверждает его краткое интервью, данное газете «Возрождение». Отвечая корреспонденту, новоиспеченный экзарх сказал, что Патриарх Фотий не столь ревностен в угождении большевикам, чем его предшественники, а потому в подчинении ему греха нет²²². Однако, как справедливо отмечали оппоненты, завтра снова может

²¹⁹ Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы. С. 79–80.

²²⁰ Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. Документы и материалы / Под ред. проф. А. Ф. Киселева. М., 1999. С. 691.

²²¹ См.: Предложение большевиков // Возрождение. 1926. № 325. 23 апр.

²²² См.: Никаноров И. Возвращение митрополита Евлогия // Возрождение. 1931. № 2094. 25 февр.

прийти «плохой Патриарх». «Проблема не в Патриархе, — писал Крупенский, — а в зависимости Патриархии от властей и от взяточничества»²²³.

Но даже это было не самым страшным. Куда хуже было то, что Фанар, расширяя свою власть, фактически навязывал русской диаспоре подчинение коммунистическому режиму. Правительство Турции, не жаловавшее Константинопольских Патриархов, все же с удовлетворением отнеслось к их претензиям на русскую диаспору. Турецкий официальный орган «Джумхуриет» положительно оценил подчинение митрополита Евлогия Патриарху Фотию и посоветовал всем представителям Русской Церкви обращаться к нему для решения всех спорных вопросов²²⁴.

Митрополита Евлогия все это, по-видимому, устраивало. С 1931 г. возглавляемый им экзархат пребывал в ведении Вселенского Престола, а в декабре 1933 г. Патриарх Фотий II предоставил своему русскому экзарху право служить с преднесением Креста²²⁵.

Но отношения с Фанаром у Русской Зарубежной Церкви ухудшились бы и без евлогиевской проблемы. Модернизм Константинополя, навязывание Поместным Церквам нового календаря и возобновившиеся попытки создать «8 Вселенский Собор» сами по себе были для православного сознания весомой причиной для недоверия. «Я на Собор, конечно, не приглашен, — писал митрополит Антоний в апреле 1932 г. — Греки возненавидели меня за несочувствие их нахальству и даже не упоминают моего имени при переписке о соборных делах»²²⁶. Но такое поведение не могло пройти для Фанара без последствий — вслед за митрополитом Антонием модернистские веяния и всемирные претензии Константинополя осуждались и сербами. Патриарх Варнава в своем послании Патриарху Фотию осудил его позицию по Западноевропейской епархии. Под влиянием митрополита Антония Сербский Первосвятытель отказался и от участия в запланированном «Соборе», если на нем не будет представлена Российская Церковь и законные последователи Патриарха Тихона²²⁷. Присутствие Сербской Церкви было для Фанара немаловажным. Константинопольская Патриархия пыталась завлечь сербов хотя бы хитростью, как наблюдателей. Но сербы, по остроумному замечанию митрополита Литовского Елевферия, тоже «восточные люди», а потому на хитрость не поддались. У литовского иерарха были сведения, что вслед за Сербской Церковью от какого-либо участия в «Соборе» отказывались болгары и румыны²²⁸.

²²³ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 253. Л. 53.

²²⁴ См.: Турецкое правительство за Патриарха // Возрождение. 1931. № 2116. 19 марта.

²²⁵ См.: Жалованная Патриаршая Грамата Митрополиту Евлогию // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1934. № 1. С. 2.

²²⁶ Митрополит Антоний (Храповицкий). Жизнеописание. Письма к разным лицам. С. 250.

²²⁷ См.: П-в Х. И Сръбската православна църква осужда противоканоничните действия на Цариградския патриарх // Църковен вестник. 1932. № 17. С. 194–195.

²²⁸ См.: Из переписки Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) // Церковь и время. 2001. № 3 (16). С. 295.

Но, несмотря на осуждение Фанара и резкую критику в его адрес, митрополит Антоний и помыслить не мог об объявлении Константинопольского Патриархата лжецерковью. Призыв афонского иеросхимонаха Феодосия не молиться за Патриарха митрополит оценивал как «один шаг от впадения в прелесть» и прямой путь к расколу. «Новый стиль для меня противен не менее Вашего, но еще противнее откол от Православия и его иерархии самолюбивых иноков», — вразумлял ревнителя глава РПЦЗ²²⁹.

Попытку объединиться с митрополитом Евлогием Русская Зарубежная Церковь предприняла в середине 1930-х гг. В марте 1934 г. митрополит Антоний направил письмо митрополиту Евлогию с призывом восстановить общение, причем требований выйти из подчинения Константинополю ему не предъявлялось²³⁰. Митрополит Евлогий ответил теплым письмом, но в Югославию не поехал. Лишь в мае 1934 г., находясь в Берлине, вдали от своих парижских советчиков, западноевропейский экзарх принял приглашение. 15 мая 1934 г. в Сремских Карловцах состоялась встреча митрополитов Антония и Евлогия. Архипастыри слезно попросили друг у друга прощения, хотя окружение митрополита Антония от намеченного сослужения его отговорило. А парижские «друзья» митрополита Евлогия, узнав о событиях в Сремских Карловцах, тут же стали прилагать усилия, чтобы вновь поссорить примирившихся.

Возвратившись в Париж, митрополит Евлогий заявил, что не планирует выходить из юрисдикции Фанара, и потребовал передачи в свое ведение приходов РПЦЗ в Западной Европе. В подобных претензиях не было логики. Настаивать на включении приходов РПЦЗ в свою епархию иерарх мог только при условии своего присоединения к Зарубежной Церкви. Оставаясь же в ведении Константинополя, митрополит Евлогий должен был смириться с тем, что не все русские приходы захотят идти в подчинение грекам, а предпочтут находиться в русской структуре.

Со своей стороны Зарубежный Синод потребовал от митрополита Евлогия покинуть юрисдикцию Вселенского Престола, мотивируя это тем, что он сохраняет общение с обновленцами²³¹. Но митрополит Евлогий к таким ультиматумам оставался глух — по его мнению, подчинение Константинопольскому Патриарху давало ему стабильный канонический статус, в то время как Русская Зарубежная Церковь предоставить таковой ему не могла. Архиерейский Собор 1934 г. снял прещения с митрополита Евлогия во многом под давлением короля Югославии Александра и Сербского Патриарха Варнавы²³². Но административное единство по-прежнему было недостижимо.

²²⁹ Митрополит Антоний (Храповицкий). Жизнеописание. Письма к разным лицам. С. 209, 250.

²³⁰ См.: *Православный мирянин*. Кто положил начало церковному примирению // *Православная Русь*. 1935. № 22. С. 3.

²³¹ См.: *Антоний, митр.* [Письмо] Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему митрополиту Евлогию // *Церковный вестник Западно-Европейской епархии*. 1934. № 8. С. 4–5.

²³² См.: *Косик В.* Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 2000. С. 214.

Митрополит Евлогий, всего десять лет назад порицавший Константинопольских Патриархов как нарушителей канонов и захватчиков, теперь заговорил по-другому, недвусмысленно проводя идею об особом статусе Фанара и его высших правах. «Вселенский Патриарх... — писал орган Западноевропейского экзархата в начале 1935 г., — Отец Православия, Первоиерарх всей Церкви Христовой Православной по всему миру сушей»²³³. Возвеличивание Вселенского Престола доводило до оправдания как его нарушений, так и его преступлений. Если Русская Зарубежная Церковь категорически осудила факт молитвенного общения Фанара с красными обновленцами, то в Западноевропейском экзархате этот факт прямо оправдывали. Один из авторов «Церковного вестника» Ю. Колемин вообще пытался переложить вину с Фанара на Зарубежную Церковь, якобы не имеющую «вселенско-церковного сознания» и подверженную личным страстям и национализму. Некоторые мысли Колемина были попросту скандальны. Так, по его мнению, Константинополь имеет право решать, кто прав — Московский Патриархат или обновленцы. Но поскольку московская церковная власть не обратилась к Константинополю за апелляционным судом, то Вселенский Престол имел право вступить с обновленцами в общение. «Не мы ему судьи, и если уже на то пошло, то скорее он нам судья», — патетически восклицал представитель Западноевропейского экзархата²³⁴. Не отставал и его духовный лидер. Митрополит Евлогий прямо заявлял о необходимости подчинения Константинополю всех зарубежных русских приходов до падения коммунистической власти в России²³⁵.

У Зарубежного Синода подобной экзальтации в отношении Фанара не было. Во-первых, общение Вселенского Престола с обновленцами РПЦЗ по-прежнему считала каноническим преступлением. Во-вторых, Зарубежная Церковь действовала с разрешения Сербской Церкви, которая является такой же полноправной, как и Константинопольская. В-третьих, РПЦЗ считала себя частью Всероссийской Церкви, лишь временно отделенной от нее. Таким образом, в признании со стороны Фанара нужды не было. К этому нужно прибавить и модернистские устремления Константинополя. Архиепископ Харбинский Мефодий в связи с этим писал, что Вселенский Патриарх является «церковным большевиком», дышащим духом «Живой церкви». Вывод архиепископа был однозначен — признание или непризнание со стороны Константинопольского Патриарха для РПЦЗ ничего не значит²³⁶.

²³³ Митрополит Антоний о правах Вселенского Патриарха // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1935. № 1–2. С. 10.

²³⁴ Колемин Ю. Архиерейский Собор в Сремских Карловцах и зарубежный церковный раздор // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1934. № 2. С. 17–18.

²³⁵ См.: Митрополит Антоний о правах Вселенского Патриарха // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1935. № 1–2. С. 10.

²³⁶ См.: Мефодий (Герасимов), архиеп. По поводу признания Московской Церковной властью советской власти. Харбин, 1929. С. 49

Следующий 1935 год показал, что административное единство РПЦЗ и Западноевропейского экзархата является неосуществимой мечтой. Митрополит Евлогий всеми способами подчеркивал свою зависимость от Вселенского Престола. Уже 27 января 1935 г. митрополит и его викарии рукоположили во епископа Херсонесского архимандрита Иоанна (Леончукова)²³⁷. Хиротония была совершена с благословения Константинопольского Патриарха без уведомления Зарубежного Синода²³⁸. Летом того же года митрополит Евлогий писал митрополиту Антонию, что только Константинополь может дать русскому православному зарубежью твердый канонический фундамент. Русская Зарубежная Церковь, по мысли митрополита Евлогия, должна войти в подчинение Фанара в виде митрополичьих округов²³⁹. Такой план для РПЦЗ был неприемлем и означал для нее развал. Последнюю попытку объединить Русскую Зарубежную Церковь и Западноевропейский экзархат предпринял Сербский Патриарх Варнава. 31 октября 1935 г. под его председательством в Белграде открылось Совещание, в котором приняли участие иерархи русской церковной эмиграции — митрополиты Антоний, Евлогий, Феофил (Пашковский), Анастасий (Грибановский) и епископ Димитрий (Вознесенский).

Митрополит Феофил, с 1934 г. возглавлявший Североамериканскую митрополию, согласился на единство с Русской Зарубежной Церковью, тем более что полномочия его округу были предоставлены самые широкие. Такие же полномочия предполагались и для епархии митрополита Евлогия. Но последний сближаться с РПЦЗ не захотел²⁴⁰.

К единому мнению стороны так и не пришли. Хотя митрополит Евлогий и подписал постановления Совещания, возвращаться в подчинение Зарубежного Синода он не собирался. В конце 1935 г. иерарх писал Патриарху Фотию: «Наши епископы почему-то хотят отторгнуть меня от юрисдикции Вашего Святейшества, но я и моя паства не согласимся на это, ибо в отеческом покровительстве видим единственную крепкую опору своего канонического существования»²⁴¹.

Поддерживавшая митрополита Евлогия пресса указывала на необходимость подчинения Константинополю всей русской церковной эмиграции. 29 октября «Возрождение» опубликовало статью, где «доказывало», будто Зарубежная Церковь изначально признавала права Константинопольской Патриархии на диаспору. В пример приводились события 1921 г., когда митро-

²³⁷ См.: Хиротония во епископа // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1935. № 1—2. С. 2.

²³⁸ См.: Церковное положение в Америке // Церковная жизнь. 1935. № 3. С. 50.

²³⁹ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 12. Л. 67—67 об.

²⁴⁰ См.: Протоколы Совещания под председательством Его Святейшества Святейшего Патриарха Варнавы по вопросу об установлении мира и единства в Русской Православной Церкви Заграницей // Церковная жизнь. 1935. № 11—12. С. 174.

²⁴¹ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М., 1994. С. 588.

полит Антоний просил Константинопольскую Патриархию принять в свое ведение Русскую миссию в Китае. Газета отмечала, что таким же образом РПЦЗ должна отпустить в подчинение Вселенского Престола и митрополита Евлогия²⁴². Отвечая на это, заведующий канцелярией Архиерейского Синода РПЦЗ Ю. П. Граббе указывал, что причиной обращения в Константинопольскую Патриархию в 1921 г. явилось крайне опасное для русского имущества положение. Церковная собственность могла быть изъята большевиками, и миссии необходимо было покровительство, которое в тот момент ВЦУ обеспечить не могло. Другое дело — уход митрополита Евлогия, не обусловленный церковной необходимостью. Потому проведенная «Возрождением» параллель несерьезна²⁴³.

В конце декабря 1935 г. умер Патриарх Фотий II. Его преемнику, Патриарху Вениамину, митрополит Евлогий писал: «Осмеливаюсь принести Вашему Святейшеству... мою усердную мольбу о том, чтобы не лишились мы высокого покровительства Вселенского престола», давшего зарубежным приходам «духовное успокоение и твердую каноническую устойчивость»²⁴⁴.

Тогда же в официальном органе Западноевропейского экзархата появилась интересная статья секретаря экзархата Т. А. Аметистова. Автор статьи настаивал, что права Вселенского Престола на русские приходы должны длиться вплоть до освобождения России от большевиков. Показательно утверждение Аметистова, что единой Церкви на родине не существует, что Российская Церковь разделилась на: 1) последователей митрополита Сергия, 2) последователей «Синодальной иерархии» (так возвышенно Аметистов именовал обновленческий раскол), 3) на «иные группировки» (это уничижительное название автор статьи относил, по-видимому, к григорианам и противникам сергиевской «Декларации», то есть к правой оппозиции).

По словам Аметистова, Вселенский Престол стремится к примирению всех враждующих групп и к их слиянию в единую Церковь. А пока соединение не произошло, Константинополь старается никого не осуждать и никого не одобрять. В довершение ко всему автор статьи высказался, что *все* русские иерархи, то есть и Московская Патриархия, и правая оппозиция, и обновленцы, будут подлежать церковному суду, результат которого будет зависеть от того, чему они способствовали — миру или разделению. По-видимому, в роли главных «судей» Аметистов видел греков. Статья заканчивалась слезливо. Константинопольские Патриархи сравнивались со Христом, изображались невинными страдальцами и великими благодетелями Русской Церкви. Естественно, автор статьи забыл упомянуть о предательских действиях Фанара в отношении Па-

²⁴² См.: Возрождение. 1935. № 3800. 29 окт.

²⁴³ См.: Граббе Ю. От Синодальной канцелярии // Церковная жизнь. 1935. № 11–12. С. 181–182.

²⁴⁴ Приветствие Митрополита Евлогия новоизбранному Вселенскому Патриарху Вениамину // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1936. № 2. С. 3–4.

триарха Тихона и о елейных поздравлениях обновленцам — «братьям» и «служителям» Вениамину (Муратовскому) и Виталию (Введенскому)²⁴⁵.

В июле 1936 г. митрополит Евлогий окончательно отверг возможность объединения с Русской Зарубежной Церковью. 23 января 1937 г. Патриарх Вениамин одобрил это решение, заявив, что каноничность русскому зарубежью может дать только подчинение Вселенскому Престолу²⁴⁶.

Экзархат остался в ведении Фанара. В Западной Европе по-прежнему продолжили параллельное существование приходы и архиереи Русской Зарубежной Церкви и Русского Западноевропейского экзархата Константинопольского Патриархата. В Русской Зарубежной Церкви в связи с этим обсуждался вопрос, можно ли сослужить с представителями экзархата. Несмотря на звучавшие призывы вновь разорвать с митрополитом Евлогием евхаристическое и молитвенное общение, Архиерейский Собор 1938 г. все же не пошел на такие меры.

Но, войдя в подчинение Вселенской Патриархии, митрополит Евлогий отстранил себя от главного дела русской эмиграции — хранить в изгнании идею Святой Руси. На Второй Всезарубежный Собор в 1938 г. представители Западноевропейского экзархата приглашены не были.

Русская Зарубежная Церковь продолжала считать себя частью Всероссийской Церкви. И отношения зарубежной церковной власти с Константинопольской Патриархией имели свою специфику. В течение 1930-х гг. Зарубежный Синод и Константинопольская Патриархия не обменивались поздравительными посланиями, хотя взаимные поздравления между карловацким центром и другими Церквями (Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской, Сербской, Болгарской, Кипрской, Элладской, Албанской и Синайской) шли постоянно.

Испорченные отношения с Фанаром стали причиной того, что в последующие годы Зарубежный Синод всячески отстаивал права русской канонической территории от его посягательств. Резкий отзыв последовал, например, после подчинения Константинополю Латвийской Церкви. Возглавлявший эту Церковь архиепископ Иоанн (Поммер) поддерживал связь и с Московской Патриархией, и с Зарубежным Синодом. Святитель был избран в сейм, где успешно отстаивал права православного населения. Давать какие-либо обязательства большевистскому режиму архипастырь отказывался, ибо обещать лояльность сразу двум государствам (Латвии и Советскому Союзу) невозможно. В своем письме митрополиту Литовскому Елевферию 2 ноября 1927 г. архиепископ Иоанн писал: «Двуподданство карается законом <...> Все-таки Вы, как верный гражданин Литвы, не можете наперед и на все случаи обещать благорасположе-

²⁴⁵ См.: Т. А. Вселенский Престол и русские церковные разделения // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1936. № 3. С. 3–5.

²⁴⁶ См.: Грамота Святейшего Вселенского Патриарха Вениамина // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1937. № 1–2. С. 1–2.

ние к СССР. Вы свои отношения к СССР должны координировать с отношениями к нему Литов[ской] республики»²⁴⁷. Возразить на эти слова было трудно.

Деятельность архипастыря мешала многим. В ночь с 11 на 12 октября 1934 г. архиепископ Иоанн завершил свою жизнь мученической кончиной — неизвестные злоумышленники сожгли его на пригородной даче. Убийство священномученика открыло путь к подчинению Латвийской Церкви Фанару, тем более что на этом настаивало правительство Латвии. В марте 1936 г. для выборов нового митрополита в Ригу прибыл представитель Вселенского Престола митрополит Фиатирский Герман. Список из трех кандидатов в митрополиты был отправлен на утверждение Константинопольскому Патриарху Вениамину. 11 марта митрополитом был избран протоиерей Августин Петерсон, служивший в Даугавпилсском гарнизоне. Он был пострижен в рясофор без изменения имени, 29 марта рукоположен во епископа и возведен в сан митрополита. Хиротонию возглавил митрополит Герман. В Томосе Константинопольской Патриархии говорилось, что Латвийская Церковь принимается в ведение Константинополя по причине нарушения ее связей с Российской Церковью. При этом в документе не говорилось ни о Матери-Церкви Российской, ни о том, что Латвийская Церковь может вернуться в ее подчинение после падения коммунистической власти. Излагая эти события, «Церковная жизнь» охарактеризовала их как очередной захват чужой канонической территории²⁴⁸.

²⁴⁷ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 250. Л. 103.

²⁴⁸ См.: Латвийская митрополия // Церковная жизнь. 1936. № 4–5. С. 78–79.

Глава 4

Курс на Фанар. Константинопольская Патриархия и Русский экзархат в Западной Европе в послевоенные годы

В начале 1930-х гг., переходя в ведение Константинопольского Патриарха, митрополит Евлогий объяснял свои действия невозможностью нормального общения с Матерью Российской Церковью и указывал на временность своего подчинения Вселенскому Престолу. Церковь в Отечестве при жизни митрополита Евлогия свободы так и не получила, но иерарх, вдохновленный победами Красной армии и избранием Патриарха, уверовал, что время воссоединения с Московской Патриархией настало. Свою роль здесь, несомненно, сыграла просоветская пресса, усердствовавшая во Франции и призывавшая эмигрантов возвращаться на родину. По словам современника тех событий, казалось, что такие газеты отличались от фашистских лишь тем, что имя Гитлера в них заменялось на имя Сталина²⁴⁹. Митрополит Евлогий был одним из немногих, кто этой пропаганде поверил. В 1944 г. он стал контактировать с советским посольством в Париже, а затем вступил в переписку с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Алексием (Симанским). В июле 1945 г. митрополит Евлогий ввел поминовение Патриарха Московского Алексия I вместе с именем Вселенского Патриарха. Правда, примерно половина приходов поминать главу Русской Церкви отказалась²⁵⁰.

Месяц спустя Францию посетил делегат Московской Патриархии — митрополит Николай (Ярушевич). Одной из задач посланника было присоединение приходов русского Западноевропейского экзархата. Хотя предварительная договоренность с митрополитом Евлогием была достигнута, задача была не из простых — не все русские приходы во Франции стремились под омофор Патриарха Алексия. К пребыванию под властью Константинополя эти приходы при-

²⁴⁹ См.: Ковалевский Е. Из дневников: сентябрь 1944 года — август 1946 г. / Публ. Н. Г. Росса // Церковь и время. 2007. № 1 (38). С. 149.

²⁵⁰ Войтченко К. Письмо патр. Алексию 1946 г. // Архив ОВЦС. Д. «Русская Православная Церковь Заграницей». Папка «1946». Ч. 2. Л. 132.

выкли, а переход в Московский Патриархат большинством рассматривался как подчинение коммунистическому государству.

Во время своих встреч с прихожанами, в беседах и проповедях митрополит Николай был вынужден пользоваться теми же методами, какими пользовался тогда советский режим. Главным из них была пропаганда, как правило замешанная на явном обмане. Московский посланник говорил об отсутствии гонений, о десятках тысяч открытых храмов, об издаваемых православных журналах и т.д. Правда, советские уши вылезали всюду. Иеромонах Серафим (Родионов), перестаравшись и, видимо, желая угодить митрополиту Николаю, затянул многолетие «Державе Советской», что вызвало удивление и чувство неловкости даже у самих приезжих²⁵¹. Самого митрополита Николая во время выступлений неоднократно ловили на лжи, вследствие чего количество желающих возвращаться под власть Москвы уменьшалось на глазах. Прохладное отношение большинства эмигрантов к московской церковной власти подтвердило пастырское собрание 29 августа 1945 г. Странники Константинополя настаивали, что смена юрисдикции лишит их привычной свободы, тем более что Церковь в Отечестве и сама фактически поработана. Странники Москвы вразумительно ответить на это не могли. Как правило, эти люди принадлежали к «Союзу советских патриотов» и свои восторги по поводу Московской Патриархии перемежали с пафосными возгласами в защиту советского строя. Протоиерей Константин Замбрицкий из Клиши свел свои доводы к следующему: «После великих и славных побед доблестной красной армии все сомнения отпали! <...> Как можно не верить родине победительнице!»²⁵²

Понятно, что единство, основанное на подобных «аргументах», не могло быть прочным, тем более что из 80 участников собрания за безоговорочное подчинение Москве выступило менее 10 человек. Однако митрополит Евлогий закрывал глаза на очевидное. Уверенный в чудесном превращении людоедского государства в новую Российскую империю, митрополит Евлогий не хотел слушать никаких возражений и настойчиво требовал присоединения к Московской Патриархии. Священник Евграф Ковалевский записал в своем дневнике: «Никогда я не слышал такой бессвязной и в то же время не соответствующей моменту беседы. Тут были анекдоты о старушках, плач и умиление от встречи с советской девушкой, которая сохранила за 20 лет девство, но и призыв все бросить и ехать туда, так как только там — работа. Самое скверное, что Владыка чернил наше зарубежное дело, говоря о полной денационализации, которой не существует, о переходе молодежи в католичество, что — настоящая ложь, и т.д. Для чего это? Впечатление очень тяжелое и смутное. “Примите нас, бедных родственников, к себе”, — вот его вывод». Когда стало понятно, что по-

²⁵¹ См.: Ковалевский. Из дневников... С. 168.

²⁵² Запись пастырского собрания 29/VIII. 1945. С. 8 // Архив ОВЦС. Дело «Русская Православная Церковь Заграницей». Папка «1946». Ч. 2. Л. 40–41.

давляющее большинство собравшихся присоединиться к Московской Патриархии не хочет, митрополит Евлогий «обиженно-упрямым голосом» сказал, что в Церкви все вопросы решает не паства, а епископ, тем более что переговоры почти закончены. Последнее заявление вызвало немалое удивление — о переговорах все услышали впервые²⁵³.

В тот же день поздно вечером в покоях митрополита в присутствии только самых близких лиц митрополит Евлогий написал письмо Патриарху Алексию I с просьбой о принятии в Московский Патриархат. Там же был написан акт о воссоединении митрополитом Николаем по «общепринятому церковному чину» митрополита Евлогия и двух его викариев — архиепископа Владимира (Тихоницкого) и епископа Иоанна (Леончукова). В документе имелось указание, что достигнута устная договоренность о воссоединении со Вселенским Патриархом Вениамином²⁵⁴.

2 сентября в Александро-Невском соборе митрополит Николай сослужил с митрополитом Евлогием, митрополитом Серафимом (Лукьяновым), принятым из РПЦЗ, епископом Иоанном (Леончуковым) и сонмом духовенства. Непосвященному человеку могло показаться, что объединение состоялось. Более искушенные в церковной политике прихожане так не считали. Странностей во время богослужения было немало. Во-первых, никакой объединительный документ перед богослужением зачитан не был, во-вторых, во время проповеди митрополит Николай также ни слова не сказал о подписанном три дня назад документе, а расплывчато призывал соединиться с родиной и приглашал иерархов посетить Россию²⁵⁵. В довершение ко всему на литургии поминались два Патриарха — Константинопольский и Московский²⁵⁶.

Такие странности на самом деле понятны. Митрополит Николай прекрасно понимал, что подавляющее большинство русских эмигрантов в Московский Патриархат не стремилось. Кроме того, в подписанном 29 августа акте не говорилось о выходе русского экзархата из юрисдикции Вселенского Престола. В условиях такой неопределенности и даже недоброжелательности со стороны прихожан митрополит Николай предпочел попросту скрыть от народа подписанный документ. Ситуация сложилась неопределенная. Большинство клириков и прихожан экзархата по-прежнему считали себя пребывающими в лоне Константинопольского Престола, в то время как в Москве были убеждены, что разделение с митрополитом Евлогием благополучно завершилось.

²⁵³ См.: *Ковалевский*. Из дневников... С. 170, 171, 173.

²⁵⁴ См.: Ответ Высокопреосвященнейшего Архиепископа Владимира Патриарху Алексию // *Церковный вестник Западно-Европейской епархии*. 1946. № 3. С. 2; Текст документов см.: *Соловьев И.* Дни примирения // *Церковно-исторический вестник*. 1999. № 4–5. С. 237.

²⁵⁵ *Соловьев И.* Дни примирения. С. 238.

²⁵⁶ Осведомление епархиального управления 6.09.1946 г. // Архив ОВЦС. Дело «Русская Православная Церковь Заграницей». Папка «1946». Ч. 2. Л. 613.

7 сентября Священный Синод Московского Патриархата постановил принять 75 приходов митрополита Евлогия. 11 сентября был издан указ Московской Патриархии № 1171. В соответствии с ним Западноевропейский экзархат сохранялся, но считался теперь в ведении Патриарха Московского²⁵⁷. Правда, все это было лишь на бумаге. Посетивший Францию в 1946 г. архиепископ Фотий (Топиро) констатировал, что объединение имеет лишь внешние формы²⁵⁸. Проводить свои идеи в жизнь у престарелого митрополита Евлогия не было сил. Он почти не служил, а значит, не мог и проповедовать. Административными делами он также не занимался — эту обязанность он давно возложил на архиепископа Владимира, который к объединению с Москвой относился скептически.

Против подчинения Московской Патриархии высказывалось и большинство членов Епархиального совета. Стоило митрополиту Евлогию обратиться в Константинопольскую Патриархию с просьбой отпустить его в московскую юрисдикцию, как его окружение тут же писало Вселенскому Патриарху свои письма, где умоляло не торопить события. Среди таких тайных, но активных оппозиционеров были архимандриты Савва (Шимкевич) и Киприан (Керн), протопресвитер Г. Ломако, протоиерей В. Зеньковский и А. В. Карташев²⁵⁹.

Поскольку отпускная грамота из Константинополя не приходила, митрополит Евлогий продолжал поминать на богослужениях на первом месте Патриарха Вселенского, на втором — Патриарха Московского²⁶⁰. Самого митрополита Евлогия в его кафедральном соборе поминали на службах как «Экзарха Патриархов Вселенского и Московского»²⁶¹.

Фанар, затягивая предоставление митрополиту Евлогию отпускной грамоты, довольно оперативно направлял ему другие распоряжения. Например, в феврале 1946 г. Патриарх Максим подтвердил необходимость поминовения на богослужениях Вселенского Патриарха. Будто не зная о договоренностях между Московской Патриархией и митрополитом Евлогием, Константинополь продолжал именовать его экзархом только Вселенского Патриарха²⁶². Ярким

²⁵⁷ См.: Выписка из журнала № 23 заседания Священного Синода от 7 сентября 1945 г. // Журнал Московской Патриархии. 1945. № 9. С. 13; *Соловьев*. Дни примирения. С. 238.

²⁵⁸ *Фотий (Топиро), архиеп.* Доклад по командировке во Францию с 10 августа по 25 октября 1946 г. // Архив ОВЦС. Дело «Русская Православная Церковь Заграницей». Папка «1946». Ч. 2. Л. 69.

²⁵⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 104. Л. 26, 43.

²⁶⁰ *Фотий (Топиро), архиеп.* Доклад по командировке во Францию с 10 августа по 25 октября 1946 г. Л. 69; См.: Чрезвычайное Епархиальное Собрание Русских Православных Церквей экзархата Вселенского Патриарха в Западной Европе // Церковный вестник Западно-европейской епархии. 1946. № 2. С. 10.

²⁶¹ *Серафим (Лукьянов), митр.* Письмо патр. Алексею 14.03.1946 // Архив ОВЦС. Дело «Русская Православная Церковь Заграницей». Папка «1946». Ч. 1. Л. 8 об. — 9.

²⁶² См.: Чрезвычайное Епархиальное Собрание Русских Православных Церквей экзархата Вселенского Патриарха в Западной Европе. С. 10.

свидетельством ненадежности московско-парижского единства стала хиротония архимандрита Никона (Греве) во епископа Сергиевского, состоявшаяся 24 февраля 1946 г. в Александро-Невском соборе. Было непонятно, в чем подчинении будет находиться новый архиерей, и русские парижане строили догадки, кому именно он будет присягать. Архиепископ Владимир (Тихоницкий) до последнего момента отказывался обсуждать этот вопрос, который на самом деле тайно уже был решен. Читая исповедание веры, архимандрит Никон пропустил пункт о повиновении Патриарху Алексию. Сама хиротония только усилила недоумение. Ее возглавлял митрополит Евлогий, но по немощи всю службу он просидел в кресле. К престолу его подводили лишь дважды — во время самого рукоположения и во время причастия. В таинстве приняли также участие архиепископ Владимир (Тихоницкий), епископы Сергей (Королев) и Иоанн (Леончуков). Из слова митрополита Евлогия новопоставленному архиерею нельзя было понять, в чем подчинении он находится. Было не совсем ясно даже, на какую кафедру он назначен. Из проповеди митрополита следовало, что титул новому архиерею дан по месту пребывания мощей преподобного Сергия Радонежского, то есть по Троице-Сергиевой лавре. Такой титул подразумевал бесспорное подчинение епископа Никона Московской Патриархии. Но сам епископ Никон утверждал, что получил титул по Сергиевскому подворью в Париже. В таком случае подчиненность Москве была призрачной²⁶³.

Сторонники Константинополя тем временем вели свою игру, убеждая прихожан, что Вселенский Престол предоставляет свободу, не вмешиваясь во внутреннюю жизнь Экзархата. Один из наиболее активных приверженцев Фанара протоиерей Николай Сахаров обращал внимание, что Экзархат живет по правилам Московского Собора 1917–1918 гг., клир и миряне участвуют в церковной жизни и управлении. Внутренняя жизнь Русской Церкви иная. Собор 1945 г. создал церковное устройство, которое противоречит духу соборности, причем на всех уровнях. Где гарантия, что советские формы церковности не будут перенесены во Францию?²⁶⁴ Подобные опасения подтверждались действиями московской церковной власти, которая стала решать дела Экзархата, не согласовывая их с митрополитом Евлогием. Среди таких шагов можно назвать назначение в Париж в помощь митрополиту «человека Москвы» — архиепископа Фотия (Топиро), перемещение викария Западноευропейского экзархата архиепископа Сергия (Королева) из Праги в Вену, предоставление ставропигии Свято-Фотиевскому братству и Институту святого Дионисия²⁶⁵.

Растущее недовольство Московской Патриархией подогревалось ужасом перед коммунистическим режимом. С согласия французского руководства по

²⁶³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 104. Л. 42–43; *Серафим (Лукьянов), митр.* Письмо патр. Алексию 14.03.1946. Л. 8 об.

²⁶⁴ См.: Чрезвычайное Епархиальное Собрание Русских Православных Церквей экзархата Вселенского Патриарха в Западной Европе. С. 11.

²⁶⁵ См.: «Автономия» // Церковный вестник Западноευропейской епархии. 1946. № 3. С. 12.

стране разъезжали офицеры НКВД, забиравшие в организованные на территории Франции концлагеря русских эмигрантов. Самым большим и зловещим стал лагерь Боригар, ворота которого были украшены огромным портретом Сталина. Хотя подразумевалось, что репатриировать будут лишь тех, кто сотрудничал с немцами, на деле это могло коснуться любого русского. Несчастных тысячами вывозили в Советский Союз навстречу печальной участи. Французские военные и полиция не могли проникнуть на территорию лагерей, а действия сотрудников НКВД, в том числе явные похищения, оставались безнаказанными. Попытка министра внутренних дел Франции объявить протест привела к его увольнению коалиционным правительством, в которое входили коммунисты. По словам Н. Д. Толстого, попытка коммунистического путча во Франции в тот момент казалась вполне реальной, тем более что сведения о финансировании французских коммунистов из Советского Союза также имели место²⁶⁶. В соседней Бельгии русские эмигранты на улицах вообще остерегались говорить по-русски, чтобы не быть схваченными агентами НКВД²⁶⁷.

Ненависть эмигрантов к советскому режиму переносилась и на Московскую Патриархию, тем более что сторонники объединения с ней практически единодушно восторгались коммунистическим строем и прославляли его вождей. «Взвинченные ликования политического нецерковного меньшинства и столь же нецерковной партийной прессы вводили в заблуждение... — писал архиепископ Владимир (Тихоницкий) Патриарху Алексию I. — Весь деликатный опыт церковного сближения быстро смешался с начавшимся опытом советизации эмиграции»²⁶⁸.

Эта восторженность выражалась в поддержке всех действий советской администрации. Например, митрополит Евлогий повелел служить благодарственные молебны по поводу указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г. «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции». Провидение распорядилось, что последней службой в жизни митрополита Евлогия, на которой он смог физически присутствовать, был как раз такой просоветский молебен, который был вынужден служить архиепископ Владимир.

Вся эта экзальтация сопутствовала явной лжи со стороны советской пропагандистской машины. Архиепископу Александру (Немоловскому) газета «Советский патриот» приписала слова, будто гонений на Церковь в России никогда не было. Возмущение архиепископа, который ничего подобного не гово-

²⁶⁶ См.: *Келин Н.* Казачья исповедь; *Толстой Н.* Жертвы Ялты. М., 1996. С. 430–434.

²⁶⁷ См.: *Калустов Л.* Воспоминания о приюте Анастасии Андреевны Кузьминой-Караваевой // *Русское Православие в Бельгии: В 2 т.* М.; Брюссель, 2013. Т. 2. С. 185.

²⁶⁸ Ответ Высокопреосвященнейшего Архиепископа Владимира Патриарху Алексию // *Церковный вестник Западно-Европейской епархии.* 1946. № 3. С. 4.

рил, результатов не дало — опровержение опубликовано не было²⁶⁹. Та же газета «Советский патриот» заявляла, что приходские собрания выступают за соединение с Московской Патриархией. Правда, выяснялось, что, например, в Тулузе, Марселе и Бельфоре это были не приходские собрания, а собрания местных отделений маргинальных «советских патриотов», к церковной жизни не имевших никакого отношения²⁷⁰.

Ситуация осложнялась тем, что русская эмиграция во Франции раскололась по принципу политическому — на французских и советских подданных. Последние были в явном меньшинстве (не более 10 %²⁷¹), в то время как основная часть эмигрантов с коммунистической властью никаких дел иметь не хотела. Отсюда вытекало и отношение к Московской Патриархии. Вопрос «Московский Патриархат или Константинополь?» фактически был сведен к вопросу «за советский режим или против него?». Связь между советской администрацией и Московской Патриархией вела к тому, что антикоммунистические выступления эмигрантов били и по авторитету московской церковной власти. Московская Патриархия очень скоро стала восприниматься как служанка и союзница безбожного государства.

Ее действия рождали противодействие более или менее скрытое. В адрес экзархата шли письма от прихожан, требовавших прекратить агитацию со стороны просоветских священников²⁷². Возмущенные советской пропагандой настоятели приходов принципиально отказывались поминать на службах Патриарха Алексия²⁷³. Ближайшее окружение митрополита Евлогия действовало не столь прямолинейно, но не менее враждебно. Это выражалось прежде всего в том, что на отказ приходов поминать московское священноначалие епархиальный совет смотрел более чем снисходительно.

Второе лицо в экзархате, архиепископ Владимир (Тихоницкий), прямо не высказывался против Московской Патриархии, но своими действиями подтверждал свое недовольство ее политикой. Архипастырь не скрывал и своей антикоммунистической позиции. К указу о советском гражданстве он отнесся резко отрицательно и в письме Патриарху Алексию указал, что после появления этого документа оставаться в подчинении Московской Патриархии было «не только затруднительным, но и предосудительным»²⁷⁴.

²⁶⁹ См.: *Драшусова М.* К 100-летию храма святителя Николая Чудотворца в Брюсселе // Русское Православие в Бельгии. Т. 2. С. 147.

²⁷⁰ См.: *Верховский С.* Епархиальное Собрание // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1946. № 3. С. 7.

²⁷¹ См.: *Ковалевский.* Из дневников... С. 191.

²⁷² Ответ Высокопреосвященнейшего Архиепископа Владимира Патриарху Алексию // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1946. № 3. С. 4.

²⁷³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 104. Л. 30, 42.

²⁷⁴ См.: Ответ Высокопреосвященнейшего Архиепископа Владимира Патриарху Алексию // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1946. № 3. С. 4.

Было известно, что архиепископ Владимир отказался участвовать в торжественном собрании памяти Патриарха Сергия 14 мая 1946 г. и уехал в Ниццу. Тогда же он отказался вывесить в своем соборе пасхальное послание Патриарха Алексия²⁷⁵. Архимандрит Савва (Шимкевич), отправленный митрополитом Евлогием на собрание «Русских патриотов» в честь указа о советском гражданстве, на мероприятие не явился²⁷⁶. Подобную тактику использовал и епархиальный совет. Когда митрополит поручил ему распорядиться о благодарственных молебнах по поводу указа о советском гражданстве, то епархиальный совет издал этот указ с формулировкой, что молебны можно служить по желанию. В итоге во многих храмах молебны не служились²⁷⁷.

Против Москвы работало и отсутствие во Франции авторитетного представителя Московской Патриархии. Митрополит Евлогий был слишком немощен, а перешедший из РПЦЗ митрополит Серафим (Лукиянов) популярностью не пользовался — все помнили его неприкрытую поддержку Германии в годы войны и давнюю вражду с экзархатом.

8 августа 1946 г. не стало митрополита Евлогия. Говорили, что он сам в последние месяцы жизни остыл к идее воссоединения с Москвой²⁷⁸. Недостаток документальных свидетельств дополнялся фразами и оговорками покойного митрополита. Архиепископ Владимир, например, ссылаясь на сказанные им слова: «Ах, я, кажется, поторопился»²⁷⁹. Действительно ли это было глубокое разочарование или всего лишь мимолетная эмоция, мы уже никогда не узнаем, но главное, что при жизни митрополита формальная связь между экзархатом и Москвой все же сохранялась. Со смертью старца прервалась и эта призрачная нить. У одра уходящего в вечность архипастыря епархиальный совет рассматривал разные сценарии дальнейшей судьбы экзархата. Больше всего пугало, что Москва может назначить в Париж своего человека. Поэтому, не дожидаясь распоряжений из советской столицы, совет избрал экзархом архиепископа Владимира. Этот иерарх устраивал паству, к тому же имелось завещание митрополита Евлогия, видевшего своим преемником именно его²⁸⁰.

Отсутствие отпускной грамоты от Константинополя было для архиепископа Владимира серьезным аргументом для неподчинения Москве. Епархиальный совет теперь представлял дело так, будто Московская Патриархия неза-

²⁷⁵ *Алексий, патр.* Письмо архиеп. Владимиру 29.11.1946 // Архив ОВЦС. Дело «Русская Православная Церковь Заграницей». Папка «1946». Ч. 2. Л. 128.

²⁷⁶ Краткая история возникновения раскола в Западно-Европейском Экзархате после смерти митрополита Евлогия // Там же. Л. 3 об.

²⁷⁷ *Войтченко К.* Письмо патр. Алексию 1946 г. // Там же. Л. 135.

²⁷⁸ См.: *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 616, 618.

²⁷⁹ *Зосима (Валяев), архим.* Сообщение о Епархиальном Собрании Западно-Европейского экзархата. 20.10.1946 // Архив Русской духовной миссии в Св. Земле (РДМ). Дело без номера.

²⁸⁰ См.: Ответ Высокопреосвященнейшего Архиепископа Владимира Патриарху Алексию // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1946. № 3. С. 2.

конно вмешивается в дела экзархата, хотя он находится в ведении другой Поместной Церкви.

Курс на Фанар был поддержан и подавляющим большинством преподавателей Свято-Сергиевского института — А. В. Карташевым, архимандритом Киприаном (Керном), протоиереем В. В. Зеньковским, Л. А. Зандером. Единственным сторонником Московской Патриархии оказался иеромонах Николай (Еремин), не имевший должного авторитета²⁸¹. Поддержали размежевание с Москвой епископы Иоанн (Леончуков) и Никон (Греве). На отделение от Московской Патриархии были готовы и другие западноевропейские иерархи — архиепископы Александр (Немоловский) и Сергей (Королев). Московский ОВЦС пытался воздействовать на епископат, но убедил остаться в ведении Московской Патриархии только архиепископов Александра и Сергея²⁸².

У Кремля, выпускавшего ситуацию из-под контроля, в тот момент еще оставался шанс удержать Западноевропейский экзархат. Для этого нужно было согласиться с избранием архиепископа Владимира. Но в Москве предпочли решить проблему «кавалерийским наскоком» — проигнорировать решение парижского совета, назначить экзархом своего человека и, не дожидаясь ответа из Вселенской Патриархии, включить Западноевропейский экзархат в свою юрисдикцию. По-видимому, в Москве считали, что эмигранты смирятся с такими решениями. Применялся и излюбленный чекистский способ решения проблемы — архиепископ Владимир стал получать анонимные письма с угрозами. Авторы писем намекали архипастырю, что он может разделить судьбу генерала А. П. Кутепова, похищенного и убитого большевиками в 1930 г.²⁸³

9 августа московский Священный Синод заявил о прекращении юрисдикции Константинополя над Западноевропейским экзархатом и назначил экзархом митрополита Серафима (Лукьянова). Бывшие приходы РПЦЗ, подчиненные митрополиту Серафиму, должны были влиться в состав экзархата. К сожалению, в Москве, привыкшей к командным методам, не учитывали, что способов давления на эмиграцию у московского священноначалия не было.

Постановление 9 августа окончательно перечеркивало возможность примирения. Выход экзархата из ведения Москвы становился неминуемым. 14 августа указ был вручен архиепископу Владимиру, но тот заявил, что принять его к исполнению сможет лишь после решения Вселенского Патриарха. Что касается подчинения экзархата Москве в 1945—1946 гг., то такое положение архипастырь назвал условным. Действия митрополита Евлогия архиепископ Влади-

²⁸¹ *Фотий (Топиро), архиеп.* Доклад по командировке во Францию с 10 августа по 25 октября 1946 г. // Архив ОВЦС. Дело «Русская Православная Церковь Заграницей». Папка «1946». Ч. 2. Л. 70, 74, 75.

²⁸² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 140. Л. 76; *Фотий (Топиро), архиеп.* Письмо Патр. Алексию 28.08.1946 г. // Архив ОВЦС. Дело «Русская Зарубежная Церковь». Папка «1946». Ч. 2. Л. 24—24 об.

²⁸³ См.: Митрополит Владимир. Святитель-молитвенник. 1873—1959. С. 107.

мир расценил как ошибку и нарушение принципа соборности²⁸⁴. Архиепископа поддержала и его паства. Сторону иерарха заняли и многие из ранее колебавшихся — уж слишком неподходящей фигурой казался митрополит Серафим (Лукиянов). Назначение последнего главой экзархата было вредным не только с церковной точки зрения, но и с точки зрения политической — французы не забыли, с каким восторгом он когда-то отзывался о Гитлере. Поэтому естественно, что Франция в этом церковном конфликте поддержала сторонников Константинополя. Вселенский Патриарх Максим со своей стороны заявил, что выбор юрисдикции предоставляется на усмотрение каждого клирика. Экзархат ради отмежевания от Московской Патриархии был даже готов идти Фанару на уступки и соглашался на снижение своего статуса. Не исключался вариант, что экзархат превратится в «русскую епархию» в ведении митрополита Фиатирского Германа²⁸⁵. В случае отказа Вселенского Престола принять экзархат архиепископ Владимир и его паства были готовы войти в состав Русской Зарубежной Церкви.

16–20 октября 1946 г. состоялось собрание Западноевропейской епархии. В нем участвовало три архиерея, 54 священнослужителя и 68 мирян. Поскольку результат его был предreshен, сторонники Московской Патриархии на мероприятие не были допущены. Архиепископ Владимир объяснял это тем, что на собрании могут присутствовать только те, кто после 9 августа не прервал отношений с Вселенской Патриархией²⁸⁶. Приверженцам Константинополя помогли и французские государственные органы. Так, проживавший в Бельгии архиепископ Александр (Немоловский), вставший на сторону Московской Патриархии, получил французскую визу с опозданием и приехать не смог²⁸⁷.

Собрание постановило обратиться к Константинопольскому Патриарху с просьбой восстановить положение экзархата, существовавшее до 1945 г. Архиепископ Владимир, оставшийся в воспоминаниях современников как человек святой жизни, отказывался от должности экзарха. Но члены собрания, ссылаясь на постановление Московского Собора 1917–1918 гг., давшего право избирать архиереев, все же выдвинули на пост экзарха именно его²⁸⁸. Письмо не допущенных на заседание промосковских священников и мирян было зачитано после принятия всех решений и встречено общим смехом. Собрание завершило свою работу.

²⁸⁴ Ответ Высокопреосвященнейшего Архиепископа Владимира Патриарху Алексию // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1946. № 3. С. 2, 4.

²⁸⁵ *Зосима (Валяев), архим.* Доклад митрополиту Анастасию 30.09.1946 // Архив Архиерейского Синода РПЦЗ (далее Архив АС). Дело 53/38 («Евлогияне»). К. 1.

²⁸⁶ См.: Ответ Высокопреосвященнейшего Архиепископа Владимира Патриарху Алексию // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1946. № 3. С. 2.

²⁸⁷ *Зосима (Валяев), архим.* Сообщение о Епархиальном Собрании Западно-Европейского экзархата. 20.10.1946 // Архив РДМ. Дело без номера.

²⁸⁸ Там же.

Фанар, чьи отношения с Москвой становились все более натянутыми, не отказал русскому экзархату. В скором времени архиепископ Владимир получил от митрополита Фиатирского Германа устное подтверждение, что Вселенский Престол дал положительный ответ на обращение парижского собрания. В Московской Патриархии, по-видимому, цеплялись за последнюю надежду, рассчитывая, что Константинополь примет русских эмигрантов во Франции не в качестве экзархата, а в качестве епархии или даже викариатства. Действительно, в течение нескольких месяцев во Франции ходили слухи, что архиепископ Владимир будет не экзархом, а всего лишь викарием митрополита Германа. Москве такое решение было бы очень выгодно, ведь во Франции тогда оказался бы только один русский экзархат — Московской Патриархии. Не был уверен в своем будущем статусе и архиепископ Владимир²⁸⁹.

Но слухи о «русском викариатстве» оказались ложными. 6 марта 1947 г. Патриарх Максим назначил архиепископа Владимира своим экзархом²⁹⁰, а 8 июля того же года возвел его в сан митрополита. В последующие годы митрополит Владимир не скрывал своего желания объединиться с Русской Церковью, когда она получит свободу. Епархиальное собрание, состоявшееся под его председательством в октябре 1949 г., заявило: «Благословен день, когда все мы сможем вернуться в освобожденную Родину и приобщиться родной Церкви»²⁹¹. Однако подчинение Вселенскому Патриарху в тот момент казалось более надежным. Понятно, что пребывание в его ведении принуждало русский Западноевропейский экзархат к оправданию претензий Фанара, каноничны они были, или нет. На Епархиальном Собрании 1946 г. прямо проводилась мысль, что пребывание русских зарубежных приходов в подчинении Константинопольского Престола — единственный законный путь²⁹².

На этот раз экзархат наслаждался покоем в течение 18 лет. Но далее ситуация изменилась. Причиной стало тяжелое положение Фанара в середине 1960-х гг.

Со стороны Москвы в адрес Константинопольской Патриархии в те годы стали звучать настойчивые просьбы отказаться от русского Западноевропейского экзархата. Фанар сопротивляться этому давлению не мог: бороться с Москвой в тот момент было непросто. Несмотря на советскую атеистическую политику, Московская Патриархия в 1960-е гг. резко усилила международную деятельность. На руку Кремлю было и положение других Поместных Церквей. Часть из них (Сербская, Болгарская, Румынская, Польская, Чехословацкая)

²⁸⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 104. Л. 42–43.

²⁹⁰ Грамата Вселенского патриарха Максима // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1947. № 6. С. 1–3.

²⁹¹ Послание Епархиального Собрания // Церковный вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата. 1949. № 21. С. 3; Резолюции по докладу о каноническом положении Православной Церкви в Западной Европе // Там же. С. 21.

²⁹² Доклад С. С. Верховского о каноническом положении экзархата // Церковный вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата. 1949. № 21. С. 8–20.

оказались на территории социалистических стран, а значит, под влиянием СССР. Часть Церквей (Константинопольская, Александрийская, Антиохийская, Иерусалимская) находилась на территории нехристианских государств, испытывая подчас серьезные трудности.

Особенно тяжелым было положение Константинопольской Патриархии. В период греко-турецкого конфликта из-за Кипра антигреческие настроения в Турции достигли своего апогея. 7 апреля 1965 г. президент Турции Кемаль Гюрсель заявил, что «патриархия со дня своего основания находится на незаконном пути, и она выполняет отнюдь не религиозную миссию». Другие государственные лидеры высказывались более определенно. «Патриархия будет выдворена, если интересы Турции этого потребуют», «Фанарская патриархия создает ситуацию более опасную, чем Кипр», «Выставить патриархию за пределы наших границ в 24 часа, не консультируясь ни с кем», «Начиная с этого часа ни один грек не должен находиться в нашей стране», — такие высказывания из уст высших турецких чиновников звучали постоянно²⁹³. Подобные заявления распространялись и должным образом комментировались турецкой прессой. Константинопольская Патриархия не могла опереться и на Грецию — отношения с ней у Фанара были крайне натянутыми. Материальное положение Константинопольской Патриархии было и вовсе плачевным. Неудивительно, что Патриарху Афинагору, занявшему кафедру в 1948 г., было не до дипломатической игры с Москвой. К тому же в Константинополе считали, что русский Западноевропейский экзархат утратил свое значение и находится в состоянии «вымирания». Фанар решил пойти на уступки. Летом 1965 г. Патриарх Афинагор заявил епископу Западноевропейского экзархата Мефодию (Кульману), что посвящать архиереев для этой структуры больше не будет. Епископ Мефодий сообщил эту печальную весть главе экзархата архиепископу Георгию (Тарасову), который предпочел скрыть эту информацию. Однако самое неприятное было впереди. 22 ноября 1965 г. Вселенская Патриархия исключила экзархат из своего ведения. В своей грамоте Патриарх Афинагор посоветовал русским западноевропейским приходам обратиться к Патриарху Алексию I для устроения канонического статуса. 3 декабря Патриарх Афинагор и сам сообщил об упразднении экзархата Московскому Патриарху.

Решение Фанара Московская Патриархия восприняла как свою дипломатическую победу. Однако торжествовать было рано — экзархат возвращаться в подчинение Русской Церкви не спешил. Обсуждались разные варианты, вплоть до присоединения к РПЦЗ или Североамериканской митрополии, однако их канонический статус был признан сомнительным. Подчинение Московской Патриархии считалось наихудшим вариантом. Оставался один путь — независимость. 30 декабря 1965 г. таковая была провозглашена. Архиепископ Георгий

²⁹³ Васильева О. Русская Православная Церковь и II Ватиканский Собор. М., 2004. С. 337–338.

заявил, что Экзархат был основан не Вселенским Престолом, а лишь принят им в 1931 г. Поэтому возвращение русских западноевропейских приходов в состояние до 1931 г. представляется логичным и законным²⁹⁴.

В феврале 1966 г. Епархиальное собрание Западноевропейского экзархата почти единогласно постановило переименовать экзархат в архиепископию Франции и Западной Европы и русских западноевропейских церквей рассеяния²⁹⁵. Самостоятельность архиепископии продолжалась чуть больше пяти лет. За это время жизнь Константинополя постепенно вошла в норму, а действия Московской Патриархии, предоставившей автокефалию Православной Церкви в Америке, подтолкнули Фанар к отказу от сделанных когда-то уступок. 22 января 1971 г. Константинопольская Патриархия вернула себе русский Западно-европейский экзархат в качестве «Архиепископии русских православных приходов в Западной Европе», что снизило его статус. После смерти архиепископа Георгия (Тарасова) в 1981 г. его место занял епископ Георгий (Вагнер), в том же году возведенный в сан архиепископа. Иерарх управлял архиепископией до смерти в 1993 г.

Положение изменилось после избрания в мае 1993 г. нового главы архиепископии — архимандрита Сергия (Коновалова). Глубоко переживая трагедию разделения с Московским Патриархатом, иерарх поставил своей целью восстановление общения с ним. Еще одной целью архипастыря стало возвращение архиепископии статуса экзархата, что подразумевало его широкую автономию от Константинополя. Своих целей архиепископ Сергей добился. В 1995 г. по его инициативе было восстановлено литургическое общение с Московским Патриархатом. В 1999 г. Константинополь повысил статус архиепископии до экзархата²⁹⁶. Архиепископ Сергей постоянно контактировал с Московским Патриархатом, а в 2000 г. принял участие в Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Церкви в качестве гостя. Хотя отношения между архиепископом Сергием и Русской Церковью не были гладкими (они, например, были подпорчены принятием в ведение Московской Патриархии римского прихода протоиерея Михаила Осоргина), в целом курс на сближение был ощутим. Смерть архиепископа Сергия 22 января 2003 г. изменила ситуацию — шансов, что его преемник будет ориентироваться на Москву, было немного. Желая сохранить достигнутое, 1 апреля 2003 г. Патриарх Алексей II выступил с инициативой создания в Западной Европе единой церковной структуры на основе русских юрисдикций. Однако при новом главе экзархата архиепископе Гаврииле (де Вельдере) († 2013) подобные предложения не встречали понимания, а требования приходов обсудить эту инициативу экзархом игнорировались.

²⁹⁴ Гуревич А. Опыт создания временной самостоятельной архиепископии Православной Церкви Франции и Западной Европы: уроки истории // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования. М., 2008. Вып. 2. С. 135–139, 142–143.

²⁹⁵ Там же. С. 145–146.

²⁹⁶ Попов А. Российское православное зарубежье. М., 2005. С. 269.

Антимосковский курс экзарха стал проявляться и в других его поступках: не владеющий русским языком архиепископ не понимал проблем разделения диаспоры и постарался дистанцироваться от Москвы. Так, в экзархате стали меняться благочинные – сторонники сближения с Русской Церковью удалялись, на их место ставились приверженцы Константинополя. По такому принципу обновилась Совет и Правление Экзархата, начался постепенный отказ от всего, что было сделано архиепископом Сергием (Коноваловым). Дошло до того, что клирикам экзархата стали порой напрямую запрещать сослужение с представителями Московского Патриархата.

Постепенная ассимиляция русских эмигрантов вела к тому, что церковно-славянский язык богослужения на ряде приходов стал уступать место французскому. Эта тенденция намеренно углублялась архиепископом Гавриилом, который стал назначать на русские по преимуществу приходы священников, не владеющих русским и церковно-славянским языками. Кое-где появились и модернистские черты – переход на новый календарь, признание необязательности исповеди перед причастием и др.²⁹⁷

В ведении Вселенского Престола экзархат находится до сих пор, все более ассимилируясь и теряя свой русский характер. Хотя эмиграция из России, наблюдаемая в 2010-е гг., вновь наполнила многие приходы во Франции русскими людьми и притормозила указанные процессы, тенденции к ассимиляции по-прежнему заметны.

²⁹⁷ Архиепископия. (Справка о состоянии дел Экзархата приходов русской традиции от марта 2005 г.) Архив ОВЦС.

Глава 5

По завету святителя Тихона. Вселенский Престол и Североамериканская митрополия

По сравнению с Зарубежным Синодом и Западноевропейским экзархатом Североамериканская митрополия соприкасалась с Константинополем нечасто. Однако и в ее судьбе Вселенская Патриархия сыграла свою роль

Североамериканская митрополия ушла из ведения Зарубежного Синода в 1926 г. Возглавлявший ее митрополит Платон (Рождественский) был убежден, что Северная Америка имеет неоспоримое право на церковную самостоятельность. Отчасти иерарх был прав — планы создания независимой Американской Церкви обсуждались за 20 лет до трагического разрыва. Еще в 1905 г. архиепископ (впоследствии Патриарх) Тихон выдвинул проект предоставления Североамериканской епархии прав независимой Церкви.

Святитель подходил к этому вопросу с точки зрения практической пользы и считал, что в Церкви могут существовать как национальные, так и территориальные епархии. В 1904 г. в Североамериканской епархии было создано, например, сирийское викариатство, которое возглавлял епископ Бруклинский Рафаил (Ававини). Имелось и сербское благочиние во главе с архимандритом Севастианом (Дабовичем).

«В Северной Америке, — писал архиепископ Тихон, — может образоваться целый экзархат православных национальных Церквей со своими епископами, возглавляемыми экзархом — русским архиепископом. В своей области каждый из них самостоятелен; но дела, общие для всей американской Церкви, решаются соборно под председательством русского архиепископа. <...> Здешней Церкви... должна быть предоставлена бóльшая автономия (автокефальность?), чем другим русским митрополиям». Выступая за национальное деление Североамериканского экзархата, святитель Тихон не отвергал и географический принцип для тех регионов, где таковой был более удобен. Например, такой территориальной епархией должна была стать Аляска. Всего, согласно проекту, в Северной Америке предполагалось основать пять епархий: Нью-Йоркскую, в

подчинении которой будут находиться русские жители США и Канады, Аляскинскую, включающую всех православных жителей Аляски (русских, алеутов, индейцев, эскимосов), Бруклинскую (сирийскую), Чикагскую (сербскую), а также греческую²⁹⁸. Гонения на Российскую Церковь жестоко перечеркнули эти планы. Приходы в Америке оказались вне связи с Москвой и без материальной помощи из России.

Зарубежное ВЦУ в 1921 г. направило в Северную Америку митрополита Платона (Рождественского)²⁹⁹. Спустя год Патриарх Тихон подтвердил это назначение³⁰⁰.

О независимой единой Американской Церкви говорил одно время и Константинопольский Патриарх Мелетий (Метаксакис). Вступая на Престол в январе 1922 г., он вполне определенно заявил: «Я собственными глазами видел большую и наиболее многочисленную из Православных Церквей в рассеянии, и я понял, как бы возвеличилось имя Православия, особенно в великой стране Соединенных Штатов Америки, если бы два миллиона тамошних православных христиан организовались бы в единое церковное тело, как «Американская Православная Церковь»³⁰¹. Однако уже через полтора года идею создания такой Церкви Вселенский Престол перевел на греческие рельсы, организовав в США четыре свои епархии. Действия Фанара, тяжелое положение Российской Церкви, а также претензии на Америку советских обновленцев привели к тому, что представители диаспор (румыны, сербы, сирийцы, болгары, албанцы) стали организовывать независимые епархии, подчиненные своим национальным Церквам.

На этом крайне неблагоприятном для Православной Церкви фоне митрополит Платон приступил к созданию новой автокефальной структуры. В апреле 1924 г. Собор в Детройте объявил Североамериканскую епархию «самоуправляющейся Церковью»³⁰², что, во-первых, привело к потере ею церковной недвижимости, которую американский суд передал обновленцам, а во-вторых, к конфликту с основной частью русской диаспоры, подчинявшейся Зарубежному Синоду. Последний расценил действия митрополита как грубое попрание канонов, вследствие чего в 1926 г. отношения между РПЦЗ и митрополитом

²⁹⁸ См.: Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. М., 2004. Ч. 1. С. 582.

²⁹⁹ См.: Русская Православная Церковь в Северной Америке. Историческая справка. Нью-Йорк, 1954 (на обложке указан 1955). С. 25.

³⁰⁰ См.: Переписка Святителя Тихона Патриарха Всероссийского и митрополита Евлогия (Георгиевского). 1921–1922 / Публ. Н. Ю. Лазаревой // Ученые записки российского Православного университета ап. Иоанна Богослова. 2000. Вып. 6. С. 96, 101; Следственное дело Патриарха Тихона. С. 401.

³⁰¹ *Зутис В.* Эллинизм в Америке. Нью-Йорк, 1954. С. 147. Цит. по: *Ириней, митр.* Послание Его Святейшеству Святейшему Афинагору // Русско-американский православный вестник. 1967. № 2. С. 219.

³⁰² Русская Православная Церковь в Северной Америке. С. 13–14.

Платоном были разорваны. Параллельно с Североамериканским округом митрополита Платона в Северной Америке начала действовать епархия Русской Зарубежной Церкви, возглавляемая епископом (затем архиепископом) Аполлинарием (Кошевым).

Неудачные судебные тяжбы не охладили горячие головы сторонников автокефалии. 2 февраля 1927 г. митрополит Платон создал «Святую Восточную Православную Кафолическую и Апостольскую Церковь в Северной Америке»³⁰³, которую возглавил один из его викариев архиепископ Евфимий (Офейш). Проект возражений не встретил — под документом о создании новой структуры поставили подписи митрополит Платон и пятеро его викариев³⁰⁴. Каноничность данного образования была крайне сомнительна и внесла еще большую путаницу в русские церковные дела. Теперь в Америке в управлении митрополита Платона оказались и Североамериканская митрополия (или округ), и некий «Священный Синод» под председательством архиепископа Евфимия. При этом обе структуры включали одних и тех же архиереев. Тем не менее 19 декабря 1927 г. этот «Священный Синод» разослал уведомления Поместным Церквям о создании новой независимой Церкви.

По всей видимости, если бы независимая Американская Церковь была создана по благословию Московского Патриарха, со стороны Константинополя это бы не вызвало громких протестов. Однако самочинный характер создания новой структуры дал Фанару отличный шанс нанести удар по самой идее американской автокефалии. 1 декабря 1928 г. Патриарх Василий III издал послание, где новая «Церковь» отвергалась, причем отвергалась именно как «русская». «Конституция упомянутой Церкви, — заявил Патриарх Василий, — всецело незаконна. Следовательно, Мать Св[ятая] Церковь отвергает эту новую Русскую Церковь». Решение было поддержано Синодом Элладской Церкви, 7 марта 1929 г. издавшим послание о неканоничности евфимиевского «Синода»³⁰⁵.

Митрополит Платон, не желая осложнений с православным Востоком, поспешил откреститься от нового проекта, будто бы созданного без его участия. Почти все архиереи, подписавшие «конституцию» об образовании новой Церкви, объявили себя жертвами «арабской провокации» и свои подписи отозвали. Вину за неудачную авантюру американские иерархи возложили на архиепископа Евфимия. Некоторое время он еще пребывал в единстве с митрополитом Платоном, однако сдаваться не спешил, продолжая именовать себя и немногочисленных приверженцев «Американской Православной Католической Церковью» (АПКЦ). Вскоре он объявил неканоничным и самого митрополита Платона³⁰⁶. Запрещение, наложенное на архиепископа Евфимия и рукополо-

³⁰³ Русская Православная Церковь в Северной Америке. С. 33.

³⁰⁴ См.: *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония. Т. 7. С. 397.

³⁰⁵ См.: Русская Православная Церковь в Северной Америке. С. 36–38.

³⁰⁶ См.: Там же. С. 42.

женного им епископа Софрония (Бишару), как водится, было проигнорировано. В 1931 г. число АПКЦ пополнилось за счет бывших униатских приходов протоиерея Иосифа Жука, рукоположенного во «епископа Нью-Йоркского». Затем последовали и другие архиерейские «хиротонии». «Архиереями» новой церковной организации стали Игнатий (Николс) и Хризостом (Море-Морено). Однако деятельность АПКЦ быстро склонилась к закату. В 1933 г. Евфимий (Офейш) вступил в брак и был лишен сана Антиохийской Церковью и Московской Патриархией³⁰⁷. Факт лишения сана мало что изменил в его жизни — Офейш продолжал считать себя архиереем и до самой смерти (1971) окормлял горстку своих адептов. В своем завещании он попросил хоронить его без траурных церемоний и участия православного духовенства. Сын Евфимия Офейша Павел перешел в протестантизм и впоследствии стал главой одной из пресвитерианских общин. Путем Евфимия последовал и Игнатий (Николс), вступивший в брак и заявивший о своем единстве с советскими обновленцами. Софроний (Бишара) и Хризостом (Море-Морено), утратив былой миссионерский задор, фактически отошли от дел. Приходы умершего в 1934 г. Иосифа Жука были приняты в ведение Константинопольской Патриархии³⁰⁸. Так печально окончилась попытка митрополита Платона создать независимую и вненациональную Православную Церковь в Америке. Эта история, безусловно, серьезно дискредитировала идею «русской» автокефалии на континенте и открыла Фанару широкий путь для насаждения здесь собственных структур.

И все же Североамериканский округ митрополита Платона выстоял, и в последующие годы его отношения с Вселенским Престолом были относительно равными. В 1935 г. при преемнике митрополита Платона митрополите Феофиле (Пашковском) Североамериканский округ вошел в общение с РПЦЗ и формально подчинился Архиерейскому Синоду в Сремских Карловцах. Положение изменила Вторая мировая война. Контакты с Европой сошли на нет, а слухи о возрождении Русской Церкви в Отечестве привлекли в лагерь сторонников Москвы многих клириков Североамериканской митрополии. Митрополита Сергия (Страгородского), в 1943 г. ставшего Патриархом, часть североамериканских архиереев поминала как своего главу. Кульминацией единства стал Кливлендский Собор 1946 г., постановивший выйти из подчинения Зарубежного Синода и примириться с Московской Патриархией. Казалось, до полного единства всего один шаг.

Однако оптимисты торжествовали преждевременно — предъявленные Москвой требования (контроль архиерейских хиротоний и отказ от антисоветских выступлений) для православных американцев были неприемлемы³⁰⁹. Что каса-

³⁰⁷ Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы. С. 202–203.

³⁰⁸ См.: Бочков П., *свящ.* История «Американской Православной Католической Церкви». От миссии к расколу и регрессу // Труды Перервинской Православной духовной семинарии. № 12. М., 2015. С. 42–44.

³⁰⁹ Подробнее см.: Кострюков. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг. С. 140–141.

ется выборов главы Североамериканской митрополии, то их Московская Патриархия, по сути, предлагала превратить в формальность наподобие трагикомических советских «выборов». Одного кандидата в Североамериканские митрополиты, в соответствии с «хитроумным» московским проектом, должен был избрать Американский Собор, двух других назначал сам Патриарх, который затем сам же должен был выбрать из этих трех кандидатов одного³¹⁰. Неудивительно, что Североамериканская митрополия переговоры поспешила свернуть и с 1947 г. пребывала вне чьей-либо юрисдикции.

Новый этап ее истории наступил в 1950–1960-е гг., когда вопрос об американской автокефалии снова вышел на первый план.

Неопределенное каноническое состояние, конечно, создавало для Североамериканского округа дискомфорт, тем более что поведение Московской Патриархии было иной раз крайне недипломатичным. Сохранилось свидетельство, что глава ОВЦС митрополит Никодим (Ротов) в 1961 г. прямо сказал главе митрополии митрополиту Леонтию (Туркевичу), что считает его структуру раскольничьей³¹¹. Не изменилась ситуация и после избрания в 1965 г. следующего главы митрополии — митрополита Иринея (Бекиша).

В 1960-е гг. американское духовенство пыталось наладить отношения с Московской Патриархией, но тщетно. Во многом неудача объяснялась тем, что автономия в рамках Русской Церкви православных американцев не устраивала — во время встречи с митрополитом Никодимом протоиерей Александр Шмеман прямо и твердо сказал: «Мы рассчитываем на большее»³¹², имея в виду автокефалию. Не скрывал стремления к независимости и митрополит Иринея. 3 января 1968 г. он писал Патриарху Алексию I, что возвращение Американской Церкви в подчинение Московской Патриархии невозможно. Главной причиной митрополит называл социальный строй в России, резко отличающийся от американского. По словам иерарха, коммунистам в Америке не доверяют, а потому никогда не будут доверять и Американской Церкви, если она подчинится Москве. «Об этом свидетельствуют, — писал митрополит, — прискорбные события, имевшие недавно место в Румынской, Болгарской и Сербской епархиях в Америке: попытки восстановить прямую каноническую связь с Матерями-Церквами окончились расколом и недопустимым церковным беспорядком». По мнению митрополита Иринея, возглавляемая им Церковь имеет право на самостоятельность, как Церковь единого американского народа. По канонам, в каждой области должно быть свое священноначалие, а подчинение священноначалию «за морем» (в данном случае Московской Патриархии) бросит на Американскую Церковь тень как на «чужую» для народа и государства³¹³.

³¹⁰ См.: // Церковный вестник Западноевропейской епархии. 1946. № 3. С. 12.

³¹¹ См.: *Скурат*. История Поместных Православных Церквей. Ч. 2. С. 279.

³¹² *Ювеналий, митр.* Человек Церкви. Издание Московской епархии. 1998. С. 179.

³¹³ *Иринея, митр.* Письмо Патр. Алексию 3.01.1967 // Архив ОВЦС. Д. 49 «Русский Заграничный церковный раскол». П. «1968». Л. 8, 9.

Послание осталось без ответа. Митрополит Никодим впоследствии объяснял свое молчание тем, что на письмо пришлось бы отвечать полемически, а по народной мудрости, «худой мир лучше доброй ссоры»³¹⁴.

В Москве были уверены, что диктовать условия примирения должна Русская Церковь. Такое мнение подкреплялось ее внешними успехами на международной церковно-политической арене. Например, Родосское Совещание 1961 г., задуманное как антикоммунистическое, не осудило коммунистический атеизм именно из-за позиции делегации Московской Патриархии. Глава делегации архиепископ Никодим (Ротов) заблокировал даже обсуждение этого вопроса, как имеющего «политический характер». Московская делегация воспрепятствовала также рассмотрению вопросов о миссионерстве, об осуждении масонства, спиритизма и теософии. Эти вопросы митрополит Никодим также посчитал политическими³¹⁵. Еще одной победой Москвы стало исключение из ведения Вселенской Патриархии русского Западноевропейского экзархата 22 ноября 1965 г.

Одерживая внушительные дипломатические победы, Московская Патриархия стала воспринимать себя ведущей силой в мировом православии. Митрополит Никодим с удовлетворением подводил итог своим успехам: «Все наши предложения и инициативы принимаются почти безоговорочно Константинополем не только к сведению, но и исполнению»³¹⁶.

Таким образом, оставалось только спокойно ждать, когда ситуация в Америке сложится благоприятно для Московской Патриархии и Североамериканская митрополия согласится на любые условия, продиктованные в Кремле.

С таким настроением примирение Московской Патриархии и Североамериканской митрополии превращалось в несбыточную мечту. А потому неудивительно, что попытки митрополита Ириней (Бекиша) наладить отношения с Русской Церковью ни к чему не вели. Но у православной Америки оставался в запасе еще козырь — обращение к Вселенскому Престолу. О таком пути в Москве, по-видимому, забыли, а митрополия этот шанс постаралась не упустить.

В январе 1967 г. митрополит Ириней обратился к Вселенскому Патриарху Афинагору и к главам других Поместных Церквей. Архипастырь говорил о стремлении своей структуры к единству с мировым православием через участие в «Постоянной Конференции Православных канонических епископов». Глава Североамериканской митрополии выражал надежду, что вся Православная Церковь поддержит и благословит молодое американское православие³¹⁷. Дальнейшая судьба митрополии в этот момент зависела от Вселенской Патриархии.

³¹⁴ *Никодим, митр.* Резолюция на письме прот. И. Мейендорфа от 3.01.1968 // Там же. Л. 2.

³¹⁵ Подробнее см.: *Кострюков.* Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг. С. 285–286.

³¹⁶ *Никодим, митр.* Американская православная митрополия // Архив ОВЦС. Д. 49 «Русский Заграничный церковный раскол». П. «1969». Л. 12.

³¹⁷ Русско-Американский Православный вестник. 1967. № 2. С. 21.

Константинополь никогда не считал Североамериканскую митрополию расколом, но вел себя неопределенно, то одаривая ее надеждами, то отдаляя от себя. В мае 1966 г. Патриарха Афинагора посетил представитель Северной Америки протоиерей Александр Шмеман. Патриарх посоветовал клирику, а через него и всей Североамериканской митрополии обратиться в Московский Патриархат³¹⁸. При этом сослужения представителей митрополии с клириками Константинопольской Церкви не были редкостью. Так, 6 мая 1967 г. был рукоположен во епископа клирик Североамериканского округа архимандрит Феодосий (Лазор). С благословения Вселенской Патриархии в хиротонии приняли участие два константинопольских архиерея — епископ Амфипольский Сила (Коккинакис) и епископ Левкийский Марк (Липа)³¹⁹. Участие этих иерархов в хиротонии вызвало протест Московской Патриархии³²⁰, вследствие чего Патриарх Афинагор был вынужден заявить, что проблему Североамериканской митрополии должен решать Московский Патриархат. В том же 1967 г. Константинополь предписал главе греческой архиепископии в Америке архиепископу Иакову (Кукузису) воздержаться от евхаристического общения с Североамериканской митрополией. Последняя расценила эти действия как подталкивание в сторону Москвы³²¹.

Однако действия Патриарха Афинагора не означали, что он отказался от своих планов подчинить себе всю православную Америку. С конца 1960-х гг. Вселенская Патриархия стала восстанавливать свои позиции. В 1968 г. греки приняли резолюцию за объединение разрозненных православных структур в Америке под началом Константинополя. В сентябре 1968 г. об этом сообщил в Москву клирик Североамериканской митрополии протоиерей Иоанн Мейендорф. «Конвенция греческой архиепископии (в Афинах), — говорилось в письме, — приняла официальную резолюцию в пользу объединения Американского Православия под автономным Синодом, находящимся в К[онстантино]п[ольск]ой юрисдикции. Они с нами заигрывают, и... нам невозможно им давать отпор, пока, кроме них, у нас нет друзей»³²². Такая же информация была и у митрополита Никодима, который констатировал, что Фанар планирует собрать все структуры, находящиеся в Америке, в единую Всеамериканскую Церковь³²³. Эта информация заставила Московскую Патриархию срочно заняться американским вопросом.

Было еще одно важное основание для скорейшего решения проблемы. Дело в том, что в сложной североамериканской игре имелся еще один игрок, правда

³¹⁸ Orthodox America 1794–1976. Development of the Orthodox Church in America. N.Y., 1975. С. 263.

³¹⁹ См.: Ювеналий, митр. Человек Церкви. С. 181.

³²⁰ Журнал Московской Патриархии. 1967. № 2. С. 3.

³²¹ См.: Ювеналий, митр. Человек Церкви. С. 179–181.

³²² Мейендорф И., прот. Письмо от 22.09.1968 // Архив ОВЦС. Д. 49 «Русский Заграничный церковный раскол». П. «1968». Л. 14.

³²³ См.: Никодим, митр. Американская православная митрополия. Л. 13.

очень слабый. Речь идет об экзархате Московского Патриархата в Северной Америке, чьи приходы для московской церковной власти являлись постоянной головной болью. Несмотря на громкое название, экзархат был ничтожен и в сравнении с Североамериканской митрополией, и в сравнении с североамериканскими епархиями Русской Зарубежной Церкви. Положение патриарших приходов в Америке было плачевным изначально, то есть с 1930-х гг. В середине 1940-х гг. количество этих приходов в Америке едва достигало 25, причем почти все общины были малолюдны, в то время как большие приходы фактически не подчинялись Московской Патриархии. В 1947 г. вина за такое положение дел была возложена на митрополита Вениамина (Федченкова)³²⁴, хотя и при его преемниках ситуация существенно не менялась. Вскоре подоспело и хрущевское гонение, сыгравшее в нашей истории хотя и косвенную, но заметную роль.

Хрущевская антицерковная политика была ознаменована не только массовым закрытием храмов и монастырей, но и резким увеличением налогов. С конца 1950-х гг. Московская Патриархия уже не могла помогать своему американскому экзархату, чьи приходы и без того влачили нищенское существование. По свидетельству протоиерея Стефана Ляшевского (в то время клирика московского Экзархата в Америке), курс на упразднение своего Экзархата Московская Патриархия взяла еще в 1958 г. В 1963 г. было принято решение финансировать эти приходы за счет общин, что вызвало большое недовольство прихожан и проходило с большим трудом. Патриарший экзарх Америки митрополит Иоанн (Вендланд) высказывался за избавление Московской Патриархии от «американского груза» путем передачи всех храмов Американской Церкви, которая рано или поздно получит законный статус³²⁵.

О тяжелой ситуации на приходах Московской Патриархии в Америке свидетельствовал в конце 1960-х гг. и митрополит Никодим. «В настоящее время, — писал он, — Экзархат состоит из немногим более чем 30 приходов, большинство из которых малочисленные и слабые. Есть приходы, где число прихожан не превышает 20 человек. Даже в таком городе, как Чикаго, где очень много русских людей, приход, состоящий из нескольких десятков семей, может давать священнику только 150 дол. в месяц. Это мизерная сумма даже для одинокого священника». Митрополит писал, что очень небольшое число церквей в состоянии содержать своего священника. Но обычно такие приходы (например, в Пассайке) держали себя независимо по отношению к московской церковной власти.

³²⁴ Подробнее см.: Л. Н. Парийский о церковной ситуации в Америке в середине 1940-х гг. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 6 (49). С. 65–118.

³²⁵ Ляшевский С., *прот.* Копия письма неизвестному лицу // Архив Свято-Троицкой духовной семинарии. Фонд «Ляшевский». К. 1. П. 14.

Ситуация осложнялась кадровым кризисом. Московской Патриархии не доверяли ни православные американцы, ни русские эмигранты. А потому возможности выбрать ставленников для архиерейских и даже священнических хиротоний у руководства экзархата просто не было. Митрополит Никодим отмечал низкий образовательный уровень духовенства Московской Патриархии в Америке, резко контрастировавшего с римо-католическим и протестантским клиром. Единственный образованный священнослужитель протоиерей Фотий Донахью, по словам митрополита Никодима, имел «подмоченную репутацию морального и канонического характера». Высказывания митрополита были резкими: «Если посмотреть сейчас на духовенство нашего Экзархата в США, то это или бизнесмены... или шизофреники, рукоположенные митрополитом Иоанном [Вендландом], или люди с подмоченной репутацией, иногда нередко совершенно очевидные авантюристы». Уровень московского клира в Америке, по оценке митрополита Никодима, во всех отношениях был столь низким, что мог сравниться лишь с уровнем украинских самосвятов-липковцев. По мнению главы ОВЦС, духовенство экзархата дискредитировало Московскую Патриархию, а средства, выделявшиеся патриархийным приходам из Москвы, не приносили пользы.

Вывод главы ОВЦС был однозначным: в дальнейшем существовании московского Экзархата в Америке нет смысла. Для связей с ООН и для экуменических контактов достаточно иметь представительство в Нью-Йорке при Никольском соборе, где можно держать какое угодно количество клириков. Это представительство не будет загружено мелочными приходскими заботами, зато сможет сосредоточиться на вопросах политических. «Упразднение Экзархата не только не снизит нашу активность в США, но, наоборот, может ее повысить», — писал иерарх.

Таким образом, митрополит Никодим был готов передать американские приходы Московской Патриархии Североамериканской митрополии, то есть создаваемой Американской Церкви.

В Москве реально взглянули на ситуацию и были вынуждены признать, что Североамериканская митрополия потеряна для Русской Церкви навсегда. Надежды контролировать американское православие больше не было. При этом было понятно, что Североамериканская митрополия все равно получит канонический статус — если не от Москвы, то от Константинополя. Последний вариант после многочисленных стамбульских авантур в Москве считали вполне вероятным. Митрополит Никодим считал, что нельзя допустить, чтобы Американская Церковь получила канонический статус от Вселенского Престола. Получение этого статуса от греков (например, в качестве автономной митрополии наподобие Западноевропейского экзархата) отдалило бы Американскую Церковь от Москвы еще больше и означало бы, что шанс влиять на новую Поместную Церковь будет потерян. Наоборот, предоставление автокефалии Московским Патриархатом могло сделать Американскую Церковь союзницей с возможностью некоторого влияния на нее.

Автокефальный статус будущей Американской Церкви московских церковных дипломатов тоже не пугал. В Патриархии отлично понимали, что независимость их детища будет признана далеко не всеми Поместными Церквями, но чем меньше будет таких Церквей, тем больше будет привязана Американская Церковь к московской Церкви-Матери.

Сам митрополит Никодим был уверен, что предоставление автокефалии Американской Церкви укрепит позиции Москвы по сравнению с Константинополем. Такой шанс глава ОВЦС упускать не хотел. Иерарх был уверен, что Вселенская Патриархия смирится с американской автокефалией, так как в последние годы Константинополь был заинтересован в хороших отношениях с Русской Церковью. Глава ОВЦС напоминал, что Константинополь не имеет права претендовать на Америку, так как русские первыми принесли туда православие, а греки незаконно вторглись на чужую каноническую территорию. «Юридически и исторически, — настаивал митрополит Никодим, — Московский Патриархат имеет все права совершить этот акт, т. к. более 150 лет тому назад Русская Православная Церковь образовала свою епархию, которая до 1922 г. включала в себя все православное население Северной Америки всех национальностей»³²⁶.

Во время встреч с представителями Североамериканской митрополии глава ОВЦС отстаивал это мнение. Когда протоиерей А. Шмеман спросил, как отнесется к американской автокефалии Вселенский Престол, митрополит Никодим ответил, что не видит в этом проблемы. Священник К. Фотиев так передал его слова: «Константинополь будет недоволен автокефалией, но это не беда — а разве Константинополь спрашивал кого-либо, когда он создавал на территории США свою епархию <...> А возможное непризнание нашей автокефалии К[онстантинопольской] П[атриархией] можно будет вынести на межправославное Совещание — по какому праву греки могут не признавать то, что желает даровать своей бывшей епархии Русская Церковь, которая была первой на этом континенте и права которой на Америку до 1922 года никому в голову не приходило оспаривать?»³²⁷.

Убежденный в слабости Фанара, митрополит Никодим был готов к противостоянию. «В плане нашей церковной политики это будет иметь большое и положительное для нас значение... — писал он. — Конфликт между Константинопольским и Московским Патриархатами в настоящее время будет полезен для охлаждения слишком инициативной экуменической и особенно проватиканской деятельности Константинопольского Патриархата». Эта война, по мнению главы ОВЦС, нанесет тяжелый удар по Константинопольскому Патриархату, который получает большинство материальных средств именно из

³²⁶ *Никодим, митр.* Американская православная митрополия. Л. 10–14.

³²⁷ *Фотиев К., свящ.* Отчет о встрече специальной комиссии Митрополии с митрополитом Никодимом 21 января 1969 г. С. 2 // Архив Свято-Троицкой духовной семинарии. Фонд «Маевский». К. 4. П. 1.

Америки. Перехватив инициативу, Московская Патриархия сможет воспрепятствовать появлению в Америке автономной Церкви, подчиненной грекам³²⁸.

Митрополиту Никодиму удалось убедить в своей правоте и Синод, и государственную власть. В 1968 г. на встрече в Упсале протоиерей И. Мейендорф и профессор С. Верховской обсудили с митрополитом Никодимом возможность встречи для переговоров. Митрополит предложил провести негласные собеседования для обсуждения возможных шагов к примирению. После обсуждения вопроса с митрополитом Иринеем 22 сентября 1968 г. протоиерей И. Мейендорф и С. Верховской отправили митрополиту Никодиму письмо, где указывалось место возможной встречи — Женева или Белград. Иерарх согласился встретиться в одном из этих городов в феврале 1969 г., но предложил и более удобный вариант — встретиться в Америке в январе 1969 г.³²⁹ Начало переговорам было положено.

21 января и 3 февраля 1969 г. состоялись встречи представителей Московского Патриархата и Североамериканской митрополии. Официальные переговоры начались в августе 1969 г. (24 и 25 августа в Женеве, 28 ноября в Токио). Наконец, в марте 1970 г. состоялась третья встреча, и 31 марта стороны подписали соглашение. 10 апреля 1970 г. Священный Синод Русской Православной Церкви предоставил автокефалию Североамериканской митрополии как Русской Православной Греко-Кафолической Церкви в Америке. В тот же день Патриархом Алексием I был подписан Томос об автокефалии.

Константинопольский Патриархат и большинство Поместных Церквей не признали законность новой церковной структуры. Тогда же Вселенский Престол стал постепенно возвращать потерянное за предыдущие годы.

³²⁸ *Никодим, митр.* Американская православная митрополия. Л. 14–15.

³²⁹ *Мейендорф И., прот., Верховской С.* Письмо митр. Никодиму от 22.09.1968. Резолюция митр. Никодима // Архив ОВЦС. Д. 49 «Русский Заграничный церковный раскол». П. «1968». Л. 23.

Глава 6

Super omnia veritas!³³⁰ Русская Зарубежная Церковь и Константинополь в годы Второй мировой войны и в послевоенные годы

Вернемся к Русской Зарубежной Церкви.

Пожалуй, напрямую Зарубежный Синод и Фанар пересеклись в годы войны лишь в польском вопросе. В сентябре 1939 г. Польша, раздавленная тяжелым катком германских и советских войск, прекратила существование. Украинские и белорусские области, вошедшие в состав СССР, в церковном отношении были подчинены Московской Патриархии. К местным православным христианам, впервые столкнувшимся с богоборческим режимом, теперь можно было смело применить крылатую фразу Н. С. Лескова: «Жизнь закончилась, началось житие»...

А что с территориями, оккупированными Германией? Их судьба сложилась по-разному. Часть Польши была непосредственно присоединена к Третьему рейху, а местные приходы стали частью Берлинской епархии РПЦЗ. Другая часть Польши была обращена в марионеточное Польское Генерал-губернаторство. Здесь у Польской Церкви был шанс сохраниться.

Глава этой Церкви митрополит Дионисий (Валединский) в конце ноября 1939 г. заявил, что подчиненная ему структура упразднена, и передал власть над православными приходами в генерал-губернаторстве главе Германской епархии РПЦЗ архиепископу Серафиму (Ляде)³³¹. Но у рейха на местное православие были свои планы. Руководство национал-социалистической партии сочло необходимым сохранить независимую Церковь в Генерал-губернаторстве. Партийные планы были обусловлены двумя причинами: во-первых, не допустить усиления Русской Зарубежной Церкви, во-вторых, использовать Польскую Церковь для создания новой независимой структуры — «Украинской

³³⁰ Истина превыше всего (*лат.*).

³³¹ См.: Православная Церковь в Генерал-губернаторстве // Церковная жизнь. 1940. № 9. С. 140; Граббе Г., *прот.* Фантастическая история // Церковная жизнь. 1955. № 1–6. С. 61.

Церкви». Таковая могла пригодиться нацистам после оккупации Украины³³². Гитлеровцы нашли себе союзника в украинской «Церковной раде», созданной явочным порядком в Хельме³³³.

Константинополь в этом споре поддержал сторонников Польской Церкви, став, таким образом, косвенным виновником ее дальнейших авантур. Хотя архиепископ Серафим (Ляде) не претендовал на местные приходы, Фанар обвинил его в попытке их незаконного захвата. Патриарх Вениамин, «забыв» о незаконном предоставлении автокефалии Польской Церкви, теперь «вспомнил» о канонах. 24 февраля 1940 г. Константинопольский Синод заявил, что «считает насильственный захват власти в Польской Православной Церкви актом антиканоническим и признает только одного митрополита Дионисия»³³⁴. Конфликта в связи с этим не случилось — миролюбивый архиепископ Серафим предпочел отступить.

В сентябре 1940 г. польская автокефалия была восстановлена. 23 сентября митрополит Дионисий встретился с генерал-губернатором Г. Франком, который пообещал ему свою поддержку³³⁵. Архиепископу Серафиму (Ляде) было предложено возглавить Холмскую епархию Польской Церкви и войти в состав ее Синода. Однако Русская Зарубежная Церковь, как и прежде считавшая эту структуру незаконной, такого разрешения своему архиерею не дала³³⁶.

Тем временем митрополит Дионисий уже включился в новую аферу. Он вошел в контакт с украинской «Церковной радой» и не только согласился на украинизацию церковнославянского богослужения во всем генерал-губернаторстве, но и сам стал активно участвовать в этом процессе, служа поочередно то по-церковнославянски, то «с вымовой» — галицким произношением церковнославянских слов³³⁷. Митрополит заявлял, что его паства состоит почти исключительно из украинцев и разделил Церковь в генерал-губернаторстве на три национальные епархии: Варшавскую (русско-украинскую), Холмскую (украинскую) и Краковскую (украинскую)³³⁸. То, что на территории последней, куда был рукоположен епископ Палладий (Выдубида-Руденко), украинцев не было и 10 %, иерарха не смущало. Но, несмотря на формальное национальное разделение, церковнославянский язык оказался под запретом не только в «украинских» епархиях, но и в Варшавской. В кафедральном соборе столицы

³³² См.: *Габбе Г., прот.* Фантастическая история. С. 61.

³³³ См.: Православная Церковь в Генерал-губернаторстве // Церковная жизнь. 1940. № 9. С. 139.

³³⁴ Выпады и интриги против Архиепископа Серафима (Ладде) // Хлеб Небесный. 1940. № 5. С. 62.

³³⁵ См.: Православная Церковь в Генерал-губернаторстве. С. 139.

³³⁶ *Серафим (Иванов), архим.* Митрополит Дионисий возвратился к власти // Православная Русь. 1940. № 18–19. С. 8; ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 194. Л. 1.

³³⁷ См.: В Генерал-губернаторстве // Православная Русь. 1940. № 21. С. 8.

³³⁸ См.: Православная Церковь в Генерал-губернаторстве. С. 139.

генерал-губернаторства служили по-украински, а церковно-славянский был разрешен только в пещерной церкви³³⁹.

«Кадры решают все», — сказал незадолго до описываемых событий советский диктатор. Нужны они были и для украинской авантюры. От митрополита Дионисия потребовали рукоположить во епископа профессора филологии Ивана Огиенко, некогда министра просвещения и вероисповеданий Украинской республики, переводчика Священного Писания на украинский язык. Человек образованный, Огиенко отличался при этом полной нецерковностью. Это видно из его предложения заменять фрагменты Писания и богослужений на выражения «более национальные». Например, в молитве святого Симеона Богоприимца он предлагал заменить «и славу людей Твоих Израиля» на «и славу народу Твоего Украинского», в 20-м псалме слово «Царь» — на «народ Украинский», в 101-м псалме «Созидет Господь Сион» на «созидет Господь Украину». Подобные исправления Огиенко предлагал внести и в другие псалмы. В читаемой на повечерии молитве иудейского царя Манассии в словах «Бог Авраама, Исаака и Иакова» Огиенко предлагал убрать имя Авраама³⁴⁰. Чем не угодил незадачливому переводчику именно этот праотец, остается только догадываться.

Митрополит Дионисий, звавший, что собой представляет Огиенко, поначалу отнесся к его хиротонии с гневом и недоумением. «Профессор Огиенко — безбожник, — горячился митрополит, — его надо гнать не только от Церкви, но вообще от всяких дел»³⁴¹. Но Огиенко настолько подходил для предназначенной ему роли, что «Церковная рада» уступить не пожелала. После краткого сопротивления митрополит Дионисий согласился на хиротонию «безбожника» и даже сам постриг его в монашество с именем Иларион.

Архиерейская хиротония архимандрита Илариона состоялась 20 ноября 1940 г. Помимо митрополита Дионисия в ней участвовали епископ Люблинский Тимофей (Шреттер) (Польская Церковь) и, что особенно важно, архиерей Константинопольской Церкви архиепископ Пражский Савватий (Врабец). Иларион был рукоположен во епископа Холмского и Подлясского, причем, как иронизировала «Православная Русь», последнее слово титула по-русски звучало весьма многозначительно. По окончании литургии митрополит Дионисий возвел епископа Илариона в сан архиепископа³⁴². Так был положен первый камень в здание будущего украинского раскола. Вскоре появились и другие «камешки». После вступления германских войск на территорию Украины в 1941 г. к митрополиту Дионисию обратились находившиеся здесь

³³⁹ В Генерал-губернаторстве. С. 8.

³⁴⁰ См.: Православная Церковь в Генерал-губернаторстве. С. 140–141.

³⁴¹ В Генерал-губернаторстве // Церковная жизнь. 1940. № 12. С. 190; Хиротония архимандрита Иллариона Огиенко // Православная Русь. 1940. № 21. С. 8.

³⁴² См.: Хиротония архимандрита Иллариона Огиенко // Православная Русь. 1940. № 21. С. 8.

епископы Поликарп (Сикорский) и Александр (Иноземцев), в свое время также рукоположенные в Польской Церкви. Архиереи просили митрополита благословить создание «Украинской автокефальной церкви». Благословение было получено, несмотря на то что на территории Украины уже действовала автономная Украинская Церковь, подчеркивавшая свою связь с Русской Церковью.

Созданный Польской Церковью автокефалистский раскол Поликарпа (Сикорского) вскоре вступил в «евхаристическое» общение с самосвятами-липковцами, чем низвел себя на их уровень.

После оккупации Югославии Германией в 1941 г. Зарубежный Синод оказался фактически в изоляции. В заседаниях Синода, как правило, принимали участие лишь два архиерея — сам Первоиерарх РПЦЗ митрополит Анастасий (Грибановский) и архиепископ Феофан (Гаврилов). Митрополит Анастасий смог покинуть Югославию лишь в 1943 г., для участия в Венском совещании. Остальное время, вплоть до эвакуации в 1944 г., архипастырь находился в Белграде, не имея возможности контактировать с епархиями и приходами Русской Зарубежной Церкви. Контакты руководства РПЦЗ с Поместными Церквями, кроме Сербской, приняли эпизодический характер. Общение с Вселенским Престолом также свелось к минимуму и выразалось в основном в сослужении клириков РПЦЗ и Западноевропейского экзархата.

Окончание Второй мировой войны было ознаменовано улучшением отношений между Зарубежным Синодом и Вселенским Престолом. На фоне противостояния обеих Церквей с Москвой такое сближение было естественным. Но если для Зарубежной Церкви это противостояние было связано с неприятием советского режима и церковной политики Московской Патриархии, то интрига Константинополя была в другом. К тому времени Фанар постарался забыть, что когда-то поддерживал обновленцев, и теперь заверял московскую церковную власть в любви и единодушии. На самом деле в ход церковной истории уже неумолимо вмешалась «холодная война», и Поместные Церкви против своей воли были втянуты в политическую борьбу. Если сталинское руководство пыталось руками Московской Патриархии усилить свое влияние за границей, то Запад, чьим форпостом стал Фанар, старался этого не допустить.

Разговоры о правах Московского Патриархата в православном мире в тот период были довольно популярны. Экзарх Московской Патриархии в Америке митрополит Вениамин (Федченков), например, сообщил корреспонденту «Франс Суар» (9 апреля 1945 г.), что Председатель Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпов видит Московского Патриарха «православным папой»³⁴³. Сторонником приоритета Московского Патриархата был и Экзарх Болгарской Церкви митрополит Стефан (Шоков): «Меня, — писал экзарх, — начинает раздражать

³⁴³ По поводу «открытого письма» гг. Лосского и Пьянова // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1946. № 3. С. 11.

частое греческое напоминание, что Константинопольская Церковь — мать наших церквей, что мы «дочерние» церкви, и умолчание о том, что эти «дочерние» церкви на протяжении почти тысячелетия щедро расплачивались за эту греческую услугу, материально убажывая и Константинопольский, и другие греческие патриархаты <...> Материнство в церковном управлении совсем не обязательно влечет за собою преимущества чести и тем более преимущества власти. Ближайший пример этому — те же восточные патриархаты: первые три считают своею матерью Иерусалимскую церковь, однако их патриархи поставлены выше Иерусалимского Патриарха. Расхождение с восточными патриархами, конечно, неприятный, печальный факт. Но не надо придавать ему значение большее, чем он заслуживает. Наши паствы безмерно превосходят греческие, наше, а в особенности Ваше, православие чище, одухотвореннее греческого. Мы достаточно сильны, чтобы без помощи греков исправлять и направлять нашу церковную жизнь»³⁴⁴.

Правда, сам Патриарх Алексей I реагировал на такие проекты сдержанно и лично воздерживался от честолюбивых претензий. По всей видимости, руководство Московской Патриархии понимало несбыточность государственных планов, хотя напрямую возразить не смело. Такой вывод можно сделать, например, по письму югославского профессора Радована Казимировича, который в 1946 г. предлагал Патриарху Алексею создать в Москве Всеправославный Синод. Письмо, прочитанное сотрудником Патриархии, испещрено пометками и замечаниями: «глупость», «мальчишество или, наоборот, дряхлость старческая», «увлекается папизмом» и т. д.³⁴⁵.

Именно с такими планами советской администрации и была связана попытка созвать в Москве Всеправославный Собор. Поскольку Русская Зарубежная Церковь осталась для коммунистического государства серьезным препятствием в деле упрочения мирового влияния Московской Патриархии, то в повестку Собора входило и осуждение Зарубежного Синода. В связи с этим Патриарх Алексей попытался заручиться поддержкой Восточных Патриархов и даже получил предварительное согласие на осуждение РПЦЗ со стороны Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского Патриархов³⁴⁶. Однако планам советской администрации не суждено было осуществиться. Для всеправославного решения «карловацкого» вопроса было необходимо участие Константинополя, чья позиция относительно РПЦЗ была иной. Не соглашался Вселенский Престол и с претензиями Московской Патриархии на влияние в православном мире. В противовес московскому Собору Фанар стал готовить

³⁴⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 418. Л. 26, 27.

³⁴⁵ Казимирович Р. Докладная записка Патр. Алексею 20.10.1946 // Архив ОВЦС. Дело «Сербская Православная Церковь». Папка «1946 год».

³⁴⁶ Меморандум об отношении к Русской Зарубежной Церкви 14.06.1945 // Архив ОВЦС. Дело «Русская Зарубежная Церковь». Папка «1945». Л. 34—34 об. (опубл.: Кострюков. Русская Зарубежная Церковь в 1939—1964 гг. С. 373—374).

альтернативное мероприятие, которое в случае необходимости могло осудить резолюции, принятые в Москве³⁴⁷. Вселенская Патриархия обосновывала свою позицию тем, что советская столица не может стать местом проведения Собора из-за несамостоятельности Московской Патриархии. Константинопольский Синод также настаивал, что прерогатива созыва Собора принадлежит только Вселенскому Престолу. Официальный орган Архиерейского Синода РПЦЗ журнал «Церковная жизнь» с удовлетворением передавал слова Патриарха Максима: «Москва послала нам приглашение на “всеправославный собор”, но такой собор должен иметь место там, где его члены свободны от всяких влияний и давлений посторонних элементов, а таковым в настоящее время Москва быть не может»³⁴⁸.

Восточные Церкви в целом — кто раньше, кто позже — предпочли занять сторону Константинополя. Патриарх-грек Максим был ближе и понятнее, чем далекая и фактически безвольная Московская Патриархия, а покровительство Запада представлялось куда более безопасным, чем «помощь» коммунистов, надевших маску друзей Церкви. Тем более что Турция к тому времени вполне определенно стояла на стороне западных держав. В итоге все Восточные Церкви, кроме Антиохийской, отказались участвовать в московском Соборе. По этой причине в Москве решили созвать не Собор, а только Совещание. Понятно, что оно не имело того авторитета, на который рассчитывало коммунистическое государство. Планы создания «Православного Ватикана» и контроля над мировым православием, вынашиваемые советским руководством, так и не осуществились. Не состоялось и осуждение Русской Зарубежной Церкви. Разочарованное в политических возможностях Московской Патриархии, советское руководство с 1948 г. вернулось к привычной для него практике гонений.

Все эти события сгладили противоречия, некогда существовавшие между РПЦЗ и Вселенским Престолом. Начиная с середины 1940-х гг. возобновились праздничные приветствия между Константинополем и Русской Зарубежной Церковью³⁴⁹. В 1946 г. митрополит Анастасий направил поздравление новоизбранному Вселенскому Патриарху Максиму. 8 июля 1946 г. Патриарх адресовал главе Русской Зарубежной Церкви благодарственное послание³⁵⁰.

И все же, несмотря на установившиеся добрые отношения, Русская Зарубежная Церковь не повторяла ошибок 1920-х гг. и уже не закрывала глаза на сомнительные действия Фанара. Прежде всего это касалось его притязаний на православную диаспору. В 1940-е гг. между представителями РПЦЗ и Западно-европейского экзархата развернулись споры относительно ее церковного

³⁴⁷ См.: О Всецерковном съезде в Москве // Церковная жизнь. 1947. № 2. С. 45.

³⁴⁸ Константинополь // Церковная жизнь. 1947. № 2. С. 45.

³⁴⁹ См.: Грамота Вселенского Патриарха // Церковная жизнь. 1947. № 1. С. 1; Грамота Вселенского Патриарха // Церковная жизнь. 1950. № 1–2. С. 1.

³⁵⁰ См.: Письмо Вселенского Патриарха на имя Высокопреосвященнейшего митрополита Анастасия // Церковная летопись. 1946. № 3. С. 2.

устройства. Западноевропейский экзархат, зависевший от Константинополя, вольно или невольно был вынужден играть по его правилам и защищать его политику. Дошло до того, что в экзархате начали напрямую оправдывать неканоническое вмешательство Константинопольской Патриархии в дела Русской Церкви в Прибалтике и Финляндии³⁵¹.

Естественно, сторонники Константинополя, например клирик Западноевропейского экзархата священник Александр Шмеман, а также И. Мейендорф (будущий протопресвитер) выступали и за выгодный для него территориальный принцип церковного устройства. «Принцип территориального или местного управления Церковью, — писал Мейендорф, — ...был настолько очевиден всей древней Церкви, что *explicit* отцы соборов даже не говорят о нем, хотя все каноны его предполагают». Мейендорф ссылаясь прежде всего на правило, что в одной области не может быть двух митрополитов, а в одном городе двух епископов³⁵².

Со своей стороны представители РПЦЗ доказывали, что в древней Церкви существовал и другой принцип — национальный. Умеренным защитником такой идеи был, например, епископ Нафанаил (Львов)³⁵³. Территориальный принцип архипастырь хотя и с оговорками, но допускал. Подчинение Русской митрополии Константинополю в X—XV вв. архипастырь связывал с церковной целесообразностью. Выход из ведения Вселенского Патриарха при митрополите Ионе Московском (1448) епископ Нафанаил объяснял упадком Константинопольской Церкви (Флорентийская уния с римо-католиками, порабощение мусульманами и т. д.), что могло повредить чистоте Православия.

Но возможно ли было подчинение русской диаспоры Вселенскому Престолу в XX веке? Епископ Нафанаил такую возможность допускал, но лишь в том случае, если бы во главе Константинопольской Церкви стояли люди, подобные ее древним столпам — Иоанну Златоусту и Григорию Богослову. Но совершенно неразумно было бы подчиниться Константинополю в 1920—30-е гг., когда эту кафедру занимали люди, бравшиеся с обновленцами и поддерживавшие богоборческую коммунистическую власть. Вхождение в ведение Константинопольского Патриарха привело бы Зарубежную Церковь и к поддержке обновленческого «осуждения» Патриарха Тихона, и к признанию раскола. По мнению епископа Нафанаила, поведение Фанара принципиально не изменилось и в послевоенные годы³⁵⁴.

³⁵¹ См.: Москва и Константинополь // Церковный вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата. 1954. № 1. С. 17.

³⁵² См.: Мейендорф И. Константинополь и Москва // Церковный вестник Западно-Европейского Русского Экзархата. 1949. № 16. С. 8—9; Шмеман А., *свящ.* Церковь и церковное устройство // Церковный вестник Западно-Европейского Русского Экзархата. 1948. № 15. С. 7.

³⁵³ См.: Шмеман А., *свящ.* Спор о Церкви // Церковный вестник Западно-Европейского Русского Экзархата. 1950. № 2 (23). С. 10.

³⁵⁴ См.: Нафанаил, *еп.* О судьбах Русской Церкви Заграницей. Джорданвилль. Свято-Троицкий монастырь. 1949. С. 8—9, 16—17.

Более жестким сторонником национального принципа был протоиерей Георгий Граббе (впоследствии епископ Григорий). Он ссылался, в частности, на 1-е правило Константинопольского Собора, бывшего в храме Премудрости (879). Согласно этому правилу, на территории Константинопольского Патриархата в IX в. были архиереи, священники и миряне, находившиеся в юрисдикции Римского Папы³⁵⁵. Протоиерей Г. Граббе писал, что главная задача Церкви — ведение народа ко спасению, а ради этой задачи национальный принцип является более подходящим. Указание 34-го апостольского правила на епископов «всякого народа» протоиерей считал тому подтверждением³⁵⁶.

Допустимость национального принципа церковного устройства отстаивал и протоиерей Михаил Помазанский, подчеркивавший, что Церковь — это «люди, а не территория». Пастырь обращал внимание на то, что Константинополь не передает свою рассеянную греческую паству другим Поместным Церквам, а руководит ею сама. Естественно, что такие же права имеют и другие Церкви, в данном случае Церковь Русская. А Западноевропейский экзархат, по мнению протоиерея, нарушил 34-е апостольское правило, предав епископа своего народа и подчинившись епископу народа чуждого³⁵⁷.

Серьезный аргумент высказала и «Православная Русь». В редакционной статье говорилось, что территориальный принцип нарушается прежде всего самим русским Западноевропейским экзархатом, ведь параллельно с ним существует еще и греческий экзархат³⁵⁸. Действительно, для русского экзархата в Западной Европе, если он столь ревностно придерживается территориального принципа, было бы логично перейти в подчинение митрополита Фиатирского в качестве отдельных приходов, а не создавать параллельную грекам структуру. Наконец, добавим к этому, что назначение Константинополем своих архиереев в Северную Америку, хотя там уже были структуры Московского Патриархата, также говорит не в пользу Фанара.

Сторонники Вселенского Патриарха настаивали и на том, что он имеет право на все территории за пределами границ Поместных Церквей, то есть на инославные и нехристианские страны. Митрополит Владимир (Тихоницкий), ссылаясь на некие фантастические «древние каноны», говорил о праве Константи-

³⁵⁵ См.: *Граббе Г., прот.* Каноническое основание Русской Зарубежной Церкви // Церковная жизнь. 1949. № 10–12. С. 38, 39. В Западноевропейском экзархате такое понимание этого канона отвергали (см., напр.: *Шмеман А., свящ.* Спор о Церкви // Церковный вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата. 1950. № 2 (23). С. 10–11).

³⁵⁶ См.: *Граббе Г., прот.* Каноническое основание Русской Зарубежной Церкви // Церковная жизнь. 1949. № 10–11–12. С. 38, 39.

³⁵⁷ Там же. С. 26, 32.

³⁵⁸ По поводу Епархиального Собрания Константинопольского Экзархата в Париже // Православная Русь. 1949. № 21. С. 14.

нополя на территорию Западной Европы³⁵⁹. Правда, архипастырь был честен и выражал готовность подчиниться митрополиту Анастасию (Грибановскому) при условии, что тот, в свою очередь войдет в юрисдикцию Вселенского Престола³⁶⁰.

И все же никаких «древних канонов», прямо подтверждающих первенство Константинопольской кафедры, не существовало. Даже И. Мейендорф был вынужден констатировать, что первенство Вселенского Престола определяется не точными юридическими категориями, а базируется на «вековом предании»³⁶¹.

Но в РПЦЗ отвергали и наличие «векового предания». Например, Российская Церковь, первая принесшая в Америку православие, открывала там приходы и епархии, не спрашивая разрешения у Константинопольского Патриарха и не поминая его на службах. Со своей стороны Константинополь никогда не возражал против таких действий Российской Церкви³⁶².

Естественно, что митрополит Анастасий отказался от предложений митрополита Владимира, ссылаясь на то, что претензии Константинопольской Патриархии ни на чем не основаны. А ее преступные действия в 1920-е гг. лишили ее и морального права выступать судьей какой-либо другой Церкви. Наконец, подчинение грекам, по мнению главы РПЦЗ, оторвало бы русских изгнанников от Русской Церкви, что для эмиграции неприемлемо³⁶³.

Скептически относились в РПЦЗ и к периодически рождавшимся проектам создания автономной Западноевропейской Церкви в рамках Вселенского Патриархата. И дело было даже не в том, что такой проект был плох сам по себе, а в том, что за ним скрывалось все то же стремление Константинополя ликвидировать Русскую Зарубежную Церковь.

Создание Западноевропейской Церкви канонисты из РПЦЗ находили возможным, но несвоевременным. Во-первых, распространение православия в Европе шло очень медленно. Тормозом в деле распространения истинной веры считали экуменическое движение, декларирующее возможность спасения вне Православной Церкви. Во-вторых, приходы РПЦЗ находятся на территориях, которые к константинопольской юрисдикции не имеют ни малейшего отноше-

³⁵⁹ Владимир (Тихоницкий), митр. Письмо митр. Анастасию (Грибановскому) 20.08.1949 // Архив АС. Д. 53/38 («Евлогияне»). К. 1. Текст письма см.: Кострюков. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг. С. 432–434.

³⁶⁰ См.: Особое заявление Высокопреосвященного Митрополита Владимира // Церковный вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата. 1949. № 21. С. 20, 21. См. также: Владимир (Тихоницкий), митр. Письмо митр. Анастасию (Грибановскому) 20.08.1949 // Архив АС. Дело 53/38 («Евлогияне»). К. 1.; Кострюков. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг. С. 432–434.

³⁶¹ Мейендорф. Константинополь и Москва. С. 8.

³⁶² См.: Граббе Г., прот. Каноническое основание Русской Зарубежной Церкви. С. 43.

³⁶³ Анастасий (Грибановский), митр. Письмо митр. Владимиру (Тихоницкому) 2.11.1949 // Архив АС. Дело 53/38 («Евлогияне»). К. 1. Текст письма см.: Кострюков. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг. С. 434–443.

ния. В-третьих, Поместные Церкви создаются органически, снизу, а «не за столом изобретателя». В Европе есть приходы разных Церквей. А потому создавать единую структуру нужно соборно всем этим Церквам, а не единолично, как это делает Константинополь. Так можно создать лишь общественную организацию. В довершение ко всему попытка Западноевропейского экзархата стать зародышем новой Церкви провалилась³⁶⁴.

Но и у Фанара были претензии к РПЦЗ. Вселенский Престол, например, выражал недовольство ее деятельностью в Южной Америке и Австралии, обвиняя Зарубежный Синод в посягательствах на свои права³⁶⁵. И все же вплоть до середины 1960-х гг. эти противоречия серьезно не влияли на взаимоотношения Константинопольской и Русской Зарубежной Церквей. Служения между клириками были явлением довольно распространенным. Когда о таких служениях узнавали в Москве, это приводило к протестам, но серьезно на положение дел не влияло.

В 1948 г. Вселенский Патриарх Максим по состоянию здоровья ушел на покой, хотя, как убеждали себя члены Совета по делам РПЦ, увольнение было связано с его просоветской позицией. «Советскость» Патриарха видели в незначительных частных случаях, не позволявших делать общие выводы. Так, в Москве вспоминали, что владыка Максим однажды воспользовался машиной советского консула, а на Пасху 1946 г. советский и греческий представители, восстанавливая древний обычай, сопровождали Патриарха Максима до дверей храма. Речи о советофильстве Святейшего, конечно, были самообманом — о советской идеологии он отзывался вполне определенно: «Некоторые называют меня коммунистом. Может ли им быть настоящий священник? Это значит отрицать Бога!»³⁶⁶

Будучи сторонником особых прав Вселенского Престола, Патриарх Максим свои позиции отстаивал довольно ревностно, всячески препятствуя распространению юрисдикции Московской Патриархии. Одним из примеров была чехословацкая история. В марте 1946 г. Собор Сербской Церкви согласился временно передать православную паству в Чехословакии Московской Патриархии, которая назначила туда митрополита Елевферия (Воронцова). Однако у Константинополя здесь был свой архиерей — архиепископ Савватий (Врабец), действовавший в Чехословакии с 1920-х гг. параллельно с архиереем Сербской Церкви священномучеником Гораздом (Павликом). В 1948 г. архиепископ Савватий попросил Вселенскую Патриархию отпустить его в юрисдикцию Москвы, но получил отказ. 24 августа 1948 г. Фанар заявил, что православная архиепископия в Чехословакии «издревле находится в каноническом

³⁶⁴ См.: По поводу Епархиального Собрания Константинопольского Экзархата в Париже // Православная Русь. 1949. № 21. С. 14.

³⁶⁵ *Помазанский М., прот.* Наше церковное правосознание // Церковная жизнь. 1950. № 1–2. С. 31.

³⁶⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 981. Л. 252, 263.

ведении Вселенского Престола»³⁶⁷. В данном случае имелась в виду моравская миссия святых Кирилла и Мефодия (IX в.), хотя еще в древности Константинополь потерял контроль над этой территорией и заново возобновляла православие в Чехословакии именно Сербская Церковь. Тем более что главный апологет константинопольских притязаний священник Александр Шмеман вообще считал, что Моравия относилась к юрисдикции Римской Церкви и равноапостольные братья, прибыв сюда, перешли из ведения Константинополя в подчинение Рима³⁶⁸.

Выше говорилось и о категорическом отпоре, который дала Вселенская Патриархия попыткам созвать Всеправославный Собор через его голову.

Генеральный консул Греции в Стамбуле М. Мелас писал, что Патриарха Максима никоим образом нельзя считать сторонником Москвы, и слухи о «советофильстве» Патриарха стали распространяться советской пропагандой после обнаружения у него признаков психического расстройства. Зная, что Святейшего Максима рано или поздно отправят на покой, коммунисты объявили его своим большим другом и стали распространять слух, что за эту дружбу Патриарха преследуют «реакционные силы». «Можно полагать, — писал Мелас, — что коммунистическая пропаганда готовилась представить его, после его ухода на покой, как незаконно отстраненного от исполнения обязанностей, а его преемника — как избранного под давлением»³⁶⁹.

То, что уход на покой Патриарха Максима является делом ближайшего времени, понимали и на Западе, задачей которого было поставить на этот пост своего человека. Поиск нового Патриарха проходил при участии Государственного департамента США. Реализация проекта была поручена официальному представителю президента США в Ватикане М. Тэйлору. Имелась и соответствующая кандидатура — архиепископ Северной и Южной Америки Афинагор (Спиру)³⁷⁰. Однако победу американскому ставленнику никто не гарантировал — несмотря на поддержку претендента греческими и турецкими властями, иерархи Константинопольской Церкви особых симпатий к нему не испытывали. Поэтому выборы было решено задержать, а за это время подготовить почву и застраховать выдвиженца от неприятных неожиданностей. Эта «подготовка» в скором времени превратилась в прямое давление на Фанар — от архиереев в ультимативной форме потребовали избрать Патриархом именно Афинагора. Одновременно оказывалось давление и на Патриарха Максима с целью заста-

³⁶⁷ Хроника церковной жизни // Церковный вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата. 1948. № 15. С. 25.

³⁶⁸ Шмеман А., свящ. Спор о Церкви. С. 11–12.

³⁶⁹ Мелас М. Политический курс Вселенского Патриархата (меморандум). Документ представлен свящ. П. Ермиловым.

³⁷⁰ См.: Ермилов П. Вхождение Константинопольского патриархата в русло внешней политики США в первые годы «холодной войны» // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 3 (36). С. 220, 223.

вить его уйти на покой. 18 октября 1948 г. Святейший Максим подписал отречение, а уже 1 ноября Афинагор занял его место³⁷¹.

Отношения с этим Патриархом у Зарубежного Синода поначалу сложились достаточно теплые, тем более что взгляды на коммунистическую систему у Вселенского Престола и РПЦЗ совпадали. Пасхальные и рождественские поздравления Патриарха Афинагора публиковались в «Церковной жизни» постоянно вплоть до 1965 г. Случаи сослужения с Константинопольской Церковью также были распространены. Вселенский Престол вместе с Англиканской Церковью выступал как организатор единства русского православия. В начале 1950-х гг. по инициативе англикан было создано «Содружество православных священников в Англии». В работе организации участвовали все ветви русского зарубежного православия, кроме представителей Московской Патриархии и явно раскольничьей «Украинской автокефальной церкви». Каждый год члены «Содружества» совершали литургию, которую возглавлял обычно митрополит Фиатирский Афинагор (Кавадас). Делегаты Русской Зарубежной Церкви всегда участвовали и в мероприятиях «Содружества», и в богослужениях³⁷².

Наблюдатель Константинопольского Патриархата при Всемирном совете церквей (ВСЦ) епископ Иаков (Кукузис) сослужил с епископом Женевским Леонтием (Бартошевичем). «Мы считаем, что люди эти совершенно искренни и что их церковь канонична. Пока у них есть апостольское преемство, мы только можем выжидать дальнейшие события, свидетельствуя им свою дружбу», — отзывался о РПЦЗ епископ Иаков³⁷³. Представители Константинопольской Церкви кулуарно не раз заявляли, что евхаристического общения с РПЦЗ никогда не разрывали и надеются на ее примирение с Московским Патриархатом³⁷⁴. Случаи контактов, а порой и сослужений между представителями Константинополя и РПЦЗ фиксировались в прессе. Среди таких случаев нужно назвать посещение епископом Елайским Афинагором митрополита Анастасия, совместную социальную деятельность Австралийского архиепископа Константинопольского Патриархата Иезекииля (Цукаласа) с местной епархией РПЦЗ³⁷⁵. Еще один случай — освящение храма архангела Рафаила в г. Сан-Рафаэль во Франции. В чине освящения и литургии приняли участие епископ Сильвестр (Харунс), епископ Мефодий (Кульман) (Западноевропейский экзархат), епископ Антоний (Бартошевич) (РПЦЗ), а также клирики Константинопольского Патриархата, Сербской Церкви, РПЦЗ и Западноев-

³⁷¹ См.: *Ермилов*. Указ. соч. С. 225–226.

³⁷² *Родзянко В., прот.* Краткая докладная записка о заграничных расколах // Архив ОВЦС. Дело «Русская Зарубежная Церковь». Папка «1955». Л. 19.

³⁷³ *Николай (Еремин), архиеп.* Письмо митр. Николаю (Ярушевичу) 8.06.1955 // Там же. Л. 15–16.

³⁷⁴ *Родзянко В., прот.* Краткая докладная записка о заграничных расколах // Там же. Л. 18.

³⁷⁵ На приеме у Высокопреосвященного митрополита Анастасия // Церковная жизнь. 1960. № 3–4. С. 57; Определения Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей // Церковная жизнь. 1963. № 1–12. С. 2.

ропейского экзархата³⁷⁶. В мае 1965 г. архиепископ Иаков (Кукузис) совершил панихиду по митрополиту Анастасию в Знаменском соборе РПЦЗ. Представители Вселенской Патриархии молились и на отпевании митрополита Анастасия 25 мая³⁷⁷.

При этом в некоторых вопросах Фанар по-прежнему не уступал. Касалось это, в частности, иностранного присутствия на Афоне. Если для грека поступление на Святую Гору было делом простым, то иностранцам нужно было получить разрешение Вселенской Патриархии и Министерства иностранных дел, а также согласия Священного Кинота. Любая из этих инстанций могла остановить процесс принятия стремящегося на Святую Гору не грека. «К чему все эти ограничения? — возмущался настоятель Пантелеимонова монастыря архимандрит Илиан (Сорокин). — Может, дело в том, что заинтересованные народы находятся под ярмом коммунистического режима, и их правительство совершенно не интересуется религией, Церковью и Афоном? Значит, эта слабость наших братьев по Православию стала поводом того, чтобы Святая Гора утратила общеправославный статус и свою славу? Может, тогда нужно, чтобы и ее святые монастыри превратились в еще одни Метеоры³⁷⁸ и представляли бы исключительно туристический интерес? Печально, что Священный Кинот становится соучастником в деле достижения этой разрушительной цели»³⁷⁹.

Доступ русских монахов в афонский Свято-Пантелеимонов монастырь (Руссик) был по-прежнему ограничен. Но несмотря на сокращение численности братии за счет естественной убыли, в предвоенные годы число монахов в Пантелеимоновом монастыре и скитах все еще исчислялось сотнями. Даже в середине 1940-х гг. в обители находилось около 200 монахов, хотя средний возраст их и превышал 70 лет. Многолюдными были и русские скиты — в Андреевском было около тридцати насельников, в Ильинском — и того больше³⁸⁰. Фанару приходилось ждать, когда уйдут в мир иной последние русские старцы.

Лишенный паломников и поддержки, монастырь приходил в упадок. Здания разрушались, монахи голодали. В предвоенные годы братия получала небольшую помощь от греческого правительства, которое выплачивало деньги за монастырские метохии вне Афона, занятые для греков-беженцев из Турции. Но военные потрясения и падение греческой драхмы положили конец и этому ис-

³⁷⁶ См.: На опасном распутье // Церковная жизнь. 1961. № 11–12. С. 188.

³⁷⁷ См.: Болезнь, кончина и погребение Блаженнейшего Митрополита Анастасия // Церковная жизнь. 1965. № 1–6. С. 22–25.

³⁷⁸ Монастырский комплекс в Греции.

³⁷⁹ Архиепископ Василий (Кривошеин). Переписка с Афоном. Письма и документы. М.: Брюссель, 2012. С. 149, 150.

³⁸⁰ Элладская Церковь и Афон // Церковный вестник. 1946. № 3. С. 15. Ср.: Старец Софроний. Ученик преподобного Силуана Афонского / Авт.-сост. Л. А. Ильюнина. СПб., 2011. С. 29.

точнику дохода³⁸¹. Невелики были и добровольные пожертвования — русские эмигранты оказать заметную помощь обители не могли. Некоторые иерархи, как, например, архиепископ Серафим (Соболев) в Болгарии, совершали денежные сборы на нужды монастыря, но это позволяло братии разве что не умереть с голоду³⁸².

Монахи были вынуждены продавать лес и некоторые ценности. Чтобы спасти положение, часть братии обратилась за помощью к советскому посольству в Афинах, и секретарь посольства в июле 1946 г. даже посетил русскую обитель. Однако это только ухудшило положение. Визит советского чиновника был воспринят с негодованием и греческими монахами, и большинством русских насельников. Причина понятна — в Греции рвались к власти коммунисты, и Советский Союз считался разжигателем гражданской войны³⁸³.

В совокупности все это способствовало дальнейшему сокращению числа русских монахов. Сильным ударом по Руссику стал запрет на распространение изданных им книг. Продажа литературы серьезно помогала насельникам, но теперь и этот источник дохода иссяк. Вместе с тем Патриарх Афинагор в начале 1950-х гг. предложил русской братии и своеобразную «помощь». Указывая на уменьшение числа монахов, Фанар предложил им передать свои подворья в Стамбуле в ведение Константинопольской Патриархии. Это вызвало протесты, но бороться со столь сильным противником у монахов не было сил³⁸⁴.

Количество иноков уменьшалось, что осознавал и Московский Патриархат. 12 мая 1957 г. Патриарх Алексей I направил Патриарху Афинагору письмо, в котором просил принять в состав братии Пантелеимонова монастыря десять русских монахов. Патриарх Афинагор оповестил об этой просьбе Государственный департамент США, сообщив, что планирует дать ответ в отрицательном ключе, «разве что по мнению США и свободного мира не будет найдено каких-либо оснований для того, чтобы эти инициативы были поддержаны». Ответ из Вашингтона последовал сразу же. Госсекретарь Джон Ф. Даллес писал в Стамбул: «Предложенная линия, обозначенная Патриархом, которой он намерен придерживаться в ответах Алексею, представляется благоразумной <...> Положительный ответ на просьбу о разрешении направить группу монахов в русский монастырь на горе Афон лишь усложнит положение греческого правительства, которое ответственно за охранение и выдачу разрешения на въезд на территорию горы Афон»³⁸⁵.

³⁸¹ См.: Элладская Церковь и Афон. С. 15.

³⁸² См.: *Пантелеимон (Старицкий), архим.* Воспоминательное слово в первую годовщину после кончины архиепископа Серафима (Соболева) // Жизнь, чудеса и заветы архиепископа Серафима (Соболева). София, 2001. С. 30.

³⁸³ См.: Элладская Церковь и Афон. С. 15–16.

³⁸⁴ См.: К положению русских афонских монастырей // Церковная жизнь. 1951. № 5–6. С. 62.

³⁸⁵ *Ермилов П.* Вхождение Константинопольского патриархата в русло внешней политики США... С. 230.

24 января 1964 г. настоятель Ильинского скита на Афоне сообщал в Архиерейский Синод РПЦЗ, что в скиту осталось только шесть больных стариков старше 80 лет. Единственное, что мог сделать Синод, — рекомендовать монахам из других скитов переселиться в Ильинский скит³⁸⁶.

Уменьшение влияния Зарубежного Синода по сравнению с московской церковной властью привело к тому, что РПЦЗ в послевоенные годы уже не могла защищать русское присутствие на Афоне. Выход у горстки насельников оставался один — обратиться в Москву.

В тот момент у Московской Патриархии была возможность помочь — в годы хрущевских гонений Русская Церковь потеряла около 40 монастырей, и иноков, изгоняемых из поруганных обителей, было множество. Патриарх Алексий был готов прислать на Афон более 40 монахов, однако проблема по-прежнему была в позиции Фанара. В феврале 1964 г. монахи Пантелеимонова монастыря просили Патриарха Афинагора спасти монастырь от вымирания и разрешить допуск монахов из России, но Константинопольская Патриархия оставалась глуха к просьбам. В марте 1965 г. афонский иеродиакон Давид (Цубер) писал архиепископу Василию (Кривошеину): «Относительно прибытия братии с родины, о чем так много было шума в свое время (прошлый год), абсолютно до сих пор ничего не известно. Знаем только то, что здесь будут приняты все возможные меры, чтобы этого не допустить». В середине 1960-х гг. число насельников в обители сократилось до 30 человек³⁸⁷.

Уступив настойчивости Московской Патриархии, Патриарх Афинагор в 1966 г. все же согласился допустить в русский монастырь 19 монахов из России, однако многоступенчатая пропускная система не допустила даже столь мизерного числа новых насельников. Греческое министерство иностранных дел сократило это число до 13, а Кинот — до пяти.

В июле 1966 г. в Русрик прибыли четверо монахов из Псково-Печерского монастыря, в 1969 г. — двое монахов из Троице-Сергиевой лавры. Однако это мало помогло обители — старые монахи уходили один за другим, а новые были явно отобраны в КГБ, старавшемся максимально опорочить Церковь. Вскоре эти люди стали создавать монастырю проблемы, и через год одного из них пришлось изгнать со Святой Горы как человека невменяемого. Однако выгонять остальных нерадивых иноков было неудобно — монастырю были нужны любые рабочие руки. Приходилось терпеть и ждать нового, более благочестивого пополнения.

В конце 1971 г. русских на Афоне было 32 человека. К тому времени закрылся Андреевский скит, где находился всего один монах — полупарализованный отец Сампсон. После его смерти в 1972 г. скит не действовал, а в 1992 г.

³⁸⁶ См.: Определения Архиерейского Синода РПЦЗ // Церковная жизнь. 1964. № 1–6. С. 20.

³⁸⁷ См.: Архиепископ Василий (Кривошеин). Переписка с Афоном. Письма и документы. С. 116, 117, 123.

был заселен греками. «Жутко смотреть, — писал отец Давид, — на развалины русских когда-то цветущих обителей, скитов и келий <...>. Ватопед, как господствующий монастырь, не постеснялся обобрать все храмы, ризницу, книги и прочее и увезти в свой монастырь Ватопед. Деньги от метоха, от аренды за школу — все забирает Ватопед. В Ильинском скиту еще живы отец Николай и отец Иоанн, но и те уже при отходе <...> Из русских келий существует еще Крестовская и Архангельская (архимандрит Евгений), на Крестовской еще 2 человека, а Евгений один. Белозерка занята греками, а остальные все если не совсем, то полуразвалены. Пустынников русских есть еще на Карули 2 и на Капсале 2. Нас в монастыре всего 24 человека (из них 5 молодых), и если бы мы не обратились за помощью к Московской Патриархии, то наша судьба приближалась к тому же исходу». Приехавших в Ильинский скит из Америки монахов греки умышленно не регистрировали, желая дождаться смерти стариков. Впоследствии Ильинский скит также был заселен греками. В 1972 г. в Пантелеимоновом монастыре было уже 18 человек, из них два грека, один болгарин и один серб, в 1974 г. — 12 человек³⁸⁸. Некоторого улучшения своего положения обитель дождалась лишь во второй половине 1970-х гг., когда число братии более или менее регулярно стало пополняться за счет иноков из России.

Для Русской Зарубежной Церкви поведение Фанара в афонских делах было не единственной причиной для недоверия. В 1950-е гг. в РПЦЗ поднимался вопрос о прекращении общения с Константинопольской Патриархией и другими Поместными Церквями. Основанием для подобного рода предложений был факт общения этих Поместных Церквей с Московской Патриархией. Однако митрополит Анастасий и большинство иерархов отклонили такие предложения³⁸⁹. В помощи Фанара РПЦЗ в те годы все-таки нуждалась — и нуждалась хотя бы для того, чтобы, как и в 1920-е гг., иметь возможность говорить правду о творящихся на родине беззакониях. К сожалению, московская церковная власть взять на себя такую роль не могла.

Прекращение дружеских отношений с Фанаром обозначилось при митрополите Филарете (Вознесенском), который возглавил РПЦЗ в 1964 г. В годы его правления Русская Зарубежная Церковь сделала ряд шагов, принципиально отдаливших ее от других Поместных Церквей. Среди таких деяний нужно в первую очередь назвать помощь старостильным группировкам, анафематствование экуменизма и т.д.

Хотя при митрополите Филарете официального разрыва отношений с Поместными Церквями не произошло, фактически общение с ними стало сводиться к минимуму. На Архиерейском Соборе 1964 г., избравшем митрополита Филарета, прозвучал доклад архиепископа Аверкия (Таушева), в котором дей-

³⁸⁸ См.: Архиепископ Василий (Кривошеин). Переписка с Афоном. Письма и документы. С. 149–150, 217–218, 227, 244.

³⁸⁹ Родзянко В., *прот.* Краткая докладная записка о заграничных расколах // Архив ОВЦС. Дело «Русская Зарубежная Церковь». Папка «1955». Л. 20.

ствия Фанара подверглись самой резкой критике. Особенно жестко порицался в докладе Патриарх Афинагор, чьи действия автор доклада считал изменой православию³⁹⁰.

Экуменизм Константинопольской Патриархии стал одной из главных причин ухудшения отношений. Сама РПЦЗ допускала контакты с инославными, в 1920–50-е гг. они были явлением обычным, хотя за рамки канонов не выходили. Как правило, это были богословские собеседования или социальные контакты. При этом РПЦЗ на протяжении длительного времени получала материальную помощь от Всемирного совета церквей³⁹¹. Однако позиция Фанара по экуменическому вопросу заходила слишком далеко.

В 1960 г. Патриарх Афинагор в своем пасхальном послании заявил, что Церковь ныне разделена, как риза Христа. Такое представление о Церкви конечно же противоречило православной экклесиологии³⁹². Константинопольскому Патриарху вторил и архиепископ Иаков (Кукузис), считавший, что единство христиан является более важным, чем догматическое учение Церкви, а совместная жизнь и молитва не должны ограничиваться «стенами», определяемыми «расовыми или религиозными предрассудками»³⁹³.

Возмущались в РПЦЗ и участием Фанара и Московской Патриархии в работе Всемирного совета церквей, идеей которого стало единство на почве конфессионального равнодушия. Восторг по поводу грядущего объединения с инославными стал проскальзывать и в речах православных членов ВСЦ.

Все это не могло не привести к противлению. Авторитетный архипастырь Русской Зарубежной Церкви архиепископ Аверкий (Таушев) прямо и громко обвинял в печальном положении мирового православия Вселенского Патриарха Афинагора. «Время от времени, — говорил архиепископ Аверкий, — в прессе появляются его высказывания — такого рода, которые заставляют нас просто ужасаться — настолько далеки они от истинного Православия и кажутся просто невозможными в устах Первоиерерха Православной Церкви»³⁹⁴.

Но наибольшее возмущение вызвало в РПЦЗ взаимное снятие Римским Папой Павлом VI и Патриархом Афинагором анафем 1054 г. Этот акт состоялся 7 декабря 1965 г., а уже 15 декабря глава РПЦЗ митрополит Филарет обратился к Патриарху Афинагору с протестом. Митрополит отмечал, что отменять ана-

³⁹⁰ См.: Православие истинное и «православие» фальшивое. С. 11.

³⁹¹ Мстислав (Волонсевич), архим. Докладная записка архиепископу Борису (Вику). 1954 // Архив ОВЦС. Дело «Русская Зарубежная Церковь». Папка «1954». Л. 9, 17; Письмо Патр. Пимену от «Группы почитателей» 17.11.1973 // Архив ОВЦС. Дело «Русская Зарубежная Церковь». Папка «1973». Л. 46.

³⁹² Слова, вызывающие у верных большое смущение и требующие более точных выражений // Церковная жизнь. 1960. № 3–4. С. 57–58.

³⁹³ Б. М. О единой и единственной спасающей Церкви Христовой // Церковная жизнь. 1961. № 5–7. С. 99–101; Заявления Архиепископа Иакова // Церковная жизнь. 1962. № 1–6. С. 40.

³⁹⁴ Православие истинное и «православие» фальшивое. С. 11–12.

фему Патриарха Михаила Керуллария (1054), подтвержденную всем православным миром, было невозможно без согласия всех Поместных Церквей. В Зарубежной Церкви отмечали, что проблема взаимоотношений между православным Востоком и Римской Церковью связана не с личным конфликтом первоиерархов, а с многочисленными уклонениями от православия со стороны Рима, которых к XX в. накопилась масса. Снятие анафем было бы понятно в середине XI в., но в середине XX в. оно становилось не проявлением любви, а пренебрежением православным учением, отвергшим новые римо-католические ереси. По словам главы РПЦЗ, объединение с Римской Церковью невозможно до тех пор, пока Рим не откажется от своих догматов. Сближение же с римо-католиками приведет лишь к соблазнам и разделениям среди православных³⁹⁵. Подобное обращение митрополит адресовал и главам Восточных Церквей³⁹⁶.

Но Патриарх Афинагор продолжал давать все новые и новые поводы к обвинениям. В своем открытом письме архиепископу Иакову митрополит Филарет приводил высказывания Патриарха Афинагора, делавшие невозможным дальнейшее общение с ним. Так, в 1967 г. при посещении Рима он призвал вернуться к «твердой почве, на которой была основана неразделенная Церковь», а в рождественском послании восхищался движением народов к единой чаше, не заботясь о разнице в догматах. Здесь же говорилось о необходимости внесения в диптихи Римского Папы и «всех исповеданий Востока и Запада»³⁹⁷. Следующий повод для нареканий в свой адрес Патриарх Афинагор дал в 1968 г., когда призвал к созыву Великого Собора с целью «обновления Церкви и установления единства всех Христианских Церквей»³⁹⁸.

Взятый Патриархом курс стал основанием для нового послания митрополита Филарета. Глава РПЦЗ фактически обвинил Патриарха, что вместо узкого пути спасения он предлагает широкий путь объединения с теми, кто попирает истину и исповедует ересь. Митрополит предостерегал, что подобный путь уже привел к кризису римо-католиков. Был у митрополита Филарета еще один повод к недовольству — приглашение к участию во Всеправославном Соборе представителей Московской Патриархии. Некогда, в 1920–30-е гг., Зарубежная Церковь выступала против такого Собора, опасаясь, что Русскую Церковь на нем будут представлять обновленцы. Теперь, в 1968 г., РПЦЗ возмущалась тем, что на Соборе Русскую Церковь будет представлять Московская Патриар-

³⁹⁵ См.: Послание Председателя Архиерейского Синода // Церковная жизнь. 1965. № 7–12. С. 40–43.

³⁹⁶ См.: Определения Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей // Церковная жизнь. 1965. № 7–12. С. 46.

³⁹⁷ *Филарет, митр.* Открытое письмо его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Иакову, Греческому Архиепископу Северной и Южной Америки // Церковная жизнь. 1968–1969. С. 48, 49.

³⁹⁸ *Филарет, митр.* Его Святейшеству, Святейшему Афинагору I, Архиепископу Константинопольскому и Патриарху Вселенскому // Там же. С. 24.

хия. Действительно, ее иерархи в 1960-е гг., как правило, серьезно отличались от довоенных архипастырей, практически полностью уничтоженных в 1937–38 гг. К концу 1960-х гг. Московская Патриархия была представлена в основном людьми, чье выдвижение контролировалось КГБ³⁹⁹. Митрополит Филарет был убежден, что новые представители московской иерархии, действующие с оглядкой на коммунистическое государство, не смогут отстоять интересы Русской Церкви⁴⁰⁰. Наоборот, голос архиереев Московской Патриархии на таком Соборе будет голосом не епископов Церкви, а голосом поработивших их безбожников⁴⁰¹.

В 1969 г. митрополит обратился с посланием и к представителю Константинопольской Патриархии в Америке архиепископу Иакову. Митрополит Филарет обращал внимание на его участие в экуменических молебнах, а также на его заявления, подразумевавшие, что Православие не обладает полнотой истины. Досталось в послании и Патриарху Афинагору, чьи экуменические реверансы становились все более скандальными. «Считаем долгом решительно протестовать против искажения учения о Церкви, — писал митрополит Филарет, — которое так настойчиво заявляется Святейшим Патриархом Афинагором <...> Вы соединяетесь с инославными не в истине, а в пренебрежении к ней»⁴⁰².

В своем «Скорбном послании», изданном в том же году, митрополит Филарет обвинил константинопольских иерархов, что они продали церковное первородство «за чечевичную похлебку рукоплесканий внешнего мира»⁴⁰³.

Параллельно Русская Зарубежная Церковь налаживала отношения со старостильными группами. Как уже говорилось выше, несмотря на несогласие с новым календарем, в 1920–30-е гг. РПЦЗ в особых случаях разрешала служить по новому календарю своим клирикам. Разрешалось и сослужение с представителями новостильных Церквей. Но постепенно такой взгляд уступал место более радикальному. На Архиерейском Соборе 1964 г. архиепископ Аверкий назвал греческих и иных старостильников «наиболее стойкими в вере людьми»⁴⁰⁴. Неудивительно, что Русская Зарубежная Церковь к тому времени считала возможным совершать архиерейские хиротонии для старостильных групп. В 1960–1962 гг. иерархи РПЦЗ Серафим (Иванов), Феофил (Ионеску) и Леонтий (Филиппович) восстановили иерархию одной из старостильных греческих вет-

³⁹⁹ Подробнее см.: *Кострюков*. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг.; Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. С. 258, 284.

⁴⁰⁰ См.: *Филарет, митр.* Его Святейшеству, Святейшему Афинагору I, Архиепископу Константинопольскому и Патриарху Вселенскому. С. 28.

⁴⁰¹ Послание Третьего Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви Заграницей преосвященным епископам Православной Церкви // Церковная жизнь. 1974. № 7–12. С. 21.

⁴⁰² *Филарет, митр.* Открытое письмо его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Иакову, Греческому Архиепископу Северной и Южной Америки // Церковная жизнь. 1968–1969. С. 47–49.

⁴⁰³ *Филарет, митр.* Скорбное послание // Там же. С. 51.

⁴⁰⁴ Православие истинное и «православие» фальшивое. С. 10.

вей — так называемым флоринитам. В 1971 г. РПЦЗ совершила хиротесию (фактически хиротонию) над архиереями другой ветви старостильного движения — так называемых матфеевцев, чье апостольское преемство было сомнительным⁴⁰⁵.

Закономерно, что отношения Русской Зарубежной Церкви с Поместными Церквами фактически прекратились. До конца 1960-х гг. в адрес Архиерейского Синода поступали поздравления от некоторых первоиерархов, но постепенно иссякли и они. Во всяком случае периодика РПЦЗ о них больше не упоминала. На страницах изданий Зарубежной Церкви больше не появлялось сведений о сослужении с представителями каких-либо Церквей. Это неудивительно. Постепенно в РПЦЗ сформировалась большая группа влиятельных архиереев и священников, склонных обвинять в ереси не только Московскую Патриархию, но и Поместные Церкви. Это касалось даже Сербской Церкви, глава которой, Патриарх Герман (Джорич), поддерживал РПЦЗ и в частных разговорах заявлял, что не признает новых прещений Московской Патриархии в ее адрес⁴⁰⁶. По свидетельству митрополита Филарета, некоторые представители РПЦЗ, например архиепископ Аверкий (Таушев) и архимандрит Константин (Зайцев), ставили «полный знак равенства между Патриархией советскою и Патриархией Сербскою»⁴⁰⁷. Протоиерей В. Родзянко в июле 1971 г. не исключал, что РПЦЗ в скором времени разорвет общение с Сербской Церковью⁴⁰⁸. Хотя этого не произошло, раздражать группу радикалов руководство РПЦЗ все же не хотело. Поэтому хотя случаи сослужения РПЦЗ с представителями Поместных Церквей имели место, это теперь не афишировалось. Русская Зарубежная Церковь постепенно замыкалась в себе и, что особенно прискорбно, не чувствовала ущерба от своей обособленности. С тех пор с положительной стороны действия Патриарха Афинагора она оценила еще один раз — в связи с его отказом признать автокефалию Американской Церкви, дарованную ей Московской Патриархией в 1970 г.

Такая оценка действий Вселенского Престола была напрямую связана с тем, что отношения с Североамериканской митрополией (Православной Церковью в Америке) у РПЦЗ были натянутые⁴⁰⁹. Напомним, что Московская Патриархия, даруя автокефалию Церкви в Америке, опиралась на тот факт, что изначально православие было принесено сюда Русской Церковью. Но Зарубежная Церковь в той ситуации фактически выступила на стороне Константинополя и даже высказала сомнение, что Америка — миссионерская

⁴⁰⁵ См.: *Слесарев*. Старостильный раскол в истории Православной Церкви (1924–2008). С. 134–138, 153–155.

⁴⁰⁶ *Родзянко В., прот.* Письмо митр. Антонию (Блуму) 18.07.1971. С. 4 // Архив ОВЦС. Дело «Русская Зарубежная Церковь». Папка «1971». Л. 6/№.

⁴⁰⁷ *Филарет (Вознесенский), митр.* Письмо прот. В. Родзянко 1.09.1971 // Там же. Л. 4.

⁴⁰⁸ *Родзянко В., прот.* Письмо митр. Антонию (Блуму) 18.07.1971. С. 4. // Там же. Л. 6/№.

⁴⁰⁹ См.: Вторая Грамата Патриарха Афинагора // Церковная жизнь. 1970. № 10–12. С. 71–73.

территория одной лишь Русской Церкви. В определении Архиерейского Синода РПЦЗ от 31 декабря 1969 г. говорилось, что если даже епископ Тихон (будущий Патриарх), находясь в Америке, и мечтал об автокефальной Церкви, то теперь ситуация на континенте совсем иная: «В Америке тогда не было Церквей, организованных в епархии разных национальностей». Тем самым Зарубежный Синод фактически признал законность создания на американском континенте епархий других Поместных Церквей, и прежде всего Церкви Константинопольской. Далее, Зарубежный Синод высказал сомнение, что идею американской автокефалии одобрял Патриарх Тихон — ведь, став Патриархом, он дал благословение на создание в Северной Америке отдельной сербской епархии. И вообще, по мнению Синода, православное благочестие в Америке держится вовсе не одними заслугами русских миссионеров, но и благодаря действиям других Поместных Церквей⁴¹⁰. Такие заявления РПЦЗ были, безусловно, на руку Фанару.

Имели место слухи, что митрополит Филарет, довольный позицией Константинополя по Северной Америке, постарается снова наладить связь с Фанаром. «За последнее время, — рапортовал митрополиту Никодиму (Ротову) протоиерей М. Стаднюк, — карловчане ищут контактов и сотрудничества с Греческой Архиепископией, зная ее неудовольствие в связи с дарованием автокефалии Американской митрополии»⁴¹¹.

Однако это представляется маловероятным — все-таки крайности экуменической деятельности Константинопольской Патриархии значительно перевешивали такие его деяния, как несогласие с американской автокефалией. Тем более что преемник Патриарха Афинагора Патриарх Димитрий также позволял себе сомнительные высказывания.

Третий Всезарубежный Собор, состоявшийся в 1974 г., допустил несколько резких выпадов в адрес Константинополя. В частности, Патриарх Димитрий был обвинен в сближении с Ватиканом, признании Римского Папы «Вселенским епископом», а следовательно, в предательстве православного учения о Церкви. Кроме того, в словах Патриарха Димитрия РПЦЗ усмотрела стремление Фанара к переходу на западную пасхалию. «Явное и несомненное отступление от Православия более чем горестно, — говорилось в послании. — Оно ляжет ответственностью на всю Константинопольскую иерархию, если она поддержит его даже молчанием, а не отвергнет его. Св. Григорий Богослов говорит, что бывают в церковной жизни моменты, когда молчанием предается Истина — Бог»⁴¹².

⁴¹⁰ См.: Определение Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей // Церковная жизнь. 1970. № 1–4. С. 9–10.

⁴¹¹ Стаднюк М., прот. Рапорт Председателю ОВЦС митрополиту Никодиму 11.10.1971 // Архив ОВЦС. Дело «Русская Зарубежная Церковь». Папка «1971». Л. 18.

⁴¹² Послание Третьего Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви Заграницей преосвященным епископам Православной Церкви // Церковная жизнь. 1974. № 7–12.

Свой авторитет Фанар потерял. С точки зрения РПЦЗ связь с ним обещала не блага, а скорби. В Обращении Третьего Всезарубежного Собора к русскому Западноевропейскому экзархату говорилось: «Вы официально пользуетесь признанием всего православного мира через патриарха Константинополя, но по той же причине зависите от непредвиденных и нежелательных, может быть, актов и решений этой патриархии. Мы после последней войны не пользуемся официальным признанием всего православного мира, но по этой же причине мы совершенно свободны. Вы предпочитаете первое, мы — второе»⁴¹³.

Постепенно Вселенский Престол и Зарубежный Синод все больше удалялись друг от друга. Одной из последних капель в чаше этого затяжного конфликта стало столкновение в афонском Ильинском скиту, тяготевшем к РПЦЗ. Жившие в скиту монахи (четыре монаха и настоятель архимандрит Серафим) вопреки афонской традиции перестали почитать Константинопольского Патриарха. В ответ последовали строгие меры. 20 мая 1992 г. делегация Вселенского Престола в сопровождении полиции посетила Ильинский скит с целью выяснения вопроса о поминовении Патриарха Варфоломея. Узнав, что Патриарха в скиту действительно не поминают, делегация потребовала от братии покинуть монастырь⁴¹⁴. Монахи были изгнаны не только из скита, но и с самой горы Афон. Братия попыталась решить вопрос через Европейский суд по правам человека, однако тот отказался принять это дело к рассмотрению⁴¹⁵. Естественно, что опустевший Ильинский скит был занят греческой общиной.

Отношения Русской Зарубежной Церкви и Константинополя фактически угасли.

* * *

История XX в. показала, как решительно поменялось отношение большинства русской эмиграции к Константинопольской Церкви. Уважение, надежды на поддержку, которые были присущи церковному управлению Юга России и русским беженцам в начале 1920-х гг., постепенно уступили место недоверию и даже пренебрежению. Единодушные с Вселенским Престолом, поначалу проявляемое Русской Зарубежной Церковью, всего через несколько

С. 20–21.

⁴¹³ Обращение к архипастырям, пастырям и мирянам Русской Архиепископии Экзархата Константинопольского Патриархата в Западной Европе // Там же. С. 36.

⁴¹⁴ Определения Расширенного Заседания Архиерейского Синода РПЦЗ // Церковная жизнь. 1992. № 3–4. С. 9.

⁴¹⁵ Определения Архиерейского Синода РПЦЗ // Церковная жизнь. 1997. № 5–6. С. 6.

лет сменилось холодностью, отчужденностью, а иногда и прямым противодействием.

Можно ли винить в этом Русскую Зарубежную Церковь? Пожалуй, нет. Уважение к статусу Константинопольской Церкви со стороны РПЦЗ присутствовало до последнего момента. Даже скандальный «Всеправославный конгресс» и переход на новый календарь не заставили Зарубежную Церковь выступить против Константинопольского Патриарха. Чтобы растерять доверие русской эмиграции, Фанару пришлось постараться — перейти к политике заискивания перед коммунистической властью, фактически признать обновленческий раскол, начать интриги против Патриарха Тихона и русских архиереев-беженцев. Не улучшили отношения с Русской Зарубежной Церковью и претензии Константинополя на диаспору. Все это не могло не оттолкнуть от Вселенского Престола большинство русского рассеяния. Зарубежная Церковь не только потеряла своего союзника в противодействии гонителям, но и приобрела в лице Фанара соперника. Именно Зарубежной Церкви приходилось теперь отстаивать права Русской Церкви на отделившихся от Российской империи территориях. Со стороны Зарубежной Церкви шли протесты и против попыток Вселенского Престола созвать модернистский «Собор» с участием представителей красного обновленчества.

Неудивительно, что Константинополь так и не смог подчинить себе Русскую Зарубежную Церковь. К тому же последняя считала себя частью Всероссийской Церкви, лишь временно разделенной с ней. Не особо успешными были действия Фанара в отношении Североамериканской митрополии. Ее попытки создать автокефалию в 1920-е гг. Константинополю удалось пресечь, но о включении ее в свою юрисдикцию не могло быть и речи. Когда же Фанар начал претендовать на создание своей собственной единой Церкви в Америке, Московский Патриархат стал ускоренными темпами решать вопрос американской автокефалии, быстро забыв прежние разногласия со вчерашним «расколом». Московская Патриархия, таким образом, опередила Константинополь, предоставив Православной Церкви в Америке автокефалию.

Удача сопутствовала Фанару лишь среди части русской эмиграции — в Западноевропейском экзархате. Этот успех был обусловлен рядом факторов — подверженностью митрополита Евлогия влиянию своего окружения, неосторожными шагами Зарубежного Синода, наконец, действиями советских спецслужб. Так или иначе, но действия руководства Западноевропейского экзархата поспособствовали росту претензий Константинополя на диаспору. В дальнейшей полемике между русским Западноевропейским экзархатом и РПЦЗ отстаивались разные взгляды на устройство Церквей — национальный и территориальный, причем экзархат отстаивал именно последний принцип.

Отношения Зарубежной Церкви с Константинополем впоследствии улучшились и нельзя не благодарить Вселенских Патриархов за поддержку, кото-

рую они оказывали Зарубежной Церкви в ее противостоянии с коммунистическим государством. И все же к положению начала XX в. отношения уже не вернулись, а выходящие за рамки канонов экуменические действия представителей Фанара и его сближение с Римом окончательно ухудшили положение.

К сожалению, остается констатировать, что Фанар своими претензиями на всемирную юрисдикцию, крайним экуменизмом, пренебрежением к канонам и сопутствующими интригами на самом деле не столько приобрел, сколько потерял. Ведь фактическая утрата приобретенного веками статуса флагмана Православия стала следствием именно такой политики.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Августин (Петерсон), митрополит — 312
Аверкий (Кедров), архиепископ — 194, 195
Аверкий (Таушев), архиепископ — 264, 353, 354, 357
Авраам, праотец — 340
Агафангел (Преображенский), митрополит, священноисповедник — 25–28
Агеев Димитрий, священник — 259
Агранов Я. С. — 298
Александр, король Греции — 251
Александр, король Сербии — 307
Александр Заозерский, протоиерей, священномученик — 288
Александр (Иноземцев), епископ — 262, 341
Александр (Немоловский), архиепископ — 39, 51, 67, 256, 258, 259, 269, 276–280, 302, 318, 321, 322
Александр (Паулус), епископ — 264
Александр III (Тахан), Патриарх Антиохийский — 233, 235, 236, 238, 244
Александрова-Чукова Л. К. — 57
Алексеев В. А. — 17
Алексеев Н., корреспондент газеты «Возрождение» — 302
Алексей Михайлович, царь — 52
Алексий (Палицын), архиепископ — 242
Алексий (Ридигер) II, Патриарх Московский — 325
Алексий (Симанский), митрополит, Патриарх Московский — 222, 243, 313, 315, 317–322, 324, 325, 331, 337, 342, 351, 352
Альбинский Иоанн, протоиерей, лжеепископ — 31
Амвросий, греческий архимандрит — 105
Амвросий Медиоланский, святитель — 283
Амвросий (Хелая), Католикос-Патриарх Грузинский — 153, 157, 158
Аметистов Т. А. — 281, 300, 310
Анастасий (Грибановский), архиепископ, митрополит — 20, 50, 51, 67, 144, 147, 250, 251, 253, 254, 256–258, 268, 269, 273, 275–278, 280, 281, 284, 299, 309, 322, 341, 343, 346, 349, 350, 353

- Анатолий, иерусалимский архимандрит — 144
Антоний, антиохийский архимандрит — 126, 145
Антоний (Бартошевич), епископ, архиепископ — 349
Антоний (Блум), митрополит — 357
Антоний (Панкеев), епископ, священномученик — 123
Антоний (Романовский), епископ, архиепископ — 154, 239, 240, 242, 243
Антоний (Храповицкий), митрополит — 3, 19, 21–23, 49, 50, 55, 56, 59, 64, 69, 75, 98, 124, 130, 131, 144, 147, 168, 169, 203, 245, 246, 250, 253, 255, 256, 258, 259, 261, 264, 265, 267, 273, 274, 282, 284, 285, 292–297, 299, 301, 303, 304, 306–310, 329
Антонин (Грановский), епископ, лжемитрополит — 25–27, 30, 38, 41, 43, 45, 46, 54, 63, 133, 150, 266 — 268
Аполлинарий (Кошевой), епископ, архиепископ — 297, 302, 329
Арсений (Стадницкий), митрополит — 221
Афинагор (Кавадас), митрополит Фиатирский — 349
Афинагор (Спиру), архиепископ, Патриарх Константинопольский — 7, 226, 245, 324, 325, 333, 348, 349, 351, 352, 354–357
Афинагор, епископ Елайский — 349
Байков Б. — 286
Башмаков А. — 302
Балашев Н. А. — 44, 47
Беглов А. Л. — 8
Безпалов Н. А. — 31, 32
Белков Евгений, священник, лжеепископ — 26, 27
Белоликов В. З. — 78, 106
Белоногова Ю. И. — 146
Белугин Геннадий, протоиерей — 113
Боговут-Коломийцев — 302
Богословский Я. — 278, 284
Богородицкий Николай, протоиерей — 148
Борис (Вик), архиепископ — 354
Борис (Рукин), епископ, лжемитрополит — 197
Бочков Павел, иерей — 330
Брусилов А. А. — 264
Бувевский А. С. — 11, 59, 125
Булгаков М. А. — 225
Бурег В. В. — 302
Варвара (Яковлева), инокиня, преподобномученица — 147
Вардосанидзе С. — 239
Варнава (Росич), Патриарх Сербский — 212, 213, 297, 303, 306, 307, 309
Варфоломей (Архондонис), Патриарх Константинопольский — 359
Варфоломей (Ремов), архиепископ — 298
Василий Великий, святитель — 27, 150, 283

- Василий III (Георгиадис), митрополит Никейский, Патриарх Константинопольский — 5, 68, 82, 109–115, 118–123, 125, 127–131, 133–135, 138, 139, 141, 146, 151, 162, 163, 169–173, 175, 179–184, 186, 188, 189, 193, 196–198, 202, 236, 295, 301, 329
- Василий (Димопуло), иеромонах, архимандрит — 12, 13, 35–37, 60–67, 70, 72, 74, 78–89, 92–97, 102, 104–107, 109–113, 115–118, 121–124, 127–133, 138–141, 145, 150–152, 163–165, 169–171, 173–181, 183–192, 195, 196, 199–202, 205, 208–215, 217–231, 292, 294, 303
- Василий (Кривошеин), архиепископ — 259, 350, 352, 353
- Василий (Ратмиров), епископ — 291
- Василий (Родзянко), епископ — 349, 353, 357
- Васильев Михаил, протоиерей — 284
- Васильева О. Ю. — 244, 298, 324
- Введенский Александр Петрович, лжеархиепископ — 91
- Введенский Александр Иванович, протоиерей, лжемитрополит, лжепатриарх — 24, 26–29, 45, 46, 78, 90, 91, 95, 115, 118–120, 130, 134, 155, 162, 166, 172, 177, 190, 193, 197, 200, 213, 221, 224, 230, 234–236, 241, 242, 289, 296
- Венгер А. — 222
- Вениамин (Казанский), митрополит, священномученик — 25, 27–29, 31, 288
- Вениамин (Муратовский), архиепископ, лжемитрополит — 60, 78, 82, 84, 85, 88, 90, 106, 109–111, 118, 123, 124, 133, 134, 138–141, 146, 147, 151, 159, 160, 163, 164, 168, 171, 172, 175, 178, 182, 184, 188, 189, 193, 197, 201, 202, 221, 311
- Вениамин (Псомас), Патриарх Константинопольский — 232, 233, 235–238, 244, 310–312, 339
- Вениамин (Федченков), епископ, архиепископ, митрополит — 207, 255, 257, 265, 287, 302, 334, 341
- Венизелос Э. — 19, 271
- Верховской С. С. — 319, 323, 337
- Виктория Федоровна, великая княгиня — 302
- Вискузо П. — 269
- Виталий (Введенский), епископ, лжемитрополит — 159, 161, 202, 215, 221, 223, 227, 229, 234, 311
- Владимир, князь, святой равноапостольный — 41
- Владимир (Богоявленский), митрополит, священномученик — 16
- Владимир (Тихоницкий), архиепископ, митрополит — 261, 262, 302, 315, 317–323, 345, 346
- Войков П. Л. — 301
- Войтченко К. — 313, 320
- Воробьев Владимир, протоиерей — 2, 3, 8, 124, 216
- Воробьев Иерофей, иерей — 279
- Врангель П. Н. — 250, 254, 255
- Гавриил (де Вельдер), архиепископ — 325
- Гавриил (Чепур), епископ, архиепископ — 250, 258, 299
- Галкин А. К. — 220
- Галкин (Горев) М. В., бывший священник — 33, 34, 38
- Галутва Г. В. — 213
- Галушко Антоний, диакон — 290

- Гедеон (Святополк-Четвертинский), митрополит — 97
Геннадий, епископ Скопелосский — 51, 52
Георгий (Вагнер), архиепископ — 325
Георгий (Тарасов), архиепископ — 324, 325
Георгий (Ярошевский), архиепископ, митрополит — 261, 262
Герд Л. А. — 12, 15
Герман (Аав), протоиерей, епископ — 263, 299
Герман (Джорич), Патриарх Сербский — 357
Герман (Стринопулос), митрополит Фиатирский — 46, 68, 231, 244, 295, 302, 312, 322, 323
Герман V (Кавакопулос), Патриарх Константинопольский — 5, 11, 14–19, 152, 252
Герман, митрополит Сардский — 68
Гермоген (Максимов), епископ, архиепископ — 259
Гидулянов П. В. — 16, 35
Гитлер А. — 313, 322
Глуховцева, корреспондент газеты «Новое время» — 288
Горазд (Павлик), епископ, священномученик — 264, 347
Граббе Георгий, протоиерей — см. Григорий (Граббе), епископ
Григорий Богослов, святитель — 221, 344, 358
Григорий (Граббе), епископ — 310, 338, 339, 345
Григорий IV (Хаддад), Патриарх Антиохийский — 21, 49, 75, 98, 124–126, 144, 145, 149, 151, 152, 168, 169, 252, 266, 270, 292, 301
Григорий VII (Зервудакис), Патриарх Константинопольский — 5, 11, 59–70, 73–84, 92, 94, 109, 138, 139, 193, 236, 244, 274, 275, 276, 278–284, 285, 294
Григорий (Чуков), митрополит — 56, 57
Григорий (Яцковский), архиепископ, лжемитрополит — 127, 128, 164
Громовенко Даниил, лжемитрополит — 184
Громогласов Илия, священник — см. Илия Громогласов, протоиерей, священномученик
Губонин М. Е. — 16, 26, 125, 172, 179, 197, 225, 262, 269
Гуревич А. Л. — 325
Гюрсель Кемаль — 324
Давид (Щубер), иеродиакон — 352
Даллес Д. — 351
Дамаскин (Орловский), иеромонах — 60, 181
Дамаскин (Щедрик), епископ, священномученик — 74, 75
Дамиан (Говоров), епископ, архиепископ — 257
Дамиан (Касатос), Патриарх Иерусалимский — 19–21, 98, 142–148, 162, 163, 167, 168, 181, 182, 189, 202, 215, 236, 270, 273, 293
Данилов Петр, лжеепископ — 154
Демидов И. П. — 281
Деникин А. И. — 250
Дерибас Т. Д. — 101
Дикарев Борис, лжепротоиерей — 30, 243

- Димитрий (Абашидзе), архиепископ — 250, 253
Димитрий (Вознесенский), епископ — 309
Димитрий (Павлович), Патриарх Сербский — 69, 98, 256, 279, 284, 293, 297, 301
Дионисий (Валединский), епископ, архиепископ, митрополит — 33, 261, 262, 300, 338–340
Дионисий IV (Серогланиц), Патриарх Константинопольский — 97, 358
Дионисий (Сосновский), епископ — 250
Добров Сергей, лжеархидиакон — 78, 95
Добронравов Георгий, лжеепископ, лжеархиепископ — 78
Добрянский Алексей, протоиерей — 290
Донахью Фотий, протоиерей — 335
Дорофеев Р. — 242
Дорофей (Маммелис), митрополит, Местоблюститель Вселенского Престола — 19, 20, 253, 254, 255
Досифей (Иванченко), архимандрит, епископ — 291
Драшусова М. Е. — 319
Дросси А. И. — 194, 195
Дэвидсон Рэндалл, архиепископ Кентерберийский — 73
Д'Эрбиньи Мишель, римо-католический епископ — 265, 284, 285
Дюбнер А. — 265, 285
Евгений (Жуков), схиархимандрит — 259, 353
Евгений (Кобранов), епископ — 149, 150
Евдоким (Мешерский), архиепископ, лжемитрополит — 5, 28, 44, 47, 53, 55, 56, 62–65, 68, 72–74, 77, 78, 82, 84, 85, 90, 204, 276, 285, 286, 288, 293
Евлогий (Георгиевский), архиепископ, митрополит — 20, 21, 73, 74, 125, 197, 203, 204, 208, 212, 217, 249, 251, 254, 256, 259, 264, 279, 281–283, 285, 289, 290, 294, 295, 298–311, 313–321, 328, 360
Евфимий (Офейш), архиепископ — 329, 330
Елевферий (Богоявленский), архиепископ, митрополит — 182, 206, 207, 212, 213, 215, 219, 232, 261, 297, 303, 306, 311
Елевферий (Воронцов), митрополит — 347
Елисавета Федоровна, великая княгиня, преподобномученица — 147
Енукидзе А. С. — 87, 132
Ермилов Павел, диакон, священник — 3, 8, 17, 21, 32, 33, 42, 50, 71, 81, 153, 245, 256, 260, 277, 279, 348, 351
Жук Георгий, лжеархиепископ — 227
Жук Иосиф, протоиерей, «епископ» «Американской Православной Католической Церкви» — 330
Журавский А. В. — 28
Замбрицкий Константин, протоиерей — 314
Зандер Л. А. — 321
Заозерский Александр — см. Александр Заозерский, священномученик
Зарин С. М. — 58, 139, 140, 191–193, 229

- Заславский В. Б. — 242
Зеньковский Василий, протоиерей — 316, 321
Зими́на Н. П. — 8, 54
Зиновий (Дроздов), архиепископ — 100
Зиновьев (Радомысльский) Г. Е. — 280
Зосима (Валяев), архимандрит — 320, 322
Зутис В. — 328
Зюземиль Игорь, протоиерей — см. Ириной (Зюземиль), митрополит
Иаков, Апостол — 144
Иаков, праотец — 340
Иаков (Димопуло), архимандрит — 12–14, 18, 34–43, 45–48, 52–54, 59–61, 72, 81, 117, 137
Иаков (Кукузис), архиепископ — 333, 350, 354–356
Иванов С. Н. — 26
Иванова Е. В. — 25
Игнатий (Николс), «епископ» «Американской Православной Католической Церкви» — 330
Иезекииль (Цукалас), архиепископ — 349
Иларион (Васдекас), архимандрит — 224
Иларион (Огиенко), епископ — 340
Иларион (Троицкий), архиепископ, священномученик — 273
Илиан (Сорокин), архимандрит — 350
Илиодор (Труфанов), иеромонах — см. Труфанов С.
Илия Громогласов, протоиерей, священномученик — 25
Ильюнина Л. А. — 259, 350
Иннокентий (Пустынский), архиепископ, лжемитрополит — 136
Иннокентий (Фигуровский), архиепископ, митрополит — 253, 257, 286, 296
Иоаким (Савелов), Патриарх Московский — 97
Иоаким III (Деведзис), Патриарх Константинопольский — 12
Иоанн, монах, насельник Ильинского скита на Афоне — 353
Иоанн, грузинский митрополит — 155
Иоанн (Булин), епископ — 259
Иоанн (Вендланд), митрополит — 334, 335
Иоанн Златоуст, святитель — 283, 294, 344
Иоанн Кочуров, протоиерей, священномученик — 16
Иоанн (Леончуков), архимандрит, епископ — 281, 309, 315, 317, 321
Иоанн (Поммер), архиепископ, священномученик — 21, 22, 73, 144, 204, 289, 311, 312
Иоанн Попов, мученик — 101, 102
Иона, митрополит Московский, святитель — 344
Иосиф (Петровых), митрополит — 145, 232
Иосиф (Ясковский), лжеепископ — 181, 183
Ириной (Бекиш), митрополит — 328, 331, 332
Ириной (Зюземиль), митрополит — 291

- Исаак, праотец — 340
Иуда Искарот — 280
Каганович Л. М. — 230
Казимирович Р. — 342
Калаидзис Х., диакон — см. Хризостом (Калаидзис), митрополит
Калинин М. И. — 24–26, 77, 80, 81, 132, 169, 178
Калиновский Сергей, священник, снял сан — 25, 26
Каллиник (Деликанис), митрополит Кизический — 33, 82, 110, 111, 204, 256, 277
Каллиник (Хараламбакис), архидиакон — 231
Каллистрат (Цинцадзе), Католикос-Патриарх Грузинский — 234, 235, 239–244
Калустов Л. — 318
Карахан Л. М. — 34
Карпов Г. Г. — 243, 244, 341
Карташев А. В. — 281, 316, 321
Катаев А. М. — 243
Кашеваров А. Н. — 17
Кедровский (Кедров) Николай, лжепротоиерей, лжеепископ — 226
Кедровский Иоанн, лжемитрополит — 190, 226, 286, 290
Келин Н. — 318
Кемаль М. — 284, 305
Керзон Дж. — 42, 49, 275
Киприан (Керн), архимандрит — 258, 299, 303, 316, 321
Киреев Сергей, лжеархиепископ — 227
Кирик (Максимов), схиархимандрит — 124
Кирилл, святой равноапостольный — 348
Кирилл (Смирнов), митрополит, священномученик — 28, 232
Кирилл Владимирович, великий князь — 120, 289
Киселев А. Ф. — 305
Ковалева И. И. — 3, 8
Ковалевский Е. П. — 281, 313–315, 319
Коверда Б. С. — 301
Кожин Василий, лжемитрополит — 243
Колемин Ю. А. — 308
Коломийцев В. — 280
Константин (Дьяков), епископ, митрополит, священномученик — 291
Константин (Зайцев), архимандрит — 357
Константин VI (Арапоглу), Патриарх Константинопольский — 5, 84–86, 89, 90, 92–95, 97, 98, 109, 193, 236, 294
Константин Великий, император, святой равноапостольный — 86
Копытов Алексей, лжеархиепископ — 92
Корнилий (Попов), епископ, лжеархиепископ — 95

- Косик В. И. — 3, 307
Косик О. В. — 8, 75, 125, 166, 168, 176, 195, 196, 199
Костанда Е. А. — 273
Кострюков А. А. — 3–5, 7, 67, 205, 222, 267, 272, 290, 291, 299, 330, 332, 342, 345, 346, 356
Красиков П. А. — 17
Красницкий Владимир, священник, лжепротопресвитер — 24, 26, 27, 29, 32–34, 38, 41–43, 45, 46, 53
Краснов-Левитин А. — см. Левитин А. Э.
Красноумов А., диакон — 290
Красотин Павел, лжепротоиерей, лжепротопресвитер — 78, 108
Кречетович Иосиф, лжеархиепископ — 118
Кривова Н. А. — 49
Кривошеева Н. А. — 8, 24
Крупенский А. Н. — 305, 306
Кудрявцев И. И. — 244
Кузнецов А. И. — 224–226, 231, 234, 235
Кузьмина-Караваева А. А. — 318
Курляндский И. А. — 199, 213, 214
Кутепов А. П. — 321
Лавринов Валерий, протоиерей — 159, 226, 243, 289 — 291
Лазарева Н. Ю. — 21, 328
Левитин А. Э. — 27, 28, 30, 224, 225, 268
Ленин В. И. — 23, 61
Леонид, епископ — 60
Леонид (Окропиридзе), Католикос-Патриарх Грузинский — 152, 154
Леонид (Скобеев), епископ, лжеархиепископ — 31, 32
Леонов С. В. — 16
Леонтий (Бартошевич), епископ — 349
Леонтий (Матусевич), епископ — 194, 195
Леонтий (Туркевич), митрополит — 331
Леонтий (Филиппович), епископ — 356
Лесков Н. С. — 338
Липковский Василь, лжемитрополит — 20
Литвинов М. М. — 231
Лобанов В. В. — 57
Лозовой Иоанн, священник, лжепротоиерей, лжепротопресвитер — 153–156, 159, 241–243
Лоллий (Юрьевский), епископ, лжеархиепископ — 94
Ломако Григорий, протопресвитер — 303, 316
Лосский В. Н. — 341
Лукарас Э. — 18, 19
Луначарский А. В. — 213

- Лыкова Л. А. — 244
Любимов Николай, протопресвитер — 26
Ляшевский Стефан, протоиерей — 222, 334
Маевский В. А. — 336
Мазырин Александр, священник — 3–5, 7, 9, 26, 30, 150, 166, 168, 216
Македоний, ереснарх — 273
Максим V (Вапордис), Константинопольский Патриарх — 316, 322, 323, 343, 347, 349
Максим (Пелов), митрополит Пловдивский — 181
Манассия, иудейский царь — 340
Марк (Липа), епископ — 333
Марченко Алексей, протоиерей — 148
Материкин М. — 285
Матешвили Леван, протоиерей — 152
Матюшин Сергей, священник — 223
Махароблидзе Е. И. — 131, 254, 272, 273, 274, 281, 289, 294, 295
Махно Н. И. — 114
Мейендорф Иоанн, протоиерей — 333, 337, 344, 346
Мелас М. — 348
Мелетий IV (Метаксакис), архиепископ Афинский, Патриарх Константинопольский, Патриарх Александрийский — 5, 11, 19–23, 32–34, 38, 39, 42, 44, 46–51, 57–59, 93, 137, 139, 145, 148, 149, 173, 187, 202, 211, 215, 236, 258–274, 283, 294, 301, 302, 328
Мельникова И. Е. — 154, 156, 159, 161
Менжинский В. Р. — 93
Мерсье, кардинал — 299
Мефодий, святой равноапостольный — 348
Мефодий (Герасимов), архиепископ, митрополит — 290, 296, 308
Мефодий (Кульман), епископ — 324, 349
Милякова Л. Б. — 8, 20
Митрофан (Симашкевич), архиепископ — 250
Митрофан (Шкурин), игумен — 287
Михаил Керулларий, Патриарх Константинопольский — 355
Михаил (Постников), лжеархиепископ — 178, 291
Михаил (Урошевич), архимандрит — 13
Молотов (Скрябин) В. М. — 24, 199, 230
Мстислав (Волонсевич), архимандрит — 354
Мухтар-бей — 42, 43, 61
Назаров М. В. — 249
Нафанаил (Львов), епископ, архиепископ — 279, 344
Невё Пий, католический епископ — 221, 222
Нестеров М. В. — 132, 186, 187, 200
Несторий, архиепископ Константинопольский, ереснарх — 273

- Нивьер А. — 279, 287
Никандр (Феноменов), архиепископ — 24
Никаноров И. В. — 281, 300, 305
Никодим (Мунтяну), епископ, Патриарх Румынский — 13
Никодим (Ротов), митрополит — 331–337, 358
Николай II, император, страстотерпец — 117
Николай Николаевич, великий князь — 120
Николай, митрополит Кесарийский, Местоблюститель Вселенского Престола — 19, 21, 257
Николай, монах, насельник Ильинского скита на Афоне — 353
Николай (Велимирович), епископ Охридский, святитель — 203
Николай (Еремин), иеромонах, архиепископ — 321, 349
Николай (Саккопулос), митрополит Кесарийский — 54
Николай (Ярушевич), митрополит — 313–315
Никон, Патриарх Московский — 52, 245, 246, 294
Никон (Греве) архимандрит, епископ — 317, 321
Никон (Рклицкий), епископ, архиепископ — 255, 256, 265, 282, 299, 301, 304, 329
Нумеров Н. Д. — 27
Одинцов М. И. — 243
Орлеанский Н. П. — 132, 140, 187, 200
Осоргин Николай, протоиерей — 325
Офейш П. А. — 330
Павел, ересиарх — 273
Павел VI, Папа Римский — 354
Павел (Борисовский), архиепископ — 168
Павел (Катаподис), архимандрит — 38, 39, 53, 64, 78, 88, 89, 91, 94, 96, 97, 102, 118, 139, 151
Паисий, иеромонах — 106, 107
Палладий (Вьдубида-Руденко), епископ — 339
Пантелеимон (Рожновский), архиепископ, митрополит — 261
Пантелеимон (Старицкий), архимандрит — 351
Пануриас И. — 185, 186, 190, 192, 230, 231
Панченко К. А. — 98
Пападопулос (Попандопуло) Иоанн, священник — 223, 224, 226–231
Папаиоанну Х. — 44, 45, 68, 167, 186, 205
Парийский Л. Н. — 290, 334
Петлюра С. В. — 20
Петр, Апостол — 111
Петр, Патриарх, ересиарх — 273
Петр (Полянский), митрополит, священномученик — 76, 100–102, 107, 111–114, 119, 120, 124–127, 147, 150, 154, 166, 171, 172, 216, 217, 221, 232, 289, 296, 300, 303
Петр I, император — 18
Петров С. Г. — 23, 78

- Пимен (Пегов), архиепископ, лжемитрополит — 121, 122, 124, 129, 144, 145, 173, 174, 181, 183, 184, 188, 196, 290, 291
- Пирр, Патриарх Константинопольский, ересиарх — 273
- Питирим (Крылов), архиепископ — 222
- Платон (Рождественский), митрополит — 249, 286—289, 327—329
- Покровский Н. Н. — 23, 78
- Поликарп, валаамский иеромонах — 285
- Поликарп, епископ Неокесарийский — 257
- Поликарп (Сикорский), епископ, лжемитрополит — 235, 236, 341
- Полихрониадис С. — 227
- Полозков — 187, 200, 201
- Польский Михаил, протоиерей — 273
- Полянский, адвокат — 280
- Помазанский Михаил, протоиерей — 345, 347
- Попов И. В. — см. Иоанн Попов, мученик
- Попов Н. Н. — 57
- Порфирий (Гулевич), епископ, священномученик — 217
- Порфирий II (Логофетис), архиепископ Синайский — 139
- Псарев Андрей, диакон — 8
- Пьянов Ф. Т. — 341
- Рауф Гуссейн — 43
- Рафаил (Ававини), епископ, святитель — 327
- Родзянко В., протоиерей — см. Василий (Родзянко), епископ
- Рождественский Алексей, лжеепископ — 95
- Росс Н. Г. — 313
- Рыков А. И. — 77
- Савва (Шимкевич), архимандрит — 316, 320
- Савватий (Врабец), архиепископ — 264, 265, 340, 347
- Салтыков Александр, протоиерей — 2
- Сампсон, афонский монах — 352
- Сафонов Дмитрий, священник — 64, 102
- Сахаров Николай, протоиерей — 281, 317
- Светлов А. — 216
- Севастиан (Дабович), архимандрит — 327
- Серафим, архимандрит Ильинского скита на Афоне — 359
- Серафим (Александров), архиепископ, митрополит — 60, 76, 100, 175
- Серафим (Афанасьев), епископ — 54
- Серафим (Иванов), архимандрит, архиепископ — 339, 356
- Серафим (Кузнецов), игумен — 147, 148
- Серафим (Лукьянов), архиепископ, митрополит — 11, 263, 269, 272, 315, 317, 320—322
- Серафим (Ляде), епископ, архиепископ — 290—292, 338, 339

- Серафим (Мещеряков), архиепископ — 28
Серафим (Родионов), иеромонах — 314
Серафим (Руженцев), епископ, лжеархиепископ, лжемитрополит — 65, 78, 89, 90, 106, 118, 138, 156, 157, 221
Серафим (Самойлович), архиепископ, священномученик — 150, 232
Серафим (Соболев), епископ, архиепископ, святитель — 272, 286, 351
Сергеев Петр, лжеархиепископ, лжемитрополит — 118, 154–157, 160, 227
Сергий, Патриарх Константинопольский, ересиарх — 273
Сергий (Воскресенский), епископ, митрополит — 220
Сергий (Коновалов), архиепископ — 325, 326
Сергий (Корнеев), епископ, лжеархиепископ — 118
Сергий (Королев), епископ, архиепископ — 261, 264, 265, 285, 302, 317, 321
Сергий (Ларин), епископ — 234, 235
Сергий (Страгородский), митрополит, Патриарх Московский — 28, 29, 100, 126, 137, 138, 145, 146, 147, 149, 150, 160, 165–169, 171–176, 179, 182, 184, 187, 189, 192, 193, 197, 199, 201, 205–208, 211–222, 232, 233, 235–239, 241–243, 287, 295, 297, 301–306, 330
Сергий (Тихомиров), архиепископ — 286
Сергий (Шеин), архимандрит, священномученик — 288
Сидяков Ю. Л. — 22
Сила (Коккинакис), епископ — 333
Силуан (Антонов), Афонский, преподобный — 259, 350
Сильвестр (Харунс), епископ — 349
Симеон (Михайлов), епископ — 177
Симеон Богоприимец, святой — 340
Скобей Г. Н. — 201, 203
Скурат К. Е. — 184, 185, 252, 284, 331
Слесарев А. В. — 264, 357
Смарагд (Латышенков), архимандрит — 262
Смидович П. Г. — 78–81, 92, 116, 117, 165, 187, 191, 200, 205, 208–210, 213, 214
Соколов И. И. — 14, 15
Соколовский Сергей, протоиерей — 287
Соловей (Соловейчик) Николай, лжеархиепископ — 119, 120, 226, 287–290
Соловьев Илья, священник — 59, 287, 289, 315, 316
Сосков А. — 138
Софроний (Бишара), архимандрит, епископ — 330
Софроний (Несмеянов), иеромонах, преподобномученик — 175–181, 195
Софроний (Сахаров), схиархимандрит — 259, 350
Спасский Георгий, протоиерей — 281
Стадник С. Я. — 26
Стаднюк Матфей, протоиерей — 358
Сталин (Джугашвили) И. В. — 32, 63, 71, 147, 199, 213, 214, 230, 237, 241, 243, 244, 313, 318
Стефан (Шоков), митрополит, Экзарх Болгарский — 244, 341

- Стратонов И. А. — 204
Сусанопуло К. Х. — 81
Сысуев Петр, лжеархиепископ — 118
Тимофей (Фемелис), Патриарх Иерусалимский — 236, 237, 239
Тимофей (Шреттер), епископ — 340
Тинина З. П. — 257
Тит, епископ Тырговиштянский — 203
Титлинов Б. В. — 98, 99, 127
Титов Феодот, протоиерей — 295
Тихон (Беллавин), архиепископ, Патриарх Московский, святитель — 5, 6, 11, 14–28, 32–34, 38–40, 45–53, 55–60, 63, 64, 67–78, 80, 82, 85, 90, 93–96, 100–104, 107, 119, 120, 124, 127, 152, 154, 155, 168, 169, 171, 173, 192, 193, 195, 204, 212, 215, 216, 232, 250–254, 259, 262–264, 266–269, 271, 273, 275–277, 280, 284, 288, 289, 291, 293, 298, 299, 306, 311, 327, 328, 358, 360
Тихон (Ляшенко), епископ, архиепископ — 290
Тихон (Троицкий), архимандрит, архиепископ — 259, 261
Толстой Н. Д. — 318
Троицкий С. В. — 11, 59, 114, 249, 260, 270, 271, 272, 279, 281, 284
Троцкий (Бронштейн) Л. Д. — 23, 24, 33, 34, 38, 185, 280
Трубецкой Г. Н. — 281
Трубецкой Н. С. — 305
Труфанов С. М. — 286
Тучков Е. А. — 30, 55, 71, 101, 123, 167, 210, 243, 244, 287, 300
Тэйлор М. — 348
Уфимцев Иоанн, протоиерей, лжепротопресвитер — 143, 188, 189
Феодор (Поздеевский), архиепископ — 101, 273
Феодор Студит, преподобный — 267
Феодосий, афонский иеромонах — 307
Феодосий Великий, император, святой — 86
Феодосий (Лазор), архимандрит, епископ, митрополит — 333
Феодосий (Мельник), архимандрит — 297
Феоклит (Минопулос), архиепископ Афинский — 20
Феофан (Быстров), архиепископ — 257, 282
Феофан (Гаврилов), архиепископ — 341
Феофил (Булдовский), епископ, лжемирополит, глава «Лубенского» раскола — 291
Феофил (Ионеску), епископ — 356
Феофил (Пашковский), митрополит — 309, 330
Филарет (Вознесенский), митрополит — 353–358
Филипп (Колычев), митрополит Московский, святитель — 283
Фирсов С. Л. — 3
Фитопуло — 194
Фотиев Кирилл, протоиерей — 336

- Фотий (Пероглу), Патриарх Александрийский — 20, 21, 69, 118, 270, 284, 285, 293
- Фотий (Топиро), архиепископ — 316, 317, 321
- Фотий II (Маниатис), Патриарх Константинопольский — 5, 69, 123, 194–210, 212, 213, 215, 217, 219–221, 223, 226, 231, 232, 236, 302–306, 309, 310
- Франк Г. — 339
- Фрейд З. — 119
- Хризостом (Калаидзис), митрополит — 12–14, 18, 34, 36, 38, 48, 61, 69, 96, 110, 113, 117, 123, 133, 135, 139, 167, 185, 186, 191, 192, 199, 200, 220, 221, 223–227, 231
- Хризостом (Море-Морено), «епископ» «Американской Православной Католической Церкви» — 330
- Хризостом (Пападопулос), архиепископ Афинский — 49, 181, 279, 301
- Хрисанф (Филиппидис), митрополит Трапезундский — 152, 153, 166
- Христофор (Контогеоргиос), архиепископ — 226
- Христофор (Цицкишвили), митрополит, Католикос-Патриарх Грузинский — 153–155, 157–159, 160, 189, 202, 242
- Христофор II (Данилидис), Патриарх Александрийский — 233, 235–239, 244
- Цуриков Владимир, протоиерей — 8
- Чибисова А. А. — 81
- Чичерин Г. В. — 57, 93
- Чуков Николай, протоиерей — см. Григорий (Чуков), митрополит
- Шавельский Георгий, протопресвитер — 287
- Шавров В. М. — 27, 28, 224, 268
- Шевченко Т. И. — 263, 264
- Шидловский Н. И. — 281
- Шишкин Евгений, священник — 242
- Шкаровский М. В. — 13, 237
- Шмеман Александр, протоиерей — 331, 333, 336, 344, 345, 348
- Щелкачев Александр, священник — 2, 8
- Энеева Н. Т. — 260, 262
- Ювеналий (Машковский), епископ, лжемитрополит — 136
- Ювеналий (Поярков), митрополит — 331, 333
- Юстиниан Великий, император, святой — 86
- Ярославский Е. М. (Губельман М. И.) — 55, 65, 68, 69, 199

Научное издание

Священник Александр Мазырин,
Андрей Александрович Кострюков

**Из истории взаимоотношений Русской
и Константинопольской Церквей в XX веке**

*Серия «Материалы по новейшей истории
Русской Православной Церкви»*

Главный редактор
протоиерей Владимир Воробьев

Художественное оформление *Н. Е. Ильенко*
Корректор *Е. Б. Варфоломеева*
Верстка *Е. Л. Коган*

Подписано в печать 30.06.2017. Формат 70×100¹/₁₆
Бумага офсетная. Объем 23,5 п. л.
Тираж 500 экз. Заказ 3975

Издательство Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета
115184, Москва, Новокузнецкая ул., д. 23, корп. 5а
E-mail: izdat@pstgu.ru
pub.pstgu.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1